ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА—ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Издание второе

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1958

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

ТОМ

11

ПРЕДИСЛОВИЕ

В одиннадцатый том Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса входят статьи и корреспонденции, написанные с конца января 1855 по апрель 1856 года. Большинство этих работ было опубликовано в немецкой буржуазно-демократической «Neue Oder-Zeitung», сотрудником которой Маркс стал с конца декабря 1854 года. Одновременно Маркс продолжал посылать статьи в прогрессивную в то время американскую газету «New-York Daily Tribune». Отдельные произведения Маркса, как и в предыдущие годы, публиковались в чартистском органе «People's Paper», выходившем с мая 1852 г. под редакцией Э. Джонса.

В условиях политической реакции, при почти полном отсутствии рабочей и революционно-демократической печати Маркс и Энгельс считали необходимым использовать прогрессивные буржуазные газеты для общения с массами и воздействия на общественное мнение в интересах пролетариата, для борьбы против реакционных сил. Сотрудничество в «Neue Oder-Zeitung» давало Марксу возможность поддерживать более тесную связь с Германией, чему Маркс и Энгельс всегда придавали большое значение, освещать для немецких читателей важнейшие вопросы международной политики, экономического развития и политического положения капиталистических стран, прежде всего Англии и Франции, а также проблемы рабочего и буржуазно-демократического движения.

Так как работа для «Neue Oder-Zeitung» и «New-York Daily Tribune» грозила поглотить все время Маркса и оторвать его от исследований в области политической экономии, которым основоположники марксизма придавали первостепенное значение,

часть статей для «Tribune» была написана по просьбе Маркса Энгельсом. К их числу относятся главным образом военные обзоры, которые Маркс нередко посылал также в «Neue Oder-Zeitung», переводя их на немецкий язык. В отдельных случаях Маркс, учитывая специфические условия корреспондентской работы для Германии, передавал содержание военных статей Энгельса в собственном изложении или вносил в них некоторые изменения, сокращал их, а иногда и дополнял написанными им самим обзорами парламентских дебатов и международных событий. Такие статьи, являющиеся по существу результатом работы двух авторов, представляют собой один из примеров творческого сотрудничества основоположников марксизма.

Публицистическая работа Маркса и Энгельса, составлявшая важнейшую сторону революционной деятельности основоположников научного коммунизма в 50-х годах, была неразрывно связана с их теоретическими занятиями, с дальнейшей разработкой революционной теории пролетариата. Наряду с исследованиями в области политической экономии Маркс изучает в это время проблемы внешней политики и дипломатии европейских государств. Энгельс продолжает заниматься военными науками, в первую очередь историей военного искусства, изучает историю славянских народов, лингвистику. Результаты научных исследований Маркса и Энгельса частично находили отражение в их статьях и корреспонденциях. В то же время в процессе журналистской работы основоположники марксизма собирали новые фактические данные, которые затем использовали в своих научных трудах. Так, некоторые материалы о земельных отношениях в Ирландии, отчеты фабричных инспекторов, приведенные в статьях для «Neue Oder-Zeitung», были позднее использованы Марксом в «Капитале».

Революционная публицистика основоположников марксизма имела большое значение для международного рабочего и демократического движения 50-х годов. Несмотря на трудность революционной пропаганды на страницах выходившей в условиях прусской реакции «Neue Oder-Zeitung», несмотря на расхождения во многих вопросах с редакторами «New-York Daily Tribune», Марксу и Энгельсу все же удавалось проводить в своих публицистических выступлениях революционную пролетарскую линию. Они обличали реакционные порядки в странах Европы, вскрывали язвы капиталистического строя, подвергали бичующей критике реакционные теории, используемые господствующими классами для идеологической защиты этого строя. Маркс и Энгельс обосновывали в своих статьях тактику пролетариата в важнейших вопросах международной

и внутренней политики европейских государств. Применяя метод диалектического и исторического материализма к анализу текущих событий, они на конкретных примерах показывали действие открытых ими законов общественного развития, продолжали конкретизировать и развивать свое материалистическое учение об обществе, свою теорию классовой борьбы.

Из многочисленных проблем, освещенных в статьях данного тома, наибольшее внимание Маркс и Энгельс уделяли международным отношениям и Крымской войне, вступившей в этот период в завершающую стадию. Статьи на эти темы, входящие в данный том, являются по своему содержанию продолжением опубликованных в 9 и 10 томах Сочинений статей Маркса и Энгельса по восточному вопросу. Большое место в томе занимают статьи, характеризующие экономическое и внутриполитическое положение европейских стран, в первую очередь Англии, а также статьи, посвященные английскому рабочему движению.

К анализу всех этих проблем, к оценке исторических событий основоположники марксизма подходили как пролетарские революционеры, имея в виду прежде всего перспективу нового подъема буржуазно-демократического и пролетарского движений в Европе, в наступление которого они твердо верили. При определении тактической линии пролетариата в период Крымской войны они исходили, как указывал В. И. Ленин, из объективных условий эпохи 1789—1871 гг., характерной чертой которой являлась незавершенность борьбы между капитализмом и феодализмом. В большинстве стран Европы и после революции 1848—1849 гг. оставались нерешенными основные задачи буржуазной революции и на очереди стояло «свержение абсолютизма и феодализма, подрыв их, свержение чуженационального гнета» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 21, стр. 272).

В последовательно-революционном осуществлении буржуазно-демократических преобразований в Европе Маркс и Энгельс видели необходимое условие для победоносной пролетарской революции, Их тактика в этот период, определявшаяся теми же основными задачами, которые стояли перед пролетарскими революционерами и во время революции 1848—1849 гг., была в основе своей продолжением — в новых формах, соответствующих изменившейся исторической обстановке, — революционной тактики «Neue Rheinische Zeitung» в 1848—1849 годах.

В статьях «Кризис в Англии», «Ближайшие перспективы во Франции и Англии» и других Маркс и Энгельс ориентировали рабочий класс и представителей революционной демократии на

использование международного конфликта, Крымской войны, для развертывания европейской революции, направленной против существующих контрреволюционных режимов. Они подчеркивали заинтересованность рабочего класса в том, чтобы Крымская война, начатая господствующими классами в антинародных целях, послужила толчком к крупным революционным событиям. Маркс надеялся, что эти события «дадут пролетариату возможность вновь занять положение, утраченное им в результате июньской битвы 1848 г. во Франции. И это касается не только Франции, но и всей Центральной Европы, включая Англию» (см. настоящий том, стр. 191).

Большие надежды основоположники марксизма возлагали на революционную инициативу французского пролетариата. В статье «Судьба великого авантюриста», говоря о возможности «четвертой и самой великой французской революции», Энгельс отмечал, что такая революция может вызвать революционные потрясения на всем европейском континенте. «Немцы, венгры, поляки, итальянцы, хорваты сбросят насильно связывающие их друг с другом узы, и вместо неопределенных и случайных союзов и антагонизмов сегодняшнего дня в Европе снова образуются два крупных лагеря с разными знаменами и новыми целями. И тогда борьба будет вестись только между *демократической революцией,* с одной стороны, и *монархической контрреволюцией* — с другой» (см. настоящий том, стр. 133).

Как и в 1848—1849 гг. Маркс и Энгельс считали главным оплотом феодально-абсолютистской реакции в Европе царское самодержавие. В ряде статей они обличали крепостнические порядки, господствовавшие в царской России, разоблачали завоевательные планы царизма и действия царской дипломатии, раскрывали полицейскую роль, которую царизм вместе с другими контрреволюционными силами Европы сыграл в подавлении революционных движений. Маркс и Энгельс решительно выступали против стремлений правящих классов европейских держав сохранить и использовать царизм как орудие борьбы против революции. Разгром царизма, устранение его реакционного влияния на Европу Маркс и Энгельс считали важнейшей предпосылкой для победоносной европейской революции.

В статьях Энгельса «Германия и панславизм» раскрывается контрреволюционный характер попыток царского самодержавия использовать в своих целях национальные движения славянских народов Центральной и Южной Европы, стремление царизма превратить призыв к объединению славян в одно из средств своей завоевательной политики. Показывая реакционную сущность панславистских идей, Энгельс отмечает, что распростра-

нявшие эти идеи монархические элементы национального движения ряда славянских народов объективно сыграли в 1848— 1849 гг. роль опоры реакционной монархии Габсбургов в ее борьбе против революции в Германии и Венгрии. Маркс и Энгельс решительно выступали против всякой националистической идеологии, какую бы форму она ни принимала — пангерманизма, панславизма и т. д. Они подчеркивали, что эта идеология ведет к разжиганию национальной розни между народами, что она глубоко чужда интересам демократического развития, национального и социального освобождения всех народов, в том числе и славянских.

Поддерживая требование о предоставлении независимости южным славянам и полякам, Энгельс, однако, не распространял это требование на ряд других угнетенных славянских народов (чехов, словаков и др.), входивших в состав Австрийской империи. В статьях «Германия и панславизм» он говорит об этих народах и их будущности, исходя из выдвинутого им еще в работах «Демократический панславизм», «Революция и контрреволюция в Германии» ошибочного положения, что они якобы утратили способность к самостоятельному национальному существованию и обречены на поглощение более сильными соседями (об этом подробнее см. предисловия к 6 и 8 томам Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса). Этот вывод объясняется главным образом тем обстоятельством, что Энгельс, считавший общей тенденцией развития капитализма централизацию, создание крупных государств и поглощение малых народов крупными нациями, не учитывал в должной мере другой тенденции — борьбы малых народов против национального гнета, их стремления к национальной независимости. Опыт истории показал, что славянские народы, входившие прежде в состав Австрийской империи, не только обнаружили способность к самостоятельному национальному развитию, к созданию собственной государственности, но вместе с другими народами социалистического лагеря стали творцами нового общественного, социалистического строя.

Отстаивая необходимость революционной войны против царизма во имя демократического переустройства Европы, освобождения угнетенных народов, объединения революционно-демократическим путем как Германии, так и Италии, Маркс и Энгельс разоблачали политику правящих классов Англии и Франции, развязавших войну ради агрессивных целей, ради укрепления монархических и буржуазно-олигархических режимов в Европе.

Во многих статьях, вошедших в настоящий том, Маркс и Энгельс на основе тщательного анализа исторических фактов, дипломатических документов, в частности, протоколов проис-

ходившей в 1855 г. Венской конференции, парламентских дебатов и т. д. вскрывают причины возникновения и подлинный характер Крымской войны. Они разоблачают фальшивые заявления государственных деятелей и официальной западноевропейской прессы, которые изображали войну Англии и Франции против России как войну с целью «защиты» независимости Турции, как войну против «деспотизма» за «свободу» и «цивилизацию». Крымская война, доказывают в своих статьях Маркс и Энгельс, возникла прежде всего как результат столкновения экономических и военных интересов участвовавших в ней государств, и ее характер определялся.своекорыстной политикой господствующих классов этих государств. Маркс и Энгельс вскрывают противоречия между европейскими державами на Ближнем Востоке, показывают борьбу между ними за раздел владений Турецкой империи, за господство на Балканах и над черноморскими проливами, их соперничество в Центральной Азии.

В статье «Пальмерстон. — Физиология господствующих классов Великобритании» и других статьях Маркс разоблачает политику западных держав по отношению к «союзной» им Турции. Он раскрывает хищнические методы колониального закабаления отсталой Турции европейскими державами, в частности, навязывание ей под флагом помощи финансовой кабалы. Поставив под свой контроль министерства иностранных и внутренних дел Турции, распоряжаясь ее армией, западные державы, указывал Маркс, «протягивают руку к турецким финансам» (см. настоящий том, стр. 398).

В статье «Странная политика», а также в ряде других статей Маркс раскрывает подлинные политические цели, которые преследовали в Крымской войне господствующие классы Англии и Франции. Маркс и Энгельс ясно видели, что буржуазно-олигархическая Англия и бонапартистская Франция, добиваясь устранения России как соперника на Ближнем и Среднем Востоке, стремясь к захвату Севастополя, отторжению от России Кавказа, уничтожению русского флота и тем самым к ослаблению военной мощи России, вовсе не заинтересованы были в крушении царизма как контрреволюционной силы. Западные державы отнюдь не стремились поколебать реакционную, направленную на подавление революционных и национально-освободительных движений, политическую систему в Европе, основы которой были заложены еще на Венском конгрессе 1815 г. и одним из оплотов которой был русский царизм. Напротив, в планы правителей западных держав входило укрепление этой системы. Крымская война, подчеркивал Маркс, раскрывая контрреволюционные замыслы правящих клик Франции

и Англии, «предпринята не с целью аннулирования Венского договора, а скорее с целью его упрочения посредством дополнительного включения Турции в протоколы 1815 года. Надеются, что с этого момента начнется тысячелетнее царство консерватизма и объединенные усилия правительств можно будет направить исключительно на «успокоение» умов в Европе» (см. настоящий том, стр. 321).

В статьях «Из парламента: дебаты по предложению Дизраэли», «Военные планы Наполеона», «Инцидент в палате общин. — Война в Крыму», «Локальная война. — Дебаты об административной реформе. — Отчет комиссии Робака» и других Маркс и Энгельс доказывают, что правящие круги Англии и Франции опасались перерастания восточного конфликта во всеобщий революционный пожар на континенте, и это обстоятельство накладывало глубокий отпечаток на дипломатию, военные планы и методы ведения войны. Разжигая шовинистические настроения во Франции и Англии, правящие круги западных держав, подчеркивали Маркс и Энгельс, в то же время направляли свои усилия на то, чтобы локализовать войну, не дать ей перерасти в войну европейских народов против царизма и других контрреволюционных сил. Маркс и Энгельс подвергали резкой критике выдвинутый правительством Франции и поддержанный английским правительством план «локальной войны во имя локальных целей», показывая, что этот план отражает страх бонапартистской клики и английской олигархии перед революционными последствиями общеевропейской войны против царской России, что он продиктован контрреволюционными, династическими и тому подобными соображениями правящей верхушки Франции и Англии. Без разоблачения политики господствующих классов этих стран, без решительной борьбы против этой политики невозможно было, подчеркивали Маркс и Энгельс, добиться коренного изменения характера войны, превращения ее в войну за демократическое переустройство Европы. Осуществление этой задачи Маркс и Энгельс связывали прежде всего с активизацией деятельности пролетарских и революционно-демократических сил. Вместо контрреволюционных правительств Англии и Франции, писал Маркс, «на сцену должны выступить другие силы» (см. настоящий том, стр. 326).

В ряде статей Маркс показывает непрочность западноевропейской коалиции, ведущей войну против России, те противоречия между союзниками, которые постоянно давали себя знать в ходе войны. В статьях об англо-французском союзе он вскрывает исторические корни экономического и политического

соперничества господствующих классов Англии и Франции, неизбежно порождавшего все новые конфликты между ними.

Связывая наступление нового революционного подъема с надвигающимся экономическим кризисом, который должен был вызвать обострение всех противоречий и усиление классовой борьбы, Маркс особое внимание уделяет капиталистической Англии — стране с наиболее развитыми в то время противоречиями между буржуазией и пролетариатом.

В многочисленных статьях, публикуемых в данном томе, Маркс освещает экономическое и политическое положение Англии, внутреннюю и внешнюю политику господствующих классов и правящих политических партий, вскрывает антинародную сущность этой политики. Прослеживая внешнюю политику Англии на протяжении ряда столетий, Маркс в статьях «Традиционная английская политика», «Лорд Пальмерстон», «Новые разоблачения в Англии», «Польский митинг», а также в работе «Падение Карса» и в ряде других статей показывает, что политика и дипломатия господствующих классов Англии неизменно отличались вероломством, лицемерием, вмешательством под различными фальшивыми предлогами во внутренние дела других стран, что Англия играла провокационную роль во многих конфликтах, особенно на Ближнем и Среднем Востоке. На примере отношения Пальмерстона, Рассела и других государственных деятелей к Польше, Ирландии, Венгрии, Италии Маркс разоблачает контрреволюционный характер английской политики, показывает ненависть правящих классов Англии к национально-освободительным движениям, прикрываемую нередко фальшивыми фразами о сочувствии борющимся против деспотизма народам.

В статьях «Денежный рынок», «Состояние торговли и финансов», «Кризис в Англии» и других Маркс освещает экономическое положение Англии, характеризует состояние промышленного производства, внутренней и внешней торговли, рыночных цен, валютных курсов. Прослеживая на конкретных примерах действие открытых им экономических закономерностей капитализма, анализируя развитие очередного цикла капиталистического производства, Маркс отмечает прерывистый характер развития капиталистической экономики. Он приходит к выводу, что период экономического процветания, имевшего место после революции 1848—1849 гг., сменился периодом застоя в ряде отраслей промышленности и торговли Англии, в первую очередь в текстильной промышленности. Экономический спад, обнаружившийся в конце 1853 и в начале 1854 г., Маркс отмечал также и в 1855 году. Этот спад проявлялся, как показывал

он в своих работах, в сокращении производства ряда промышленных товаров, в росте безработицы, в переходе многих предприятий на неполную рабочую неделю, в банкротстве крупных торговых фирм. Маркс предсказывал, что в недалеком будущем Англии предстоит пережить более тяжелый экономический кризис, чем те, которые она переживала ранее; острота этого кризиса будет усугубляться такой особенностью английской экономики, как зависимость ее от состояния мирового рынка. Предвидение Маркса оправдалось с наступлением в 1857 г. нового экономического кризиса, который впервые в истории приобрел мировой характер.

В связи с анализом экономического положения Англии Маркс в своих статьях остро критикует английский буржуазный либерализм в лице фритредеров, распространявших иллюзии об исчезновении экономических кризисов с введением принципа свободы торговли. Маркс показывает крушение этих иллюзий, несостоятельность утверждений фритредеров и других буржуазных экономистов о возможности бескризисного развития капитализма. Он разоблачает фритредерскую буржуазию и ее идеологов Кобдена, Брайта и других представителей так называемой манчестерской школы как апологетов капитализма, злейших врагов рабочего класса. Маркс срывает с фритредеров маску «поборников свободы», «защитников» интересов народных масс против аристократии. Выступая против государственного вмешательства в экономическую жизнь, фритредеры, отмечает Маркс, в то же время взывают к вмешательству парламента и правительства всякий раз, когда эксплуататорскому строю начинает открыто угрожать движение класса наемных рабочих. В своих статьях Маркс клеймит фритредеров за их посягательства на институт фабричных инспекторов, за попытки добиться отмены законов об ограничении рабочего дня для женщин и детей.

Разоблачая лживые утверждения фритредеров о «благоденствии» трудящихся Англии, Маркс на материалах отчетов фабричных инспекторов рисует потрясающую картину эксплуатации английских рабочих масс, особенно женщин и подростков. Он показывает тяжелые условия труда на капиталистических предприятиях, отмечая почти полное отсутствие охраны труда, в результате чего здоровье и жизнь рабочих находились под постоянной угрозой. «Этот промышленный бюллетень фабричных инспекторов, — писал Маркс, — страшнее, ужаснее любого бюллетеня о сражениях в Крыму. Женщины и дети систематически поставляют значительный контингент для списка раненых и убитых» (см. настоящий том, стр. 399—400).

В статьях Маркса резко осуждается позиция лидеров манчестерской школы в Крымской войне, вскрывается подлинный смысл выступлений Кобдена и Брайта в «защиту мира», их лозунга «мир во что бы то ни стало». Манчестерская школа добивается мира для того, подчеркивал Маркс, «чтобы иметь возможность вести промышленную войну внутри страны и за ее пределами» (см. настоящий том, стр. 296). Он отмечал, что псевдомиролюбивые фразы фритредеров прикрывают экспансионистские стремления английской буржуазии, ее борьбу за господство на мировом рынке.

В статьях «Последнее английское правительство», «Свергнутое министерство», «К министерскому кризису», «Два кризиса», «Британская конституция», «Пальмерстон и английская олигархия» дается всесторонняя характеристика политического строя Англии. «Британская конституция, — писал Маркс, раскрывая антинародный характер режима буржуазно-аристократической олигархии, — является в действительности лишь стародавним, пережившим себя, устаревшим компромиссом между *неофициально,* но фактически *господствующей* во всех решающих сферах буржуазного общества буржуазией и *официально правящей* земельной аристократией» (см. настоящий том, стр. 99—100). Маркс подчеркивает, что одним из главных препятствий на пути прогрессивного развития страны и одним из устоев олигархического режима являлось сохранение в руках аристократии монополии на важнейшие государственные должности, что позволяло ей оказывать решающее влияние на внешнюю и внутреннюю политику Англии. Олигархическая политическая система, отмечает Маркс во многих своих статьях, накладывала свою печать на всю политическую жизнь официальной Англии, находя свое отражение в деятельности парламента, в составе и политике правительств, в организации государственного и военного управления, в позиции главных политических партий. Характеризуя деятельность английских правительств — коалиционного кабинета Абердина и сменившего его в феврале 1855 г. вигского кабинета Пальмерстона, Маркс указывает, что в их деятельности воплотились все пороки олигархического режима, что целью этих правительств было всячески тормозить проведение каких-либо прогрессивных преобразований, угрожавших политической монополии верхушки английских господствующих классов.

Группа статей — «К кризису кабинета», «Партии и клики», ««Morning Post» против Пруссии. — Виги и тори» и другие— существенно дополняет данную Марксом в работах предыдущих

лет классическую характеристику английских официальных партий, традиционной двухпартийной системы, заключавшейся в попеременной передаче власти то тори-консерваторам, то вигам-либералам. Маркс подчеркивает заскорузлый консерватизм тори, выступавших ревностными поборниками «всех староанглийских предрассудков в вопросах церкви и государства, протекционизма и антикатолицизма» (см. настоящий том, стр. 227). В то же время он разоблачает показной либерализм вигов — этих аристократических представителей буржуазии, стремящихся, как и тори, к упрочению олигархического режима, но проявляющих при этом большую гибкость и способность приспособляться. Виги, отмечал Маркс, «без всяких колебаний отбрасывали предрассудки, которые мешали им осуществлять свое наследственное право на откуп государственных должностей», меняли «свои сюртуки и взгляды соответственно условиям времени» (см. настоящий том, стр. 227, 228).

Разоблачению политики вигов посвящен публикуемый в томе памфлет «Лорд Джон Рассел», направленный против одного из типичных представителей этой, по выражению Маркса, «партии карьеристов», видного государственного деятеля, неоднократно занимавшего руководящие правительственные посты. В этом памфлете, а также в других статьях Маркс показывает, что борьба тори и вигов являлась всего только ссорой между обеими фракциями правящего класса, что различия в политике обеих партий все больше исчезали по мере сплочения разных фракций эксплуататоров в связи с обострением классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом. Резкие нападки на правительство со стороны той или другой партии, когда она находилась в оппозиции, служили лишь средством устранения от власти соперничающей партии. Раскрывая механизм английской двухпартийной системы, Маркс отмечал, что та или другая партия, придя к власти, продолжала проводить в жизнь политический курс своей предшественницы. Усилия обеих партий были одинаково направлены на сохранение монополии государственной власти в руках буржуазно-аристократической верхушки.

В своих статьях Маркс подмечает глубокие противоречия, присущие олигархическому режиму Англии, несоответствие устаревшей политической системы экономическому развитию страны, вырождение традиционных парламентских партий. «Старые парламентские партии, которые обладают монопольным правом на управление страной, — пишет Маркс, — существуют теперь лишь в виде клик» (см. настоящий том, стр. 44). Статьи Маркса, освещающие политический строй Англии,

проливают яркий свет на тот процесс разложения старых аристократических партий и превращения их в консервативную и либеральную партии английской буржуазии, который происходил в Англии в середине XIX века и отражал растущее влияние класса капиталистов, укрепление его позиций во всех сферах общественной жизни.

Исключительно большое внимание в своих статьях об Англии Маркс уделяет английскому рабочему классу. В статьях «Митинг в Лондон-таверн», «К истории агитационных кампаний», «Буржуазная оппозиция и чартисты», «По поводу движения в пользу реформы», «Ассоциация административной реформы. — Народная хартия», «Антицерковное движение. — Демонстрация в Гайд-парке», «Столкновения народа с полицией. — О событиях в Крыму» и многих других Маркс рассматривает важнейшие проблемы современного ему английского рабочего движения. Он констатирует в своих статьях известное оживление политической активности английского пролетариата. Отмечая одновременно усилившееся стремление представителей буржуазной оппозиции, в том числе оппозиционных торгово-финансовых кругов Сити, подчинить своему влиянию английский рабочий класс, Маркс неустанно подчеркивал значение того отпора, который получали подобные попытки буржуазных элементов со стороны чартистов. В статьях Маркса приводится содержание произнесенных на массовых митингах речей Эрнеста Джонса и других чартистских деятелей, которые отмечали умеренность и непоследовательность выступлений буржуазной оппозиции против олигархии, страх ее перед рабочим движением, ее готовность к компромиссу с аристократией, а также разоблачали попытки лидеров буржуазии использовать рабочее движение в своих корыстных интересах. В противовес умеренным буржуазным требованиям административной реформы, предусматривающим открытие для представителей буржуазии более широкого доступа к государственным постам, чартисты выдвигали требование широкой демократической избирательной реформы на основе шести пунктов Народной хартии. Маркс считал большой заслугой чартистов их стремление освободить рабочий класс от влияния буржуазии, отстоять его самостоятельные позиции, обеспечить ему руководящую роль в борьбе за демократизацию политического строя Англии.

Большой интерес представляет упоминавшаяся выше глубокая по своему содержанию статья Маркса «Ассоциация административной реформы. — Народная хартия». В ней Маркс раскрывает историческое значение политической программы чартистов, центральным пунктом которой было требование всеоб-

щего избирательного права. Маркс подчеркивает, что в условиях Англии 50-х годов осуществление этой программы могло бы открыть рабочему классу путь к овладению государственной властью и использованию ее для проведения социалистических преобразований. «Это *Хартия* народных масс, — указывает Маркс, — и означает завоевание ими политической власти как средства для осуществления своих социальных требований» (см. настоящий том, стр. 281). Эта статья свидетельствует о том, что Маркс и Энгельс всегда требовали конкретно-исторического подхода к политическим лозунгам, в том числе и к лозунгу всеобщего избирательного права, содержание и значение которого менялось, как они учили, в зависимости от исторических условий. Если во Франции и вообще на континенте содержание лозунга всеобщего избирательного права не выходило за рамки буржуазно-демократических требований, то иной характер это требование, наряду с другими пунктами чартистской программы, приобретало в английских условиях. Считая насильственную революцию единственно возможным средством для установления диктатуры пролетариата в странах континента, Маркс и Энгельс при существующих в то время условиях делали исключение для Англии. Они учитывали такие особенности тогдашней Англии, как отсутствие в ней, в противовес Франции и другим странам континента, развитого военно-бюрократического государственного аппарата, а также то обстоятельство, что большинство населения Англии составлял пролетариат. В силу этого Маркс и Энгельс допускали возможность мирного пути завоевания английским рабочим классом политической власти посредством введения всеобщего избирательного права, радикального преобразования парламентской системы и полной демократизации всего политического строя Англии. Исходя из этой перспективы и оценивали Маркс и Энгельс чартистский лозунг всеобщего избирательного права, считаясь, однако, с возможностью иных, не мирных путей борьбы за власть английского пролетариата. Главное условие победы английского пролетариата Маркс и Энгельс видели в росте его политической сознательности и организованности, в создании им массовой пролетарской партии.

Однако надежды Маркса и Энгельса на то, что борьба за возрождение чартистского движения приведет к решению этой задачи, не оправдались. Попытка чартистов в 50-х годах вызвать к жизни массовое движение за Хартию не удалась. Само чартистское движение вскоре окончательно сошло со сцены. Причиной этого явилось усиление оппортунистических тенденций среди английских рабочих, обусловленное монополь-

ным положением Англии на мировом рынке и подкупом верхушки английского пролетариата — «рабочей аристократии» за счет получаемых буржуазией огромных колониальных сверхприбылей.

Большая группа статей, входящих в том, освещает внешнюю и внутреннюю политику Франции в период Крымской войны. В упоминавшихся уже статьях «Судьба великого авантюриста», «Военные планы Наполеона», «Локальная война. — Дебаты об административной реформе. — Отчет комиссии Робака», а также в статье «Последняя уловка Наполеона» и других Маркс и Энгельс раскрывают подлинные цели бонапартистской Франции в войне — стремление к завоеваниям и к укреплению бонапартистского режима. Подчеркивая, что бонапартистская Франция была одним из главных инициаторов развязывания Крымской войны, разоблачая замыслы Наполеона III, Энгельс отмечал, что военные авантюры являлись неотъемлемой чертой бонапартистской политики, что завоевания и агрессия составляли один из тех принципов, на которых основывалось политическое господство бонапартистской клики и само пребывание у власти династии Бонапартов. Для Луи Бонапарта, указывал Энгельс, «невозможность взять Севастополь равносильна потере Франции» (см. настоящий том, стр. 156). Разоблачая бонапартистский режим как режим военно-полицейской диктатуры контрреволюционной буржуазии, Маркс и Энгельс в своих статьях дают бичующие характеристики заправилам бонапартистской Франции: самому императору Наполеону III, наглому узурпатору и авантюристу, его ближайшим приспешникам — маршалу Сент-Арно, генералам Эспинасу, Форе, Канроберу и другим продажным и алчным карьеристам, проявившим бездарность на полях сражений и отличившимся зверской жестокостью при подавлении революционного движения.

С напряженным вниманием следили Маркс и Энгельс за внутриполитическим положением во Франции. В статьях «Донесения генералов. —Английские суды. —Сообщения из Франции», «Французский банк. — Подкрепления для Крыма. — Новые фельдмаршалы», «Англо-американский конфликт. — Положение во Франции» они отмечают обострение политической обстановки в стране под влиянием роста дороговизны и других экономических трудностей, широкого размаха спекулятивной горячки и т. д. Признаки недовольства народных масс, проявления революционных настроений среди рабочего класса, студентов, известной части буржуазии и даже в армии, служившей до сих пор опорой бонапартистского режима, — все это показывало непрочность Второй империи, свидетельствовало, как писал

Маркс, что «эпоха расцвета бонапартизма прошла» (см. настоящий том, стр. 626).

Ярким выступлением против бонапартизма явилась статья «Франция Бонапарта Малого», опубликованная Марксом в «People's Paper». Эта статья — один из выдающихся образцов боевой революционной публицистики Маркса. В ней метко и образно разоблачалась антинародная сущность режима Второй империи. Маркс показал читателям английской рабочей газеты глубокий контраст между официальной бонапартистской Францией, хищнически расточающей национальные богатства страны, и Францией народных масс, которым господство бонапартистской клики принесло лишь страдания и нищету, полицейские преследования и кровавые репрессии. В недрах этой народной Франции, подчеркивал Маркс, назревает революционное брожение против режима Луи Бонапарта, появляются симптомы, предвещающие «падение империи биржевой игры» (см. настоящий том, стр. 632).

В своих статьях этого периода Маркс и Энгельс продолжали освещать позицию Австрии в Крымской войне. Прослеживая действия австрийского правительства в ходе войны, развернувшуюся в вопросе о позиции Австрии борьбу между англофранцузской и русской дипломатией, а также анализируя внутреннее положение Австрийской империи, Маркс и Энгельс раскрыли причины двойственной, колеблющейся политики монархии Габсбургов в период восточного кризиса. Будучи многонациональным государством, основанным на угнетении входящих в его состав народов и разжигании национальных распрей между ними, реакционная австрийская монархия, отмечали Маркс и Энгельс, таила в себе много горючего материала. Опасавшаяся революции австрийская правящая клика нуждалась в царизме как опоре, к которой она могла бы прибегнуть в случае новой вспышки революционных волнений. В то же время, преследуя захватнические цели на Балканах, претендуя на турецкие владения в Европе, Австрия заинтересована была в ослаблении России; поэтому она сосредоточила огромную армию на Дунае, заключила договор с западными державами, вела переговоры с ними о финансовой помощи. Раздираемая противоречивыми тенденциями Австрия заняла позицию, враждебную России, но до конца войны не решалась открыто выступить против нее. Немалую роль в этих колебаниях австрийского правительства, как отмечали Маркс и Энгельс, сыграла его боязнь развертывания освободительного движения среди подчиненных империи Габсбургов славянских народов в случае вступления в войну с Россией.

В связи с анализом позиции Австрии Маркс рассматривает и политику Пруссии. Он считает, что провозглашенный прусскими правящими кругами нейтралитет также продиктован боязнью революционных последствий перенесения театра военных действий против царской России в Центральную Европу. Вступление Пруссии в войну могло бы послужить толчком для развертывания борьбы за национальное объединение Германии революционно-демократическим путем, что угрожало самому существованию прусской и австрийской монархий. В статье «Пруссия» Маркс, характеризуя экономическое и политическое положение страны, отмечает быстрый рост промышленности и торговли и связанное с этим небывалое обогащение имущих классов Пруссии — помещиков и буржуазии. Касаясь последней, Маркс еще раз подчеркивает высказанную им и Энгельсом еще в 1848—1849 гг. мысль о неспособности немецкой буржуазии играть руководящую роль в борьбе за осуществление задач буржуазной революции. Маркс разоблачает реакционную сущность политического строя прусской монархии, характерной чертой которого являлось всемогущество бюрократии, отсутствие всяких демократических свобод, бесправие большинства населения. Маркс отмечает тяжелое положение крестьянства в Пруссии, которое по-прежнему оставалось «в прямом подчинении у дворянства как в административном, так и в судебном отношении» (см. настоящий том, стр. 672).

Значительное место в томе занимают статьи Энгельса, посвященные анализу хода военных действий на крымском и кавказском театрах войны, соотношения сил воюющих сторон, отдельных боевых операций. Эти военные обзоры представляют большой интерес для военно-исторической науки. Они дают возможность проследить все важнейшие этапы Крымской войны, в них содержатся ценные выводы и положения по истории военного искусства, по вопросам военной стратегии и тактики, обобщается опыт современных Энгельсу войн на основе исторического материализма.

В ряде статей Энгельс подвергает критике англо-французское командование, его стратегию и оперативное руководство военными действиями со стороны представителей западных держав. Отмечая просчеты и промахи командования союзников, отсутствие у него широких стратегических замыслов и инициативы, проявленные им ограниченность и рутинерство, Энгельс указывал, что методы ведения войны Англией и Францией, отличавшиеся многими пороками, целиком соответствуют тем узкокорыстным, антинародным целям, которые преследовали в войне правящие клики этих стран. В статьях «Борьба в Крыму»,

«Разоблачения следственной комиссии», «Британская армия», «Наказания английских солдат» и других статьях Маркс и Энгельс показывают консерватизм английской военной системы, рутинный характер организации английской армии, отмечают низкий уровень теоретической и военной подготовки английских офицеров, бездарность командования и руководителей интендантства, не сумевшего, несмотря на сравнительно благоприятные условия, обеспечить английскую армию вооружением и снаряжением. Характеристика контрреволюционных порядков, насаждавшихся бонапартистскими кругами во французской армии, а также неприглядного облика ряда военных деятелей Второй империи дана в упоминавшихся выше статьях Маркса и Энгельса, посвященных разоблачению бонапартизма.

Подавляющее большинство военных обзоров Энгельса посвящено осаде и обороне Севастополя. Героическая 11-месячная эпопея защиты этого города русскими войсками, приковавшая к себе взоры всего мира, естественно, находилась в центре внимания Маркса и Энгельса. Рассматривая осаду и оборону Севастополя как новый этап в крымской кампании, Энгельс подробно анализирует методы осады, применявшиеся англо-французскими войсками, и методы обороны защитников Севастополя. Изучая опыт севастопольской кампании, Энгельс сделал важные обобщения относительно значения крепостей в условиях современной ему войны, а также о взаимодействии полевых армий с крепостями.

В статьях «Вылазка 23 марта», «Сражение под Севастополем» и других Энгельс анализирует методы ведения осады союзниками. Он отмечает, что «в анналах войн со времен осады Трои невозможно указать ни одной осады, которая велась бы так бессистемно, бессмысленно и бесславно, как осада Севастополя» (см. настоящий том, стр. 201). В создании фортификационных сооружений, подчеркивает Энгельс, русские значительно опередили англичан и французов. Энгельс дает высокую оценку организации обороны Севастополя, военно-инженерному искусству обороняющихся, отмечает героизм и мужество защитников русской крепости. В статьях «Ход войны», «Из Севастополя» и других Энгельс ставит в пример союзникам мастерство военных инженеров севастопольского гарнизона, в том числе начальника инженерной службы Тотлебена, их способность быстро и правильно ориентироваться в обстановке, умелую организацию огня и оборонительных работ. Сооружение русскими в ходе обороны новых укреплений, по отзыву Энгельса, явилось «беспримерным по смелости и искусству шагом, который когда-либо был предпринят осажденным гарнизоном»

(см. настоящий том, стр. 179). Энгельс отмечает применение русскими ярусного расположения батарей, позволявшего с максимальной выгодой использовать преимущества местности. Он указывает, что важным средством в общей системе обороны русских являлись их успешные вылазки, в которых они действовали «с большим искусством и свойственным им упорством» (см. настоящий том, стр. 160). В итоге Энгельс приходит к выводу, что «вся организация этой обороны была поставлена образцово» (см. настоящий том, стр. 180).

Эти оценки показывают, что Энгельс отдавал должное героизму и военному искусству защитников Севастополя, что он умел находить объективный критерий при характеристике военных событий, даже располагая лишь односторонней и часто весьма тенденциозной информацией о ходе военных действий, содержащейся в англо-французских сообщениях, которые он в то время часто не имел возможности проверить. Позднее на основе более обстоятельного и всестороннего исследования Энгельс не раз возвращался к опыту героической обороны Севастополя, рассматривая ее как выдающийся пример активной обороны, как образец военного мастерства и героизма обороняющихся (см., например, статьи Энгельса, посвященные национально-освободительному восстанию в Индии 1857—1859 гг. и его «Заметки о войне», написанные в период франко-прусской войны).

Проведенная Энгельсом в этот период работа по изучению развития военного дела нашла свое отражение в его обобщающем произведении «Армии Европы», публикуемом в данном томе. В нем, как и в военных обзорах, Энгельс выступает как крупный военный специалист, глубокий знаток военной истории и состояния современных ему вооруженных сил. В работе дана подробная характеристика армий европейских государств, показаны особенности каждой армии, ее организации, комплектования, системы обучения, боевых качеств солдат и офицеров. Энгельс показывает в своей работе значение национальных особенностей и традиций в развитии каждой армии, подчеркивая в то же время, что общий прогресс военной техники и усовершенствования, вводимые в военном деле, побуждают каждую армию учитывать и использовать опыт всех остальных. Энгельс подвергает критике идеалистические и националистические тенденции, характерные для военно-исторической литературы господствующих классов, в частности, распространенную «теорию» о непобедимости той или иной армии во все времена. Всю работу Энгельса пронизывает важнейшее положение исторического материализма о том, что состояние и

боеспособность той или иной армии определяется прежде всего уровнем экономического развития, общественным и политическим строем данной страны, — положение, которое он в дальнейшем подробно развил в книге «Анти-Дюринг». Характеризуя, в частности, прусскую армию, Энгельс указывает, что вследствие реакционного политического строя Пруссии передовой принцип комплектования и обучения войск посредством краткосрочной военной подготовки всего населения, способного к военной службе, не проводился последовательно в жизнь и искажался в силу стремления правящих кругов «иметь послушную и надежную армию, которую в случае необходимости можно было бы использовать для подавления волнений внутри страны» (см. настоящий том, стр. 467). Энгельс отмечает, что национальный гнет и разжигание национальной вражды, составлявшие характерную черту политической системы Габсбургской монархии, находили свое отражение и в австрийской армии, отрицательно влияя на ее боеспособность. Отсталый феодальный строй Турции, произвол и злоупотребления пашей, — показывает Энгельс в разделе «Турецкая армия», — служили преградой для проведения необходимых военных реформ. Влияние пережитков феодализма Энгельс отмечает и в армиях многих европейских государств.

Описывая состояние тогдашней русской армии, Энгельс в этой работе, а также в специальной статье «Русская армия», отмечает ее техническую отсталость, устаревшие методы комплектования и обучения войск, распространенность «плацпарадной муштры», казнокрадства и т. д. как результат экономической отсталости царской России, господства в ней феодально-крепостнических отношений, реакционного политического строя. В то же время Энгельс подчеркивает высокие боевые качества русских солдат, которых легче «перестрелять, чем заставить их отступить» (см, настоящий том, стр. 480).

Следует, однако, учесть, что в своей характеристике отсталости армии крепостной России Энгельс допускал и отдельные преувеличения. Так, историческим фактам противоречат утверждения о неизменной якобы пассивности русских солдат, об особой роли иностранцев в русской армии, о том, что в ее рядах способные люди составляли исключение, что при равных условиях русских якобы всегда побеждали их западноевропейские противники. Источником этих неточных утверждений, в известной мере пересмотренных Энгельсом в его более поздних трудах («По и Рейн» и др.), явилось тенденциозное освещение военного прошлого России западноевропейскими военными историками, из работ которых Энгельс, за

отсутствием других источников, должен был черпать фактические данные. Известное влияние на взгляды Энгельса в отношении русской армии оказала политическая направленность его статей против русского царизма как главного в то время оплота реакции в Европе.

В ряде статей — «Англо-французская война против России», «Европейская война» и другие, — написанных Марксом и Энгельсом в то время, когда исход войны по существу был уже предрешен, подводятся некоторые итоги Крымской войны. «Англофранцузская война против России будет бесспорно фигурировать в военной истории как *«непостижимая* война». Хвастливые речи наряду с ничтожной активностью; огромные приготовления и жалкие результаты... исключительная посредственность генералов и наряду с ней — исключительная храбрость войск ... целый клубок противоречий и непоследовательности. И все это так же характерно для русских, как и для их противников» (см. настоящий том, стр. 521). Крымская война, приходят к выводу Маркс и Энгельс, не оправдала надежд на превращение ее в войну за демократические и революционные принципы, не привела к коренным преобразованиям в Европе, к падению реакционных режимов в европейских странах. Вместе с тем она и не разрешила противоречий, существовавших между европейскими государствами в восточном и других вопросах. Касаясь в упомянутой выше работе «Падение Карса» парижских мирных переговоров между участниками войны, Маркс расценивает их как мнимые переговоры, а Парижский мирный договор характеризует как эфемерный договор. Этим самым Маркс подчеркивает, что заключенный в результате Крымской войны Парижский мир не только не означал урегулирования спорных вопросов, но оказался с самого начала чреватым новыми, еще более острыми конфликтами между европейскими державами.

Отмечая, что Крымская война не привела к коренным изменениям в общественном и политическом строе Европы, основоположники марксизма признавали, однако, влияние, оказанное этой войной на внутреннее развитие ряда стран, в том числе на развитие России. Так, возвращаясь в 1871 г. к оценке Крымской войны, Маркс писал в подготовительных вариантах своей работы «Гражданская война во Франции» следующее: «Хотя Россия защитой Севастополя, быть может, и спасла свою честь и ослепила иностранцев своими дипломатическими триумфами в Париже, все же после поражения, которое она понесла в крымской кампании и которое в самой стране вскрыло гнилость ее социальной и политической системы, ее правительство освободило крепостных и преобразовало всю свою административ-

ную и судебную систему» (Архив Маркса и Энгельса, т. III (VIII), стр. 281). Подмеченная Марксом связь между поражением России в Крымской войне и реформами, которые само царское правительство вынуждено было провести сверху, с высоты трона, как указывал Маркс, во избежание революции снизу, была в дальнейшем глубоко и всесторонне раскрыта В. И. Лениным, писавшим, что «Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России» (Сочинения, т. 17, стр. 95).

* * *

В настоящий том включено 36 статей Маркса и Энгельса, не вошедших в первое издание Сочинений и впервые публикуемых на русском языке. В 1855 г. целый ряд статей Маркса и Энгельса был напечатан одновременно в «Neue Oder-Zeitung» и в «New-York Daily Tribune»; при включении этих статей в настоящий том предпочтение отдавалось вариантам, отличавшимся большей полнотой и в большей степени свободным от вмешательства со стороны редакций газет. В примечаниях в этих случаях дается ссылка на невключенный вариант. Отдельные разночтения между вариантами приводятся под строкой. Ряд статей в настоящем издании печатается в вариантах, которые не были опубликованы в первом издании Сочинений (эти варианты также обозначены в концовках как впервые публикуемые на русском языке); замена вариантов оговаривается в примечаниях. В некоторых случаях — в отличие от первого издания — в том включены оба варианта статей, поскольку каждый из них представляет самостоятельный интерес. Всего в том включено 10 вариантов, не вошедших в первое издание Сочинений. Опубликованные в первом издании статьи «Итоги войны» и «Мир в Европе», авторство которых без достаточных оснований приписывалось Марксу и Энгельсу, в настоящее издание не включены.

Как неоднократно отмечали в своих письмах Маркс и Энгельс, редакция «New-York Daily Tribune» произвольно обращалась с текстом их статей. Ряду корреспонденции, особенно военным обзорам, написанным Энгельсом, редакция стремилась придать характер статей, написанных в Нью-Йорке, и с этой целью делала редакционные вставки; к некоторым из статей Маркса и Энгельса были сделаны добавления; в настоящем издании случаи вмешательства редакции отмечены в примечаниях к соответствующему месту статьи.

При изучении конкретно-исторического материала, приводимого в статьях, публикуемых в настоящем томе, надо иметь в виду, что для значительного числа статей, посвященных

текущим событиям, Маркс и Энгельс могли использовать в качестве источника главным образом информацию из буржуазной прессы — из газет «Times», «Moniteur universel», журнала «Economist» и других. Отсюда они как правило брали сведения о ходе военных действий, о численности армий воюющих сторон, о состоянии финансов, торговли и т. д. В некоторых случаях эти сведения расходятся с данными, установленными последующими исследованиями,

Выявленные в тексте «New-York Daily Tribune», «Neue Oder-Zeitung» и других органах опечатки в именах собственных, географических названиях, цифровых данных, датах и т. д. исправлены на основании проверки по источникам, которыми пользовались Маркс и Энгельс, а также на основании сличения вариантов их статей.

В отличие от первого издания Сочинений, где некоторые статьи были объединены редакцией в тематические серии, в настоящем издании все статьи Маркса и Энгельса печатаются в том виде, в каком они в свое время появились в газетах. В тех случаях, когда заглавие статьи дано Институтом марксизма-ленинизма, перед заглавием стоит звездочка.

Институт марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

январь 1855—апрель 1856

Neue Oder-Zeitung.

Mittagblatt. In Breslau bei der Expedition und den Commanditen pr. Quartal 1 Thaler 20 Sgr. Breslau, Sonnabend, den 27. Januar 1855. In Preußen bei allen königlichen Post-Anstalten pr. Quartal 2 Thaler. № 45.

К. МАРКС

ОТКРЫТИЕ СЕССИИ ПАРЛАМЕНТА [1]

Лондон, 24 января. Вчера возобновилась сессия парламента[2]. В палате лордов граф Элленборо заявил, что в четверг, 1 февраля, он внесет предложение, чтобы парламенту были представлены официальные данные о численности войск, посланных в Крым, — пехотинцев, кавалеристов и матросов, — равно как и о количестве убитых, раненых, заболевших и вообще выбывших из строя. Герцог Ричмонд запросил военного министра, почему при награждении медалями были обойдены сражавшиеся под Балаклавой[3]. Не только участники сражения под Балаклавой, но вообще все находящиеся на Черном море матросы, даже не участвовавшие в боях, должны получить медали — так герцог Ньюкасл, военный министр, побил карту герцога Ричмонда. Возражая против этого, герцог Ричмонд вместе с графом Элленборо и Хардуиком использовали давнишний тезис Адама Смита о том, что стоимость «предметов роскоши», а следовательно и медалей, обратно пропорциональна их количеству. После столь серьезных дебатов, длившихся около получаса, лорды разошлись.

В палате общин зал заседаний был переполнен. Но ожидания собравшихся не оправдались. Дизраэли отсутствовал и выступал сэр Бенджамин Холл. Заседание, открывшееся без четверти четыре, закрылось еще до шести. Обычно поражаются тому невозмутимому спокойствию, с каким римский сенат воспринял сообщение о поражении при Каннах[4]. Но английские commoners[*] превзошли теперь римских patres conscripti[**].

---

[*] — члены палаты общин. *Ред.*
[**] — сенаторов. *Ред.*

При взгляде на их лица нельзя было поверить, что английские войска погибают в Крыму. Санитарное состояние армии в Крыму, по-видимому, побудило сэра Бенджамина Холла внести два билля об улучшении организации санитарной полиции в Англии. Сэр Бенджамин Холл — один из так называемых радикалов типа Уильяма Молсуорта, Осборна и К°. Радикализм этих господ выражается в том, что они требуют для себя министерских постов, хотя к олигархии они не принадлежат и плебейскими талантами не обладают. Но одно их пребывание в министерстве — это уже радикальный факт. Так говорят их друзья. Поэтому, когда летом 1854 г. в Англии стала сильно свирепствовать холера и «Совет по охране здоровья», находившийся до этого времени под контролем Пальмерстона, министра внутренних дел, показал себя столь же беспомощным, как и медицинская служба в лагере под Севастополем, коалиция сочла момент подходящим, чтобы создать новый министерский пост — самостоятельный пост председателя Совета по охране здоровья — и усилить свою позицию путем привлечения «радикального» сэра Бенджамина Холла. Так сэр Бенджамин Холл стал министром по охране здоровья. Холера, правда, не исчезла из Лондона, после того как в «Gazette» было сообщено о его назначении, но некий Тейлор исчез со страниц журнала «Punch»[5], где он высмеивал коалицию и русского царя. Сэр Бенджамин Холл назначил его секретарем Совета по охране здоровья с содержанием в 1000 фунтов стерлингов. Как радикал, сэр Бенджамин Холл предпочитает радикальное лечение. О достоинствах его биллей мы еще успеем поговорить, когда они будут внесены. Вчера же они дали ему лишь повод для его министерского entrée[*] в палату общин. На запрос Лейарда,

«не возражает ли министерство против представления палате переписки с иностранными державами по поводу договора 2 декабря 1854 г. и в особенности каких-либо документов, содержащих толкование четырех пунктов, которые были переданы русскому правительству англо-французской стороной не для переговоров, а для принятия»,

лорд Джон Рассел ответил, что он не знает, сможет ли представить какой-либо из запрашиваемых документов. Это не соответствует парламентским обычаям. Что касается истории с четырьмя пунктами[6], то он-де может сообщить своему достопочтенному другу в общих чертах следующее: в конце ноября Россия сообщила через Горчакова о принятии ею так называемых четырех пунктов; затем последовал договор 2 декабря[7]; после

[*] — вступления. *Ред.*

этого, 28 декабря, в Вене состоялась встреча Горчакова с послами Англии, Франции и Австрии Французский посол от имени союзников огласил документ, в котором давалось их толкование четырех пунктов. Это толкование и должно было рассматриваться как основа для переговоров. В третьем пункте предлагалось покончить с преобладанием России на Черном море. Горчаков не согласился с такой интерпретацией, но заявил, что намерен обратиться к своему правительству за инструкциями. Спустя десять дней Горчаков сообщил графу Буолю, что соответствующие инструкции им получены. 7 или 8 января состоялась новая встреча в канцелярии австрийского министра иностранных дел. Горчаков зачитав меморандум, в котором были изложены взгляды его правительства. Граф Буоль, лорд Уэстморленд и барон Буркене заявили, что они не уполномочены принять меморандум. Исходным пунктом переговоров должно служить согласие с предложенным толкованием четырех пунктов. Тогда Горчаков забрал свой меморандум и принял толкование как основу для переговоров. Россия, прибавил Рассел, хотя и приняла эту «основу», сохранила, однако, за собой право оспаривать «каждый пункт» этой основы, после того как она будет точно сформулирована (сейчас формулировка ее носит предварительный характер). Английское правительство заявило о своей готовности вступить в переговоры на вышеупомянутой основе, «однако до сих пор оно еще не дало своему послу полномочий на переговоры». Последняя фраза и есть та единственная новость, которую Рассел сообщил «commoners»,

Наиболее важным моментом заседания было заявление Робака о том, что

«в следующий четверг он внесет предложение о создании специальной комиссии для установления численности и выяснения положения армии под Севастополем, а также для расследования действий правительственных ведомств, на которых лежала обязанность удовлетворять потребности армии».

«Times»[8] «умоляет» Робака «громко кричать и ничего не щадить». И мольба «Times» и прошлое г-на Робака наводят на мысль, что он будет кричать или, вернее, каркать, чтобы мешать говорить другим. Улисс, насколько мы знаем, никогда не использовал Терсита; зато виги, которые по-своему не менее хитроумны, чем Улисс, используют Робака.

Написано К. Марксом 24 января 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 45, 27 января 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

К КРИЗИСУ КАБИНЕТА

Лондон, 26 января. Когда гонец султана Мелик-шаха прибыл в Аламут и потребовал от Хассан-бен-Саббаха сдаться, то вместо ответа «старец с гор», обратившись к одному из своих федаи[9], повелел, чтобы тот убил себя. Юноша тотчас же вонзил себе кинжал в грудь и упал бездыханный на каменный пол. Так и «старец»[*] из коалиции потребовал, чтобы лорд Джон Рассел, пожертвовав собой ради него, убил себя в палате общин. Однако Рассел, этот старый парламентский человеколюбец, в чьем толковании заповедь «люби ближнего своего, как самого себя», всегда означала «своя рубашка ближе к телу», предпочел убить самого «старца». Мы не обманулись в Робаке. Свое предложение он внес по уговору с Расселом, чтобы при крушении коалиции спасти «лучшую часть» ее — вигов.

И в самом деле! Предложение Робака направлено не против министерства в целом, а против «ведомств», которым непосредственно поручено ведение войны, то есть против *пилитов*[10]. К тому же ясно, что Рассел при открытии парламента отнюдь не случайно заявил, что основа для переговоров вовсе не есть основа, поскольку Россия оставила за собой право оспаривать каждый из четырех пунктов, и что переговоры не являются по существу переговорами, раз английский кабинет еще никого не уполномочил их вести. Едва только Робак заявил о своем предложении, — это было во вторник, — как Рассел вечером того же дня написал «старцу», что целью этого предложения является выражение недоверия военному ведомству (пилитам), а потому

[*] — Абердии. *Ред.*

он вынужден вручить свою отставку. Абердин отправился в Виндзорский замок к королеве и посоветовал ей принять отставку, что и было сделано. Мужество «старца» понятно, поскольку известно, что Пальмерстон в отставку *не* подал.

Палата общин узнала об этих важных событиях на заседании в четверг. Она отсрочила свое заседание, а Робак свое предложение до сегодняшнего вечера. Все члены палаты общин бросились в палату лордов, где ожидалось объяснение Абердина. Последний, однако, был достаточно ловок, чтобы не явиться на заседание, — опять-таки под предлогом поездки в Виндзор, — и герцог Ньюкасл повторил в палате лордов те же россказни, что и Пальмерстон в палате общин. Тем временем виги, члены палаты общин, с ужасом узнали в палате лордов, что их план разгадан и путь к отступлению отрезан. Тори отнюдь не горели желанием снова обеспечить вигам за счет пилитов их старую привилегию «божьей милостью откупщиков Британской империи». Они побудили лорда Линдхёрста внести предложение, которое в отличие от предложения Робака направлено не против отдельных министерств, а против правительства в целом и не ограничивается лишь осуждением — a la Робак, — а прямо ставит правительство в положение обвиняемого. Заявление Линдхёрста дословно гласило:

«В пятницу 2 февраля я внесу предложение о том, что, по мнению данной палаты, крымская экспедиция была предпринята министрами ее величества при крайне недостаточных средствах, без надлежащей предусмотрительности и достаточного изучения вопроса о характере и силе сопротивления, которого можно было ждать со стороны врага, и что нерадивость и неуменье, проявленные правительством в деле руководства кампанией, привели к самым гибельным последствиям».

Не приходится сомневаться в том, что предложение Линдхёрста в такой же мере направлено против вигов, в какой предложение Робака — против сторонников Абердина, Заметим кстати: лорд Джон Рассел через Хейтера сообщил палате общин, что при первой же возможности — следовательно сегодня вечером — он объяснит причины своей отставки. «Кто ничего не ждет, тот не обманется»[11].

Написано К. Марксом 26 января 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 47, 29 января 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ДЕЛА

Лондон, 27 января. Облик и тон вчерашнего заседания палаты общин дают яркое представление о том, как низко пал теперешний английский парламент.

К началу заседания, около четырех часов пополудни, зал был переполнен, так как ждали скандальной сцены — объяснения лордом Расселом причин своей отставки. Но как только закончились дебаты личного характера и начались дебаты по существу дела — о предложении Робака, — возмущенные патриоты поспешили на обед; зал заседаний опустел, кое-где раздались возгласы: «голосовать, голосовать!» Наступила томительная пауза, длившаяся до тех пор, пока секретарь по военным делам Сидни Герберт не поднялся и не обратился к пустующим депутатским скамьям с пространным, обстоятельным докладом. Затем один за другим стали медленно возвращаться на свои места насытившиеся члены парламента. Когда Лейард начал свою речь, приблизительно в половине десятого вечера, присутствовало около 150 депутатов; когда же он ее кончил, примерно за час до закрытия заседания, зал был снова переполнен. Однако конец заседания походил скорее на парламентскую сиесту.

Лорд Джон Рассел, все достоинства которого сводятся к одному — к сохранению рутины в парламентской тактике, — произнес свою речь не у стола спикера, как это принято в таких случаях, а с третьей, расположенной за министерскими креслами, скамьи, на которой восседают недовольные виги. Он говорил тихим, сиплым голосом, растягивая слова, как всегда с дурным английским произношением и оказываясь часто в серьезных

неладах с правилами синтаксиса. (Кстати: речи в том виде, как они печатаются в газетах, ни в коем случае не следует смешивать с речами, которые произносятся.) Обыкновенные ораторы прячут плохое содержание под красивой формой изложения, Рассел же пытался плохим изложением оправдать плохое содержание. Своей манерой говорить он как бы приносил извинение за то, что он говорил.

И в самом деле, было за что извиняться! В прошлый понедельник он-де еще не думал об отставке, а во вторник, как только Робак заявил о своем предложении, он счел ее неизбежной. Это напоминает того лакея, который ничего не имел против лжи, но у которого пробуждалась совесть, когда эта ложь раскрывалась. На каком, мол, основании мог бы он выступить против предложения о парламентском расследовании, как того требует от него долг лидера палаты общин! Не на том ли, что зло не так уж велико, чтобы требовать расследования? Но кто же станет отрицать плачевное положение армии под Севастополем? Оно не просто мучительно, оно ужасно, невыносимо. Или он должен был заверить парламент, что следственная комиссия парламента бесполезна, поскольку для борьбы со злом пущены в ход лучшие средства? Тут Рассел затронул щекотливый вопрос, потому что не только как член министерства, но и как председатель Privy Council* он непосредственно отвечал за принятие таких мер. Рассел признает, что он дал согласие на назначение герцога Ньюкасла «главным» военным министром. Он не может отрицать, что меры по снабжению армии продовольствием, обмундированием и по обслуживанию медицинской помощью нужно было принять по крайней мере в августе и сентябре. Что же, по его собственному признанию, Рассел делал в столь критический период? Он разъезжал по стране, произносил небольшие речи в «literary institutions»** и занимался изданием переписки Чарлза Джемса Фокса[12]. В то время как он ездил по Англии, Абердин разъезжал по Шотландии, и кабинет министров ни разу не собирался с августа по 17 октября. На этом заседании кабинета лорд Джон, по его собственным словам, не предлагал ничего такого, что заслуживало бы внимания парламента. После этого лорд Джон снова целый месяц размышляет и, наконец, 27 ноября направляет Абердину письмо, в котором предлагает пост военного министра объединить с постом secretary at war*** и передать оба эти поста лорду Пальмерстону —другими словами, сместить герцога Ньюкасла. Абердин отклоняет

* — Тайного совета. *Ред.*
** — «литературных обществах». *Ред.*
*** — секретаря по военным делам. *Ред.*

это предложение. 28 ноября Рассел снова пишет Абердину в том же духе. Абердин с полным основанием отвечает ему 30 ноября, что все его предложение направлено лишь к тому, чтобы заменить одно лицо другим — герцога Ньюкасла Пальмерстоном. Между тем, когда министерство колоний отделилось от военного министерства, Рассел охотно предложил последнее герцогу Ньюкаслу, чтобы в министерство колоний посадить одного из своих вигов — сэра Джорджа Грея. Абердин затем лично запрашивает Рассела, не намерен ли он внести свое предложение в кабинет министров. Рассел отказывается от этого, чтобы, как он выразился, *we* ломать министерства». Итак, прежде всего министерство, а затем уже армия в Крыму.

Никаких мер к устранению зла, признает Рассел, не было принято. Вся реформа военного управления ограничилась тем, что интендантство было подчинено военному министру. Тем не менее, хотя *никаких* мер, чтобы исправить положение, принято не было, Рассел преспокойно оставался в составе министерства и с 30 ноября 1854 по 20 января 1855 г. не вносил больше никаких предложений. В этот день, в прошлую субботу, Абердин передал Расселу некоторые предложения относительно реформы военного управления, но Рассел нашел их недостаточными и со своей стороны внес в письменном виде встречные предложения. Лишь три дня спустя он счел нужным подать в отставку, потому что Робак сделал свое заявление, а Рассел не был намерен разделять ответственность с тем кабинетом, в котором он занимал посты и в делах которого принимал непосредственное участие. Он слышал, поясняет Рассел, что Абердин ни за что не решится назначить Пальмерстона диктатором военного министерства, а раз так, то он, Курций, может лишь поздравить себя с тем, что не напрасно оставил министерство и ринулся в зияющую бездну оппозиции. Так, катясь все дальше по наклонной плоскости, наш лорд Джон уничтожил и последний предлог, который он мог выставить в оправдание своей отставки, заявив: 1) что перспективы войны вовсе не таковы, чтобы давать повод для господствующего настроения безнадежности; 2) что Абердин — великий министр, Кларендон — великий дипломат, Гладстон — великий финансист; 3) что партия вигов состоит не из карьеристов, а из патриотических мечтателей, и, наконец, что он, Рассел, воздержится от голосования по поводу предложения Робака, хотя и вышел из министерства будто бы потому, что патриот *ничего* не может возразить против этого предложения. Речь Рассела была встречена еще более холодно, чем произнесена.

От имени министерства выступал Пальмерстон. Его положение было курьезным. Курций-Рассел уходит в отставку по-

тому, что Абердин не хочет назначить Пальмерстона военным диктатором. Брут-Пальмерстон обрушивается на Рассела за то, что в минуту опасности он покидает Абердина. В этом курьезном положении Пальмерстон чувствовал себя прекрасно. Он использовал его для того, чтобы, как обычно в критические моменты, вызвав смех, превратить серьезное положение в фарс. Когда Пальмерстон упрекнул Рассела в том, что он не принял своего героического решения еще в декабре, Дизраэли, — он по крайней мере не скрывает своей радости по поводу гибели венецианской конституции, — громко рассмеялся, а Гладстон, специализировавшийся на серьезности, вероятно, прошептал все пьюзиитские[13] молитвы, чтобы не расхохотаться. Пальмерстон заявил, что принятие предложения Робака означает падение министерства. Если же предложение будет отвергнуто, то кабинет обсудит вопрос о своем собственном преобразовании (включая и вопрос о диктатуре Пальмерстона).

Великий волшебник, этот Пальмерстон! Стоя одной ногой в могиле, он, однако, умеет убедить Англию в том, что он — homo novus* и что его карьера только начинается! Занимая в течение *двадцати лет* пост секретаря по военным делам и прославившись на этом посту лишь систематической защитой телесных наказаний и продажи чинов в армии[14], он смеет теперь выдавать себя за человека, одно имя которого способно уничтожить недостатки целой системы! Единственный из всех английских министров, которого в парламенте неоднократно изобличали, и особенно серьезно в 1848 г., как *русского агента,* он смеет выдавать себя за человека, который один только и способен повести Англию на войну с Россией. Великий человек, этот Пальмерстон!

О дебатах по поводу предложения Робака, которые перенесены на вечернее заседание в понедельник, — в следующий раз. Это предложение так ловко составлено, что враги министерства заявили, что будут голосовать за него, хотя и находят его нелепым, а сторонники министерства собираются высказываться за предложение, хотя и будут голосовать против. Заседание палаты лордов не представляло особого интереса. К заявлению Рассела Абердин ничего не прибавил, кроме своего изумления: Рассел-де изумил весь кабинет.

Написано К. Марксом 27 января 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 49, 30 января 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — новый человек. *Ред.*

New-York Tribune.

Vol. XIV.....No. 4,316 NEW-YORK, SATURDAY, FEBRUARY 17, 1855. PRICE TWO CENTS.

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВОЙНА В ЕВРОПЕ [15]

По мере того как близится срок открытия новой конференции в Вене[16] шансы на какие-либо уступки со стороны России становятся все более призрачными и в высшей степени шаткими. Блестящий успех отличного дипломатического coup[*] царя, его быстрое согласие на предложенную основу переговоров, ставит его, по крайней мере на ближайшее время, в очень выгодное положение. Вот почему можно с уверенностью сказать, что как бы внешне не выглядело согласие царя на мирные предложения, единственной реальной базой, на которой он в данный момент согласится уладить конфликт, является по существу сохранение status quo[**]. Принятием четырех пунктов[17] царь вновь поставил Австрию в весьма двусмысленное положение, продолжая в то же время удерживать на поводу Пруссию, и выиграл время, чтобы стянуть к границе все свои резервы и вновь сформированные части прежде, чем могут начаться военные действия.

Сам факт согласия на переговоры позволяет сразу освободить из русской обсервационной армии на австрийской границе такое количество войск, которое можно заменить в течение двух месяцев или десяти недель, то есть по меньшей мере 60—80 тысяч человек. Поскольку вся бывшая Дунайская армия как таковая перестала существовать — 4-й корпус с конца октября находится в Крыму, 3-й корпус прибыл туда в самом конце декабря, а остаток 5-го корпуса с кавалерией и резервами сейчас находится на пути в Крым, — вместо этих войск необходимо разме-

[*] — хода. *Ред.*
[**] — существующего порядка, существующего положения. *Ред.*

стить на Буге и Днестре свежие части из состава Западной армии, расположенной в Польше, на Волыни и в Подолии. Следовательно, если война будет перенесена в центр континента, срок в два-три месяца имеет для России решающее значение, ибо в настоящее время ее войска, сильно растянутые по линии от Калиша до Измаила, не могут более без подкреплений противостоять численно все возрастающей австрийской армии. Теперь Россия выиграла это время, и ниже мы покажем, на какой стадии находятся в настоящее время ее военные приготовления.

Мы уже давали ранее краткий очерк организации русской армии[18]. Большая действующая армия, предназначенная для операций на юге и западе Европы, состояла вначале из шести армейских корпусов по 48 батальонов в каждом, из двух корпусов отборных войск по 36 батальонов в каждом и относительно большого количества кавалерии, регулярной и иррегулярной, и артиллерии. Как мы уже сообщали раньше, правительство не только призвало запас, из которого сформированы четвертый, пятый и шестой батальоны в отборных войсках и пятый и шестой батальоны в шести остальных армейских корпусах, но и создало посредством новых наборов в каждом полку седьмой и восьмой батальоны, так что количество батальонов в шести линейных корпусах удвоилось, а в отборных войсках (гвардейских и гренадерских) более чем удвоилось. Теперь численность русских войск представляется приблизительно в следующем виде:

Гвардейцы и гренадеры — четыре первых батальона на полк	96 батальонов по 900 человек—	86 400
Гвардейцы и гренадеры — четыре последних батальона на полк	96 батальонов по 700 человек—	67 200
1-й и 2-й корпуса (еще не принимавшие участия в боях), четыре первых, или действующих батальона на полк	96 батальонов по 900 человек—	86 400
1-й и 2-й корпуса — четыре последних батальона на полк	96 батальонов по 700 человек —	67 200
3-й, 4-й, 5-й, 6-й корпуса — действующие батальоны	192 батальона по 500 человек —	96 000

3-й, 4-й, 5-й, 6-й корпуса — четыре последних батальона на полк	192 батальона по 700 человек —	134 400
Финляндский корпус	16 батальонов по 900 человек —	14 400
Итого	784	552 000
Кроме того: кавалерия регулярная		80 000
кавалерия иррегулярная		46 000
артиллерия		80 000
Всего		758 000

Некоторые из приведенных нами цифр могут показаться завышенными, но в действительности это не так. Огромные рекрутские наборы, проведенные с начала войны, должны были, несмотря на понесенные потери, целиком приходящиеся на 96 действующих батальонов 3-го, 4-го, 5-го и 6-го корпусов, увеличить численность армии в еще большей степени, но мы сделали скидку на многочисленные случаи смертности среди рекрутов во время следования их к своим полкам. Кроме того в отношении кавалерии наш подсчет весьма скромен.

Из вышеуказанного количества войск 8000 человек (одна дивизия 5-го корпуса) находятся на Кавказе, их следует поэтому сбросить со счета, ибо мы здесь не принимаем во внимание войска, используемые вне Европы. Остальные 750000 человек дислоцированы примерно следующим образом: на берегах Балтийского моря под командованием генерала Сиверса находится Балтийская армия, образованная из Финляндского корпуса и резервных частей гвардии, гренадер и 6-го корпуса — всего вместе с кавалерией и артиллерией около 135000 человек; однако часть этой армии составляют необученные рекруты и наспех сформированные батальоны. В Польше и на границе Галиции от Калиша до Каменца — гвардейцы, гренадеры, 1-й корпус, одна дивизия 6-го корпуса и часть резервов гренадер и 1-го корпуса — всего вместе с кавалерией и артиллерией около 235000 человек. Эта армия представляет собой лучшую часть вооруженных сил России; она состоит из отборных войск и лучшей части резервов. В Бессарабии и между Днестром и Бугом находятся две дивизии 2-го корпуса с частью своих резервов — всего около 60000 человек. Эти войска составляли часть Западной армии, но после переброски Дунайской армии в Крым были выделены и отправлены на место последней. В настоящее время они противостоят австрийским войскам в Дунайских княжествах,

командует ими генерал Панютин. Для обороны Крыма предназначены уже прибывшие туда 3-й и 4-й корпуса, одна дивизия 5-го корпуса, две дивизии 6-го и некоторая часть резервов, а также находящиеся еще на марше по одной дивизии 2-го и 5-го корпусов; численность всех этих войск вместе с кавалерией и артиллерией составляет не менее 170000 человек, командует ими Меншиков. Из остальной части резерва и новых соединений, в частности 1-го, 2-го, 3-го, 4-го и 5-го корпусов, генерал Чеодаев формирует теперь большую резервную армию. Она сосредоточивается во внутренних районах России и будет насчитывать около 150000 человек. Какая часть этой армии уже находится на пути в Польшу или на юг, сказать, разумеется, невозможно.

Таким образом, император Николай, имевший прошлым летом на западной границе своей империи, от Финляндии до Крыма, менее 500000 человек, располагает теперь там 600000 человек и кроме того резервной армией в составе 150000, формирующейся во внутренних районах страны. И тем не менее, по сравнению с Австрией, он располагает теперь меньшими силами, чем раньше. В августе и сентябре прошлого года в Польше и Подолии было 270000 русских солдат, а на Пруте и Днестре была расположена Дунайская армия, насчитывавшая около 80000, — эту армию держали там больше из-за опасения австрийцев, чем кого-либо другого. Следовательно, в то время против Австрии могла бы действовать армия в 350000 человек. Теперь, как мы видели, там находится лишь 295000, сосредоточенных вдоль линии австрийских аванпостов, в то время как Австрия уже выставила непосредственно против них 320000 человек, в помощь которым она может бросить 70000—80000, дислоцированных в Богемии и Моравии. Эта относительная численная слабость русской армии в данный момент и неуверенность в своевременном прибытии подкреплений из внутренних районов в такое время года, да еще в стране, где вся администрация продажна, являются вполне достаточными причинами для того, чтобы русское правительство стремилось выиграть как можно больше времени. Численное превосходство противника мешает русским предпринять наступательные действия, а это означает, что, действуя на открытой местности, характерной для Польши. и к тому же при отсутствии между двумя армиями значительных водных рубежей, русские войска при первом же столкновении вынуждены будут отступить на такие позиции, которые можно удержать. В данном случае это привело бы к рассечению русской армии на две части, из которых одной пришлось бы отступать к Варшаве, а другой — к Киеву, причем между ними оказались бы непроходимые болота Полесья, простирающиеся от

Буга (не Южного Буга, а притока Вислы) до Днепра. При таких обстоятельствах было бы исключительной, редко сопутствующей русским в таких случаях удачей, если бы огромное число русских солдат не оказалось загнанным в эти болота. Таким образом, большую часть Южной Польши, Волынь, Подолию, Бессарабию, то есть целиком всю территорию от Варшавы до Киева и Херсона, пришлось бы оставить даже без боя. С другой стороны, и русская армия при условии численного превосходства могла бы так же легко изгнать австрийцев из Галиции и Молдавии, прежде чем они рискнули бы принять решительное сражение, и овладеть проходами в Венгрию; результаты этого нетрудно себе представить. В такого рода войне между Австрией и Россией первая успешная наступательная операция поистине приобретает величайшее значение как для одной, так и для другой стороны, и каждая сторона постарается сделать все возможное, чтобы первой обосноваться на территории противника.

Мы уже не раз говорили, что пока Австрия не выступит против России, нынешняя война не будет представлять, с точки зрения военного искусства, того интереса, который вызывают все европейские войны. Даже события в Крыму представляют собой не что иное, как большую войну в малом масштабе. Неимоверно длительные переходы русских, бедствия союзников сокращали до сих пор численность воюющих армий до таких размеров, которые не позволяли дать ни одного действительно крупного сражения. Что это за сражения, если в них принимает участие от пятнадцати до двадцати пяти тысяч человек с каждой стороны! Какие стратегические операции, представляющие подлинно научный интерес, могут быть осуществлены на небольшом пространстве между Херсонесом и Бахчисараем! И даже здесь, какие бы сражения ни происходили, солдат никогда не бывает достаточно, чтобы занять всю линию фронта. Интерес вызывает скорее то, что не предпринимается, нежели то, что предпринимается. А в остальном все, что происходит, носит не исторический, а анекдотический характер.

Другое дело, если вступят в действие обе большие армии, стоящие ныне друг против друга на границе Галиции. Каковы бы ни были намерения и способности командиров, сама многочисленность армий и характер местности исключают как показную войну, так и нерешительность. Быстрое сосредоточение, форсированные марши, военные хитрости и обходы флангов крупными силами, перемена операционных баз и операционных направлений, короче говоря, маневрирование и сражения больших масштабов в соответствии с действительными принципами военного искусства становятся здесь совершенно необходимыми

и само собой разумеющимися; и в этих условиях полководец, который будет руководствоваться политическими соображениями или действовать недостаточно решительно, неизбежно погубит свою армию. Война подобного масштаба и на такой местности приобретает сразу же серьезный и деловой характер; именно поэтому русско-австрийская война, если она вспыхнет, станет одним из наиболее интересных событий после 1815 года.

Что касается перспектив заключения мира, то в настоящее время они не так определенны, как казалось несколько недель тому назад. Если союзники проявят готовность закончить борьбу на условиях сохранения в основном status quo, то война, возможно, будет прекращена; но как мало надежды на это, нашим читателям не приходится разъяснять. И в самом деле, едва ли Россия пойдет на условия, которые могут ей предложить или на которые могут согласиться Франция и Англия, в момент, когда половина Германии оказывает ей по меньшей мере моральную поддержку и когда она уже мобилизовала огромные силы, численность которых мы привели выше. Мало вероятно, чтобы за почти непрерывным рядом выгодных мирных договоров, начиная со времен Петра Великого до Адрианопольского мира[19], последовал договор, означающий отказ от господства на Черном море — теперь, когда Севастополь еще не взят и в действие введена лишь одна треть русских войск. Но если мир не может быть заключен, пока окончательно не выяснится судьба Севастополя и экспедиции союзников, то тем более нереальным станет он, когда исход крымской кампании будет решен. Если падет Севастополь, то честь России, — а если будут разбиты и сброшены в море союзники, то их честь, — не позволит заключить соглашение, пока не будут достигнуты более существенные результаты. Если бы за время подготовки к конференции было заключено перемирие, возможность которого мы предполагали, когда стало известно о принятии царем четырех пунктов, имелись бы еще основания питать надежды на мир; при существующих же обстоятельствах мы вынуждены допустить, что гораздо вероятнее большая европейская война.

Написано Ф. Энгельсом около 29 января 1855 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4316, 17 февраля 1855 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ИЗ ПАРЛАМЕНТА. —
С ТЕАТРА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Лондон, 29 января. Наше суждение об английском парламенте находит себе сегодня подтверждение в английской печати.

«Английский парламент», —говорит газета «Morning Advertiser»[20], — «снова собрался и разошелся в первый же вечер со смехом, который был отвратительнее шутки идиота над гробом своего отца».

Также и газета «Times» вынуждена заметить:

«Лишь немногие, разумеется, прочитав отчет о заседании, состоявшемся в пятницу, сумеют преодолеть мрачное настроение. При ближайшем рассмотрении оказывается, что это настроение вызвано убеждением в том, что наша легислатура, созванная при чрезвычайных обстоятельствах для обсуждения самых серьезных вопросов, важнейшим делам предпочла второстепенные и на вопросы, представляющие личный и узкопартийный интерес, потратила часы, которые целиком следовало бы посвятить обсуждению отчаянного положения нашей армии в Крыму».

По этому случаю «Times» советует назначить Пальмерстона премьер-министром, поскольку для военного министра он-де «слишком стар». Та же газета советовала предпринять крымскую экспедицию в такое время года и с такими силами, которые, по свидетельству сэра Говарда Дугласа, крупнейшего военного критика в Англии, почти гарантировали ее неудачу.

К характеристике состоявшегося в пятницу заседания можно добавить еще один штрих. Хотя Робак, давно страдающий хронической болезнью, и вынужден был прервать свою речь спустя десять минут после ее начала и прямо перейти к своему предложению, однако у него хватило времени, чтобы поставить роковой вопрос: мы послали на Восток хорошо оснащенную армию в 54000 человек; от нее осталось лишь 14000; куда де-

вались 40000 человек, которых *недостает?* Как же ответил на этот вопрос секретарь по военным делам Сидни Герберт, великий покровитель английских пиетистов, трактарианцев[21]? Никуда, мол, не годится система. Но кто противодействовал какой бы то ни было коренной реформе этой системы несколько месяцев тому назад, когда было проведено отделение военного министерства от министерства колоний? Сидни Герберт и его коллеги. Не довольствуясь спасительной ссылкой на «систему», Сидни Герберт кроме того обвиняет командиров бригад и полков в полной непригодности. Но кто знаком с системой, тот знает также, что эти командиры не имеют никакого отношения к управлению, а следовательно, и к плохому управлению, жертвой которого, по общему признанию, стала образцовая армия. Однако благочестивому Герберту показалось, что он еще недостаточно исповедался в *чужих* грехах. Английские солдаты-де неповоротливы. Они — ненаходчивы. Они, правда, храбры, но глупы.

«Они на драку мастера,
Но рассуждать им не под силу»*.

Он же, Сидни Герберт, и его коллеги — непризнанные гении. Можно ли удивляться тому, что проповедь Герберта разволновала чудака Драммонда и побудила его поставить вопрос, не наступило ли время приостановить действие конституции и назначить диктатора Англии? Вернон Смит, бывший министр **из** вигов, дал, наконец, классическое выражение всеобщего замешательства, заявив, что он не знает ни того, чего собственно хочет автор предложения, ни того, что он должен делать сам; не знает, образуется ли уже новое министерство и существовало ли когда-нибудь старое, а посему он не намерен голосовать за предложение. «Times», однако, полагает, что сегодня вечером предложение будет принято. Как известно, 26 января 1810 г. предложение лорда Порчестера об учреждении комиссии по расследованию валхеренской экспедиции[22] встретило противодействие со стороны английского парламента. Аналогичное противодействие наблюдалось и 26 января 1855 года. Однако 29 января 1810 г. предложение прошло, а Англия — страна исторических прецедентов.

Одного согласия России на мирные переговоры оказалось достаточно, чтобы она получила возможность оттянуть из обсервационной армии, находящейся на австрийской границе, такое количество войск, которое можно снова заменить в течение двух

* Гёте. Из цикла «Изречения в стихах». Строки перефразированы. *Ред.*

месяцев или десяти недель, то есть по меньшей мере 60000— 80000 человек. Мы знаем теперь, что вся бывшая (русская) Дунайская армия как таковая перестала существовать, поскольку 4-й корпус уже с конца октября находится в Крыму, 3-й корпус прибыл туда в самом конце декабря, а остаток 5-го корпуса, вместе с кавалерией и резервами, находится на пути в Крым. Новое распределение этих войск, которые на Буге и Днестре должны быть заменены войсками из состава Западной армии (расположенной в Польше, Волыни и Подолии), и тот факт, что части 2-го корпуса и кавалерийского резерва также направляются в Крым, уже сами по себе достаточно объясняют— независимо от всех прочих дипломатических соображений — почему Россия, ни минуты не колеблясь, снова согласилась вести переговоры на так называемой «основе». Срок в два-три месяца имеет для России решающее значение, так как ее армия, сильно растянутая по линии от Калиша до Измаила, не может более без подкреплений противостоять численно все возрастающей австрийской армии. Чтобы показать это убедительнее, приведем следующие данные о численности и расположении большой русской действующей армии, предназначенной для операций на юге и западе Европы; данные эти почерпнуты из самых надежных источников и скорее *переоценивают,* чем *недооценивают* ее силы. Эта армия состояла вначале из шести армейских корпусов по 48 батальонов в каждом; из двух корпусов отборных войск (гвардейцев и гренадер) по 36 батальонов и относительно большого количества кавалерии — регулярной и иррегулярной — и артиллерии. Затем русское правительство призвало запас, чтобы сформировать четвертый, пятый и шестой батальоны в отборных войсках и пятый и шестой батальоны в остальных армейских корпусах. Вслед за тем путем нового набора оно влило в каждый полк по седьмому и восьмому батальону — так что количество батальонов в линейных корпусах удвоилось, а в отборных войсках более чем удвоилось.

Численный состав этих вооруженных сил может быть представлен приблизительно в следующем виде: *гвардейцы и гренадеры* — четыре первых батальона на полк, 96 батальонов по 900 человек, всего 86400 человек; четыре последних батальона на полк, или 96 батальонов по 700 человек, всего 67200 человек; *1-й* и *2-й корпуса* (еще не принимавшие участия в боях) — четыре первых батальона на полк, или 96 батальонов по 900 человек, всего 86400 человек; четыре последних батальона на полк или 96 батальонов по 700 человек, всего 67200 человек; *3-й, 4-й, 5-й* и *6-й корпуса* — четыре первых батальона на полк или 192 батальона по 500 человек, всего 96000 человек; четыре

последних батальона на полк, или 192 батальона по 700 человек, всего 134400 человек; *Финляндский корпус* — 14400 человек. Итого 784 батальона, 552000 человек; *кавалерия* (регулярная)— 80000 человек, *кавалерия* (иррегулярная) — 46000 человек; *артиллерия* — 80000 человек. Всего 758000 человек. До сих пор потери несли только 96 действующих батальонов 3-го, 4-го, 5-го и 6-го корпусов.

За вычетом 1-й дивизии 5-го корпуса, находящейся на Кавказе, остается 750000 человек, которые дислоцированы теперь следующим образом. На берегах Балтийского моря под командованием генерала Сиверса находится Балтийская армия, образованная из Финляндского корпуса и резервных частей гвардии, гренадер и 6-го корпуса; вместе с кавалерией и т. д. она насчитывает около 135000 человек, из которых часть состоит из необученных рекрутов и наспех сформированных батальонов. В Польше и на границе Галиции, от Калиша до Каменца, стоят гвардейцы, гренадеры, 1-й корпус, 2-я дивизия 6-го корпуса, часть резервов гренадер и 1-го корпуса — всего вместе с кавалерией и артиллерией около 235000 человек. Этой отборной частью русской армии командует Горчаков. В Бессарабии и между Днестром и Бугом расположены две дивизии 2-го корпуса с частью своих резервов, всего около 60000 человек. Эти войска составляли часть Западной армии, но после переброски Дунайской армии в Крым они были выделены из Западной армии и отправлены на место последней. В настоящее время они противостоят австрийской армии в Дунайских княжествах, командует ими генерал Панютин. Для обороны Крыма предназначены: 3-й и 4-й корпуса, две дивизии 6-го корпуса с резервами и по одной дивизии от 2-го и 5-го армейских корпусов, которые находятся теперь на марше, — всего вместе с кавалерией 170000 человек под командованием Меншикова. Из остальной части резерва и вновь образованных батальонов — в частности 1-го, 2-го, 3-го, 4-го и 5-го корпусов — генерал Чеодаев формирует заново большую резервную армию. Она сосредоточена во внутренних районах России и насчитывает около 150000 человек. Какая часть этой армии находится на пути в Польшу или на юг, неизвестно.

Таким образом, в то время как Россия в конце прошлого лета имела на своих западных границах от Финляндии до Крыма менее 500000 человек, теперь она располагает там 600000 человек, помимо резервной армии в составе 150000. И тем не менее, по сравнению с Австрией Россия теперь слабее, чем раньше. Тогда, в августе и сентябре, в Польше и Подолии находилось 270000 русских солдат, а русская армия на Пруте, Днестре

и Дунае насчитывала около 80000 — вместе это составляло армию в 350000 человек, которая могла действовать против Австрии. Теперь там находятся лишь 295000, в то время как Австрия выставила непосредственно против них 320000 человек, в помощь которым она может бросить еще 70000—80000, дислоцированных в Богемии и Моравии. Поэтому Россия *в настоящий момент* не в состоянии предпринять наступательные действия, а это означает, что, действуя на открытой местности, характерной для Польши, к тому же при отсутствии между двумя армиями значительных водных рубежей, русские войска вынуждены будут отступить на такие позиции, которые можно удержать. Если бы Австрия начала теперь наступление, то русская армия была бы расколота на две части, из которых одной пришлось бы отступать к Варшаве, а другой к Киеву, причем между ними оказались бы непроходимые болота Полесья, простирающиеся от Буга до Днепра. Вот почему *в настоящий момент* выигрыш времени является для России решающим. Вот чем объясняются ее «дипломатические соображения».

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом
29 января 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung»
№ 53, 1 февраля 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ПОСЛЕДНЕЕ АНГЛИЙСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО [23]

Отмечая приход к власти правительства лорда Пальмерстона, которому, как мы полагаем, предстоит недолгая и не слишком блестящая карьера, мы считаем уместным кратко остановиться в а истории предшествовавшего ему правительства. Трудно сказать, что в будущих исторических исследованиях будет особо отмечаться в истории этого правительства — первоначальные ли его притязания, важность ли событий, участником которых оно оказалось, его беспрецедентная бездарность или позор, сопровождавший его падение.

Следует напомнить, что лорд Абердин и его коалиция пришли к власти в результате голосования, опрокинувшего 16 декабря 1852 г. правительство Дерби. Дизраэли при голосовании за предложенный им бюджет остался в меньшинстве. Бюджет был отвергнут большинством в 19 голосов под тем предлогом, что предлагаемое им расширение подомового налога и прямого налогового обложения в целом противоречит принципам разумной политической экономии, провозглашенным вигами и пилитами. В действительности же исход голосования решила ирландская бригада[24], руководствующаяся, как известно, соображениями вовсе не теоретического характера, и даже у так называемых либералов и либерал-консерваторов слова разошлись с делом, поскольку они в своем собственном бюджете воспроизвели многие предложения Дизраэли и заимствовали большую часть его аргументации. Во всяком случае тори были свергнуты, и после нескольких схваток и бесплодных попыток была создана коалиция, благодаря которой, по выражению лондонской газеты «Times» Англия подошла теперь «к началу политического

тысячелетнего царства». Это тысячелетнее царство продолжалось ровно 2 года и 1 месяц и закончилось полным провалом и катастрофой в обстановке всеобщего негодования английского народа. Та же газета «Times», которая провозгласила, что воцарение «всех талантов» означает начало тысячелетнего царства, больше всех других газет содействовала падению этого кабинета.

«Таланты» предстали перед парламентом 10 февраля 1853 года. Они вновь провозгласили ту самую программу вигов, которую лорд Джон Рассел предлагал еще в 1850 г. и которая очень скоро привела к отставке министерства. Что касается главного вопроса, парламентской реформы, то его, оказывается, нельзя было обсуждать до «следующей сессии». Пока же стране предлагалось удовлетвориться менее важными, но более многочисленными и более практическими административными реформами, такими как судебная реформа, введение новых правил для железных дорог и улучшение дела народного образования. Уход лорда Джона Рассела из министерства иностранных дел, где его заменил лорд Кларендон, был первым из перемещений, столь характерных для этого талантливого правительства, перемещений, всегда приводивших к созданию новых должностей, новых синекур, к установлению новых окладов для верных приверженцев правительства. Рассел в течение некоторого времени являлся членом кабинета, не имея других функций, кроме функции лидера палаты общин, и не получая оклада; однако очень скоро он стал домогаться этого блага и, в конце концов, удостоился ранга и звания председателя Тайного совета с круглой суммой годового содержания.

24 февраля лорд Джон внес в палату свой билль об отмене ограничений прав евреев, но это кончилось ничем, так как палата лордов положила билль под сукно. 4 апреля он предложил билль о реформе образования. Именно таких бесцветных и жалких биллей только и можно было ожидать от министерства бездельников. Тем временем Пальмерстон, исполняя должность министра внутренних дел, раскрыл новый пороховой заговор — известное дело о ракетах Кошута—Хейла. Напомним, что по распоряжению Пальмерстона на ракетной фабрике г-на Хейла был произведен обыск и было конфисковано много ракет и взрывчатого вещества; дело очень раздули, а при обсуждении его в парламенте 15 апреля Пальмерстон придал ему еще большее значение своими загадочными намеками. Все же по одному вопросу Пальмерстон высказался совершенно открыто: он объявил себя главным осведомителем континентальной полиции в отношении эмигрантов и был при этом так же откровенен,

как сар Джемс Грехем в 1844 г. в деле с перлюстрацией писем Мадзини[25]. В конце концов, благородный осведомитель был вынужден по существу прекратить это дело, поскольку единственным обвинением, которое могло быть предъявлено г-ну Хейлу, было то, что его фабрика взрывчатых веществ находилась на расстоянии более близком от предместий Лондона, чем это предусмотрено законом. Грандиозный заговор, преследовавший якобы цель взорвать всю Европу, свелся к простому нарушению полицейских правил, караемому штрафом!

Теперь снова настала очередь Рассела. В своей речи в палате 31 мая он так сильно обидел католиков[26], людей, при помощи которых он получил свой пост, что члены правительства — ирландцы немедленно подали в отставку. Это было слишком тяжелым ударом для «прочного правительства». Поддержка со стороны ирландской бригады являлась первым условием его существования, и поэтому Абердин в письме к одному из ее членов был вынужден отмежеваться от своего коллеги, а Расселу в парламенте пришлось взять свои слова обратно.

Самым важным вопросом, обсуждавшимся на этой сессии парламента, являлся билль об Ост-Индии. Министерство предлагало продлить хартию Ост-Индской компании еще на двадцать лет, не внося при этом никаких существенных изменений в систему управления Индией. Это предложение оказалось неприемлемым даже для данного парламента, и от него пришлось отказаться. Решено было предоставить парламенту право аннулирования хартии, при условии уведомления об этом Компании за год. Сэр Чарлз Вуд, бывший бесталанный канцлер казначейства в кабинете Рассела, демонстрировал теперь свои способности в Контрольном совете, то есть в совете по делам Индии. Все предложенные реформы сводились к нескольким незначительным и малоэффективным изменениям в системе судопроизводства и к свободному замещению гражданских должностей и военных постов, требующих специальных знаний. Но реформы эти были простым предлогом; суть билля сводилась к следующему: жалованье председателя Контрольного совета сэра Чарлза Вуда повышалось с 1200 до 5000 фунтов стерлингов; вместо 24 директоров, избираемых Компанией, оставалось лишь 18, из которых 6 директоров назначались правительством; это усиление правительственной опеки отнюдь не умаляло их достоинства, так как жалованье директоров увеличивалось с 300 до 900 ф. ст., а председатель и вице-председатель должны были получать по 1000 фунтов стерлингов. Не удовлетворившись такого рода расточительством государственных средств, решили отделить пост генерал-губернатора Индии, являвшегося одновременно

и губернатором Бенгалии, от поста последнего и создать также новое, подчиненное ему президентство с новым губернатором для собственно района Инда. При каждом из этих губернаторов должен быть, разумеется, свой совет, а должности в этих советах — это высокооплачиваемые и весьма выгодные синекуры. Какое счастье для Индии, что наконец-то она будет управляться в соответствии с подлинными принципами вигов!

Затем обсуждался бюджет. Эта изумительная финансовая комбинация так же, как и план ликвидации государственного долга, представленный г-ном Гладстоном, столь обстоятельно разбиралась на страницах «Tribune», что нет необходимости вновь излагать все ее детали. Многое в его проекте было заимствовано из бюджета Дизраэли, в свое время вызвавшего такое негодование добродетельного Гладстона; и тот и другой бюджеты предусматривали снижение пошлины на чай и расширение прямого налогового обложения. Некоторые из самых важных статей бюджета были навязаны великому финансисту, после того как его контрпредложения неоднократно проваливались в парламенте; такова статья об отмене налога на газетные объявления и статья о распространении на земельную собственность налога на наследство. От проекта реформы системы патентов, несколько раз пересматривавшегося в процессе обсуждения, пришлось отказаться. Бюджет, составленный с претензиями на законченную систему, в ходе дебатов превратился в какую-то бесформенную mixtum compositum[*] из не связанных между собой малозначительных статей, которые вряд ли стоили и сотой доли времени, потраченного на их обсуждение.

Что касается уменьшения государственного долга, то в этом вопросе Гладстон потерпел еще более сокрушительное фиаско. Его план, составленный с еще большей претензией, чем бюджет, свелся к выпуску $2^1/_2$-процентных бон казначейства вместо однопроцентных векселей казначейства, на чем публика теряла $1^1/_2$ процента от общей суммы; в результате этого плана пришлось выкупить, к величайшему неудобству публики, все находящиеся в обращении векселя казначейства и на 8 миллионов облигаций Компании Южных морей[27]; он привел также к полному провалу бон казначейства, которые никто не желал приобретать. В результате этих замечательных мероприятий г-н Гладстон смог с удовлетворением убедиться в том, что к 1 апреля 1854 г. кассовая наличность казначейства за год сократилась с 7800000 до 2800000 ф. ст., другими словами, непосредственно накануне войны наличные средства государственной казны уменьшились

[*] — мешанину. *Ред.*

на пять миллионов. А между тем, как видно из секретной переписки сэра Сеймура, правительство еще за год до войны должно было знать о том, что война с Россией неизбежна.

Новый билль о лендлордах и арендаторах в Ирландии[28], внесенный на обсуждение тори Нейпиром еще при министерстве лорда Дерби, прошел в палате общин, по крайней мере по видимости, с согласия министерства, но палата лордов отвергла его, и Абердин 9 августа выразил свое удовлетворение этим результатом. Билль о ссылке[29], билль о навигации и другие билли, ставшие законами, были унаследованы от кабинета Дерби. Билли о парламентской реформе, о реформе народного образования и почти все билли относительно судебной реформы пришлось отложить. Английские виги сочли бы, видимо, за несчастье для себя, если бы какое-либо из их мероприятий избежало подобной участи. Единственный билль, который прошел и который можно считать по праву принадлежащим данному министерству, — это великий акт об извозчиках, но и его пришлось изменить на следующий же день после того, как он был принят, из-за всеобщего возмущения извозчиков. Даже правила для извозчиков «все таланты» не сумели ввести в действие.

20 августа 1853 г. Пальмерстон закрыл сессию парламента, заверив парламент, что народ может быть спокоен в отношении затруднений на Востоке; Дунайские княжества-де будут эвакуированы, порукой чему служит «его вера в честность и личные качества русского императора, которые побудят его вывести свои войска из Дунайских княжеств!» 3 декабря стало известно, что русские уничтожили турецкий флот при Синопе. 12 декабря четыре державы направили в Константинополь ноту, в которой фактически требовали от Порты больших уступок, чем даже в ноте, направленной ранее венским совещанием[30]. 14 декабря английское правительство телеграфировало в Вену, что оно не считает синопские события препятствием для продолжения переговоров. Пальмерстон был полностью согласен с этим, а на следующий день подал в отставку — официально якобы из-за разногласий по поводу предложенного Расселом билля о парламентской реформе, в действительности же для того, чтобы показать общественному мнению, что он ушел в отставку по причинам внешней политики и политики в вопросе о войне. Достигнув своей цели, он через несколько дней вернулся в кабинет и таким образом избежал всех неприятных объяснений в парламенте.

В 1854 г. дело началось с отставки одного из младших лордов казначейства г-на Садлера, бывшего одновременно правительственным маклером ирландской бригады. Скандальные разоблачения в ирландском суде лишили правительство одного

из его талантов. Затем обнаружились новые скандальные дела. Г-н Гладстон, добродетельный Гладстон, пытался пристроить на поет губернатора Австралии одного из своих родственников, своего личного секретаря некоего Лоли, известного лишь в качестве азартного любителя скачек и биржевого игрока, но, к счастью, эта затея очень скоро провалилась. Тот же Гладстон оказался в неприятной близости к пороку и вследствие того, что некий О'Флаерти, который работал у него и получил свой пост благодаря ему, скрылся с немалой суммой государственных средств. Другой субъект, по фамилии Хейуорд, написал лишенный всякой литературной и научной ценности объемистый памфлет против Дизраэли и получил за это от Гладстона в виде награды должность в Совете попечительства о бедных.

Парламент возобновил свою работу в начале февраля. 6 февраля Пальмерстон сделал заявление о том, что внесет билль о создании милиции в Ирландии и Шотландии, но когда война 27 марта была действительно объявлена, он счел своим долгом не вносить билля до конца июня. 13 февраля Рассел внес свой билль о парламентской реформе только для того, чтобы через десять недель «со слезами на глазах» взять его обратно, опять-таки из-за объявления войны. В марте Гладстон внес свой бюджет, запросив лишь «ту сумму, которая потребовалась бы для того, чтобы *доставить обратно* 25000 солдат, собирающихся в данный момент покинуть британские берега». Благодаря своим коллегам, он теперь освобожден от этой заботы. Тем временем царь, придав гласности секретную переписку[31], вынудил французский и английский кабинеты объявить войну. Эта секретная переписка, начинающаяся депешей Расселу от 11 января 1853 г., показала, что английские министры уже в тот период были полностью осведомлены об агрессивных намерениях России. Все их утверждения относительно честности и личных качеств Николая, относительно миролюбивой и умеренной позиции России выглядели теперь как бесстыдные выдумки, рассчитанные лишь на то, чтобы ввести в заблуждение Джона Буля.

7 апреля лорд Грей, испытывая страстное желание получить пост военного министра, дабы подорвать дисциплину в армии, подобно тому как ему удалось, возглавляя управление колониями, вывести из повиновения почти все колонии Британской империи, разразился филиппиками против нынешней организации военного управления. Он потребовал объединения всех военных ведомств под начальством одного военного министра. Эта речь дала министрам возможность создать в июне посредством отделения военного министерства от министерства колоний новый пост — пост военного министра. Таким образом, все осталось

в таком же плохом состоянии, как и прежде, появилась лишь новая должность с новым окладом. Рассматривая деятельность парламента в период этой сессии в целом, можно было бы подвести следующие итоги: было внесено семь важных биллей; три из них: билль об изменении закона о переселении бедных[32], о народном образовании в Шотландии и об изменении текста парламентской присяги[33] — видоизмененный билль о правах евреев — были отклонены; три других: билль о предотвращении подкупов избирателей, о реорганизации гражданской службы и о парламентской реформе — были взяты обратно; один билль, о реформе Оксфордского университета, прошел, но в совершенно измененном виде.

Здесь нет необходимости говорить о ведении войны, о дипломатических усилиях коалиции — все это свежо в памяти каждого. Парламент, работа которого была прервана 12 августа прошлого года, снова собрался в декабре, чтобы спешно провести два совершенно неотложных мероприятия: билль об иностранном легионе и билль об использовании в добровольном порядке милиции как таковой для несения военной службы за пределами страны. Оба эти билля и по сей день остаются на бумаге. Тем временем были получены сообщения о бедственном положении британской армии в Крыму. Это вызвало возмущение общественного мнения; факты были вопиющими и неоспоримыми; министрам пришлось подумать об отставке. Парламент собрался в январе, Робак заявил о своем предложении, лорд Джон Рассел сразу же исчез, и в результате дебатов, продолжавшихся всего лишь несколько дней, «все таланты» потерпели неслыханное в истории парламента поражение и были свергнуты.

Великобритания может похвастаться не одним бездарным правительством, но такого бездарного, жалкого, алчного и в то же время такого самонадеянного кабинета, как кабинет «всех талантов», никогда еще не было. Этот кабинет начал с безудержного хвастовства, пробавлялся спорами о пустяках, терпел поражения и кончил таким позором, какой только может выпасть на долю человека.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом
1 февраля 1855 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune»
№ 4321, 23 февраля 1855 г.
в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

К МИНИСТЕРСКОМУ КРИЗИСУ

Лондон, 2 февраля. Вчера вечером, после того как Пальмерстон сделал официальное заявление об отставке министерства, палата общин снова отложила свое заседание.

В палате лордов надгробное слово «кабинету всех талантов» произнес лорд Абердин. По его словам, он воспротивился предложению Робака не потому, что его правительство боится расследования, а потому, что это предложение нарушает конституцию. Абердин, однако, не стал иллюстрировать это утверждение историческими примерами, подобно своему другу Сидни Герберту, который спросил палату общин, уж не намерена ли она подражать французской Директории (учрежденной в 1795 г.), пославшей комиссаров для ареста Дюмурье, — этих комиссаров, как известно, Дюмурье выдал Австрии в 1793 году[34]. Шотландский тан воздерживается от показа подобной учености. Его кабинет, заверяет он, мог бы только выиграть от назначения следственной комиссии. Он идет дальше. Он предвосхищает результат расследования, расточая похвалы самому себе и своим коллегам, — сначала военному министру, затем канцлеру казначейства, потом первому лорду адмиралтейства и, наконец, министру иностранных дел. Каждый на своем посту был велик, каждый был талантом. Что касается военного положения Англии, то состояние армии в Крыму, правда, тяжелое, но Бонапарт оповестил Европу, что французская армия насчитывает 581000 человек, и он кроме того распорядился о новом наборе 140000 человек. Сардиния предоставила в распоряжение лорда Раглана 15000 превосходных солдат. В случае, если мирные переговоры в Вене потерпят неудачу, нам-де обеспечена помощь

со стороны мощной военной державы, обладающей армией в 500000 человек.

Во всяком случае, шотландский тан не страдает тем пороком, каким страдал известный экономист и историк Сисмонди, который, по его собственному признанию, одним глазом видел все в черном цвете. Абердин обоими глазами видит все лишь в розовом цвете. Так, он обнаруживает в настоящий момент цветущее благосостояние во всех районах Англии, тогда как купцы, фабриканты и рабочие утверждают, что они переживают тяжелый торговый кризис. Щепотку той аттической соли, которую у шотландского тана прославлял еще лорд Байрон[35], Абердин высыпает на своего противника, лорда Дерби:

«Уважаемые лорды! Страна нуждается сейчас в сильном правительстве. Каким путем оно может быть создано, не мне об этом говорить. Ходили упорные слухи, будто лорд Дерби получил от ее величества повеление взять на себя формирование правительства. Но видя лорда Дерби на своем обычном месте, я начинаю думать, что это не так и что распространившиеся слухи неверны».

Чтобы понять всю аттическую тонкость этого заявления, необходимо привести ответ лорда Дерби.

«Благородный граф Абердин недооценивает источник, из которого он почерпнул свои сведения. Не по слухам стало известно, а он сам» (Дерби), «прежде чем отправиться в палату лордов, лично сообщил Абердину о предложении, которое он получил от королевы. Ссылка на слухи, которые будто бы заставили благородного графа поверить, что он» (Дерби) «имел свидание с ее величеством, является поэтому лишь образным выражением, которое благородный граф употребил вследствие присущей ему боязни преувеличений и желания беспристрастно осветить каждую деталь защищаемого им дела».

Пользуясь этим случаем, Дерби в то же время заявил, что при нынешнем состоянии партий и при существующем положении в палате общин он не имеет возможности взять на себя образование министерства.

Разъяснения военного министра, герцога Ньюкасла, и нарисованная им картина отношений внутри «согласной семьи» отвлекли внимание как публики, присутствовавшей в палате лордов, так и самих благородных пэров не только от армии в Крыму, но и от министерского кризиса. Объяснение лорда Джона Рассела в палате общин, говорит герцог Ньюкасл, вынуждает его высказаться относительно позиции, которую он сам занимал в павшем кабинете. Изложение Рассела не отличалось ни полнотой, ни правдивостью. Рассел представил дело так, будто при отделении военного министерства от министерства колоний он крайне неохотно согласился на передачу военного министерства герцогу Ньюкаслу, уступая лишь «настойчивому желанию»

герцога. На самом деле, когда кабинет министров решил провести это отделение, он (Ньюкасл) заявил: «что касается меня лично, то я готов как взять на себя любое из двух министерств, так и не брать никакого». Он не припоминает, чтобы Рассел выражал когда-нибудь желание передать военное министерство лорду Пальмерстону, но хорошо помнит, что было время, когда Рассел собирался стать во главе его сам. Он (Ньюкасл) и не думал вставать Расселу в этом отношении поперек дороги и принял военное министерство в полном сознании того, что в случае успеха заслуг ему не припишут, а в случае неудачи все упреки посыпятся на него. Однако он-де считал своим долгом не уклоняться от этой неблагодарной обязанности, связанной с опасностями и трудностями. Одни называли это «самомнением», лорд Рассел в явно покровительственном тоне назвал этот поступок «похвальным честолюбием». Лорд Рассел намеренно утаил от палаты общин следующее место из письма Абердина к благородному лорду:

«Я сообщил содержание Вашего письма герцогу Ньюкаслу и Сидни Герберту. Оба они, как и следовало ожидать, энергично настаивали на том, чтобы в отношении занимаемых ими постов были приняты решения, которые будут признаны наиболее отвечающими общественным интересам».

Он (Ньюкасл) сделал графу Абердину по этому поводу еще и устное заявление:

«Не давайте лорду Расселу предлога для выхода из кабинета. Не противьтесь его желанию устранить меня с этого поста. Поступайте со мной так, как этого требует общественный интерес».

В палате общин, сказал Ньюкасл, лорд Рассел таинственно намекал на ошибки, о которых сообщал в письме к Абердину, но поостерегся огласить соответствующие выдержки из этого письма. Первый намек касается вопроса, почему 97-й полк не был отправлен из Афин в Крым, но ведь министр иностранных дел считал вывод из Афин английских войск недопустимым и опасным. Что касается его второй ошибки, отказа отправить 3000 рекрутов, то лорд Раглан протестовал против присылки ему в дальнейшем таких молодых и не приученных к дисциплине солдат. К тому же в тот момент совершенно не хватало транспортных судов. Эти две так называемые ошибки и было все, что сумел выдумать Рассел, который со своими коллегами отдыхал на морских курортах, тогда как он (Ньюкасл) в течение всего 1854 г. неизменно находился на своем посту и трудился в поте лица. Впрочем, ему самому Рассел писал 8 октября относительно этих «ошибок»: «Вы сделали все, что было возможно, и я преисполнен радостных надежд на успех».

Абердин, сказал Ньюкасл, все же представил кабинету министров предложение Рассела относительно персональных перемен. Но оно было единодушно отвергнуто. 13 декабря он (Ньюкасл) выступил в палате лордов с обстоятельной речью в защиту своего управления; 16 декабря Рассел заявил Абердину, что изменил свою точку зрения и отказался от намерения произвести персональные перемены. Конкретных предложений о реформе военного управления Рассел никогда не вносил, за исключением двух следующих случаев. За три дня до его отставки и заявления Робака происходило заседание кабинета министров. Рассел внес предложение, чтобы совещаниям начальников всех военных ведомств, которые с некоторого времени стали созываться в канцелярии военного министра, был придан официальный, узаконенный характер. Его предложение было принято. Вскоре после этого Рассел прислал в письменном виде проект, в котором кроме нововведения, уже одобренного кабинетом министров, содержалось еще два предложения: 1) создать высший совет во главе с военным министром, который должен поглотить артиллерийское управление и контролировать все гражданское управление армии; 2) включить в этот высший совет, кроме уже ранее привлеченных начальников военных ведомств, еще двух высших офицеров. Рассел заявил в палате общин, что он имел все основания полагать, что его «письменные предложения» будут отвергнуты. Это неверно. Первое предложение герцогом Ньюкаслом было принято; второе предложение было отвергнуто, между прочим, потому, что «генеральный интендант», которого Рассел хотел привлечь, вот уже много лет как стал мифической фигурой, в английской армии его больше не существует. Таким образом, Рассел никогда не вносил такого предложения, которое не было бы принято. Впрочем он (Ньюкасл) еще 23 января заявил графу Абердину, что каково бы ни было решение парламента — за или против министерства — он из министерства выйдет. Он-де не хотел только, чтобы это выглядело так, будто он сбежал раньше, чем парламент вынес свое суждение.

Лорд Джон Рассел, вся жизнь которого, по словам старого Коббета, была сплошным рядом «фальшивых предлогов к жизни», теперь, как показывает речь герцога Ньюкасла, скончался также под фальшивым предлогом.

Написано К. Марксом. 2 февраля 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 59, 5 февраля 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ПАДЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА АБЕРДИНА

Лондон, пятница, 2 февраля 1855 г.

Никогда еще за всю историю представительного правления ни одному министерству не приходилось уходить в отставку с таким позором, с каким ушел прославленный кабинет «всех талантов» в Англии. Любой кабинет может остаться в меньшинстве, но оказаться побежденным большинством в 305 голосов против 148, то есть более чем двумя третями, и в таком собрании, каким является палата общин Великобритании, — так отличиться могла лишь плеяда гениальных голов, которую возглавлял ce cher* *Абердин.*

Нет никакого сомнения, что как только собрался парламент, кабинет понял, что дни его сочтены. Скандальные дела в Крыму, гибель целой армии, беспомощность всех органов и лиц, причастных к руководству войной, возмущение в стране, подогреваемое выпадами «Times», твердая решимость Джона Буля установить, наконец, кто является виновником происшедшего или, по крайней мере, выместить на ком-нибудь свое раздражение — все это должно было показать кабинету, что настало время, когда он должен готовиться к смерти.

Сразу и в большом количестве поступили заявления о внесении запросов и предложений, представляющих угрозу для правительства; особенно угрожающим было предложение Робака о создании комиссии, которая должна была установить, как велась война, и расследовать деятельность всех, кто в той или иной мере ответственен за руководство ею. Это сразу при-

* — этот милый. *Ред.*

вело к развязке. Политическое чутье тотчас же подсказало лорду Джону Расселу, что предложение Робака будет принято несмотря на голосование меньшинств[36], а такой государственный деятель, как он, который может гордиться тем, что не прожил столько лет, сколько раз оставался в меньшинстве, не мог допустить, чтобы и теперь большинство голосов оказалось против него. Поэтому со свойственным ему малодушием и подлостью — эти качества на протяжении всей его карьеры проглядывали у него из-под личины мнимо-важной болтливости и конституционного чванства — он счел, что «благоразумие есть лучшее проявление храбрости»* и сбежал со своего поста, не предупредив об этом своих коллег. Хотя Рассел и является человеком, без которого прекрасно можно обойтись, тем не менее «все таланты» были, по-видимому, совершенно потрясены его неожиданным уходом. Английская печать единодушно осудила маленького государственного деятеля, но какое это могло иметь значение? Вся печать со всеми ее осуждениями не могла положить конец хаосу, царившему в министерстве. И в момент такой дезорганизации, когда герцог Ньюкасл отказался от военного министерства, а лорд Пальмерстон еще не завладел им, кабинету пришлось встретиться лицом к лицу с грозным предложением Робака.

Г-н Робак, мелкий адвокат, был бы таким же забавным и безобидным маленьким вигом, как и лорд Джон Рассел, если бы только он был более удачлив в своей парламентской карьере. Но ci-devant** адвокату без практики, а ныне парламентскому болтуну не удалось, несмотря на всю свою энергию и изворотливость, нажить сколько-нибудь значительный политический капитал. Все время Выступая в роли своего рода тайного и доверенного агента любого из министерств вигов, он никогда, однако, не достигал того положения, которое обеспечивает «пост», что является высшей целью всех британских либералов. Обманутый в своих лучших надеждах, недооцененный своей собственной партией, осмеянный своими противниками, наш любезный Робак почувствовал, что сердце его очерствело и преисполнилось горечью, и мало-помалу он превратился в самую завистливую, злую, неприятную, вызывающую раздражение дворняжку, которая когда-либо тявкала в парламенте. И в этом качестве, не претендуя даже на благодарность или уважение с чьей-либо стороны, он поочередно служил всем, кто умел его использовать в собственных целях. Но никто не умел использовать

* Это выражение, ставшее крылатым, взято из пьесы Шекспира «Король Генрих IV», часть I, акт V, сцена четвертая. *Ред.*

** — бывшему. *Ред.*

его лучше, чем наш старый друг Пальмерстон, в роли орудия которого он снова выступил 26 января.

Предложение Робака само по себе вряд ли могло иметь какой-нибудь смысл в таком собрании, как английская палата общин. Общеизвестно, как неумело, лениво и убийственно-медленно работают комиссии палаты общин; расследование такой комиссией вопроса о руководстве нынешней войной, если бы оно вообще и могло что-либо дать, практически не принесло бы никакой пользы, так как результаты его выяснились бы на много месяцев позднее, чем следовало. Только в революционных диктаторских собраниях, каким был, например, Национальный конвент 1793 г. во Франции, такие комиссии могли дать положительные результаты. Но в подобных случаях само правительство представляет собой не что иное, как такую комиссию; его доверенные лица являются уполномоченными самого собрания, и поэтому в таком собрании подобные предложения были бы излишни. Все же г-н Сидни Герберт не совсем ошибался, когда указывал, что это предложение (конечно, совершенно без всякого умысла со стороны Робака) носит до некоторой степени неконституционный характер, а также когда со свойственным ему точным знанием исторических фактов он осведомился, не намерена ли палата общин послать в Крым комиссаров подобно тому, как это сделала *Директория* (sic!) в отношении генерала Дюмурье. Заметим, что та же самая точная хронология, которая приписывает Директории (учрежденной в 1795 г.) отправку к генералу Дюмурье комиссаров, которых этот генерал арестовал и выдал Австрии еще в 1793 г., — эта же хронология является яркой иллюстрацией того смешения событий во времени и пространстве, какое преобладает во всех деяниях Сидни Герберта и его коллег. Что касается предложения Робака, то упомянутая неконституционность его дала повод многочисленным кандидатам на посты не голосовать за это предложение и таким образом оставить себе открытым путь к участию в любой возможной комбинации. И тем не менее большинство против министерства было таким подавляющим!

Особенно характерными для дебатов были препирательства между различными ведомствами. Каждое ведомство пыталось свалить вину на другое. Сидни Герберт, секретарь по военным делам, утверждал, что во всем повинна транспортная служба; Бернал Осборн, секретарь адмиралтейства, заявил, что причина всего зла кроется лишь в порочной и негодной системе, усвоенной верховным главнокомандующим в Лондоне. Адмирал Беркли, один из лордов адмиралтейства, довольно ясно дал понять Герберту, что он должен винить прежде всего самого себя и т. д.

Обмен подобными любезностями происходил одновременно и в палате лордов между герцогом Ньюкаслом, военным министром, и виконтом Хардингом, главнокомандующим. Положение Герберта действительно очень осложнилось благодаря выступлению лорда Джона Рассела, который, объясняя причины своей отставки, признал, что все сообщения печати о состоянии армии в Крыму по существу правильны и что положение войск «ужасно и невыносимо». Сидни Герберту, таким образом, ничего не оставалось, как безропотно признать факты и привести в оправдание лишь несколько крайне неудачных, а частью и необоснованных доводов. Он вынужден был признать, даже более определенно, полную негодность и дезорганизацию военного управления. Нам, сказал Герберт, сравнительно легко удалось перебросить 240000 тонн различных припасов и многочисленную армию в Балаклаву, на расстояние 3000 миль (следует бойкое перечисление всевозможного обмундирования, палаток, провизии и даже предметов роскоши, посланных армии в избытке). Но, увы! Все это требовалось не в Балаклаве, а в пункте, отдаленном на шесть миль от берега. Перевезти все припасы на расстояние трех тысяч миль было возможно, а на расстояние трех тысяч и шести миль — невозможно! Тот факт, что их надо было перевозить на шесть миль дальше, погубил все!

Мольбы Герберта о снисхождении все же могли бы, пожалуй, вызвать некоторое сострадание к нему, если бы не речи Лейарда, Стаффорда и его коллеги Гладстона. Первые два депутата только что вернулись из поездки на Восток; они были очевидцами всего, о чем рассказывали. Не ограничиваясь повторением того, о чем уже говорилось в газетах, они привели примеры нерадивости, неспособности и плохого управления; нарисованные ими мрачные картины далеко превзошли все, что до сих пор было известно. Лошадей переправляли из Варны в Балаклаву на парусных судах без всякого фуража. Вещевые мешки по пять-шесть раз путешествовали из Крыма в Босфор и обратно, в то время как погибавшие от голода и холода солдаты мерзли и мокли без одежды, находившейся в этих мешках. «Выздоравливающих» возвращали на строевую службу в Крым, когда они были еще так слабы, что не могли держаться на ногах; больные и раненые, брошенные на произвол судьбы в Скутари, в Балаклаве, на транспортных судах, находились без всякого ухода и заботы в ужасной грязи. Все это создавало такую картину, перед которой совершенно бледнели описания «нашего собственного корреспондента» или сообщения частных лиц из Крыма.

Чтобы сгладить тяжелое впечатление от этих описаний, пришлось прибегнуть к помощи самодовольной мудрости

Гладстона, но, к несчастью для Сидни Герберта, Гладстон отрекся от всех признаний, которые были сделаны его коллегами в первый вечер дебатов. Робак поставил Герберту вопрос ребром: вы отправили из Англии 54000 человек, теперь под ружьем находится лишь 14000, куда девались остальные 40000? Герберт ответил Робаку просто, напомнив, что некоторая часть их погибла еще в Галлиполи и Варне; он отнюдь не подверг сомнению правильность общих данных о погибших и выбывших из строя. Однако теперь оказывается, что Гладстон лучше информирован, чем секретарь по военным делам: «согласно полученным нами новейшим данным», заявил он, действительная численность войск составляет не 14 000, а 28200 человек, не считая 3000—4000 солдат морской пехоты и матросов, несущих береговую службу. Гладстон, разумеется, поостерегся сообщить, о каких «новейших данных» идет речь. Но принимая во внимание обычную волокиту с составлением списков убитых и раненых, царящую во всех инстанциях и особенно в бригадных, дивизионных и главном штабах армии, мы вправе предположить, что сведения Глад-стона относятся приблизительно к 1 декабря 1854 г. и что они включают также и то большое количество людей, которые в течение последующих шести недель полностью вышли из строя из-за плохой погоды и переутомления. Однако Гладстон, по-видимому, и в настоящий момент проникнут той же слепой верой в официальные документы, какую он рассчитывал в свое время встретить со стороны общественного мнения в отношении своих финансовых проектов.

Нет необходимости более подробно анализировать эти дебаты. Кроме множества dii minorum gentium*, говорил Дизраэли, затем Уолпол, последний министр внутренних дел из числа тори, и, наконец, Пальмерстон, «великодушно» выступивший в защиту своих опороченных коллег. В ходе дебатов Пальмерстон не проронил ни слова, пока окончательно не убедился, каков будет их исход. После этого, и только после этого, он взял слово. Слухи, которые доходили до скамьи министров через их чиновников, общее настроение палаты — все это говорило о том, что поражение министерства неизбежно, поражение, которое должно было погубить его коллег, но не должно было коснуться его самого. Хотя Пальмерстону, по-видимому, и предстояло уйти вместе со всеми остальными, однако он был настолько уверен в прочности своего положения, был так убежден, что уход его коллег пойдет ему на пользу, что считал чуть ли не долгом вежливости выпроводить их с почетом. И этот долг он

* — младших богов; в переносном смысле: второразрядных величин. *Ред.*

выполнил, произнеся свою речь непосредственно перед голосованием.

Пальмерстон и в самом деле действовал очень искусно. Снискав себе благодаря делу Пасифико репутацию «истинно английского министра»[37], он настолько сумел сохранить ее за собой, что, несмотря на неслыханные разоблачения, Джон Буль всегда считал себя проданным какой-нибудь иностранной державе, как только Пальмерстон оставлял министерство иностранных дел. Изгнанный самым бесцеремонным образом из этого министерства Джоном Расселом, Пальмерстон путем угроз заставил маленького человека умолчать о причинах своего изгнания, и с этого момента интерес к «истинно английскому министру» возрос еще больше: он казался невинной жертвой честолюбивых и бесталанных коллег, человеком, которого предали виги. После падения министерства Дерби Пальмерстона посадили в министерство внутренних дел на пост, который опять-таки создавал ему видимость жертвы. Они не могут обойтись без этого великого человека, которого все они ненавидят, но поскольку не хотят ставить его на пост, по праву принадлежащий ему, то и отделываются от него должностью, недостойной такого гения. Так рассуждал Джон Буль и еще больше гордился своим Пальмерстоном, видя, как этот истинно английский министр суетился на своей второстепенной должности: вмешивался в дела мировых судей, донимал извозчиков, давал нагоняй органам, ведающим канализацией, красноречиво выступал по поводу системы патентов, горячился по поводу столь важного вопроса о дыме, домогался централизации полиции, выступал против погребений в черте города. Истинно английский министр! Образцом, источником информации, сокровищницей новых мероприятий и реформ служил для него бесконечный ряд писем «Paterfamilias»[*] в «Times». Разумеется, никто этим не был так доволен, как Paterfamilias, являющий собой точную копию большинства буржуазных избирателей Англии, для которых Пальмерстон стал кумиром. «Смотрите, что может сделать великий человек на маленькой должности! Кто из прежних министров внутренних дел когда-либо заботился об уничтожении всех этих непорядков!» Правда, у извозчиков все осталось по-старому, дым не был уничтожен, кладбища из города не исчезли, полиция не была централизована — словом ни одна из этих великих реформ не осуществилась, но виной этому был-де не Пальмерстон, а его завистливые и тупоголовые коллеги! Постепенно суетливость и назойливость Пальмерстона стали рассматриваться как доказа-

[*] — «Отца семейства». *Ред.*

тельство кипучей энергии и активности. И этот самый непостоянный из государственных деятелей Англии, который никогда не мог довести до благополучного конца ни переговоров, ни билля в парламенте, этот политик, который суетился лишь ради собственного удовольствия и все мероприятия которого оставались в конечном счете на бумаге — этот самый Пальмерстон прославлялся как единственный человек, на кого в критические моменты страна может положиться. Надо сказать, что Пальмерстон сам немало содействовал восхвалению себя. Не довольствуясь ролью совладельца газеты «Morning Post»[38], в которой его ежедневно рекламировали как будущего спасителя страны, он нанимал молодчиков, подобных Викову, которые должны были прославлять его в Америке и Франции; несколько месяцев тому назад он подкупил газету «Daily News»[39], сообщив ей некоторые телеграфные донесения и другие важные сведения; он имел влияние на редакции почти всех лондонских газет. Плохое руководство войной привело к тому критическому положению, которого ждал Пальмерстон, чтобы возвыситься на развалинах коалиции, подняться на недосягаемую высоту. В этот решительный момент он заручился безоговорочной поддержкой газеты «Times». Как он добился этого, какой договор заключил с Делейном, сказать, разумеется, трудно, но на следующий день после голосования вся ежедневная лондонская печать, за исключением лишь газеты «Herald»[40], единодушно и во всеуслышание ратовала за назначение Пальмерстона премьером, и надо полагать, что он считал цель своих стремлений достигнутой. К несчастью для него, этот истинный английский министр слишком часто досаждал королеве, и она сделает все возможное, чтобы расстроить его планы.

Написано К. Марксом 2 февраля 1855 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4316, 17 февраля 1855 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

СВЕРГНУТОЕ МИНИСТЕРСТВО

Лондон, 3 февраля. 16 декабря 1852 г. первый пункт бюджета Дизраэли, предусматривавший расширение прямых налогов, прежде всего подомового налога, был отвергнут большинством в 19 голосов. Министерство тори подало в отставку. После десятидневной закулисной борьбы образовалось коалиционное министерство. Оно состояло из части олигархии вигов — клан Греев на этот раз был исключен, — из бюрократии пилитов, из некоторой примеси так называемых мейферских радикалов[41], как Молсуорт, Осборн, наконец, из маклеров ирландской бригады, Садлера, Кьоу, Монселла, которые 16 декабря решили исход дела и которым были предоставлены второстепенные министерские посты. Новое министерство само себя назвало «кабинетом всех талантов». Оно и в самом деле включало почти *все* таланты, которые сменяли друг друга в правительстве в течение более 30 лет. Газета «Times» возвестила о приходе «кабинета всех талантов» следующими словами: «Мы подошли теперь к началу *политического тысячелетнего царства».* И, действительно, для правящих кругов «политическое тысячелетнее царство» наступило с того момента, когда они сделали открытие, что их партийные образования распались, что их внутренние противоречия покоятся лишь на личных прихотях и тщеславии, а их взаимные трения не могут уже больше вызывать интерес у нации. Коалиционное министерство не представляло какую-либо особую фракцию. Оно представляло «все таланты» класса, управлявшего до сих пор Англией. Важно поэтому бросить ретроспективный взгляд на его деятельность.

После падения министерства Дерби парламент был распущен на рождественские каникулы. Затем он снова был распущен на пасхальные каникулы. И только после этого началась действительная сессия 1853 г., которая почти всецело была посвящена обсуждению бюджета Гладстона, билля Чарлза Вуда об Индии и билля Юнга об урегулировании отношений между лендлордами и арендаторами в Ирландии.

Прежде чем внести на рассмотрение палаты свой бюджет, Гладстон объявил о проведении важных операций по уменьшению как краткосрочного, так и консолидированного государственного долга. Операция в отношении первого состояла в том, что он понизил с $1^1/_2$ до 1 пенса в день процент на векселя казначейства и понизил как раз в тот момент, когда рыночная процентная ставка повысилась. В результате этой операции Гладстону пришлось сначала выкупить на 3 миллиона векселей казначейства, а затем снова выпустить их под более высокий процент. Еще значительней был его эксперимент с огромным консолидированным государственным долгом. Официально его цель заключалась в уменьшении долга. Гладстон действовал так искусно, что к концу финансового года вынужден был выкупить at par* на 8 миллионов облигаций Компании Южных морей, которые по тогдашнему биржевому курсу стоили лишь 85 процентов номинала. Одновременно Гладстон бросил на биржу новую изобретенную им ценную бумагу — боны казначейства. От парламента он добился разрешения на выпуск этих бумаг на сумму в 30 миллионов фунтов стерлингов. Но ему с трудом удалось сбыть эти боны на сумму в 400000 фунтов стерлингов. Одним словом, операции Гладстона по уменьшению государственного долга закончились увеличением основной суммы консолидированного долга и повышением процентной ставки краткосрочного государственного долга.

Бюджет Гладстона, эта гордость коалиции, состоял из самых разнородных элементов. Такие статьи, как статья о понижении пошлины на чай, об уменьшении акциза (правда, у Гладстона речь шла об уменьшении акциза на мыло, а у Дизраэли — на солод) и об увеличений прямых налогов — заимствованы Гладстоном из бюджета своего предшественника. Другие и самые важные статьи, например, обложение земельной собственности налогом на наследство, отмена налога на газетные объявления и т. д. были навязаны Гладстону после того, как палата дважды проваливала его контрпредложения. От некоторых статей своего бюджета, например, от реформы системы патентов,

* — по номинальной стоимости. *Ред.*

ему пришлось целиком отказаться. То, что он вносил в палату в виде энциклопедической системы, оказалось. в результате обсуждения смесью разнородных и противоречивых статей. Лично ему принадлежала лишь статья бюджета об отмене штемпельного сбора с газетных приложений; благодаря этой статье «Times», единственная из всех газет, выходящая с приложениями, выигрывала 30000—40000 ф. ст. в год. Но тем энергичнее Гладстон настаивал на сохранении штемпельного сбора с основного газетного издания, и этим'он снискал себе особое благоволение «Times», которая, разумеется, желает теперь видеть его и в новом министерстве. Вот те великие творения Гладстона, которыми коалиция жила в течение всей сессии 1853 года.

30 апреля 1854 г. истекал срок действия хартии *Ост-Индской* компании. Следовательно, надо было заново урегулировать отношения между Англией и Индией. Коалиция стремилась продлить хартию Ост-Индской компании еще на 20 лет. Этого она не добилась. Индия не была отдана снова на десятилетия «в аренду» Компании. Хартия оставлена в силе лишь до «уведомления» о ее прекращении, которое парламент может в любой момент послать Компании. Этот единственно важный пункт билля об Индии был принят *против* желания министерства. Если не считать некоторых небольших изменений в области судопроизводства в Индии и открытия доступа всем, обладающим необходимыми способностями, к замещению гражданских должностей и военных постов, требующих специальных знаний, то суть реформы в отношении Индии сводится собственно к следующему: жалованье находящегося в Лондоне министра по делам Индии (President of the Board of Control[*]) увеличивалось с 1200 до 5000 ф. ст. в год. Из 18 директоров Ост-Индской компании 6 отныне назначаются правительством и лишь 12 избираются Советом акционеров Компании. Жалованье этих директоров повышается с 300 до 900, а обоих председателей — с 400 до 1000 фунтов стерлингов. Кроме того, пост губернатора Бенгалии (вместе с Советом при нем) отделяется впредь от поста генерал-губернатора Индии; одновременно создается новая должность губернатора вместе с Советом при нем для собственно района Инда. Этим повышением окладов и созданием новых синекур и ограничивается реформа «кабинета всех талантов» в отношении Индии.

Билли, касающиеся отношений между лендлордами и арендаторами в Ирландии, коалиционное министерство получило от своих предшественников тори. Ему нельзя было отставать

[*] — председателя Контрольного совета. *Ред.*

от них. Оно внесло эти билли и незадолго до закрытия сессии, после дебатов, продолжавшихся 10 месяцев, провело их в палате общин или, вернее, позволило им там пройти. Но в палате лордов Абердин согласился на то, чтобы эти билли были отвергнуты под тем предлогом, что они должны быть подробно изучены и снова внесены на следующей сессии.

Министерские билли относительно парламентской реформы, реформы народного образования,, судебной реформы и т. д. по требованию кабинета были отложены до следующей сессии. Великое творение «всех талантов» — билль о правилах для извозчиков в Лондоне — стал, правда, законом, но едва этот закон вышел за порог парламента, как его пришлось вернуть для переделки. Он оказался невыполнимым.

Наконец, 20 августа сессия парламента закончилась. Внешнюю политику министерства в период этой сессии Пальмерстон резюмировал в следующих словах, сказанных им при закрытии сессии парламента: парламент может спокойно разойтись. «Я вполне верю в честность и личные качества русского императора», который добровольно очистит Дунайские княжества.

Открытое вмешательство Пальмерстона во внешнюю политику в период сессии 1853 г. ограничилось этим заявлением, затем парламентской речью, которую он произнес за несколько дней до закрытия палаты общин и в которой он блокаду русскими Сулинского гирла Дуная трактовал как неудачную шутку, и, наконец, вынужденным признанием на заседании 15 апреля 1853 г. — в связи с так называемым кошутовским пороховым заговором — в том, что он по повелению европейских дворов использует английскую полицию для слежки за политическими эмигрантами.

Написано К. Марксом 3 февраля 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 63, 7 февраля 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ПАРТИИ И КЛИКИ

Лондон, 5 февраля. Длительность нынешнего министерского кризиса более или менее нормальна, поскольку подобные кризисы в Англии продолжались в среднем 9—10 дней. В известном произведении *Кетле* «О способностях человека»[42] поражает доказательство того, что в цивилизованных странах ежегодное число несчастных случаев, преступлений и т. д. может быть заранее установлено почти с математической точностью. Напротив, определенная продолжительность министерских кризисов в Англии в различные периоды XIX века не вызывает никакого удивления, ибо здесь, как известно, всегда должен быть пройден определенный круг комбинаций, должно быть поделено определенное количество постов и взаимно парализовано определенное число интриг. Необычным является лишь характер комбинаций, к которым вынуждает на этот раз разложение старых партий. Факт такого разложения и сделал возможным и неизбежным образование ныне свергнутого коалиционного министерства. Правящая каста, отнюдь не совпадающая в Англии с господствующим классом, будет вынуждена прибегать то к одной, то к другой коалиции до тех пор, пока окончательно не обнаружится, что она потеряла способность к управлению. Сторонники Дерби, как известно, с пафосом отвергали всякие коалиции. Первым же шагом лорда Дерби, после того как королева поручила ему образование нового кабинета, была попытка создать коалицию не только с Пальмерстоном, — которому Дизраэли при обсуждении предложения Робака прямо заявил, что требование о вотуме порицания одинаково направлено как против герцога Ньюкасла и Абердина, так и против него

самого, — но и с Гладстоном и Сидни Гербертом, то есть с пилитами, которых тори преследуют с особой ненавистью, считая их непосредственными виновниками разложения своей партии. Со своей стороны, Рассел, когда образование кабинета было поручено ему, пытался создать коалицию с теми же пилитами, присутствие которых в прежнем министерстве дало ему повод к отставке и которые в торжественной обстановке заседания парламента изобличили его во лжи. Наконец, если Пальмерстону удастся составить свое министерство, то это будет лишь второе, мало измененное издание старого коалиционного министерства. Возможно, что клан вигов Греев заменит клан вига Рассела и т. д. Старые парламентские партии, которые обладают монопольным правом на управление страной, существуют теперь лишь в виде клик, но те самые причины, которые обессиливали эти клики, не давая им возможности создавать партии, обособляться, лишают их способности объединяться. Поэтому ни одна эпоха парламентской истории Англии не дала такой картины дробления на массу незначительных и случайных клик, как период коалиционного министерства. В численном отношении значительными являются лишь две из этих клик: дербиты и расселиты. В их свите находится широко разветвленная группа могущественных старинных фамилий с многочисленной клиентелой. Но как раз эта многочисленность и является источником слабости как дербитов, так и расселитов. Их слишком мало для образования самостоятельного парламентского большинства, но в то же время их слишком много и среди них столько карьеристов, притязания которых приходится удовлетворять, что они лишены возможности приобрести себе достаточную поддержку извне ценой раздачи ответственных постов. Поэтому численно слабые клики пилитов, Греев, сторонников Пальмерстона и др. являются более подходящими для образования коалиционных министерств. Но то, что делает их пригодными для образования таких министерств — слабость каждой из этих клик — это же делает случайным их парламентское большинство, которое в любой день может быть сорвано по соглашению дербитов с расселитами или дербитов с манчестерской школой[43] и т. д.

Предпринимавшиеся в последнее время попытки к созданию новых правительственных комбинаций представляют интерес и в другом отношении. Во всех этих комбинациях фигурировали члены старого кабинета. Во главе последней стоит самый влиятельный член прежнего кабинета. Но разве палата общин, приняв предложение Робака, не высказалась, как об этом заявил сам Пальмерстон в своем ответе Дизраэли, не только за вотум

порицания всем членам старой коалиции, но и за назначение комиссии для расследования их деятельности? Комиссия еще не назначена, расследование еще не началось, а обвиняемые снова становятся у государственного руля. Но если во власти парламента свергать министерство, то во власти министерства *распускать* парламент. А каким образом перспектива роспуска может влиять на нынешний парламент, видно из заявления сэра Дж. Троллопа, сделанного им в палате общин 1 марта 1853 года:

«Уже теперь», — заметил он, — «заседает 14 комиссий, которые палата создала из своих членов для расследования случаев подкупа, имевших место во время последних парламентских выборов. Если мы будем продолжать в том же духе, то скоро весь парламент превратится в комиссии по расследованию подкупов на выборах. Более того, число обвиняемых членов парламента так значительно, что оставшихся вне подозрений недостаточно, чтобы их судить или хотя бы расследовать их дела».

Было бы тяжело потерять так дорого купленные места уже в начале третьей сессии парламента — из патриотизма.

Написано К. Марксом 5 февраля 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 65, 8 февраля 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ДВА КРИЗИСА

Лондон, 6 февраля. Общественное мнение в настоящий момент всецело поглощено двумя кризисами: кризисом, переживаемым армией в Крыму, и министерским кризисом. Первый занимает народ, второй — клубы и салоны. Согласно последним сообщениям из Крыма, составленным в самых мрачных тонах, численность английской армии сократилась с 14000 до 12000 человек, и вскоре можно ожидать снятия осады Севастополя. Тем временем в палате общин идет обсуждение салонных интриг. Лорд Рассел и Гладстон занимают целое заседание все теми же пространными рассуждениями по поводу выхода, за и против выхода, великого Рассела из несуществующего больше кабинета. Новых фактов ни одна из сторон не приводит, лишь продолжают препираться по поводу старых. Лорд Джон выступает в роли своего собственного адвоката, Гладстон — в качестве адвоката герцога Ньюкасла. Глубокомысленные соображения по вопросу о пригодности последнего на амплуа военного министра звучат особенно забавно в такой момент, когда армии, которой надо было бы управлять, больше не существует. Даже нынешняя палата общин выразила все же свое недовольство знаменитым традиционным ворчанием, когда Гладстон в заключение своей пространной речи заявил, что «он желал бы, чтобы все недоразумения (между Расселом и Ньюкаслом) были забыты».

Следовательно, не вотум недоверия палаты, и тем более не гибель английской армии, а простое «недоразумение» между старым лордом и молодым герцогом — вот что составляет основу министерского кризиса. Крым — это просто предлог для салон-

ных интриг. Недоразумение между министерством и палатой общин не заслуживает даже упоминания. Это было уже слитком даже для нынешней палаты общин. Провалился Рассел, провалился Гладстон, провалилось и все заседание.

Обеим палатам было сообщено, что образование министерства поручено лорду Пальмерстону. Последний, однако, неожиданно натолкнулся на препятствия. Лорд Грей отказался взять на себя руководство войной, которую он с самого начала не одобрял, не одобряет и теперь. Это было счастьем для армии, дисциплину которой он наверняка разрушил бы, как разрушил в свое время дисциплину колоний. Но Гладстон, Сидни Герберт и Грехем тоже оказались несговорчивыми. Они потребовали возвращения всех пилитов в правительство. Эти государственные мужи сознают, что составляют весьма незначительную клику, располагающую в палате приблизительно 32 голосами. Только при условии сплоченности своих «великих» талантов их маленькая клика может надеяться на сохранение самостоятельности. Если бы одна часть руководителей пилитов *вошла* в кабинет, а другая осталась *вне* его, это было бы равносильно исчезновению клуба достопочтенных государственных мужей. Пальмерстон тем временем прибегает к крайним средствам, пытаясь навязать себя парламенту, где у него нет своей партии, так же, как он навязал себя королеве. Кабинет его еще не сформирован, а он уже угрожает в «Morning Post», что будет апеллировать от парламента к народу. Он угрожает роспуском палаты в случае, если палата осмелится «не оказать ему того уважения, каким он пользуется за пределами Вестминстерского дворца, в народе». Его «народ» — это лишь газеты, целиком или наполовину ему принадлежащие. Там, где в последнее время раздавался голос народа, например, на митинге в Ньюкасле-на-Тайне, откуда были посланы петиции в парламент с требованием привлечь министерство к судебной ответственности, — там Пальмерстона самым решительным образом изобличали как тайного руководителя скончавшейся коалиции.

Еще несколько замечаний для полноты некролога «кабинету всех талантов». 30 ноября 1853 г. произошли события при Синопе; 3 декабря о них стало известно в Константинополе; 12 декабря представители держав вручили Порте ноту, которая требовала бо̲льших уступок России, чем пресловутая Венская нота; 14 декабря английское министерство телеграфировало в Вену, что синопские события не должны прервать венские переговоры о мире. Лорд Пальмерстон присутствовал на заседании кабинета, на котором было принято это решение. Он его одобрил, однако на следующий же день вышел

из состава кабинета под тем предлогом, что проектируемый Расселом билль о парламентской реформе якобы противоречит его консервативным убеждениям. Истинная цель Пальмерстона заключалась в том, чтобы умыть руки, снять с себя ответственность перед публикой за синопские события. Как только эта цель была достигнута, он сейчас же вернулся в кабинет.

В начале февраля 1854 г. парламент возобновляет свою работу. Дипломатические документы, касающиеся осложнении на Востоке, ему будто бы представлены. Важнейшие бумаги отсутствуют. Парламент получает их от императора Николая via* Петербург, вместо того, чтобы получить их от английских министров» Преданная в Петербурге гласности «секретная и доверительная переписка»[44] со всей очевидностью показывает изумленному парламенту, что в течение всей прошлой сессии 1853, как и 1854 г. министры намеренно обманывали его в вопросах внешней политики. Эта получившая огласку переписка вынуждает министров 27 марта объявить войну. 6 февраля Пальмерстон заявил, что внесет билль о призыве в милицию в Шотландии и Ирландии. Но как только объявляется война, он откладывает свой билль и до конца июня не вносит его. 13 февраля Рассел вносит свой билль о парламентской реформе, откладывает второе чтение билля на конец апреля, но уже в марте, патетически всхлипывая, забирает его обратно, и его коллеги за принесенную им жертву вознаграждают его тем, что предоставляют ему, бывшему до сих пор, так сказать, экстраординарным министром без портфеля и без оклада, министерскую синекуру с содержанием — пост председателя Тайного совета. 6 марта великий финансист Гладстон вносит свой бюджет. Он ограничивается тем, что требует удвоения подоходного налога на срок в шесть месяцев. Он запрашивает «лишь ту сумму, которая потребовалась бы для того, чтобы доставить обратно 25000 солдат, собирающихся в данный момент покинуть Англию». От этой заботы Гладстона освободил теперь его же коллега Ньюкасл. Уже 8 мая Гладстон вынужден внести второй проект бюджета. 12 апреля он высказывается против всякого государственного займа, а 21 апреля предлагает парламенту одобрить заем в 6 миллионов, чтобы покрыть издержки по своему неудачному опыту конверсии государственных долгов. 7 апреля лорд Грей произносит речь о недостатках английского военного управления. 2 июня министерство использует его предложение о реформе точно так же, как оно использовало реформу управления Индией и реформу в связи с эпидемией холеры, — создает

* — через. *Ред.*

новый пост. Военное министерство отделяется от министерства колоний. Все прочее остается по-старому[45]. Достижения министерства в области законодательства в течение этой сессии сводились к следующему: оно внесло семь важных биллей. Три из них были провалены: билль об изменении закона о переселении бедных, о реформе народного образования в Шотландии, об изменении текста парламентской присяги. Три билля взяты обратно: о предотвращении подкупов избирателей, о полной реорганизации гражданской службы и о парламентской реформе. Один билль, о реформе Оксфордского университета, прошел, но с такими бесчисленными поправками, что от его первоначальной формы ничего не осталось. Великие дипломатические и военные деяния правительства еще свежи в памяти. Таким был «кабинет всех талантов».

Написано К. Марксом 6 февраля 1855 г.

Напечатано в «NeueOder-Zeitung» № 67, 9 февраля 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке полностью публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

БОРЬБА В КРЫМУ

Сразу же после сражения на Альме и марша союзников на Балаклаву мы высказали мнение, что окончательный исход крымской кампании будет зависеть от того, какая из воюющих сторон первой подтянет свежие войска, достаточные для создания как численного, так и качественного превосходства над противником[46]. С того времени положение дел сильно изменилось и много иллюзий было разрушено. Но в течение всего этого периода между русскими и союзниками происходило своего рода состязание в подтягивании подкреплений, и мы должны признать, что русские в этом состязании идут впереди. Несмотря на все хваленые усовершенствования в области техники и транспортных средств, армии русских варваров гораздо легче пройти триста — пятьсот миль по суше, чем армии высокоцивилизованных французов и англичан проплыть две тысячи миль по морю, особенно когда последние как бы намеренно пренебрегают всеми преимуществами, которые дает им их высокая цивилизация, а русские варвары могут позволить себе терять в два раза больше солдат, чем союзники, не боясь лишиться в конечном счете своего превосходства.

Но на что могут рассчитывать союзники, если одна из их армий — британская, потеряв надежду на то, что ее уничтожат русские, начинает систематически и упорно заниматься преднамеренным самоуничтожением и делает это с таким рвением и успехом, что затмевает все свои прежние достижения? Между тем дело обстоит именно так. Как нам сообщают, британская армия как армия перестала существовать. Из 54000 человек под ружьем осталось несколько тысяч, но и они продолжают

считаться «годными к службе» лишь потому, что не хватает места в госпиталях, где они могли бы умереть. У французов, возможно, еще находятся под ружьем около 50000 человек, однако было их вдвое больше. Во всяком случае им удалось сохранить боеспособными по меньшей мере в пять раз больше солдат, чем англичанам. Но что значит пятьдесят—шестьдесят тысяч человек, когда надо всю зиму удерживать Гераклейский Херсонес, продолжать блокаду Севастополя с юга, оборонять траншеи, а весной — с теми силами, которые останутся — перейти в наступление?

В настоящее время англичане прекратили посылку подкреплений. Дело в том, что Раглан, потеряв надежду спасти армию, сам, видимо, не хочет получать новых пополнений; он не знает, чем кормить, где размещать и как использовать даже тех, кто у него остался. Французы, возможно, готовят новые дивизии для отправки их морем в марте месяце, но они тратят много усилий, чтобы подготовиться на случай большой весенней кампании на континенте, и имеется десять шансов против одного, что посланные ими подкрепления либо окажутся слишком слабыми, либо прибудут слишком поздно. Чтобы поправить существующее положение, были предприняты два шага, и оба они свидетельствуют о полном бессилии союзников предотвратить катастрофу, которая медленно, но неуклонно надвигается на их армии в Крыму. Во-первых, чтобы исправить колоссальную ошибку, заключающуюся в том, что экспедиция в Крым была предпринята с опозданием на четыре месяца, они совершают неизмеримо большую ошибку, посылая туда в разгар зимы, спустя четыре месяца после прибытия в Крым своих собственных войск, единственно еще пригодные остатки турецкой армии. Как только эта армия, сила и боеспособность которой были подорваны уже в Шумле вследствие нерадивости, неспособности и продажности турецкого правительства, высадится в Крыму, она будет таять из-за голода и холода с такой быстротой, что даже достижения английского военного министерства в этой области покажутся бледными. Так будет обстоять дело, если у русских хватит ума оставить турок на время в покое и не нападать на них. Если же условия погоды позволят предпринять атаку, то турки будут сразу уничтожены, хотя русским это обойдется дороже и не даст никакого преимущества, кроме морального.

Кроме того, союзники наняли — иначе это назвать нельзя — от пятнадцати до двадцати тысяч пьемонтцев, которые должны пополнить поредевшие ряды англичан и которых должно обеспечивать довольствием британское интендантство. В 1848

и 1849 гг. пьемонтцы показали себя хорошими и храбрыми солдатами. Являясь в большинстве своем горцами, они имеют пехоту, которая по своим данным даже лучше французов приспособлена к боевым действиям на пересеченной местности и в рассыпном строю, а равнина реки По поставляет кавалеристов, высокий рост и пропорциональное телосложение которых напоминают отборные полки английской кавалерии. К тому же они многому научились в суровых кампаниях времен революции. Эти две пьемонтских дивизии, несомненно, окажутся неплохим «иностранным легионом» в нынешней войне. Но что будут делать эти проворные, ловкие, быстрые, невысокого роста парни под командованием старого английского рутинера*, который не имеет никакого представления о маневрировании и который требует от своих солдат лишь непреклонного упорства, составляющего славу и в то же время единственное военное качество британского солдата? Их разместят на позициях, не подходящих для привычного им способа ведения войны; им помешают делать то, на что они способны, и будут требовать, чтобы они выполняли задачи, которых ни один разумный человек на них бы не возложил. Повести британскую армию так бессмысленно, необдуманно и глупо на бойню, как это было сделано на Альме, возможно означает самый короткий путь к выполнению поставленной перед ней задачи. Старый герцог** обычно также легко относился к подобного рода вещам. Немецкие войска можно, пожалуй, заставить сделать то же самое, хотя хорошая военная подготовка немецких офицеров не позволит им долго мириться с таким плохим руководством войсками. Но пытаться проделывать подобные вещи с французской, итальянской или испанской армиями, с войсками, подготовленными главным образом для службы легкой пехоты, для маневрирования, для использования преимуществ местности, то есть с войсками, боеспособность которых в значительной мере зависит от подвижности и сообразительности каждого отдельного солдата, — невозможно; для таких войск подобная неуклюжая система ведения войны абсолютно непригодна. Однако бедным пьемонтцам, по всей вероятности, удастся избежать тяжелого испытания — воевать по-английски. Ведь довольствием их будет обеспечивать британское интендантство, а это пользующееся дурной славой учреждение до сих пор умело снабжать лишь само себя. Следовательно, пьемонтцы разделят судьбу свежих пополнений британских войск. Подобно им они будут умирать

* — Раглана. *Ред.*
** — Веллингтон. *Ред.*

по сто человек в неделю, и в три раза большее их число будет заполнять госпитали. Если лорд Раглан воображает, что пьемонтцы будут так же покорно, как британские войска, терпеть его собственную неспособность и непригодность его интендантов, то он скоро убедится, что глубоко ошибается. Только англичане и русские не вышли бы из повиновения при таких условиях, и следует признать, что это не делает чести их национальному характеру.

Дальнейший ход этой печальной кампании, такой же печальной и мрачной, как и покрытое грязью Севастопольское плато, рисуется в следующем виде; как только русские полностью сосредоточат свои силы и когда погода им это позволит, они, вероятно, атакуют в первую очередь турецкие войска Омер-паши. Англичане, французы и турки ждут этого, хорошо зная, какие незавидные позиции отведены последним. Во всяком случае, это говорит о том, что турок посылают на север вполне сознательно; и трудно придумать лучшее доказательство отчаянного положения союзников, чем это вынужденное признание их собственных генералов. В том, что турки будут разбиты, можно не сомневаться. А что же произойдет с армиями союзников и пьемонтскими войсками? Хвастливые разговоры о штурме Севастополя сейчас почти совсем прекратились. На эту тему лондонская газета «Times» публикует письмо полковника Э. Нейпира от 3 февраля, утверждающего, что если союзники атакуют Южную сторону Севастополя, то, вероятнее всего, они ворвутся в город, но их сметет с лица земли превосходящий по силе огонь северных фортов и батарей и в то же время они окажутся осажденными русской полевой армией. Следовало бы, говорит он, сначала нанести поражение этой армии, а затем окружить город и с севера, и с юга. В качестве примера он напоминает о том, что герцог Веллингтон дважды снимал осаду с Бадахоса, чтобы выступить против армии, шедшей на помощь осажденным[47]. Полковник Нейпир совершенно прав, и почти то же самое писала «Tribune» во время знаменитого флангового марша на Балаклаву[48]. Но говоря о том, что союзники ворвутся в Севастополь, полковник, очевидно, не учитывает особого характера русских оборонительных сооружений, который делает невозможным взятие города с одного приступа. Там имеются, во-первых, внешние укрепления, затем идет главный вал, а за ним городские здания, превращенные в редуты; улицы забаррикадированы, целые кварталы домов снабжены бойницами и, наконец, бойницы пробиты в задних стенах береговых фортов, взятие каждого из которых потребует отдельной атаки и, может быть, самостоятельной осады и даже минных подкопов. Но

помимо всего этого, предпринятые в последнее время успешные вылазки русских в достаточной степени доказали,что осаждающие подошли к городу на такое расстояние, при котором создалось полное равновесие сил противников и атакующая сторона не имеет никакого превосходства, кроме превосходства в артиллерии. Пока вылазкам не может быть положен конец, всякая мысль о штурме является абсурдной; если осаждающий не в состоянии запереть осажденного в стенах самой крепости, то тем более не может он рассчитывать взять эту крепость в рукопашном бою.

Таким образом, осаждающие и впредь будут прозябать в своем лагере. Они окажутся прикованными к нему собственной слабостью и русской полевой армией, и ряды их будут попрежнему таять, а русские тем временем подтянут свежие силы; и если только новое английское правительство не пустит в ход какие-либо новые, до сих пор совершенно неизвестные ресурсы, то наступит день, когда англичане, французы, пьемонтцы и турки будут выброшены с крымской земли.

Написано Ф. Энгельсом около 9 февраля 1855 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4323, 26 февраля 1855 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ПАЛЬМЕРСТОН. — АРМИЯ

Лондон, 9 февраля. В связи с тем, что Пальмерстон и Сидни Герберт заняли новые министерские посты, должна была состояться процедура переизбрания их в парламент. По этой причине обе палаты отсрочили вчера свои заседания на неделю. Лорд Дерби и маркиз Ленсдаун в своих сообщениях в палате лордов о закулисной истории министерского кризиса повторили то, что уже не раз говорилось. Важным было лишь *одно* высказывание Дерби, раскрывавшее секрет положения лорда Пальмерстона. Как известно, Пальмерстон не имеет за собой никакой парламентской партии или клики, прикрывающейся названием партии. Виги, тори, пилиты питают к нему одинаковое недоверие. Манчестерская школа открыто выступает против него. Его личных приверженцев из числа мейферских радикалов (в отличие от манчестерских радикалов) насчитывается не более дюжины. Кто же и что в таком случае дало ему возможность навязать себя короне и парламенту? Его популярность? Она так же мало могла содействовать этому, как непопулярность Глад стона, Герберта, Грехема и Кларендона могла помешать им снова взять в свои руки бразды правления. Или может быть человек, никогда не принадлежавший ни к одной партии, попеременно всем служивший, поочередно всех покидавший и всегда балансировавший между всеми, является естественным вождем разложившихся партий, которые пытаются остановить ход истории путем создания коалиций? В *данный* момент это обстоятельство ничего не доказывает: оказалось же оно недостаточным, чтобы еще в 1852 г. вместо Абердина поставить во главе коалиции Пальмерстона.

Дерби дал ключ к решению загадки. Пальмерстон — открытый друг Бонапарта. Слишком поспешное признание им государственного переворота в декабре 1851 г. выдавалось тогда за причину устранения его из министерства вигов[49]. Он поэтому «persona grata» — человек, пользующийся доверием Бонапарта. А союз с Бонапартом в настоящий момент имеет решающее значение. Пальмерстон, таким образом, бросил внешнеполитический фактор на чашу весов министерских комбинаций, — и не в первый раз, как в этом легко можно убедиться при более близком знакомстве с историей английских министерств за период с 1830 по 1852 год.

Поскольку состояние армии в Крыму в настоящий момент уже не может быть использовано для министерских интриг, лорд Джон Рассел на вчерашнем заседании палаты общин отказался от своей мрачной оценки положения, позволил британской армии снова вырасти на пару десятков тысяч человек и обменялся по этому поводу поздравлениями с правоверным Гладстоном. Несмотря на это «парламентское воскрешение» британской армии, не подлежит никакому сомнению, что в настоящее время она как армия перестала существовать. Несколько тысяч человек еще продолжают считаться «годными к службе» потому, что для них не хватает места в госпиталях. Из 100000-й французской армии осталось каких-нибудь 50000 человек. Но что значит 50000 или 60000 человек, когда надо всю зиму удерживать Гераклейский Херсонес, блокировать Севастополь с юга, оборонять траншеи, а весной — с теми силами, которые останутся — перейти в наступление? Французы, возможно, держат наготове новые дивизии для отправки их морем в марте месяце, но они тратят много усилий, чтобы подготовиться к весенней кампании на континенте, и все говорит за то, что посланные ими подкрепления либо окажутся слишком слабыми, либо прибудут слишком поздно.

Доказательством беспомощности английского и французского правительств и того, что они бросили армию в Крыму на произвол судьбы, служат два шага, которые они предприняли, чтобы помочь беде.

Желая исправить ошибку, заключавшуюся в том, что экспедиция в Крым была предпринята с опозданием на четыре месяца, они совершают неизмеримо большую ошибку, посылая туда в разгар зимы, спустя четыре месяца после прибытия в Крым своих собственных войск, единственно еще пригодные остатки турецкой армии. Эта армия, сила и боеспособность которой были подорваны уже в Шумле вследствие нерадивости, неспособности и продажности турецкого правительства, будет таять

в Крыму из-за голода и холода с такой быстротой, которая превзойдет даже достижения англичан в этой области.

Как только русские полностью сосредоточат свои силы и когда погода позволит начать полевые операции, они, вероятно, атакуют в первую очередь турецкие войска Омер-паши. Англичане и французы ждут этого, хорошо зная, какие незавидные позиции отведены туркам. Таким образом, союзники ясно показывают, что, бросая теперь турок на север, они сознательно совершают эту стратегическую ошибку. Только самые невероятные ошибки со стороны русских могут спасти турок от неминуемой гибели.

Во-вторых, англичане и французы наняли 15000 пьемонтцев, которые должны пополнить поредевшие ряды англичан и которых должно обеспечивать довольствием британское интендантство. В 1848—1849 гг. пьемонтцы показали себя хорошими и храбрыми солдатами. Являясь в большинстве своем горцами, они имеют пехоту, которая в боевых действиях на пересеченной местности, в рассыпном строю и перестрелке превосходит даже французов. С другой стороны, равнина реки По поставляет кавалерию, которая может сравниться с английской конной гвардией. Наконец, они прошли суровую школу в последних кампаниях времен революции. Эти проворные, ловкие, быстрые, невысокого роста парни пригодны для чего угодно, но только не для того, чтобы стать английскими солдатами, в которых их хотят превратить, и не для обычных тяжеловесных фронтальных атак, к которым сводится вся тактика Раглана. К тому же довольствием их будет обеспечивать британское интендантство, которое до сих пор умело снабжать лишь само себя! Поэтому наем 15000 пьемонтцев может еще оказаться новым промахом.

Посылка английских подкреплений в настоящий момент приостановлена. Сам Раглан, по-видимому, запретил их посылать, так как не может справиться даже с имеющимися у него остатками армии. Кто бы поверил, что изумительная система сечения плетьми применяется тем шире, чем больше распространяются в британском лагере болезни, переутомление, истощение? Людей, которых давно бы следовало отправить в госпиталь, которые неделями несут службу и спят в мокрой одежде на сырой земле и переносят все это с почти нечеловеческой стойкостью, — этих людей угощают «кошкой» и палками в случае, если их застанут спящими в траншеях. «Пятьдесят ударов бездельнику!» — вот единственный стратегический приказ, который отдает время от времени лорд Раглан. Что же удивительного, если солдаты, которыми командует автор знаменитого «флангового марша» на Балаклаву, подражают ему и тем же

«фланговым маршем» в сторону русских убегают от палок? Как сообщает корреспондент «Times», дезертирство в русский лагерь с каждым днем увеличивается,

Хвастливые разговоры о штурме Севастополя, естественно, прекратились. Сначала-де следует разбить русскую армию в открытом поле. Ведь Веллингтон дважды снимал осаду с Бадахоса, чтобы выступить против армии, шедшей на помощь осажденным. К тому же, как уже было сказано, вновь возведенные русские оборонительные сооружения делают невозможным взятие города штурмом[50]. Наконец, последние вылазки русских доказывают, что армия союзников имеет превосходство перед русскими только в артиллерии. И пока вылазкам не может быть положен конец, всякая мысль о штурме является абсурдной. Если осаждающие не в состоянии запереть осажденных в стенах самой крепости, то тем более не могут они рассчитывать на то, чтобы взять эту крепость в рукопашном бою. Таким образом, осаждающие и впредь будут прозябать в своем лагере, прикованные к нему собственной слабостью и русской полевой армией. Ряды их будут по-прежнему таять, а русские тем временем подтянут свежие силы. Прелюдия к европейской войне, разыгрывающаяся в Крыму, окончится гибелью войск союзников, если только не будут найдены новые, до сих пор совершенно неизвестные и ранее не принимавшиеся в расчет ресурсы.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом
9 февраля 1855 г.

Напечатано в «NeueOder-Zeitung» № 71,
12 февраля 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

* ИЗ ПАРЛАМЕНТА: ВЫСТУПЛЕНИЕ ГЛАДСТОНА

Лондон, 10 февраля. Гладстон — канцлер-казначей догматики и Дунс Скот финансов — дал новое подтверждение старой поговорке, что «вера чудеса творит». С помощью веры он воскресил мертвых и с помощью веры увеличил английскую армию в Крыму с 11000 до 30000 человек. Такой же веры он требует от парламента. К несчастью, прибыл как раз доклад д-ра Холла, начальника медицинской службы в лагере под Севастополем. Согласно этому докладу, не только целиком исчез 63-й полк, а от 46-го полка, который в ноябре прошлого года покинул Англию в составе 1000 человек, осталось боеспособных лишь 30 человек; половина из тех, которые несут еще службу, заявляет д-р Холл, подлежит отправке в госпиталь, и в лагере осталось самое большее 5000—6000 действительно боеспособных солдат. Кто знает проделки поборников благочестия, тот не станет сомневаться в том, что Гладстон, подобно Фальстафу, из 6000 человек «в клеенчатых плащах»* сделает 30000. Разве не заявил он нам в четверг на последнем заседании палаты, что те, кто производил примерные вычисления, исходили из различных точек зрения; например, склонные преуменьшать численность армии в Крыму подсчитывали кавалерию не так, как он сам подсчитывал — как будто бы после сражения под Балаклавой вообще еще существовала достойная упоминания кавалерия! Для Гладстона ничего не стоит включить при подсчете «пропавших без вести». Бесподобна была проповедь, с которой он выступил на заседании в четверг по поводу своего

* См. Шекспир. «Король Генрих IV», часть I, акт II, сцена четвертая. *Ред.*

«бюджета» армии, — где каждый дебет фигурирует как кредит. а каждый дефицит как излишек, — и которую он закончил словами, что «прощает противникам правительства их преувеличения». Бесподобны были тон и поза, когда он увещевал членов парламента не поддаваться «чувствам». *Чужие* страдания надо переносить с покорностью и смирением — таков девиз правоверного Гладстона.

Написано К. Марксом 10 февраля 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 73 13 февраля 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ЛОРД ПАЛЬМЕРСТОН [51]

I

Лондон, 12 февраля. Лорд Палъмерстон — бесспорно интереснейший феномен официальной Англии. Хотя он уже старик и с 1807 г. почти непрерывно подвизается на политической арене, он всегда умудряется придавать себе прелесть новизны и возбуждать все те надежды, которые обычно возлагаются на многообещающих и неискушенных юношей. И хотя он уже стоит одной ногой в могиле, все еще считают, что его настоящая карьера впереди. Если бы Пальмерстон завтра умер, вся Англия была бы поражена, узнав, что он целых полвека был министром. Не будучи универсальным государственным деятелем, он, несомненно, универсальный актер; ему одинаково хорошо дается как героический, так и комический стиль, как пафос, так и фамильярный тон, как трагедия, так и фарс; впрочем фарс, пожалуй, больше соответствует его характеру. Он не первоклассный оратор, но совершенный полемист. Обладая удивительной памятью, большим опытом, непревзойденным тактом, неизменной находчивостью и гибкостью светского человека, будучи тончайшим знатоком всех парламентских махинаций, интриг, партий и деятелей, он с милой непринужденностью судит о самых сложных делах, приспосабливаясь каждый раз к предрассудкам любой аудитории. Его nonchalance* служит ему защитой от всяких неожиданностей, эгоизм и ловкость предохраняют его от порывов откровенности, а крайнее легкомыслие и аристократическое безразличие оберегают от запальчивости. Удачными остротами он умеет расположить всех в свою пользу. Никогда

* — беспечность. *Ред.*

не теряя самообладания, он тем самым импонирует своим самым ярым противникам. Если ему и недостает общих воззрений, зато он всегда готов плести изящный узор из общих фраз. Если он и неспособен овладеть каким-либо предметом, то все же умеет им играть. С трепетом уклоняясь от борьбы с сильным врагом, он умеет создать себе врага слабого.

Уступая иностранному влиянию на деле, он противился ему на словах. Пальмерстон перенял по наследству от Каннинга — который, кстати сказать, на смертном одре предостерегал от него, — доктрину о миссии Англии распространять конституционализм на континенте, и потому у него, разумеется, никогда не бывает недостатка в поводах для того, чтобы польстить национальным предрассудкам, поддерживая в то же время ревнивую подозрительность иностранных держав. После того как ему удалось таким удобным способом сделаться bete noire[*] континентальных дворов, он без труда сумел прослыть у себя в стране «истинно английским министром». Хотя Пальмерстон первоначально был тори, он сумел внести в руководство внешней политикой все то «shams»[**] и противоречивость, которые составляют сущность вигизма. Пальмерстон умеет сочетать демократическую фразеологию с олигархическими воззрениями, выгораживать проповедующую мир буржуазию, заимствовав надменный язык аристократического прошлого Англии. Он умеет казаться нападающим, когда соглашается, и защитником, когда предает; щадить кажущегося врага и ожесточать мнимого союзника; в решающий момент спора оказаться на стороне более сильного против слабого и произносить смелые слова, обращаясь в бегство.

Одни обвиняют его в том, что он состоит на жалованье у России, другие подозревают его в карбонарстве. В 1848 г. ему пришлось защищаться в парламенте от грозившего привлечением к суду обвинения в тайном соглашении с Россией, зато в 1850 г. он, к своему удовлетворению, стал объектом преследования со стороны иностранных посольств, составивших против него заговор, который имел успех в палате лордов, но потерпел провал в палате общин[52]. Если Пальмерстон предавал чужие народы, то делал это с величайшей вежливостью. Если угнетатели всегда могли рассчитывать на его действенную помощь, то угнетенных он щедро одаривал своим высокопарным ораторским великодушием. Подавление движения поляков, итальянцев, венгров и других народов всегда совпадало с его пребыванием у власти,

[*] — жупелом, предметом страха и ненависти (буквально: «черным зверем»). *Ред.*
[**] — притворство, обман. *Ред.*

а их победители всегда подозревали его в тайных сношениях с жертвами, которых они преследовали с его же соизволения. До сих пор, имея его своим противником, всегда можно было рассчитывать на вероятный успех, а имея его своим другом — ожидать верного поражения. Но если дипломатическое искусство Пальмерстона не увенчало его переговоры с иностранными государствами сколько-нибудь положительными результатами, то тем более блестяще оно проявилось в его умении заставить английский народ принимать фразы за дела, фантазии за реальность и за возвышенными предлогами не видеть низменные мотивы.

Генри Джон Темпл, виконт Пальмерстон, в 1807 г. был назначен младшим лордом адмиралтейства при образовании правительства герцога Портленда. В 1809 г. он стал secretary at war[*] и оставался на этом посту до мая 1828 г. в министерствах Персивала, Ливерпула, Каннинга, Годрича и Веллингтона. Во всяком случае, странно видеть этого Дон-Кихота «свободных учреждений», этого Пиндара «прославленной конституционной системы» в качестве видного и непременного члена торийских кабинетов, которые издали хлебные законы[53], допустили пребывание на английской земле иностранных наемников, время от времени — пользуясь выражением лорда Сидмута — «пускали кровь» народу, которые заткнули рот прессе, запретили собрания, обезоружили народные массы, отменили на время нормальное судопроизводство, а вместе с этим и свободу личности — одним словом, ввели в Великобритании и Ирландии осадное положение! В 1829 г. Пальмерстон переметнулся к вигам, которые в ноябре 1830 г. назначили его министром иностранных дел. Не считая промежутков времени, когда у власти были тори, то есть с ноября 1834 до апреля 1835 г. и с 1841 по 1846 г., Пальмерстон неизменно руководил внешней политикой Англии с момента революции 1830 г. до государственного переворота 1851 года. Краткий обзор его деятельности за этот период будет дан в следующей корреспонденции.

II

Лондон, 14 февраля. В течение последних недель «Punch» не раз изображал Пальмерстона в виде петрушки из кукольного театра. Петрушка, как известно, — профессиональный нарушитель общественного спокойствия, любитель шумных драк,

[*] — секретарем по военным делам. *Ред.*

виновник зловредных недоразумений, виртуоз скандалов. Он чувствует себя как дома лишь в обстановке им же самим вызванного всеобщего замешательства, используя которое он выбрасывает в окно жену, детей, а затем полицейских, чтобы, в конце концов, произведя много шума из ничего, выйти почти сухим из воды, задорно злорадствуя по поводу разразившегося скандала. Так, лорд Пальмерстон предстает перед нами — по крайней мере в художественном изображении — в виде беспокойного, неутомимого духа, который выискивает всякого рода затруднения, интриги, осложнения, как необходимый материал для своей деятельности, и потому создает конфликты там, где он не находит их в готовом виде. Ни один английский министр иностранных дел никогда не развивал такой активности во всех уголках земного шара. Блокада Шельды, Тахо, Дуэро, блокада Мексики и Буэнос-Айреса[54], экспедиция в Неаполь, экспедиции в связи с делом Пасифико и в Персидский залив[55], войны в Испании за «свободу» и в Китае за ввоз опиума[56], пограничные инциденты в Северной Америке, походы в Афганистан, бомбардировка Сен-Жан-д'Акра[57], скандалы в Западной Африке по поводу права осмотра судов, раздоры даже в «Pacific»[*] — и все это сопровождается и дополняется несметным количеством угрожающих нот, кипами протоколов и дипломатических протестов. Весь этот шум кончается обычно бурными парламентскими дебатами, которые всякий раз гарантируют благородному лорду эфемерные триумфы. Создается впечатление, что Пальмерстон обращается с внешнеполитическими конфликтами как артист, который до определенного момента обостряет их, но сразу же отступает, как только они грозят приобрести слишком серьезный характер или уже вызвали то драматическое возбуждение, в котором он нуждался. Сама мировая история кажется развлечением, специально выдуманным для того, чтобы благородный виконт Пальмерстон из рода Пальмерстонов мог доставлять сам себе удовольствие. Таково первое впечатление, которое производит пестрая дипломатия Пальмерстона на неискушенных людей. Однако при более внимательном изучении оказывается, что из всех его дипломатических шагов удивительным образом извлекала пользу лишь одна страна, притом не Англия, а Россия. Юм, друг Пальмерстона, заявил в 1841 году:

«Если бы у русского императора был свой агент в английском кабинете, он вряд ли мог бы лучше защищать интересы императора, чем это делает благородный лорд».

[*] — «Тихом» океане. *Ред.*

В 1837 г. лорд Дадли Стюарт, один из самых ревностных почитателей Пальмерстона, обратился к нему со следующими словами:

«Как долго еще благородный лорд намерен позволять России оскорблять Великобританию и наносить ущерб британской торговле? Благородный лорд унижает Англию в глазах всего мира, выставляя ее в роли хвастливого задиры, надменного и жестокого по отношению к слабому, покорного и подобострастного по отношению к сильному».

Во всяком случае, нельзя отрицать того факта, что все выгодные для России договоры, от Адрианопольского до Балта-Лиманского[58] и договора о датском наследстве[59], были заключены под эгидой Пальмерстона; правда, в момент заключения Адрианопольского договора Пальмерстон был не в правительстве, а в оппозиции, но признания договора добился именно он, действуя при помощи тайных интриг; с другой стороны, возглавляя в то время оппозицию вигов, он напал на Абердина за его австро-турецкую ориентацию и объявил, что Россия является поборником цивилизации (смотри, например, протоколы заседаний палаты общин от 1 июня 1829 г., 11 июня 1829 г., 16 февраля 1830 г. и др.). По этому поводу сэр Роберт Пиль заявил в палате общин, что «ему не ясно, чьим, собственно, представителем является Пальмерстон». В ноябре 1830 г. Пальмерстон стал во главе министерства иностранных дел. Он не только отклонил предложение Франции о совместном вмешательстве в пользу Польши ввиду «дружественных отношений между сент-джемсским и с.-петербургским кабинетами», но и запретил вооружаться Швеции, угрожал войной Персии, уже направившей было армию к русским границам, если она не отведет эту армию назад. Пальмерстон даже покрыл часть военных издержек России, продолжая без полномочий парламента выплачивать основную сумму и проценты по так называемому русско-голландскому займу, хотя бельгийская революция аннулировала соглашение по этому займу[60]. В 1832 г. он разрешил отказаться от ипотеки на национальные домены, которую Национальное собрание Греции выдало английским контрагентам в качестве гарантии греко-английского займа 1824 г., и перенести ее в обеспечение другого займа, заключенного с помощью России. В депешах Пальмерстона на имя английского резидента в Греции г-на Докинса постоянно указывалось: «Вам следует действовать в согласии с русским представителем». 8 июля 1833 г. Россия вынудила Порту подписать Ункяр-Искелесийский договор, который закрыл Дарданеллы для европейских судов и обеспечил России (см. статью вторую договора) восьмилетнюю

диктатуру в Турции[61]. Султан[*] был вынужден подписать этот договор, ибо русский флот стоял в Босфоре, а русская армия — у ворот Константинополя, якобы для защиты от Ибрагим-паши. Пальмерстон неоднократно отклонял настоятельные просьбы Турции вмешаться в ее пользу и этим вынудил ее согласиться на помощь России. (Это явствует из его собственных заявлений в палате общин 11 июля, 24 августа и на других заседаниях 1833 г., а также 17 марта 1834 года.) К моменту вступления лорда Пальмерстона на пост министра иностранных дел английское влияние в Персии было явно преобладающим. Английские представители неизменно получают от него указания о том, что они «во всех случаях должны действовать в согласии с русским послом». С помощью Пальмерстона России удается посадить на персидский трон своего претендента[**]. Лорд Пальмерстон санкционирует русско-персидскую экспедицию против Герата. После того, как она потерпела неудачу, он дает распоряжение об англо-индийской экспедиции в Персидский залив — мнимый маневр, содействовавший усилению русского влияния в Персии. В 1836 г. при правительстве благородного лорда Англия впервые признала захваты. России в устье Дуная, введенные ею карантинные и таможенные правила[62] и т. п. В этом же году Пальмерстон использовал конфискацию английского торгового судна «Виксен» русским военным кораблем в бухте Суджук-Кале в Черкесии — «Виксен» был отправлен туда по настоянию английского правительства, — чтобы официально признать притязания русских на черкесское побережье. При этом обнаружилось, что он уже 6 лет назад тайно признал притязания России на Кавказ. В тот момент благородному виконту удалось избежать вотума порицания в палате общин благодаря большинству лишь в 16 голосов. Одним из самых страстных обвинителей Пальмерстона был в то время сэр Стратфорд Каннинг, ныне лорд Редклифф, английский посол в Константинополе. В 1836 г. один из английских представителей[***] в Константинополе заключил выгодный для Англии торговый договор с Турцией. Пальмерстон затянул ратификацию этого договора, а в 1838 г. подсунул новый договор, настолько выгодный для России и невыгодный для Англии, что некоторые английские купцы в странах Леванта решили впредь вести торговлю под покровительством русских фирм. Смерть короля Вильгельма IV послужила поводом для пресловутого скандала с «Portfolio»[63]. Во время варшавской революции в руки поляков попала хранившаяся во дворце вели-

[*] — Махмуд II. *Ред.*
[**] — Мухаммед-шаха. *Ред.*
[***] — Уркарт. *Ред.*

кого князя Константина целая коллекция секретных корреспонденции, депеш и т. д. русских дипломатов и министров. Граф Замойский, племянник князя Чарторыского, привез эти документы в Англию. Здесь по приказу короля, под редакцией Уркарта и под общим надзором Пальмерстона они были опубликованы в «Portfolio». Как только король умер, Пальмерстон стал отрицать свою причастность к публикации в «Portfolio», отказался уплатить расходы владельцу типографии и т. д. Тогда Уркарт дал опубликовать свою переписку с г-ном Бакхаусом, заместителем Пальмерстона. «Times» (от 26 января 1839) замечает по этому поводу;

«Мы не знаем, что чувствует лорд Пальмерстон, но для нас совершенно ясно, что чувствовал бы всякий другой человек, считающийся джентльменом и занимающий пост министра, после опубликования этой переписки».

Написано К. Марксом 12 и 14 февраля 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» №№ 79 и 83, 16 и 19 февраля 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке впервые опубликовано в книге: К. Маркс и Ф. Энгельс «Статьи и корреспонденции 1854—1855 гг.», 1924 г.

К. МАРКС

ПЕРЕИЗБРАНИЕ ГЕРБЕРТА. — ПЕРВЫЕ ШАГИ НОВОГО МИНИСТЕРСТВА. — ИЗВЕСТИЯ ИЗ ОСТ-ИНДИИ

Лондон, 16 февраля. Вчера в большом городском зале Солсбери был разыгран фарс переизбрания Сидни Герберта в члены парламента от южной части Уилтшира. Уилтшир даже среди английских графств славится концентрацией земельной собственности, благодаря которой вся земля там стала собственностью менее чем дюжины семейств. За исключением некоторых северошотландских районов, нигде земля так основательно не «очищена» от своих жителей и нигде так последовательно не проведена современная система сельского хозяйства, как здесь. Если бы иногда не вспыхивали семейные распри между его немногочисленными владельцами, то Уилтшир не знал бы никакой избирательной борьбы.

Никаких кандидатов, кроме Сидни Герберта, выставлено не было. Поэтому главный шериф, председательствовавший на избирательном собрании, тотчас же по открытии его объявил Герберту, что он переизбран по всем правилам закона. Тогда Сидни Герберт поднялся и произнес перед своими арендаторами и вассалами несколько избитых общих фраз. Тем временем в зале постепенно стала собираться городская публика, которая не пользуется избирательным правом, но которую английская конституция удостоила привилегией докучать кандидатам своими вопросами на hustings*. Не успел Сидни Герберт сесть, как на его освященную голову посыпался град перекрестных вопросов: «Как обстоит дело с сырыми кофейными зернами, которыми угощали наших солдат?», «Где наша армия?», «Что

* — избирательных собраниях. *Ред.*

вчера было сказано о Вас в «Times»?», «Почему Вы пощадили Одессу?», «Не владеет ли Ваш дядя, русский князь Воронцов, дворцами в Одессе?» и т. д. Разумеется, на эту непарламентскую публику с ее вопросами никто не обратил никакого внимания. Напротив, Сидни Герберт, улучив удобный момент, когда шум несколько стих, предложил вынести благодарственный вотум шерифу, который так «беспристрастно» провел «обсуждение». Это было принято под аплодисменты парламентской публики и под шиканье и ворчанье непарламентской. Затем последовал второй залп уничтожающих вопросов: «Кто морил наших солдат голодом?» — «Пошлите его самого на войну!» и т. д. Результат был тот же, что и в первый раз. После этого шериф объявил представление, продолжавшееся немногим более получаса, законченным, и занавес опустился.

Первые шаги обновленного министерства отнюдь не встретили одобрения. Поскольку лорд Панмюр, новый военный министр, является инвалидом, то основная тяжесть его обязанностей падает на плечи заместителя военного министра. Назначение на этот важный пост Фредерика Пиля, младшего сына покойного Пиля, вызывает тем большее возмущение, что Фредерик Пиль — общепризнанная посредственность. Несмотря на свою молодость, он — живое воплощение рутины. Другие люди становятся бюрократами, он родился бюрократом. Фредерик Пиль получил свой пост благодаря влиянию пилитов. Поэтому на другую чашу весов надо было бросить вига. Вот почему сэр Фрэнсис Беринг и назначен канцлером герцогства Ланкастерского. Он был канцлером казначейства в вигском правительстве лорда Мелбурна и получил в то время вполне заслуженное прозвище «господин Дефицит». При новых назначениях в армии всецело придерживались системы геронтократии. Так, восьмидесятилетний лорд Ситон назначен командующим войсками в Ирландии. Старый, глухой, страдающий подагрой лорд Рокби послан в Крым командиром гвардейской бригады. Командование 2-й дивизией в Крыму — прежде ею командовал сэр де Лейси Эванс — досталось генералу Симпсону, который отнюдь не походит на Самсона; напротив, спокойная должность губернатора Портсмута была для этого престарелого генерала вполне подходящей. Генерал Сомерсет, бывший уже в 1811 г. бригадным генералом, отплыл в качестве главнокомандующего в Ост-Индию. Наконец, адмирал Боксер, этот старый «анархист», как его называет «Times», который в Константинополе привел в полный беспорядок все транспортные сродства и пр., назначен теперь в Балаклаву, чтобы привести «в порядок» тамошнюю гавань.

«Мы опасаемся», — говорит «Times», — «как бы не пришлось нам где-либо в другом месте искать источник министерской энергии. Было бы бесполезно апеллировать против такого безжалостного и легкомысленного расточения лучших ресурсов нации к тем, кто повинен в этом расточении. Если бы им не вскружило голову долгое обладание властью, которая постоянно переходила от одной группы их класса к другой его группе, они по крайней мере поостереглись бы именно в данный момент проявлять такой упрямый и близорукий эгоизм. Казалось бы, инстинкт самосохранения должен был научить их кое-чему, и мы торжественно спрашиваем английский народ: может ли он позволить, чтобы его соотечественники были принесены в жертву на алтарь бездушной апатии или беспомощной бездарности?» «Не правительство, даже не палата общин — британская конституция стоит перед судом», — угрожающе заявляет «Times».

Последние известия из Ост-Индии имеют важное значение, поскольку они свидетельствуют о безотрадном положении дел в Калькутте и Бомбее. В районах текстильной промышленности медленно, но верно надвигается кризис. Владельцы тонкопрядильных фабрик Манчестера на состоявшемся третьего дня собрании решили установить с 26 февраля на своих фабриках четырехдневную рабочую неделю, а за это время призвать окрестных фабрикантов пойти на такую же меру. На фабриках в Блэкберне, Престоне и Болтоне рабочие уже предупреждены о том, что впредь они будут работать лишь «неполную неделю». Банкротства будут особенно многочисленными и крупными из-за того, что в прошлом году многие фабриканты, чтобы влиять на рынки, взяли в свои руки экспортную торговлю, обходя торговые дома. В прошлую среду газета «Manchester Guardian»[64] признала, что имеет место *перепроизводство* не только фабричных изделий, но и самих фабрик.

Написано К. Марксом 16 февраля 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 85, 20 февраля 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ПАРЛАМЕНТ

Лондон, 17 февраля. Вчера парламент возобновил свои заседания. В палате общин царило уныние. Она казалась подавленной сознанием того, что политические сделки последних трех недель совершенно подорвали ее авторитет. У власти опять прежнее министерство, лишь слегка подновленное. Два старых лорда, которые не смогли поладить между собой, исчезли из него, однако третий старый лорд, вместе с ними получивший вотум недоверия, не только не спустился ниже, а поднялся на самую высокую ступень. Лорд Пальмерстон был встречен торжественным молчанием. Никаких «cheers»[*], никакого энтузиазма. Речь его против обыкновения была принята с подчеркнутым равнодушием и с неприязненным скептицизмом. И также против обыкновения изменила ему память, и он растерянно копался в лежавших перед ним заметках, пока, наконец, сэр Чарлз Вуд шепотом не подсказал ему потерянную мысль. Аудитория, по-видимому, не верила, что перемена вывески спасет старую фирму от банкротства. Весь вид Пальмерстона воскрешал в памяти слова кардинала Альберони о Вильгельме Оранском:

«Этот человек был силен, пока держал весы в своих руках; он слаб с тех пор, как бросил самого себя на одну из чаш этих весов».

Однако самым важным фактом было бесспорно появление новой коалиции против обновленной старой — коалиции тори во главе с Дизраэли с наиболее решительной частью радикалов —

[*] — «приветственных возгласов». *Ред.*

Лейардом, Данкомбом, Хорсменом и другими. Как раз среди радикалов, среди мейферских радикалов, Пальмерстон имел до сих пор своих самых верных сторонников. Лейард обманулся в своей надежде на получение какого-либо поста в военном министерстве, шепчет одна министерская газета. Дайте же ему какой-нибудь пост! — подсказывает другая.

Лорд Пальмерстон, прежде чем представить свое новое министерство, изложил вкратце историю министерского кризиса. Затем он стал расхваливать свой товар: образованное им министерство

«обладает достаточными административными способностями, достаточной политической проницательностью, в достаточной мере либеральными принципами, достаточным патриотизмом и решимостью выполнить свой долг».

Лорд Кларендон, лорд Панмюр, г-н Гладстон, сэр Джемс Грехем — каждый удостоился комплимента. Но это превосходное министерство встретилось-де с большой трудностью. Присутствующий здесь г-н Робак настаивает на том, чтобы в следующий четверг была назначена следственная комиссия. Для чего палате нужна комиссия? Вспомните анекдот из эпохи Ричарда II, относящийся ко времени восстания Уота Тайлера. Молодой монарх встретил отряд мятежников, предводитель которых только что погиб на их глазах. Смело подойдя к ним, он воскликнул: «Вы потеряли своего вождя; я, друзья, буду вашим вождем». «А я» (молодой (!) диктатор Пальмерстон) «скажу так: если вы, палата общин, согласитесь отказаться от этой комиссии, то само правительство станет вашей комиссией».

Такое мало почтительное сравнение палаты с толпой «мятежников» и бесцеремонное требование сделать кабинет своим собственным судьей было встречено ироническим смехом. Что же вы хотите, — воскликнул Пальмерстон, повысив голос и по-ирландски вызывающе откинув голову, — какую цель преследует следственная комиссия? Улучшений в области управления. Превосходно! Послушайте же, какие меры мы предпринимаем в этом направлении. До сих пор вы имели двух военных министров, secretary at war* и военного министра. Отныне вы будете иметь лишь одного, именно последнего. Что касается артиллерийского управления, то общее военное руководство им передается верховному главнокомандующему (Horseguards), а гражданское — военному министру. Транспортная служба будет расширена. До сих пор, согласно закону 1847 г., срок поенной службы был 10 лет; впредь будет предоставлена воз-

* — секретаря по военным делам. *Ред.*

можность наниматься в армию на любой срок — от 1 до 10 лет. На службу не будут приниматься лица моложе 24 и старше 32 лет. Теперь о театре военных действий! Чтобы внести единство, энергию и порядок в дело ведения войны и в область управления на театре военных действий, Пальмерстон предлагает изумительное средство: к каждой должности приставить контролера с неопределенными полномочиями. Лорд Раглан останется главнокомандующим, но генерал Симпсон будет начальником генерального штаба, и Раглан «сочтет своим долгом выполнять его советы». Сэр Джон Бёргойн будет отозван, а сэр Гарри Джонс назначен главным уполномоченным интендантства с неопределенными границами диктаторской власти. Но одновременно в Крым будет послано гражданское лицо — сэр Джон Мак-Нейл (автор известной брошюры «Продвижение России на Востоке»[65]) — для расследования вопроса о хищениях, неспособности, нарушении долга со стороны интендантства. Будут организованы новые госпитали в Смирне и Скутари и проведена реформа медицинской службы в Крыму и в самой Англии; между Крымом и Англией каждые 10 дней будут курсировать транспортные суда для перевозки больных и раненых. Однако наряду с этим военный министр попросит трех гражданских лиц у председателя Совета по охране здоровья и пошлет их в Крым для того, чтобы с наступлением весенней погоды они приняли там необходимые санитарно-профилактические меры против чумы и произвели проверку деятельности персонала и постановки дела медицинского обслуживания. Из этого видно, что для конфликтов по вопросу о компетенции открываются самые широкие возможности. А лорд Раглан в виде компенсации за то, что отныне его «верховное командование окружено законными институтами», получает полномочие на переговоры о создании в Константинополе отряда в 300 турецких подметальщиков улиц и могильщиков, которые с наступлением оттепели должны будут выбросить в море погибшую армию, павших лошадей и всякие отбросы. На театре военных действий будет создан специальный транспорт для перевозок по суше. Следовательно, в то время как, с одной стороны, будет вестись подготовка к дальнейшим военным действиям, в Вене лорд Джон Рассел будет готовить мир, если это окажется возможным.

Дизраэли. — Слушая хвалебные отзывы благородного, лорда об «административных способностях и политической проницательности» своих коллег, трудно поверить, что он говорит о тех самых «несравненных мастерах ошибок», которых палата осудила 19 дней тому назад! Допустим, что обещанные улучшения будут претворены в жизнь и дадут обещанные результаты.

Но не являются ли они злейшей сатирой на министерство, которое одно лишь к противится этим улучшениям, которое решение палаты общин о расследовании причин прежнего негодного управления истолковало как вотум недоверия себе? Даже лорд Джон Рассел заявил, что для него остается необъяснимым таинственное исчезновение армии и что расследование загадочных причин этого исчезновения необходимо. Должна ли палата сама себя поставить в глупое положение и снова отменить решение, принятое ею каких-нибудь десять дней тому назад? Тогда она на долгие годы совершенно потеряет свое влияние на общество. Какой же аргумент приводят благородный лорд и его подновленные коллеги, чтобы уговорить палату общин дать себя одурачить? Это — обещания, которые никогда не были бы даны, не будь угрозы создания следственной комиссии. Дизраэли настаивает на парламентском расследовании. Пальмерстон, приступая к своим высоким обязанностям, начинает с угрозы против самостоятельных действий парламента. Никогда еще ни одно министерство не встречало такой поддержки и такой готовности к услугам со стороны оппозиции, как министерство лорда Абердина, — «последнее» министерство, если можно так выразиться! Эти два Дромио совершенно-де его запутали; лучше поэтому сказать — «последнее министерство и его нынешние верные последователи — его двойники на министерской скамье».

Робак заявил, что в следующий четверг он предложит кандидатов в уже санкционированную палатой комиссию. Правительство осталось старое, перетасованы лишь карты, которые, однако, снова попали в прежние руки. Только прямое вмешательство палаты общин сможет разорвать оковы рутины и устранить препятствия, не позволяющие правительству проводить нужные реформы даже в том случае, когда оно этого хочет.

Т. Данкомб. — Благородный лорд заявил нам, что он и правительство согласны сами стать нашей комиссией! Покорнейше благодарим! Палата желает расследовать именно деятельность благородного лорда и его коллег! Лорд обещал реформы, но кто будет их проводить? Те самые люди, управление которых вызвало необходимость реформ. В области управления ничего не изменилось. Сохраняется status quo ante* предложения Робака. Лорд Джон Рассел трусливо сбежал со своего поста. Сам лорд Пальмерстон — это «увядший цветок» тринадцати отправившихся к праотцам кабинетов, начиная с кабинета лорда Ливерпула и кончая нынешним. Поэтому он должен бесспорно обладать «богатым опытом и большим административным талан-

* — положение, существовавшее до. *Ред.*

том» Его лорд Панмюр не может идти в сравнение даже с герцогом Ньюкаслом. Назначение комиссии не есть еще осуждение. Речь идет о расследовании. Осуждение, вероятно, последует сразу же за этим. Что касается переговоров в Вене, то и в этом вопросе правительство противопоставляет себя народу. Народ желает пересмотра Венских трактатов 1815 г. в интересах поляков, венгров и итальянцев. И под войной против России народ понимает действительное уничтожение русского преобладания.

Итак министерство Пальмерстона начинает с того, чем кончило министерство Абердина, — с борьбы против предложения Робака. К следующему четвергу будут пущены в ход все средства, чтобы собрать министерское большинство против следственной комиссии.

Написано К. Марксом 17 февраля 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 88, 22 февраля 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

КОАЛИЦИЯ ТОРИ С РАДИКАЛАМИ

Лондон, 19 февраля. Коалиция тори с радикалами, о которой мы говорили в нашем последнем сообщении*, рассматривается сегодня всей лондонской ежедневной прессой как fait accompli**. Министерская «Morning Chronicle»[66] замечает по этому поводу:

«Еще не было такой *революции,* наступление которой не ускорялось бы раздражением, уязвленным тщеславием, ложным честолюбием или же просто глупостью тех лиц, которые обречены, сами того не сознавая, стать се жертвой, и разношерстная коалиция дербитов и либералов, объединившихся с г-ном Робаком, пошла по стопам тех членов французской палаты депутатов, которые, начиная банкетную кампанию 1848 г. в пользу реформы, добивались лишь устранения министерства, а кончили низвержением трона».

Робак, как утверждают, готов сыграть роль Робеспьера *или* (в высшей степени примечательное «или»!) Ледрю-Роллена. Он намерен образовать «Комитет общественного спасения». Он не остановился перед тем, чтобы выдвинуть кандидатуры следующих лиц в предложенную им следственную комиссию: Робак, Драммонд, Лейард, сэр Джозеф Пакстон (строитель дворца всемирной промышленной выставки), лорд Стэнли (сын Дерби), Эллис, Уайтсайд, Дизраэли, Батт, Лоу (член негласного совета «Times») и Майлс.

«Было бы бесполезно умалчивать о том», — продолжает «Morning Chronicle», — «что мы стоим перед открытой угрозой революционного крестового похода против аристократии нашей страны. Демагоги стре-

* См. настоящий том, стр. 71—72. *Ред.*
** — совершившийся факт. *Ред.*

мятся к свержению правительства лорда Пальмерстона, ловко используя против него соединенные, но не объединенные боевые силы Дизраэли и Робака. Демократия пытается вызвать революцию, методически свергая один кабинет за другим».

Наконец, один правительственный орган грозит роспуском парламента, «апелляцией к народу», как это делал Бонапарт за несколько месяцев до государственного переворота.

Журнал «Economist»[67], издаваемый секретарем министерства финансов *Уилсоном,* объявляет «представительную систему» несовместимой с ведением войны. Бывший шляпник Уилсон предлагает поэтому освободить членов парламента, занимающих государственные посты, от необходимости переизбрания и ex officio* предоставить министрам — членам кабинета — и место, и право голоса в палате общин. Таким образом, министерство станет независимым от избирателей и палаты общин, а палата общин окажется зависимой от министерства. В связи с этим газета «Daily News» предупреждает:

«Народ Англии должен быть настороже и приготовиться к тому, чтобы встать на защиту своих представительных учреждений. Надо ждать, что будет сделана попытка ослабить зависимость правительства от палаты общин. Это привело бы к конфликту между правительством и палатой. В результате произошла бы *революция».*

И в самом деле, в следующую среду в Мэрилебоне, считающемся одним из самых радикальных районов Лондона, созывается митинг, который должен вынести решение против «попыток правительства противодействовать парламентскому расследованию».

В то время как «Morning Chronicle» предвещает таким образом революцию, а «Daily News» — попытку контрреволюции, «Times» также намекает на февральскую революцию, имея в виду, правда, не банкеты в пользу реформы, а убийство Прален. Как раз на днях в ирландском канцлерском суде разбиралось дело о наследстве, в котором маркиз Кланрикард — пэр Англии, посол в Петербурге во время министерства Мелбурна и глава почтового ведомства в период правления Рассела — фигурирует в качестве главного действующего лица совсем в духе бальзаковского романа с убийством, прелюбодеянием, обманом и незаконным присвоением наследства.

«Мрачной осенью 1847 г.», — замечает «Times», — «когда общественное мнение Франции было возбуждено тревожным предчувствием надвигавшейся революции, в высших кругах парижского общества разыгрался крупный скандал, который вызвал возмущение и без того уже раздраженных широких общественных кругов и значительно ускорил наступление

* — по должности. *Ред.*

катастрофы. Кто внимательно наблюдает в настоящее время за крайне возбужденным состоянием общественного мнения, тот не может без подобного же волнения следить за громким скандалом, раскрытым в зале ирландского канцлерского суда».

Преступления в кругах правящей касты, ее заносчивая беспомощность и бессилие, гибель цвета английской армии, разложение старых партий, отсутствие компактного большинства в палате общин, создание министерских коалиций на основе давно изжитых традиций, расходы на ведение европейской войны при наличии тяжелейшего торгово-промышленного кризиса — все это достаточные симптомы, говорящие о предстоящем политическом и социальном перевороте в Великобритании. Особенно примечательным является тот факт, что одновременно с крушением политических иллюзий рушатся и иллюзии фритредерства. Если первые обеспечивали монополию исполнительной власти аристократии, то последние гарантировали монополию законодательной власти буржуазии.

Написано К. Марксом 19 февраля 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 92, 24 февраля 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВОЙНА, НАВИСШАЯ НАД ЕВРОПОЙ [68]

Пройдет еще несколько недель, и, если только в Вене в самое ближайшее время не будет заключен мир, во что сейчас в Европе никто, кажется, не верит, мы явимся свидетелями того, как на этом континенте начнется война, по сравнению с которой крымская кампания будет играть ту незначительную роль, которую ей и надлежало бы играть в войне между тремя наиболее могущественными нациями земного шара. До сих пор независимые друг от друга военные действия на Черном и на Балтийском морях окажутся связанными линией фронта, простирающейся через весь континент, который разделяет эти два огромных внутренних моря; и армии, численность которых соответствует безграничным просторам сарматской равнины, будут бороться за господство над нею. Тогда и только тогда можно будет сказать, что война стала действительно европейской.

Что касается крымской кампании, то нам остается дать только краткие дополнительные пояснения. Мы так часто и так подробно описывали ее характер и говорили о ее возможном исходе, что нам остается лишь привести несколько новых фактов, подтверждающих выдвинутые нами положения. Неделю тому назад мы писали*, что эта кампания превратилась в состязание по подтягиванию подкреплений и что русские, вероятно, выйдут из него победителями. Вряд ли приходится сейчас сомневаться в том, что к тому времени, когда погода позволит начать длительные военные операции по заранее согласованному плану,

---

* См. настоящий том, стр. 50. *Ред.*

у русских на полуострове будет 120000—150000 человек, которым союзники, сделав нечеловеческие усилия, возможно, смогут противопоставить 90000 человек. Предположим даже, что и у Франции, и у Англии имеется достаточно войск для отправки в Крым, но где они возьмут для них транспортные средства, если три парохода из каждых четырех, посылаемых в Черное море, под всевозможными предлогами оставляются там? Англия уже полностью дезорганизовала свои трансатлантические пароходные линии и в настоящее время больше всего нуждается в океанских пароходах, но взять их неоткуда. Единственное, что могло бы спасти союзников, это своевременное прибытие в Крым австрийского корпуса примерно в 30000 человек, который был бы погружен на корабли в устье Дуная. Без такого подкрепления ни пьемонтский и неаполитанский корпуса, ни небольшие англо-французские пополнения, ни армия Омер-паши не смогут оказать им сколько-нибудь существенной помощи.

Теперь посмотрим, какая часть вооруженных сил Англии и Франции уже действует в Крыму. Мы будем говорить лишь о пехоте, поскольку соотношение, в котором кавалерия и артиллерия придаются таким экспедиционным армиям, настолько непостоянно, что об их численности невозможно сделать никаких определенных выводов. Кроме того, степень участия в войне всей кадровой армии страны всегда определяется тем, насколько втянута в войну пехота. О Турции мы говорить не будем, потому что участвующая в военных действиях армия Омер-паши является ее последней и единственной армией. То, что осталось у нее в Азии, не представляет собой армии; это просто-напросто какой-то сброд.

У Англии имеется всего 99 полков, или 106 пехотных батальонов, из коих по меньшей мере 35 батальонов несут службу в колониях. Из остальных — около 40 батальонов вошли в состав первых пяти дивизий, посланных в Крым, и по меньшей мере восемь батальонов были направлены туда позже в качестве подкреплений. Остается примерно 23 батальона, из которых вряд ли даже один можно было бы выделить. Поэтому последние военные мероприятия Англии фактически являются открытым признанием того, что ее кадры мирного времени полностью исчерпаны. Чтобы исправить упущения, прибегают к различным уловкам. Милиции, насчитывающей примерно 50000 человек, разрешается добровольно зачисляться на службу за пределами Англии. Ее собираются направить в Гибралтар, на Мальту и Корфу, чтобы высвободить около двенадцати батальонов, несущих службу в колониях,

для отправки их в Крым. Принято решение о создании иностранного легиона; но увы, иностранцы не желают, видимо, завербовываться в армию, где им угрожают телесные наказания. Наконец, 13 февраля был издан приказ о формировании вторых батальонов в 93-х полках — 43 батальона по 1000 человек и 50 батальонов по 1200 человек в каждом. Это даст дополнительно 103000 человек и, кроме того, примерно 17000 человек для кавалерии и артиллерии. Но ни один солдат из этих 120000 еще не завербован; а кто будет обучать их и командовать ими? Изумительная организация британской армии и общее руководство ею привели к тому, что так или иначе почти вся ее пехота, за исключением лишь запасных рот и нескольких запасных батальонов — и не только солдаты, но и *офицерский состав,* — находятся в Крыму и в колониях. Генералов, полковников и майоров на половинном жалованье числится, правда, более чем достаточно в списках армии, и они могут быть использованы для этих новых воинских формирований. Но, насколько нам известно, на половинном жалованье совсем нет или почти нет капитанов, а лейтенантов, прапорщиков и унтер-офицеров, прошедших нужную подготовку, и вовсе не найти. Сырого материала много, но неподготовленные офицеры не могут обучать неподготовленных новобранцев; костяком же всякой армии, как известно, являются старые, опытные и закаленные унтер-офицеры. К тому же, по мнению такого авторитета, как сэр У. Нейпир, требуется не менее трех лет, чтобы превратить всякий сброд старой Англии в то, что Джон Буль называет «лучшими солдатами мира» и «цветом Англии». Л если так обстоит дело, когда под рукой имеются готовые *офицерские кадры,* то сколько же потребуется времени, чтобы без младших офицеров или унтер-офицеров сделать героев из 120000 солдат, которых еще надо найти? Мы можем считать, что все вооруженные силы Англии до такой степени увязли в этой войне, что в течение ближайшего года английское правительство сможет противопоставить неприятелю в лучшем случае лишь «маленький героический отряд» в 40000—50000 человек. Увеличивать это число можно было бы только на очень короткое время, существенно дезорганизуя при этом всю подготовку будущих подкреплений.

Франция при наличии большей армии и более совершенной организации использует для военных действий значительно меньшую часть своих войск. У нее имеется 100 линейных пехотных полков, 3 полка зуавов и 2 иностранных легиона, по 3 батальона в каждом; кроме того, она имеет 20 стрелковых батальонов и 6 африканских батальонов — всего 341 батальон. Из этих 341 батальона 100, то есть по одному на каждый линейный полк,

считаются запасными батальонами, куда прибывают и где обучаются новобранцы; только первые два батальона используются для участия в боевых действиях, а запасный батальон готовит пополнения для поддержания их полного численного состава. Таким образом, из общего числа батальонов следует сразу же исключить 100. Если затем эти запасные батальоны будут использованы в качестве ядра для формирования третьего полевого батальона, как это не раз имело место при Наполеоне, то это может быть сделано путем включения в них увеличенного числа новобранцев, и к тому же потребуется некоторое время, прежде чем их можно будет использовать в бою. Следовательно, в настоящее время силы французской армии, которые могут быть использованы, не превышают 241 батальон. Из них не менее 25 нужны в Алжире. Четыре находятся в Риме. Девять пехотных дивизий, то есть примерно 80 батальонов, были посланы в Крым, Константинополь и Афины. Всего, круглым счетом, используется 110 батальонов, или почти половина всей имеющейся в мирное время пехоты Франции, не считая запасных батальонов. Мероприятия, проведенные во французской армии, заблаговременное создание запасных батальонов, призыв солдат, уволенных в отпуск в последний год службы, способность полностью провести ежегодный призыв, помимо чрезвычайных наборов, и, наконец, склонность французов к военной службе — все это дает правительству возможность в течение года удвоить численность своей пехоты. Принимая во внимание непрерывное вооружение, которое незаметно проводилось во Франции с середины 1853 г., создание 10—12 батальонов императорской гвардии, а также силы французской армии, собранные в соответствующих лагерях прошлой осенью, можно предположить, что численность пехоты, находящейся внутри страны, сейчас такая же, какой она была до того, как из Франции было отправлено 9 дивизий; если же учесть возможность сформирования третьих полевых батальонов на базе запасных батальонов, без особого нарушения их учебных функций, то ее можно считать даже большей. Однако, если мы определим численность пехоты, которую Франция будет иметь на своей собственной территории к концу марта, в 350000 человек, то эта цифра будет скорее преувеличенной, чем преуменьшенной. Вместе с кавалерией, артиллерией и т. д. такое количество пехоты, согласно существующей во Франции организации, соответствует армии примерно в 500000 человек. Из них по крайней мере 200000 должны будут остаться внутри страны в качестве *кадрового состава* для запасных батальонов, для поддержания порядка в стране, для обслуживания военных мастерских

и госпиталей. Так что к 1 апреля Франция сможет начать кампанию с армией в 300000 человек, включающей примерно 200 пехотных батальонов. Но эти 200 батальонов ни в отношении своей организации и дисциплины, ни в отношении стойкости в бою не смогут сравниться с войсками, ранее посланными в Крым. В этих батальонах будет много молодых новобранцев, а многие батальоны будут специально сформированы в связи с войной. Воинские подразделения, в которых офицеры и солдаты не знают друг друга и поспешное формирование которых, предписанное свыше, закончилось лишь перед самым выступлением, во многом уступают тем старым воинским частям, в которых длительная совместная служба, перенесенные вместе опасности и ежедневное общение в течение многих лет создали тот esprit de corps*, под сильным влиянием которого даже самые молодые новобранцы очень быстро вовлекаются в жизнь своей части. Поэтому следует признать, что восемьдесят батальонов, посланных в Крым, представляют гораздо более значительную часть французской армии, чем это может показаться, если исходить только из их численности. Если Англия бросила на войну почти до последнего человека всю лучшую часть своей армии, то Франция послала на Восток почти половину своих лучших войск.

Здесь нет необходимости повторять данные о русских вооруженных силах, ибо совсем недавно мы сообщали** об их численности и распределении. Достаточно сказать, что из состава русской действующей армии, или армии, предназначаемой для операций на западной границе империи, пока что в военных действиях участвовали лишь 3-й, 4-й, 5-й и 6-й корпуса. Гвардия и гренадеры, а также и 1-й корпус еще не тронуты; 2-й корпус, кажется, послал около одной дивизии в Крым. Помимо этих войск сформированы или еще формируются восемь резервных корпусов, равных если не по численности, то по числу батальонов восьми корпусам действующей армии. Таким образом, Россия выставляет против Запада армию примерно в 750 батальонов, из которых, однако, 250, возможно, только еще формируются и никогда не будут полностью укомплектованы, а 200 других понесли тяжелые потери в двух кампаниях. Что касается резервов, то пятый и шестой батальоны каждого полка состоят преимущественно из старых солдат, если только был выполнен первоначальный план формирования; зато седьмой и восьмой батальоны наверняка сформированы из новобранцев

* — дух товарищества, спайку. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 10—13. *Ред.*

и представляют собой весьма небоеспособные части, так как русские, несмотря на свою понятливость, очень медленно приучаются к военной службе. Кроме того, все резервные части плохо обеспечены офицерскими кадрами. Поэтому со стороны России сейчас в войне участвует примерно половина ее регулярной действующей армии. Вторая половина, еще не принимавшая участия в военных действиях, — гвардия, гренадеры, 1-й и 2-й корпуса, — представляет собой цвет армии, любимые войска императора, о боеспособности которых он особенно печется. Чего же добилась Россия, пустив в ход половину своей действующей армии?* Она почти полностью уничтожила наступательную и оборонительную силу Турции; она вынудила Англию пожертвовать армией в 50000 человек и обессилила ее по меньшей мере на год; кроме того, она заставила Францию послать на войну такую же часть своей армии, какую послала она сама. И в то время как лучшие африканские полки Франции уже сражаются с врагом, élite** русской армии еще не сделали ни одного выстрела.

Следовательно, пока что преимущество на стороне России, хотя ее войска, действовавшие в Европе, не могут похвастаться ни одним успехом, а наоборот, должны были сдавать позиции во всех серьезных сражениях и отказываться от всех своих начинаний. Но положение коренным образом изменится, как только в войну вступит Австрия. У Австрии имеется армия в 500000 человек, находящаяся в боевой готовности; кроме того, 100000 человек находятся в запасных частях и еще 120000 числятся в резерве; численность австрийской армии при помощи весьма небольшого экстренного набора может быть доведена до 850000 человек. Но мы будем считать, что она равна 600000 человек, включая запасные части и не учитывая резервистов, которые еще не призваны. Из этих 600000 человек 100000 находятся в запасных частях, около 70000 — в Италии и Других частях страны, которым Россия не угрожает. Остальные 430000 человек образуют несколько армий, расположенных на линии Богемия — Галиция — нижнее течение Дуная, что дает возможность в любом пункте сконцентрировать 150000 человек за весьма короткое время. Эта громадная армия сразу же создаст перевес против России, как только Австрия выступит против нее; ведь с тех пор, как вся бывшая русская Дунайская армия переброшена в Крым, австрийцы во всех отно-

* При переводе данной статьи для «Neue Oder-Zeitung» Маркс заменил эту фразу следующей: «Только влиянием дипломатии на ведение войны Западом можно объяснить успехи, уже достигнутые Россией». *Ред.*

** — отборные войска. *Ред.*

шениях превосходят русских и могут достаточно быстро подтянуть свои резервы к границе, несмотря на то, что сейчас русские их опередили. Остается лишь отметить, что по численности резервистов Австрия значительно уступает России и что с призывом 120000 резервистов дальнейшее увеличение армии должно будет происходить за счет свежего набора, а потому будет очень медленным. Следовательно, чем дольше австрийцы не объявляют войну, тем больше преимуществ дают они России. Нам говорят, что положение будет исправлено тем, что в Австрию вступит французская вспомогательная армия. Но путь от Дижона или Лиона до Кракова довольно длинный, п нужна очень хорошая организация, иначе французская армия может прибыть слишком поздно, если только реорганизованная австрийская армия в силу присущих ей боевых качеств не окажется достойным противником даже несколько превосходящих ее по численности русских.

Таким образом, Австрия является вершителем судеб. С тех пор, как она заняла позиции на своей восточной границе, она удерживала свое превосходство над русскими. Если же своевременный подход русских резервов на какое-то время лишит ее этого превосходства, то она может положиться на своих опытных генералов — единственных, кто, за исключением нескольких венгров, в последние годы проявил военный талант — и на свои хорошо организованные войска, большинство которых уже получило боевое крещение. Несколько умелых маневров, самый незначительный отход вынудят ее противника к такому распылению сил, которое обеспечит ей прекрасные шансы на успех. Говоря военным -языком, как только Австрия введет свои армии в действие, Россия вынуждена будет полностью перейти к обороне.

Следует остановиться еще на одном моменте. Если Франция увеличит свою армию внутри страны до 500000, а Австрия всю свою армию до 800000, то каждая из этих стран сможет призвать под ружье в течение года по меньшей мере еще 250000 человек. С другой стороны, царь, если он когда-нибудь закончит комплектование седьмых и восьмых батальонов своих пехотных полков, увеличив тем самым численность действующей армии, скажем, до 900000 человек, — сделает почти все, что возможно для обороны. Говорят, что проведение последнего рекрутского набора повсюду встретило значительные трудности; пришлось понизить установленную норму роста и прибегнуть к другим мерам, чтобы набрать требуемое количество людей. Приказ царя о призыве в армию всего мужского населения Южной России, не дав существенного увеличения численности

армии, является открытым признанием невозможности проведения в дальнейшем регулярных рекрутских наборов. К такой мере, да и то всего лишь в семнадцати губерниях, прибегали во время французского вторжения 1812 г., когда страна действительно подверглась нашествию неприятеля. В то время Москва дала 80000 ополченцев, то есть одну десятую населения губернии; Смоленск послал 25000 человек и т. д. Но во время войны их нигде не было видно, и эти сотни тысяч ополченцев не могли предотвратить того, что русские подошли к Висле в таком же плачевном состоянии и в такой же степени дезорганизованными, как п сами французы. Этот новый набор en masse* означает, кроме того, что Николай решил воевать до конца.

Но если с военной точки зрения участие Австрии в войне вынуждает Россию перейти к обороне, то с политической точки зрения это отнюдь не обязательно. У царя есть мощное политическое средство наступления — на что мы уже не раз обращали внимание — восстание австрийских и турецких славян и провозглашение независимости Венгрии.

Нашим читателям известно, как боятся этого австрийские государственные деятели. Несомненно, царь в случае необходимости прибегнет к этому средству; к чему это приведет — сказать трудно.

Мы ничего не говорили о Пруссии. В конечном счете она, вероятно, объединится с Западом против России, хотя, возможно, только после бурь, предвидеть которые никто не в состоянии. Во всяком случае, пока не начнется какое-либо национальное движение, ее войска вряд ли будут играть значительную роль, а потому мы пока можем почти не принимать ее в расчет.

Написано Ф. Энгельсом около 20 февраля 1855 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4332, 8 марта 1855 г. в качестве передовой и в «Neue Oder-Zeitung» №№ 91 и 93, 23 и 24 февраля 1855 г.

Печатается по тексту газеты «New-York Daily Tribune», сверенному с текстом «Neue Oder-Zeitung»

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

* — в массовом масштабе, поголовный. *Ред.*

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ПАРЛАМЕНТСКИЕ И ВОЕННЫЕ ДЕЛА

Лондон, 20 февраля. Хотя палата общин и заседала вчера с 4 часов дня до 2 часов ночи и ассигновала около $7^1/_2$ млн. ф. ст. на содержание сухопутной армии, дебаты не стоят того, чтобы о них подробно писать. Отметим лишь, что Пальмерстон выводил из себя своих либеральных противников как своей манерностью и пошлостью реплик, так и вызывающе самоуверенной наглостью, с какой он преподносил эти пошлости. Повествуя о сражении под Балаклавой в декламаторском тоне, пригодном для цирка Астли, он в то же время напустился на Лейарда за его «вульгарную декламацию об аристократии». Ведь не аристократия-де сидит в интендантстве, в транспортном управлении, в медицинском ведомстве. Он забыл, что там сидят ее лакеи. Лейард правильно подметил, что изобретенные Пальмерстоном комиссии пригодны лишь для того, чтобы порождать конфликты по вопросу о компетенции в экспедиционной армии. Как, воскликнул Пальмерстон, вы — и вот он снова в позе Ричарда II, а парламент в роли черни Уота Тайлера — вы хотите учредить парламентскую комиссию, годную лишь на то, чтобы составлять Blue Books[69], а возражаете против моих комиссий, «которым надо работать!». Пальмерстон отнесся к парламенту с таким высокомерием, что не счел даже нужным на сей раз пускать в ход собственное остроумие. Он заимствовал его из утренних правительственных газет, лежавших на столах перед членами парламента. Тут был и «Комитет общественного спасения», заимствованный из «Morning Chronicle», и «Morning Post» со своей плоской остротой — отправить депутатов, требующих расследования, в Крым и там оставить их. Только

такому парламенту, как нынешний, могли быть преподнесены подобные вещи.

Перещеголяв, таким образом, в парламенте даже старого Абердина, Пальмерстон в печати — не в непосредственно подчиненных ему органах, а в легковерной газете объединенных владельцев пивных* — пускает слух о том, что он-де не свободен в своих действиях, что двор держит его в цепях и т. д.

Поскольку в скором времени в Вене начинаются заседания мирной конференции, то своевременно будет поговорить о войне и оценить примерно военные силы, которыми располагают державы, участвующие уже в той или другой мере в войне. При атом речь идет не только об общей численности армии, но и о той части, которая может быть выделена для наступательных операций. Подробно мы коснемся лишь пехоты, так как состав прочих родов войск должен находиться в соответствующей пропорции к последней.

У Англии имеется всего 99 полков, или 106 пехотных батальонов, из коих по меньшей мере 35 батальонов несут службу в колониях. Из остальных—40 батальонов вошли в состав первых 5 дивизий, посланных в Крым, и по меньшей мере 8 батальонов были отправлены туда позже в качестве подкреплений. Остается, следовательно, примерно 23 батальона, из которых вряд ли даже один может быть выделен для службы за пределами страны. Милиции, насчитывающей свыше 50000 человек, дано право зачисляться на службу за пределами Англии. Ее собираются направить в Гибралтар, на Мальту и Корфу, чтобы высвободить около 12 батальонов, которые могут быть использованы в Крыму. Иностранный легион, как заявил вчера Пальмерстон в палате общин, не удается создать. Наконец, 13 февраля был отдан приказ о формировании вторых батальонов в 93 полках, а именно: 43 батальона по 1000 человек и 50 батальонов по 1200 человек в каждом. Это даст дополнительно 103000 человек и, кроме того, 17000 человек для кавалерии и артиллерии. Но ни один солдат из этих 120 тысяч еще не завербован. А их надо еще обучить и обеспечить офицерскими кадрами.

Нынешняя изумительная организация британской армии привела к тому, что почти вся се пехота, за исключением лишь запасных рот и нескольких запасных батальонов — и не только солдаты, но, что кажется невероятным, и офицерский состав, — находится в Крыму и колониях. Генералов, полковников и майоров на половинном жалованье числится более чем доста-

* — «Morning Advertiser». *Ред.*

точно в списках британской армии, и они могут быть использованы для этих новых воинских формирований. Но на половинном жалованье почти совсем нет капитанов и совершенно нет лейтенантов и унтер-офицеров. Унтер-офицеры же, как известно, являются костяком всякой армии. По мнению лучшего авторитета в этой области, генерала Уильяма Нейпира, историка войны на Пиренейском полуострове[70], требуется целых три года, чтобы превратить «tag-rag» и «bob-tail» (люмпен-пролетариат) старой Англии в «цвет Англии», в «лучших солдат мира». Но это при том условии, если имеются офицерские кадры и их нужно лишь пополнить. Сколько же потребуется времени, чтобы сделать героев из этих 120000 солдат? Влечение ближайшего года английское правительство сможет противопоставить неприятелю в лучшем случае «маленький героический отряд» в 50000 человек. Правда, на короткие периоды это число можно было бы увеличивать, но это существенно дезорганизовало бы подготовку будущих подкреплений.

Отправка почты вынуждает нас прервать на этом дальнейшее изложение.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом
20 февраля 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung»
№ 91, 23 февраля 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

К НОВОМУ МИНИСТЕРСКОМУ КРИЗИСУ

Лондон, 24 февраля. Палата общин была вчера переполнена, так как ожидались объяснения министров по поводу распада *первого* правительства Пальмерстона. В переполненном до отказа зале парламентарии с нетерпением ждали прибытия благородного виконта, который, наконец, явился спустя час после открытия заседания палаты и был встречен на одних скамьях насмешками, на других — cheers*. Министры-отступники — Грехем, Гладстон, Герберт — заняли свои места на скамьях так называемых радикалов (манчестерской школы), где их, по-видимому, приветствовал Брайт. На ближайшей к ним скамье восседал также вышедший из министерства Кардуэлл. Лорд Пальмерстон выступил с предложением, чтобы вопрос о комиссии Робака был рассмотрен немедленно. Затем сэр Джемс Грехем начал свою министерскую исповедь, но только он приступил к своим риторическим построениям, как послышался аккомпанемент Пальмерстона — верный признак здорового сна.

Полемика Грехема против следственной комиссии в принципе сводилась к тому, что ее назначение является посягательством палаты общин на прерогативы короны. Мы знаем, что вот уже полтора столетия как у английских министров вошло в обычай, выступая против короны, ссылаться на привилегии парламента, а выступая против парламента, ссылаться на прерогативы короны. На деле Грехем пугал опасностью, грозящей англо-французскому союзу в результате расследований комиссии. Это было не чем иным, как намеком на то, что французский

* — приветственными возгласами. *Ред.*

союзник будет выглядеть как главный виновник всех неудач. Что касается выхода Грехема из министерства, то министерство-де с самого начала расценило предложение Робака просто как скрытый вотум недоверия. Поэтому и были принесены в жертву Абердин и герцог Ньюкасл, и был распущен старый кабинет. Но новый кабинет, за исключением Каннинга и Панмюра, состоит из прежних лиц; почему же предложение Робака могло получить вдруг иное толкование? Не он, а лорд Пальмерстон с пятницы до вторника изменил свои взгляды. Не он, а его благородный друг является дезертиром. Кроме того, — наивно признается Грехем, — причина его выхода из обновленного кабинета кроется в убеждении,

«что нынешнее правительство пользуется не большим доверием палаты, чем правительство, ушедшее несколько недель тому назад».

В своей речи Грехем, между прочим, сказал:

«При образовании нового правительства я спросил у благородного лорда» (Пальмерстона), «будут ли внесены какие-либо изменения во внешнюю политику графа Абердина, а также какие-либо изменения в предложенные условия мира. Лорд Пальмерстон твердо заверил меня, что в этом отношении все останется по-старому».

(Мы цитируем эти слова так, как они были *произнесены* в палате общин, а не в той более приглаженной форме, в какой они были *напечатаны* в газетах.)

Брайт тотчас же ухватился за это заявление Грехема, чтобы засвидетельствовать, что он не хочет низвержения правительства Пальмерстона, не питает лично никакой ненависти к благородному лорду, больше того, он убежден, что Пальмерстон и Рассел обладают тем, чего не хватало несправедливо преследуемому Абердину, а именно достаточной популярностью для того, чтобы заключить мир на основе четырех пунктов.

Сидни Герберт. — Предложение Робака состоит из двух совершенно различных частей. Во-первых, Робак предлагает расследовать положение армии под Севастополем; во-вторых, расследовать, каково было руководство со стороны тех правительственных органов, на которые непосредственно возложена забота об обеспечении армии. Палата вправе сделать последнее, но не первое. Уж не на этом ли основании Герберт 26 января так же горячо возражал против «последнего», как теперь, 23 февраля, он возражает против «первого»? Когда он (Герберт) принимал свой пост в нынешнем кабинете, лорд Пальмерстон в полном соответствии со своей речью, произнесенной в прошлую пятницу, назвал комиссию неконституционной мерой и высказал мнение, что с уходом Абердина и герцога Ньюкасла вопрос о ней снимается. Пальмерстон даже не сомневался в том,

что теперь палата отвергнет предложение Робака без всякого обсуждения. Комиссия, поскольку целью ее является не обвинение правительства, а расследование положения армии, окажется чудовищным обманом. Лорд Пальмерстон, не находя в себе мужества действовать в соответствии с неоднократно высказанным им убеждением, тем .самым ослабляет правительство. А какая-де польза от сильной личности, если она проводит слабую политику?

Гладстон к объяснениям своих коллег по существу ничего не прибавил, кроме разве такого рода аргументации, которая в свое время дала покойному Пилю повод заметить по случаю выхода Гладстона из его правительства, — тогда речь шла о колледже в Мейнуте[71], — что ему-де казались понятными причины ухода его друга из правительства, пока его друг не вздумал изложить эти причины парламенту в двухчасовой речи.

Пальмерстон счел излишним останавливаться на объяснениях своих бывших коллег. Он сожалеет об их уходе, но обойдется и без них. По его мнению, комиссия имеет целью не обвинение, а расследование положения армии. Вначале он противился назначению комиссии, но теперь убедился, что невозможно заставить палату отменить свое решение. Без правительства страна не может оставаться, поэтому он останется во главе правительства — с комиссией или без нее. На вопрос Брайта Пальмерстон ответил, что переговоры о мире будут вестись всерьез и инструкции для Рассела составлены на основе четырех пунктов. О положении в своем собственном министерстве он палате ничего не сообщил.

Пальмерстон, несмотря на внезапный распад своего первого правительства, бесспорно уже одержал победы, если не в глазах общественного мнения, то в кабинете и в парламенте. Отправив Рассела с миссией в Вену, он избавился тем самым от неудобного и капризного соперника. Пойдя на компромисс с Робаком, он превратил парламентскую следственную комиссию в правительственную комиссию, которая будет лишь четвертой наряду с теми тремя комиссиями, которые он создал сам. Пальмерстон, говоря словами Сидни Герберта, поставил на место реальности «чудовищный обман». Уход пилитов дает ему возможность образовать кабинет из одних нулей, в котором только он является единицей. Однако не подлежит сомнению, что образование этого действительно пальмерстоновского министерства неизбежно должно натолкнуться на почти непреодолимые трудности.

Написано К. Марксом 24 февраля 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 97, 27 февраля 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ЮМ

Лондон, 24 февраля. В лице Юма палата общин потеряла своего ветерана. Его продолжительная парламентская деятельность является точным барометром развития *той* буржуазно-радикальной партии, которая достигла своего наивысшего расцвета в 1831 году. В первое время после реформы[72] Юм играл в палате роль парламентского Варвика, то есть «делателя депутатов». Спустя 8 лет он вместе с Даниелом О'Коннелом и Фергюсом О'Коннором выступает в качестве одного из авторов «Народной хартии»[73], которая и сейчас еще составляет политическую программу чартистов и сводится по существу к требованию *всеобщего избирательного права* и создания таких условий, при которых это право могло бы действительно осуществиться в Англии.

Вскоре затем последовал разрыв между рабочими и буржуазными агитаторами. Юм оказался на стороне последних. В период министерства Рассела он составил «Малую хартию», ставшую программой так называемых «сторонников парламентской и финансовой реформы»[74]. Вместо шести пунктов «Народной хартии» она содержит три пункта и вместо «всеобщего» — требует лишь более или менее «расширенного» избирательного права. Наконец, в 1852 г. Юм провозгласил новую программу, в которой он отказывается от своей «Малой хартии» и настаивает лишь на *одном* пункте — на тайном голосовании (Ballot). В остальном Юм был классическим представителем так называемой «независимой» оппозиции, которую Коббет метко и исчерпывающе охарактеризовал как «предохранительный клапан» старой системы. К концу своей жизни Юм усвоил

привычку, ставшую настоящей манией, вносить в парламент предложения, а затем в последнюю минуту по указке министров отказываться от них. Его кокетничание с «экономией казенных средств» вошло в поговорку. Все министры разрешали ему нападать на статьи мелких расходов и сокращать их с тем, чтобы беспрепятственно проводить через палату статьи крупных расходов.

Написано К. Марксом 24 февраля 1855 г.

Напечатано в «NeueOder-Zeitung» № 98, 28 февраля 1855 гэ

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

* ПАЛЬМЕРСТОН И АНГЛИЙСКАЯ ОЛИГАРХИЯ

Лондон, 27 февраля. На поднявшийся шум против аристократии Пальмерстон иронически ответил образованием министерства, состоящего из 10 лордов и 4 баронетов, причем 8 из этих 10 лордов заседают в палате пэров. В ответ на недовольство, вызванное компромиссом между различными фракциями олигархии, он заключает компромисс между различными семейными группами внутри фракции вигов. В его министерстве получили свою долю клан Греев, герцогский дом Сатерлендов, наконец, семейство Кларендонов. Министр внутренних дел сэр Джордж Грей — двоюродный брат графа Грея, на сестре которого женат сэр Чарлз Вуд, первый лорд адмиралтейства; граф Гранвилл и герцог Аргайл представляют фамилию Сатерлендов. Сэр Дж. К. Льюис, канцлер казначейства, приходится зятем графу Кларендону, министру иностранных дел. Одна только Индия досталась нетитулованному, хотя и породнившемуся посредством брака с вигскими семействами, Вернону Смиту. «Королевство за коня!» — воскликнул в свое время Ричард III[*]; «Коня для королевства!» — восклицает Пальмерстон, подражая Калигуле[75], и превращает Вернона Смита в Великого Могола Индии[76].

«Лорд Пальмерстон», — жалуется газета «Morning Advertiser», — «не только дал нам наиболее аристократическое правительство, какое только знает наша история, но к тому же составил свое правительство из самого плохого аристократического материала, какой только можно было найти». Но, утешает себя простодушная «Advertiser», ведь «Пальмерстон до сих пор не свободен в своих действиях, он все еще в цепях и путах ...».

[*] Шекспир. «Король Ричард III», акт V, сцена четвертая. *Ред.*

Как мы и предсказывали*, лорд Пальмерстон образовал кабинет из нулей, в котором только он является единицей. Лорда Джона Рассела, который в 1851 г. недипломатически выбросил его из кабинета вигов, он дипломатически отправил в путешествие[77]. Пилитов он использовал для того, чтобы стать преемником Абердина. Обеспечив за собой пост премьера, он сразу же отделался от приверженцев Абердина и похитил у Рассела, как выразился Дизраэли, не только облачение вигов, но и самих вигов. Несмотря на большое сходство, почти тождество нынешнего правительства с вигским правительством Рассела 1846—1852 гг., было бы более чем неправильно смешивать их. Суть дела заключается теперь вообще не в кабинете, а в лорде Пальмерстоне, заменяющем кабинет. Хотя состав кабинета в большинстве своем прежний, однако места в нем так распределены, опора его в палате общин стала настолько иной и сам он появился вновь при столь изменившихся обстоятельствах, что если раньше он представлял собой слабое министерство вигов, то теперь он олицетворит сильную диктатуру одного человека при том, однако, предположении, что Пальмерстон — не поддельный Питт, Луи Бонапарт — не поддельный Наполеон, а лорд Джон Рассел продолжит свое путешествие. Английский буржуа хотя и раздосадован столь неожиданным оборотом дел, но пока его еще забавляет бессовестная ловкость, с помощью которой Пальмерстон обманул и одурачил друзей и врагов. Пальмерстон, говорит купец из Сити, снова показал, что он «clever». Но «clever» — это непереводимое слово, имеющее различные значения, различный смысл. Оно охватывает все качества человека, умеющего показать себя в лучшем свете и так же хорошо умеющего извлекать выгоды для себя, как и вредить другим. При всей своей приверженности к морали и респектабельности английский буржуа все же восхищается прежде всего человеком, о котором говорят, что он «clever», которого мораль не связывает и пиетет не сбивает с толку, который на принципы смотрит как на сети, расставляемые для поимки своих ближних. Если Пальмерстон до такой степени «clever», то не перехитрит ли он русских так же, как он ловко перехитрил Рассела? — так рассуждает политик из высших слоев английской буржуазии.

Что касается тори, то они воображают, что вернулось доброе старое время, что злые чары коалиций разрушены и вновь восстановлено традиционное чередование правительств вигов и тори. Действительная перемена, не ограничивающаяся одним

* См. настоящий том, стр. 92. *Ред.*

лишь пассивным разложением, могла бы произойти на деле только при правительстве тори. Лишь тогда, когда у кормила правления стоят тори, начинается сильное давление извне — pressure from without — и осуществляются неизбежные преобразования. Так, эмансипация католиков[78] проходит при министерстве Веллингтона; отмена хлебных законов имеет место при министерстве Пиля; то же самое можно сказать если не по поводу самого билля о парламентской реформе, то, по крайней мере, по поводу движения за реформу — движения, имевшего большее значение, чем его результаты.

Когда англичане призвали из-за моря голландца* для того, чтобы провозгласить его королем, вместе с новой династией началась новая эра — эра союза земельной аристократии с финансовой аристократией. С того времени и по сей день сохраняется конституционное равновесие между привилегией крови и привилегией золота. В соответствии с привилегией крови, например, часть должностей в армии распределяется по принципу семейных связей, посредством кумовства и фаворитизма, но и принципу золота отведено должное место, поскольку все офицерские чины продаются и покупаются за звонкую монету. Подсчитано, что находящиеся ныне на службе в армии офицеры затратили на покупку своих чинов капитал в 6 миллионов фунтов стерлингов. Чтобы не лишиться своих приобретенных во время службы прав и не быть вытесненным каким-нибудь молодым богачом, менее состоятельный офицер должен занимать деньги, необходимые для его повышения в чине, и таким образом становиться закабаленным ипотеками должником.

Как в армии, так и в церкви наряду с принципом семейных связей господствует принцип чистогана. Если часть церковных должностей попадает в руки младших сыновей аристократии, то другая часть достается тем, кто больше заплатит. Торговля «душами» английского народа, поскольку они принадлежат к государственной церкви, носит не менее регулярный характер, чем торговля неграми в Виргинии. И в этой отрасли торговли имеются не только продавцы и покупатели, но и маклеры. Court of Queen's Bench** разбирал вчера иск одного из таких «духовных» маклеров, по фамилии Симпсон. Он требовал следуемое ему вознаграждение с некоего Лама, который по договору обязался устроить назначение в приход Уэст-Хакни священника Джозая Родуэлла, причем Симпсон выговорил

* — Вильгельма Оранского. *Ред.*

** — Суд королевской скамьи. *Ред.*

себе 5 процентов как с покупателя, так и с продавца, не считая некоторых добавочных доходов. Лам, по его словам, не выполнил своего обязательства. Суть сделки заключалась в следующем: Лам — сын 70-летнего священника, имеющего два прихода в Суссексе, продажная цена которых определяется в 16000 фунтов стерлингов. Цена, разумеется, стоит в прямой зависимости от доходности церковного прихода и в обратной — от возраста его владельца. Лам-младший является попечителем приходов, занимаемых Ламом-старшим, и к тому же братом третьего, еще более молодого Лама, владельца прихода и священника в Уэст-Хакни. Так как последний Лам еще очень молод, цена следующего назначения на его синекуру сравнительно низкая. Хотя ежегодная доходность этого прихода составляет 550 ф. ст., не считая стоимости жилья для священника, однако его владелец продает следующее назначение только за 1000 фунтов стерлингов. И вот его старший брат обязуется передать ему после смерти отца приходы в Суссексе, а освобождающуюся в Уэст-Хакни вакансию обещает продать через Симпсона Джозая Родуэллу за 3000 фунтов стерлингов. В результате ему досталось бы 2000 ф. ст. чистой выручки, младший брат его получил бы лучший приход, а маклер заработал бы на этой сделке 300 ф. ст., из расчета причитающихся ему 5 процентов комиссионных. Осталось невыясненным, почему контракт был расторгнут. Суд присудил маклеру Симпсону «за затраченный труд» возмещение в 50 фунтов стерлингов.

Написано К. Марксом 27 февраля 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 105, 3 марта 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

БРИТАНСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ

Лондон, 2 марта. В то время как британская конституция во всех ее звеньях терпела провал всюду, где война подвергала ее испытанию, внутри страны обанкротилось коалиционное министерство, самое конституционное из всех, какие знала английская история. 40000 британских солдат пали на берегах Черного моря жертвой британской конституции! Офицерский корпус, генеральный штаб, интендантство, медицинское ведомство, транспортная служба, адмиралтейство, верховное командование, артиллерийское управление, армия и флот— все они обанкротились, сами подорвали свой престиж в глазах всего света. Но все при этом находили удовлетворение в сознании, что они лишь выполнили долг перед британской конституцией! Газета «Times» была ближе к истине, чем сама полагала, когда писала по поводу этого всеобщего банкротства, что «сама британская конституция стоит перед судом»! Конституция предстала перед судом и была признана виновной.

Но что представляет собой эта британская конституция? Заключается ли ее суть в представительных учреждениях и в ограничении исполнительной власти? Эти черты не отличают ее ни от конституции Соединенных Штатов Северной Америки, ни от уставов бесчисленных английских акционерных компаний, которые «знают свое дело». Британская конституция является в действительности лишь стародавним, пережившим себя, устаревшим компромиссом между *неофициально,* но фактически *господствующей* со всех решающих сферах буржуазного общества буржуазией и *официально правящей* земельной

аристократией. Первоначально после «славной» революции 1688 г. в компромисс была включена только одна фракция буржуазии — *финансовая аристократия.* Билль о реформе 1831 г. включил и другую фракцию — магнатов *промышленной* буржуазии — «millocracy» — как их называют англичане. История законодательства с 1831 г. представляет собой историю уступок, сделанных промышленной буржуазии, начиная с нового закона о бедных[79] до отмены хлебных законов и начиная с отмены хлебных законов до введения налога на наследование земельной собственности.

Если буржуазия — собственно только высший слой буржуазии — была в общем признана *господствующим классом* и в *политическом* отношении, то это было сделано лишь на том условии, что все действительное управление во всех его звеньях, даже исполнительные функции законодательной власти, то есть практическое законодательство в обеих палатах парламента, оставалось в руках земельной аристократии. Буржуазия в 1830-х годах предпочла возобновление компромисса с земельной аристократией компромиссу с массой английского парода. И вот аристократия, хотя и подчинилась известным принципам, выставленным буржуазией, но неограниченно господствует в кабинете министров, в парламенте, в государственном управлении, в армии и флоте; эта аристократия, составляющая в известной степени важнейшую часть британской конституции, вынуждена теперь подписать свой собственный смертный приговор и перед лицом всего света признать себя неспособной дальше управлять Англией. Какие только попытки не предпринимаются, чтобы гальванизировать ее труп! Одно министерство за другим образуется лишь для того, чтобы объявить о своем роспуске после нескольких недель пребывания у власти. Кризис становится непрерывным, правительство — лишь временным явлением. Всякая политическая деятельность приостановлена, и каждый сознает, что он претендует лишь на то, чтобы смазать политическую машину и не дать ей совсем остановиться. Палата общин уже не узнает себя в тех министерствах, которые сама создала по своему-образу и подобию.

В этой обстановке всеобщей беспомощности приходится не только вести войну, но и бороться с противником куда более грозным, чем царь Николай. Этим противником является *торгово-промышленный кризис,* который, начиная с сентября прошлого года, с каждым днем усиливается и становится всеобщим. Его железная рука сразу зажала рот тем пошлым апостолам свободы торговли, которые в течение ряда лет проповедовали, что после отмены хлебных законов переполнение

рынков товарами и социальные кризисы навсегда ушли в область предания. Но переполнение рынков стало ныне фактом, и никто так громко не кричит о недостаточной предусмотрительности фабрикантов, не сокративших-де производства, как те же самые экономисты, которые всего лишь пять месяцев тому назад твердили с догматической непогрешимостью, что перепроизводства никогда больше не будет.

В хронической форме болезнь обнаружилась уже во время забастовки в Престоне[80]. Вскоре после этого переполнение американского рынка вызвало кризис в Соединенных Штатах. Индия и Китай, хотя и были завалены товарами, продолжали играть роль отводных каналов перепроизводства так же, как Калифорния и Австралия. Английские фабриканты, не имея больше возможности сбыть свои товары на внутреннем рынке без снижения цен, стали прибегать к опасному средству — к отправке товаров на консигнацию в другие страны, особенно в Индию, Китай, Австралию и Калифорнию. Этот прием позволял им избегать в течение некоторого времени тех затруднений, которые возникли бы для торговли, если бы все товары были сразу выброшены на внутренний рынок. Однако, как только экспортируемые товары были доставлены по назначению, они тотчас же повлияли на цены на рынках соответствующих стран, и к концу сентября последствия этого начали ощущаться и здесь, в Англии.

Тогда хроническая форма кризиса сменилась острой. Первыми предприятиями, которые потерпели крах, оказались ситценабивные фабрики — в том числе старинные фирмы Манчестера и его окрестностей. За ними наступила очередь судовладельцев и купцов, ведущих торговлю с Австралией и Калифорнией, затем торговых домов, ведущих торговлю с Китаем и, наконец, с Индией. Очередь дошла до всех; большинство из них несли крупные убытки, многие вынуждены были приостановить дела, и ни для одной из этих отраслей торговли опасность еще не миновала. Напротив, эта опасность еще больше увеличивается. Владельцы шелковых фабрик также оказались задетыми кризисом; производство шелка в настоящее время свелось почти к нулю, и в центрах этого производства царит величайшая нужда. Затем наступила очередь фабрикантов хлопчатобумажной пряжи и тканей. Некоторые из них уже не выдержали и еще большее число обречено на ту же участь. Как мы уже отмечали[*], тонкопрядильные фабрики перешли на неполную рабочую неделю, и к такой же мере скоро

[*] См. настоящий том, стр. 70. *Ред.*

вынуждены будут прибегнуть владельцы фабрик, производящих грубую пряжу. Часть этих предприятий уже теперь работает лишь несколько дней в неделю. Долго ли они смогут так продержаться?

Еще несколько месяцев — и кризис в фабричных районах достигнет размеров кризиса 1842 г., если не больших. Но как только рабочий класс в полной мере почувствует на себе его влияние, начнется вновь то политическое движение, которое среди этого класса в той или иной мере дремало в течение последних шести лет и сохраняло лишь кадры для новой агитации. Конфликт между промышленным пролетариатом и буржуазией снова начнется в тот самый момент, когда конфликт между буржуазией и аристократией достигнет своей высшей точки. Маска, скрывавшая до сих пор от заграницы истинные черты политической физиономии Великобритании, будет, наконец, сорвана. И только тот, кто не знает, какими богатейшими людскими и материальными ресурсами обладает эта страна, может сомневаться в том, что она выйдет победоносной и обновленной из надвигающегося большого кризиса.

Написано К. Марксом 2 марта 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 109, 6 марта 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ЛЕЙАРД

Лондон, 2 марта. Лейард, известный ученый ассириолог, в своей речи, которую он произнес третьего дня перед своими избирателями в Эйлсбери, привел интересные подробности, характеризующие с одной стороны приемы и методы, посредством которых олигархия распределяет важнейшие государственные должности, с другой — в высшей степени двусмысленную позицию, занимаемую так называемыми либеральными и независимыми членами парламента по отношению к этой олигархии.

Лорд Гранвилл, рассказывает Лейард, назначил его помощником министра иностранных дел; на этой должности он прослужил три месяца, когда пало министерство Рассела и был образован кабинет Дерби. Дерби предложил ему оставаться на этом посту до тех пор, пока не вернется из Индии назначенный ему в преемники лорд Стэнли (сын Дерби), после чего он-де отправит его (Лейарда) с дипломатической миссией за границу.

«Все мои политические друзья», — рассказывает Лейард, — «были того мнения, что я должен принять предложение, за исключением лорда Рассела, который держался противоположного мнения; совету Рассела я не замедлил последовать».

Итак, Лейард отверг предложение Дерби. Прекрасно! Лорд Рассел снова становится министром, и Лейард не остается забытым. Рассел приглашает его к «министерскому столу», за которым он должен занять место заместителя председателя «Board of Control»*, то есть заместителем министра по делам Индии, Лейард соглашается. Но вдруг Рассел вспоминает, что более

* — «Контрольного совета». *Ред.*

пожилой джентльмен из числа вигов по фамилии сэр Томас Редингтон, ранее когда-то занимавшийся ирландскими, но никогда азиатскими делами, «еще не пристроен» (буквально). Поэтому Рассел дает понять Лейарду, чтобы он не мешал устройству почтенного джентльмена. Лейард снова уступает. Тогда Рассел, ободренный скромностью и самопожертвованием ученого, убеждает его совсем уйти с дороги и принять пост консула в Египте. Но на этот раз Лейард выходит из себя, отказывается от предложения и привлекает к себе внимание в парламенте своими внушительными речами против политики министерства на Востоке.

Пальмерстон, создав свой кабинет, пытается удовлетворить Лейарда должностью секретаря в артиллерийском управлении. Лейард отклоняет предложение, так как он-де вообще ничего не понимает в артиллерии и т. д. Какая наивность! Как будто ушедший с поста секретаря г-н Монселл, один из маклеров ирландской бригады, был когда-либо в состоянии отличить обыкновенный мушкет от игольчатого ружья! Тогда Пальмерстон предлагает Лейарду пост заместителя министра в военном министерстве. Он принимает предложение, но на следующий день Пальмерстон вдруг обнаруживает, что Фредерик Пиль — это бюрократическое ничтожество — в данный момент абсолютно необходим в военном министерстве, о функциях которого Пиль, как известно, не имеет представления. Наконец, в качестве компенсации Пальмерстон предлагает Лейарду от имени Рассела пост заместителя министра в министерстве колоний. Лейард считает создавшуюся в данный момент обстановку слишком тяжелой, чтобы ознакомиться с 50 колониями, которыми он до сего времени никогда не занимался. Он снова отказывается, и на этом заканчивается эта поучительная история.

Единственная мораль, которую министерские газеты отсюда выводят, такова: Лейард-де еще очень неопытен в житейских делах и сам виноват в том, что не использовал своей ассирийской славы.

Написано К. Марксом 2 марта 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 107, 5 марта 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

КРИЗИС В АНГЛИИ

Из всех известий, доставленных из Европы пароходом «Атлантик»[81], наибольший интерес вызывает бесспорно смерть царя и влияние этого события на современные осложнения. Но как бы ни были важны сведения об этом событии или других европейских делах, они едва ли могут больше интересовать вдумчивого наблюдателя, чем признаки постепенного развития того серьезного внутреннего политического кризиса, в который в настоящее время оказалась втянутой против своего желания английская нация. Последняя попытка сохранить устарелый компромисс, именуемый британской конституцией, — компромисс между классом, который правит официально, и классом, который правит неофициально, — явно провалилась. В Англии обанкротилось не только коалиционное министерство, самое конституционное из всех министерств, но и сама конституция во всех ее звеньях терпела провал всюду, где война подвергала ее испытанию. Сорок тысяч британских солдат пали на берегах Черного моря жертвой британской конституции! Офицерский корпус, генеральный штаб, интендантство, медицинское ведомство, транспортная служба, адмиралтейство, верховное командование, артиллерийское управление, армия и флот — все они обанкротились, сами подорвали свой престиж в глазах всего света. Но все при этом находили удовлетворение в сознании, что они лишь выполнили долг перед британской конституцией. Лондонская газета «Times» была ближе к истине, чем сама полагала, когда писала по поводу этого всеобщего банкротства, что сама британская конституция стоит перед судом!

Конституция предстала перед судом и была признана виновной. Эта британская конституция является не чем иным, как устаревшим компромиссом, в силу которого государственная власть в целом передавалась определенным слоям буржуазии при том, однако, условии, что все действительное управление, исполнительная власть во всех ее звеньях, даже исполнительные функции законодательной власти, то есть практическое законодательство в обеих палатах парламента, оставалось в руках земельной аристократии. И вот аристократия, хотя и подчинилась общим принципам, выставленным буржуазией, но неограниченно господствует в кабинете министров, в парламенте, в государственном управлении, в армии и флоте; эта аристократия, составляющая важнейшую часть британской конституции, вынуждена теперь подписать свой собственный смертный приговор. Она вынуждена признать себя не способной дальше управлять Англией. Одно министерство за другим образуется лишь для того, чтобы объявить о своем роспуске после нескольких недель пребывания у власти. Кризис становится непрерывным, правительство — лишь временным явлением. Всякая политическая деятельность приостановлена; каждый претендует лишь на то, чтобы в достаточной мере смазать политическую машину и не дать ей совсем остановиться. Сама палата общин — эта гордость всех приверженных к конституции англичан — дошла до мертвой точки. Она уже перестала себя узнавать с тех пор, как распалась на множество фракций, пытающихся испробовать все математические комбинации и вариации, какие только возможны при данном количестве единиц. Она уже не узнает себя и в различных кабинетах, которые сама создает по своему образу и подобию с единственной целью — снова их распустить. Поистине полное банкротство.

В обстановке всеобщей беспомощности, которая поразила нацию и, подобно эпидемии в Крыму, постепенно распространилась на все части политического организма, приходится не только вести войну, но и бороться с противником куда более грозным, чем Россия, — противником, перед которым бессильны все прошлые, настоящие и будущие кабинеты всех этих Глад-стонов, Кардуэллов, Расселов и Пальмерстонов вместе взятые. Этим противником является торгово-промышленный кризис, который с сентября прошлого года приобрел такую остроту, такой всеобщий и бурный характер, что наличие его невозможно отрицать. Его неумолимая железная рука сразу зажала рот тем пошлым апостолам свободы торговли, которые в течение ряда лет проповедовали, что после отмены хлебных законов

переполнение рынков товарами невозможно. Переполнение рынков в наиболее острой форме и со всеми вытекающими отсюда последствиями стало ныне фактом, и перед лицом этого факта никто так резко не обвиняет фабрикантов в непредусмотрительности за то, что они не сократили производства, как те самые экономисты, которые всего лишь несколько месяцев тому назад твердили, что перепроизводства никогда больше не будет. Мы давно уже обращали внимание на наличие этой болезни в ее хронической форме. Последние затруднения в Америке и кризис, который вызвал застой в американской торговле, несомненно, привели к усугублению этой болезни. Индия и Китай, хотя и были завалены товарами, продолжали играть роль отводных каналов так же, как Калифорния и Австралия. Английские фабриканты, не имея больше возможности сбыть свои товары на внутреннем рынке или предпочитая не делать этого, чтобы не снижать цен, стали прибегать к нелепому средству — к отправке товаров на консигнацию в другие страны, особенно в Индию, Китай, Австралию и Калифорнию. Этот прием позволял им избегать в течение некоторого времени тех затруднений, которые возникли бы для торговли, если бы все товары были сразу выброшены на внутренний рынок; однако, как только экспортируемые товары были доставлены по назначению, тотчас же возникли затруднения на рынках соответствующих стран, и к концу сентября прошлого года последствия этого начали ощущаться и в Англии.

Тогда хроническая форма кризиса сменилась острой. Первыми почувствовали его владельцы ситценабивных фабрик; многие из них, в том числе старинные фирмы Манчестера и его окрестностей, потерпели крах. За ними наступила очередь судовладельцев и купцов, ведущих торговлю с Австралией и Калифорнией, затем торговцев с Китаем и, наконец, фирм, ведущих торговлю с Индией. Очередь дошла до всех; большинство из них несли крупные убытки, многие даже вынуждены были приостановить дела, и ни для кого опасность еще не миновала. Напротив, эта опасность еще больше увеличивается. Владельцы шелковых фабрик также оказались задетыми кризисом; производство шелка свелось почти к нулю, и в центрах этого производства царила и до сих пор царит величайшая нужда. Затем наступила очередь фабрикантов хлопчатобумажной пряжи и тканей. Некоторые из них, судя по последним сообщениям, уже не выдержали, еще большее число обречено на ту же участь. Как стало известно, тонкопрядильные фабрики перешли на четырехдневную рабочую неделю, и таким же образом скоро будут вынуждены поступить фабрики, производящие

грубую пряжу. Но многие ли из них будут в состоянии продержаться в течение более или менее длительного времени?

Еще несколько месяцев — и кризис достигнет таких размеров, каких Англия не знала с 1846 г., пожалуй, даже с 1842 года. Но когда рабочий класс в полной мере почувствует на себе его влияние, начнется вновь то политическое движение, которое дремало в течение последних шести лет. Английские рабочие тогда вновь поднимутся на борьбу, угрожая буржуазии как раз в тот момент, когда она окончательно оттесняет аристократию от власти. Маска, скрывавшая до сих пор истинные черты политической физиономии Великобритании, будет, наконец, сорвана. Две действительно борющиеся в Англии силы — средний класс и рабочий класс, буржуазия и пролетариат — столкнутся лицом к лицу, и эта страна будет, наконец, вовлечена в общее социальное развитие европейского общества. Когда Англия вступила в союз с Францией, она окончательно утратила тот обособленный характер, который придавало ей ее островное положение и который уже давно подрывался мировой торговлей и ростом средств сообщения. И теперь она вряд ли сможет остаться в стороне от тех великих внутренних движений, в которые втянуты другие европейские нации.

Знаменателен также и тот факт, что последние дни существования британской конституции столь же изобилуют картинами насквозь прогнившего общественного строя, как и последние дни монархии Луи-Филиппа. Мы уже сообщали о парламентских и правительственных скандалах, о скандальных делах Стонора, Садлера, Лоли*, но венцом всего является раскрытие дела Хандкока и де Бёрга — дела, в котором лорд Кланрикард, пэр Англии, выступает в качестве если не прямого, то косвенного участника самых отвратительных преступлений. Неудивительно, что этого окажется достаточным для завершения аналогии и что народ, прочитав постыдные детали дела, невольно воскликнет: «Герцог Прален! Герцог Прален!» Англия достигла своего 1847 года; кто знает, когда начнется и каким будет ее 1848 год?

Написано К. Марксом 2 марта 1855 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4346, 24 марта 1855 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке впервые опубликовано в сборнике: К, Маркс и Ф. Энгельс, «Об Англии», 1952 г.

* См. настоящий том, стр. 25—26. *Ред.*

К. МАРКС

ТОРГОВЛЯ ЧИНАМИ. — ВЕСТИ ИЗ АВСТРАЛИИ

Лондон, 3 марта. На заседании палаты общин третьего дня предложение лорда Годрича о продвижении унтер-офицеров до чина капитана было, как известно, отвергнуто. Пальмерстон привел старый довод: частичная реформа невозможна, так как одно звено старой системы обусловливает другое. Итак, отдельная практическая реформа невозможна, ибо она теоретически исключена. Реформа же всей системы невозможна, потому что это была бы не реформа, а революция. Следовательно, теоретически реформа невозможна, ибо она практически исключена. Нынешняя палата общин — палата, которая руководствуется принципом: «principiis obsta»*, разумеется, охотно дала себя убедить в этом, или, вернее, не нуждалась в убеждении, так как свой приговор она вынесла уже заранее.

Пальмерстон по этому поводу заметил, что система продажи офицерских патентов имеет большую давность, и в этом он был прав. Мы уже говорили о том, что эта система возникла в эпоху «славной» революции 1688 г. одновременно с установлением системы государственных долгов, банкнот и голландской династии. Уже в акте о мятежах 1694 г.[82] указывается на необходимость предотвратить

«великое зло, возникающее от продажи и покупки офицерских чинов в, королевской армии», и предписывается, чтобы «каждый имеющий патент офицер» (только унтер-офицеры *не имели* патента) «давал клятву в том, что он своего патента не покупал».

Это ограничение, однако, не было применено на практике; напротив, в 1702 г. сэр Н. Райт, лорд-хранитель печати, вынес

* — «уничтожай зло в зародыше». *Ред.*

решение в обратном смысле. 1 мая 1711 г. система патентов была прямо признана одним из указов королевы Анны, в котором говорилось,

«что ни один офицерский патент не может быть продан без королевской санкции и ни один офицер не имеет права продажи патента, если он не прослужил полных 20 лет или не стал непригодным к службе» и т. д.

От этого официального признания торговли военными патентами оставался лишь один шаг до официального регулирования рыночных цен на патенты. Такие рыночные цены были впервые установлены в 1719—1720 годах. Затем цены на офицерские патенты пересматривались в 1766, 1772, 1773, 1783 гг. и, наконец, в 1821 г., когда были утверждены цены, существующие и поныне. Еще в 1766 г. военный министр Баррингтон опубликовал письмо, в котором было сказано:

«Следствием этой торговли офицерскими патентами нередко бывает так, что люди, которые поступали на военную службу по самому горячему призванию и которые не упускали случая, чтобы отличиться, остаются всю жизнь в низшем чине, потому что они бедны. Эти достойные офицеры часто терпят жестокие унижения, находясь в подчинении офицеров-юнцов из богатых семей, которые поступили на службу гораздо позже и которым их средства позволяли развлекаться вне полка, в то время как другие, постоянно оставаясь в казармах, овладевали своим делом и выполняли обязанности этих джентльменов».

Правда, общее право Англии считает незаконным дарение или «посредническое вознаграждение» за предоставление какой-либо государственной должности, подобно тому, как статуты государственной церкви за симонию[83] отлучают от церкви. Но историческое развитие в том и состоит, что ни закон не определяет собой практики, ни практика не устраняет противоречащего ей закона.

Последние сообщения из Австралии добавляют новые штрихи к картине всеобщего брожения, тревоги и неустойчивости. Мы должны провести различие между мятежом в Балларате (близ Мельбурна) и революционным движением, охватившим всю провинцию Виктория. Первый в настоящий момент, вероятно, уже подавлен; второе может быть прекращено только в результате удовлетворения всех требований. Первый является лишь симптомом, случайной вспышкой второго. Что касается мятежа в Балларате, то дело обстояло следующим образом. У некоего Бентли, содержателя гостиницы «Эврика» при золотых приисках в Балларате, возникли разного рода конфликты с золотоискателями. Случившееся в его доме убийство усилило ненависть к нему. После осмотра трупа следователем, Бентли был освобожден как непричастный к делу. Однако 10 присяжных из 12, которые присутствовали при осмотре тела убитого,

опубликовали протест против пристрастного отношения coroner (следователя, осматривающего трупы), который пытался замять невыгодные для арестованного показания свидетелей. По требованию населения было произведено вторичное расследование. Несмотря на уличающие его свидетельские показания, Бентли был снова отпущен. Тем временем выяснилось, что один из судей вложил деньги в его гостиницу. Многочисленные жалобы, как прежние, так и вновь поступившие, говорят о двусмысленном поведении правительственных чиновников округа Балларат. В день, когда Бентли был вторично освобожден, золотоискатели устроили бурную демонстрацию, сожгли его гостиницу и после этого разошлись. По приказу сэра Чарлза Хатема, губернатора провинции Виктория, трое зачинщиков были арестованы. 27 ноября депутация от золотоискателей потребовала освобождения арестованных. Хатем отверг это требование. Золотоискатели организовали грандиозный митинг. Губернатор послал из Мельбурна полицию и регулярные войска. Дело дошло до столкновения, в результате которого было несколько убитых. Согласно последним сведениям — около 1 декабря, — золотоискатели подняли знамя независимости.

Уже этот рассказ, заимствованный в основном из одного правительственного органа, говорит отнюдь не в пользу английских судей и правительственных чиновников. Он свидетельствует о господствующем к ним недоверии. Революционное движение в провинции Виктория вращается в сущности вокруг двух крупных вопросов, из-за которых разгорелась борьба. Золотоискатели требуют отмены патентов на добычу золота, то есть отмены налога, который падает непосредственно на труд; во-вторых, они настаивают на отмене имущественного ценза для членов палаты депутатов, стремясь таким образом взять в свои руки контроль над налогами и законодательством. Нетрудно заметить, что по существу эти мотивы аналогичны тем, которые привели к объявлению независимости Соединенных Штатов, только с той разницей, что в Австралии сопротивление монополистам, связанным с колониальной бюрократией, начато рабочими. В газете «Melbourne Argus» мы читаем, с одной стороны, о больших митингах в пользу реформ, с другой — о крупных военных приготовлениях со стороны правительства. Между прочим, в ней сказано:

«На одном митинге, где присутствовало 4000 человек, было принято решение о том, что патентное обложение является тяжелым бременем и незаконным налогом на свободный труд, что поэтому собравшиеся на митинг обязуются немедленно упразднить его путем сожжения всех патентов. Если кто-нибудь будет арестован за то, что не имеет патента, то народ, объединившись, поддержит и защитит его».

30 ноября в Балларате появились комиссары Рид и Джонсон в сопровождении кавалерии и полиции и с оружием в руках потребовали от золотоискателей предъявления патентов. Золотоискатели, также в большинстве своем вооруженные, устроили массовый митинг и решили всеми силами противиться взиманию ненавистного налога. Они отказались предъявить свои патенты, заявив, что они их сожгли; им был зачитан акт о мятежах, и тогда начался настоящий мятеж.

Чтобы показать, какие дела творят монополисты, хозяйничающие в провинциальных законодательных органах, и объединившаяся с ними колониальная бюрократия, достаточно будет сослаться здесь на тот факт, что в 1854 г. правительственные расходы по провинции Виктория достигли 3564258 ф. ст., дефицит составил 1085896 ф. ст., то есть больше трети всех доходов. А ввиду теперешнего кризиса и всеобщего банкротства сэр Чарлз Хатем требует на 1855 г. сумму в 4801292 фунта стерлингов! Виктория насчитывает едва 300000 жителей, и из вышеназванной суммы 1860830 ф. ст. — что составляет 6 ф. ст. на человека — предназначаются для общественных работ, как-то: для строительства дорог, доков, набережных, казарм, правительственных зданий, таможен, ботанических садов, казенных конюшен и пр. Исходя из такого расчета — 6 ф. ст. на человека, — население Великобритании должно было бы ежегодно платить только на организацию общественных работ 168000000 ф. ст., то есть сумму втрое большую, чем уплачиваемые им налоги. Вполне понятно, что рабочее население восстает против такого чрезмерного налогового обложения. Нетрудно также представить себе, какие выгоды получают бюрократы и монополисты, совместно организуя в таком широком масштабе общественные работы на чужой счет.

Написано К. Марксом 3 марта 1855 г.

Напечатано в «NeueOder-Zeitung» № 111, 7 марта 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

АНГЛИЙСКАЯ ПЕЧАТЬ ОБ УМЕРШЕМ ЦАРЕ

I

Лондон, 3 марта. Все вышедшие сегодня ежедневные и еженедельные газеты помещают, разумеется, передовые статьи, посвященные смерти русского императора, однако все они без исключения пошлы и повторяют общие места. «Times», по крайней мере, пытается с помощью пафоса в 100 лошадиных сил поднять свой стиль до высот Тимур-Тамерлана. Мы отметим лишь два места — оба являются комплиментами по адресу лорда Пальмерстона. Назначение Пальмерстона, «злейшего врага царя», премьер-министром будто бы еще более усилило чрезмерное раздражение Николая и ускорило его смерть. В период с 1830 по 1840 г. (первое десятилетие пальмерстоновской внешней политики) царь-де отказался от проведения своей политики захватов и мирового господства. Одно утверждение стоит другого.

С другой стороны, газета «Morning Advertiser» отличилась своим открытием, что Михаил — старший сын царя и является поэтому законным наследником престола. «Morning Post», частный орган Пальмерстона, объявляет английской публике в своей надгробной речи, что

> «Венская конференция хотя и отсрочена на некоторое время, но должна скоро открыться с новыми видами на будущее» и что «сегодня после обеда лорд Кларендон будет иметь в Булони беседу с императором Наполеоном, во время которой оба правительства обменяются своими соображениями по поводу столь внезапного и важного события».

Газета «Daily News» не верит в мирные последствия «внезапного события», так как западные державы не пойдут на то, чтобы кончить войну *до* падения Севастополя, а Россия — *после* его падения.

II

Лондон, 6 марта. Смерть императора Николая дает повод к появлению не совсем обычных рекламных сообщений в здешней прессе. Г-н Джемс Ли, не делавший никаких врачебных наблюдений, превзошел д-ра Гранвилла[84]:

«6 февраля», — заявляет он в сегодняшнем номере «Morning Advertiser», — «я отправил вам письмо, в котором писал, что русский император не позже как через три недели, считая от даты отправления моего письма, превратится в труп».

Редакция «Morning Advertiser» в приписке объясняет, что она действительно получила письмо Ли, но бросила его в корзину, сочтя письмо за бред больного. Ли идет еще дальше. Он берется предсказать на страницах «Advertiser» скорую смерть другого монарха, но при том непременном условии, что его сообщение будет напечатано. Предсказания Ли, по-видимому, ценятся дешевле, чем книги Сивиллы.

Смерть царя побуждает также и *Уркарта,* одаренного в качестве шотландского горца благодатью прозрения, высказать несколько пифических изречений[85], из коих наиболее характерным и понятным является следующее:

«Кровь легла между Николаем и поляками, которые не могли быть оставлены без надзора и от которых требовалось получить 500000 воинов. Вполне понятно, что реставрация белого двуглавого орла — символа объединения славянских рас, — возвещенная в московском соборе Александром, предшественником Николая, не могла осуществиться при жизни последнего».

Уркарт, следовательно, полагает, что теперь наступил момент, когда Россия превратится в Славянию, подобно тому как некогда Московское царство превратилось в Россию.

Написано К. Марксом 3 и 6 марта 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» №№ 109 и 116, 6 и 10 марта 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

К ИСТОРИИ СОЮЗА С ФРАНЦИЕЙ

Лондон, 6 марта. Сегодняшний номер газеты «Morning Herald» поразил Лондон следующим сообщением:

«Мы имеем все основания утверждать, что французский император выразил протест против назначения следственной комиссии по поводу ведения войны и заявил, что в случае, если эта комиссия продолжит свою работу, армии обеих наций не смогут больше действовать сообща, хотя они и преследуют одну и ту же цель. Чтобы удовлетворить Луи-Наполеона, не вызвав в то же время недовольства английского народа, парламент при первом удобном случае будет распущен».

Не придавая особого значения этой заметке в «Herald», мы отмечаем ее как один из многих симптомов того, что *по ту и другую сторону Ла-Манша скрытые силы работают над разрушением англо-французского союза.* Вспомните объяснения бывших министров.

Сэр *Джемс Грехем.* — Под давлением следственной комиссии наш адмирал будет вынужден раскрыть причины, которые привели к оттяжке блокады, и расследование, таким образом, коснется наших взаимоотношений с великим и могущественным союзником в такой момент, когда крайне важно избежать даже самых незначительных недоразумений между нами.

Сидни Герберт. — Он призывает комиссию добраться до сути дела, не оскорбляя в то же время чести нашей армии в Крыму и не колебля по возможности доверия наших союзников. Если ни одному члену комиссии не удастся вовремя удержать ее от того, чтобы она встала на опасный путь, то будет совершена большая несправедливость; может случиться, что допрашиваемые ею офицеры будут принесены в жертву,

поскольку им не разрешат отвечать на предъявленные обвинения, ибо это привело бы к деликатным и опасным разоблачениям. Что касается самого Герберта, то он-де считает себя обязанным воспрепятствовать тому, чтобы офицеры британской армии оказались в положении обвиняемых, у которых связаны руки и которые лишены возможности защищаться.

Гладстон. — Помимо всего прочего, комиссия должна установить причину, почему дорога от Балаклавы не была построена раньше. Если комиссия этого вопроса не расследует, то она вообще ничего не сделает; если она его расследует, то ответ будет гласить: из-за недостатка рабочей силы. Если же затем она спросит, чем объясняется такой недостаток рабочей силы, то ей ответят, что люди рыли траншеи и что эти траншеи *были большой протяженности вследствие того соотношения, в каком были поделены позиции между французами и англичанами.* Я заявляю также, что следствие окажется сплошной фикцией, если оно не займется вопросом о дорогах, а если оно этим займется, то обвиняемые в своей защите непосредственно затронут самые деликатные стороны отношений между Англией и Францией.

Понятно, что подобные объяснения министров способствуют росту уже посеянных зерен недоверия. То обстоятельство, что роль английской армии в Крыму была сведена к несению караульной службы у Балаклавы, сильно задело национальное чувство англичан. Затем появилась полуофициальная статья в «Moniteur»[86] с «императорскими» размышлениями об английской конституции. Статья вызвала резкие реплики со стороны английской еженедельной прессы. После этого был опубликован Брюссельский мемуар[87], в котором Луи-Наполеон изображается, с одной стороны, инициатором крымской экспедиции, а с другой — инициатором уступок Австрии. Комментарии к этому Мемуару, появившиеся, например, в «Morning Advertiser», напоминают своей резкостью «Письма Англичанина»[*] по поводу государственного переворота 2 декабря[88].

Какие отклики находит все это в подлинно народной печати, можно судить по следующей выдержке из чартистского органа «People's Paper»[89]:

«Бонапарт заманил Англию в Крым... Наша армия, попавшая в ловушку, была поставлена им в такое положение, что она подорвала силу русской армии раньше, чем эта армия пришла в соприкосновение с его собственной армией. На Альме, под Балаклавой, под Инкерманом, под Севастополем англичане оказались на самых опасных позициях. Они вынуждены были принять на себя главный удар и понести наибольшие

[*] — А. Ричардса. *Ред.*

потери. Если сравнивать с Францией, то, согласно договору, Англия должна была выставить лишь одну треть армии. Этой трети пришлось вынести на себе основную тяжесть почти всех сражений. Эта же треть должна была удерживать больше половины позиций под Севастополем. Наша армия была уничтожена, потому что она не могла подвезти продовольствие и обмундирование, которые гнили в Балаклаве; не могла потому, что между Балаклавой и Севастополем не было дороги, а не было этой дороги потому, что Наполеон настоял на том, чтобы англичане, располагая менее чем одной третью всех войск, выполняли больше половины окопных работ; это не давало им возможности выделить необходимое количество людей для строительства дорог... В этом заключается секрет, на который намекали Грехем, Герберт и Гладстон... Таким образом, Наполеон умышленно погубил 44000 наших солдат» и т. д.

Все эти признаки недоверчивого отношения к французскому союзнику и недовольство им приобретают значение благодаря тому, что во главе правительства стоит лорд Пальмерстон, — человек, который всякий раз поднимается вверх, используя в качестве лестницы союз с Францией, а затем внезапно создает такое положение, при котором вместо союза между Англией и Францией становится почти неизбежной война. Так было в период турецко-сирийских событий 1840 г. и договора от 15 июля[90], которым он увенчал десятилетний союз с Францией. Сэр Роберт Пиль в 1842 г. заметил но этому поводу, что

«ом *никогда толком не мог понять,* почему был расторгнут союз с Францией, — союз, которым благородный лорд, казалось, всегда так гордился».

То же было в 1847 г. в связи с испанскими браками[91]. В 1846 г. Пальмерстону удалось снова занять свой пост лишь после того, как он нанес визит Луи-Филиппу, с большой торжественностью помирился с ним и польстил французам в одной из своих речей в палате общин. В 1847 г. он уверял, что Луи-Филипп расторг союз, так как нарушил Утрехтский договор[92] (договор, который утратил силу в 1793 г. и с тех пор больше не возобновлялся) и совершил акт «вероломства» по отношению к английской короне. Что касается вероломства, то доля правды здесь имеется, но, как показали опубликованные впоследствии документы, Пальмерстон самым искусным образом толкал французский двор на это вероломство, чтобы получить *предлог* для разрыва. Таким образом, оказалось, что лукавый Луи-Филипп, рассчитывая перехитрить Пальмерстона, сам попался в заботливо расставленные сети этого «шутника» виконта. Лишь февральская революция помешала тогда возникновению войны между Англией и Францией.

Написано К. Марксом 6 марта 1855 г.

Напечатано в«Neue Oder-Zeitung» № 115, 9 марта 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

СЛЕДСТВЕННАЯ КОМИССИЯ

Лондон, 7 марта. Слухи о предстоящем роспуске парламента под тем предлогом, что следственная комиссия компрометирует союз с Францией, по-видимому, подтверждаются. Корреспондент газеты «Morning Advertiser» замечает по этому поводу:

«Кто придал комиссии гласный характер? Лорд Пальмерстон, который, как утверждают, намерен распустить парламент. Робак, который требовал расследования и добился его, настаивал на секретности. Лорд Пальмерстон, который высказывался против расследования, но вынужден был уступить в этом вопросе, стоял за гласность. Сначала он заставляет комиссию избрать самый предосудительный с точки зрения наших внешних союзников путь, а затем предосудительность этого пути служит для министра основанием, чтобы распустить парламент, прекратить расследование и втихомолку посмеяться над тем и другим».

В этой связи газета «Morning Herald» пишет в передовой статье между прочим следующее:

«Когда союзные армии заняли свои позиции под Севастополем, английский контингент в численном отношении был сильнее французского; последовавшее затем опустошение рядов нашей армии целиком объясняется недостатком резервов на Средиземном море и организованной милиции в самой Англии, так как в силу этих причин английская армия была лишена необходимых подкреплений. Попытка впутать в дебаты имя наших союзников является едва прикрытой уловкой со стороны отчаявшихся и бессовестных людей, стремящихся отвести от себя следствие, которое, как они знают, должно оказаться роковым для их будущей политической карьеры. Лорд Кларендон, используя обходные пути, добивался свидания с французским императором с единственной целью заставить его сделать заявление или высказать суждение, которое можно было бы истолковать как неодобрение следственной комиссии. Теперь, когда это удалось, министры-патриоты ставят себе целью запугать палату угрозой роспуска и апеллировать к стране под лозунгом: *союз с Францией в опасности!*»

Совершенно очевидно, что если эта уловка служит английскому правительству для того, чтобы избавиться от следственной комиссии, то вместе с тем она наносит вред и союзу с Францией и подготавливает таким образом как раз то, что она якобы должна предотвратить. Французский союзник уже скомпрометирован утверждением, что от комиссии следует отказаться, потому что она-де может раскрыть компрометирующие французского союзника «деликатные и опасные» тайны. Упразднение комиссии говорило бы против него гораздо больше, чем может сказать сама комиссия. К тому же самое поверхностное знакомство с постоянными колебаниями общественного мнения Англии убеждает нас в том, что упразднение комиссии или роспуск палаты, воспринятые как большая уступка иностранной державе, сделанная якобы по требованию Бонапарта, вызовет при первом же удобном случае ответную реакцию — попытку сильнейшего противодействия французскому влиянию.

Из отчетов о двух первых заседаниях следственной комиссии приведем показания генерала сэра де Лейси Эванса. На Мальте, куда был послан чиновник интендантства незадолго до того, как армия отбыла из Англии, он к своему удивлению узнал, что ни одного мула закуплено не было. В Скутари не были сделаны необходимые приготовления для убоя скота и выпечки хлеба. Уже тогда обнаружилось, что некоторые установленные казначейством правила сильно препятствуют нормальной работе. Эванс твердо уверен, что в начале войны господствовала иллюзия, будто все дело уладится без единого выстрела, а потому нет надобности создавать различного рода склады. Хотя интендантство находится под контролем главнокомандующего, однако оно тесно связано также и с казначейством (следовательно, с премьер-министром), и его чиновникам, по-видимому, внушали, что было бы сумасбродством производить расходы, необходимые для настоящей войны. В Варне почти ничего не было подготовлено для приема раненых. Все, очевидно, были убеждены в том, что в этой войне раненых не будет. Ничего не было сделано, чтобы дать возможность армии немедленно начать полевые действия. Когда русские перешли Дунай, Омер-паша обратился к англичанам за помощью, но ему ответили, что армия не располагает необходимыми транспортными средствами, о которых, разумеется, следовало бы позаботиться гораздо раньше. Правительство все еще ждало нот и протоколов из Вены и не прилагало больших усилий к тому, чтобы подготовить армию к походу. За такое промедление ответственно, конечно, правительство, а не интендантство. Русские начали уже осаду Силистрии, а армия все еще не была

готова к выступлению. Обеспечение армии продовольствием возложено на два ведомства — на интендантство и на управление главного квартирмейстера. Конфликты с интендантством стали обычным явлением. Чиновники интендантства, возможно, были бы хорошими писарями в казначействе. Фактически они только перепиской с казначейством и занимались. На войне же они оказались совершенно непригодными. Заготовка продовольствия даже на расстоянии 18 миль от Варны представляла величайшую трудность. Персонал интендантства в Варне оказался столь малочисленным, что пришлось выделить для интендантской службы 100 унтер-офицеров. Высокая смертность среди солдат в Варне объясняется главным образом подавленным настроением, которое явилось следствием томительного и продолжительного бездействия.

Говоря о положении войск в Крыму, де Лейси Эванс повторил частью уже известные факты — недостаток продовольствия, обмундирования, бараков и т. д. Приведем лишь следующие его высказывания по этому вопросу, интересные своими подробностями:

«Престарелый Филдер, стоявший во главе интендантства еще во времена похода на Пиренеи, ныне главный квартирмейстер, никогда не советовался с ним о нуждах его (Эванса) дивизии, а он обязан был это делать; он (Эванс) настаивал на выполнении этой обязанности, но Филдер отклонил его требование. Филдер, хотя и подчинен Раглану, но наряду с этим состоит в непосредственной переписке с казначейством». «Использование артиллерийских и кавалерийских лошадей для доставки фуража было крайне нецелесообразным. В результате оказалось, что его (Эванса) пушки в последнее время были лишь наполовину обеспечены лошадьми». «Дорога от балаклавской гавани в лагерь была сильно размыта и покрыта грязью. Если бы 1000 солдат поработали в течение 10 дней, они сделали бы ее пригодной для езды, но он предполагает, что всех людей, которых можно было бы использовать для этой цели, отправили на рытье окопов».

В заключение Эванс объясняет, почему растаяла английская армия под Севастополем:

«Я убежден в том, что недостаток в подвозе обмундирования, продовольствия и топлива не вызвал бы в армии такой ужасной смертности и заболеваний, если бы солдаты не были так переутомлены рытьем окопов. Изнурение людей принесло чрезвычайный вред. Численность солдат была с самого начала совершенно недостаточной для той работы, на которую они были брошены. Чрезмерное напряжение сил во время ночной работы явилось, несомненно, главной причиной всех страданий армии».

Написано К. Марксом 7 марта 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 117, 10 марта 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

БРЮССЕЛЬСКИЙ МЕМУАР

Лондон, 7 марта. «Morning Post», частный орган Пальмерстона, приводит сегодня в английском переводе известный «Брюссельский мемуар» с кратким введением, в котором высказывается предположение, что автором брошюры является принц Наполеон. Одновременно газета печатает полную злобных выпадов против Наполеона Бонапарта передовую, в которой назойливо повторяется утверждение, что автором «Мемуара» может быть «лишь *русский шпион».*

Под предлогом защиты Луи Бонапарта от его кузена и сохранения незапятнанной памяти Ахилла Леруа, alias* Флоримона, alias де Сент-Арно, «Morning Post» явно выискивает лишь материал для коллизий между Англией и Францией. *Сент*-Арно был одним из тех Saints**, которые встречаются в календаре французских мошенников всех времен, как, например, Сен-Жермен, Сен-Жорж и другие. «Morning Post» принадлежит заслуга канонизации этих Saints и превращения их в святых соответствующего ранга. Утверждение, будто «Мемуар» открывает русским «военные» тайны, является чистейшим вздором. Ни в Англии, ни в Америке, ни в Германии критика не ждала появления «Мемуара», чтобы охарактеризовать крымскую экспедицию как промах. «Мемуар» ни слова не прибавил к критике, имевшей место до него, хотя ему и принадлежит та заслуга, что он без стеснения рисует портреты тех посредственностей, которые командуют под Севастополем. Лишь русские

* — иначе. *Ред.*

** — святых. (Здесь игра слов; частица «Сент» (Сен) во французских фамилиях буквально означает «святой».) *Ред.*

заинтересованы в том, чтобы сохранялись иллюзии относительно крымской экспедиции, и тот пафос, с которым «Morning Post» говорит о русских агентах и шпионах, напоминает об Эсхине, который, обвиняя Демосфена в том, что он подкуплен Филиппом, сам в то же время похвалялся, что прежде других проник в тайные планы царя Македонии. Но мы, разумеется, далеки от того, чтобы выдавать принца Наполеона Бонапарта за Демосфена.

Написано К. Марксом 7 марта 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» 118, 11 марта 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

МЕСТЬ ИРЛАНДИИ

Лондон, 13 марта. Ирландия отомстила Англии: в *социальном* отношении тем, что каждый более или менее значительный фабричный, портовый и торговый город Англии она наделила *ирландским кварталом,* в *политическом* отношении тем, что английский парламент она наделила *«ирландской бригадой».* В 1833 г. Даниел О'Коннел заклеймил вигов, назвав их «низкими, кровожадными и жестокими». В 1835 г. он стал самым послушным орудием в руках тех же вигов, и правительство Мел-бурна, несмотря на то, что английское большинство было против него, продержалось с апреля 1835 по август 1841 г. благодаря поддержке 0'Коннела и его ирландской бригады. Что встало между О'Коннелом 1833 г. и О'Коннелом 1835 года? Так называемое *«Личфилдхаусское» соглашение*[93], по которому министерство вигов обеспечивало О'Коннелу свое «покровительство» в Ирландии, а О'Коннел гарантировал министерству вигов голоса бригады в парламенте. Как только виги были свергнуты,. началась агитация «короля Дана»[*] за Repeal[94], но когда тори потерпели поражение, «король Дан» снова превратился в обыкновенного адвоката. Со смертью О'Коннела ирландская бригада отнюдь не потеряла своего влияния. Напротив, обнаружилось, что своим влиянием она обязана не таланту одного человека, а общим условиям. Обе основные традиционные партии английского парламента — тори и виги — почти уравновешивали друг друга. Поэтому неудивительно, что новые, численно слабые фракции, получившие места в реформированном парламенте, — манчестерская школа и ирландская бригада — давали перевес то той, то другой стороне и решали дело. Отсюда значение

[*] — Даниела О'Коннела. *Ред.*

«ирландского квартала» в английском парламенте. После смерти О'Коннела уже нельзя было приводить в движение ирландские массы агитацией за Repeal с Англией. «Католический» вопрос также можно было использовать лишь от случая к случаю. Со времени эмансипации католиков он не мог уже быть постоянной темой агитации. Следовательно, ирландским политикам приходилось делать то, чего старательно избегал и чему противился О'Коннел — затрагивать корень зла в Ирландии — отношения земельной собственности и выставлять требование реформы этих отношений в качестве избирательного лозунга, то есть лозунга, который помог бы их избранию в парламент. Заняв места в парламенте, они сразу же постарались использовать вопрос о правах арендаторов и т. п., как раньше Repeal, для заключения нового «Личфилдхаусского» соглашения.

Ирландская бригада свергла министерство Дерби. Она получила пост — хотя и второстепенный — в коалиционном министерстве. Как она его использовала? Она помогла коалиции «похоронить» мероприятия в пользу реформы ирландских земельных отношений, мероприятия, которые тори сами решили предложить, полагаясь на патриотизм ирландской бригады и надеясь склонить ее на свою сторону. Пальмерстон как ирландец по происхождению знает свой «ирландский квартал» и со своей стороны возобновил «Личфилдхаусское» соглашение 1835 г. на самой широкой основе. Кьоу, главу бригады, он назначил Attorney General* Ирландии, Фицджералда, также либерально-католического члена парламента от Ирландии, — Solicitor General**, а Третьего члена бригады—в юридический совет Lord Lieutenant*** Ирландии; таким образом, весь юридический главный штаб управления Ирландией состоит теперь из католиков и ирландцев. Монселла, Clerk of Ordnance**** при коалиционном министерстве, Пальмерстон после некоторого колебания снова утвердил в этой должности, хотя Монселл, как верно заметил Мунц (депутат от Бирмингема и оружейный фабрикант), не в состоянии отличить мушкета от игольчатого ружья. Пальмерстон предписал наместникам графств при назначениях на посты полковников и на другие ответственные посты в милиции Ирландии отдавать как правило предпочтение лицам, которым покровительствует ирландское духовенство, связанное с ирландской бригадой в парламенте. Политика Пальмерстона уже возымела свое действие, что доказывается

* — генерал-атторнеем. *Ред.*
** — генерал-солиситором. *Ред.*
*** — лорда-наместника. *Ред.*
**** — клерка артиллерийского управления. *Ред.*

переходом serjeant* *Ши* на сторону министерства. Это проявляется далее и в том, что католический епископ Атлона добился переизбрания Кьоу и католическое духовенство содействовало переизбранию Фицджералда. Всюду, где низшее католическое духовенство принимает всерьез «ирландский патриотизм» и выступает против членов бригады, перешедших на сторону правительства, оно получает нагоняй от своих епископов, посвященных в тайны дипломатии.

«Между лордом Пальмерстоном и ирландским духовенством царит полное согласие», — жалобно восклицает одна протестантско-торийская газета, — «если Пальмерстон отдаст Ирландию священникам, то последние изберут в парламент депутатов, которые отдадут Англию Пальмерстону».

Ирландская бригада служит вигам для того, чтобы господствовать в английском парламенте; виги бросают бригаде подачки в виде постов и окладов; католическое духовенство позволяет одним покупать, а другим продавать себя при условии, что его влияние будет признано, закреплено и расширено обеими сторонами. Достопримечательным, однако, является тот факт, что по мере роста ирландского влияния в Англии в *политическом* отношении падает кельтское господство в Ирландии в *социальном* отношении. «Ирландский квартал» в парламенте и ирландское духовенство, кажется, в одинаковой мере не сознают, что за их спинами англосаксонская революция производит коренной переворот в ирландском обществе. Эта революция заключается в том, что *ирландская система земельных отношений уступает место английской, что система мелкой аренды вытесняется крупной* так же, как прежние земельные собственники уступают место *современным капиталистам.*

Главными событиями, которые подготовили этот переворот, являются: голод 1847 г., в результате которого умерло около миллиона ирландцев; переселение в Америку и Австралию, которое уже смело с ирландской земли еще один миллион душ и продолжает уносить все новые тысячи; потерпевшее неудачу восстание 1848 г.[95], подорвавшее последнюю веру Ирландии в самое себя, и, наконец, парламентский акт, который обрек на продажу с аукциона имения старого задолжавшего ирландского дворянства и согнал это дворянство с земли подобно тому, как голодная смерть унесла мелких арендаторов, субарендаторов и безземельных крестьян.

Написано К. Марксом 13 марта 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 127, 16 марта 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

---

* — королевского юриста. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

СОБЫТИЯ В КРЫМУ [96]

Лондон, 16 марта. Вместе со снегом, который покрывал последние месяцы театр военных действий, начинают исчезать и иллюзии относительно военных операций в Крыму, порожденные бездарностью официальных кругов, интригами английского министерства и корыстными интересами бонапартизма. В брошюре Жерома Бонапарта (младшего) прямо говорится, что в то время, когда в Крыму все шло вкривь и вкось,

«главнокомандующие имели правительственные указания скрывать и замалчивать те трудности, которые препятствуют взятию Севастополя».

Это полностью подтверждается донесениями названных генералов и особенно слухами, которые они неоднократно распускали о том, что штурм-де назначен на тот или иной день. С 5 ноября до начала марта публику по ту и другую сторону Ла-Манша держали в постоянном ожидании этого заключительного акта драмы. Между тем в результате длительной осады в самом лагере создалось нечто вроде общественного мнения, основанного на открыто высказываемых суждениях сведущих офицеров, и господа из генерального штаба уже не могут больше распространять слухи о том, что штурм произойдет в такой-то день и что город будет взят. Теперь этим не проведешь ни одного рядового. Характер оборонительных укреплений, превосходство неприятельского огня, несоответствие численности осаждающей армии с возложенной на нее задачей и, прежде всего, решающее значение Северного укрепления слишком хорошо поняты сейчас во всем лагере, чтобы можно было продолжать рассказывать старые сказки. Мы имели возможность ознакомиться

и с письмами английских офицеров, которые не оставляют на этот счет никакого сомнения.

По имеющимся данным, к концу февраля у союзников было под Севастополем 58000 французов, 10000 англичан и 10000 турок, всего около 80000 человек. Но будь у союзников даже 90000 человек, вряд ли они смогли бы с одной частью войск продолжать осаду, а другую часть выделить для наступательных действий против русских у Бахчисарая; ведь союзники могли бы выставить у Бахчисарая не больше 40000 человек полевой армии, тогда как русские могут противопоставить им по меньшей мере 60000 человек и притом в открытом поле, где союзники были бы лишены неприступных позиций на флангах, которые они имеют, находясь между Инкерманом и Балаклавой. Таким образом, союзники останутся осажденными на занятом ими Херсонесе до тех пор, пока не будут в состоянии пробиться через реку Черную с армией приблизительно в 100000 человек. Но тут и обнаруживается тот порочный круг, в котором они вращаются: чем больше войск они бросают в эту зачумленную мышеловку, тем больше они несут потерь от болезней; и тем не менее единственный способ благополучно выбраться оттуда — это посылать возможно больше войск.

Другое средство, которое изобрели союзники, — турецкая экспедиция в Евпаторию, — оказалось теперь буквальным повторением первоначальной ошибки. Как только турецкие силы высадились у Евпатории, обнаружилось, что они слишком слабы для продвижения в глубь полуострова. Укрепления вокруг этого пункта занимают, по-видимому, такую обширную площадь, что для обороны их нужна армия примерно в 20000 человек. Протяженность укрепленного лагеря, предназначенного для укрытия 40000 человек, должна быть к тому же настолько велика, что в случае нападения примерно половина личного состава потребуется для ведения активных действий. Таким образом, для обороны самого города понадобится примерно 20000 человек, и лишь 20000 человек остается для полевых действий. Но 20000 человек не смогут отойти от Евпатории дальше, чем на несколько миль, не подвергая себя опасности различного рода нападений с флангов и с тыла и даже риску оказаться отрезанными русскими от города. Русские же, имея возможность отступления в двух направлениях — к Перекопу и к Симферополю — и находясь к тому же на своей собственной территории, всегда смогут избежать любого сколько-нибудь решительного сражения с теми 20000 турок, которые двигались бы со стороны Евпатории. Поэтому 10000 русских, находясь на расстоянии однодневного перехода от города, всегда могут

держать под угрозой 40000 турок, сосредоточенных в этом городе. С каждыми 10—12 милями отступления русских количество турок, которые отважатся отдалиться от своей операционной базы, будет уменьшаться. Иными словами: Евпатория является вторым Калафатом с той, однако, разницей, что Калафат имел в тылу Дунай, а не Черное море, и был позицией оборонительной, тогда как Евпатория является позицией наступательной. Если 30000 человек в Калафате могли вести успешную оборону, сопровождавшуюся время от времени успешными вылазками на определенное расстояние, то 40000 человек в Евпатории — слишком много для обороны пункта, который удерживали в течение пяти месяцев около 1000 англичан и французов, и в то же время слишком мало для каких-либо наступательных операций. В результате, одной русской бригады, и уж во всяком случае одной русской дивизии, будет вполне достаточно, чтобы сковать все турецкие силы в Евпатории.

Так называемое *сражение при Евпатории*[97] было простой рекогносцировкой со стороны русских. Русские войска, 25000— 30000 человек, подошли к Евпатории с северо-запада, единственно уязвимой стороны, так как с юга город защищен морем, а с востока заболоченным озером Сасык. К северо-западу от города местность представляет собой холмистую равнину, которая, судя по картам и по опыту этого последнего сражения, не господствует над городом в пределах досягаемости полевой артиллерии. Русские, численность которых была на 10000 человек меньше численности гарнизона и которые к тому же на обоих флангах, особенно на правом, могли быть обстреляны стоящими в бухте военными кораблями, не могли, разумеется, серьезно помышлять о том, чтобы взять город штурмом. Поэтому русские ограничились энергичной рекогносцировкой. Они начали с того, что открыли по всей линии канонаду с такого расстояния, которое исключало возможность причинить серьезный ущерб; затем стали все ближе и ближе выдвигать батареи, оставляя при этом свои колонны по возможности вне досягаемости огня противника; потом они продвинули вперед и колонны как бы для атаки, чтобы заставить турок показать свои силы, а затем действительно предприняли атаку в таком пункте, где прикрытие, образуемое памятниками и насаждениями кладбища, дало им возможность вплотную приблизиться к оборонительным укреплениям. Установив расположение и силу турецких укреплений, а также примерную численность гарнизона, русские отступили, что сделало бы благоразумное командование и любой другой армии. Русские достигли своей цели, а о том, что их потери будут значительнее, чем потери турок, они знали заранее. Это совершенно

обычное дело союзные командующие возвели в блестящую победу. Разве это не говорит о большом спросе на победы и о незначительном предложении настоящих побед? Русские бесспорно допустили большую ошибку, позволив союзникам продержаться в Евпатории 5 месяцев, пока не прибыли турки. Одной их бригады с необходимым количеством двенадцатифунтовых орудий было бы достаточно, чтобы сбросить противника в морс, а несколько несложных земляных сооружений на берегу могли бы удержать на почтительном расстоянии даже военные суда. Если бы флот союзников направил в Евпаторию военную эскадру, способную подавить сопротивление русских, то русские могли бы сжечь этот пункт и сделать его на будущее совершенно непригодным для того, чтобы играть роль операционной базы десантных войск. Но при нынешнем положении дел русским остается только радоваться, что они оставили Евпаторию в руках союзников. Сорок тысяч турок, последний остаток единственно еще заслуживающей внимания армии, которой располагает Турция, блокированы в лагере, где их в состоянии сковать 10000 русских и где они подвергаются опасности эпидемий и лишений, которые обычно сопутствуют всякому скоплению людей; эти 40000 скованных русскими турок представляют солидный вычет из наступательных сил союзников.

Французы и англичане блокированы на Гераклейском Херсонесе, турки — в Евпатории, а русские беспрепятственно поддерживают связь с Северной и Южной сторонами Севастополя — таковы славные результаты пятимесячных экспериментов в Крыму. К этому присоединяется ряд политических и военных обстоятельств, рассмотрение которых мы откладываем до следующей корреспонденции.

Написано Ф. Энгельсом около 16 марта 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 131, 19 марта 1855 г. и в газете «New-York Daily Tribune» № 4353, 2 апреля 1855 г. в качестве передовой

Печатается по тексту «Neue Oder-Zeitung», сверенному с текстом газеты «New-York Daily Tribune»

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

СУДЬБА ВЕЛИКОГО АВАНТЮРИСТА

На днях мы опубликовали несколько интересных выдержек из брошюры, недавно изданной принцем Наполеоном; мы не сомневаемся, что наши читатели отнеслись к ним с должным вниманием[98]. Эта брошюра вскрывает тот весьма важный и поразительный факт, что крымская экспедиция является изобретением самого Луи Бонапарта, что он разработал ее план во всех деталях самостоятельно, ни с кем не советуясь, и послал его в Константинополь в рукописи, чтобы избежать возражений со стороны маршала Вайяна. После того как обо всем этом стало известно, значительная часть грубейших военных ошибок, допущенных в связи с этой экспедицией, нашла себе объяснение в династических интересах ее автора. На военном совете в Варне Сент-Арно пришлось навязать крымскую экспедицию присутствовавшим там адмиралам и генералам путем прямой ссылки на авторитет «императора», в то время как этот властитель, со своей стороны, публично заклеймил мнения своих противников как «робкие советы». По прибытии в Крым действительно робкое предложение Раглана идти на Балаклаву было с готовностью принято Сент-Арно, так как выполнение этого совета вело если не прямо в Севастополь, то, по крайней мере, куда-либо близко к его воротам. Лихорадочные усилия форсировать осаду, не имея для этого достаточных средств; нетерпеливое стремление открыть огонь, заставившее французов до такой степени пренебречь прочностью своих укреплений, что противник подавил огонь их батарей в течение нескольких часов; постоянное чрезмерное переутомление солдат в траншеях, которое, как теперь доказано, не меньше, чем что-либо другое, содействовало гибели

британской армии; бессмысленная и бесполезная бомбардировка с 17 октября по 5 ноября; пренебрежение всеми видами оборонительных укреплений и даже более или менее прочным занятием гряды холмов, ведущей к реке Черной, что привело к потерям у Балаклавы и Инкермана, — все это сейчас получило вполне достаточное объяснение. Династии Бонапартов необходимо было взять Севастополь, притом любой .ценой и в кратчайший срок, и армия союзников должна была выполнить эту задачу. Канробер, в случае успеха, стал бы маршалом Франции, графом, герцогом, принцем, смотря по желанию, с неограниченными правами «злоупотреблять» финансами. Наоборот, неудача сделала бы его предателем интересов императора и ему пришлось бы присоединиться к своим коллегам Ламорисьеру, Бедо и Шангарнье в их изгнании. Раглан был настолько безвольным, что не мог не уступить своему столь заинтересованному коллеге.

Однако все это лишь наименее значительные последствия императорского плана военных операций. В это безнадежное дело втянуто девять французских дивизий, или 81 батальон. Самые большие усилия, самые безрассудные жертвы не дали никакого результата; Севастополь стал сильнее прежнего; французские траншеи, как нам теперь стало известно из достоверных источников, находятся все еще на расстоянии целых четырехсот ярдов от русских укреплений, а английские — вдвое дальше. Генерал Ньель, посланный Бонапартом для осмотра осадных работ, заявил, что о штурме нечего и думать; он изменил главное направление атаки, перенеся исходный пункт ее с французской стороны на английскую, чем не только затянул осаду, но и направил главный удар на предместье, которое, даже будучи взято, остается отделенным от города Южной бухтой. Короче говоря, уловка за уловкой, хитрость за хитростью пускаются в ход для того, чтобы поддержать не надежду, а лишь видимость надежды на успех. И в то время, когда дела приняли такой оборот, когда предстоит всеобщая война на континенте, когда снаряжается новая экспедиция в Балтийское море, экспедиция, которая в течение этого сезона навигации должна добиться каких-то результатов и поэтому по численности десантных войск должна быть значительно сильнее экспедиции 1854 г., — в такой момент упрямство побуждает Луи Бонапарта бросить еще пять дивизий в крымскую трясину, где солдаты и даже целые полки исчезают, как по волшебству. Больше того, он решил отправиться туда сам, чтобы наблюдать, как его солдаты пойдут на последний штурм.

Вот в какое положение поставил Францию первый стратегический эксперимент Луи Бонапарта. Человек, неизвестно почему

считающий, что он будет великим полководцем, равным в той или иной степени основателю его династии, с самого начала оказывается всего лишь самонадеянным ничтожеством. Располагая весьма ограниченными сведениями, Луи Бонапарт составляет план экспедиции в пункт, отдаленный на 3000 миль от своего местонахождения, детально разрабатывает этот план и втайне, ни с кем не посоветовавшись, посылает его своему главнокомандующему, который, хотя и находится всего .лишь в нескольких стах милях от объекта нападения, тоже ничего не знает ни о силе сопротивления противника, ни о характере препятствий, с которыми, вероятно, придется столкнуться. Экспедиция предпринята; неудача следует за неудачей; даже победа не приносит никаких результатов, и единственное, к чему она приводит — это к гибели самой экспедиционной армии. Наполеон в свои лучшие дни никогда бы не стал настаивать на таком предприятии. В подобных случаях он умел найти иной выход, неожиданно перебрасывал свои войска к новому объекту нападения и при помощи блестящего, успешно завершенного маневра добивался того, что даже временное поражение выглядело как операция, способствовавшая окончательной победе. Что если бы он сопротивлялся у Асперна[99] до последнего? Только в дни своего заката, после катастрофы 1812 г., подорвавшей его веру в себя, сила воли у него превратилась в слепое упрямство, которое, как например, при Лейпциге[100], заставило его до самого конца удерживать позиции, полную непригодность которых он как полководец не мог не сознавать. В том, однако, и заключается различие между двумя императорами: с того, чем Наполеон кончил, Луи Бонапарт начинает.

Луи Бонапарт, по-видимому, действительно имеет твердое намерение направиться в Крым и лично обеспечить взятие Севастополя. Он, возможно, отложит свой отъезд, но заставить его изменить свое решение может только заключение мира. Фактически с этой экспедицией, являющейся его первым военным предприятием, связана его личная судьба. Однако можно считать, что тот день, когда он действительно отправится в путь, явится началом четвертой и самой великой французской революции. Все в Европе чувствуют это. Все отговаривают его от этого шага. Дрожь охватывает французскую буржуазию при упоминании о его отъезде в Крым. Но герой Страсбурга[101] непреклонен. Всю свою жизнь он был азартным игроком, а в последнее время игроком, привыкшим к самым высоким ставкам, и он ставит на карту все, полагаясь на свою «звезду», несмотря на самые неблагоприятные шансы. Кроме того, он достаточно хорошо знает, что надежды буржуазии избежать кризиса, удер-

жав его в Париже, абсолютно несостоятельны. В Париже он или нет, судьба Французской империи, судьба существующего общественного строя решается в траншеях под Севастополем. Если, несмотря ни на что, он добьется в Крыму успеха, то его присутствие будет содействовать тому, что — по крайней мере в глазах общественного мнения Европы — он перестанет выглядеть разбойником и станет героем; если же нет, то при всех обстоятельствах его империя погибла. О том, что он принимает в расчет возможность такого исхода, говорит тот факт, что он берет с собой своего соперника и предполагаемого наследника молодого Жерома Бонапарта, одетого в форму генерал-лейтенанта.

В данный момент крымская экспедиция служит прежде всего интересам Австрии. Если борьба на подступах к Севастополю продлится еще несколько месяцев, то эта трясина, засасывая один армейский корпус за другим и ослабляя силы как Франции, так и России, сделает Австрию главным арбитром на континенте, где внушительная масса ее 600000 штыков может быть в любой момент брошена на чашу весов и даст ей решающий перевес. Но, к счастью, имеется контрсила, препятствующая такому верховенству Австрии. Как только Франция вновь встанет на путь революции, эти австрийские силы распадутся на свои противоречивые составные элементы. Немцы, венгры, поляки, итальянцы, хорваты сбросят насильно связывающие их друг с другом узы, и вместо неопределенных и случайных союзов и антагонизмов сегодняшнего дня в Европе снова образуются два крупных лагеря с разными знаменами и новыми целями. И тогда борьба будет вестись только между *демократической. революцией,* с одной стороны, и *монархической контрреволюцией* — с другой.

Написано Ф. Энгельсом около 16 марта 1855 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4353, 2 апреля 1855 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

КРИТИКА ФРАНЦУЗСКОЙ СИСТЕМЫ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

Лондон, 17 марта. После того как брошюра Жерома Бонапарта (младшего) вскрыла тот факт, что крымская экспедиция является изобретением самого Луи-Наполеона, что он разработал ее план во всех деталях самостоятельно, ни с кем не советуясь, что этот план он послал в Константинополь в рукописи, чтобы избежать возражений со стороны маршала Вайяна, — после того как обо всем этом стало известно, значительная часть грубейших военных ошибок этой экспедиции нашла себе объяснение в династических интересах ее автора. На военном совете в Варне Сент-Арно пришлось навязать крымскую экспедицию присутствовавшим там генералам и адмиралам путем прямой ссылки на авторитет «императора», который, со своей стороны, публично заклеймил мнения своих противников как «робкие советы». По прибытии в Крым действительно «робкий совет» Раглана идти на Балаклаву был с готовностью принят Сент-Арно, так как выполнение этого совета вело если не прямо в Севастополь, то, по крайней мере, близко к его воротам. Лихорадочные усилия форсировать осаду, не имея для этого достаточных средств; нетерпеливое стремление открыть огонь, заставившее французов до такой степени пренебречь прочностью своих укреплений, что противник подавил огонь их батарей в течение нескольких часов; чрезмерное переутомление солдат в траншеях, которое, как теперь доказано, в такой же мере способствовало гибели британской армии, как интендантство, транспортная служба, медицинская служба и т. д.; бессмысленная и бесполезная бомбардировка с 17 октября по 5 ноября; пренебрежение всеми видами оборонительных укреплений — все

это сейчас получило достаточное объяснение. Династии Бонапартов необходимо было взять Севастополь, и притом в кратчайший срок; армия союзников должна была выполнить эту задачу. Канробер, в случае успеха, стал бы маршалом Франции, графом, герцогом, принцем, смотря по желанию, и получил бы неограниченные полномочия в области финансов. Наоборот, неудача означала бы конец его карьеры. Раглан был настолько безвольным, что не мог не уступить своему столь заинтересованному коллеге.

Однако это не самые важные последствия императорского плана военных операций. В это безнадежное дело втянуто девять французских дивизий, или 81 батальон. А оно признано почти что проигранным; самые большие усилия, самые безрассудные жертвы не дали никакого результата; Севастополь стал сильнее прежнего; французские траншеи, как нам стало известно из достоверных источников, находятся все еще на расстоянии 400 ярдов от русских укреплений, а английские—вдвое дальше. Генерал Ньель, посланный Бонапартом для осмотра осадных работ, заявил, что о штурме нечего и думать; он изменил главное направление атаки, перенеся исходный пункт ее с французской стороны на английскую, и тем самым не только затянул осаду, но и направил главный удар на предместье, которое, даже будучи взято, остается отделенным от города Южной бухтой. Короче говоря, проект за проектом, хитрость за хитростью, и все это для того, чтобы поддержать не надежду, а лишь видимость надежды на успех. И в то время, когда дела приняли такой оборот, когда предстоит всеобщая война на континенте, когда снаряжается новая экспедиция в Балтийское море, — экспедиция, которая на этот раз должна добиться каких-то результатов и поэтому потребует гораздо больше десантных войск, чем в 1854 г., — в такой момент Бонапарт посылает еще 5 пехотных дивизий в крымскую трясину, где солдаты и целые полки исчезают, как по волшебству. Больше того, он решил отправиться в Крым сам, и он туда отправится, если только маловероятный мир или серьезные события на польской границе не заставят его изменить решение. Вот в какое положение поставил первый стратегический эксперимент Бонапарта его самого и «императорскую» Францию. Не только упрямство гонит его туда, но и роковое предчувствие, что судьба Французской империи решается в севастопольских траншеях. До сих пор ни одно Маренго еще не оправдало второе издание восемнадцатого брюмера[102].

Можно считать иронией истории то обстоятельство, что как ни старается реставрированная империя подражать своему

прообразу, она вынуждена всюду делать противоположное тому, что делал Наполеон. Наполеон наносил удар в сердце тех государств, против которых он воевал; нынешняя Франция напала на cul de sac* России. Расчет строили не на крупные военные операции, а на успешный coup de main**, на захват врасплох, на авантюру. В этом различии замыслов и заключается вся разница между первой и второй французскими империями и их соответствующими представителями. Наполеон имел обыкновение вступать победителем в столицы *современной* Европы. Его преемник под различными предлогами — защиты папы, защиты султана, защиты короля эллинов — разместил французские гарнизоны в столицах *античной* Европы: в Риме, Константинополе и Афинах; в результате никакого усиления могущества, одно лишь раздробление сил. Искусство Наполеона заключалось в сосредоточении, искусство его преемника — в распылении. Когда Наполеон видел себя вынужденным вести войну на двух различных театрах военных действий, как например, в своих войнах против Австрии, он сосредоточивал сразу самую значительную часть своих военных сил на решающей операционной линии (в войнах с Австрией: линия Страсбург — Вена), оставляя сравнительно незначительные военные силы на второстепенном театре (Италия); он исходил из уверенности, что даже в случае поражения его войск на этом театре, его собственные успехи на главной операционной линии вернее задержат продвижение армии противника, чем любое непосредственное сопротивление. Напротив, его преемник рассеивает военные силы Франции по многим пунктам, а часть этих сил сосредоточивает в таком пункте, где самые незначительные успехи, если они вообще достигаются, покупаются ценою величайших жертв. Кроме войск в Риме, Афинах, Константинополе, Крыму предстоит послать одну вспомогательную армию в Австрию к польской границе, а другую — в Балтийское море. Таким образом, французская армия должна будет действовать по меньшей мере на трех театрах военных действий, отделенных друг от друга расстоянием самое меньшее в 1000 миль. В соответствии с этим планом вое французские военные силы оказались бы почти целиком использованными еще *до* того, как война в Европе примет серьезный характер. Если Наполеон приходил к выводу, что начатое им предприятие нерационально (как например, у Асперна), то вместо того, чтобы настаивать на нем, он умел найти иной выход, неожиданно перебрасывал свои войска к новому

* — тупик, захолустье. *Ред.*
** — внезапный удар. *Ред.*

объекту нападения и при помощи блестящего, удачно завершенного маневра, добивался того, что даже временное поражение выглядело как операция, способствовавшая окончательной победе. Только в дни своего заката, когда после 1812 г. он потерял веру в себя, сила воли превратилась у него в слепое упрямство, заставлявшее его удерживать позиции (как у Лейпцига), непригодность которых он как полководец ясно сознавал. Его же преемник *вынужден* начинать с того, чем кончил его предшественник. То, что у одного было результатом необъяснимых поражений, у другого являлось следствием необъяснимых счастливых случайностей. У одного звездой, в которую он верил, был собственный гений; у другого вера в свою звезду должна была заменить гений. Один победил действительную революцию, так как он оказался единственным человеком, способным ее осуществить; другой победил вновь ожившее воспоминание о прошедшей революционной эпохе, потому что он носил имя этого единственного человека, следовательно, сам был воспоминанием. Было бы нетрудно доказать, что во внутреннем управлении Второй империи находит свое отражение претенциозная посредственность се системы ведения войны, что и здесь видимость заменила действительность и что «экономические» походы отнюдь не были успешнее походов военных.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом 17 марта 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 133, 20 марта 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

* КАМПАНИЯ В ПЕЧАТИ ПРОТИВ ПРУССИИ. — ДЕНЬ ПОСТА. — СТЫЧКИ МЕЖДУ ПРОЛЕТАРИАТОМ И БУРЖУАЗИЕЙ

Лондон, 19 марта. Для характеристики настроения здешней прессы по отношению к Пруссии мы приведем две выдержки — одну из газеты «Morning Herald», органа тори, другую из газеты «Morning Post», органа Пальмерстона. Ссылаясь на речь сэра Роберта Пиля, только что назначенного младшим лордом адмиралтейства, перед своими портсмутскими избирателями, «Morning Herald» замечает:

«Сэр Роберт Пиль совершенно правильно выразил чувства английского народа, когда высказал пожелание, чтобы Пруссию заставили проводить определенно выраженную политику, так как иначе наша вторая экспедиция в Балтийское море будет такой же безрезультатной, как и первая. У нас достаточно было протоколов, достаточно «пунктов»; уже давно пора отрезать Россию от се ресурсов и вызвать соответствующую реакцию внутри России».

Газета «Morning Post» получила следующую корреспонденцию из Парижа относительно миссии генерала Веделля:

«Генерал Веделль сообщил кабинету Наполеона о полученных им инструкциях. Каковы эти инструкции? Генерал Веделль рассказывает французскому правительству: 1) что его величество король прусский глубоко опечален смертью своего шурина императора; 2) что в отношении протокола от 28 декабря Пруссия целиком согласна с западными державами и готова подписать его в любой принятой форме, что Пруссия поэтому должна занять свое место на Венской конференции. Но все дело в том, что протокол от 28 декабря никого ни к чему не обязывает и является скорее лишь дипломатическим наброском исторического акта. А так как Пруссия отказывается подписать *действительный* договор о союзе между Англией, Францией и Австрией, то миссию генерала Веделля можно считать законченной».

Известно, что владыки Тира и Карфагена, желая умилостивить богов, не приносили себя в жертву, а скупали детей бедняков и бросали их в раскаленные объятия Молоха. Официальная Англия предписывает народу смириться перед господом, наложить на себя пост и принести покаяние за тот позор, который прежнее правительство навлекло на него своим плохим управлением, за те миллионы фунтов стерлингов, которые правительство выжало из него без всякой пользы, за те тысячи человеческих жизней, которые оно бессовестно у него похитило. Тайный совет объявил ближайшую среду днем покаяния и молитвы,

«чтобы вымолить отпущение наших грехов и в самой смиренной и благочестивой форме вознести наши молитвы и просьбы к всемогущему господу богу, моля его о ниспослании благословения, о покровительстве нашему оружию и о восстановлении мира для королевы и всех ее владений».

Подобно гофмаршалу при придворных церемониях, архиепископ Кентерберийский опубликовал «формуляр» для этой религиозной церемонии, формуляр, в котором даются предписания, как обращаться к всемогущему господу богу. В этой удивительной конкуренции между английской государственной церковью и русской, которая тоже умоляла о благословении божьем для русского оружия, преимущество явно на стороне последней.

«Будучи прочитана подданными царя», — замечает «Leader»[103], — «молитва, предписанная архиепископом Кентерберийским, покажется им молитвой трусов; прочитанная англичанами, она будет воспринята как молитва лицемеров; прочитанная диссидентами, она будет понята ими как молитва секты, которая хочет навязать свою волю всем остальным; рабочее же население сочтет ее за молитву богатых, которые принадлежат к одной секте и поддерживают весь этот обман, считая, что он косвенно помогает им удерживать за собой монополию на чины и посты. Елейное творение архиепископа вызвало возмущение в рабочем классе различных частей страны. Для него день поста и смирения есть нечто реальное. Для всех тех, кто не исповедует бедность, какой бы другой веры они ни придерживались, этот день означает лишь добавление яиц и ухи к обычной еде и закрытие их предприятий и заведений, как в воскресные дни. Для рабочего *день поста* означает потерю заработной платы, а следовательно, и обеда».

В одной из предыдущих корреспонденции мы писали:

«Конфликт между промышленным пролетариатом и буржуазией снова начнется в тот самый момент, когда конфликт между буржуазией и аристократией достигнет своей высшей точки»[*].

На большом митинге, состоявшемся в прошлую пятницу в Лондон-таверн, это положение получило наглядное доказательство. Сообщению об этом митинге мы предпошлем некоторые

[*] См. настоящий том, стр. 102. *Ред.*

данные о ряде стычек, которые имели место за последнее время между пролетариатом и буржуазией как в парламенте, так и вне его. Совсем недавно манчестерские фабриканты устроили собрание, на котором было решено начать агитацию за упразднение официальных «фабричных инспекторов», так как эти инспектора, дескать, позволяют себе не только смотреть за точным соблюдением установленной законом продолжительности рабочего дня, но требуют даже, чтобы на фабриках были действительно проведены предписанные парламентом меры для предотвращения вызванных применением машин несчастных случаев, которые угрожают жизни и здоровью рабочих. Фабричный инспектор в Южном Ланкашире, известный Леопард Хорнер, навлек на себя особое неудовольствие фабрикантов тем, что в своем последнем докладе настаивает на проведении в прядильнях предписываемых законом мер, несоблюдение которых, как воскликнул наивно один фабрикант, — конечно, член Общества мира[104], — «в прошлом году стоило жизни *всего только* пяти взрослым рабочим».

Таковы события *вне парламента.* В *самой палате общин* был отвергнут во втором чтении билль сэра Генри Холфорда, объявлявший незаконной систему «stoppage of wages». «Stoppage of wages» означает *вычеты из номинальной заработной платы,* производимые частью в виде штрафов за нарушение установленных работодателем фабричных порядков, частью в виде арендной платы и т. д. за данные рабочим с пользование ткацкие станки и пр. в тех отраслях промышленности, где еще не введена новая система.

Вышеуказанная система господствует в особенности в чулочно-вязальном производстве в Ноттингеме, где рабочий, как это доказал сэр Генри Холфорд, в ряде случаев не только не получает платы от предпринимателя, а, наоборот, сам вынужден бывает ему платить. Дело в том, что из номинальной заработной платы под разными предлогами делается так много вычетов, что рабочему приходится даже уплачивать разницу между заработной платой и той суммой, которую капиталист записал за ним в форме дебета. Превратившись таким образом в должника работодателя, рабочий вынужден возобновлять с ним договор на все более неблагоприятных условиях, пока он в полном смысле слова не становится крепостным, не получая, однако, в отличие от крепостного, даже гарантии поддержания своего физического существования.

Если билль сэра Генри Холфорда, который должен был пресечь это безобразие, был отвергнут палатой общин во втором чтении, то билль Коббета, сына известного английского памфле-

тиста, *палата вообще не удостоила вниманием.* Этот билль преследовал цель: 1) заменить закон о $10^1/_2$-часовом рабочем дне 1850 г. законом о 10-часовом рабочем дне 1847 года[105]; 2) превратить в «действительность» ограничение законом рабочего времени на фабриках путем ежедневной принудительной остановки машин по окончании установленного законом рабочего дня.

Завтра — о большом митинге в Лондон-таверн.

Написано К. Марксом 19 марта 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 137, 22 марта 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

* МИТИНГ В ЛОНДОН-ТАВЕРН

Лондон, 20 марта. Газета «Morning Advertiser» в течение нескольких месяцев прилагала немало усилий к тому, чтобы организовать агитационное общество под названием «Национальная и конституционная ассоциация» с целью свержения олигархического режима. После большой предварительной работы, воззваний, подписок и т. д. в прошлую пятницу был, наконец, созван публичный митинг в *Лондон-таверн*[106]. Этот день должен был стать днем рождения широко разрекламированной новой Ассоциации. Задолго до открытия митинга большой зал был заполнен рабочими, и когда, наконец, явились сами себя избравшие вожди нового движения, то они лишь с трудом нашли себе место на трибуне. Г-н Джемс Тейлор, избранный председателем, огласил письма Лейарда, сэра де Лейси Эванса, Уэкли, сэра Джемса Дьюка, сэра Джона Шелли и других, которые заверяли в своих симпатиях к целям Ассоциации, отклоняя в то же время под разными предлогами приглашение лично присутствовать на собрании. Затем было зачитано «Обращение к народу». В нем содержались рассуждения по поводу ведения войны на Востоке и министерского кризиса. За этим следовало заявление о том,

«что дельные люди каждого класса, *а в особенности буржуазии,* обладают необходимыми данными, чтобы взять на себя управление страной».

Этот неуклюжий намек на особые притязания буржуазии был встречен громким шиканьем.

«Главной задачей этой ассоциации», — говорилось дальше, — «будет уничтожение монополии аристократии на правительственную власть и на государственные посты, столь гибельной для высших интересов страны.

К числу второстепенных задач относится *уничтожение тайной дипломатии.* Особая миссия этого общества будет заключаться в обращении ко всем избирателям Соединенного королевства с целью предупредить их о необходимости внимательно смотреть за теми, кому они доверяют материальные ресурсы и свободы страны, и в особенности не отдавать больше своих голосов ничтожным представителям аристократии и богатства и их ставленникам».

После этого поднялся г-н *Билс* и в подробной речи защищал первое предложение:

«Опасное положение дел в государстве и очевидная безнадежность попытки какого-либо улучшения при нынешней олигархической системе, узурпировавшей функции правительства, монополизировавшей посты и привилегии и навлекшей на страну позор и несчастье, делают необходимым объединение народа, чтобы прекратить дальнейшее существование старой системы... Ввиду этого нужно образовать общество под названием *Национальная и конституционная ассоциация».*

Г-н *Николей,* одно из светил Мэрилебона, поддержал это предложение. В таком же духе выступил *Апсли Пеллатт,* член парламента:

«Народ возьмется за дело реформы управления с решимостью, умеренностью, настойчивостью и твердостью *кромвелевских «железнобоких».* Избиратели Англии имели бы полную возможность устранять всякое злоупотребление, если бы решили посылать *бесплатно* честных людей в парламент. Но они не могут рассчитывать на то, чтобы иметь честных представителей, если такой человек, как лорд Эбрингтон, прошел в парламент от Мэрилебона только потому, что уплатил 5000 ф. ст., а его незадачливый соперник зря потратил 3000 фунтов».

Затем вышел на трибуну г-н *Марро,* член парламента, но после настойчивого требования собрания вынужден был уступить место Джорджу Харрисону (рабочий и чартист из Ноттингема).

«Это движение», — сказал Харрисон, — «является попыткой буржуазии захватить в свои руки бразды правления, распределить между собой посты и пенсии и положить начало худшей олигархии, чем та, которая существует сейчас».

Он зачитал затем *поправку,* в которой равным образом объявлял врагами народа как земельную, так и денежную аристократию, и заявлял, что единственным средством возрождения страны является введение *Народной хартии* с ее 5 пунктами: всеобщее избирательное право, тайное голосование, равные избирательные округа, ежегодно избираемый парламент, уничтожение имущественного ценза.

Эрнест Джонс (вождь чартистов, происходящий из аристократической семьи) поддержал эту поправку и, между прочим, заметил:

«Народ сам подорвал бы свое собственное положение, если бы оказал поддержку этому движению буржуазии, цель которого захватить власть

и посты. На трибуне, несомненно, немало людей, жаждущих постов премьер-министров (cheers*), много охотников до синекур in partibus** (cheers). Народ, однако, не должен заключать союз с Брайтами и Кобденами и представителями денежного капитала. Не земельная аристократия, а представители капитала оказали сопротивление гуманному фабричному закону; это они отклонили билль против stoppage of wages (вычетов из номинальной заработной платы), они помешали пройти благоприятному закону об ассоциациях — и именно представители денежного и промышленного капитала прежде всех стремятся притеснять и унижать народ. Я, со своей стороны, в любой момент готов присоединиться к движению, цель которого сломить влияние герцога Девоншира и других, но отнюдь но для того, чтобы на их место поставить герцогов от фабричной пыли и лордов от веретена. (Возгласы одобрения и смех.) Говорят, что рабочее движение, что чартизм мертв. Я заявляю господам реформаторам из среды буржуазии, что рабочий класс полон жизни и достаточно силен, чтобы сломить любое движение. Он не даст буржуазии и пошевельнуться, если она не пойдет на включение в свою программу Народной хартии и ее 5 пунктов. Пусть буржуазия не обманывает себя — ей не удастся снова ввести рабочий класс в заблуждение».

После непродолжительной дискуссия председатель в обстановке всеобщего возбуждения попытался отделаться от поправки, заявив, что это не поправка, но вскоре он все же вынужден был изменить свое решение. Поправка была поставлена на голосование и прошла большинством голосов при соотношении по меньшей мере 10 к 1; публика разразилась громкими криками одобрения и махала шапками. Председатель, объявив, что поправка прошла, выразил при всеобщем смехе уверенность, что большинство присутствующих на митинге все же стоит за создание «Национальной и конституционной ассоциации». Инициаторы поэтому предпримут дальнейшие шаги для ее организации и позднее вновь обратятся за поддержкой к народу; при этом он намекнул, хотя и в скрытой форме, что впредь, во избежание оппозиции, на собрания будут допускаться только лица, имеющие членские билеты. Чартисты, весело настроенные, удостоили похвалы председателя, вынеся ему благодарственный вотум, и митинг закончился.

Нельзя отрицать, что даже с точки зрения открыто провозглашенных принципов Ассоциации логика была на стороне чартистов. Ассоциация хочет низвергнуть олигархию путем апелляции от министерства к парламенту. Но что такое министерство? Креатура парламентского большинства. Или она хочет свергнуть парламент путем апелляции к избирателям? Но что такое парламент? Свободно избранное представительство избирателей. Следовательно, остается одно — расширить

* — возгласы одобрения. *Ред.*
** — в чужих краях. *Ред.*

круг избирателей. Те, кто отказывается принять Хартию и расширить тем самым этот круг настолько, чтобы охватить весь народ, сами признаются в своем стремлении поставить на место старой аристократии новую. Хотят говорить с нынешней олигархией *от имени народа* и в то же время хотят избежать того, чтобы на сцену выступил сам народ, когда его призывают.

Написано К. Марксом 20 марта 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 141, 24 марта 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

СООБЩЕНИЯ АНГЛИЙСКОЙ ПЕЧАТИ

Лондон, 20 марта. Герцог Ньюкасл издал приказ об отзыве лорда Лукана, лорд Панмюр опубликовал послание Раглана, направленное против Лукана, а лорд Хардинг, этот замечательный коннетабль английской армии, отказал Лукану в проведении расследования и военном суде. Несмотря на оппозицию двух министров, главнокомандующего в Крыму и верховного главнокомандующего в Лондоне, лорд Лукан своими подробными объяснениями в палате лордов доказал вчера, что не он, а исключительно Раглан несет ответственность за гибель легкой кавалерии под Балаклавой и что министерства Абердина и Пальмерстона, чтобы спасти этого покладистого, тупого и сговорчивого командующего в Крыму, отдали на расправу возмущенной публике лорда Лукана. Надо же было как-то удовлетворить это чудовище — общество. Решающее значение в этом вопросе имеет неоконченное письмо, найденное на трупе генерала Каткарта, письмо, адресованное его жене и написанное 2 ноября — за три дня до сражения при Инкермане[107] и спустя неделю после кавалерийской атаки под Балаклавой. В этом письме прямо сказано:

«Ни лорд Лукан, ни лорд Кардиган не заслуживают порицания, скорее наоборот, ибо они подчинялись приказам».

Газета «Times» в сегодняшней статье о Венской конференции[108] делает следующее характерное замечание: если конференция будет вестись всерьез, то главных препятствий следует ждать со стороны турок. Основных уступок в рамках четырех пунктов придется добиваться не от царя, а от султана.

Позавчера газета «Times» снова мистифицировала своих читателей «достоверным» сообщением о том, что еще до 19 марта имели место сильная бомбардировка и решительный штурм Севастополя. Откуда такой внезапный поворот от безнадежного отчаяния к жизнерадостности, основанной на суеверии? Газета «Times» начала свою крымскую кампанию против свергнутой коалиции и свое «ceterum censeo»[109] по поводу необходимости образовать следственную комиссию как раз в тот момент, когда Гладстон создал угрозу ее монополии, предложив отменить штемпельный сбор и уменьшить вес газет, которые разрешается пересылать почтой с уплатой одного пенса; он предложил ограничить этот вес четырьмя унциями, то есть весом меньше веса одного экземпляра «Times». Как только Гладстон был свергнут, его преемник сэр Дж. К. Льюис взял билль обратно, и газета «Times», надеясь, что все останется по-старому, внезапно отказалась от своего меланхолического взгляда на крымские события; вместо этого газета дает патетическую панораму, блещущую лучами надежды на успех, где снова действует та самая армия, над которой лишь три месяца назад эта газета произносила надгробную речь. Сегодня «Times» опять мрачно настроена, поскольку вчера сэр Дж. К. Льюис, вопреки всем ожиданиям, снова внес билль об отмене штемпельного сбора с газет. Ненависть автора ретроспективных обзоров к свежим новостям! — восклицает «Times». Льюис, как известно, был издателем журнала «Edinburgh Review».

Мы еще вернемся к этому биллю, как только он со всеми подробностями будет изложен в палате общин; пока лишь отметим, что этот билль является уступкой *манчестерской школе,* за которой остается заслуга неутомимой агитации в пользу осуществления свободы конкуренции в области печати. Уступка министерства Пальмерстона *манчестерской школе* является captatio benevolentiae[*] на случай роспуска палаты общин и новых парламентских выборов.

Написано К. Марксом 20 марта 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 139, 23 марта 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

[*] — попыткой завоевать благосклонность. *Ред.*

К. МАРКС

*ИЗ ПАРЛАМЕНТА: ДЕБАТЫ О ПРУССИИ В ПАЛАТЕ ЛОРДОВ

Лондон, 21 марта. На вчерашнем заседании палаты лордов лорд Линдхёрст, старый коллега Ливерпула и Каслри, внес, наконец, свое давно обещанное предложение «по поводу отношения Пруссии к Венской конференции». Два обстоятельства, заметил он, придали этому вопросу за последнее время новый интерес: послание умирающего русского императора прусскому двору и манифест Александра II, в котором последний обещает завершить политику Петра, Екатерины, Александра и своего отца. Как сама Россия представляла себе политику Пруссии, можно видеть по следующей выдержке из секретной депеши, которую Поццо-ди-Борго послал Нессельроде незадолго до войны 1828—1829 годов. В этой депеше, между прочим, говорится:

«Если Россия прибегнет к насильственным мерам в отношении Турции, то есть все основания надеяться, что Пруссия никоим образом не будет ей в этом препятствовать; напротив, позиция Пруссии, одновременно независимая и дружелюбная, будет оказывать сильное сдерживающее влияние на другие государства и заставит их согласиться с результатами, которые отвечают достоинству и интересам России. Берлинский кабинет необходимо будет в какой-то мере посвятить в наши замыслы и убедить его в том, что роль, которую мы отводим Пруссии, будет способствовать упрочению искренних отношений между обоими монархами и обоими дворами».

Можно ли было, восклицает Линдхёрст, более пророчески предсказать тот курс, которого прусский двор придерживался за последние полгода или год? Пруссия, правда, подписала протоколы от 5 декабря, 13 января и 9 апреля. Целью этих протоколов являлась эвакуация Дунайских княжеств и получение гарантий независимости султана и целостности Турции.

Действовал ли прусский двор в соответствии с этой целью? В связи с займом в 30 миллионов талеров на военные операции барон Мантёйфель заявил: в вышеуказанных протоколах Пруссия высказалась о политике России в том смысле, что была совершена большая несправедливость; но пойти дальше этого и принять активное участие в войне Пруссия не считает себя обязанной. Разве это язык великой нации? И разве Пруссия не взяла на себя прямое обязательство защищать Турцию, подписав договоры 1840 и 1841 годов? Барон Мантёйфель прибавил к этому, что независимость Германии или немецкие интересы не затрагиваются возникшим конфликтом и поэтому Пруссия не считает себя обязанной приносить какие-либо жертвы. Однако сам барон Мантёйфель в другом документе утверждал противоположное. Впрочем, если царь овладеет Константинополем, то будет излишне говорить о немецкой независимости и немецких интересах. Они должны будут уступить превосходящей силе. Коснувшись затем вскользь отставки военного министра Бонина, отозвания посла Бунзена из Лондона и отказа от составления ответного адреса прусских палат на тронную речь, Линдхёрст «перешел ко второму акту этой политической драмы». По истечении значительного времени, заявил он, Австрия сочла возможным потребовать от России эвакуации Дунайских княжеств. Это требование было составлено и направлено на подпись в Берлин. Из Берлина в Вену были посланы контрпредложения, совершенно неприемлемые, но повлекшие за собой потерю времени, поскольку их надо было представить на рассмотрение союзникам. Россия тем временем эвакуировала Дунайские княжества, продолжая оккупировать, однако, часть их территории по соображениям военного характера; вместе с тем она заявила, что впредь намерена занять чисто оборонительную позицию; тогда Пруссия вышла из объединения, утверждая, что Россия-де удовлетворила все благоразумные требования. С этого момента Пруссия пускала в ход все средства, чтобы расстроить планы Австрии. С этой целью она обращалась с предложениями, в большинстве случаев успешно, к Союзному сейму и к отдельным немецким государствам. В то же время Россия выразила публично благодарность двум немецким государствам за их отказ присоединиться к союзникам. Он (Линдхёрст) переходит теперь к третьему и последнему акту этой драмы. Союзники назначили встречу в Вене на 8 августа для того, чтобы решить, какие требования предъявить России в качестве основы любых предварительных переговоров. Пруссия, как обычно, была извещена об этом, и извещение посылалось ей не один раз. Она не отказалась прямо от участия в конференции, но на деле

на нее не явилась. Вследствие ее отсутствия союзники вместо того, чтобы составить протокол, подписали ноту, в которой в качестве основы будущих переговоров выставлялись четыре пункта. России было предложено принять эти четыре пункта, но она отказалась это сделать. Пруссия, со своей стороны, опубликовала и распространила документ, в котором выдвигала возражения против указанных четырех пунктов. Наряду с этим она продолжала воздействовать на Союзный сейм и на отдельные немецкие дворы с целью воспрепятствовать присоединению мелких немецких государств к союзникам. После заключения договора от 2 декабря Пруссии было сообщено, что ей предоставляется возможность к нему присоединиться. Пруссия от присоединения отказалась, но заявила о своей готовности заключить подобные же договоры отдельно с Францией и с Англией. После того как указанные страны дали на это свое согласие, Пруссия в ходе различных переговоров, внося различные предложения, требовала бесконечных изменений, заведомо зная, что и Франция и Англия обязательно их отвергнут. Когда он (Линдхёрст) говорит о Пруссии, то имеет в виду лишь *официальную* Пруссию. Он знает, что население Пруссии в огромном большинстве своем настроено против России. Совершенно непонятно, как Пруссия, отказавшись присоединиться к договору от 2 декабря, может требовать, чтобы ее пригласили участвовать в венских переговорах. Он надеется, что союзные державы ни под каким предлогом не допустят представителя Пруссии, в противном случае Россия имела бы на Венской конференции не один, а два голоса. Прусская дипломатия не изменилась со времени Фридриха Великого. Он напоминает о 1794 г., о времени незадолго до сражения при Аустерлице и после него и т. д.

Лорд Кларендон. — Он намерен лишь восполнить несколько пробелов в информации о переговорах между Англией и Пруссией. После того как русское правительство отвергло условия союзников, была созвана конференция послов соответствующих стран, которая, однако, так и не состоялась, потому что представитель прусского правительства не пожелал принять в ней участие. Позже, правда, прусский посол в Лондоне заявил Кларендону, что его правительство намерено дать требуемое разрешение своему послу в Вене, но он (Кларендон) ответил: «Теперь слишком поздно». Переписка между Пруссией и Австрией послужила на пользу России. Еще до подписания договора от 2 декабря Пруссию приглашали присоединиться к нему, но безрезультатно. Пруссия потребовала допущения ее на новую конференцию без всяких условий на том основании, что она-де является продолжением прежней, еще не закончившейся

конференции, с которой Пруссия и не думала уходить. По поводу последнего утверждения английское правительство сослалось на тот факт, что конференция уже однажды не могла состояться из-за нежелания Пруссии принять в ней участие, несмотря на неоднократные приглашения. К тому же новая конференция вовсе не является продолжением старой, ибо, когда Австрия в октябре и ноябре обратилась к Англии и Франции с просьбой снова созвать ее, то ей ответили, что время для протоколов и конференций прошло, но если Австрия согласна заключить с ними военный договор, то они посмотрят, нельзя ли добиться мира. Это привело к договору от 2 декабря. Позже была выражена готовность заключить отдельные договоры с Пруссией.

«Однако позволить Пруссии пользоваться всеми привилегиями, не разделяя с нами никаких опасностей, допустить ее без всяких условий на конференцию, которая может кончиться миром, но может привести и к войне еще бо̲льших масштабов, допустить Пруссию без всяких заявлений с ее стороны относительно ее целей и политики, без уверенности в том, что сейчас или в случае необходимости она вступит в союз с нами, не зная, явится ли она на конференцию в качестве нейтральной, враждебной или дружественной державы, — это совершенно невозможно».

Специальные миссии, которые позже послала Пруссия, сказал Кларендон, были одинаково благожелательно приняты как в Лондоне, так и в Париже, но переговоры пока ни к чему не привели. Все же он не считает переговоры прерванными. Всего лишь три дня тому назад были сделаны новые предложения. К несчастью, Венская конференция все же открылась в момент, когда Пруссия оказалась отстраненной от нее благодаря ее собственному поведению. Такой крупной державе, как Пруссия, нельзя держаться в узких границах немецкой замкнутости. Против такой позиции Пруссию неоднократно предостерегали, но Пруссия на это неизменно отвечала, что ее политикой является мир. В действительности же ее политика не является «ни европейской, ни немецкой, ни русской» и скорее рассчитана на то, чтобы мешать Австрии, чем на то, чтобы угрожать России. И все-таки Пруссия не сможет долго упорствовать в своей политике изоляции, когда на карту поставлены крупные европейские интересы. Она не может стать на сторону России — это противоречило бы национальным чувствам в Пруссии и Германии. Пруссия прекрасно понимает, что если она выступит на стороне России против Австрии, она попадет в зависимость от первой. Поддерживать Австрию Пруссия не хочет. Напротив, она заняла по отношению к ней недружелюбную позицию.

«Поэтому я утверждаю, что Пруссия занимает изолированную и ложную позицию. Это, вероятно, нравится ее врагам, но вызывает глубокое сожаление у ее союзников и патриотов из среды ее собственного населения».

Будут приложены все усилия, заверил лорд Кларендон в заключение, чтобы добиться сотрудничества Пруссии. В палате общин *лорд У. Грехем* запросил премьер-министра:

«Не затребовал ли австрийский посол от лорда Кларендона объяснений по поводу слов, сказанных сэром Робертом Пилем при его переизбрании, о том, что не может быть удовлетворительного разрешения восточного вопроса без восстановления Польши и Венгрии».

Лорд Пальмерстон вместо того, чтобы дать какой-либо ответ на этот вопрос, выразил лишь свою радость по поводу того, что сэр Роберт Пиль занял пост в его правительстве. Что касается Венгрии, то Австрия, мол, давно знает, что отделение Венгрии от империи Англия сочла бы за большое несчастье для Европы, ибо существование в центре Европы Австрийской империи в виде единого целого рассматривается как существенный элемент равновесия сил. Что касается Польши (тут раздался громкий смех, вызванный маленькой паузой в ответе Пальмерстона и тем странным тоном, в котором он продолжал свою речь), то он-де того мнения, что Польша при ее нынешнем устройстве и при том, как ею теперь владеют, является постоянной угрозой для Германии. Тем не менее пункты, обсуждаемые сейчас в Вене, не включают никаких положений о переустройстве Полыни. Но Англия и Франция оставили за собой право, в зависимости от обстоятельств или военных событий, дополнять четыре пункта, на основе которых сейчас ведутся переговоры, другими положениями, которые могут показаться им важными для будущей безопасности Европы.

Написано К Марксом 21 марта 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 141, 24 марта. 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПОСЛЕДНЯЯ УЛОВКА НАПОЛЕОНА [110]

«Если Крез перейдет Галис, он разрушит обширное царство». Этот ответ Дельфийского оракула царю Лидии вполне уместно адресовать теперь Луи Бонапарту в связи с его поездкой в Крым. Его поездка действительно повлечет за собой разрушение империи, но не Российской, а его собственной.

Чрезвычайное, ненормальное положение вызывает необходимость необычных действий. Любого другого человека на его месте сочли бы безумцем, если бы он предпринял подобную поездку, в которой неблагоприятные и благоприятные шансы на успех находятся в таком же соотношении, как десять к одному. Луи Бонапарт, вероятно, вполне сознает это и тем не менее вынужден ехать. Он является инициатором всей экспедиции; он довел армию союзников до незавидного положения, в котором она теперь находится, и обязан перед всей Европой вывести ее из этого положения. Это ведь его первый военный подвиг, от исхода которого будет зависеть, по крайней мере на некоторое время, его репутация как полководца. За успех экспедиции он отвечает ни больше ни меньше, как своей короной.

Помимо этого имеются и менее серьезные причины, которые равным образом заставляют считать рискованную поездку в Крым делом государственной важности. Солдаты на Востоке уже не раз давали понять, что они жестоко разочарованы в своих надеждах на военную славу новой империи. В Варне и Базарджике паладинов лже-Карла Великого их же собственные войска приветствовали кличкой «обезьяны». «A bas les singes! Vive

Lamoricière!»*, — кричали зуавы, когда Сент-Арно и Эспинас посылали их в болгарскую пустыню умирать от холеры и лихорадки. Теперь войска уже не только противопоставляют славу и популярность опальных генералов сомнительной репутации командиров, ныне возглавляющих французскую армию. Странное поведение Жерома Наполеона-младшего во время его пребывания на Востоке[111] напомнило бывалым алжирским солдатам о совсем ином поведении орлеанских принцев в Африке, которые, что бы там о них ни говорили, всегда находились во главе своих войск и выполняли свой воинский долг. Контраст между молодым Омалем и молодым Наполеоном был, конечно, достаточно разительным, чтобы побудить солдат говорить: если бы у власти оставались Орлеаны, принцы были бы с нами в окопах, делили бы с нами опасности и трудности, а они ведь не носили имени Наполеона! Вот что *говорят* солдаты, а как заставить их замолчать? Человек, которому «разрешено носить мундир дивизионного генерала», ухитрился опорочить военные традиции, связанные с именем Наполеона; остальные члены императорской семьи являются либо сугубо штатскими людьми, естествоиспытателями, священниками, либо отъявленными авантюристами; старого Жерома нельзя принимать в расчет из-за его возраста; к тому же его былые боевые подвиги не принесли ему большой славы. Таким образом, Луи-Наполеону ничего другого не остается, как ехать самому. Кроме того, слух о предстоящей поездке в Крым дошел до самых отдаленных деревушек Франции и был встречен крестьянами с восторгом, а ведь именно крестьяне сделали Луи-Наполеона императором. Крестьяне убеждены, что император, которого они сами посадили на трон и который к тому же носит имя Наполеона, должен и на деле быть Napoleon redivivus**; по их мнению, место Луи-Наполеона во главе войск, которые под его командованием не уступят легионам великой армии. Севастополь не взят лишь потому, что туда еще не прибыл император; стоит ему только там появиться, как бастионы русской крепости рассыпятся в прах подобно стенам Иерихона. Итак, Луи-Наполеон уже не может, даже если бы и захотел, отказаться от своего обещания ехать, поскольку молва о его поездке получила широкое распространение.

Приготовления поэтому идут полным ходом. В дополнение к десяти дивизиям, уже находящимся в Крыму, туда должны быть посланы еще четыре, две из которых в начале кампании

* — «Долой обезьян! Да здравствует Ламорисьер!» *Ред.*
** — воскресшим Наполеоном. *Ред.*

должны будут образовать резервную армию у Константинополя. Одна из этих четырех дивизий будет состоять из императорской гвардии, другая — из сводных рот отборных войск, то есть из гренадер и вольтижеров парижской армии; две другие дивизии (11-я и 12-я) либо уже грузятся на суда, либо концентрируются в Тулоне и Алжире. С прибытием этих свежих подкреплений численность французских войск в Крыму достигнет примерно 100000—110000 человек; тем временем к концу апреля туда прибудут 15000 пьемонтцев и значительные британские подкрепления. И тем не менее вряд ли можно ожидать, что союзники будут в состоянии начать кампанию в мае с армией в 150000 человек. Гераклейский Херсонес превращен в одно огромное кладбище, к тому же совершенно запущенное, и положение там таково, что с наступлением жаркой или сырой погоды он неизбежно станет рассадником всевозможных эпидемий; сколько бы войск там ни находилось, болезни и смертность среди них будут так велики, что союзники понесут еще более ужасные потери, чем до сих пор. До прибытия всех подкреплений действующая армия союзников не имеет никаких шансов продвинуться вперед с теперешних позиций, а подкрепления прибудут около середины мая, когда уже вспыхнет эпидемия.

Даже при самых благоприятных обстоятельствах союзникам придется оставить 40000 человек у Южной стороны Севастополя и в их распоряжении будет лишь 90000—100000 человек для экспедиции против русской полевой армии. И если только союзники не совершат особо удачного маневра, а русские не допустят серьезных ошибок, то прежде чем эта армия сможет соединиться с турками у Евпатории, она должна будет сначала по выходе из Херсонеса разбить русских и оттеснить их от Симферополя. Предположим, что соединение осуществится без особых трудностей, и все же подкрепление, которое турки смогут дать этой разношерстной армии французов, англичан и пьемонтцев, составит самое большее 20000 человек, при этом не вполне пригодных для сражения в открытом поле. В общем это составит армию приблизительно в 120000 человек. Трудно представить себе, как такая армия сможет существовать в местности, которая опустошена самими русскими, бедна хлебом и главное богатство которой, скот, русские, разумеется, постараются угнать к Перекопу. Малейшее продвижение вперед вызовет необходимость доставки значительного количества фуража и выделения большого числа отрядов для обеспечения флангов и коммуникаций с морем. Русская иррегулярная кавалерия, которую до сих пор не удавалось ввести в действие, начнет их изматывать своими налетами. А тем временем и к русским подойдут подкреп-

ления; широкая огласка, которую получили проводимые за последние шесть недель военные приготовления во Франции, дала русским возможность своевременно принять необходимые меры. Можно не сомневаться, что в настоящее время две или три дивизии русских, взятые либо из армий, расположенных на Волыни и в Бессарабии, либо из вновь сформированных резервов, уже находятся на пути в Крым, чтобы сохранить там прежнее соотношение сил.

Однако самый крупный отряд из состава своей армии союзникам придется выделить для блокады Севастополя с Северной стороны. Для этого потребуется отвлечь еще 20000 человек, и оставшихся у союзников войск, испытывающих столь серьезные затруднения в снабжении, обремененных целыми вереницами повозок с боевыми припасами и продовольствием, вряд ли будет достаточно для того, чтобы выбить из Крыма русскую полевую армию.

Совершенно очевидно, что лавры, с помощью которых Луи Бонапарт намеревается приобрести себе в Крыму имя Наполеона, растут довольно высоко и сорвать их не так-то легко. Однако все трудности, о которых до сих пор говорилось, являются лишь трудностями местного характера. Главным возражением против подобного способа ведения войны в Крыму является в конечном счете то, что этот способ отвлекает четвертую часть всех могущих быть использованными вооруженных сил Франции на второстепенный театр войны, где даже наибольший успех ничего не решает. И именно это безрассудное упрямство в отношении Севастополя, превратившееся в своего рода суеверие и придающее фиктивное значение как успехам, так и неудачам, представляет собой самую основную ошибку всего плана кампании. А фиктивное значение, придаваемое всем событиям в Крыму, с удвоенной силой бьет рикошетом по самому незадачливому автору этого плана. Для Александра Севастополь — далеко не Россия, но для Луи Бонапарта невозможность взять Севастополь равносильна потере Франции.

Написано Ф. Энгельсом около 23 марта 1855 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4358, 7 апреля 1855 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

СРАЖЕНИЕ ПОД СЕВАСТОПОЛЕМ [112]

В сегодняшнем номере нашей газеты печатаются официальные французские, английские и русские сообщения о сражении между противниками под Севастополем. Это довольно важное событие заслуживает того, чтобы в дополнение к официальным документам мы дали некоторые пояснения и комментарии к нему.

Около месяца тому назад вылазки русских, как правило успешные, позволили нам сделать вывод, что траншеи выдвинуты вперед на такое расстояние, при котором установилось равновесие сил осажденных и осаждающих*; другими словами, траншеи подведены настолько близко, что русские в момент вылазки могут сосредоточить на любом участке этих траншей отряд, по меньшей мере равный тем силам, которые союзники могут подтянуть в течение одного-двух часов. А поскольку одного-двух часов вполне достаточно, чтобы вывести из строя орудия батареи, забив их запалы ершами, то союзники, разумеется, не могли продвигать свои апроши вперед. Начиная с этого момента, союзники прекратили активные действия, пока не прибыли три французские бригады (одна — из 8-й и две—из 9-й дивизии), которые дали возможность сменить часть английской пехоты и усилить траншейные караулы. В то же время прибытие генералов инженерных войск Ньеля и Джонса активизировало осадные работы и позволило исправить ошибки, допущенные главным образом из-за упрямства французского генерала Бизо и из-за малочисленности английской пехоты. Были проведены

* См. настоящий том, стр. 53—54. *Ред.*

новые апроши, особенно на участке расположения английских войск, где примерно в 300 ярдах от русских укреплений на Малаховом кургане была создана новая параллель. Некоторые из вновь сооруженных батарей выдвинулись настолько далеко в направлении к Инкерману, что как только им представится возможность открыть огонь, они смогут обстреливать часть русских батарей с тыла или вести по ним продольный огонь. Против этих новых линий сооружений русские предприняли действия, осуществленные с исключительным мастерством и смелостью.

Как показывают планы, русские оборонительные линии охватывают город полукольцом от начала Карантинной бухты до внутренней военной гавани и отсюда — до начала Килен-бухты. Эта бухта представляет собой небольшой залив, образуемый глубокой балкой, протянувшейся от Большой бухты или Севастопольского рейда далеко в глубь плато, на котором расположен лагерь союзников. По западной стороне этой балки тянется ряд высот, образующих линию обороны русских; самая значительная из этих высот — Малахов курган; благодаря своему господствующему положению он является ключевой позицией всего правого фланга русских. На восточной стороне балки и Килен-бухты расположена другая высота; находясь полностью в пределах досягаемости огня как батарей, так и военных кораблей русских, она оставалась недоступной для союзников, ввиду того, что им не удавалось полностью нарушить коммуникации между Севастополем и Инкерманом, прикрываемые огнем фортов и батарей северной стороны рейда. Но поскольку союзники установили свои батареи на позициях к востоку и юго-востоку от .Малахова кургана, что дает им возможность угрожать русским линиям обороны с фланга и тыла, эта нейтральная высота приобрела особое значение. Поэтому в ночь на 21 февраля русские направили туда рабочую команду для сооружения там редута*, проект которого был заранее разработан их инженерами. Наутро союзники увидели длинную траншею и сооружаемые за ней парапеты, но совершенно не поняв, по-видимому, значения этих работ, не препятствовали их выполнению. К следующему утру редут был закончен, правда, пока неполностью, ибо, как показали последующие события, профиль, то есть глубина рва и прочность парапета, был еще далеко не достаточен. К этому времени союзники начали понимать, что это укрепление занимает превосходную позицию, давая русским возможность обстреливать анфиладным огнем

* — Селенгинского редута. *Ред.*

их же собственные анфиладные батареи и тем самым делает эти батареи почти бесполезными. Инженеры заявили, что это укрепление надо взять любой ценой. Поэтому Канробер под строжайшим секретом создал штурмовую колонну, состоявшую примерно из 1600 зуавов и 3000 солдат морской пехоты. Так как приказ об операции был отдан только поздно ночью и притом неожиданно, то со сбором войск в установленном месте произошла заминка, и было уже 2 часа утра 24 февраля, когда войска с зуавами во главе пошли, наконец, в атаку. В результате короткого броска они оказались в двадцати ярдах от рва. Как обычно в таких атаках, не разрешалось производить ни одного выстрела; солдатам было приказано спять с ружей капсюли, чтобы избежать ненужной и преждевременной стрельбы. Вдруг раздались слова русской команды и сильный отряд русских, находившийся внутри редута, поднялся на ноги, выставил ружья над парапетом и дал залп по наступающей колонне. Ввиду темноты и глубоко укоренившегося среди солдат, действующих в траншеях, правила — стрелять всегда прямо через парапет — этот залп мог нанести лишь незначительный урон узкой голове колонны наступающих. Зуавы, продвижение которых почти не было замедлено пологими скатами незаконченного еще рва и вала, в одно мгновение оказались в редуте и бросились на противника в штыки. Произошла ожесточенная рукопашная схватка. Через некоторое время зуавы овладели половиной редута, а немного позже русские оставили его полностью. Тем временем морская пехота, следовавшая за зуавами на небольшом расстоянии, то ли сбилась с пути, то ли по какой-то другой причине остановилась на склоне возвышенности. Здесь она была атакована с обоих флангов колонной русских, которая, несмотря на ожесточенное сопротивление морской пехоты, оттеснила ее с высоты. Очевидно во время этого боя или вскоре после него рассвело, ибо русские поспешно отошли с высоты, оставив редут в руках зуавов, на которых затем обрушился огонь всей русской артиллерии, какую только можно было использовать для этой цели. На некоторое время зуавы залегли, а несколько сопровождавших их стрелков-волонтеров подползли к укреплениям на Малаховом кургане и пытались стрелять по русским канонирам через амбразуры. Однако обстрел был слишком сильным, и вскоре зуавам пришлось отойти на склон высоты, обращенный к Инкерману, где они были защищены от огня большинства батарей. Они утверждают, что унесли с собой всех своих раненых.

В этой небольшой операции зуавы под командованием генерала Моне действовали с большой смелостью, а русские —

с большим искусством и свойственным им упорством. Силы русских состояли из двух полков, Селенгинского и Волынского, численность которых после нескольких кампаний была не более 500 человек на батальон, или всего 4000 человек. Командовал ими генерал Хрущов. Действия русских были настолько удачными, что французы заявляют, что весь план атаки был-де заранее известен русским. Атака русских на солдат морской пехоты завершилась полным и почти мгновенным успехом, а их отход из незаконченного редута поставил несчастных, лишенных поддержки зуавов под мощный огонь артиллерии, которая молчала, пока борьба шла внутри редута.

Генерал Канробер обнаружил, что это поражение весьма сильно подействовало на его войска. Нетерпение, которое уже не раз давало себя чувствовать, проявилось теперь со всей силой. Солдаты требовали штурма города. Слово «предательство», это постоянное оправдание любого поражения, понесенного французами, громко произносилось в войсках и называлось даже имя предателя, выдавшего противнику секретные решения французского военного совета; этим предателем без особых на то оснований считали генерала Форе. Канробер был в таком смятении, что написал приказ, в котором вся операция изображалась как блестящий, хотя и относительный успех, и одновременно послал записку лорду Раглану, предлагая немедленно начать штурм, что лордом Рагланом было, разумеется, отвергнуто.

Русские же удержали за собой этот новый редут и занялись его дальнейшим строительством. Эта позиция очень важна. Она обеспечивает коммуникации с Инкерманом и подвоз снабжения с этой стороны. Она угрожает всей правой стороне осадных сооружений союзников с фланга и требует проведения новых апрошей, чтобы обезвредить ее. Более того, все это свидетельствует о способности русских не только удерживать свои позиции, но и продвигаться вперед за их пределы. Во второй половине февраля русские создали у нового редута систему контрапрошей в направлении укреплений союзников. В донесениях, однако, не указывается точное направление этих сооружений. Во всяком случае, наличие вышеназванных двух линейных полков в Севастополе говорит о том, что гарнизон, состоявший до сих пор только из морской пехоты и моряков, был значительно пополнен и располагает теперь достаточными силами на случай возможных действий противника.

Последние сообщения говорят о том, что около 10—11 марта союзники смогут открыть огонь из своих батарей по оборонительным укреплениям русских. Однако можно ли ожидать,

что при тех ресурсах, которые имеются в распоряжении русских, и при тех трудностях, которые испытывают союзники, им удастся выполнить первое необходимое условие успеха, а именно, добиться того, чтобы огонь осаждающих был сильнее огня осажденных и к тому же настолько сильнее, чтобы можно было заставить замолчать русские батареи до того, как англичане и французы израсходуют боевые припасы? Но предположим даже, что этот результат будет достигнут; допустим, что в этот решающий момент соединения полевой армии русских не сделают попытки овладеть позициями у Инкермана и Балаклавы; предположим, что будет предпринят ряд атак на первую линию обороны русских и эта линия будет прорвана. Что тогда? Перед штурмующими колоннами окажутся новые оборонительные укрепления, новые батареи и прочные здания, превращенные в небольшие крепости, для уничтожения которых потребуются новые батареи. Под градом картечи и пуль союзники вынуждены будут отступить, и самое большее, что они смогут сделать, — это удержать в своих руках первую линию обороны русских.

Затем последует осада второй, а потом и третьей линии, не говоря уже о многочисленных небольших заграждениях, которые русские инженеры, а мы сейчас уже знаем, что они собой представляют, не могли не выстроить в пределах вверенного им участка обороны. И в то же время дожди и жара, жара и дожди, сменяющие друг друга, на почве, пропитанной миазмами в результате разложения тысяч трупов людей и лошадей, вызовут неслыханные и неизвестные до сих пор болезни. Правда, эпидемия будет свирепствовать не только за пределами, но и внутри города, но кто знает, какая из сторон первая капитулирует перед нею?

Наступление весны будет означать ужасные бедствия для этого маленького полуострова шириной в пять и длиной в десять миль, где три самые могущественные державы Европы ведут упорную борьбу, и у Луи Бонапарта будут все основания поздравить себя, если его великая экспедиция начнет, наконец, приносить обильные плоды.

Написано Ф. Энгельсом около 23 марта 1855 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4358, 7 апреля 1855 г. в качестве передовой и в «Neue Oder-Zeitung» № 143, 26 марта 1855 г.

Печатается по тексту газеты «New-York Daily Tribune», сверенному с текстом «Neue Oder-Zeitung»

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

К ИСТОРИИ СОЮЗА С ФРАНЦИЕЙ

Лондон, 24 марта. Газета «Press»[113], орган Дизраэли, вызвала на прошлой недело бурю в стакане воды своим утверждением, что «император Луи» является единственным препятствием на пути к заключению мира и что он связал с собой Австрию, заключив с ней секретное «соглашение», от которого она стремится освободиться. Тори до сих пор защищали англо-французский союз как свое детище. Разве лорд Малмсбери не скрепил союз с Бонапартом?[114] Разве Дизраэли не осыпал едкими насмешками в парламенте Грехема и Вуда за то, что они якобы преступно клеветали перед своими избирателями на государственный переворот 2 декабря? Разве в течение двух лет тори не были самыми ярыми глашатаями войны как с парламентской трибуны, так и в прессе? И теперь вдруг без всякого перехода и без всяких церемоний — инсинуации против союза с Францией, колкости по адресу «императора Луи» и проповедь мира! Дряхлый орган маститых тори «Morning Herald», не посвященный в тайну вождей партии, с сомнением качал головой и бормотал резкие слова протеста против непонятных для него галлюцинаций газеты «Press». Последняя, однако, сегодня снова возвращается к роковой теме. На самом видном месте она печатает жирным шрифтом следующее сообщение:

«Выяснились важные обстоятельства. Когда мы недавно писали, у нас были основания предполагать, что congress re infecta* будет прерван и лорд Джон Рассел сразу же вернется в Англию. Тон Австрии по отношению к России, изменившийся после смерти императора Николая, и в особенности заявление австрийского императора, направленное Александру II,

* — конгресс, не закончив дела. *Ред.*

несомненно способствовали такому исходу. У нас имеются основания предполагать, что французский император устранил препятствия, стоявшие на пути к всеобщему умиротворению, и что Франция согласится на полное очищение Крыма, не ставя никаких условий относительно разрушения или сокращения укреплений в этом районе».

В пояснение этого пророчества «Press» ссылается на «достоверные подробности, сообщаемые в ее передовой статье». Но как раз эти подробности странным образом противоречат основанному на них и столь поспешно сделанному заключению.

«Дела в Вене», — говорится в передовой статье, — «с каждым часом принимают все менее разумный и благоприятный оборот; поэтому важно, чтобы просвещенное мнение по обе стороны Ла-Манша употребило все свое влияние, дабы предотвратить результаты, которые могли бы вызвать раздражение и сожаление. Если бы в 1853 г. наши министры проявили искренность в отношении англо-французского союза, то, вероятно, не было бы и повода к войне; а если бы войны избежать не удалось, то она велась бы, по всей вероятности, успешно и победоносно. Вместо заключения дружественного союза с Францией английское правительство потратило целый год на то, чтобы добиться *Adhasion*[*] *крупных немецких государств,* как оно это называло. Войну западных держав с Россией нельзя было оправдать не чем иным, кроме как твердым решением ощутимо урезать ее империю на юге. Это было единственным решением восточного вопроса. В 1853 г. момент был благоприятным, его упустили. Тратили зря время и деньги, поступились армией и славой. Если бы в 1853 г. мы были искренни с Францией, то немецкие державы были бы вынуждены пойти за нами. А что получилось теперь? Австрийский император заверил императора Александра в том, что «Австрия не стремится ни к сужению границ России, ни к тому, чтобы нанести какой-либо ущерб ее владениям». Эти слова допускают только одно толкование. А что касается тайного соглашения между Францией и Австрией, на которое мы уже раньше намекали, то из весьма авторитетного источника нам стало известно, что, хотя это соглашение и носит, видимо, характер постоянного союза между двумя империями, в нем не содержится ничего такого, что неизбежно должно было повести к нападению Австрии на Россию.—Русский император готов принять условия мира, которые, правда, не означают разрешения восточного вопроса, однако, несомненно, являются признанием провала агрессии и в известной мере искуплением за совершенное насилие. Мы полагаем, что момент для более высокой политики у пущен, что такое стечение обстоятельств, которое могло бы обеспечить независимость Европы, не так скоро повторится; все же и сейчас можно еще добиться мира, выгодного в общем для Европы, благоприятного для Турции и не бесславного для западных держав. Но мы имеем основание опасаться, что переговоры о таком мире вестись не будут. Кто препятствует этому?.. Император французов. Будь Он и сейчас того мнения, что, несмотря на неблагоприятные условия, восточный вопрос должен быть разрешен, мы бы не стали говорить о том, что Англии следует отойти. Но мы знаем, что намерения императора совершенно другие ... Французский император изобрел mezzo termino[**] между сужением русских границ и переговорами о предполагаемом мире, что является опасным и может стать роковым. Император мечтает о кампании, полной блестящих подвигов, которая восстановит его prestige

[*] — привлечения, присоединения. *Ред.*
[**] — нечто среднее, средний путь. *Ред.*

(блеск); кампания должна закончиться миром, который не изменит территориальные границы Европы и Азии ни на йоту больше, чем предусматривают австро-русские предложения, согласиться на которые уже готов был чрезвычайный полномочный представитель Англии в Вене. Не говоря уже о той части плана, которая означает готовность принести в жертву тысячи человеческих жизней просто ради восстановления *престижа...* мы считаем безрассудность этого плана такой же вопиющей, как и его безнравственность. А что если кампания, затеянная ради престижа, но удастся?.. Кроме тех препятствий, которые ставят русские войска в Крыму, не меньшей угрозой, чем оружие, является чума. Если эта кампания, затеянная ради *престижа,* не удастся, что станется с Англией и Францией? На чьей стороне окажутся тогда великие немецкие державы? Перспектива одна: упадок и гибель Европы. Даже если бы шансы не были против нас, имеем ли мы право идти навстречу таким опасностям и притом не ради определенной политики, а ради простой демонстрации? Для повелителя французов, быть может, и очень мучительно упустить такой удобный случай; не менее мучительно это и для английского народа. Но государственные деятели должны считаться с обстоятельствами. Ни Франция, ни Англия, ни Россия не находятся в 1855 г. в таком же положении, как в 1853 году. Горе тем, кто предал высшие интересы Европы, Пусть постигнет их участь, которую они заслуживают. Повелитель французов и королева Англии не виноваты, но они не должны, подобно потерявшим голову игрокам, в безумном порыве разочарования или в пароксизме отчаяния форсировать надвигающееся на них несчастье».

В той же газете мы находим ссылку на памфлет Жирардена «La Paix»[115], в котором одновременное разоружение Севастополя и Гибралтара приветствуется как подлинное разрешение вопроса о мире.

«Подумайте только», — восклицает «Press», — «что этот памфлет или, вернее, его продажа разрешена французским правительством, а его автор является близким и интимным другом, советником и сотоварищем предполагаемого наследника престола!»

Здесь стоит отметить, что дербиты, органом которых является «Press», стремятся к коалиции с миролюбивой манчестерской школой и что министерство, со своей стороны, пытается привлечь ее на свою сторону при помощи билля об отмене штемпельного сбора с газет (к нему мы еще вернемся). Идея чисто демонстративной кампании, идея европейской войны не ради нанесения удара могуществу противника, а ради спасения собственного *престижа,* идея показной войны должна, разумеется, вывести из себя всякого здравомыслящего англичанина. Возникает вопрос: не является ли эта идея одной из «idees napoleoniennes»[116], как ее понимает и вынуждена понимать реставрированная империя?

Написано К. Марксом 24 марта 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 145, 27 марта 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

НАПОЛЕОН И БАРБЕС. — ШТЕМПЕЛЬНЫЙ СБОР С ГАЗЕТ

Лондон, 27 марта. Из достоверных источников нам стало известно, что посещение Бонапартом Сеит-Джемсского дворца[117], намеченное на 16 апреля, послужит поводом для большой *демонстрации протеста.* Чартисты пригласили французского эмигранта *Армана Барбеса* приехать в Лондон также 16 апреля, где по случаю его приезда будут организованы уличное шествие и большой митинг. Однако пока неизвестно, позволит ли Барбесу состояние здоровья предпринять поездку по морю.

Вчера в палате общий во втором чтении прошел билль об .отмене штемпельного сбора с газет. Основные положения этого .билля сводятся к следующему: 1) Принудительный штемпельный сбор с газет отменяется. 2) Периодические издания, печатаемые на бумаге со штемпелем, пользуются, как и прежде, привилегией бесплатной рассылки по почте. Третий пункт касается объема печатных материалов, пересылаемых по почте, и, наконец, еще один пункт гласит, что газеты, печатаемые на бумаге со штемпелем, обязаны вносить залог на случай возможных судебных процессов за клевету. Для характеристики старой системы налогового обложения газет достаточно привести пару примеров. Издание ежедневной газеты в Лондоне требует капитала по меньшей мере в 50000—60000 фунтов стерлингов. Вся английская печать, за редким исключением, подняла против нового билля самую беззастенчивую и непристойную кампанию. Разве нужны другие доказательства того, что старая система является покровительственной системой по отношению к существующей печати и запретительной системой по отношению к продукции свободного духовного творчества? Свобода печати

была до сих пор в Англии исключительной привилегией капитала. Незначительное число еженедельников, представляющих интересы рабочего класса, — об издании ежедневных газет, разумеется, не могло быть и речи, — с трудом поддерживают свое существование благодаря еженедельным пожертвованиям английских рабочих, которые приносят совершенно иные жертвы во имя общих целей, чем рабочие континента. С трагикомическим пафосом левиафан английской печати — «Times» — громогласно взывает к борьбе pro aris et focis*, то есть за газетную монополию, то скромно сравнивая себя при этом с Дельфийским оракулом, то уверяя, что в Англии существует лишь один-единственный, достойный сохранения институт, а именно «Times», то претендуя на господство в области мировой журналистики и — без всякого Кючук-Кайнарджийского договора — на протекторат над всеми журналистами Европы.

Все это «cant»** газеты «Times» получило достойную отповедь на вчерашнем заседании палаты общин в выступлении чудака *Драммонда,* который сказал:

«Печать в настоящее время является коммерческим предприятием и ничем больше... Господа Уолтеры» (главные акционеры «Times») «имеют, разумеется, такое же право учредить фабрику политической болтовни, как г-н Брайт фабрику хлопчатобумажных изделий... Газета «Times» умеет вести дела лучше, чем ее соперники. Уолтеры всегда имели под рукой ловких людей, — адвокатов с долголетней практикой и подобных им лиц,— всегда готовых выступать и за и против по любому вопросу. Таковы, например, гг. Барнс, Олсейджер, Стерлинг, Делейн, Моррис, Лоу и Дейсент. Все эти джентльмены придерживаются различных точек зрения. Глупые же газеты, не умеющие вести дело, например, «Morning Chronicle», примыкают к какой-нибудь определенной партии. Одна газета становится органом пилитов, другая — дербитов и т. д. Пока процветает партия пилитов, процветает и ее газета, но если только дела пилитов идут плохо, приходится плохо и их газете. Сразу видно неделовых людей. Настоящее искусство — и тут «Times» показывает свое мастерство — состоит в том, чтобы нанимать целую ватагу джентльменов, придерживающихся различных мнений, и заставлять их писать. Разумеется, ни одного из этих господ нельзя обвинить в непоследовательности; допустим, что каждый из них всегда придерживается одних и тех же взглядов, и, таким образом, каждый из этих журналистов в отдельности весьма последователен; но если взять их всех вместе, то придется признать, что нет ничего более непоследовательного на свете. Настоящее совершенство журналистики состоит, по-видимому, в соблюдении принципа: индивидуальная порядочность и коллективная бесчестность как в политике, так и в литературе. Такой принцип очень выгоден, и «Times» всегда напоминает ему одного из его арендаторов, которому он предложил осушить заболоченный участок земли. «Ни за что! — сказал арендатор. — Только не осушайте его! В дождливую погоду на нем найдется что-либо для коровы, а если для коровы ничего не будет, то вырастет что-нибудь для свиньи; ну а если и для

* — за алтари и очаги, за свое кровное дело. *Ред.*
** — «бахвальство». *Ред.*

свиньи ничего не окажется, то всегда найдется что-нибудь для гуся». Что касается продажности газет, то тут имеются прямые доказательства в отношении «Times», о которой Наполеон в свое время сказал: «они прислали мне «Times», подлую «Times», газету Бурбонов». В одной из книг О'Мара утверждается, что газета «Times» получала от него ежемесячно 6000 франков. В руках О'Мара имелись официальные расписки в получении денег за подписью издателя газеты. О'Мара также рассказывает, что Наполеон до своего изгнания на Эльбу получал предложения от различных газет, в частности от «Times», писать в его защиту. Наполеон эти предложения отклонил, но позже ему пришлось пожалеть о своем решении».

К вышеизложенному мы только добавим, что газета «Times» в 1815 г. настаивала на том, чтобы Наполеон, которого она изображала главой европейской демагогии, был предан военному суду и приговорен к расстрелу. А в 1816 г. та же газета добивалась, чтобы Соединенные Штаты Северной Америки, «этот гибельный пример победоносного мятежа», были вновь отданы под власть английского деспотизма.

Написано К. Марксом 27 марта 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 151, 30 марта 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

* РАЗОБЛАЧЕНИЯ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ

Лондон, 28 марта. Следственная комиссия палаты общин имела уже больше 12 заседаний, и результаты ее расследования в значительной своей части известны публике. Были допрошены свидетели из самых различных слоев общества, начиная с герцога Кембриджского и кончая г-ном Макдональдом из «Times», и все их показания отличались редким единодушием. Проверке подверглись различные отрасли управления и все они оказались не только в неудовлетворительном, а прямо-таки в позорном, скандальном состоянии. Штаб армии, медицинская служба, управление поставок, интендантство, транспортная служба, управление госпиталями, санитарная полиция, портовая полиция в Балаклаве и Константинополе — все были признаны негодными без единого возражения. Но как ни плохо было каждое ведомство в отдельности, все великолепие этой системы обнаружилось лишь в процессе соприкосновения и взаимодействия их друг с другом. Регламенты были так изумительно составлены, что когда они вступили в силу, никто не знал, где его компетенция начинается, где кончается и к кому следует обращаться. Прочтите описание положения дел в госпиталях, описание тех позорно жестоких условий, в которых — не то из-за нерадивости, не то из-за беспечности — находились больные и раненые как на борту транспортных судов, так и по прибытии на место назначения. При отступлении из Москвы не было подобных ужасов. И все эти факты имели место в Скутари, в двух шагах от Константинополя, — большого города с его богатыми ресурсами, — а не при поспешном отступлении, когда казаки по пятам преследовали отступавших, отрезая им пути

снабжения; все это происходило во время еще успешной кампании, в пункте, защищенном от нападений противника, на большом центральном складе, где Великобритания сосредоточила запасы для своей армии. И виновниками всех этих ужасов были не варвары, а джентльмены, принадлежащие к «высшим 10 тысячам», по-своему мягкосердечные люди. Fiat[*] регламент, pereat[**] армия! «Обратитесь к другому ведомству, это дело не входит в нашу компетенцию!» — «Но куда же обратиться?» — «В нашу компетенцию не входит знать, какое ведомство является компетентным, а если бы даже это и входило в нашу компетенцию, то мы не компетентны вам это сообщать». — «Но больные нуждаются в рубахах, мыле, постельном белье, жилище, медикаментах, питательной муке, портвейне. Они умирают сотнями». — «Нам, право, очень жаль, что цвет Англии так быстро гибнет, но мы не можем ничем помочь. Мы ничего не можем дать, даже если и имеем, без соответствующих официальных распоряжений, подписанных полдюжиной лиц, две трети из которых отсутствуют, находятся в Крыму или в других местах». И солдаты, подобно Танталу, должны были умирать, видя, даже ощущая все те блага, которые могли бы спасти им жизнь. На месте не нашлось ни одного мужчины, обладавшего достаточной энергией, чтобы разорвать эту сеть рутины и действовать на свою ответственность, руководствуясь требованиями момента и вопреки регламенту. Лишь одно лицо осмелилось это сделать, и это была *женщина,* мисс *Найтингейл.* Убедившись, что необходимые вещи находятся на складе, она взяла с собой нескольких смельчаков и совершила самую настоящую кражу со взломом из склада ее величества, заявив при этом остолбеневшим от страха интендантам:

«У меня, наконец, есть все, что мне было нужно. А теперь идите и сообщите в Англию о том, что вы видели. Всю ответственность я беру на себя».

Старые бабы, заправлявшие делами в Константинополе и Скутари, не только не были способны на подобный отважный шаг, но оказались такими трусами, что в это трудно было бы поверить, если бы у нас не было их собственных откровенных признаний. Например, у одного из них, некоего д-ра *Эндрью Смита,* бывшего некоторое время начальником госпиталей, следственная комиссия спросила: разве в Константинополе не было средств на покупку необходимых вещей и не было рынка, где можно было бы их достать?

---

[*] — Да здравствует. *Ред.*
[**] — пусть погибнет. *Ред.*

«О да!» — ответил он, — «ко, поверьте, после сорока лет рутины и волокиты на родине мне трудно было в течение нескольких месяцев освоиться с мыслью, что какие-то средства действительно находятся в моем полном распоряжении».

И подобным старым бабам была вверена британская армия! Самые живые описания, приводившиеся в печати и парламенте, бледнеют перед картиной действительности, раскрывшейся нам в показаниях свидетелей. Что же сказать о гг. Гербертах, Гладстонах, Ньюкаслах и tutti quanti*, о фешенебельных чиновниках Пиля, которые не раз называли в парламенте ложью ныне уже доказанные факты и отвергали их с таким яростным ожесточением, которого трудно было ожидать от этих «высокочтимых» господ! Эти денди из Exeter Hall[118], пьюзиитские щеголи, для которых разница между *«пресуществлением»* и *«истинным присутствием»* является вопросом жизни, взялись с такой характерной для них «скромной» самоуверенностью за руководство войной и настолько преуспели в «пресуществлении» британской армии, что она утратила всякое «истинное присутствие». «Она где-то находится, — отвечает Гладстон, — на 1 января британская армия в Крыму насчитывала 32000 человек». К несчастью для него, мы располагаем свидетельством герцога Кембриджского о том, что после сражения при Инкермане, 6 ноября, британская армия не насчитывала и 13000 штыков, а мы знаем, что с ноября — декабря она потеряла почти 3000 человек.

Между тем известия о возмущении палаты общин против министров, о комиссии Робака и о широком недовольстве в Англии достигли Крыма. С радостью встреченные солдатами, эти известия нагнали страху на генералов и начальников различных ведомств. Неделю спустя пришло сообщение, что в дороге находятся представители комиссии, имеющие полномочия вести переговоры и расследование. Это подействовало как гальванический ток на паралитиков. Одновременно принялись за работу железнодорожные рабочие, не связанные ни традициями, ни правилами, ни бюрократическими привычками. Они обеспечили место высадки, пустили в ход заступы, построили верфи, укрытия, плотины, и не успели забавные старые джентльмены опомниться, как первые рельсы были уже уложены. Для осады эта железная дорога не имеет, вероятно, особого значения — всех преимуществ, которые она дает, можно было добиться проще и дешевле, — но она принесла огромную пользу одним своим примером, воочию противопоставив беспомощной Англии рутины совре-

* — им подобных. *Ред.*

менную промышленную Англию. Энергичное «движение вперед» железнодорожных рабочих вывело британскую армию из состояния колдовского оцепенения, — оцепенения, порожденного иллюзией мнимых невозможностей, которая довела английских офицеров и солдат до тупого фатализма турок и заставила их спокойно смотреть на верную гибель, как на неумолимый рок. Благодаря железнодорожным рабочим в армии снова стали говорить: «Aide-toi et le ciel t'aidera»*. В течение шести недель все приняло другой вид. Раглан и его штаб, дивизионные и бригадные генералы ежедневно показываются в траншеях, все осматривают и отдают приказы. У интендантства нашлись лошади, повозки и погонщики, а войска сумели сделать укрытия для своих больных и отчасти для самих себя. Медицинский персонал устранил в госпитальных палатках и бараках наиболее вопиющие безобразия. Начали появляться боевые припасы, обмундирование, даже свежее мясо и овощи. В известной мере порядок начинает брать верх, и хотя еще остается много старых зол, которые следует устранить, все *же* улучшение в положении дел неоспоримо и разительно.

Написано К. Марксом 28 марта 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 153, 31 марта 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — «Помогай себе сам, и небо тебе поможет». *Ред.*

К. МАРКС

БРИТАНСКАЯ АРМИЯ

Мы имели возможность ознакомиться с отчетами примерно двенадцати заседаний известной комиссии, назначенной палатой общин для расследования положения британской армии в Крыму. Были допрошены свидетели из всех слоев общества, начиная с герцога Кембриджского, и все их показания отличались удивительным единодушием. Проверке подверглись все отрасли управления, и все они оказались не только в неудовлетворительном, а прямо-таки в скандальном состоянии. Штаб армии, медицинская служба, управление поставок, интендантство, транспортная служба, управление госпиталями, санитарная и исправительная полиция, портовая полиция в Балаклаве — все были признаны негодными без единого возражения.

Но как ни плохо было каждое ведомство в отдельности, все великолепие этой системы обнаружилось лишь в процессе соприкосновения и взаимодействия их друг с другом. Регламенты этих учреждений были так изумительно составлены, что когда после высадки войск в Турции они вступили в силу, никто не знал, где его компетенция начинается и где кончается и к кому следует обращаться по тому или иному вопросу. Поэтому из спасительного страха перед ответственностью все стали перекладывать обязанности со своих плеч на чужие. При такой системе больные в госпиталях находились в позорно жестоких условиях. Беспечность и нерадивость тяжело отражались на больных и раненых как на борту транспортных судов, так и по прибытии на место назначения. Вскрытые факты кажутся просто невероятными; при отступлении из Москвы не было

подобных ужасов. А между тем эти факты действительно имели место в Скутари, в двух шагах от Константинополя, большого города, располагающего и рабочей силой и материальными ресурсами. Происходило все это не при поспешном отступлении, когда казаки по пятам преследовали отступавших и отрезали им пути снабжения, а во время относительно успешной кампании, в пункте, защищенном от нападений противника, на большом центральном складе, где Великобритания сосредоточила запасы для своей армии. И виновниками всех этих ужасов и мерзостей были не жестокосердные варвары. Виновниками были воспитанные английские джентльмены знатного происхождения, склонные к мягкосердечию, филантропии и благочестию. Как человек, каждый из них, несомненно, охотно сделал бы все необходимое; как официальные лица они обязаны были сидеть сложа руки и хладнокровно взирать на все эти гнусности, утешая себя мыслью, что данный случай не предусмотрен нн одним из касающихся их параграфов регламента ее величества. Пусть лучше погибнет тысяча солдат, чем будет нарушен регламент ее величества! И солдаты, подобно Танталу, должны были умирать, хотя совсем близко от них — кажется, только протяни руку! — находились все блага, которые могли бы спасти им жизнь.

На месте не нашлось ни одного мужчины, обладавшего достаточной энергией, чтобы разорвать эту сеть рутины и действовать на свою ответственность, руководствуясь требованием момента и вопреки регламенту. Лишь одно лицо осмелилось это сделать, и это была женщина, мисс Найтингейл. Убедившись, что необходимые вещи находятся на складе, она, как сообщают, взяла с собой нескольких смельчаков и совершила самую настоящую кражу со взломом из склада ее величества! Старые бабы, заправлявшие делами в Константинополе и Скутари, не только не были способны на подобный отважный шаг, но оказались такими трусами, что этому трудно было бы поверить, если бы не их собственные признания. У одного из них, д-ра Эндрью Смита, бывшего некоторое время начальником госпиталей, спросили: разве в Константинополе не было средств на покупку многих из необходимых вещей и не было рынка, где можно было бы их достать?

«О да!» — ответил он, — «но, поверьте, после сорока лет рутины и волокиты на родине мне трудно было в течение нескольких месяцев освоиться с мыслью, что какие-то средства действительно находятся в моем полном распоряжении!»

Самые мрачные описания положения дел, приводившиеся в газетах и парламентских речах, бледнеют перед раскрывшейся

нам картиной действительности. Некоторые самые вопиющие факты уже раньше получили огласку, но теперь они выступают в еще более мрачном свете. Хотя картина далеко еще не полная, все же мы знаем достаточно, чтобы судить о положении дел в целом. За исключением сопровождающих войска сестер милосердия, нет в этой картине ни одной светлой личности. Все группы работников одинаково плохи и глупы, и если члены комиссии осмелятся говорить в своем докладе в духе свидетельских показаний, то им трудно будет найти в английском языке достаточно сильные слова, чтобы выразить свое осуждение.

После всех этих разоблачений невозможно подавить в себе чувство сильнейшего негодования и презрения не только к непосредственным виновникам, но прежде всего к правительству, организовавшему эту экспедицию и бесстыдно объявившему вымыслом совершенно очевидные факты. Где теперь эта великая коалиция «всех талантов», эта плеяда государственных мужей, приход которых к власти должен был означать наступление золотого века в Англии? Виги и пилиты, приверженцы Рассела и сторонники Пальмерстона, ирландцы и англичане, либеральные консерваторы и консервативные либералы — все они только и делали, что торговались и заключали между собой сделки, и все, кого они назначали на государственные посты, оказывались либо старыми бабами, либо просто глупцами. Эти государственные мужи были настолько уверены в том, что машина, которой они управляли в течение тридцати лет, будет работать превосходно, что не удосужились даже, на случай непредвиденных обстоятельств, послать в Крым человека, наделенного чрезвычайными полномочиями; какие еще могут быть непредвиденные обстоятельства при таком хорошо налаженном управлении! Эти английские министры, по своей натуре и в силу привычки умеющие лишь повиноваться, оказавшись внезапно на командных постах, довели Англию до величайшего позора. Взять хотя бы старика Раглана; это человек, всю жизнь просидевший в штабе Веллингтона; человек, которому никогда не разрешали действовать на свою ответственность и которого до 65-летнего возраста приучали лишь слепо повиноваться приказам. И этому человеку поручают вдруг вести против врага целую армию, быстро и самостоятельно решать все вопросы! Он и показал себя во всем своем блеске. Колебания, нерешительность, полнейшее отсутствие веры в себя, твердости и инициативы характеризуют каждый его шаг. Теперь нам известно, как малодушно он вел себя на военном совете, когда принимались решение о крымской экспедиции. Оказаться на поводу

у такого хвастуна и прохвоста, как Сент-Арно, которого старик Веллингтон заставил бы замолчать одним лишь сухим, ироническим замечанием! А его нерешительный марш на Балаклаву, его беспомощность во время осады и в период зимних бедствия, когда он не нашел ничего лучшего, как прятаться от людей! Затем идет лорд Хардинг, по своему характеру тоже годный только для подчиненных ролей, — командующий армией здесь, в Англии. Хотя он и старый участник военных кампаний, но, судя по его системе управления и по тому, как он отстаивает ее в палате лордов, можно подумать, что он никогда не выходил за пределы своих казарм и канцелярии. Сказать, что он не имеет никакого понятия о самых элементарных нуждах действующей армии или что ему лень вспомнить о них, будет самой мягкой характеристикой, какую можно дать его деятельности. Далее следуют чиновники Пиля — Кардуэлл, Гладстон, Ньюкасл, Герберт и tutti quanti*. Все это благовоспитанные, приятные на вид молодые джентльмены, элегантные манеры и возвышенные чувства которых не позволяют им действовать грубо или выказывать хотя бы видимость решительности в делах мира сего. Их девиз — «внимательное рассмотрение». Они все принимают во внимание; они всему уделяют должное внимание; они ко всем относятся внимательно и рассчитывают на то, что все, приняв это во внимание, будут относиться с должным вниманием и к ним самим. Они любят, чтобы все было кругло и гладко. Ничто так не претит им, как угловатость, являющаяся признаком энергии и силы.

Эти мягкосердечные, правдивые и набожные джентльмены бесстыдно опровергали все поступающие из армии сообщения о том, что ее губит бездарное руководство; кому же как не им было выступать с подобными опровержениями, раз они a priori** были убеждены в безукоризненности своего управления. И когда обвинения стали выдвигаться все настойчивее, а официальные сообщения с театра военных действий даже вынудили их частично признать справедливость предъявленных им обвинений, в их опровержениях все еще продолжали звучать раздражение и едкость. Противодействие, которое они оказали предложению Робака о проведении расследования, является невиданно скандальным примером упорного публичного отрицания истины. Лондонская газета «Times», Лейард, Стаффорд и даже их собственный коллега Рассел обвиняли этих джентльменов во лжи, однако они упорствовали. Вся палата общин большинством в две

* — им подобные. *Ред.*

** — заранее. *Ред.*

трети голосов обвиняла их во лжи, а они все упорствовали. В настоящее время они предстали перед комиссией Робака и изобличены, но, насколько нам известно, все же продолжают упорствовать. Однако теперь их упорство почти не имеет значения. Истина открылась миру во всей своей ужасной наготе, и это неизбежно приведет к изменениям в организации и в управлении британской армией.

Написано К. Марксом 28 марта 1855 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4364, 14 апреля 1855 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ХОД ВОЙНЫ

В то время как дипломаты, собравшиеся в Вене, обсуждают судьбу Севастополя, а союзники пытаются заключить мир на наиболее выгодных для себя условиях, русские в Крыму, используя серьезные ошибки своих противников, а также свое центральное положение на полуострове, снова повсеместно переходят в наступление. Положение курьезно и выглядит как едкая сатира на человеческую самонадеянность и глупость, если вспомнить хвастливые заверения союзников в начало их вторжения. Но несмотря на комическую сторону дела, драма в целом глубоко трагична, и мы еще раз предлагаем читателю вдумчиво изучить факты, как они описываются в наших последних сообщениях, полученных здесь в воскресенье утром с пароходом «Америка»[119].

В Евпатории Омер-паша фактически блокирован со стороны суши. Численное превосходство в кавалерии позволяет русским расставлять свои пикеты и кавалерийские посты почти у самого города, патрулировать окрестности, отрезая тем самым пути снабжения, а в случае серьезной вылазки — отступать к своей пехоте. Таким образом, они делают то, что мы предвидели раньше — сковывают превосходящие по численности турецкие силы при помощи вчетверо или втрое меньшего, чем у турок, количества войск[120]. Поэтому Омер-паша ждет прибытия кавалерийских подкреплений, а тем временем он побывал в англофранцузском лагере и сообщил союзникам, что в данный момент ничего предпринять не может и считает крайне желательным присылку подкреплений в количестве примерно 10000 французских войск. Подкрепления, несомненно, желательны, но

не менее нужны они и самому Канроберу, который уже успел обнаружить, что в его распоряжении слишком много и в то же время слишком мало войск — слишком много для продолжения осады по старому методу и для обороны реки Черной, но недостаточно для того, чтобы форсировать Черную, отбросить русских в глубь полуострова и осадить Северное укрепление. Отправка 10000 человек в Евпаторию не дала бы туркам возможности начать успешные военные действия, вместе с тем их отсутствие поставило бы французскую армию в тяжелое положение как раз в такое время, когда весной с прибытием подкреплений предполагается начать кампанию.

В настоящее время с осадой дело обстоит и в самом деле очень плохо. Результаты ночной атаки зуавов 24 февраля оказались еще более плачевными, чем мы сообщали неделю тому назад*. Из донесения Канробера видно, что он сам не понимал, что делает, когда отдавал приказ об этой атаке. Он говорит:

«Поскольку цель атаки была достигнута, наши войска отступили, ибо никто и не помышлял о том, чтобы закрепиться в пункте, который полностью простреливается противником».

Но какая же цель была достигнута? Зачем было предпринимать атаку, если пункт нельзя удержать? Совершенно незачем. Редут не был разрушен, да и не мог быть разрушен под огнем противника, даже если бы зуавы, как утверждалось в первом донесении, на какое-то время полностью им овладели, но зуавы этого не сделали. Русские решительно опровергают этот факт в своих донесениях, а Канробер даже не претендует на что-либо подобное. Для чего же в таком случае была предпринята эта атака? Дело вот в чем: Канробер, видя, что русские укрепляются на позиции, ставящей осаждающих в весьма затруднительное и в равной степени унизительное положение, не дал себе труда подумать и взвесить возможный исход операции и бросил войска в атаку. Это была настоящая бессмысленная бойня, которая останется позорным пятном на военной репутации Канробера. Единственным оправданием могло бы служить предположение, что французские войска жаждали начать штурм, и генерал решил дать им возможность получить некоторое представление о том, каким будет этот штурм. Но подобное оправдание дискредитирует Канробера не меньше, чем сама атака.

В результате .боя у Малахова кургана русские установили свое превосходство на участке непосредственно перед своими

* См. настоящий том, стр. 159—160. *Ред.*

оборонительными сооружениями. Укрепление, расположенное на гребне высоты и подвергшееся безрезультатной атаке зуавов, русские назвали Селенгинским редутом в честь оборонявшего его полка. Воодушевленные результатом боя, они сразу же приняли меры к закреплению своего успеха. Селенгинский редут сейчас расширен и укреплен, на нем установлены орудия, несмотря на то, что их пришлось подтягивать под сильнейшим огнем осаждающих, и от него проведены контрапроши, вероятно, с целью построить перед редутом еще одно или два небольших укрепления. В другом месте, перед бастионом Корнилова, также построен ряд новых редутов в 300 ярдах впереди старых русских укреплений. Если верить прежним английским донесениям, то подобные действия покажутся невероятными: ведь нам все время говорили, что союзники уже давно выдвинули свои траншеи на более близкую от русских линий дистанцию. Но как нам удалось установить на основании авторитетного военного источника, примерно месяц тому назад французские линии находились все еще на расстоянии 400 ярдов от русских внешних укреплений, а английские — даже вдвое дальше. Теперь, наконец, корреспондент «Times» в сообщении от 16 марта признает, что до самого последнего времени английские траншеи находились еще на расстоянии 600—800 ярдов от русских и что *батареи, готовые открыть огонь по неприятелю, были в действительности теми же батареями, которые открыли огонь 17 октября прошлого года!* Вот как велики, оказывается, успехи в осаде, вот как далеко вперед выдвинуты траншеи, что стоило жизни двум третям английской армии!

При таких обстоятельствах оказалось вполне достаточно места для сооружения русскими новых укреплений в промежутке между двумя линиями батарей, и тем не менее сооружение их является беспримерным по смелости и искусству шагом, который когда-либо был предпринят осажденным гарнизоном. Это означает по существу закладку новой параллели против союзников на расстоянии в 300—400 ярдов от их укреплений, огромнейшего контрапроша против осаждающих, которые вследствие этого сразу же были вынуждены перейти к обороне, тогда как первое и основное условие всякой осады заключается в том, чтобы осаждающие держали в положении обороны осажденных. Таким образом, роли совершенно переменились, и русские добились серьезных преимуществ.

Какие бы грубые ошибки ни допустили русские инженеры и какие бы фантастические эксперименты ни проводили они под командованием Шильдера в Силистрии, здесь, в Севастополе,

союзникам, видимо, приходится иметь дело с людьми другого сорта. Уменье быстро и правильно ориентироваться, оперативность, смелость и четкость в реализации замыслов, проявленные русскими инженерами при строительстве оборонительных линий вокруг Севастополя, постоянное внимание, направленное на защиту слабых мест обороны, как только их обнаруживал противник, великолепная организация системы огня, дающая возможность сосредоточить на любом участке фронта более сильный огонь, чем огонь противника, работы по сооружению второй, третьей и четвертой линий укреплений в тылу первой линии, — короче говоря, вся организация этой обороны была поставлена образцово. Сооружение за последнее время на Малаховом кургане и перед бастионом Корнилова выдвинутых вперед укреплений не имеет себе равных в истории осад и характеризует их организаторов как первоклассных специалистов в своей области. Справедливость требует добавить, что начальником инженерной службы в Севастополе является полковник Тотлебен, сравнительно мало известная фигура в русской армии. Однако не следует рассматривать оборону Севастополя как типичный образец русского инженерного искусства. Ближе к действительности — нечто среднее между Силистрией и Севастополем.

Как в Крыму, так и в Англии и Франции начинают теперь понимать, хотя и очень медленно, что нет никаких шансов взять Севастополь штурмом. Поставленная в затруднительное положение газета «Times» обратилась к «крупному военному авторитету» и узнала, что необходимо перейти в наступление, для чего следует либо форсировать Черную и соединиться с турецкой армией Омер-паши — будь то до или после сражения с русской обсервационной армией, — либо предпринять диверсию против Кафы, что-вынудило бы русских разделить свои силы. Поскольку, как предполагают, армия союзников насчитывает теперь 110000—120000 человек, такие операции должны быть ей под силу. Но ведь Канробер и Раглан лучше, чем кто-либо, знают, насколько желательно было бы форсировать Черную и соединиться с армией Омер-паши; к сожалению, однако, как мы неоднократно доказывали*, у союзников на высотах под Севастополем нет и никогда не было 110000—120000 человек. На первое марта они насчитывали там не более 90000 годных к службе солдат. Что же касается экспедиции в Кафу, то русские ничего бы так не хотели, как увидеть войска союзников рассредоточенными в трех различных пунктах на расстоянии 60—150 миль

* См. настоящий том, стр. 79—80. *Ред.*

от центрального пункта, и в такое время, когда ни в одном из двух удерживаемых союзниками сейчас пунктов они не располагают достаточными силами для выполнения поставленной перед ними задачи! «Крупный военный авторитет» явно издевался над «Times», всерьез советуя газете выступить за повторение экспедиции в Евпаторию!

Написано Ф. Энгельсом около 30 марта 1855 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4366, 17 апреля 1855 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

О ПОЛОЖЕНИИ В КРЫМУ

Лондон, 30 марта. Характер сообщений о ходе мирных переговоров каждый день меняется. Сегодня несомненен мир, завтра — война. Пальмерстон в газете «Post»[*] грозит пушками и мечом — доказательство, что он в любой момент готов заключить мир. Наполеон приказывает своей прессе воспевать пальму мира — вернейшее доказательство, что он намерен продолжать войну. Ход событий в Крыму меньше всего позволяет говорить о близком падении Севастополя. В Евпатории Омер-паша фактически блокирован со стороны суши. Численное превосходство в кавалерии позволяет русским расставлять свои пикеты и кавалерийские посты почти у самого города, патрулировать окрестности, отрезая тем самым пути снабжения, а в случае серьезной вылазки отступать к расположенной за ними пехоте. Таким образом, как мы и предвидели[**], русским удается сковывать превосходящие турецкие силы при помощи вчетверо или втрое меньшего, чем у них, количества войск. Вылазка, предпринятая турецкой кавалерией под командованием Искандер-бека (поляк Ильинский, прославившийся под Калафатом), была отбита тремя отрядами русских, атаковавших турок из трех различных пунктов одновременно. Как и всякая плохо обученная и нерешительная кавалерия, турки, вместо того чтобы с саблей наголо броситься на русских, остановились на почтительном расстоянии и открыли огонь из карабинов. Это очевидное свидетельство нерешительности турок побудило русских перейти в наступление. Искандер-бек с одним эскадроном попытался атаковать

[*] — «Morning Post». *Ред.*

[**] См. настоящий том, стр. 127—129. *Ред.*

противника, но покинутый всеми, кроме башибузуков, был вынужден отступать, пробиваясь сквозь ряды русских. Омер-паша ждет прибытия кавалерийских подкреплений, а тем временем он побывал в англо-французском лагере и сообщил союзникам, что в данный момент ничего предпринять не может и считает крайне желательной присылку подкреплений в количестве примерно 10000 французских войск. Подкрепления, несомненно, желательны, но не менее нужны они и самому Канроберу, который уже обнаружил, что в его распоряжении слишком много и в то же время слишком мало войск. Слишком много для осады Севастополя по старому методу и для обороны реки Черной; слишком мало для того, чтобы форсировать Черную, отбросить русских в глубь полуострова и блокировать Северную сторону. Отправка 10000 человек в Евпаторию не дала бы туркам возможности начать успешные военные действия, вместе с тем французская армия была бы ослаблена для операций в открытом поле. *Осада* Севастополя с каждым днем ставит осаждающих во все более критическое положение.

Мы видели, что русские 24 февраля удержали редут на Сапун-горе (у Малахова кургана)[121]. Этот редут сейчас расширен и укреплен, на нем установлены орудия и от него проведены контрапроши. В другом месте, перед бастионом Корнилова, также построен ряд новых редутов в 300 ярдах впереди старых русских укреплений. Читателю «Times» это покажется невероятным, так как, согласно сообщениям этой газеты, союзники уже давно выдвинули свои траншеи на более близкую от русских линий дистанцию. Теперь, наконец, корреспондент «Times» признает, например в своем сообщении от 16 марта, что до самого последнего времени английские траншеи находились еще на расстоянии 600—800 ярдов и что *батареи, готовые открыть огонь по неприятелю, были в действительности теми же батареями, которые открыли огонь 17 октября прошлого года.* Вот как велики, оказывается, успехи в осаде, вот как далеко вперед выдвинуты траншеи, что стоило жизни и здоровья двум третям английской армии! При таких обстоятельствах оказалось вполне достаточно места для сооружения русскими новых укреплений в промежутке между двумя линиями батарей. Эти сооружения можно рассматривать как закладку новой параллели против осаждающих на расстоянии 300—400 ярдов от их укреплений, как огромнейший контрапрош против осаждающей армии. Последняя, таким образом, была вынуждена перейти к обороне, тогда как первое и основное условие всякой осады заключается в том, чтобы осаждающие поставили в положение обороны осажденных.

Как в лагере под Севастополем, так и в самой Англии начинают теперь понимать, что нет никаких шансов взять Севастополь штурмом. Поставленная в затруднительное положение газета «Times» обратилась к «крупному военному авторитету» и узнала, что необходимо перейти в наступление, для чего следует либо форсировать Черную и соединиться с турецкой армией Омер-паши — будь то до или после сражения с русской обсервационной армией, — либо предпринять диверсию против Кафы, что вынудило бы русских разделить свои силы. Поскольку армия союзников насчитывает теперь 110000—120000 человек, такие операции должны быть ей под силу. Так полагает «Times».

Раглан и Канробер лучше, чем кто-либо, знают, насколько желательно было бы теперь соединиться с армией Омер-паши, но, к сожалению, в распоряжении союзников на высотах под Севастополем до сих пор не было 110000—120000 человек; они имели там самое большее 80000—90000 годных к службе солдат. Что же касается экспедиции в Кафу, то ничего лучшего русские не могли бы и пожелать. Рассредоточить войска союзников в трех различных пунктах на расстоянии 60—150 миль от центрального пункта, и в такое время, когда ни в одном из двух удерживаемых ими пунктов они не располагают достаточными силами для выполнения поставленной перед ними задачи! Уж не заимствовала ли газета «Times» свой совет у «русских» военных специалистов?

Так как 11-я и 12-я французские дивизии, по крайней мере часть их, находятся теперь в дороге, а оставшаяся часть вместе с 13-й, 14-й и двумя пьемонтскими дивизиями готовы за ними последовать, то к концу мая армия союзников достигнет такой численности, которая даст ей возможность и заставит ее двинуться вперед от своих оборонительных позиций на реке Черной. Войска сосредоточатся в Константинополе и, скорее всего, будут посажены на корабли одновременно, чтобы на злополучном Херсонесе им пришлось находиться возможно более короткое время. Эта мера несколько замедлит дело, но принесет большую пользу. Подкрепления, посылавшиеся до сих пор в Крым постепенно, небольшими отрядами, хотя и образуют в совокупности целую армию, никогда не усиливали экспедиционную армию в такой степени, чтобы дать ей возможность перейти в наступление.

Написано Ф. Энгельсом около 30 марта 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitungv № 155, 2 апреля 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

СКАНДАЛ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ КОРПУСЕ. — ВЛИЯНИЕ ДРУЭН ДЕ ЛЮИСА. — СОСТОЯНИЕ МИЛИЦИИ

Лондон, 3 апреля. Из Парижа нам пишут:

«В бонапартистском Законодательном корпусе произошла *сцена,* сведения о которой не проникли в английскую прессу. Во время прений по поводу закона о заместительстве[122] вскочил с места *Гранье де Кассаньяк* — после речи *Монталамбера* — и в пылу возмущения проболтался. Только когда этот закон вступит в силу, — сказал он, — армия станет тем, чем она должна быть, преданной порядку и императору, и нам не придется больше видеть позорное зрелище — солдат, поворачивающих штыки в обратную сторону (soldats a baionnettes renversees). Конец этой речи, в которой открыто восхвалялась система янычар как идеал для французской армии, вызвал даже в *этом* собрании громкий ропот, и Гранье пришлось сесть. Тогда взял слово другой депутат Законодательного корпуса и отхлестал Гранье. Разыгрался такой скандал, что даже Морни вынужден был потребовать объяснений от Кассаньяка». (Гизо, как известно, называл последнего le roi des droles* еще тогда, когда он редактировал свою захудалую газетку «Globe».) «Гранье с исключительным малодушием принес *формальные извинения* и сам предложил, чтобы весь этот инцидент был обойден молчанием в «Moniteur». Заседание было таким же бурным, как в лучшие дни палаты депутатов времен Луи-Филиппа».

Газета «Morning Chronicle» в своем сегодняшнем номере пишет:

«Английская публика пришла к заключению, что г-н Друэн де Люис отправился в Вену, чтобы путем нашептывания и науськивания воздействовать на лорда Джона Рассела, поведение которого не удовлетворяло до сих пор ни его собственных соотечественников, ни наших союзников. Благородный лорд славится своими приливами и отливами патриотизма и либерализма, своей исключительной активностью в общественных делах, пока он находится в оппозиции или поскольку ему нужно нажить себе политический капитал, и своим полным бездействием, как только исчезает

* — королем шутов. *Ред.*

прямая заинтересованность. Нечто подобное происходит с ним, по-видимому, и на этот раз, и народ уже начинает роптать... После пребывания г-на Друэн де Люиса в Лондоне в высших кругах стал заметен более решительный тон. Говорили даже, что его миссия была настолько успешной, что мирные устремления лорда Джона Рассела встретили противодействие правительства и что *наш человек действия»* (Пальмерстон) «волей-неволей должен был дать согласие на предъявление ультиматума, который Россия, видимо, с презрением отвергнет».

Английская армия уже исчезла, английская милиция тоже мало-помалу исчезает. Милиция, созданная парламентским актом 1852 г. — в период правления лорда Дерби, —по закону должна была призываться в обычное время не больше чем на 28 дней в году. Однако, в случае вторжения неприятеля или в связи с какими-либо другими чрезвычайными обстоятельствами, милиция могла быть призвана и на постоянную службу. Напротив, в силу парламентского акта 1854 г. все завербованные после 12 мая 1854 г. обязаны были служить до конца войны. Возник вопрос, как быть с обязательствами тех, кто был завербован на основании акта 1852 года. Юридические советники короны заявили, что они считают и эту категорию обязанной нести постоянную военную службу в течение всей войны. Лорд Панмюр, вопреки этому заключению юристов, издал несколько недель тому назад приказ, согласно которому все завербованные до акта 1854 г. могут уволиться, но получат вознаграждение в размере 1 ф. ст., если пожелают вновь завербоваться на пять лет. Так как вознаграждение для рекрутов, поступающих на службу в регулярную армию на 2 года, составляет в настоящее время в пехоте 7, а в кавалерии 10 ф. ст., то вознаграждение всего в 1 ф. ст. за пятилетнюю службу в милиции было самым верным средством распустить ее. Лорд Пальмерстон, который почти год медлил с призывом милиции, хочет, по-видимому, при первой возможности снова от нее избавиться. В соответствии с этим мы узнаем, что за последние две недели один полк милиции за другим потеряли от $^2/_3$ до $^5/_8$ своего личного состава. Так, в графстве Сомерсет в первом полку милиции уволилось 414 человек из 500, в милиции Северного Дургама — 770 из 800, в милиции Лестера — 340 человек из 460, в артиллерийском полку графства Суффолк уволилось 90 человек из 130 и т. д.

Написачю К. Марксом 3 апреля 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 163, 7 апреля 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

БЛИЖАЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ВО ФРАНЦИИ И АНГЛИИ

Лондон, вторник, 10 апреля 1855 г.

Разрешите мне после продолжительного перерыва возобновить свои корреспонденции в «Tribune».

Вчерашний и сегодняшний дни будут, вероятно, первыми двумя решающими днями Венской конференции, так как заседание 9 апреля должно было открыться в присутствии г-на Друэн де Люиса, и, кроме того, ожидалось, что русский посол получит к этому времени инструкции относительно третьего и четвертого пунктов. Поездку г-на Друэн де Люиса с самого начала рекламировали на всех биржах как верный симптом мира. Утверждали, что столь выдающийся дипломат, конечно, не принял бы личного участия в этих переговорах, если бы не был уверен в их успехе. Что касается «выдающихся качеств» этого дипломата, то они весьма мифического свойства и существуют главным образом в оплаченных им газетных статьях, в которых он превозносится как второй Талейран, как будто в течение его долголетней карьеры при Луи-Филиппе за ним не утвердилась уже слава «выдающейся» посредственности. Действительной причиной его поездки является следующее: лорд Джон Рассел, благодаря своему всем известному незнанию французского языка, умудрился в течение нескольких недель связать союзников такими уступками, которые он никогда не намеревался делать, и теперь потребуется немало усилий, чтобы взять эти уступки обратно. Французский язык лорда Джона — это язык типичного Джона Буля, на котором говорит «милорд» во «Фра Дьяволо»[123] и в других в прошлом популярных во Франции пьесах; он начинает словами «monsieur l'aubergiste»[*] и кончает

[*] — «г-н хозяин гостиницы». *Ред.*

словами «tres bien»[*]. Если он понимает лишь половину того, что ему говорят, то утешением ему служит сознание, что другие понимают еще меньше из того, что он произносит. Именно из этих соображений лорд Пальмерстон, его друг и соперник, отправил его в Вену, полагая, что пары серьезных промахов на этом поприще будет достаточно, чтобы окончательно погубить бедного маленького Джона. Так оно и случилось. Рассел в большинстве случаев не мог понять, о чем шла речь, и на каждую острую и неожиданную интерполяцию со стороны Горчакова или Буоля сей незадачливый дипломат-дебютант неизменно отвечал смущенным «tres bien». Это дало возможность России, а в известной степени и Австрии, утверждать, что некоторые пункты, поскольку они касаются Англии, уже согласованы, хотя бедный лорд Джон никогда и не думал идти на такие уступки. Пальмерстон, разумеется, не стал бы возражать против этого, раз вся вина ложилась на голову его несчастного коллеги. Но Луи Бонапарт не мог допустить, чтобы его таким обманным путем заставили пойти на мир. Желая положить конец подобного рода дипломатии, французское правительство решило сразу повести дело к развязке. Оно составило ультиматум, с которым Друэн де Люис поехал в Лондон, где заручился согласием английского правительства, а затем направился с этим документом в Вену. Таким образом, Друэн де Люиса можно рассматривать в настоящее время как общего представителя Англии и Франции, и он, несомненно, сумеет наилучшим образом использовать это положение в интересах своего господина. А так как единственный и исключительный интерес Луи Бонапарта состоит в том, чтобы *не* заключать мира до тех пор, пока он не добьется новой славы и новых преимуществ для Франции и пока война не оправдает в полной мере своего назначения как «moyen de gouvernement»[**], то становится ясным, что миссия Друэн де Люиса отнюдь не является мирной; напротив, цель ее, несомненно, заключается в том, чтобы под возможно более приличным предлогом обеспечить продолжение войны.

В кругах французской и английской буржуазии эта война решительно не пользуется популярностью. У французской буржуазии война была непопулярной с самого начала, так как, начиная со 2 декабря, этот класс находится полностью в оппозиции к правительству «спасителя общества». В Англии буржуазия разделилась. Большая часть ее свою национальную вражду к французам перенесла на русских. Хотя сам Джон Буль

[*] — «очень хорошо». *Ред.*
[**] — «средства управления». *Ред.*

позволяет себе совершать время от времени кое-какие аннексии в Индии, однако он и не думает разрешать другим странам делать то же самое в иных местах, в неприятной близости от самой Англии или ее владений. Россия является страной, которая в этом отношении уже давно вызывает у него тревогу. В связи с расширяющейся в огромных размерах британской торговлей с Левантом и через Трапезунд с внутренними районами Азии вопрос о свободном проходе судов через Дарданеллы приобретает для Англии исключительно важное значение. Англия не может допустить, чтобы Россия постепенно поглотила придунайские страны, значение которых как хлебной житницы все возрастает; она не может позволить, чтобы Россия закрыла судоходство по Дунаю. Русский хлеб и теперь составляет слишком важную статью в потреблении Англии, присоединение же к России этих производящих зерно пограничных с нею стран поставило бы Великобританию в полную зависимость от России и Соединенных Штатов и превратило бы эти две страны в регуляторов мирового хлебного рынка. Кроме того, в Англии постоянно циркулируют какие-то неопределенные и тревожные слухи относительно продвижения русских в Средней Азии; этим слухам, усиленно распространяемым заинтересованными в индийских делах политиками и перепуганными фантастами, легко верит плохо разбирающаяся в географии английская публика. Поэтому, когда Россия начала свою агрессию против Турции, национальная вражда сразу же прорвалась наружу; пожалуй, ни одна война не была так популярна, как эта. Партии мира пришлось на время замолчать; даже значительная часть ее членов была увлечена общим потоком. Но кто знает характер англичан, тот не сомневался, что этот воинственный энтузиазм не мог долго продолжаться, по крайней мере поскольку речь шла о буржуазии. Как только война ударяет по карману буржуазии, ее торгашеская природа берет верх над ее национальной гордостью, и страх перед немедленной потерей личных выгод оказывается сильнее страха перед неизбежной постепенной потерей огромных преимуществ для всей нации. Пилиты — противники войны не столько из-за действительной любви к миру, сколько благодаря своей ограниченности и робости, что всегда держало их в страхе перед любым большим кризисом и решительными действиями — приняли все меры к тому, чтобы приблизить тот великий момент, когда каждый английский купец и фабрикант сможет подсчитать с точностью до одного фартинга, во что ему лично обойдется война per annum*.

* — в год, ежегодно. *Ред.*

Г-н Гладстон, пренебрегая обычной идеей о выпуске займа, сразу удвоил подоходный налог и приостановил финансовую реформу. Результат не замедлил сказаться. Партия мира снова подняла голову. Джон Брайт со свойственными ему энергией и упорством осмелился выступить против господствующих в стране настроений, и ему удалось, в конце концов, склонить на свою сторону промышленные округа. В Лондоне настроение все еще в пользу войны, но усиление влияния партии мира становится заметным даже и здесь. Между прочим, следует напомнить, что Общество мира никогда прежде не пользовалось сколько-нибудь серьезным влиянием в столице. Тем не менее его агитация усиливается по всей стране, и достаточно пройти еще году с удвоенным подоходным налогом и к тому же с займом, — а выпуск займа считают теперь неизбежным, — чтобы исчезли последние следы воинственного духа среди торгово-промышленного класса.

Совсем иначе обстоит дело с народными массами в обеих странах. Крестьянство во Франции, начиная с 1789 г., было самым горячим приверженцем войны и военной славы. На этот раз крестьяне убеждены, что им не придется сильно почувствовать тяготы войны, ибо в стране, где земля до бесконечности раздроблена между мелкими собственниками, набор не только освобождает сельскохозяйственные округа от избыточной рабочей силы, но и предоставляет ежегодно примерно 20000 молодых людей удобный случай заработать порядочную сумму денег, давая им возможность поступить на военную службу в качестве заместителей. Только затяжная война могла бы тяжело сказаться на крестьянах. Что касается военных налогов, то император не посмеет наложить их на крестьянство, не рискуя своей короной и жизнью. Единственное средство поддержать среди крестьян бонапартизм — это освободить их от военных налогов и тем купить их расположение; следовательно, в течение ближайших лет, они, вероятно, будут свободны от этого вида гнета.

В Англии дела обстоят примерно так же. В сельскохозяйственных округах имеется обычно избыток рабочей силы, они поставляют основную массу солдат, в которую лишь в более поздний период войны вливаются значительные пополнения из среды беспокойных элементов городов. Так как в начале войны торговля находилась в более или менее удовлетворительном состоянии и недавно был проведен ряд улучшений в земледелии, число деревенских рекрутов было на этот раз меньше, чем раньше, и городской элемент явно преобладает в нынешней милиции. Но и незначительного числа завербованных в армию

было достаточно для того, чтобы благоприятно повлиять на заработную плату, а симпатии деревенских жителей всегда были на стороне солдат, которые выходили из их среды и становились затем в их глазах героями. Прямые налоги не затрагивают мелких арендаторов и сельскохозяйственных рабочих, и нужно несколько лет войны, чтобы они почувствовали на себе увеличение косвенных налогов. Среди этих людей воинственный энтузиазм сильней, чем когда-либо; нет ни одной деревни, где бы не открылась новая пивная под вывеской «Герои Альмы» или что-то в этом роде, где почти в каждом доме стены не украшались бы удивительными олеографиями с изображениями Альмы, Инкермана, атаки под Балаклавой, портретами лорда Раглана и других. Но если во Франции громадное преобладание мелких крестьян (четыре пятых населения) и их своеобразное отношение к Луи-Наполеону придают большой вес их мнению, то в Англии сельское население, составляющее лишь одну треть населения страны, не имеет почти никакого влияния, выступая лишь в роли придатка и подголоска земельной аристократии.

Промышленный пролетариат занимает по отношению к войне особую позицию, почти одинаковую в обеих странах. Как английские, так и французские пролетарии преисполнены благородным национальным чувством, хотя они более или менее свободны от устарелых национальных предрассудков, свойственных крестьянству обеих стран. Непосредственно они мало заинтересованы в войне, если не считать того, что победы соотечественников льстят их национальной гордости, а руководство войной, безрассудное и самонадеянное со стороны французов, робкое и бестолковое со стороны англичан, предоставляет им удобный случай для агитации против существующих правительств и правящих классов. Но самое главное для них заключается в следующем: эта война, в сочетании с торговым кризисом, — налицо пока еще лишь первые проявления его, — руководимая людьми, не способными справиться со стоящей перед ними задачей, и принимающая вместе с тем европейские масштабы, неизбежно вызовет события, которые дадут пролетариату возможность вновь занять положение, утраченное им в результате июньской битвы 1848 г. во Франции[124]. И это касается не только Франции, но и всей Центральной Европы, включая Англию.

Во Франции, и в этом не может быть никакого сомнения, всякая новая революционная буря рано или поздно приведет рабочий класс к власти. В Англии дела скоро примут такой же оборот. Аристократия желает продолжать войну, но не способна

на это, а плохое ведение войны в прошлую зиму совершенно скомпрометировало ее. Буржуазия не желает продолжать войну, но войне сейчас не может быть положен конец; идя на все ради мира, буржуазия доказывает тем самым свою неспособность управлять Англией. Если события отстранят от власти первую с ее различными фракциями и не допустят к власти вторую, то останутся лишь два класса, к которым может перейти власть: мелкая буржуазия, класс мелких хозяев, у которого каждый раз, когда его призывали перейти от слов к делу, обнаруживался недостаток энергии и решимости, и рабочий класс, которого постоянно упрекали в том, что он проявлял слишком много энергии и решимости, когда начинал действовать как класс.

Какой же из этих классов выведет Англию из нынешней схватки и тех затруднений, которые вот-вот возникнут в связи с ней?

Написано К. Марксом 10 апреля 1855 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4375, 27 апреля 1855 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

КРИТИКА НАПОЛЕОНОВСКОЙ СТАТЬИ В «MONITEUR» [125]

Лондон, 14 апреля. Публика, даже во Франции, проникла, по-видимому, в тайны осады Севастополя. Поэтому Луи Бонапарт в качестве редактора en chef* газеты «Moniteur» снова разразился пространной передовой статьей по данному вопросу. Этой статьей он надеялся достичь нескольких целей: в общем — утешить публику по поводу неудачи затеянного предприятия; в особенности — снять ответственность за неудачу с плеч преемника Наполеона I и, в частности, ответить на Брюссельский мемуар. В статье, написанной полуфамильярным, полуофициальным стилем, столь характерным для человека, пишущего одновременно для французских крестьян и для европейских кабинетов, дается нечто вроде истории кампании с мнимым обоснованием каждого предпринятого шага. Документ этот в высшей степени неполитичен, так как он чрезвычайно слаб и неубедителен. Между тем pressure from without**, видимо, очень сильно, если Бонапарт вынужден выступать и защищать себя таким образом.

После растянутого введения сообщается часть инструкций, полученных Сент-Арно в начале кампании, и дается объяснение, почему войска союзников высадились сначала в *Галлиполи.* Русские, говорится там, могли форсировать Дунай у Рущука и, обойдя линию Шумла — Варна, перейти Балканы и двинуться на Константинополь. Из всех доводов, которые можно было бы привести в оправдание высадки в Галлиполи, этот —

* — главного. *Ред.*
** — давление извне. *Ред.*

самый неудачный. Во-первых, Рущук — *крепость,* а не открытый город, как, по-видимому, представляет себе августейший издатель «Moniteur». Это напоминает нам историческую ошибку, которую, между прочим, допустила недавно газета «Moniteur» в своем некрологе об императоре Николае, спутав Адрианопольский договор с Кючук-Кайнарджийским[126]. Что касается опасности такого флангового марша русских, то следует напомнить. что русские не могли безнаказанно оставить у себя в тылу турецкую армию в 60000 человек, прочно обосновавшуюся между четырьмя сильными крепостями, не выделив крупных сил, которые сковывали бы эту армию; что этот фланговый марш поставил бы русских в ущельях Балкан в такое же положение, в каком оказался Дюпон у Байлена и Вандам у Кульма[127], и что в лучшем случае они смогли бы довести до Адрианополя лишь 25000 человек. Тот, кто такую армию считает опасной для Константинополя, может извлечь кое-что полезное для себя из книги майора Мольтке о русско-турецкой войне 1828—1829 годов[128]. Послушаем дальше. Если Константинополю не будет угрожать никакая опасность, союзникам следует продвинуть несколько дивизий к Варне, чтобы отразить всякую попытку осады Силистрии. После этого будут возможны две операции: либо высадиться у Одессы, либо овладеть Крымом. Вопрос об этих двух операциях союзные генералы должны обсудить на месте. Инструкции кончаются несколькими мудрыми военными советами в виде наставлений и кратких изречений:

«Будьте всегда в курсе того, что делает противник. Держите войска вместе, не дробите их; если же Вы вынуждены их дробить, то делайте это так, чтобы в течение суток Вы могли снова собрать их в намеченном пункте» и т. д.

Все это действительно весьма ценные правила поведения, но настолько избитые, настолько общеизвестные, что сейчас же напрашивается вывод: Сент-Арно был, по-видимому, в глазах своего повелителя полным невеждой, если он нуждался в подобных наставлениях. И вдруг неожиданно инструкции прерываются следующими словами:

«Вы пользуетесь моим полным доверием, маршал! Отправляйтесь в путь, я уверен, что под Вашим опытным руководством французский орел добьется новой славы».

Что касается главного пункта, крымской экспедиции, то, по признанию Бонапарта, это был его излюбленный план, и позже он послал Сент-Арно по этому поводу новую пачку инструкций. Он отрицает, однако, что сам разработал план экспедиции во всех деталях и отослал его в ставку. По его словам, генералам предоставлялась возможность предпочесть высадку у Одессы.

В доказательство приводится одно место из этих новых инструкций, где Бонапарт предлагает высадиться у Феодосии (Кафы), принимая во внимание, что там имеется безопасная и обширная якорная стоянка для флота, который должен оставаться постоянной операционной базой армии. Понятие операционной базы он уже в первых инструкциях пытался разъяснить знаменитому маршалу самым подробным образом ив самой популярной форме. Из этого пункта — Кафы — армия должна была направиться к Симферополю, отбросить русских к Севастополю, перед укреплениями которого, вероятно, произошло бы сражение, и, наконец, осадить Севастополь. «К несчастью», союзные генералы не выполнили предложенного им плана. Этот «несчастный» случай представляется тем более счастливым, что он позволяет Бонапарту снять с себя всю ответственность за это неприятное дело и переложить ее на генералов. План высадки у города Кафы 60000 солдат для того, чтобы направиться отсюда к Севастополю, является поистине оригинальным. Если принять за общее правило, что наступательная сила армии, находящейся на вражеской территории, уменьшается, по крайней мере, пропорционально тому расстоянию, на которое она удаляется от своей операционной базы, то спрашивается: сколько же человек привели бы союзники к Севастополю, пройдя расстояние свыше 120 миль? Сколько им пришлось бы оставить в Кафе? Сколько человек понадобилось бы для того, чтобы удержать и укрепить промежуточные пункты? Сколько человек — для охраны транспортов и очищения территории? И 20000 солдат не удалось бы собрать под стенами крепости, для одной лишь блокады которой требуется втрое больше войск. Если Луи Бонапарт когда-либо вздумает сам отправиться на войну и вести ее согласно этим принципам, то одна и та же фамилия Бонапартов явит собой несомненно самый разительный контраст в военной истории*. Что касается безопасной стоянки у Кафы, то каждый матрос на Черном море знает и любая карта показывает, что Кафа является открытым рейдом, защищенным только от северных и западных ветров, тогда как самыми опасными штормами на Черном море грозят юго-западные и юго-восточные ветры. Таким, например, был шторм 14 ноября. Если бы флот стоял тогда на якоре у Кафы, он несомненно был бы выброшен на берег.

* В статье Ф. Энгельса, написанной для «New-York Daily Tribune», эта фраза дается в следующей редакции: «Если Луи-Наполеон когда-либо вздумает сам отправиться на войну и вести ее согласно этим принципам, то он может сразу же позаботиться об апартаментах для себя в лондонском особняке Миварт, ибо Парижа ему больше не видать». *Ред.*

Затем идет самая щекотливая часть статьи. Сам Луи Бонапарт, как он полагает, счастливо отделался от ответственности, которую возлагает на него Брюссельский мемуар. Но неудобно приносить в жертву Раглана и Канробера. Поэтому, чтобы доказать способности этих генералов, он пишет очерк осадного искусства. Однако этот очерк по существу только показывает, что Севастополь *не* может быть взят, ибо в нем определенно подчеркивается, что все обычные правила неприменимы к Севастополю.

«Например», — говорится в статье, — «при обычной осаде, когда атака ведется с одного направления, длина последней параллели составила бы приблизительно 300 метров, а общая протяженность траншей не превысила бы 4000 метров. Здесь же длина параллели составляет 3000 метров, а общая протяженность траншей доходит до 41000 метров».

Правильно, но как раз и возникает вопрос, *почему* была допущена такая громадная растянутость линии атаки, когда все обстоятельства требовали возможно большего сосредоточения огня на одном или двух пунктах? Ответ гласит:

«Севастополь не похож на другие крепости. Там имеется только один неглубокий ров; каменные эскарпы отсутствуют и эти оборонительные укрепления заменены *засеками* и *палисадами.* Таким образом, наш огонь мог оказать лишь слабое действие на земляные брустверы».

Так как это не могло быть написано для маршала Сент-Арно, который, возможно, и поверил бы этому, то, очевидно, предназначено исключительно для французских крестьян, ибо любой унтер-офицер французской армии рассмеялся бы над такой галиматьей. Палисады, если они только не устроены на дне рва или, по крайней мере, не скрыты от противника, очень быстро уничтожаются картечью. *Засеки* можно поджечь. Они должны находиться у подошвы гласиса, на расстоянии приблизительно 60—80 ярдов от брустверов, иначе они мешали бы ведению артиллерийского огня. Но откуда могли взять лес для этих засек — больших деревьев, прочно скрепленных между собой и положенных на землю так, чтобы острые сучья были обращены в сторону противника, — откуда мог оказаться лес в этой безлесной местности — об этом «Moniteur» умалчивает. Что палисады являются прогрессом в сравнении с каменными эскарпами, это поистине открытие; ведь эти деревянные сооружения очень легко поджечь, и они, таким образом, не могут помешать штурму после того, как огонь артиллерии противника подавлен.

В заключение мы узнаем — это призвана доказать разбираемая статья, —что союзные генералы сделали все возможное, больше, чем от них можно было ожидать при данных условиях, и даже покрыли себя славой. Плохая слава, если ее приходится

доказывать, да еще *таким* образом! Если господа генералы не смогли окружить Севастополь, если они не смогли отогнать русскую обсервационную армию, если они до сих пор еще не в Севастополе, — то только потому, что они были недостаточно сильны! Так оно и есть на самом деле. Но если они недостаточно сильны, то *кто же* ответственен за эту *самую большую из всех ошибок?* Не кто иной, как Бонапарт. Вот неизбежный вывод к которому ведет передовая статья «Moniteur». Какое впечатление эта статья произвела в Париже, показывает следующая выдержка из письма обычно столь раболепного парижского корреспондента «Times»:

«Некоторые лица рассматривают эту статью просто как пролог к полной эвакуации Крыма. В легитимистских кругах можно услышать: нам сулили *войну a la Наполеон;* но, кажется, мы получим теперь *мир a la Луи-Филипп.* С другой стороны, подобные же настроения господствуют и среди рабочего населения предместья Сент-Антуан. Там считают статью открытым признанием полного бессилия».

Написано Ф. Энгельсом около 14 апреля 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 177, 17 апреля 1855 г. и в газете «New-York Daily Tribune» № 4377, 30 апреля 1855 г. в качестве передовой

Печатается по тексту «Neue Oder-Zeitung», сверенному с текстом газеты «New-York Daily Tribune»

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВЫЛАЗКА 23 МАРТА [129]

Лондон, 15 апреля. Осада Севастополя тянется по-прежнему медленно, вяло, не происходит никаких серьезных событий и ничего не решается; некоторое оживление вносят лишь отдельные безрезультатные стычки и разрозненные атаки, каждая из которых является копией предыдущей и образчиком последующей. Если не говорить о превосходстве, проявленном обороной в инженерном деле, то наверняка найдется мало примеров военных кампаний такой же длительности, которые давали бы картину подобной посредственности командного состава обеих сторон.

Перед нами французские и английские официальные сообщения о вылазке 23 марта; подробного русского сообщения мы еще не видели. Как обычно, сообщения союзных генералов нарочито составлены так туманно, что ничего определенного из них узнать нельзя. И все же при помощи частных писем англичан и газетных корреспонденции можно, хотя бы в общих чертах, воспроизвести картину этого события. *Правый фланг атаки* союзников, направленный против юго-восточного участка обороны Севастополя, выдвинут вперед на расстояние 600 ярдов от первой оборонительной линии русских посредством трех линий апрошей или зигзагообразных траншей, соединенных в конце так называемой второй параллелью. От этой последней, правда медленно и без всякой системы, эти 3 апроша стали вести дальше, чтобы соединить их третьей параллелью и создать в центральном апроше укрепленную позицию или укрытое место, достаточно большое для размещения резерва. Средний из этих трех апрошей находится в руках англичан, правый и левый занимают французы. Эти два фланговых апроша вы-

двинуты вперед дальше, чем центральный, так что здесь французские траншеи приблизительно на 50 ярдов ближе к крепости, чем позиция, занимаемая англичанами.

23 марта перед рассветом значительные силы русских, приблизительно 12 батальонов, устремились из города на осадные сооружения. Хорошо зная, что траншеи устроены с полным пренебрежением к установленным и предписанным уставами мерам предосторожности, что фланги их не оттянуты назад должным образом и не защищены редутами, что, следовательно, смелый натиск на крайние фланги параллели безусловно приведет их в траншеи, русские начали свою атаку внезапным и стремительным маневром, в результате которого восточный и западный фланги параллели оказались обойденными. В то время как атака с фронта отвлекала боевое охранение траншеи и его резервы, обходные колонны русских, несмотря на храброе сопротивление французов, спустились в осадные сооружения и начали быстро продвигаться по траншее, пока не достигли центральной позиции, обороняемой англичанами. Английские позиции, гарантированные от серьезной угрозы с фронта, не подвергались атаке, пока происходившая справа и слева ружейная стрельба не втянула в бой часть английских резервов; и даже после этого фронтальная атака не отличалась большой силой, так как основная масса атакующих была сосредоточена в обходных колоннах. Но и эти последние, пройдя с боем большое расстояние по захваченной ими траншее, утратили свой первоначальный боевой пыл, и с того момента, когда русские пришли в соприкосновение с англичанами, их офицеры уже всецело были заняты мыслью о том, как обеспечить завершающий вылазку отход. Таким образом, борьба очень скоро достигла такой стадии, когда ни одна из сторон не сдает своих позиций, а именно в этот момент отряду, предпринявшему вылазку, следует позаботиться о безопасном отходе. Русские так и поступили. Не предпринимая серьезной попытки выбить англичан с занимаемых ими позиций, русские продолжали поддерживать бой до тех пор, пока большая часть их войск не подошла достаточно близко к Севастополю, после чего отступил и их арьергард, неся большие потери в столкновении с французскими и английскими резервами.

Русские, видимо, рассчитывали найти во второй параллели много орудий, значительное количество боевых припасов и прочих военных материалов. Их вылазка могла преследовать лишь одну цель — все это уничтожить. Но они почти ничего там не нашли и, таким образом, в результате этой вылазки ничего не приобрели, кроме уверенности в том, что и на таком расстоянии от своих укреплений они могут в первые часы вылазки

сохранять превосходство, пока противник не сосредоточит свои резервы. Это, конечно, имело какое-то значение, но едва ли оправдывало понесенные при этой вылазке потери. Материальный ущерб, причиненный русскими осадным сооружениям, был ликвидирован в какие-нибудь один-два дня, а моральный эффект этой вылазки можно считать равным нулю. Поскольку всякая вылазка неизбежно заканчивается отходом, то осаждающие всегда считают себя победителями. Моральный эффект вылазки обычно более благоприятен для осаждающих, чем для осажденных, за исключением тех случаев, когда потери последних неизмеримо меньше потерь первых.

В данном случае, когда Канробер и Раглан больше чем когда-либо нуждались в видимости успеха, эта вылазка с ее ничтожными результатами и заключительным поспешным отходом русских пришлась им очень кстати. Французские войска особенно кичатся тем, что они преследовали противника до самых севастопольских укреплений. При данных обстоятельствах, однако, это было не так уже трудно, так как крепостные орудия не могли вести огонь из опасения поразить свои собственные войска. В свою очередь англичане, обходя молчанием то обстоятельство, что их позиции были чрезмерно оттянуты назад, в силу чего они скорее играли роль резерва, чем войск первой линии фронта, снова превозносят, — но на этот раз с меньшим основанием, чем когда-либо, — свою собственную непобедимость и несгибаемое мужество английского солдата, которое не позволяет ему отступать ни на шаг. Полковник Келли и другие английские офицеры, захваченные русскими в плен прямо в расположении этих несгибаемых солдат и преспокойно отправленные в Севастополь, знают, чего стоит все это cant*.

Между тем великие стратеги английской прессы продолжают с большим пафосом твердить, что прежде чем помышлять о штурме Севастополя, нужно во что бы то ни стало овладеть новыми внешними укреплениями, возведенными русскими; и они надеются, что это скоро будет осуществлено. Их утверждение, разумеется, столь же правильно, сколь и банально; но вопрос в том, *как* овладеть этими укреплениями, если союзники не сумели даже помешать их возведению на виду у своих же собственных батарей? Атака на Селенгинский редут (на Сапун-горе) достаточно ясно показала, что ценой больших потерь таким укреплением можно овладеть на короткое время, но трудно понять, для чего это нужно, если данное укрепление нельзя удержать даже на тот срок, который необходим для его разрушения. Дело

* — бахвальство. *Ред.*

в том, что эти новые укрепления, которые составляют органическую часть всей оборонительной системы русских и над которыми с флангов и с тыла господствует их главная оборонительная линия, не могут быть взяты без применения тех же самых средств, которые нужны для овладения самой главной линией. Прежде чем всерьез помышлять об атаке и захвате этих внешних укреплений, необходимо продвинуть на достаточное расстояние апроши, устроить крытые параллели с плацдармами, соорудить и вооружить батареи для обстрела главной линии русских. Газета «Times», трубящая громче всех и настаивающая на немедленном захвате этих внешних укреплений, забыла лишь сказать, в чем состоит новый метод, позволяющий в течение нескольких часов решить эту нелегкую задачу, о чем т'ак уверенно возвещала газета. Но не успела она выразить свои оптимистические надежды, как пришло письмо от ее крымского корреспондента, который не только объявил эти новые внешние укрепления русских неприступными, но и заявил, что они являются лишь первым рубежом, от которого русские намерены планомерно продвигать дальше вперед свои контрапроши. Стрелковые окопы перед Мамелонским редутом (русские назвали его Камчатским) соединены между собой правильной траншеей и представляют собой, таким образом, новую оборонительную линию. Между Мамелонским и Селенгинским редутами (на Сапун-горе) отрыта новая траншея, которая образует три стороны квадрата и из которой можно обстреливать продольным огнем часть французских апрошей. Во всяком случае ясно, что русские преследуют цель создания законченной системы передовых оборонительных сооружений, чтобы прикрыть Малахов курган с обоих флангов и с фронта, а возможно, в конце концов, и овладеть траншеями союзников. В случае удачи подобной попытки, линии осады на этом участке атаки оказались бы прорваны. В то время как союзники в течение последних шести месяцев лишь удерживали свои позиции и больше укрепляли свои батареи, нежели продвигали их вперед, русские за один месяц значительно продвинулись к позициям противника и продолжают еще продвигаться. Конечно, были примеры и более славной обороны, чем оборона Севастополя, но зато в анналах войн со времен осады Трои невозможно указать ни одной осады, которая велась бы так бессистемно, бессмысленно и бесславно, как осада Севастополя.

Написано Ф. Энгельсом около 15 апреля 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 179, 18 апреля 1855 г. и в газете «New-York Daily Tribune» № 4377, 30 апреля 1855 г. в качестве передовой

Печатается по тексту «Neue Oder-Zeitung», сверенному с текстом газеты «New-York Daily Tribune»

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ГЕРМАНИЯ И ПАНСЛАВИЗМ [130]

I

Из достоверных источников сообщают, что *нынешний* император России обратился к некиим дворам с телеграммой, в которой, между прочим, говорится:

«В тот момент, когда Австрия окончательно свяжет себя с. Западом или предпримет какой-нибудь открыто враждебный акт против Россия, *Александр II лично станет во главе панславистского движения* и сменит нынешний свой титул *императора Всероссийского* на титул *императора всех славян»* (?).

Это заявление Александра, если оно аутентично, является первым откровенным высказыванием с начала войны. Это первый шаг к тому, чтобы придать войне европейский характер, который до сих пор лишь угадывался за всякого рода отговорками и предлогами, протоколами и договорами, параграфами из Ваттеля и цитатами из Пуфендорфа. Вопрос о независимости, даже о существовании Турции отодвигается тем самым на задний план. Теперь вопрос стоит уже не о том, кто будет править в Константинополе, а о том, кто будет господствовать над всей Европой. Славяне, давно раздираемые внутренними распрями, оттесненные к востоку немцами, покоренные частично немцами, турками и венграми, незаметно вновь объединяя после 1815 г. отдельные свои ветви, путем постепенного распространения панславизма, впервые заявляют теперь о своем единстве и тем самым объявляют смертельную войну романо-кельтским и германским народам, которые до сих пор господствовали в Европе. Панславизм — это не только движение за национальную независимость; это — движение, которое стремится свести на нет то» что было создано историей за тысячелетие; движение,

которое не может достигнуть своей цели, не стерев с карты Европы Турцию, Венгрию и половину Германии, а добившись этого результата, не сможет обеспечить своего будущего иначе, как путем покорения Европы. Панславизм из символа веры превратился теперь в политическую программу, имея 800000 штыков в своем распоряжении. Он ставит Европу перед альтернативой: либо покорение ее славянами, либо разрушение навсегда центра его наступательной силы — России.

Следующий вопрос, на который мы должны дать ответ, — это в какой степени Австрия затронута панславизмом в той форме, которую ему придала Россия? Из 70 миллионов славян, живущих к востоку от Богемского леса и Альп Каринтии, почти 15 миллионов находятся под австрийским скипетром, включая представителей почти всех разновидностей славянского языка. Богемская или чешская ветвь (6 миллионов) полностью находится под австрийским владычеством, польская — представлена почти 3 миллионами галицийских поляков, русская — 3 миллионами малороссов (русинов, рутенов) в Галиции и на северо-востоке Венгрии, —единственной русской народностью, находящейся за пределами Российской империи; южнославянская ветвь представлена почти 3 миллионами словенцев (каринтийцев и хорватов) и сербов с небольшим числом рассеянных здесь и там болгар. Австрийские славяне распадаются, таким образом, на две группы: одна из них состоит из обломков национальностей, собственная история которых принадлежит прошлому, а нынешнее историческое развитие связано с нациями отличных от них рас и языков. Их тяжелое положение как национальностей довершается тем, что эти печальные остатки былого величия не обладают никакой национальной организацией внутри Австрии, напротив, они рассеяны по различным провинциям. Словенцы, хотя они составляют едва полтора миллиона человек, разбросаны по различным областям Крайны, Каринтии, Штирии, Хорватии и Юго-Западной Венгрии. Чехи, самая многочисленная народность среди австрийских славян, живут частью в Богемии, частью в Моравии, а частью (словацкая линия) в Северо-Западной Венгрии. Поэтому указанные национальности, хотя и живут исключительно на австрийской территории, отнюдь не признаются конституированными в различные нации. Они рассматриваются как привески либо немецкой, либо венгерской нации, и фактически ничего другого собой не представляют. Вторая группа австрийских славян состоит из осколков различных народностей, которые отделились в ходе истории от основной массы своей нации и главный центр которых находится поэтому вне Австрии. Так, австрийские поляки тяготеют к русской

Польше, как к своему естественному центру, русины—к другим объединившимся с Россией малороссийским областям, а сербы— к турецкой Сербии. То, что каждый из этих оторвавшихся от своих национальностей осколков тяготеет к своему естественному центру, понятно само собой, и явление это становится все более очевидным, по мере того как среди них распространяется цивилизация и в силу этого растет потребность в национально-исторической деятельности. В том и другом случае австрийские славяне представляют собой только disjecta membra*, которые стремятся к воссоединению либо друг с другом, либо каждая с основной массой своей национальности. В этом заключается причина, почему *панславизм является не русским, а австрийским изобретением.* Чтобы обеспечить возрождение каждой отдельной славянской национальности, различные славянские народности в Австрии начинают выступать в пользу объединения всех славянских народностей в Европе. Россия, сильная сама по себе, Польша, проникнутая сознанием непоколебимой устойчивости своего национального существования и к тому же открыто враждебная славянской России, — обе эти нации не были, очевидно, призваны к тому, чтобы изобрести панславизм. Сербы и болгары, находившиеся под властью Турции, были еще слишком варварами для того, чтобы выдвинуть такую идею; болгары спокойно подчинялись туркам, а сербы были поглощены борьбой за свою собственную независимость.

II

Первоначальная форма панславизма была чисто литературная. Родоначальниками его были *Добровский,* чех, основоположник научной филологии славянских диалектов, и *Коллар,* словацкий поэт из венгерского Прикарпатья. У Добровского преобладал энтузиазм ученого и исследователя, у Коллара быстро возобладали политические идеи. Вначале панславизм довольствовался элегиями, и главной темой его поэзии были величие прошлого, позор, несчастье и иноземный гнет в настоящем. «Неужели, о боже, не найдется человека на земле, который отдал бы справедливость славянину?» Мечты о панславистской империи, диктующей законы Европе, тогда еще едва обозначались. Но элегический период скоро кончился, а вместе с ним и призывы к простой «справедливости для славян».

* — разбросанные члены, разрозненные части. *Ред.*

Исторические исследования, охватывающие политическое, литературное и лингвистическое развитие славян, сделали в Австрии гигантские успехи. *Шафарик, Копитар* и *Миклошич* как лингвисты, *Палацкий* как историк стали во главе движения, за ними следовало множество других менее одаренных или вовсе лишенных дарований ученых, как *Ганка, Гай* и другие. Славные эпохи чешской и сербской истории рисовались в ярких красках в противовес униженному и жалкому положению этих национальностей в настоящем; и точно так же, как в остальной части Германии под флагом «философии» подвергались критике политика и теология, в Австрии, на глазах у Меттерниха, филология была использована панславистами для проповеди учения о единстве славян и для создания политической партии, очевидной целью которой было коренное изменение положения всех национальностей в Австрии и даже превращение ее в большую славянскую империю.

Смешение языков, царящее к востоку от Богемии и Каринтии, вплоть до Черного моря, поистине поразительно. Процесс денационализации среди славян, живущих по соседству с Германией, медленное, но непрерывное продвижение вперед немцев, вторжение венгров, в результате которого северные и южные славяне оказались разделенными компактной семимиллионной массой финской национальности, наличие турок, татар, валахов, вклинившихся в расположение славянских народностей, — все это создало настоящий языковый Вавилон. Язык меняется от деревни к деревне, чуть ли не от одной фермы к другой. Даже в Богемии из 5 миллионов населения насчитывается 2 миллиона немцев и 3 миллиона славян, окруженных, кроме того, с трех сторон немцами. Так же обстоит дело со славянскими народностями Австрии. Возвратить славянам все исконные славянские земли, превратить Австрию, за исключением Тироля и Ломбардии, в славянскую империю, что является целью панславистов, значило бы объявить совершенно недействительным историческое развитие последнего тысячелетия, отрезать одну треть Германии и всю Венгрию и превратить Вену и Будапешт в славянские города, — подобным действиям не могли симпатизировать немцы и венгры, владеющие этими областями. К тому же различия между славянскими диалектами так велики, что за редким исключением, люди, говорящие на них, друг друга не понимают. Это было комическим образом доказано на Славянском съезде в Праге в 1848 г.[131], где после различных бесплодных попыток найти общий, понятный для всех язык, участники его вынуждены были, в конце концов, говорить на самом ненавистном для всех них языке — на *немецком.*

Мы видим, таким образом, что австрийскому панславизму не хватало важнейших факторов для достижения успеха: массы и единства. *Массы* не хватало потому, что панславистская партия, охватывающая лишь часть образованных классов, не пользовалась никаким влиянием в народе и была поэтому недостаточно сильна, чтобы одновременно оказать сопротивление австрийскому правительству и немецкой и венгерской национальностям, которым она бросала вызов. *Единства* не было потому, что ее принцип единства был чисто идеальным и при первой же попытке претворения в жизнь потерпел крушение благодаря различию в языках. Пока панславизм оставался чисто австрийским движением, он не представлял большой опасности, но очень скоро для него нашелся тот центр единства и массы, в котором он нуждался.

Национальное движение турецких сербов в начале этого столетия[132] скоро обратило внимание *русского правительства* на тот факт, что Турцию населяло примерно 7 миллионов славян, язык которых из всех славянских диалектов больше всего сходен с русским, а религия и *церковный* язык — старославянский или церковнославянский — совершенно те же, что у русских. Именно среди этих сербов и болгар Россия впервые начала панславистскую агитацию, опираясь на свое положение главы и покровительницы греко-православной церкви. Как только панславистское движение пустило кое-какие корни в Австрии, Россия очень скоро распространила разветвления своей агентуры на области своих союзников. Там, где она сталкивалась со славянами, принадлежащими к римско-католической церкви, религиозная сторона вопроса опускалась, и Россия выступала только как центр притяжения для всех славян, как ядро, вокруг которого возрожденные славянские народности могут выкристаллизоваться в сильный и единый народ, призванный создать великую славянскую империю от Эльбы до Китая и от Адриатического моря до Ледовитого океана. Итак, здесь были найдены недостающие масса и единство! Панславизм сразу попал в ловушку. Он произнес, таким образом, свой собственный приговор. Чтобы заново утвердить воображаемые национальности, панслависты объявили себя готовыми принести в жертву русско-монгольскому варварству восьмисотлетнее фактическое участие в цивилизации. Разве это не было естественным результатом движения, начавшегося с решительной реакции против хода развития европейской цивилизации и стремившегося повернуть вспять мировую историю?

Меттерних в годы своего наибольшего могущества распознал опасность и заметил русские интриги. Он подавлял это дви-

жение всеми имевшимися в его распоряжении средствами. Но все применяемые им средства можно обозначить *одним* словом — *репрессии.* Единственно действительное средство — свободное развитие немецкого и венгерского духа, вполне достаточное для того, чтобы рассеять славянский призрак, — противоречило системе его мелкой политики. В результате, после падения Меттерниха, в 1848 г. славянское движение вспыхнуло с новой силой, охватив более широкие слои населения, чем когда-либо раньше. Но тут сразу же обнаружился его глубоко реакционный характер. В то время как движения немцев и венгров в Австрии были определенно прогрессивными, — именно славяне спасли старую систему от разрушения, дали возможность Радецкому продвинуться к Минчо, а Виндишгрецу — захватить Вену. Чтобы установить полную зависимость Австрии от славян, великий *славянский резерв,* русская армия, должен был в 1849 г. спуститься в Венгрию[133] и там продиктовать ей мир.

Но если присоединение панславистского движения к России было его самоосуждением, то Австрия не менее явно признала свою нежизнеспособность, когда решила принять, даже призвать эту славянскую помощь против трех наций в ее владениях, которые только и обладают историческими жизненными силами и проявляют их, — против немцев, итальянцев и венгров. Начиная с 1848 г., этот долг перед панславизмом не переставал тяготеть над Австрией, и сознание этого долга было главной пружиной австрийской политики.

Австрия начала с того, что стала действовать против славян на своей собственной территории, а это было невозможно без проведения хотя бы отчасти прогрессивной политики. Привилегии всех провинций были отменены, вместо федеративной была введена централизованная система управления и вместо различных национальностей было предложено признать одну *искусственную — австрийскую.* Несмотря на то, что эти нововведения были направлены отчасти и против немецких, итальянских и венгерских элементов, главной своей тяжестью они пали на менее компактные славянские народности, и немецкий элемент получил солидный перевес. Если внутренняя зависимость от славян была, таким образом, устранена, то зависимость от России осталась, и необходимо было, хотя бы на время и до известной степени, покончить с этой прямой и унизительной зависимостью. Такова была истинная причина, правда, колеблющейся, но, по крайней мере, открыто провозглашенной антирусской политики Австрии в восточном вопросе. С другой стороны, панславизм не исчез; он глубоко оскорблен, негодует, молчит и со времени интервенции в Венгрии смотрит на русского

императора как на предопределенного ему мессию. Не наша задача исследовать вопрос о том, может ли Австрия, в случае открытого выступления России в качестве главы панславизма, ответить уступками Венгрии и Польше, не подвергая опасности свое существование. Ясно одно: теперь уже не только Россия, а целый панславистский заговор грозит основать свое царство на развалинах Европы. Объединение всех славян ввиду несомненной силы, которой оно обладает и которую может еще приобрести, скоро вынудит противостоящую ему силу выступить в совершенно иной форме, чем до сих пор. Мы в данном случае не говорили ни о поляках, которые, к их чести, большей частью враждебны панславизму, ни о мнимо демократической и социалистической форме панславизма, которая в сущности отличается лишь одной своей фразеологией и лицемерием от обычного, откровенного русского панславизма. Так же мало говорили мы о представителях немецкой спекулятивной философии[134], которые вследствие своего фантастического невежества опустились до роли орудия русского заговора. Мы еще вернемся к этому и подробно остановимся на этих и других связанных с панславизмом вопросах.

Написано Ф. Энгельсом около 17 апреля 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» №№ 185 и 189, 21 и 24 апреля 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

К ИСТОРИИ АГИТАЦИОННЫХ КАМПАНИЙ

Лондон, 7 мая. Во время крупных агитационных кампаний в Англии лондонское Сити ни разу не сумело стать в авангарде движения. До сих пор его присоединение к какой-нибудь агитации означало лишь, что цель данной агитации достигнута, стала fait accompli*. Так было с *движением в пользу парламентской реформы,* когда инициатива исходила от Бирмингема. Так было с *движением против хлебных законов,* которым руководил Манчестер. Исключение представляет акт 1797 г. о банковой рестрикции[135]. Митинги, организованные банкирами и купцами лондонского Сити, помогли тогда Питту *запретить* Английскому банку выплату наличными, *после того как* директора банков за несколько недель до этого сообщили Питту, что банк находится на краю банкротства и что его можно спасти только путем coup d'etat**, то есть путем принудительного курса банкнот. Обстоятельства требовали тогда не большего самоотречения со стороны Английского банка, чтобы подчиниться *запрещению* выплаты наличными, чем со стороны купцов из Сити, кредит которых зависел от кредита банка, чтобы поддержать запрещение Питта и рекомендовать его стране***. Спасение

* — совершившимся фактом. *Ред.*

** — государственного переворота. *Ред.*

*** Прямо невероятно, что даже в самых новейших историях политической экономии тогдашнее поведение Сити приводится как доказательство английского патриотизма. Еще невероятнее, что г-н фон Гакстгаузен в своей книге о России (том третий, 1852) настолько легковерен, что утверждает, будто Питт путем приостановки выплат банком наличными удержал деньги в Англии[136]. Какими же небылицами забили в России голову человеку, способному верить в подобные вещи? И что нам думать о берлинской критике, которая полностью доверяет г-ну фон Гакстгаузену и в доказательство этого *списывает* у него?

Английского банка было спасением Сити. Отсюда тогдашние «патриотические» митинги Сити и его «агитаторская» инициатива. Инициатива, которую в настоящий момент взяло на себя Сити, проведя в прошлую субботу в Лондон-таверн и в Гилдхолле свои митинги, образовав *«Ассоциацию административной реформы»*[137], имеет заслугу новизны, очень редкую в Англии, — заслугу беспрецедентного события. К тому же на этих митингах не ели и не пили, что также ново в анналах Сити, «патриотизм с супом из черепахи» которого увековечен еще Кобветом. Наконец, новым было и то, что митинги купцов лондонского Сити в Лондон-таверн и в Гилдхолле происходили среди бела дня в часы занятий. Нынешний застой в делах до известной степени объясняет это явление, да и вообще он представляет собой фермент, и притом существенный фермент, в духовном брожении купечества Сити. При всем том нельзя отрицать важности этого движения Сити, как бы ни старались осмеять его в Уэст-Энде. Газеты буржуазных реформаторов — «Daily News», «Morning Advertiser», «Morning Chronicle» (последняя с некоторых пор принадлежит к этой категории) — стараются продемонстрировать перед своими противниками «большое будущее» Ассоциации Сити. Но они не заметили непосредственных результатов. Они не поняли, что сам факт созыва этих митингов уже означает решение очень существенных, очень важных вопросов: 1) разрыв между классом, господствующим *вне* парламента, и классом, правящим *внутри* парламента; 2) оттеснение элементов буржуазии, задававших до сих пор тон в политике; 3) развенчание Пальмерстона.

Лейард, как известно, обещал внести сегодня вечером в палату общин свои предложения о реформе. Известно, что палата приблизительно неделю тому назад не дала ему говорить, освистала его, осмеяла и проводила шиканьем. Принцы английского торгового мира из Сити ответили на своих митингах громогласным «ура» в честь Лейарда. Он был героем дня в Лондон-таверн и Гилдхолле. Cheers* Сити были вызывающим ответом на groans** палаты общин. Если сегодня вечером окажется, что палата общин дала себя запугать, то ее авторитет потерян и дни ее сочтены; если же она возобновит свои groans, то тем сильнее будут раздаваться cheers противника. А из «Абдеритян»[138] известно, к чему приводит соперничество между cheers и groans. Митинги Сити были прямым вызовом палате общин, подобно тому как в первом десятилетии нынешнего века вызовом было избрание сэра Фрэнсиса Бёрдетта депутатом от Вестминстера.

* — Возгласы одобрения. *Ред.*
** — шиканье. *Ред.*

До сих пор, как известно, во главе движения английской буржуазии стояла *манчестерская школа* с ее Брайтами и Кобденами. Фабриканты Манчестера оттеснены теперь торговцами Сити. Их ортодоксальная оппозиция войне убедила буржуазию, которая в Англии не может ни одного мгновенья оставаться в бездействии, что — по крайней мере сейчас — они потеряли способность руководить ею. Тузы Манчестера могут в настоящий момент удержать за собой «гегемонию», только если они перещеголяют тузов Сити. Это соперничество между двумя самыми значительными фракциями буржуазии, фактически возвещенное на митингах Сити, от участия в которых Брайты и Кобдены были отстранены и самоустранились, сулит выгоды народному движению. В доказательство можно привести уже тот факт, что секретарь Комитета Сити обратился с письмом к чартистам в Лондоне. предложив им назначить члена в постоянный Комитет Сити. Чартисты послали туда Эрнеста Джонса. Между торговой буржуазией и рабочими нет, естественно, такого *прямого* антагонизма, как между рабочими и фабрикантами, millocracy*; таким образом, ими могут быть предприняты — по крайней мере для начала — *совместные* шаги, которые были бы невозможны между чартистами и манчестерцами.

Пальмерстон — и это последний крупный результат митингов Сити — был в первый раз осмеян и освистан в важнейшем избирательном округе страны. Очарование его имени навсегда исчезло. Обесславила его в Сити не его русская политика, более длительная, чем Тридцатилетняя война[139]; его обесславили издевательские насмешки, претенциозный цинизм и прежде всего «плоские шутки», которые он пускал в ход, делая вид, что помогает Англии выйти из кризиса, наиболее грозного из всех, которые она когда-либо переживала. Все это возмутило буржуазную совесть, хотя и имело успех у выродившейся палаты «подлых»**.

Административная реформа *при* таком парламенте, как настоящий, — всякий сразу же поймет нелогичность этих благих пожеланий. Но мы видели в нашем столетии и пап-реформаторов[140]. Мы пережили банкеты в пользу реформ с Одилоном Барро во главе[141]. Ничего нет удивительного поэтому, если лавина, которая снесет старую Англию, сначала появится в виде снежного кома в руках купцов-реформаторов из Сити.

Написано К. Марксом 7 мая 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 215, 10 мая 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

---

* — промышленными магнатами. *Ред.*

** Игра слов: «Haus der Gemeinen» означает «палата общин», а также «палата подлых». *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИЗ СЕВАСТОПОЛЯ [142]

Почта, полученная здесь в субботу вечером с пароходом «Америка», еще раз дает нам возможность представить нашим читателям более или менее полный отчет о ходе войны в Крыму, хотя по-прежнему противоречивый и неопределенный характер официальных сообщений и газетных корреспонденций делает нашу задачу нелегкой. Совершенно очевидно, что неудача в Вене[143] вызвала оживление и большую активность в лагере союзников под Севастополем, и хотя могут сказать, что бомбардировка прекратилась 24 апреля, все же последующие две недели не проходили в полном бездействии. Пока очень трудно решить, каких выгод добились союзники; правда, один из корреспондентов утверждает, что передовые оборонительные сооружения русских, Селенгинское, Волынское и Камчатское, а также расположенные по всей линии перед ними стрелковые окопы оставлены обороняющимися[144]. Так как это безусловно максимум достигнутого союзниками, то допустим на время, что эти сведения правильны. Некоторые корреспонденты сообщают, что французы штурмовали Мачтовый бастион и овладели им, но эти сведения не заслуживают доверия. Они являются просто необоснованным преувеличением эпизода 21 апреля, когда французы с помощью минного взрыва заложили передовую траншею перед этим бастионом[*].

---

[*] В «Neue Oder-Zeitung» вместо первого абзаца настоящей статьи дан следующий текст:

«Установление телеграфного сообщения между Балаклавой, Лондоном и Парижем пока что ничего не дало публике, а внесло лишь еще большую путаницу в получаемую ею информацию.

Английское правительство либо ничего не публикует, либо ограничивается неопределенными заверениями о достигнутых успехах. Французское правительство публикует депеши, подписанные Канробером, но в таком урезанном и искаженном виде, что извлечь что-либо из этих сообщений почти невозможно. Например, бастион, против которого был направлен главный удар французов,назывался до сих пор *Мачтовым бастионом — Bastion du Mat.* Теперь мы узнаем о больших успехах, достигнутых французами в действиях против Центрального бастиона, а затем бастиона № 4. Однако тщательное сравнение этих донесений с прежними, и в особенности с русскими, показывает, что речь по-прежнему идет о нашем старом знакомом, о Мачтовом бастионе, только под другими названиями. Подобного рода мистификация насквозь тенденциозна и тем самым в известной мере «провиденциальна».

Но если телеграф не принес пользы публике, то в лагере союзников он бесспорно вызвал некоторое оживление. Не приходится сомневаться, что первые же телеграммы, полученные Канробером,содержали строгое предписание действовать более решительно и любыми средствами добиться каких-либо успехов. В одном неофициальном сообщении утверждается, что *все* передовые оборонительные сооружения — Селенгинское, Волынское и Камчатское, — а также расположенные по всей линии перед ними стрелковые окопы оставлены русскими». *Ред.*

Допустим, что русские действительно отброшены назад к своей первоначальной линии обороны, хотя очень странно, что до сих пор не получено сообщений о взятии союзниками Сапун-горы и Мамелона. Но даже если редуты на этих высотах не находятся больше в руках русских, все же никто не может отрицать, что русские использовали их с большой для себя выгодой. Сапун-гору русские удерживали с 23 февраля, а Камчатский редут на Мамелоне с 12 марта до конца апреля; в течение всего этого времени траншеи союзников находились или под анфиладным или под сосредоточенным фронтальным огнем русских батарей, в то же время ключ всей позиции — Малахов курган — был полностью прикрыт русскими на протяжении всей двухнедельной канонады. После того как русские с таким успехом сумели использовать эти высоты, они могли пойти на то, чтобы их потерять.

Нет необходимости описывать здесь многочисленные ночные атаки, в результате которых союзники овладели русскими стрелковыми окопами и контрапрошами, а также вылазки, предпринятые русскими с целью отбить их у союзников. Такие операции представляют интерес с точки зрения тактики только для тех, кто лично знаком с местностью, ибо проведение подобных операций зависит большей частью от находчивости, натиска и упорства младших офицеров и солдат. Этими качествами англо-французы превосходят русских, и поэтому им удалось в некоторых местах создать свои опорные пункты в непосредственной близости к русским укреплениям. В отдельных местах расстояние между противниками сократилось до дистанции броска ручной гранаты, то есть союзники оказались в 20—30 ярдах от крытого хода русских, или в 40—60 ярдах от главного вала. Русские заявляют, что осаждающие находятся от него на расстоянии тридцати саженей, то есть 60 ярдов. Таково положение,

в частности, перед Мачтовым бастионом, Центральным бастионом и Реданом, где впадины этой местности образуют мертвое пространство, причем они так расположены, что русским пушкам невозможно придать такой угол склонения, который позволял бы им обстреливать эти впадины навесным огнем. Так как огонь русской артиллерии отнюдь не подавлен, то поддержание связи с этими впадинами и превращение их в целую систему траншей представляется делом очень трудным, и союзники очень сильно будут чувствовать фланговый огонь русских. В самом деле, пока батареи союзников находятся в 400—500 ярдах позади передовых траншей, трудно себе представить, как союзники могут рассчитывать оборонять такие незащищенные позиции против вылазок, предпринимаемых внезапно и с достаточными силами; а после неудачной, как теперь признано, бомбардировки потребуется известное время, прежде чем можно будет ввести в действие новые и более выдвинутые вперед батареи.

Это внезапное продвижение союзников почти к самому подножью крепостного вала русских, хотя внешне и отличается от их прежней медлительности и нерешительности, оказывается в действительности явлением того же порядка. Ни системы, ни строгой последовательности не соблюдалось при проведении этой осады, а поскольку всякая осада — это по существу строго последовательная операция, где за каждым завоеванным шагом, чтобы он не оказался бесполезным, надо немедленно добиваться какого-то нового выигрыша, то совершенно очевидно, что союзники вели эту осаду по самому наихудшему из возможных планов. Несмотря на разочарование союзных генералов, когда они впервые увидели район боевых действий, несмотря на промахи, допущенные прошлой осенью во время так называемой первой осады, союзники все же могли бы добиться больших успехов. Не будем здесь совершенно касаться Северной стороны города, как это сделали сами союзные генералы. Они твердо решили атаковать отдельно Южную сторону, рискуя при этом оказаться в городе, над которым господствует недоступное для них укрепление. В связи с этим возникает вопрос: либо союзные генералы считали себя достаточно сильными, чтобы захватить Южную сторону, и в этом случае им придется теперь признать, что они непростительно ошиблись; либо они чувствовали себя слишком слабыми, тогда спрашивается, почему они не обеспечили себя подкреплениями? Теперь уже нельзя отрицать того факта, что в этой «достопамятной и беспримерной» осаде один промах следовал за другим. Видимо, лишения, которые пришлось испытать в условиях зимы, породили дух неодолимой вялости, апатии, усталости как в армии, так и среди генералов. Когда

в феврале русские смело вышли за пределы своих укреплений и создали впереди новые оборонительные линии, это, казалось, должно было послужить для союзников достаточным толчком и заставить мобилизовать свои силы; однако Канробер сумел использовать это серьезное предостережение лишь для того, чтобы охладить боевой пыл зуавов, послав их в атаку, в неудачном исходе которой он заведомо был уверен. Работы по рытью окопов возобновились, но скорее с целью создания укрытых путей для штурмовых колонн, чем для выдвижения батарей ближе к противнику. Даже после шести месяцев пребывания союзников у крепости каждое их действие свидетельствует о том, что определенного плана у них не было и пункта для генеральной атаки они не наметили; напротив, старая навязчивая идея захвата Севастополя путем coup de main* все еще владеет их умами, мешая осуществлению каждого разумного предложения, препятствуя каждой попытке последовательного продвижения вперед. То немногое, что было сделано союзниками, выполнялось в три раза медленнее, чем ведутся операции при правильной осаде, в то время как непоследовательность действий и отсутствие общего плана не давали даже той уверенности в успехе, которая присуща подобным операциям.

Тем не менее все надежды возлагались на проведенный недавно артиллерийский обстрел. Это являлось главным оправданием всякого промедления и бездействия. Хотя трудно сказать, что ожидалось от этого великого события — от батарей, которые находились на расстоянии 600—1000 ярдов от своих целей, — все же огонь, наконец, был открыт. В первые два-три дня из каждой пушки производилось 150 выстрелов, затем 120, затем 80, 50 и, наконец, 30 выстрелов; после этого бомбардировка была прекращена. Результат оказался едва заметным, если не считать пришедших в негодность пушек и опустевших артиллерийских складов союзников. Пять дней максимально мощной бомбардировки причинили бы русским больший ущерб и дали бы союзникам больше шансов на успех, чем пятнадцать дней артиллерийского обстрела, начатого с огромной силой, но сразу же ослабленного. Но разве союзники при отсутствии боевых припасов и с вышедшими из строя пушками смогли бы использовать эти благоприятные возможности? Не больше, чем теперь; в то же время русские с ослаблением огня и после того, как на них перестали сыпаться градом 50000 снарядов в день, как было в течение первых пяти дней, находятся теперь в значительно лучшем положении, чем это могло быть. Увеличение продол-

* — смелого удара. *Ред.*

жительности бомбардировки за счет ослабления ее интенсивности является таким крупным и необъяснимым отступлением от всех военных правил, что причиной этого несомненно были соображения политического характера. Когда первые два дня артиллерийского обстрела обманули надежды союзников, необходимость поддерживать видимость канонады во время работы Венской конференции заставила их бесцельно расходовать боевые припасы.

Бомбардировка прекращается, заседания Венской конференции прерываются, устанавливается телеграфная связь. Картина сразу меняется. Из Парижа следуют приказы действовать быстро и решительно. От прежнего метода атаки отказываются; бесплодный грохот артиллерии уступает место частичным штурмам, захвату позиций посредством минных взрывов, перестрелкам и штыковым схваткам. Впереди заняты новые пункты и удержаны, несмотря на первую вылазку осажденных. Но это не достижение, если не будет признано возможным соорудить батареи на близком от линии русских расстоянии и лишить их возможности дальше оставаться на этих линиях. Передовые позиции нельзя удержать, не неся ежедневно больших потерь, не выдерживая регулярно схваток, приносящих сомнительный переменный успех. Допустим даже, что такие батареи второй и третьей параллели будут сооружены и что для их сооружения с самого начала требовалось выбить русских из стрелковых окопов — сколько же пройдет времени, пока эти новые батареи будут обеспечены достаточным количеством орудий, чтобы с успехом отвечать на огонь русских, который, как показали две последние бомбардировки, не уступает по своей силе огню союзников? Чем ближе к укреплениям противника расположены батареи, тем сокрушительнее перекрестный огонь, который может быть на них сосредоточен, и тем ограниченнее становится пространство для размещения пушек; другими словами: тем больше уравновешивается сила огня наступления и сила огня обороны, если только последний до этого не был подавлен огнем более отдаленных батарей, чего в данном случае не было.

Каким же образом русским удавалось так успешно противостоять атакам союзников? Во-первых, благодаря ошибкам и колебаниям самих союзников; во-вторых, благодаря храбрости гарнизона и искусству начальника инженерной службы, полковника Тотлебена; в-третьих, благодаря естественной прочности самой позиции. Ибо следует признать, что позиция действительно на редкость прочная. По тем плохим картам, которые до самого последнего времени только и были доступны, Севастополь

расположен внизу на склоне, и над ним с тыла господствуют высоты; но как показывают новые и лучшие карты, город расположен на нескольких обособленных холмах округлой формы, отделенных от плато оврагами; эти холмы фактически в одинаковой степени господствуют как над городом, так и над плато. Такой характер местности, пожалуй, вполне объясняет, почему союзники не решились на штурм крепости в сентябре прошлого года; по-видимому, на союзных генералов это так сильно подействовало, что они даже не попытались заставить врага показать, какими силами он располагает для обороны. Русский инженер с максимальной выгодой использовал эти преимущества местности. На всех склонах Севастополя, обращенных к плоскогорью, сооружено по два и даже по три ряда батарей, расположенных один над другим, что удвоило и утроило силу обороны. Подобного рода батареи сооружались и при укреплении других городов (например, на склоне Мон-Валерьен в Париже), но вообще инженеры их не одобряют и прозвали ловушками. Они действительно представляют собой крупную мишень для осаждающих; снаряд в случае промаха попадает в батарею, расположенную ниже или выше той, в которую целились, и таким образом оборона всегда будет нести большие потери. Но там, где крепость даже не окружена, как Севастополь, такой ущерб ничего не стоит по сравнению с той огромной силой, которую эти батареи придают огню обороны. Мы полагаем, что после этой осады Севастополя нареканий по поводу таких ловушек будет очень мало. При обороне первоклассных крепостей, в которых имеется большое количество военных материалов и которые трудно обложить, они могут быть очень выгодно использованы, если этому благоприятствует местность. Кроме подобного рода ловушек русские и в другом отношении отошли от установившейся инженерной практики. При старой системе бастионных укреплений было бы недостаточно иметь пятнадцать или даже семнадцать бастионов вокруг крепости: они плохо обеспечили бы ее оборону. Вместо этого теперь имеется лишь шесть бастионов на выступающих вперед высотах, и при этом соединяющие их куртины образуют такую ломаную линию, которая дает возможность открыть фланговый огонь независимо от огня самих бастионов, тогда как тяжелые орудия, установленные на выступах этой линии, простреливают всю местность впереди. На этих куртинах, почти на всем их протяжении, установлены пушки, что опять-таки является новшеством, ибо при обычных бастионных укреплениях куртины бывают вооружены одним-двумя орудиями только для специальных целей, а вся огневая оборона возлагается на бастионы и люнеты. И без

дальнейших технических подробностей из вышесказанного видно, что русские максимально использовали свои средства и что если даже союзникам удастся овладеть Мачтовым бастионом или бастионом на Малаховом кургане, они несомненно натолкнутся на вторую и третью оборонительные линии, для преодоления которых им придется пустить в ход все свое уменье и сообразительность.

Написано Ф. Энгельсом около 8 мая 1855 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4401, 28 мая 1855 г. в качестве передовой и в «Neue Oder-Zeitung» № 217, 11 мая 1855 г.

Печатается по тексту газеты «New-York Daily Tribune», сверенному с текстом «Neue Oder-Zeitung»

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

ПИАНОРИ. — НЕДОВОЛЬСТВО АВСТРИЕЙ

Лондон, 9 мая. «Morning Chronicle», «Advertiser», «Daily News» и другие газеты заканчивают все свои филиппики против коварного убийцы Пианори довольно робкими упреками в адрес одного из номеров газеты «Moniteur». В этом номере опубликован обвинительный акт против Пианори вместе с постановлением выплатить Кантийону, бывшему французскому унтер-офицеру, а ныне брюссельскому лежалому товару, завещанные ему Наполеоном 10000 франков — награду за покушение на Веллингтона. Особенно забавно юлит и унижается обычно столь серьезная «Chronicle». Наполеон III, полагает она, видимо, не знает об этом странном и столь бестактном в данный момент выражении почтения перед Наполеоном I. Имя «Кантийон» попало на незапятнанные страницы «Moniteur», вероятно, случайно, вследствие lapsus pennae*. А может быть, какой-то не в меру усердный младший чиновник самовольно наделил Кантийона 10000 франков и т. п. Достопочтенная «Chronicle», по-видимому, воображает, что французская бюрократия устроена на манер английской, где, как это видно из последнего допроса, проведенного парламентской следственной комиссией, младший чиновник из Board of Ordnance** действительно может самовольно, за спиной своего начальника, заказать определенного сорта ракеты, и притом на сумму в тысячи фунтов стерлингов, и где, как объясняет Пальмерстон палате общин, предоставление дипломатических документов парламенту может задерживаться

* — описки. *Ред.*
** — артиллерийского управления. *Ред.*

неделями из-за того, что «лицо», которому в министерстве иностранных дел поручено перевести указанные документы, страдает насморком или ревматизмом.

Вот уже несколько дней как лондонская пресса постепенно отказывается от восхваления Австрии и подготавливает своих читателей к резкой перемене курса, к тому, что будет взят совершенно иной тон. Как обычно, пролагать путь должны «our own correspondents»*. Так, «Morning Chronicle» публикует следующее сообщение из Берлина:

«Прусский кабинет нельзя уличить в каком-либо определенном нечестном поступке или в нарушении данного им слова. Если правительства западных держав были введены в заблуждение, то лишь по собственной вине или по вине тех, кому надлежало открыть им глаза. Но можно ли сказать то же самое об Австрии? Было ли ее поведение столь же откровенным, как поведение Пруссии? Последняя всеми силами вредила западным державам, делая это прямо и открыто. Пруссия потешается и смеется над нами без всякой маскировки, напрямик. Австрия же кокетничала с Англией и Францией в течение 20 месяцев, смеялась над нами исподтишка, возбуждала напрасные надежды, используя официальные и частные пути, вовлекала нас в одну комиссию за другой, давала заверения самого категорического характера; а теперь, как давно предсказывали те, кто не был ослеплен чрезмерным доверием, Австрия намеревается покинуть нас, если мы не примем мирных условий, возможно более выгодных для России и совершенно неприемлемых для Франции и Англии! И в самом деле! Сначала Австрия служила России щитом на Пруте и позволила Горчакову перебросить почти все его войска из Бессарабии в Крым, а теперь она выступает и настаивает на мире, который должен оставить положение без всяких изменений. Если это все, что мы можем ожидать от австрийской дружбы, то чем скорее будет сброшена маска, тем лучше».

С другой стороны, «Times» публикует следующее сообщение из Вены:

«Барон Хесс, командующий 3-й и 4-й армиями, недавно составил и передал императору записку, в которой доказывает, что при нынешних обстоятельствах для Австрии неразумно объявлять войну России. Возможно, против меня поднимут шум, поскольку я так открыто касаюсь столь деликатного вопроса, но, по моему мнению, я сослужу службу Англии и Франции, если скажу, что им следует рассчитывать лишь на свои собственные силы, а на помощь Австрии вряд ли можно надеяться. Если бы Австрии удалось уговорить Пруссию и Германский союз выставить армию в 100000 человек для прикрытия ее левого фланга, то она, несмотря на всяческие препятствия, вероятно, уже давно взяла бы на себя обязательство начать наступление против России. Какие аргументы приводил барон Хесс в своей записке, достоверно неизвестно, но придерживающиеся русской ориентации австрийцы, которые всегда лучше всех информированы в такого рода делах, уверяют, что эти аргументы сводятся примерно к следующему: западные державы доказали со всей очевидностью, что они вынуждены бросить как все свои, так и все турецкие силы в Крым, чтобы успешно противостоять там русским. Поэтому со стороны Австрии

* — «наши собственные корреспонденты». *Ред.*

было бы в высшей степени неумно вступать в войну с Россией, если она не может обеспечить себе поддержку со стороны Германского союза. Обще-признано, что Россия имеет в Польше армию численностью в 250000 человек, в состав которой входят гвардейский и гренадерский корпуса; и поскольку эта армия расположена здесь, в районе семи сильнейших крепостей Российской империи, то надо иметь по крайней мере в два раза больше войск, чтобы с успехом противостоять указанной армии русских. Следует также принять во внимание расстроенные финансы Австрии, невозможность для Франции предоставить в распоряжение Австрии 100-тысячную армию, явную беспомощность английского правительства, ненадежную позицию Пруссии и т. д. За последнюю неделю появился еще новый аргумент — изменчивость вещей вообще и превратность человеческой судьбы в особенности, и дилемма, перед которой встала бы Австрия, если бы что-нибудь случилось с Луи-Наполеоном в момент, когда она уже находилась бы в состоянии войны с Россией».

Написано К. Марксом. 9 мая 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 219, 12 мая 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

КАМПАНИЯ В КРЫМУ[145]

Лондон, 11 мая. Нетерпение, охватившее французскую армию, заставило Канробера выболтать оперативный план союзников. В Крым должна быть переброшена резервная армия в составе 25000 человек; вслед за ней прибудут еще 30000—40000 человек французов и пьемонтцев. Тотчас же по прибытии резервной армии французы выступят в поход, переправятся через реку Черную, атакуют русских, где бы они их ни встретили, попытаются соединиться с войсками Омер-паши где-нибудь поблизости от Альмы и Качи, а в дальнейшем будут действовать, сообразуясь с обстановкой. Паровые суда флота тем временем должны будут совершить нападение на Кафу и Керчь и, если удастся, овладеть ими, удержать эти города в качестве возможных pivots, или опорных пунктов, для полевой действующей армии. И действительно, это единственно возможный план, позволяющий союзникам успешно завершить крымскую кампанию. Однако для подобных действий в открытом поле союзники должны иметь значительный численный перевес. Без этого они не могут рассчитывать на решающий успех при столкновении с обсервационной армией русских. Каково же соотношение сил сторон в данный момент?

Французы имеют в Крыму 9 дивизий пехоты и бригаду кавалерии (Chasseurs d'Afrique*). При численности каждой дивизии в 7000 человек это составляет в общем 63000 человек пехоты и 1500 — кавалерии. Англичане имеют 5 дивизий пехоты, не более 6000 человек в каждой, и одну дивизию кавалерии численностью в 2000 человек. Кроме того, в Крыму находится одна

* — африканских стрелков. *Ред.*

дивизия турецкой пехоты, насчитывающая примерно 6000 человек. К этому следует добавить французскую резервную армию, из состава которой к сроку, назначенному Канробером для начала кампании, могут быть переброшены в Крым не более 20000 штыков, включая сюда и высадившихся 3 мая 4000 пьемонтцев. В целом силы союзников под Севастополем исчисляются в следующих цифрах:

Французская	пехота	83 000,	кавалерия	1 500
Английская	»	30000,	»	2 000
Турецкая	»	6 000,	»	—
Итого........	пехота	119 000	кавалерия	3 500

О составе французской резервной армии, находящейся в Константинополе, мало известно. Поэтому мы не знаем, могут ли быть в данный момент переброшены в Крым еще какие-нибудь силы кавалерии. К началу кампании союзники могут увеличить численность кавалерии самое большее на 2000, так что ее общее число возрастет до 5500 человек. Для продолжения осады необходимо иметь по меньшей мере столько же войск, сколько занято выполнением этой задачи в данный момент, то есть 46000 человек (4 французских дивизии по 7000 в каждой и 3 английских — по 6000). К ним следует отнести также матросов и войска, которые охраняют Балаклаву и линию укреплений до Инкермана, составляя вместе с тем резерв осаждающей армии. Они насчитывают по меньшей мере 12000 человек, включая сюда и 6000 упомянутых выше турок. Если считать, что матросы и солдаты морской пехоты составляют 4000 человек, то из общего количества 119000 нужно вычесть 54000, так что для полевых действий остается 65000 человек пехоты и 5500— кавалерии, всего немногим более 70000 человек. Кроме того, следует учесть корпус Омер-паши у Евпатории, насчитывающий примерно 35000 человек пехоты и 3000—4000 кавалерии. Из этого количества 15000 человек должны быть оставлены в качестве гарнизона крепости, так что Омер-паша смог бы, вероятно, выступить в поход, имея 20000 пехотинцев и 4000 кавалеристов, всего 24000 человек.

Таким образом, всего войск, которые могут быть использованы для *полевых действий,* в двух обособленных армиях союзников насчитывается:

	Пехота	Кавалерия	Общее количество
Севастопольская армия	65 000	5 500	70 500
Евпаторийская армия	20 000	4 000	24 000
	85 000	9 500	94 500

Если исходить из наименьших, приводимых самими *русскими* данных относительно численности их войск в Крыму в настоящее время, то мы получим 120000 человек пехоты и 20000 — кавалерии. Из этого нужно вычесть 50000 человек, необходимых для обороны Севастополя, в том числе 26000 для Южной стороны и 24000 для Северного форта и укрепленного лагеря. Для полевых действий остается 70000 пехотинцев и 20000 кавалеристов. Количество полевой артиллерии нет возможности установить даже приблизительно. В то же время учитывая, с какими трудностями сталкиваются союзники при обеспечении своей армии лошадьми, а также значительное количество орудий, всегда сопровождающих русскую армию, вряд ли можно сомневаться в том, что русские будут превосходить противника в артиллерии. Столь же очевидно превосходство русских в кавалерии. Что касается пехоты, то *объединенные* силы союзников превосходят русских, зато каждая из их полевых армий в отдельности по численности пехоты уступает русским. Однако самым большим преимуществом русских является занимаемая ими позиция. Расположившись в треугольнике между рекой Альмой, Севастополем и Симферополем, русские занимают на севере против Омер-паши укрепленную позицию вдоль указанной реки, которую можно защитить с фронта силами в 15000 пехоты, в то время как фланговый маневр русской кавалерии грозит отрезать турок от Евпатории. Поэтому, если Омер-паша решит сам продвинуться к реке Альме, то он ни в коем случае не сможет переправиться через нее до тех пор, пока англо-французы не отбросят русских к Симферополю и не вынудят их, таким образом, оставить свои позиции на Альме. В этом случае обе эти армии могли бы соединиться. Продвижение вперед англофранцузской армии является, таким образом, основным условием успеха в целом. Но это продвижение союзники могут, по-видимому, предпринять не иначе как по дороге на хутор Мекензи. Дорога по направлению к Альме и Симферополю защищена двойной линией укреплений, из которых одна проходит по горному хребту, нависающему над рекой Черной, а другая — по северной стороне ущелья, спускающегося от горной цепи вблизи хутора Мекензи к оконечности Севастопольской бухты. Эта вторая и главная линия обороны протяженностью всего около двух английских миль, как говорят, очень сильно укреплена, и здесь союзники должны будут дать первое решающее сражение, сражение, от исхода которого зависит, останутся ли они запертыми на Гераклейском Херсонесе или им удастся пробиться в глубь полуострова. Преимуществом для русских является узкий фронт, на котором придется действовать союзни-

кам. Если русские потерпят здесь поражение и их позиции будут захвачены, то им не останется ничего иного, как отступить к Бельбеку и удерживать эту линию против союзников, создавая в то же время угрозу туркам на Альме силами специально выделенного отряда. Даже если русские и потерпят здесь поражение, все равно их превосходство в кавалерии и скверные транспортные средства, не позволяющие союзникам обосноваться на значительном удалении от побережья, дадут русским возможность выйти из района действий союзников. Линия, на которую они смогли бы отойти, явилась бы продолжением их левого крыла, представляя собой, впрочем, весьма невыгодную позицию. Вполне возможно, однако, что русские с самого начала *попытаются* сковать союзников на реке Черной, бросив вместе с тем свои главные силы против Омер-паши, чтобы окружить и уничтожить его с помощью кавалерии, а затем повернуть все свои силы против англо-французов.

Написано Ф. Энгельсом около 11 мая 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 221, 14 мая 1855 г. и в газете «New-York Daily Tribune» № 4402, 29 мая 1855 г. в качестве передовой

Печатается по тексту «Neue Oder-Zeitung», сверенному с текстом газеты «New-York Daily Tribune»

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

«MORNING POST» ПРОТИВ ПРУССИИ. — ВИГИ И ТОРИ

Лондон, 14 мая. Газета «Morning Post», частный орган Пальмерстона, поместила сегодня полную угроз в отношении *Пруссии* статью, в которой, между прочим, говорится:

«В апреле 1854 г. постановлением Тайного совета было дано разрешение ввозить в Соединенное королевство русские продукты на нейтральных судах. Пруссия с удивительной быстротой использовала это разрешение. Следующие статистические данные (взятые из официальных таблиц, представленных парламенту) показывают сравнительные итоги ввоза в Англию из указанной страны сала, конопли и льна за 1853 и 1854 годы. Размер увеличения ввоза за последний год ясно указывает на количество русских продуктов, нашедших себе дорогу на британский рынок через Мемель и Данциг, несмотря на нашу строгую блокаду русских портов на Балтийском море. Из Пруссии в Соединенное королевство было ввезено:

	1853 г.	1854 г.
	(в центнерах)	
Сало	54	253 955
Конопля	3 447	366 220
Лен	242 383	667 879
Льняное семя	57 848	116 267

Эти цифры в достаточной степени показывают значение этой новой отрасли торговли для Пруссии. В результате Россия, несмотря на нашу блокаду, может так же свободно продавать свои продукты, как и в мирное время, в то время как мы должны переплачивать за них 50 процентов в виде пошлин и прибыли, получаемой прусскими купцами. Мы признаем, что наша теперешняя политика в корне непоследовательна. Но целительное средство следует искать не в отмене блокады вражеских портов, а в уничтожении, поскольку это в наших силах, сухопутной торговли, ведущейся через прусские владения».

Движение *против аристократии* в Англии может иметь лишь один *непосредственный* результат — *поставить у кормила правления партию тори, то есть специфически аристократическую партию.* Если же этого не произойдет, то движение неизбежно сведется прежде всего к нескольким вигским пошлостям, двум-трем мнимым административным реформам, не стоящим того, чтобы о них говорить. Заявление Лейарда о своем намерении внести резолюцию о «положении нации» и тот прием, который оно встретило в палате общин, вызвали к жизни митинги Сити. Но сразу же за митингами Сити последовало предложение Элленборо в палате лордов, посредством которого тори прибирают к рукам эту новую кампанию в пользу реформы и используют ее как средство попасть в министерство. Сам Лейард в своем предложении заменил слова *«аристократическое влияние»* на *«семейное влияние»,* сделав тем самым уступку тори. Всякое движение вне парламента принимает *внутри* парламента форму ссоры между обеими фракциями правящего класса. В руках вигов Лига против хлебных законов стала орудием свержения тори[146]. В руках тори Ассоциация административной реформы становится средством свержения вигов. Не надо только забывать, что обе фракции, таким образом, приносили в жертву поочередно одну основу старого режима за другой, но сам режим — следует добавить — оставался в силе. Мы уже раньше высказывали мнение, что только тори бывают вынуждены идти на большие уступки, так как только при их правлении давление извне принимает угрожающий и даже революционный характер[*]. Виги представляют собственно олигархию Англии, власть небольшого числа могущественных семей, таких как Сатерленды, Бедфорды, Карлейли, Девонширы и др. Тори представляют squireocracy, партию юнкеров, если хотите, хотя между английским сквайром и северогерманским юнкером существует большое различие. Тори поэтому являются хранителями всех староанглийских предрассудков в вопросах церкви и государства, протекционизма и антикатолицизма. Виги, *просвещенные* олигархи, без всяких колебаний отбрасывали предрассудки, которые мешали им осуществлять свое наследственное право на откуп государственных должностей. Благоволение вигов всегда сковывало движение буржуазии; благоволение тори постоянно толкало народные массы в объятия буржуазии, а та отдавала их в распоряжение вигов. В настоящий момент нет больше различия между вигами и тори, ибо последние представляют собой как бы плебс, а первые — haute volee[**] аристократии. Старо-

[*] См. настоящий том, стр. 96—97. *Ред.*
[**] — высшие слои. *Ред.*

аристократическая фраза в ходу у аристократического плебса, а либеральная фраза — у аристократической знати. Но в действительности после того, как сошли со сцены старые тори (лорд Болингброк и др.), во главе партии тори неизменно стоят выскочки, такие как Питт, Аддингтон, Персивал, Каннинг, Пиль и Дизраэли. Homines novi* находились всегда в рядах тори. Когда Дерби (сам перебежчик из лагеря вигов) образовал свое министерство, то в составе его оказалось кроме самого Дерби не более двух знатных имен. Все остальные — простые сквайры и один литератор. Напротив, виги, которые ни минуты не колебались менять свои сюртуки и взгляды соответственно условиям времени, которые сами постоянно внешне обновлялись и преображались, не нуждались в новых людях. Они могли увековечить свои фамилии. Если бросить общий взгляд на английскую историю со времени «славной» революции 1688 г., то придешь к заключению, что все законы, направленные против народных масс, начиная с акта, превратившего парламент в семилетний[147], и кончая последним законом о работных домах[148] и новейшим фабричным законодательством, исходили от вигов. Но реакция вигов всегда осуществлялась в согласии с буржуазией. Реакция тори была направлена даже в большей мере против буржуазии, чем против народных масс. Вот почему виги прослыли либералами.

Написано К. Марксом 14 мая 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 227, 18 мая 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — Новые люди, выскочки. *Ред.*

К. МАРКС

ЗАСЕДАНИЕ ПАЛАТЫ ЛОРДОВ

Лондон, 15 мая. Галереи палаты лордов были вчера после обеда переполнены еще до открытия заседания. Ожидалось интересное зрелище — обсуждение предложения лорда Элленборо и настоящее сражение между Ins и Outs*. Кроме того, было любопытно собственными глазами посмотреть, как наследственные законодатели будут исполнять роль крестоносцев *против* аристократии. Исполнение было скверное. Актеры все время выходили из своей роли. Представление началось драмой, а закончилось фарсом. Во время мнимого сражения не была сохранена даже иллюзия, театральная иллюзия. С первого же взгляда видно было, что благородные бойцы старались сохранить в целости не только друг друга, но даже оружие, которым сражались.

Дебаты, поскольку они вращались вокруг критики ведения войны, были ниже уровня дебатов в любом Debating Club** Лондона, и останавливаться на них хотя бы минуту значило бы даром терять время. Несколькими штрихами мы все же попытаемся показать, как благородные лорды разыгрывали роль защитников административной реформы, противников монополии аристократии на управление государством, как они откликнулись на митинги Сити. «Надлежащий человек на надлежащем месте!» -—воскликнул лорд Элленборо. И в доказательство того, что каждый должен получать свой венец по заслугам и только по заслугам, он привел тот факт, *что сам он* (Элленборо)

* — правительством и оппозицией. *Ред.*
** — дискуссионном клубе. *Ред.*

и лорд Хардуик потому сидят в палате лордов, что *их отцы* собственными заслугами проложили себе путь в палату пэров. Наоборот, это служит, кажется нам, примером того, как при помощи *чужих* заслуг, в данном случае заслуг своих отцов, можно добиться на всю жизнь не только какого-нибудь поста, но даже и звания законодателя Англии. Что же это за *заслуги,* с помощью которых Lord chief justice of the Queen's Bench[*], старый Элленборо, и г-н Чарлз Йорк, отец лорда Хардуика, проложили себе путь в палату лордов? История эта поучительна. Покойный Элленборо, английский адвокат, затем судья, сумел в процессах по делам печати, по делам о заговорах и о полицейских шпионах, которые проходили при Питте и его преемниках, приобрести репутацию *Джефриса* en miniature[**]. Под его руководством special jury[***] в Англии приобрели такую славу, какой никогда не пользовались даже «jures probes et libres»[****] времен Луи-Филиппа. Таковы были *заслуги* старого Элленборо, и они проложили ему путь в палату лордов. Что касается г-на *Чарлза Йорка,* предка лорда Хардуика, то он превзошел старого Элленборо в отношении *заслуг.* Этот Чарлз Йорк, в течение двадцати лет член парламента от Кембриджа, был одним из тех избранных, которым Питт, Персивал и Ливерпул поручали «to do the dirty work for them»[*****]. Каждая из «лояльных» террористических мер того времени находила в нем своего Пиндара. В каждой петиции против открыто практиковавшейся продажи мест в палате общин он усматривал «якобинские козни». Каждое предложение против бесстыдной системы синекур в такое время, когда в Англии уже появился пауперизм, Чарлз Йорк объявлял покушением на «благословенный покой нашей святой религии». При каких же обстоятельствах праздновал этот Чарлз Йорк свое вознесение в палату лордов? Валхеренская экспедиция[149] привела в 1810 г. в Англии к событиям, аналогичным тем, которые в 1855 г. были вызваны крымской экспедицией. Лорд Порчестер внес в палату общин предложение назначить следственную комиссию. Чарлз Йорк резко возражал, говорил о заговорах, о возбуждении недовольства и тому подобное. Несмотря на это, предложение Порчестера было принято. Тогда Йорк решил лишить публику возможности ознакомиться с материалами следствия, настаивая, на основании старой нелепой парламентской привилегии, на том, чтобы галерея парла-

[*] — лорд главный судья суда королевской скамьи. *Ред.*
[**] — в миниатюре. *Ред.*
[***] — чрезвычайные суды присяжных. *Ред.*
[****] — «честные и свободные присяжные». *Ред.*
[*****] — «делать за них грязную работу». *Ред.*

мента была очищена от публики и корреспондентов. Это было сделано. Тогда некий г-н Гейл Джонс, председатель одного Debating Club Лондона, опубликовал сообщение, в котором говорилось, что на ближайшем заседании клуба будет обсужден вопрос о нарушении свободы печати и о грубом оскорблении общественного мнения Чарлзом Йорком. В ответ на это Чарлз Йорк обвинил Гейла Джонса перед лицом палаты общин в оскорблении члена парламента и в нарушении «привилегии парламента», после чего Джонс вопреки всем английским законам, прямо с заседания палаты, без суда и следствия, был отправлен в Ньюгейтскую тюрьму, «чтобы содержаться там под стражей, *пока* это будет угодно общинам». Совершая эти геройские подвиги, Чарлз Йорк кичился своей независимостью. Он, видите ли, действует лишь как порядочный «сельский дворянин», как «друг короля», как «лояльный антиякобинец». Между тем не прошло и трех недель после закрытия галереи по настоянию Йорка, как стало известно, что он успел уже предъявить свой счет министерству Персивала и выторговал себе пожизненную синекуру Teller of the Exchequer* (нечто вроде «хранителя зеленого воска»), иначе говоря пожизненный доход в 2700 ф. ст. ежегодно. Приняв эту синекуру, Чарлз Йорк должен был явиться к своим избирателям в Кембридж для переизбрания. На избирательном собрании его приветствовали свистом, шиканьем, гнилыми яблоками и тухлыми яйцами, и он вынужден был бежать. В качестве компенсации за неудачу Персивал возвел его в звание пэра. Таким путем превратился Чарлз Йорк в лорда и таким путем, — поучает лорд Элленборо лорда Пальмерстона, — заслуги должны получать признание в хорошо налаженном государственном аппарате. Не считая этих наивных и характерных lapsus linguae**, Элленборо, обладающий неоспоримым сходством с рыцарем печального образа***, придерживался большей частью фразеологии митингов Сити.

Его друг Дерби постарался ограничить даже эту чисто риторическую уступку. Он опроверг слух о том, что находится в союзе с Лейардом. Он, весь талант которого заключается в осмотрительности, обвинял Лейарда в неосмотрительности. Во взглядах господ из Сити много-де верного, но они пришли к слишком экстравагантным (!!) выводам. Министр должен подыскивать себе коллег в парламенте, и не только в парламенте, но и в партии, к которой он принадлежит, и не столько в партии,

* — контролера казначейства. *Ред.*
** — обмолвок. *Ред.*
*** — Дон-Кихотом. *Ред.*

сколько в кругу тех членов своей партии, которые имеют вес в парламенте. Внутри этого круга решающее значение должны иметь, конечно, способности, до сих пор часто не принимавшиеся в расчет. Ошибка, полагает Дерби, лежит в парламентской реформе 1831 года. Уничтожили «гнилые местечки», «rotten boroughs», а как раз эти местечки и поставляли здравомыслящих государственных деятелей Англии. Местечки давали возможность влиятельным людям проводить талантливых, но не располагающих средствами, молодых людей в парламент, откуда они попадали на государственную службу. Следовательно, даже по мнению Дерби, никакая административная реформа невозможна без парламентской реформы — только парламентской реформы в обратном смысле, в смысле реставрации «гнилых местечек». Жалобы Дерби кажутся не вполне обоснованными, если принять во внимание, что 85 мест в палате общин до сих пор еще принадлежат примерно 60 мелким «rotten boroughs» (в одной только Англии), ни одно из которых не насчитывает больше 500 жителей, хотя некоторые из них и посылают по два депутата.

Лорд Панмюр, выступавший от имени министерства, направил дебаты в палате лордов по линии обсуждения существа дела. Ваша декламация, заикаясь заявил он, преследует цель использовать шум, поднятый за стенами парламента, чтобы выгнать нас из министерства и самим занять наше место. Почему Дерби не образовал министерство три месяца тому назад, когда получил предложение от королевы? Да, ответил Дерби ухмыляясь, три месяца тому назад! За три месяца обстоятельства изменились. Три месяца тому назад лорд Пальмерстон был homme a la mode*, великим, незаменимым государственным деятелем. Сейчас песенка его спета, и очередь за нами.

Дебаты в палате лордов показали, что здесь ни у одной из сторон нет материала, из которого можно выкроить настоящего человека. Что касается палаты общин, то Элленборо справедливо заметил, что она выдохлась, потеряла авторитет и что политическое влияние надо искать не *внутри,* а *вне* парламентских стен. Дебаты в палате лордов ясно показали mala fides** аристократической оппозиции, которая пытается обманным путем свести на нет буржуазное движение и одновременно использовать его в качестве тарана против министерства. В следующей корреспонденции мы будем иметь случай доказать также mala fides реформаторов из Сити по отношению к рабочему

* — человеком в моде. *Ред.*
** — неискренность. *Ред.*

классу, с которым они собираются играть так же, как играет ими аристократическая оппозиция. Это даст возможность убедиться в том, что нынешнее движение в Англии по своему характеру является весьма сложным и, как мы уже раньше указывали, заключает в себе два противоположных и враждебных друг другу движения.

Написано К. Марксом 15 мая 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 228, 19 мая 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

* БУРЖУАЗНАЯ ОППОЗИЦИЯ И ЧАРТИСТЫ [150]

Лондон, 16 мая. Негодование буржуазной оппозиции по поводу голосования в палате лордов в связи с предложением Элленборо является показателем ее слабости. Она должна была бы, напротив, праздновать, как победу, отклонение этого предложения. Заставить палату лордов, этот высший совет аристократии, в ходе торжественных и публичных дебатов заявить, что она удовлетворена тем, как до сих пор велась война, заставить ее во всеуслышание признать Пальмерстона своим вождем и представителем и окончательно отвергнуть даже благие пожелания административной реформы и вообще всякой реформы — какого же более благоприятного результата могли ожидать *враги аристократии* от предложения Элленборо? Они должны были бы прежде всего постараться дискредитировать палату лордов, этот последний оплот английской аристократии. А они жалуются, что палата лордов пренебрегла возможностью приобрести мимолетную популярность не за счет своих привилегий, а за счет нынешнего кабинета! Если жалуется «Morning Herald», орган тори, орган всех предрассудков «нашей непревзойденной конституции», то это в порядке вещей. Газета «Morning Herald» утешалась надеждой, что после того как вигская олигархия в течение полутора столетий выполняла обязанность друзей буржуазии и «либерального прогресса», роли переменятся, и в течение следующих полутора столетий роль «аристократических» представителей буржуазии и «либерального прогресса» будет поручена *тори.* «Morning Herald» имела полное законное право сетовать. А буржуазная оппозиция? Неужели она вообразила, что умеренной демонстрации купцов Сити будет

достаточно, чтобы толкнуть аристократию на самоубийство, на отречение от власти? Истина, однако, заключается в том, что буржуазия желает компромисса, что она ожидает уступчивости со стороны противника, чтобы получить возможность самой быть уступчивой, что она по возможности хотела бы избежать действительной борьбы. Как только начинается настоящая борьба, на арену проталкивается «миллион», как они называют «низшие» классы, и включается в нее не только в качестве зрителя или третейского судьи, но и в качестве борющейся стороны. А этого буржуазия хотела бы избежать во что бы то ни стало. Аналогичная причина заставляла вигов оставаться вне кабинета с 1808 по 1830 год. Они хотели выбросить своих противников любой ценой, но только не ценой действительных уступок буржуазии, без помощи которой нельзя было выгнать тори, только не ценой парламентской реформы. Мы видели, как двусмысленно пожимая плечами, с какими оговорками и в какой иронической, ничего не говорящей форме Элленборо и Дерби объявили себя сторонниками буржуазной административной реформы, одновременно отмахиваясь руками и ногами от своих мнимых союзников. С другой стороны, мы сейчас увидим, с каким трусливым коварством купцы-реформаторы из Сити с самого начала старались предупредить всякое противодействие со стороны чартистов и временно обеспечить их молчание, чтобы затем, под шумок, вытеснить их с добровольно уступленных ими позиций. У господ из Сити страх и враждебность к мнимым союзникам в такой же мере, как у тори, перевешивают неприязнь к мнимым противникам. Вкратце события развертывались следующим образом:

Ассоциация административной реформы боялась оппозиции чартистов, которые на двух больших митингах, как читатель припомнит, в Сент-Мартинс холле и в Саутуарке, дали успешный бой Национальной и конституционной ассоциации и вынудили ее к отступлению с избранной ею позиции. 26 апреля на квартиру Эрнеста Джонса явился г-н Джемс Акленд (в прошлом агитатор против хлебных законов) и заявил, что он «посланник» Ассоциации административной реформы, которая рассчитывает на поддержку чартистов, так как она стремится к уничтожению «классового законодательства» и к созданию народного правительства. Он пригласил Эрнеста Джонса встретиться в ближайший день с *комитетом* упомянутой Ассоциации. Джонс заявил, что он не уполномочен давать ответ от имени чартистской партии. Он вынужден отказаться от встречи, пока не посоветуется с Лондонским чартистским исполнительным комитетом[151], который собирается в ближайшее воскресенье.

В воскресенье вечером 29 апреля Джонс сообщил обо всем этом Чартистскому комитету и был уполномочен продолжать переговоры. На следующее утро Джонс имел встречу с г-ном Ингрехемом Траверсом, руководителем движения Сити, который лично представил ему Джемса Акленда как уполномоченного и представителя своей партии. Г-н И. Траверс заверил Джонса, что они ставят себе целью создание народного правительства. Резолюции, в том виде как они напечатаны в «Times», являются-де лишь *предварительными;* средства для достижения этой цели будут еще определены исполнительным комитетом, который предстоит избрать на митинге в Лондон-таверн. Чартистам в доказательство сочувствия административной реформе предлагается назначить оратора, который будет представлять их на митинге. По приглашению председателя он должен будет поддержать одну из резолюций. Чартистам следует также назначить представителя, который по предложению временного комитета купцов из Сити будет избран на митинге постоянным членом исполнительного комитета Ассоциации реформы. Наконец, пришли к соглашению, что поскольку вход на митинг будет только по билетам, чартисты получат соответствующую долю этих билетов. Джонс не согласился ограничиться одними словесными переговорами и заявил г-ну Ингрехему, что все упомянутые пункты должны быть переданы Чартистскому исполнительному комитету в письменном виде.

Так и было сделано. Письмо, полное торжественных заверений, было получено. Однако когда настало время присылки входных билетов, то их поступило только 12 штук. В ответ на протест Чартистского комитета, указывавшего, что это является нарушением данного слова, отговаривались тем, что не хватило билетов, но если, мол, Чартистский комитет пожелает поставить двух своих членов у ворот Таверны, то они получат право пропускать кого хотят и без билетов. Для этой цели чартистами были избраны гг. Слоком и Уоркмен, которые и получили полномочия от г-на Траверса. Чтобы устранить всякие подозрения, Ассоциация административной реформы в самый день митинга, за несколько часов до его открытия, послала специального курьера с письмом на имя Джонса, чтобы напомнить ему, что председатель вызовет его поддерживать четвертую резолюцию и что кандидатура Джонса, как представителя чартистов, будет предложена митингу для избрания его в члены исполнительного комитета.

Приблизительно за час до начала митинга перед Таверной собралась большая толпа чартистов. Как только ворота были открыты, гг. Слокому и Уоркмену было запрещено впускать

кого бы то ни было без билетов. Восемь билетов весьма неохотно были розданы, чтобы *получить отсрочку* в момент, когда натиск извне становился серьезным. Отсрочка была использована для того, чтобы ввести заранее расставленный на прилегающей улице отряд полиции. С этого момента никого больше не пускали, кроме «известных купцов и банкиров». Люди в *рабочей одежде,* в знакомых всем вельветовых куртках, не допускались, даже если у них имелись входные билеты. Чтобы обмануть ожидавшие на улице массы рабочих, двери были внезапно заперты и вывешено объявление следующего содержания: «Зал переполнен. Вход в него прекращен». В действительности к этому времени зал не был заполнен и наполовину, и «джентльмены», которые приезжали в своих экипажах, пропускались в него через окна и в заднюю дверь через кухню. Не подозревая предательства, рабочие массы спокойно разошлись. Несмотря на то, что Эрнест Джонс представил во время митинга свой «билет на трибуну», он на трибуну допущен не был и слова, конечно, не получил. Ассоциация достигла двух целей: предотвратила оппозицию чартистов и получила возможность указывать на собравшиеся на улице массы как на *своих сторонников.* Но массы должны были фигурировать только на улице в качестве статистов.

В воззвании к рабочим Англии Эрнест Джонс раскрывает весь ход этой комедии интриг и от имени чартистов бросает вызов Ассоциации административной реформы[152].

Написано К. Марксом. 16 мая 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 229, 19 мая 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ДЕНЕЖНЫЙ РЫНОК

Лондон, 19 мая. По мнению оптимистов английской прессы, торгово-промышленный кризис в Англии окончился, и промышленность и торговля развиваются опять по восходящей линии. Факт, из которого они выводят это утешительное заключение, это *улучшение положения на денежном рынке.* А именно, с одной стороны, увеличился *золотой запас* в подвалах Английского банка, а, с другой, — банк понизил *учетную ставку.* В то время как золотой запас на 20 января 1855 г. составлял лишь 12162000 ф. ст., к 12 мая 1855 г. он достиг 16045000 ф. ст., — увеличился на 3883000 фунтов стерлингов. Учетная ставка, которая 20 января 1855 г. равнялась 5%, была понижена банком 31 марта до $4^1/_2$, а 28 апреля—до 4 процентов. Однако эти господа не учли того, что накопление золота в подвалах банка и понижение учетной ставки могут иметь и другую причину, кроме экономического процветания, и как раз *обратную:* застой в делах и связанное с ним *уменьшение спроса на капитал.* Таблицы, еженедельно публикуемые Английским банком, показывают, что на этот раз действительной причиной является именно последнее. Не следует только, подобно вышеупомянутым оптимистам, обращать внимание лишь на две графы в этих таблицах, на золотой запас и учетную ставку. Необходимо сравнить две другие графы —*резервные банкноты* и *учтенные векселя.*

Английский банк состоит, как известно, из двух различных отделений: Issuing department (эмиссионное отделение) и Banking department (банковое отделение). Первый мы можем назвать *монетным двором* Английского банка. Вся его деятельность заключается в выпуске банкнот. Актом Роберта Пиля

1844 г. выпуск банкнот ограничен законом. А именно: сверх суммы в 14000000 ф. ст., представляющих тот капитал, который Английскому банку должно государство, банк имеет право выпускать банкноты лишь на сумму, не превышающую золотого запаса, хранящегося в его подвалах. Следовательно, если банк, например, выпускает банкнот на 20 млн. ф. ст., то в его подвалах должно находиться 6 млн. ф. ст. золотом. К этому регулируемому таким путем изготовлению и выпуску банкнот сводится вся деятельность Issuing department банка. Все количество изготовленных им банкнот он передает Banking department, банку в собственном смысле слова, банку, который имеет дело с публикой, как всякий другой депозитный или учетный банк, и пускает банкноты в обращение путем учета векселей, выдачи ссуд под процентные бумаги, выплаты дивидендов государственным кредиторам, выдачи помещенных у него вкладов и т. д. Это изумительное изобретение — разделение Английского банка на два друг от друга независимых отделения и указанное регулирование количества выпускаемых банкнот, — сделано было Робертом Пилем, который воображал, что таким путем будут предотвращены все будущие денежные кризисы и бумажное обращение будет согласовываться с металлическим посредством автоматически действующего механического закона. Но прославленный государственный деятель просмотрел тот немаловажный факт, что его регулирование регулирует только обращение между Issuing и Banking department, между двумя отделениями Английского банка, но отнюдь не обращение между банковым отделением и внешним миром. Эмиссионное отделение банка передает банковому отделению такое количество банкнот, какое оно имеет право изготовить по закону, например 20 миллионов, если в его сейфах находится 6 миллионов золота. Сколько, однако, из этих 20 миллионов действительно попадет в обращение, зависит от состояния дел, от потребностей и спроса торгового мира. Остаток, который банк не может пустить в оборот и который поэтому остается лежать в сейфах Banking department, фигурирует в отчетах банка под именем *резервных банкнот.*

Если, как мы видели, золотой запас банка увеличился с 20 января 1855 г. до 12 мая 1855 г. на 3883000 ф. ст., то сумма резервных банкнот поднялась за это время, оказывается, с 5463000 до 9417000, то есть на 3954000 фунтов стерлингов. Чем больше сумма резервных банкнот, то есть банкнот, лежащих в сейфах Banking department, тем меньше количество фактически обращающихся банкнот. Но из приведенных выше цифр следует, что одновременно с накоплением золота в подвалах

банка уменьшилось количество обращающихся банкнот. В чем причина этого сокращения обращения? Да просто в ослаблении деловой активности и сокращении числа торговых сделок. Правильность этого взгляда целиком подтверждается теми же самыми отчетами банка, из которых видно, что стоимость учтенных банком векселей, достигавшая к 20 января 1855 г. 25282000 ф. ст., к 12 мая 1855 г., напротив, упала до 23007000 ф. ст., то есть уменьшилась на 2275000 фунтов стерлингов. Но стоимость учтенных банком векселей является самым верным мерилом числа заключенных им сделок с торговым миром. Результат еще более поразителен, если принять во внимание, что банк 28 апреля снизил учетную ставку до 4% и, таким образом, предложил свой товар — капитал — на 20% дешевле, чем в истекшем январе. Между тем с 28 апреля, когда банк снизил учетную ставку, до 12 мая сумма банкнот, выпущенных банком для учета векселей, уменьшилась, вместо того, чтобы увеличиться. Это доказывает, что при нынешней конъюнктуре капитал даже при ставке в 4% оказывается слишком дорогим для того, чтобы найти хотя бы только такой спрос, который он еще в начале января находил при ставке в 5%. Это доказывает, что падение учетной ставки надо приписать не большему притоку капиталов, а только меньшему спросу на капитал для торговой и промышленной деятельности. Это доказывает, наконец, что увеличение металлического запаса в подвалах банка является лишь увеличением лежащего без дела и в настоящий момент не находящего себе применения капитала.

Написано К. Марксом 19 мая 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 233, 22 мая 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

КРЫМСКАЯ ВОЙНА

В момент, когда пишутся эти строки, полевые действия в Крыму, о подготовке которых мы упоминали несколько дней тому назад[153], должно быть, уже начались. Тем самым война, поскольку она ограничивается рамками полуострова, входит в новую и, возможно, решающую стадию развития. Быстрое прибытие пьемонтских и французских резервов и в особенности неожиданно проведенные изменения, в результате которых Канробер ушел с поста командующего на пост командира корпуса, а главное командование было возложено на Пелисье, с несомненностью свидетельствуют о том, что наступило время изменить тактику ведения боевых действий союзниками.

Общее описание местности, на которую должен быть перенесен театр военных действий, и ориентировочные данные о силах, которые должны вступить в бой, читатель может найти в нашей предыдущей статье. Следует вспомнить, что основная позиция русской обсервационной армии, поддерживающей связь с Северной стороной Севастополя, расположена на плато между Инкерманом и пунктом, где дорога Балаклава — Симферополь пересекает горную гряду, разделяющую долины рек Черной и Бельбек. Эту позицию, имеющую большие естественные преимущества, русские буквально изрыли окопами. Она простирается почти на четыре мили между оконечностью Севастопольской бухты и непроходимой грядой гор, и русские смогут сосредоточить там по меньшей мере 50000—60000 человек пехоты и артиллерии — количество, вполне достаточное для обороны.

Для того чтобы атаковать эту позицию в лоб, потребовалось бы большое численное превосходство и потери были бы огромны;

между тем союзники не могут ни создать первого, ни позволить себе второго. Даже если бы им удалось овладеть русскими укреплениями, потери были бы столь велики, что лишили бы их возможности активно и решительно продолжать кампанию. Поэтому они должны попытаться оттянуть некоторое количество русских с этой позиции и найти пути для ее обхода. С этой целью была предпринята таинственная экспедиция в Керчь. Около 15000 войск союзников погрузились на суда, проследовали на глазах у русских мимо Ялты, направились в Керчь и вернулись обратно. Тот факт, что они не попытались высадиться, объясняется якобы телеграфным приказом из Парижа. Во всяком случае эту, с позволения сказать, демонстрацию следует квалифицировать как полный провал: ни одного генерала в здравом уме нельзя заставить раздробить свои войска для проведения экспедиции, которая не закончилась бы хотя бы видимостью сражения. От наступления на Кафу, даже если оно планировалось штабом, по-видимому, в конце концов, тоже отказались. Не может быть, чтобы сейчас стоял вопрос о переброске войск в Евпаторию с целью предпринять вылазку из этого пункта; если бы это было так, туда сразу же были бы брошены пьемонтские и французские резервы. И поскольку на побережье ни между Балаклавой и Кафой, ни между Севастополем и Евпаторией нет никакой другой гавани или хорошего рейда, мысль о том, чтобы обойти русских с моря, в конце концов, была, очевидно, отброшена, и теперь не остается ничего другого, как обойти их с суши, что, как мы уже отмечали, будет чрезвычайно трудной операцией.

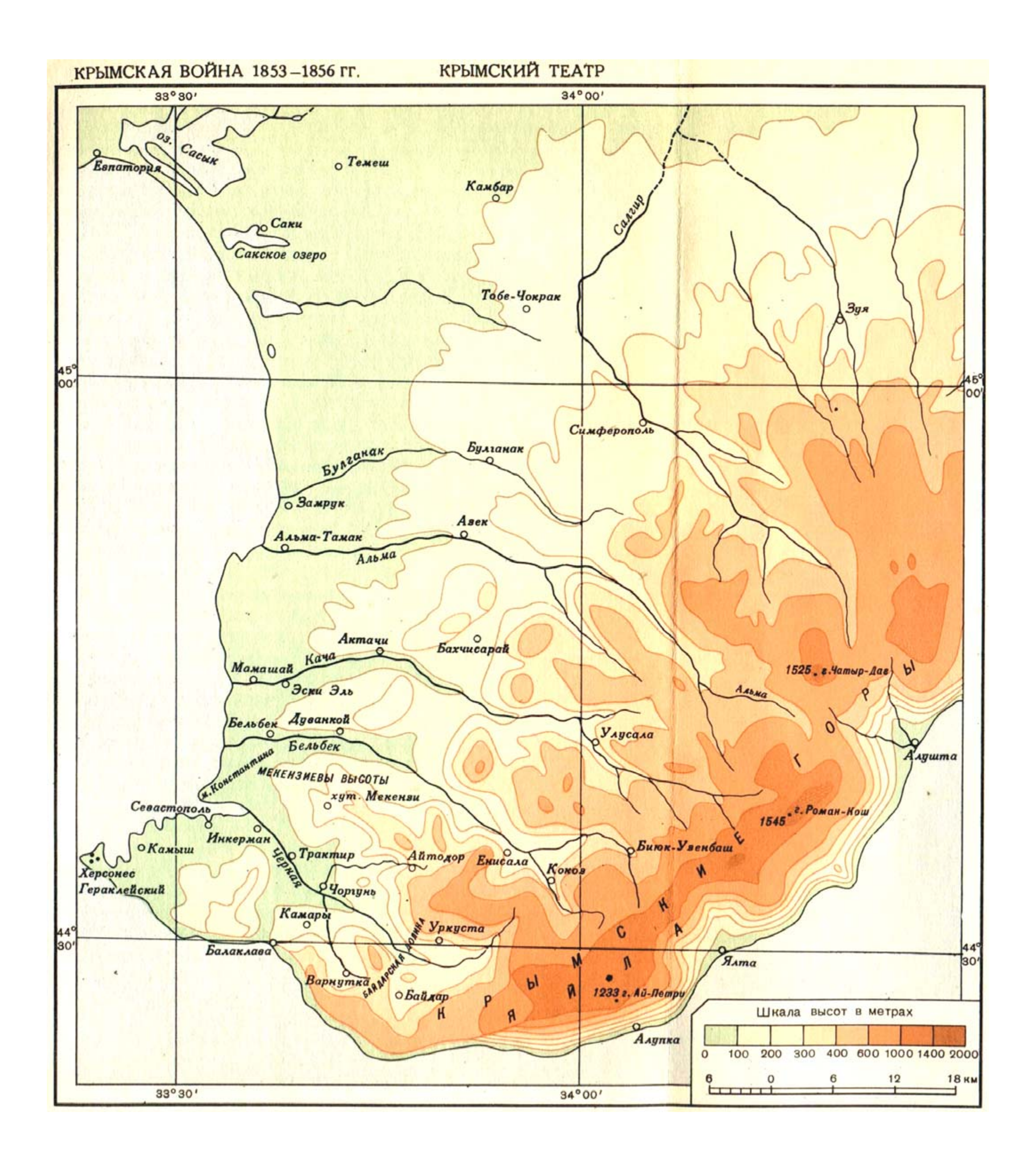
Кроме дороги, занятой русскими выше Инкермана, имеется еще лишь одна большая дорога, ведущая из Балаклавы в Симферополь. Она проходит вдоль южного побережья до Алушты, поворачивает здесь в глубь полуострова, проходит через горы восточнее Чатыр-Дага, или Шатер-горы, самой высокой горы в Крыму, на высоте 2800 футов над уровнем моря и спускается к Симферополю через долину реки Салгир, являющейся самой большой рекой Крыма. От Балаклавы до Алушты — четыре дневных перехода, от Алушты до Симферополя — три; в целом около 95 английских миль. Но поскольку рядом нет других дорог, которые позволили бы войскам двигаться несколькими параллельными колоннами, вся армия должна была бы двигаться по одной дороге, одной чрезвычайно растянутой колонной; это потребовало бы, по крайней мере, четырех-пятидневного марша одной растянувшейся на большое расстояние колонной. Близ Алушты и на перевале имеется несколько старых укреплений, и можно не сомневаться, что сам перевал окажется сильно укрепленным. Вместо семи дней армии, возможно, потребова-

лось бы двенадцать, прежде чем она смогла бы перейти через перевал Чатыр-Дага, — время, достаточное для того, чтобы русские нанесли удар по армии, оставленной для проведения осады, или бросили большую часть своих войск против неприятеля и встретили его превосходящими силами в момент выхода его из теснины, тогда как легкие маневренные колонны, направленные по тропам Верхней Качи и Альмы, ударили бы с флангов и с тыла. Крупнейшим недостатком флангового движения через Алушту было бы, однако, отсутствие там операционной базы. Открытый рейд Алушты исключает мысль о превращении этого города даже во временную базу; таким образом, даже до того, как будет пройдена Алушта, русская легкая пехота, спустившись по горным тропам, сможет весьма успешно перерезать коммуникации с Балаклавой.

Марш через Алушту, поэтому, вряд ли может быть предпринят. Риск, сопряженный с ним, намного перевешивает пользу, которую он мог бы принести. Однако имеется другой способ обойти русских. Если при движении через Алушту все преимущества, которые дает союзникам большая дорога, в значительной мере сводятся на нет тем обстоятельством, что русские могут использовать для нападения горные тропы, то не могут ли союзники также использовать эти тропы в своих интересах? Но это означало бы проведение совершенно иной операции. В таком случае союзники расположили бы основную массу своих полевых . частей, включая войска, предназначенные для осады Северной стороны Севастополя, непосредственно против русского лагеря у Инкермана, тем самым вынуждая противника держать значительную часть своих войск сосредоточенными в окопах. Тем временем из зуавов, французских стрелков, легкой пехоты, английских стрелков и даже конных Chasseurs d'Afrique*, а также того количества горной артиллерии, которое можно было бы собрать, были бы образованы колонны по количеству горных троп, ведущих из Байдарской долины и с Южного берега близ Алупки, в 30 милях от Балаклавы, в долины рек Бельбек и Качи. В результате одного ночного перехода войска, предназначенные для обхода крайнего левого фланга русских, могли бы пройти через Байдарскую долину и выйти на Южный берег, где они были бы уже вне досягаемости противника. Еще один переход привел бы их в Алупку. Над Алупкой возвышается отвесная гряда Яйлы, образующая на северном склоне, на высоте около 2000 футов над уровнем моря, возвышенное плато с прекрасными пастбищами для овец;

* — африканских стрелков. *Ред.*

плато спускается скалистыми обрывами в узкие долины небольших речек Биюк Узень и Узень Баш, при слиянии которых образуется река Бельбек. Три тропы ведут к этому плато из района Алупки и затем приводят в узкие долины обоих Узеней. Вся эта местность вполне проходима для таких пехотных войск, как зуавы или французские стрелки, которые в Африке привыкли к военным действиям в горах в значительно более сложных условиях. Далее, из долины, в верховьях реки Черной, более известной под названием Байдарской долины, по меньшей мере две тропы ведут в долину, расположенную в верховьях реки Бельбек, и, наконец, одна тропа отходит от дороги Балаклава —Симферополь перед самым горным перевалом, пересекает гряду в трех милях юго-восточнее хутора Мекензи и подходит непосредственно к левому флангу укрепленных позиций русских. Как бы трудны ни были эти тропы для армии, они все же должны быть проходимы для французских легких войск из Африки. «Где может пройти козел, там может пройти человек; где пройдет один человек, там пройдет батальон; где пройдет батальон, с некоторыми трудностями смогут пройти одна-две лошади; и, в конце концов, вам, возможно, удастся протащить и полевое орудие». В сущности нет ничего удивительного, если эти козьи тропы и пешеходные тропинки, обозначенные на картах, окажутся даже проселочными дорогами, весьма скверными, но все же пригодными для флангового движения, при котором в составе колонны, вероятно, будет следовать и артиллерия. В таком случае обходный маневр должен проводиться возможно более крупными силами, и тогда русские скоро будут вынуждены оставить свои окопы, даже без серьезной фронтальной атаки. Если же эти тропы окажутся непроходимыми для полевой артиллерии (ракетная артиллерия и горные гаубицы могут пройти повсюду), то совершающие обход части превратятся в простые подвижные отряды, вытеснят насколько возможно русские войска из долин в верховьях реки Бельбек, проникнут в долину реки Качи, создадут угрозу тылу русских, будут перерезать их коммуникации, уничтожать их транспортные колонны, собирать достоверную информацию, производить разведку местности, отвлекать на себя возможно большее количество русских войск, пока дорога, которая окажется наименее трудной, не будет приведена в такое состояние, чтобы по ней могла пройти артиллерия. Затем, вслед за ними смогут быть направлены большие силы, и тыл русских может оказаться под такой серьезной угрозой, что русские будут вынуждены оставить свои укрепления. Мы не думаем, что продвижение одной только пехоты и легкой кавалерии через эти

КРЫМСКАЯ ВОЙНА 1853–1856 гг.
КРЫМСКИЙ ТЕАТР
33°30′
34°00′
45° 00′
44° 30′
оз. Сасык
Евпатория
Темеш
Камбар
Саки
Сакское озеро
Салгир
Тобе-Чокрак
Зуя
Симферополь
Булганак
Булганак
Замрук
Авек
Альма-Тамак
Альма
Актачи
Бахчисарай
Кача
Мамашай
Эски Эль
Бельбек
Дуванкой
Бельбек
1525 г. Чатыр-Даг
Альма
Улусала
Алушта
м. Константина
МЕКЕНЗИЕВЫ ВЫСОТЫ
хут. Мекензи
Севастополь
Инкерман
1545 г. Роман-Кош
Камыш
Черная
Трактир
Айтодор
Енисала
Биюк-Узенбаш
Херсонес Гераклейский
Чоргунь
Коккоз
Камары
Уркуста
Байдарская долина
Балаклава
Ялта
Варнутка
Байдар
1233 г. Ай-Петри
Алупка
КРЫМСКИЕ ГОРЫ
Шкала высот в метрах
0 100 200 300 400 600 1000 1400 2000
6 0 6 12 18 км

горы на левый фланг и в тыл русских может иметь такой результат, так как эти войска не могли бы представить серьезной угрозы для русских коммуникаций, не спустившись в такую местность, где артиллерия вновь приобретает все свое значение и потому обеспечивает преимущество той стороне, которая обладает ею. Нонет сомнения, что при известной изобретательности артиллерия сможет сопровождать совершающие обход колонны. При Йене[154] Наполеон показал, что можно сделать, используя простую пешеходную тропу, ведущую к вершине крутого холма: за пять часов она была превращена в дорогу, достаточно широкую для движения орудий, пруссаки были атакованы с фланга, и победа следующего дня была обеспечена. А там, где может пройти крымская арба, может пройти и полевое орудие; некоторые из троп, о которых идет речь, особенно те, что ведут от реки Черной к реке Бельбек, по-видимому, являются такими старыми проселочными дорогами для арб.

Но первым условием для осуществления такого маневра является наличие достаточных сил. Русские, безусловно, будут иметь численное превосходство; их преимуществом будет и лучшее знание местности. Первое может быть сведено на нет смелым продвижением войск Омер-паши из Евпатории к Альме. Хотя превосходство русских в кавалерии не позволит ему продвигаться быстро и на большое расстояние, все же, умело маневрируя и хорошо обеспечивая свои коммуникации, он может вынудить князя Горчакова бросить против него больше пехоты. Но союзники не могут строить свои расчеты на подобного рода второстепенных операциях — это значило бы полагаться на случай. Лучшее, что они могли бы сделать для осуществления наступления из Балаклавы, это перебросить (что, как сообщалось некоторое время тому назад, они уже сделали*) за день или два до начала действительного наступления около 20000 турок к Херсонееу, где каждый солдат был бы равен двум солдатам в Евпатории. Это дало бы им возможность атаковать русских силами почти в 110000 человек, включая около 6000 кавалеристов, которым русские могли бы противопоставить около 65000 или 75000 человек пехоты (в том числе 15000— 20000 человек из гарнизона Северной стороны) и 10000 кавалеристов. Но как только группировка, совершающая обход, начнет угрожать левому флангу и тылу русских, силы, которые могли бы быть противопоставлены ей, будут сравнительно слабы, так как переброска войск с Северной стороны поставила

* Фраза в скобках, по-видимому, вставлена редакцией «New-York Daily Tribune». *Ред.*

бы их под угрозу быть отрезанными от своего укреплённого лагеря, расположенного вокруг цитадели; и поэтому союзники, получив возможность использовать всю имеющуюся в их распоряжении полевую армию в любом пункте, обладали бы значительным превосходством. В этом случае они могли бы безусловно рассчитывать на успех; но если они атакуют русских без посторонней помощи, и если соотношение численности обеих армий, приводившееся наиболее заслуживающими доверия авторитетами, соответствует действительности, то у них будет мало шансов на успех. Их группировка, совершающая обход, была бы слишком слаба, и русские могли бы, не считаясь с нею, смелой вылазкой со своих позиций сбросить ослабленных союзников с высот в реку Черную.

Считается возможным и другой маневр союзников: незамедлительный штурм Южной стороны Севастополя. Есть сведения даже, что из Парижа был передан по телеграфу безоговорочный приказ предпринять такой штурм и Канробер подал в отставку вследствие того, что он не считал возможным осуществлять маневр, который, по его мнению, привел бы к потере 40000 человек. Судя по тому, какие познания показал Луи-Наполеон в военной области при вмешательстве в руководство нынешней кампанией, можно, пожалуй, допустить, что такой приказ был отдан. Менее вероятно, однако, чтобы даже такой безрассудный sabreur*, как Пелисье, взялся выполнить подобный приказ. События последнего месяца должны были дать французским солдатам достаточно хорошее представление о том, какое сопротивление они встретят в случае штурма. К тому же операция, которая не может быть осуществлена без потери 40000 человек— более одной трети всей армии, предназначенной для штурма,— имеет безусловно очень мало благоприятных шансов на успех. Пелисье может быть и жаждет получить маршальский жезл, который ускользнул из рук Канробера, но все же мы сильно сомневаемся, что он является в достаточной мере бонапартистом, чтобы рисковать своей судьбой и репутацией в столь неблагоприятных условиях. Предположим даже, что такой штурм оказался успешным, что не только первая линия обороны, но также и вторая взяты, что даже баррикады, укрепленные дома и блиндажи, преграждающие путь к береговым фортам, и эти береговые форты захвачены, что вся Южная сторона попала в руки союзников, которые потеряли, скажем, лишь 30000 человек, тогда как русские — 20000. Что тогда? Союзники потеряли бы на 10000 человек больше, чем русские, и захваченную

* — рубака. *Ред.*

крепость пришлось бы тотчас оставить, а проведение полевых операций было бы еще более затруднено.

Во имеется один момент, который исключает всякую мысль о немедленном общем штурме. Основываясь на некоторых полуофициальных сообщениях, мы исходили в одной из предыдущих статей об осаде*, в чисто полемических целях, из предположения, что русские были выбиты из своих новых внешних укреплений перед Севастополем. В то же время мы отмечали, что у нас есть все основания сомневаться в правильности этих сообщений, так как о любом успехе такого рода союзники заявили бы громко и определенно. И действительно, в настоящее время мы располагаем достоверными сведениями из русских источников о том, что Камчатский (Мамелон), Селенгинский и Волынский редуты все еще находятся в их руках, причем сообщения, поступающие из лагеря союзников, не только подтверждают это, но и признают тот факт, что осажденными возведены новые внешние укрепления. Таким образом, преимущество, полученное союзниками благодаря тому, что они выдвинули апроши ближе к крепости, было сведено на нет контрапрошами русских, и линия, на которой обе стороны могут встретиться с равными силами, все еще весьма удалена от главного рва. Между тем штурм целесообразно проводить лишь в момент, когда линия, на которой силы наступающих, предназначенные для осадных операций, равны силам обороняющихся, проходит по главному оборонительному рву. Совершенно ясно, что в противном случае идущие на штурм колонны будут разбиты и уничтожены прежде, чем они смогут выйти на вершину бруствера. Вот почему союзники, пока они не в состоянии отбросить русских за главный ров, не могут штурмовать главный вал, расположенный позади этого главного рва. Что же касается овладения второй линией, возведенной позади этого рва, то в настоящее время об этом не может быть и речи.

Возможно, что создалась благоприятная обстановка для частичного штурма левой или Городской стороны на участке от Карантинного бастиона до Мачтового, где французы проводят свою главную инженерную атаку. Но вследствие политики французского правительства мы не имеем никакого представления о протяженности и мощности находящихся здесь русских внешних укреплений, а недавние русские донесения, поступавшие последнее время только по телеграфу, не содержат каких-либо определенных и подробных описаний. Однако у Мачтового бастиона, как признают сами русские, французские укрепления находятся поблизости от главного вала, и под ним была

* См. настоящий том, стр. 212. *Ред.*

взорвана мина, хотя и без каких-либо существенных результатов. Поэтому штурм на этом участке может быть успешным, но ввиду того, что данный бастион выдается вперед, а местность позади него (русский Язоновский редут) является командной, весьма сомнительно, чтобы можно было добиться чего-нибудь захватом этого бастиона; бастион, должно быть, изолирован от остальной части укреплений одним или двумя поперечными валами, проходящими позади него, что помешает штурмующим колоннам обосноваться в нем или, по меньшей мере, продвинуться сколько-нибудь вперед.

Таким образом, независимо от того, будет ли предпринят штурм или действия в полевых условиях, союзникам придется столкнуться с большими трудностями. Во всяком случае, вялому методу ведения военных действий, которого придерживались союзники с момента прибытия в район Севастополя, приходит конец, и в настоящий момент можно ожидать более значительных событий и операций, представляющих действительный интерес с военной точки зрения.

Написано Ф. Энгельсом около 21 мая 1855 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4411, 8 июня 1855 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

ПО ПОВОДУ ДВИЖЕНИЯ В ПОЛЬЗУ РЕФОРМЫ

Лондон, 21 мая. Все лондонские газеты опубликовали сегодня воззвание реформаторов из Сити или, вернее, их исполнительного комитета к «английскому народу». Стиль этого документа сухой, деловой, не такой возвышенный, как те периодически выпускаемые торговые бюллетени, которые исходят из того же источника и в более или менее искусно составленных витиеватых фразах предлагают всему миру на продажу кофе, чай, сахар, пряности и другие продукты тропических стран. Ассоциация обещает доставить материалы, раскрывающие подлинную физиологию различных правительственных ведомств, и разоблачить все тайны Даунинг-стрит[155], наследственно-мудрого Даунинг-стрит. Это то, что она обещает. Со своей стороны она требует, чтобы избиратели Англии посылали в парламент кандидатов по собственному выбору, зарекомендовавших себя своими заслугами, а не кандидатов, навязанных им аристократическими клубами, как это бывало до сих пор. Она, следовательно, считает нормальным существование привилегированного круга лиц, пользующихся избирательным правом, того круга избирателей, чья зависимость от нескольких клубов, продажность и несамостоятельность породили, по ее собственному признанию, теперешнюю палату общин, а следовательно, и теперешнее правительство. Ассоциация не имеет желания упразднять этот привилегированный круг избирателей, не хочет даже расширить его; она хочет лишь воздействовать на него морально. Почему же в таком случае не взывать непосредственно к совести самой олигархии, вместо того чтобы угрожать ей упразднением ее привилегий? Ведь легче как-никак обратить

на путь истинный олигархических предводителей, чем олигархический круг избирателей. Ассоциация Сити явно хотела бы вызвать антиаристократическое движение, но движение в *пределах легальной* (по выражению Гизо) официальной Англии. Каким же образом думает она взбудоражить гнилое болото этого круга избирателей? Каким образом намерена она заставить этих избирателей отказаться от тех выгод и привычек, которые делают их вассалами двух-трех аристократических клубов и опорой правящей олигархии? При помощи физиологии Даунинг-стрит? Не совсем так. При помощи также *давления извне,* посредством массовых митингов и тому подобного. Но каким образом рассчитывает она привести в движение неофициальные, не имеющие избирательных прав народные массы, чтобы оказать давление на этот привилегированный круг избирателей? Она призывает их отречься от Народной хартии (в которой в сущности не содержится ничего, кроме требования *всеобщего избирательного права* и тех условий, при которых оно только и может действительно осуществиться в Англии) и признать привилегии узкого круга избирателей, который, по признанию самих реформаторов из Сити, охвачен процессом разложения. Ассоциация Сити имеет перед собой пример «сторонников парламентской и финансовой реформы». Она знает, что это движение, во главе которого стояли Юм, Брайт, Кобден, Уолмсли и Томпсон, потерпело крушение, потому что вместо Народной хартии они выдвинули так называемую «Малую хартию», потому что они шли лишь на отдельные уступки народной массе, хотели заключить с ней только компромисс. И она надеется, что ей удастся добиться *без* уступок того, чего те не могли добиться *несмотря* на уступки? Или, может быть, из движения в пользу отмены хлебных законов она делает вывод, что английский народ можно привести в движение ради частичных реформ? Но цель этого движения затрагивала самые широкие слои, была очень популярна, весьма ощутима. Как известно, символом Лиги против хлебных законов была большая коврига хлеба в противоположность маленькому хлебцу протекционистов. Коврига хлеба — особенно в голодном 1846 году — говорит, разумеется, несравненно больше народу, чем «физиология Даунинг-стрит». Нет необходимости напоминать об известной книжонке — «Физиология Сити»[156]. В ней неопровержимо доказано, что как бы хорошо господа из Сити ни обделывали свои собственные дела, в управлении *общественными делами,* например различными *страховыми обществами,* они более или менее точно следуют примеру официального Даунинг-стрит. Их управление *железными дорогами,* с наделавшими шуму мошенничествами, обманами и

полным пренебрежением к мерам безопасности, до такой степени опорочено, что не раз в печати, в парламенте и вне парламента поднимался вопрос, не отобрать ли железные дороги у частных капиталистов и не поставить ли их под непосредственный контроль государства! Физиология Даунинг-стрит, следовательно, ничего не даст, как говорят англичане — «this will not do, sir!»*

Написано К. Марксом 21 мая 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 237, 24 мая 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — «это не подойдет, сударь!» *Ред.*

К. МАРКС

К КРИТИКЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДЕЛ В КРЫМУ. — ИЗ ПАРЛАМЕНТА

Лондон, 23 мая. Грозное недовольство, вызванное в армии и флоте союзников под Севастополем отозванием керченской экспедиции, нашло отражение, правда слабое и вялое, в лондонской прессе. Начинают опасаться, что единству действий и нормальному ходу военной драмы в Крыму угрожают не столько русские, сколько наглое и капризное вмешательство Deus ex machina*, военного гения Наполеона III. Образчики этого гения, содержащиеся в известном военно-научно-дидактическом «опыте», напечатанном в «Moniteur»[157] и в самом деле отнюдь не утешительны и не успокоительны. До сих пор, однако, отдаленность театра военных действий от Тюильри давала известную гарантию от практического вмешательства парижского военного дилетантизма. Между тем подводный телеграф уничтожил расстояния, а вместе с этим и гарантию, и Джон Буль, который имеет обыкновение называть себя «the most thinking people of the world»**, начинает задумываться, ворчать и жаловаться на то, что английские армия и флот должны играть роль corpus vile***, над которым будет производить свои эксперименты унаследованный и ниспосланный провидением «военный гений».

«Morning Herald» в сегодняшнем номере со всей решительностью уверяет, что экспедиция была отозвана ввиду того, что Бонапарта снова обуяла рискованная идея штурмовать Сева-

* — буквально «бога из машины» (в античном театре актеры, изображавшие богов, появлялись на сцене с помощью особых механизмов); в переносном смысле — неожиданно появляющееся лицо, которое спасает положение. *Ред*.

** — «наиболее мыслящим народом мира». *Ред.*

*** — объекта, не представляющего ценности. *Ред.*

стополь с юга. Мы не сомневаемся ни на минуту, что военный гений из Тюильри одержим этой навязчивой идеей, но мы не можем поверить, чтобы даже такой простой «sabreur»*, как Пелисье, был способен взяться за выполнение столь бессмысленно гибельного плана. Мы поэтому полагаем, что было принято решение переправляться через Черную en masse** и сочтено рискованным дробить силы посредством отделения отряда в 12000 человек. Действительно, вместо отделения этих 12000 человек следовало бы, наоборот, перед самым выступлением армии посадить на корабли в Евпатории 15000—20000 турок и присоединить их к главной армии, оставив там лишь необходимый для удержания этого пункта гарнизон. Как уже указывалось в одной из предыдущих корреспонденций***, успех кампании в целом зависит от численности той армии, которая переправится через Черную. Как бы то ни было, отозвание керченской экспедиции является новым доказательством неуверенности и колебаний действующего наощупь дилетантизма, которые теперь выдаются за idées napoléoniennes****.

Между тем герои у наспех сфабрикованные для нужд coup d'état*****, сходят со сцены с неслыханной быстротой. Первым в их ряду оказался Эспинас, которого зуавы, после его позорного похода в Добруджу[158], заставили сломя голову бежать в Париж. Это тот самый *Эспинас,* который, будучи обязан охранять здание Национального собрания, выдал Собрание его врагам[159]. Вторым по нисходящей линии был *Леруа,* alias****** *Сент-Арно,* военный министр 2 декабря. За ним последовал *Форе,* столь храбрый в травле несчастных крестьян Юго-Восточной Франции и столь предупредительно-гуманный по отношению к московитам. Возникшее в армии подозрение, что он выболтал русским тайны французского военного совета, вынудило отослать его из Крыма в Африку. Наконец, *Канробер,* разжалованный ввиду явной неспособности. По иронии истории его преемником, следовательно, в известной мере и главнокомандующим англо-французской армией, был назначен *Пелисье,* тот самый Пелисье, относительно которого в 1841 г. в самом парламенте, в лондонских офицерских клубах, на провинциальных митингах, в «Times» и «Punch» без конца твердили, что *никогда* ни один порядочный английский офицер не сможет

* — «рубака». *Ред.*
** — всей массой. *Ред.*
*** См. настоящий том, стр. 183. *Ред.*
**** — наполеоновские идеи. *Ред.*
***** — государственного переворота. *Ред.*
****** — иначе. *Ред.*

служить вместе с этим *«чудовищем»* («that ferocious monster»). А ныне английская армия служит не только *вместе с* ним, но и *под* его командованием — вся английская армия! Когда виги и их министр иностранных дел Пальмерстон были свергнуты тори, Пальмерстон созвал своих избирателей в Тивертоне и доказал им свое право расторгнуть англо-французский союз и объединиться с Россией на том основании, что французское правительство, что Луи-Филипп держат на службе такого *«изверга»,* как Пелисье! Следует признать, что если французская армия дорого расплачивается за свой декабрьский мятеж, то и Англии союз с реставрированной империей принес не одни только «розы».

Вчера в палате общин министерство потерпело поражение, которое свидетельствует лишь о том, что парламент время от времени мстит министрам за то презрение, с каким относятся к нему out of doors*. Некий г-н *Уайз* внес предложение о том, что

«по мнению данной палаты, необходимо произвести полную ревизию наших дипломатических учреждений в том виде, как она рекомендована в докладе избранного в 1850 г. комитета по делам о содержании чиновников».

Г-н Уайз — друг Пальмерстона. Его предложение почти в течение двух лет фигурирует в порядке дня палаты, но до сих пор не обсуждалось. Случаю было угодно, чтобы вчера оно обратило на себя внимание недовольной палаты. Уайз выступил с речью, рассчитывая после нескольких замечаний Пальмерстона повести обычную игру и взять свое предложение обратно. Однако, несмотря на эту договоренность, г-н Бейли поддержал предложение, которое взял обратно Уайз, и вопреки Уайзу и Пальмерстону провел его большинством в 112 голосов против 57. Это поражение нисколько не обеспокоило такого старого опытного тактика, как Пальмерстон, ибо он знает, что палата ради спасения видимости своей самостоятельности вынуждена время от времени приговаривать министерские предложения к смерти, а антиминистерским давать жить. Напротив, подобно удару грома, подействовало на министерские скамьи предложение Дизраэли[160]. Сам Пальмерстон, мастер парламентской комедии, поздравлял «авторов и актеров этой несравненной сцены». Это не была ирония. Это была невольная дань похвалы, которую художник платит сопернику, победившему его в его же собственной области. На заседании в понедельник Пальмерстон так искусно вел игру с Милнером Гибсоном, Гладстоном, Гер-

* — за пределами его стен. *Ред.*

бертом, Брайтом и лордом Вейном, что, казалось, отсрочка всяких дебатов о внешней политике до окончания каникул по случаю троицы была гарантирована, определенная линия поведения министерства и палаты обеспечена, диктатура самого благородного виконта на многие недели была установлена. Единственный день, когда дебаты могли еще состояться — четверг, был заранее отведен для обсуждения предложения Лейарда о реформах. Таким образом, никто не мог помешать Пальмерстону заключить мир во время каникул по случаю троицы и, как он уже не раз делал, ошеломить вновь собравшуюся палату одним из своих пресловутых договоров. Палата со своей стороны возможно и не возражала бы против того, чтобы оказаться столь искусно застигнутой врасплох. Мир, *заключенный за ее спиной,* даже мир a tout prix*, был бы ею принят с некоторыми post festum** протестами приличия ради. Но когда министерство и палата оказались вынужденными высказаться *до* каникул, министерство не могло уже застигнуть палату врасплох, а палата не могла позволить захватить себя врасплох. Этим объясняется то замешательство, которое возникло, когда поднялся Дизраэли и внес свое предложение, а Лейард уступил ему *свой* день. Этот «тайный сговор между Лейардом и Дизраэли», по определению газеты «Post», расстроил, таким образом, все уловки, которые пускались в ход со времени «закрытия» еще «не закончившейся Венской конференции».

Написано К. Марксом 23 мая 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 241, 26 мая 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — любой ценой. *Ред.*
** — запоздалыми. *Ред.*

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ПРОЛОГ К КОМЕДИИ, РАЗЫГРАННЫЙ У ЛОРДА ПАЛЬМЕРСТОНА. — ХОД ПОСЛЕДНИХ СОБЫТИИ В КРЫМУ [161]

Лондон, 24 мая. Как только предложение Дизраэли создало перспективу настоящего сражения между Ins и Outs* в палате общин, Пальмерстон решил забить тревогу и пригласил, за несколько часов до открытия заседания, министерскую свиту вместе с пилитами, манчестерской школой и так называемыми «независимыми» в свою резиденцию на Даунинг-етрит. Явилось 202 парламентария, в том числе и г-н *Лвйард,* который чувствовал себя не в силах противиться влекущему зову министерской сирены. Пальмерстон пустил в ход дипломатию, каялся, сожалел, успокаивал и уговаривал. Он с улыбкой проглотил школьные наставления Брайта, Лоу и Лейарда. Он предоставил лорду Роберту Гровнору и сэру Джемсу Грехему договариваться с «взволнованными» депутатами. И с того момента, как Пальмерстон увидел недовольных в своей резиденции, собравшихся вокруг него вместе с его приверженцами, он понял, что они ему больше не страшны. Они были не в духе, но жаждали примирения. Исход заседания палаты общин был тем самым предрешен; оставалось лишь разыграть парламентскую комедию перед публикой. Острота положения прошла. Краткое изложение этой комедии мы дадим, как только будет сыгран ее заключительный акт.

С установлением теплой и сырой погоды снова распространились заболевания, обычные для весенней и летней поры в Крыму. Холера и перемежающаяся лихорадка опять появились в лагере союзников; пока эпидемия еще не очень сильна,

* — правительством и оппозицией. *Ред.*

но достаточна для того, чтобы служить предупреждением на будущее. Миазмы, исходящие от массы разлагающихся трупов, которые по всему Херсонесу захоронены на глубине лишь нескольких дюймов, дают себя чувствовать. В то же время и моральное состояние осаждающей армии далеко не удовлетворительное. После перенесенных ею трудностей и опасностей беспримерной зимней кампании, известный порядок и боевой дух среди солдат удавалось поддерживать благодаря наступлению весны и неоднократным обещаниям быстрого и победоносного окончания осады; но день проходил за днем, не принося никаких успехов, между тем как русские продвигались за свои линии и возводили редуты на территории, за которую ведут борьбу обо стороны. Зуавы вышли из повиновения и вследствие этого были брошены на бойню на Сапун-горе 23 февраля. После этого союзные генералы стали проявлять некоторую подвижность — активностью это назвать нельзя; однако никакой определенной цели не ставилось, никакого твердого плана последовательно в жизнь не .проводилось. Мятежный дух среди французских солдат по-прежнему сдерживался благодаря тому, что русские своими постоянными вылазками не давали им покоя, и благодаря началу второй бомбардировки, которая на этот раз, казалось, должна была наверняка закончиться феерией общего штурма. Но последовало жалкое фиаско. После этого начались медленные, тяжелые, не приносившие ощутимых успехов инженерные атаки, необходимые для поддержания духа солдат. Солдатам скоро надоели эти ночные схватки в окопах, в которых гибли сотни людей без всяких видимых результатов. Снова стали требовать штурма, и снова Канробер вынужден был дать обещания, заранее зная, что выполнить их невозможно. Пелисье спас его от повторения сцен мятежа своей ночной атакой 1 мая. Как сообщают, он предпринял ее вопреки приказу Канробера, который прибыл в тот момент, когда войска уже были двинуты в бой. -Эта удачная атака, говорят, снова подняла настроение солдат. К этому времени прибыли пьемонтские резервы; Херсонес заполнился войсками. Войска считали, что, получив подкрепления, они могут перейти к непосредственным действиям. *Надо было* что-то предпринять. Решено было послать экспедицию в Керчь, и она отплыла. Но прежде чем экспедиция достигла керченского рейда, прибыла телеграмма из *Парижа,* обязывающая Канробера отозвать ее обратно. Раглан, разумеется, на это согласился. Браун и Лайонс, командующие британскими сухопутными и морскими силами этой экспедиции, умоляли своих французских коллег атаковать крепость вопреки контрприказу. Но напрасно. Экспедиция вынуждена была отправиться

обратно. На этот раз возмущение войск уже нельзя было сдержать. Даже англичане говорили совершенно недвусмысленным языком; французы находились в состоянии, граничащем с мятежом. Канроберу, таким образом, ничего другого не оставалось, как отказаться от командования армией, над которой он потерял всякую власть и всякое влияние. Пелисье был единственным возможным его преемником, так как солдаты, которым уже давно надоели взращенные в оранжерее бонапартизма генералы, *неоднократно требовали военачальника старой африканской школы.* Пелисье пользуется доверием у солдат, но верховное командование он принимает при тяжелых условиях. Он должен действовать, и без промедления. Так как штурм невозможен, то ничего другого не остается, как двинуться в поход против русских и притом не ранее описанным нами путем, когда вся армия должна была двигаться по *одной-единственной* к тому же сильно укрепленной русскими дороге, а провести армию отдельными отрядами по многочисленным горным тропам и тропинкам, доступным в большинстве случаев лишь овцам и пастухам; это дало бы возможность обойти русские позиции с фланга. Но здесь возникает трудность. Французы располагают транспортными средствами примерно на 30000 человек и для переброски на очень незначительное расстояние от берега. Транспортные средства англичан окажутся исчерпанными, если переправить на них одну дивизию не дальше Чоргуня на реке Черной. Трудно себе представить, чтобы при таком недостатке транспортных средств можно было начинать поход, в случае успеха блокировать Северную сторону, преследовать врага до Бахчисарая и осуществить связь с *Омер-пашой.* Тем более, что русские по своему обыкновению позаботятся о том, чтобы ничего, кроме развалин, после себя не оставить; обеспечить армию телегами, лошадьми, верблюдами и тому подобное можно будет только в том случае, если союзники нанесут русским решительное поражение. Посмотрим, как Пелисье выпутается из этих трудностей.

Мы уже раньше указывали на некоторые странные обстоятельства, связанные с назначением Пелисье[*]. Здесь, однако, необходимо отметить еще один момент. Когда началась война, главное командование было поручено Сент-Арно, бонапартистскому генералу par excellence[**]. Он оказал своему императору услугу тем, что вскоре умер. Его преемником не был назначен ни один из бонапартистов первого ранга: ни Маньян, ни Кастел-

[*] См. настоящий том, стр. 253—254. *Ред.*
[**] — по преимуществу, в истинном значении слова. *Ред.*

лан, ни Роге, ни Бараге д'Илье. Прибегли к Канроберу, человеку менее крепкой и не столь старой бонапартистской закваски, но с большим африканским опытом. Теперь, когда командование опять меняется, бонапартисты du lendemain* так же исключаются, как и бонапартисты de la veille**, и этот пост передаётся простому африканскому генералу, лишенному какой-либо определенной политической окраски, но имеющему за собой долгие годы военной службы и известному в армии. Не приведет ли неизбежно эта нисходящая линия к *Шангарнье, Ламорисьеру* или *Кавеньяку,* то есть за пределы рядов бонапартизма?

«Неспособность заключить мир, так же как и вести войну,— таково наше положение!» — заметил несколько дней тому назад один французский государственный деятель, вся судьба которого связана с режимом империи. Его правоту доказывает каждый шаг реставрированной империи, включая назначение *Пелисье.*

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом 24 мая 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 243, 29 мая 1855 г. и в газете «New-York Daily Tribune» № 4414, 12 июня 1855 г. в качестве передовой

Печатается по тексту «Neue Oder-Zeitung», сверенному с текстом газеты «New-York Daily Tribune»

Перевод с немецкого

* — завтрашнего дня. *Ред.*
** — вчерашнего дня. *Ред.*

К. МАРКС

ПАРЛАМЕНТСКАЯ РЕФОРМА. — ПЕРЕРЫВ И ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ВЕНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ. — ТАК НАЗЫВАЕМАЯ ИСТРЕБИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА

Лондон, 26 мая. Относительно созванного Пальмерстоном позавчера перед заседанием палаты общин Comite du Salut Ministeriel[*] стали известны некоторые подробности, которые характеризуют парламентский механизм и позицию различных фракций, давших министерству большинство в 100 голосов. Пальмерстон с самого начала угрожал *отставкой,* если предложение Дизраэли будет принято. Он угрожал перспективой создания *министерства тори.* Так называемые радикальные парламентарии, poor fellows[**], начиная с 1830 г. пользуются привилегией видеть, как над ними нависает эта последняя страшная угроза каждый раз, когда они начинают бунтовать. И каждый раз эта угроза приводит их к повиновению. А почему? Потому что они боятся массового движения, которое Неизбежно при министерстве тори. До какой степени верно это утверждение, доказывает признание одного радикала, который в настоящий момент сам является министром — правда, всего лишь министром королевских лесов — сэра Уильяма Молсуорта. Пост этот вполне подходит человеку, который от рождения обладает талантом из-за деревьев не видеть леса. Как депутат от Саутуарка, одного из районов Лондона, он получил приглашение от своих избирателей присутствовать на публичном митинге, организованном в прошлую среду в Саутуарке. (NB: на

[*] — комитета спасения министерства. *Ред.*
[**] — бедняги. *Ред.*

этом митинге, как и на большинстве митингов, происходивших до сих пор в различных частях страны, была принята резолюция, гласившая, что требование административной реформы без предварительной парламентской реформы является *фикцией* и *обманом.)* Молсуорт на митинг не явился, однако прислал письмо, и в этом письме он, радикал и член кабинета министров, писал: «Если предложение г-на Дизраэли пройдет, необходимость административной реформы станет еще очевидней». Это «очевидно» означало: если тори образуют министерство, движение в пользу реформы примет серьезный оборот. Однако угроза отставки не являлась главным козырем Пальмерстона. Пальмерстон намекнул на *роспуск парламента* и на участь, которая постигнет многих несчастных депутатов, купивших себе всего три года назад ценой огромных жертв места в «достопочтенной палате». Этот довод оказался решающим. Речь шла уже не об *его* отставке. Вставал вопрос об *их* отставке.

Хотя Пальмерстон и обеспечил себе большинство в 100 голосов против предложения Дизраэли, угрожая одним *своей* отставкой, а другим — *их* изгнанием из палаты общин, открывая одним перспективы мира, а другим — перспективы войны, реставрированная коалиция сейчас же снова распалась и как раз в момент исполнения перед публикой заранее подготовленной комедии. Заявления, которые министры были вынуждены сделать в ходе дебатов, нейтрализовали заявления, сделанные ими en petit comité[*]. Цемент, скреплявший друг с другом несговорчивые фракции, искрошился не от урагана, а от парламентского ветерка. Дело в том, что Робак на вчерашнем заседании запросил премьер-министра по поводу слухов о возобновлении Венской конференции. Он хотел знать, поручено ли английскому послу в Вене принять участие в этой конференции. Между тем Пальмерстон, как известно, с момента возвращения из Вены незадачливого дипломата Рассела отклонял всякие дебаты о войне и дипломатии под предлогом, что не следует мешать «хотя и прерванной, но отнюдь не закончившейся Венской конференции». В прошлый понедельник Милнер Гибсон взял обратно, вернее отложил свое предложение, потому что, согласно заявлению благородного лорда, «вопрос о конференции еще не решен». При этом Пальмерстон специально подчеркнул, что английское министерство предоставило *Австрии,* «в известной мере нашей союзнице», выискивать новые исходные пункты для мирных переговоров. В том, что Венская конференция

[*] — в узком кругу. *Ред.*

будет продолжена, сказал он, не приходится сомневаться. Хотя Рассел из Вены уехал, но Уэстморленд продолжает там оставаться, и, кроме того, в Вене совещаются послы всех великих держав; следовательно, все элементы перманентной конференции налицо.

Однако с понедельника, когда Пальмерстон удостоил парламент этими откровениями, произошли большие изменения. Между Пальмерстоном от понедельника и Пальмерстоном от пятницы встали предложение Дизраэли и день дебатов по поводу этого предложения; Дизраэли мотивировал свое предложение опасениями, что министерство во время перерыва заседаний палаты может «втянуть страну в позорный мир», подобно тому как в период пребывания у власти Абердина она была «втянута» в позорную войну. Судьба голосования зависела, таким образом, от ответа Пальмерстона на запрос Робака. Пальмерстону нельзя было в данный момент вызывать призрак Венской конференции и заявлять палате, что в Вене решают, в то время как в залах св. Стефана[162] обсуждают, что здесь предполагают, а там располагают. Он тем более не мог этого сделать, что Рассел лишь накануне отрекся от Австрии, от проектов мира и от Венской конференции. Поэтому Пальмерстон ответил Робаку: Венская конференция *не* возобновилась и английский посол *не* получал разрешения присутствовать на какой-либо новой конференции без специального указания Даунинг-стрит. После этого, горя негодованием, выступил Милнер Гибсон. Несколько дней тому назад благородный лорд заявил, что конференция только *отложена,* и что Уэстморленд имеет *неограниченные полгомочия* для ведения переговоров. Разве эти полномочия у него отняты, и когда? — Полномочия! — ответил Пальмерстон, — его полномочия так же неограничены, как и прежде, но он не имеет права ими пользоваться. Обладать полномочиями и иметь право ими пользоваться — это не одно и то же. Ответ Пальмерстона на запрос Робака разорвал узы, связывавшие министерство с окрепшей благодаря пилитам партией мира a tout prix[*]. Между тем это было не единственное и не самое важное «недоразумение». Позавчера Дизраэли в течение нескольких часов мучил и пытал Рассела, колол его раскаленными булавками. Одной рукой Дизраэли показывал на риторическую львиную шкуру, в которую этот виг-ацтек имеет обыкновение облачаться, другой — на гуттаперчевого крохотного человечка, который скрывается за этой шкурой. Хотя Рассел благодаря своему долголетнему парламентскому опыту и авантюрам

[*] — любой ценой. *Ред.*

так же защищен против резких выражений, как и неуязвимый Зигфрид от ран, все же он не смог сохранить спокойствие при таком беспощадном разоблачении его подлинного «я». Он строил гримасы во время речи Дизраэли. Он беспокойно ерзал на своем месте, когда после Дизраэли выступал со своей проповедью Гладстон. Как только Гладстон сделал риторическую паузу, Рассел встал, и только смех палаты напомнил ему, что его очередь еще не настала. Наконец, Гладстон закончил свою речь, и Рассел смог излить свою душу. Рассел рассказал палате все, что он благоразумно скрыл от князя Горчакова и г-на Титова. Россия, *«честь* и *достоинство»* которой он отстаивал на Венской конференции, представлялась ему теперь державой, которая безудержно стремится к мировому господству, которая заключает договоры, чтобы создавать предлоги для завоевательных войн, и ведет войны, чтобы отравлять атмосферу договорами. Не только Англия, но и Европа, по его мнению, находится под угрозой, и нет иного выхода кроме истребительной войны. Он намекнул также на Польшу. Короче говоря, венский дипломат превратился вдруг в «уличного демагога» (одно из любимых его выражений). Дизраэли искусно толкнул его на выступление в таком высокопарном стиле.

Сейчас же *после голосования* взял слово сэр Джеме Грехом, пилит. Не ослышался ли он? Рассел объявил «новую войну» России, крестовый поход, войну не на жизнь, а на смерть, войну национальностей. Дело слишком серьезно, чтобы прекращать дебаты. Теперь-де больше, чем когда-либо, неясны намерения министров. Рассел счел, что *после* голосования он может, как обычно, сбросить львиную шкуру. Поэтому он решил не церемониться. Грехем, мол, его *«ошибочно понял»*. Он желает лишь «безопасности для Турции». Вот видите, воскликнул Дизраэли, вы, которые, отвергнув мое предложение, сняли с министерства обвинение в «двуличности», полюбуйтесь теперь его искренностью! Этот Рассел *после* голосования отрекается от всей своей речи, произнесенной *перед* голосованием! Я поздравляю вас с вашим голосованием!

Палата не могла устоять перед таким «demonstratio ad oculos»*. Дебаты были отложены до окончания каникул в 'связи с троицей; победа, одержанная министерством, в одно мгновение была снова потеряна. Предполагалось, что комедия будет состоять лишь из двух актов и кончится голосованием. Теперь прибавился также эпилог, который угрожает стать более серьезным, чем основная часть представления. Парламентские

* — «наглядным доказательством». *Ред.*

каникулы позволят нам между тем проанализировать более подробно два первых акта. Это неслыханный факт в летописях парламента, чтобы дебаты принимали серьезный характер только *после* голосования. Парламентские битвы до сих пор обыкновенно кончались голосованием, как любовные романы — женитьбой.

Написано К. Марксом 26 мая 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 245, 30 мая 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ДИЗРАЭЛИ

Лондон, 28 мая. Палате общин было предложено «разнообразное меню», по выражению элегантного Гладстона, — выбор между предложением Дизраэли и поправкой Беринга к предложению Дизраэли, между sous-amendement[*] сэра У. Хиткота к поправке Беринга и contre-sous-amendement[**] г-на Лоу, направленной против Дизраэли, Беринга и сэра У. Хиткота. Предложение Дизраэли заключает в себе порицание министрам и адрес по поводу войны на имя короны: первое в определенной, второй в расплывчатой форме, оба соединены между собой доступной лишь для парламентского процесса мышления связью. Робкая форма, в которую облечен адрес по поводу войны, нашла скоро свое объяснение. Дизраэли опасался возмущения в собственном лагере. Один тори, маркиз Гранби, высказался *против,* другой, лорд Стэнли, высказался *за* него, но оба — как сторонники мира. Поправка Беринга была *министерской.* Она отвергает вотум порицания кабинету и принимает военную часть предложения в собственной терминологии Дизраэли, предпослав лишь слова о том, что палата «с сожалением убедилась, что Венская конференция не привела к прекращению военных действий». Беринг обдает сразу и теплом и холодом. «Сожаление» — для партии мира, «продолжение войны» — для партии войны и отсутствие определенных обязательств кабинета по отношению к обеим партиям — такова shell trap[***] для голосов, как белых, так и черных, партитура для флейты

[*] — дополнительной поправкой. *Ред.*
[**] — контрпоправкой к дополнительной поправке. *Ред.*
[***] — ловушка, западня. *Ред.*

и партитура для тромбона. Sous-amendement Хиткота завершает двусмысленную поправку Беринга чисто идиллическим оборотом, добавляя слова о том, «что палата все еще лелеет надежду» (sherishing — совершенно безобидное выражение), «что продолжающиеся совещания увенчаются успехом». Напротив, поправка Лоу объявляет переговоры о мире законченными вследствие отклонения Россией третьего пункта и обосновывает этим адрес по поводу войны на имя короны. Мы видим, что в эклектической поправке министерства обе части, которые она пыталась затушевать и нейтрализовать, мирно противостоят друг другу. Продолжение Венской конференции! — восклицает Хиткот. Никакой Венской конференции! — отвечает Лоу. Венская конференция и продолжение войны! — шепчет Беринг. Развитие темы этого терцета мы услышим через неделю, а пока вернемся к дебатам о предложении Дизраэли, по поводу которого в первый вечер выступили лишь три главные государственные персоны, *Дизраэли, Гладстон* и *Рассел:* первый остро и метко, второй — гладко и казуистически, третий — плоско и шумно.

Мы не согласны с упреком, что Дизраэли, выступая лично против Рассела, упустил из виду «суть дела». Тайны русско-английской войны следует искать не на театре военных действий, а на Даунинг-стрит. Рассел — министр иностранных дел в период получения тайных сообщений от петербургского кабинета, Рассел — чрезвычайный уполномоченный во время последней Венской конференции, Рассел — одновременно лидер палаты общин; он — живое воплощение Даунинг-стрит, он — его *разоблаченная* тайна. Не потому, что он душа министерства, а потому, что он его глотка.

В конце 1854 г., рассказывает Дизраэли, Рассел, бряцая оружием, заявил под громкие аплодисменты переполненной палаты:

«Англия не может сложить оружия, пока не будут получены *материальные гарантии,* которые ограничили бы могущество России до безопасных для Европы *пределов* и обеспечили бы таким образом полное спокойствие на будущее».

Этот же человек был членом кабинета, одобрившего венский протокол от 5 декабря 1853 г., в котором английские и французские представители оговорили, что война не должна привести к ослаблению или изменению «материальных условий» Российской империи. Кларендон на запрос Линдхёрста по поводу этого протокола заявил от имени министерства:

«Не допустить ослабления могущества России в Европе является, возможно, желанием Пруссии и Австрии, но не желанием Франции и Англии».

Рассел, говорит Дизраэли, характеризовал в палате общин поведение императора Николая как «лживое и коварное». В июле 1854 г. он хвастливо возвестил о предстоящем вторжении в Крым и заявил, что разрушение Севастополя является необходимостью для Европы. Наконец, он сверг Абердина, так как последний, по его мнению, слишком вяло вел войну. Так выглядит львиная шкура, — теперь о самом льве. Рассел был министром иностранных дел в течение двух-трех месяцев 1853 г., в период, когда Англия получила *«секретную и доверительную корреспонденцию»* из Петербурга, в которой Николай прямо настаивал на разделе Турции прежде всего под предлогом своего протектората над христианскими подданными в Турции, протектората, которого, как признает Нессельроде в своей последней депеше, никогда не существовало. Что же сделал Рассел? Он направил английскому послу в Петербурге депешу, в которой говорится буквально следующее:

«Чем больше турецкое правительство будет придерживаться тактики беспристрастного законодательства и справедливого управления, тем меньше русский император будет считать необходимым пользоваться своим правом исключительного *покровительства,* которое он считает столь тяжелым и стеснительным, хотя это покровительство, без сомнения, предписывается ему его обязательствами и освящено договором».

Следовательно, Рассел заранее уступает в этом спорном пункте. Он объявляет протекторат не только законным, но и обязательным. Он выводит его из Кайнарджийского договора. А о чем говорит «четвертый пункт» Венской конференции? О том, «что ложное толкование Кючук-Кайнарджийского договора является главной причиной нынешней войны». Таким образом, если перед объявлением войны мы видим Рассела в роли защитника *права* России, от которого теперь отказался даже Нессельроде, то в конце первого периода войны, на Венской конференции, мы встречаем его в роли защитника *чести* России. Как только 26 марта приступили к существу дела, к обсуждению третьего пункта, —поднялся руссофоб Рассел и торжественно заявил:

«В глазах Англии и ее союзников самыми лучшими и *единственно допустимыми* условиями мира являются те, которые наилучшим образом гармонируют с честью и достоинством России, обеспечивая в то же время безопасность Европы и т. п.»

Поэтому 17 апреля русские представители отказались взять в свои руки инициативу предложений по третьему пункту; после заявления Рассела они убедились, что условия, предложенные представителями союзников, будут составлены в более русском духе, чем те, которые могла выставить сама Россия.

Но разве ограничение русских военно-морских сил «наилучшим образом гармонирует с честью России»? Поэтому Нессельроде в своем последнем циркуляре крепко держится признания Рассела от 26 марта. Он цитирует Рассела. Он спрашивает его, являются ли предложения от 19 апреля «самыми лучшими и единственно допустимыми»? Рассел выступает в роли заступника России накануне войны. Он выступает ее заступником в конце первого периода войны, за зеленым столом во дворце графа Буоля.

Таково было выступление Дизраэли против Рассела. Затем он объяснил как неудачи на театре войны, так и недовольство в самой стране противоречивыми действиями министерства, которое в Крыму действует в пользу войны, а в Вене — в пользу мира, сочетая воинственную дипломатию с дипломатизирoранной войной.

«Я отрицаю», — воскликнул он, — «что для ведения войны достаточно взимать налоги и снаряжать экспедиции. Необходимо поддерживать дух народа. Но вы не можете этого сделать, так как вы постоянно убеждаете страну, что добиваетесь мира, что пункт, вокруг которого идет весь спор, в конце концов, сравнительно мелкого характера. На большие жертвы идут тогда, когда верят, что предстоит столкнуться с могущественным врагом. На большие жертвы идут, когда знают, что вовлечены в борьбу, в которой речь идет о славе страны, ее существовании и ее могуществе. Если же вы удваиваете или утраиваете подоходный налог, если вы отрываете людей от их семейных очагов и тащите на военную службу, если вы омрачаете английские сердца сообщениями о кровавых сражениях, если вы все это делаете, то народ не должен слышать, что весь вопрос заключается в том, будет ли Россия иметь на Черном море четыре или восемь фрегатов... Чтобы успешно вести войну, необходимо поддерживать дух не только своей страны, но и дух других государств. Будьте уверены, что пока вы апеллируете к другой стране, прося ее выступить в качестве посредника, эта страна никогда не будет действовать как ваша союзница... Лорд Пальмерстон уверяет, что он не заключит позорного мира. Благородный лорд ручается за самого себя, но кто поручится за благородного лорда?.. Вы не можете выбраться из затруднений посредством Венской конференции. Дипломатией вы лишь умножите опасности и трудности. Ваша позиция во всех отношениях ложная, и вы никогда не сможете вести успешно наступательной войны, не будучи поддержаны воодушевленным народом и союзниками, которые были бы убеждены в вашей решимости. Я хочу, чтобы палата сегодня вечером своим голосованием положила конец этой ошибочной двойственной системе, системе одновременно и войны и дипломатии, чтобы она открыто и недвусмысленно заявила, что время для переговоров прошло. Я полагаю, что никто из прочитавших циркуляр Нессельроде, не может сомневаться в этом».

Написано К. Марксом 28 мая 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 247, 31 мая 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

*ИЗ ПАРЛАМЕНТА: ДЕБАТЫ ПО ПРЕДЛОЖЕНИЮ ДИЗРАЭЛИ

Лондон, 29 мая. *Гладстоновское* красноречие никогда еще не находило себе более совершенного, исчерпывающего выражения, чем в его speech*, произнесенной в четверг вечером. Изысканность и гладкость, пустая глубина, елейность не без ядовитой примеси, бархатная лапа не без когтей, схоластические оттенки и оттеночки, questiones и questioniculae**, весь арсенал пробабилизма с его казуистической совестью и бессовестными оговорками, с его не вызывающими сомнения мотивами и мотивированным сомнением, смиренная претензия на превосходство, добродетельная интрига, полная хитросплетений простота, Византия и Ливерпуль. Речь Гладстона вращалась не столько вокруг вопроса о войне и мире между Англией и Россией, сколько вокруг вопроса, почему Гладстон, еще недавно член ведущего войну министерства, стал ныне Гладстоном — приверженцем партии мира любой ценой? Он анализировал, он исследовал во всех направлениях границы собственной совести и с характерной для него скромностью требовал, чтобы Британская империя двигалась в рамках гладстоновской совести. Его речь поэтому имела дипломатически-психологическую окраску, которая если и вносила элемент совести в дипломатию, то- еще в большей степени — элемент дипломатии в совесть.

Война против России была-де вначале справедливой, но теперь мы пришли к такому моменту, когда продолжать ее было бы грешно. С самого начала восточных осложнений мы

---

* — речи. *Ред.*

** — вопросы и вопросики. *Ред*.

непрерывно повышали наши требования. Мы с нашими условиями двигались по восходящей линии, тогда как Россия спускалась с высоты своей неуступчивости. Вначале Россия претендовала не только на духовный, но и на светский протекторат над турецкими христианами православного вероисповедания, не хотела поступиться ни одним из старых договоров, или хотя бы эвакуировать Дунайские княжества. Она отказалась принять участие в какой бы то ни было конференции держав в Вене и предложила турецкому послу явиться в С.-Петербург или в русскую главную квартиру. Таков был язык России еще 2 февраля 1854 года. Какая разница между тогдашними требованиями западных держав и четырьмя пунктами! Еще 26 августа 1854 г. Россия заявила, что она никогда не согласится принять четыре пункта и предпочтет длительную, отчаянную, пагубную борьбу. И какая опять-таки разница между этим языком России в августе 1854 г. и ее языком в декабре 1854 г., когда она обещала «безоговорочно» принять четыре пункта! Эти четыре пункта представляют собой тот предел, до которого могут повышаться наши требования и могут дойти уступки России. Все, что выходит за рамки этих четырех пунктов, выходит за рамки христианской морали. И что же! Россия приняла первый пункт; она приняла второй пункт; она не отвергла четвертого пункта, потому что он не обсуждался. Остается, таким образом, лишь третий пункт, следовательно, только четвертая часть, и даже не весь третий пункт, а только половина его, то есть всего одна восьмая часть разногласий. Дело в том, что третий пункт состоит из двух частей: часть первая — гарантия целостности турецкой территории; часть вторая — ослабление военной мощи России на Черном море. Относительно первой части Россия высказалась более или менее благосклонно. Остается, таким образом, лишь вторая часть третьего пункта. И даже в этом вопросе Россия высказывается не против ограничения ее господства на море, она возражает только против *нашего метода* проведения этого ограничения в жизнь. Западные державы предложили всего один метод. Россия предлагает не один, а два других метода; значит и здесь она идет впереди западных держав. Что касается метода, предложенного последними, то он оскорбляет честь Российской империи. Но нельзя оскорблять честь государства, не сократив его силы. С другой стороны, нельзя сокращать его силы, так как этим будет нанесено оскорбление его чести. Существуют различные взгляды на «метод», с помощью которого можно, учитывая все «методы», превратить $^1/_8$ разногласий в $^1/_{32}$ — стоит ли из-за этого жертвовать еще полумиллионом человеческих жизней? Напротив, следует за-

явить, что мы достигли целей войны. Неужели мы должны продолжать ее из-за одного *престижа,* из-за военной славы? Наши солдаты покрыли себя славой. Если тем не менее Англия дискредитирована в глазах континента, то

«ради бога», — воскликнул достопочтенный джентльмен, — «не мстите за эту дискредитацию пролитием человеческой крови, а восстановите доверие к Англии посылкой за границу более верной информации».

И в самом деле, почему бы не «поправить» заграничные газеты? К чему приведут дальнейшие успехи союзного оружия? Они вынудят Россию к более упорному сопротивлению. А поражения союзников? Они вызовут возмущение жителей Лондона и Парижа и принудят союзников к более решительному наступлению. Итак, к чему же приведет война ради войны? Первоначально Пруссия, Австрия, Франция и Англия были *единодушны* в своих требованиях к России. Пруссия уже отошла в сторону. Если и дальше настаивать, то отойдет и Австрия. С Англией останется одна только Франция.

Если Англия будет продолжать войну, руководствуясь соображениями, которые, кроме Франции, не разделяет ни одно государство, то «моральный авторитет ее позиции будет очень ослаблен и подорван». Напротив, путем мира с Россией Англия — даже если этот мир уронит ее *престиж,* который ведь от мира сего, — усилит свой «моральный авторитет», а его не изъест ни ржавчина, ни моль. Кроме того, чего собственно добиваются те, кто не соглашается на русский метод выполнения второй части третьего пункта? Может быть, расчленения Российской империи? Это невозможно сделать, не вызвав «войны национальностей». Но *захочет* ли Австрия, *сможет* ли Франция поддержать войну национальностей? Если Англия пожелает развязать «войну национальностей», то ей придется вести ее *одной,* — а это значит, что «она на нее вовсе не решится». Итак, не остается ничего другого, как выставлять только то требования, на которые Россия согласна.

Такова была речь Гладстона, если не по букве, то по духу. Россия стала говорить другим *языком;* это доказывает, что она уступила *на деле.* Для почтенного пьюзиита единственным делом является язык. Он также стал говорить другим языком. Теперь он произносит иеремиады по поводу войны; скорбь всего человечества терзает его душу. Он выступал с апологиями, когда осуждал следственную комиссию, и считал в порядке вещей обрекать английскую армию на все страдания голодной смерти и чумы. Но в то время армия приносилась в жертву ради *мира!* Грех же начинается с того момента, когда она приносится в жертву ради *войны.* Гладстону, однако, удалось доказать,

что английское правительство никогда серьезно и не думало о войне с Россией; ему удалось доказать, что ни теперешнее английское, ни теперешнее французское правительства не могут и не хотят вести серьезной войны против России; ему удалось доказать, что *предлоги* к войне не стоят и одного выстрела. Глад-стон забывает лишь, что эти «предлоги» были выдуманы им и его прежними коллегами, к самой же «войне» их принудил английский народ. Руководство войной было для них лишь предлогом, чтобы парализовать ее и удержать за собой свои посты. А из истории возникновения и метаморфоз фальшивых предлогов, под которыми они вели войну, Гладстон с успехом делает вывод, что они и мир могут заключить под такими же фальшивыми предлогами. Только в одном он расходится со своими старыми коллегами. Он представляет Out*, они In**. Но фальшивый предлог, пригодный для экс-министра, не является фальшивым предлогом, пригодным для министра, хотя соус для гусыни тот же, что и соус для гусака.

Это невероятное смешение понятий, допущенное Гладстоном, явилось для *Рассела* долгожданным сигналом. Он поднялся и начал чернить Россию, вопреки Гладстону, пытавшемуся обелить ее. Но Гладстон был «Out», а Рассел «In». После того, как Рассел повторил в крикливом тоне все общеизвестные и, несмотря на их тривиальность, правильные общие положения о мировых завоевательных планах России, он перешел к делу, именно к делу Рассела. Никогда, заявил он, столь большой национальный вопрос не низводился до такого низкого уровня, как в речи Дизраэли. И действительно, можно ли еще больше принизить большой национальный, даже всемирно-исторический вопрос, чем отождествить его с маленьким *Джонни,* с *Джонни Расселом?* Не вина Дизраэли, что *Европа* contra*** *России* фигурировала и в начале первого периода войны и в конце его как *Рассел* contra *Нессельроде.* Забавно изворачивался этот маленький человек, когда дошел до четырех пунктов. С одной стороны, ему надо было показать, что его условия мира соответствовали только что обрисованным им русским ужасам, с другой, — что он, верный своему обещанию, данному им добровольно, без принуждения, Титову и Горчакову, предложил условия, которые «наилучшим образом гармонируют с честью России». Поэтому, с одной стороны, он доказывал, что Россия как морская держава существует лишь *номинально,* следовательно, очень легко может согласиться на ограничение этих лишь вообра-

* — оппозицию. *Ред.*
** — правительство. *Ред.*
*** — против. *Ред.*

жаемых сил, а с другой, утверждал, что флот, потопленный самой Россией, представляет страшную опасность для Турции и, следовательно, для европейского равновесия, а потому «вторая половина третьего пункта» имеет большое самостоятельное значение. Иного противник загоняет в тупик, ставя его перед дилеммой. Рассел сам поставил себя в безвыходное положение. Он дал новые доказательства своего *дипломатического таланта.* Активный союз с Австрией ничего не даст, *ибо* достаточно одного проигранного сражения, чтобы привести русских в Вену**,** — *так* подбадривал он одного из союзников.

«Мы чувствуем», — продолжал он, — «что Россия намерена захватить Константинополь и там господствовать, *так как Турция явно находится на пути к разложению;* и я не сомневаюсь, что Россия держится того же мнения о намерениях Франции и Англии в случае крушения этой страны».

Не хватало только, чтобы он прибавил: «а между тем она ошибается; не Англия и Франция, а одна Англия должна владеть Константинополем». Так великий дипломат побуждал Австрию стать на сторону Англии, так выдал он Турции, какого мнения, и притом «явно», держатся ее друзья, ее *спасители.* В одном Рассел все же преуспел как парламентский тактик. В июле 1854 г., когда он хвастал, что Крым будет отнят, Дизраэли привел его в такое смущение, что заставил отказаться от своих воинственных слов еще *до* голосования в палате. *На этот раз* он отложил этот акт самоуничтожения — отречение от возвещенной им борьбы всего мира против России — до момента, когда голосование *состоялось.* Большой шаг вперед!

Речь Рассела содержит еще две исторические иллюстрации— в высшей степени забавное описание переговоров с императором Николаем по поводу Кайнарджийского договора и краткий обзор положения в *Германии.* И то и другое заслуживает беглого упоминания. *Рассел,* как припомнит читатель, основываясь на Кайнарджийском договоре, прямо признал протекторат России. Английский посол в Петербурге, сэр Гамильтон Сеймур, оказался менее покладистым и более скептически настроенным человеком. Он наводил справки у русского правительства, а Рассел был настолько наивен, что рассказал об этой истории следующее:

«Сэр Гамильтон Сеймур покорнейше попросил покойного русского императора показать ему ту часть договора, на которой основываются его притязания. Его императорское величество сказал: «Я не буду показывать. Вам специальной статьи договора, на которой основывается мое притязание» (на протекторат). «Идите к графу Нессельроде, он это сделает». Гамильтон Сеймур отправился со своей просьбой к Нессельроде. Граф Нессельроде ответил, что не знаком со статьями договора, и рекомендовал **ему** пойти к барону Бруннову или адресовать к нему свое правительство;

барон Бруннов скажет ему, на какой части договора основывается притязание императора. Я полагаю, что барон Бруннов никогда не отважится указать такую статью в договоре».

О Германии благородный лорд рассказал:

«Россия связана в Германии через браки с многочисленными мелкими монархами. Многие из этих монархов, в чем с сожалением приходится признаться, правят, испытывая большой страх перед революционным настроением, которое они предполагают у своих подданных, и поэтому рассчитывают на защиту своих армий. Но каковы эти вооруженные силы? Их офицеры развращены и испорчены русским двором. Русский двор раздает им ордена, знаки отличия и вознаграждения, а в некоторых случаях Россия регулярно дает деньги на оплату их долгов, так что Германия, которая, казалось, должна быть оплотом независимости и возглавлять защиту Европы от русского господства, уже много лет исподволь ослабляется и лишается своей независимости благодаря русским интригам и русским деньгам».

И вот, чтобы побудить Германию идти впереди подобно огненному столпу, чтобы призвать ее к «категорическому императиву», к *долженствованию,* Рассел объявил себя на Венской конференции защитником «чести и достоинства России» и заставил Германию выслушать гордый язык свободного и независимого англичанина.

Написано К. Марксом 29 мая 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 249, 1 июня 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

К КРИТИКЕ ПОСЛЕДНЕЙ РЕЧИ ПАЛЬМЕРСТОНА

Лондон, 1 июня. Если Гладстон вводит в заблуждение видимостью глубины, то Пальмерстон — видимостью поверхностности. Он умеет искусно спрятать свое действительное намерение под набором эффектных фраз и ничего не говорящими уступками требованию момента. Его министерская речь уже неделю известна публике. Ежедневная и еженедельная пресса обсудила ее, проработала, подвергла критике. Его враги говорят, что, после того как он в течение многих месяцев говорил языком старого Абердина, он счел теперь снова уместным в течение вечера поговорить на языке старого Пальмерстона. Они говорят: благородный лорд ручается за самого себя, но кто же поручится за благородного лорда? Они называют его речь ловкой проделкой, поскольку ему удалось избежать какого-либо определенного заявления по поводу своей политики и облечь свою речь в столь эластичную, воздушную форму, что нет никакой возможности в чем-либо его уличить. Напротив, его друзья не преминули объявить музыкой тот ветер. который он поднял своей риторической игрой на органе. Он сразу правильно оценил положение, в которое ему следовало поставить себя перед палатой и страной. Кого-де я имею перед собой? С одной стороны, тех, кто полагает, что мы недостаточно энергично вели войну, а с другой стороны, тех, кто пытается толкнуть страну на позорные условия мира; на одной стороне тех, кто упрекает нас, что мы втянулись в бесполезные и парализующие войну переговоры с Австрией, а на другой — тех, кто считает, что мы в этих переговорах пошли недостаточно далеко и сорвали их чрезмерными требованиями.

Итак, он сам занял позицию золотой середины. Нападки сторонников войны он отразил тем, что направил их в адрес сторонников мира, а нападки сторонников мира — в адрес сторонников войны. Выступление против безусловных сторонников мира дало ему удобный повод для хорошо рассчитанных патриотических излияний, для торжественных заверений в неизменной энергии, для всех тех героических фраз, которыми он так часто надувал niais*. Он польстил национальному самолюбию, перечислив громадные ресурсы, которыми располагает Англия, — это был его единственный ответ на обвинение в неспособности управлять большими ресурсами.

«Благородный лорд», — сказал Дизраэли, — «напоминает ему выскочку, который хотел похвастаться перед любовницей своим богатством: у меня есть вилла, дом в городе, картинная галерея, прекрасный винный погреб».

Так и Англия: имеет флот на Балтийском море, флот на Черном море и ежегодный государственный доход в 80 миллионов фунтов стерлингов и т. д. Тем не менее под покровом всех этих риторических пустяков, к которым свелась речь Пальмерстона, ему удалось сделать *определенное заявление,* к которому он позже, при удобном случае, сможет вернуться и провозгласить его как санкционированный палатой принцип своей политики. Ни одна английская газета *не отметила* этого заявления, но ораторское искусство Пальмерстона как раз и заключается в уменье скрывать настоящий смысл своих речей и вымывать его из памяти слушателей потоком пустых и гладких фраз. Поскольку Пальмерстон стремится не к одному лишь минутному успеху, как какой-нибудь Рассел, поскольку он принимает в расчет и будущее, то он не довольствуется ораторскими приемами, необходимыми для данного момента, но заботливо закладывает основу для своих последующих маневров. Вышеупомянутое заявление дословно гласит:

«Мы вовлечены в крупные операции на Черном море, полагаем и надеемся, что успех будет на нашей стороне, и убеждены, что успех приведет нас к тому, что мы добьемся тех условий, которые Англия, Франция и Австрия при настоящем состоянии конфликта считали себя в праве требовать».

Таким образом, как бы ни расширялись операции на Черном море, дипломатическая основа войны остается та же. Каков бы ни был военный успех, окончательный результат заранее определен и ограничен так называемыми «четырьмя пунктами». И это Пальмерстон заявляет спустя несколько часов после того,

* — простаков. *Ред.*

как Лейард сорвал с четырех пунктов маску, скрывавшую их русофильство. Но Пальмерстон отвлек внимание от критики Лейарда. Он уклонился от рассмотрения подлинно важного вопроса — о задачах и целях войны — взяв под защиту от Гладстона вторую половину третьего пункта и представив эту *половину* пункта как *целое*.

Заслуживает упоминания инцидент, прервавший речь Пальмерстона. Английский ханжа, лорд Роберт Гровнор, обвинил Пальмерстона в том, что, говоря о военных успехах и взвешивая шансы войны, он не принял в расчет милости и покровительства всевышнего, даже «не упомянул имени божьего». Он тем самым способствует ниспосланию небесной кары на свою нацию. Пальмерстон тотчас же стал раскаиваться и бить себя в грудь, доказав тем самым, что в случае нужды он тоже может произносить проповеди и закатывать глаза не хуже лорда Гровнора. Но этот парламентский инцидент был продолжен народом. Граждане Мэрилебона (район Лондона) созвали большой митинг в помещении школы на Каупер-стрит, чтобы протестовать против «билля о запрещении воскресной торговли». Так как здесь дело касалось избирателей, то на митинге появились лорд Эбрингтон и лорд Роберт Гровнор в качестве защитников билля, который они сами внесли в парламент. Вместо того, однако, чтобы положиться на покровительство и милость всевышнего, они предусмотрительно разместили в различных местах зала дюжину платных клакеров и нарушителей порядка. Секрет скоро раскрылся, и наемные агенты ханжества были немедленно схвачены гражданами и выброшены на улицу. «Благородные лорды», будучи не в состоянии противиться раздавшемуся шуму, свисту и гиканью, в смущении снова заняли свои места. Как только они покинули собрание, за их экипажем последовала «неоплаченная» толпа, явно выказывая признаки греховного издевательства и душевной черствости.

Написано К. Марксом 1 июня 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 253, 4 июня 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

* АССОЦИАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ. — НАРОДНАЯ ХАРТИЯ

Лондон, 5 июня. Ассоциация административной реформы одержала победу в Бате. Ее кандидат г-н Тайт, которому противостоял кандидат тори, значительным большинством избран в члены парламента. Эта победа, одержанная в рамках «легальной» Англии, празднуется сегодня либеральными газетами как большое событие. Бюллетени о «poll»* печатаются с не меньшим бахвальством, чем бюллетени о бескровных успехах на Азовском море. Бат и Керчь! — вот лозунг дня. Но о чем пресса умалчивает — как газеты сторонников, так и противников реформы, как министерские, так и оппозиционные, газеты тори, вигов, радикалов — это о тех поражениях и разочарованиях, которые Ассоциация административной реформы пережила за последние дни в Лондоне, Бирмингеме и Вустере. Разумеется, на этот раз борьба происходила не в ограниченных рамках привилегированного круга избирателей. И результаты ее были не таковы, чтобы вызвать торжество в лагере противников реформаторов Сити.

Первый действительно *открытый* митинг (иначе говоря, митинг *без* входных билетов), организованный Ассоциацией реформы в *Лондоне,* состоялся в прошлую среду в Мэрилебоне. В противовес резолюции, предложенной реформаторами из Сити, одним из чартистов была внесена поправка, гласившая,

> «что представляемая господами из Сити денежная аристократия так же плоха, как и земельная аристократия; что под предлогом реформ она стремится лишь пробраться на плечах народа в Даунинг-стрит, чтобы

* — «выборах». *Ред.*

делить там с олигархами посты, оклады и почести, и что единственной программой народного движения является Хартия с ее 5 пунктами».

Председатель митинга, один из тузов Сити, высказал ряд сомнений: во-первых, ставить ли ему вообще на голосование эту поправку, во-вторых, что раньше поставить на голосование, резолюцию или поправку и, наконец, *каким образом* провести голосование. Уставшая от его нерешительности, тактических соображений и неблаговидных маневров, аудитория объявила его неспособным дальше вести собрание, избрала вместо него председателем Эрнеста Джонса, а затем огромным большинством проголосовала против резолюции и за поправку.

В *Бирмингеме* Ассоциация Сити устроила открытый митинг в городском зале под председательством мэра. В противовес резолюции Ассоциации была внесена такая же поправка, как и в Лондоне. Однако мэр наотрез отказался ставить поправку на голосование, если слово «Хартия» не будет заменено другим, менее предосудительным словом. В противном случае он-де покинет место председателя. Поэтому слово *«Хартия»* было заменено выражением: *«всеобщее избирательное право* и тайное голосование». В этой измененной редакции поправка прошла большинством в 10 голосов. В *Вустере,* где реформаторы из Сити также устроили открытый митинг, победа чартистов и поражение сторонников административной реформы были еще определеннее. Здесь *Хартия* была провозглашена без всяких проволочек.

Весьма неблагоприятный для Ассоциации исход больших собраний в Лондоне, Бирмингеме и Вустере побудил ее вместо открытой апелляции к vox populi* пустить в обращение по всем наиболее крупным городам петиции для сбора подписей среди своих сторонников. Широкие связи заправил Сити с торговыми тузами Соединенного королевства и влияние этих тузов на своих приказчиков, на служащих торговых фирм и на «более мелких» торговых агентов несомненно дадут им возможность незаметно, за спиной у всех, заполнить эти петиции подписями и затем направить их в «достопочтенную палату» с надписью: *голос английского народа.* Однако эти господа заблуждаются, если думают запугать правительство этими подписями, собранными путем попрошайничества, интриг в происков. Правительство с ироническим самодовольством наблюдало, как сторонников Ассоциации со свистом прогоняли с theatrum mundi**. Правительственные органы пока молчат

* — голосу народа. *Ред.*
** — мировой сцены. *Ред.*

отчасти потому, что иначе им пришлось бы отмечать успехи чартизма, отчасти потому, что правящий класс уже носится с мыслью возглавить движение Ассоциации административной реформы, если народное движение станет слишком упорным. Они приберегают «недоразумение» на случай такой опасности: недоразумение рассматривать когда-нибудь в будущем сторонников Ассоциации как выразителей воли народа. Такие недоразумения составляют самую соль «исторического» развития Англии, и никто не умеет так ими пользоваться, как свободомыслящие виги.

Хартия представляет собой весьма лаконичный документ и содержит кроме требования *всеобщего избирательного права* только следующие 5 пунктов, в которых перечисляются пять условий его осуществления: 1) тайное голосование (баллотировка шарами); 2) *отмена* имущественного ценза для членов парламента; 3) оплата членов парламента; 4) ежегодно избираемый парламент; 5) равные избирательные округа. После экспериментов, разрушивших веру во *всеобщее избирательное право 1848 г.* во Франции[163], жители континента склонны недооценивать важность и значение *Хартии* для Англии. Они упускают из виду, что французское общество на две трети состоит из крестьян и на одну треть из горожан, тогда как в Англии больше двух третей населения живет в городе и меньше одной трети в деревне. В Англии результаты всеобщего избирательного права должны находиться в таком же *обратном* соотношении к его результатам во Франции, в каком находятся город и деревня в обеих странах. Этим и объясняется диаметрально противоположный характер, который приняло требование всеобщего избирательного права во Франции и в Англии. Там это было требованием политических идеологов, которое в той или иной мере, в зависимости от его убеждений, мог поддерживать каждый «образованный». Здесь это требование образует водораздел между аристократией и буржуазией, с одной стороны, и народными массами — с другой. Там оно приобрело значение политического, здесь — социального вопроса. В Англии агитация за всеобщее избирательное право проделала большое историческое развитие, прежде чем оно стало лозунгом народных масс. Во Франции всеобщее избирательное право *сначала* было введено, а *затем* уже начало свой исторический путь. Во Франции потерпела крушение практика всеобщего избирательного права, в Англии — его идеология. В первые десятилетия этого столетия при сэре Фрэнсисе Бёрдетте, майоре Картрайте, Коббете всеобщее избирательное право носило все еще тот неопределенный идеалистический характер, кото-

рый делал его благим пожеланием для всех слоев населения, не принадлежавших непосредственно к правящим классам. Для буржуазии оно являлось в действительности лишь эксцентричным обобщающим выражением того, чего она добилась парламентской реформой 1831 года. И после 1838 г. требование всеобщего избирательного права не приняло в Англии своего действительного, специфического характера. Доказательство: и Юм и О'Коннел тоже подписали Хартию. В 1842 г. исчезли последние иллюзии. В это время Ловетт сделал последнюю, но тщетную попытку сформулировать требование всеобщего избирательного права как *общее* требование так называемых радикалов и народных масс[164]. С этого момента не существует больше никакого сомнения относительно сущности всеобщего избирательного права. Нет сомнения и в его названии. Это *Хартия* народных масс и означает завоевание ими политической власти как средства для осуществления своих социальных требований. Всеобщее избирательное право, понятое в 1848 г. во Франции как лозунг всеобщего братства, в Англии воспринимается как лозунг войны. Там непосредственным содержанием революции было всеобщее избирательное право, здесь непосредственным содержанием всеобщего избирательного права является революция. Если проследить историю всеобщего избирательного права в Англии, то можно увидеть, что оно освобождается от своего идеалистического характера по мере того, как здесь развивается современное общество с его бесконечными противоречиями — противоречиями, порождаемыми развитием промышленности.

Наряду с официальными и полуофициальными партиями, а также наряду с чартистами, мы видим в Англии еще клику «мудрецов», которые в равной мере недовольны как правительством и господствующими классами, так и чартистами. Чего хотят чартисты? — восклицают они. Усилить и расширить всевластие парламента, превратив его в народную власть. Они не уничтожают парламентаризм, они поднимают его на более высокую ступень. Истинная же цель заключается в том, чтобы сломать представительную систему! Во главе этой клики стоит один из восточных мудрецов — *Давид Уркарт.* Он хочет вернуться к Common law (обычному праву) Англии. Он хочет сузить границы Statute law (статутного права). Он желает локализовать, вместо того чтобы централизовать. Он хочет снова откопать «древние и подлинные правовые источники англосаксонской эпохи». Тогда они польются сами собой, оросят, и оплодотворят окружающие земли. Но Давид, по крайней мере, последователен. Он намерен и современное разделение труда

и концентрацию капитала также вернуть к старому англосаксонскому, а еще лучше к восточному уровню. По рождению шотландский горец, натурализовавшийся черкес и турок по свободному выбору, он способен осуждать цивилизацию со всеми ее язвами, а время от времени даже судить о ней. Но он не так пошл, как те фантазеры, которые отделяют современные формы государства от современного общества, которые мечтают о местной самостоятельности наряду с концентрацией капитала, об индивидуальной обособленности наряду с антииндивидуалистическим разделением труда. Давид — пророк со взглядом, обращенным в прошлое, с восхищением антиквара перед старой Англией. Он должен поэтому считать в порядке вещей, когда новая Англия проходит мимо него, предоставляя ему стоять на месте, как бы убежденно и настоятельно он ни кричал: «Давид Уркарт единственный человек, который может вас спасти!» Так взывал он всего несколько дней тому назад на митинге в Стаффорде.

Написано К. Марксом 5 июня 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 261, 8 июня 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

* ПАРЛАМЕНТСКИЕ ДЕБАТЫ О ВОЙНЕ

Лондон, 6 июня. Пальмерстон снова проявил свое старое уменье держать в руках дипломатию при помощи парламента, а парламент при помощи дипломатии. Политика министерства должна была обсуждаться на основе поправок Беринга, Хиткота и Лоу. Все эти поправки основывались на Венской конференции. Во время недельных каникул в связи с троицей Пальмерстон эскамотирует Венскую конференцию и оправдывается перед Австрией, ссылаясь на закончившиеся парламентские дебаты, а перед вновь собравшимся парламентом эскамотирует дебаты, ссылаясь на *закончившуюся* конференцию, которая-де существует теперь лишь в предании. Вместе с Венской конференцией отпадают поправки, предполагающие продолжение ее заседаний, вместе с поправками отпадает дискуссия по поводу политики министерства, а вместе с дискуссией отпадает и необходимость для министерства давать объяснения относительно *тенденции, задачи и цели «новой» войны.* Эта цель, как утверждает *Давид Уркарт,* он же *Давид-бей,* заключается только в том, чтобы познакомить союзные войска с летними крымскими болезнями после того, как они испытали на себе крымские зимние болезни. Если Уркарт не все понимает, то уж своего Пальмерстона он понимает прекрасно. Он ошибается лишь насчет всесилия тайных замыслов — их влияния на официальную историю. Итак, Пальмерстон заявляет вновь собравшемуся парламенту, что нет больше предмета для обсуждения и что самое лучшее, что может сделать палата, это направить на имя короны адрес по поводу войны, иначе говоря, — выразить *доверие* министерству. Вначале он терпит

неудачу из-за упрямства *тех* парламентариев, которые заучили длинные речи по поводу поправок и хотят пристроить свой товар. Но, распустив конференцию, он лишил эти речи их остроты, а horror vacui*, скука заставят, в конце концов, парламент принять его адрес. Чтобы спастись от этих речей, парламент ухватится за адрес.

Поправка Лоу вместе с изменением ситуации изменила свой смысл. Первоначально она означала прекращение Венской конференции. Теперь эта поправка означает санкционирование Венской конференции и министерской дипломатии, поскольку она объявляет подлинной *задачей, конечной целью* войны сформулированное Расселом требование сокращения военно-морских сил России на Черном море. Являясь камнем преткновения для партии мира, так как она требует слишком многого, для партии войны, так как она желает слишком малого, эта поправка является камнем преткновения и для министерства, поскольку она вообще ставит вопрос о цели, об официальном признании цели войны. Отсюда то удивительное явление, что сторонники мира и тори теперь голосовали *за,* а министерство *против* продолжения *дебатов* по поводу поправки Лоу; отсюда попытка Пальмерстона выбросить ее за борт. Попытка не удалась. Он отложил поэтому дебаты на вечернее заседание в четверг. Один день выигран. За это время был напечатан заключительный протокол Венской конференции. Протокол представляется палате. Возникает неожиданно новый вопрос, и Пальмерстон со своими dissolving views** может надеяться, что подлинный предмет дебатов будет снят с обсуждения.

Двухдневная парламентская дискуссия была безмерно скучной, растянутой и бессвязной, — другого и нельзя было ожидать от речей, заранее потерявших свою остроту. Она представляла все же характерное зрелище того, как сторонники мира до голосования резолюции Дизраэли кокетничали с министерством, а теперь кокетничают с оппозицией, мы имеем в виду оппозицию официальную. Дискуссия обнаружила далее entente cordiale*** между пилитами и манчестерской школой. Пилиты явно льстят себя надеждой *после* заключения мира управлять Англией, встав во главе промышленной буржуазии. В этом случае пилиты после долгих блужданий обрели бы, наконец, действительную партию, а промышленники — своих профессиональных государственных деятелей. Но если сторонники мира заполучили, таким образом, Гладстона, Грехема и К°,

* — боязнь пустоты. *Ред.*
** — туманными картинами. *Ред.*
*** — сердечное согласие. *Ред.*

они потеряли «радикального» сэра *Уильяма Молсуорта,* бывшего их другом больше двадцати лет. Молсуорт, вероятно, вычитал у Гоббса, которого он издал[165], «что разум приходит через уши». Поэтому он апеллировал не к разуму, а к ушам. Он сделал то, что Гамлет запрещает делать актеру[166]. Он превзошел в тиранстве тирана, был больше Расселом, чем сам Рассел. Он, кроме того, вычитал у Гоббса, что все люди равны, так как каждый может лишить жизни другого. Поскольку для него дело шло о том, чтобы продлить свою министерскую жизнь, то он и говорил в духе тех, которые могут ее у него отнять. Забавно было видеть, как эта счетная машина пела дифирамбы. Даже *Баббедж* не предвидел этого в своей «Философии машин»[167]. *Милнер Гибсон,* баронет из окрестностей Манчестера, говорил монотонно, усыпляюще, сухо и иссушающе. У близкой от него метрополии английской промышленности он, видимо, научился производить возможно больше с наименьшими издержками производства. Это — человек, весь вид которого говорит, что ему скучно. Зачем же ему стараться развлекать своих собратьев? Как ты мне, так и я тебе! Кроме того, он, видимо, причисляет остроумие, шутку, живость к faux frais de production*, а первый закон той экономической школы, к которой он принадлежит, заключается в том, чтобы избегать «непроизводительных издержек». *Булвер* витал между героическим настроением своего «Делателя королей» и созерцательным настроением своего «Евгения Арама»[168]. Выступая в духе первого, он бросал вызов России, выступая в духе второго — сплетал миртовый венок вокруг головы Меттерниха.

Милнер Гибсон, Молсуорт и Булвер были корифеями первого вечера. *Кобден, Грехем* и *Рассел* — корифеями второго. Одна лишь речь Кобдена заслуживает анализа, для которого в данный момент нет ни времени, ни места. Отметим лишь, что, по его утверждению, Бонапарт был готов принять последние предложения Австрии. Dirty Boy** покойного сэра Роберта Пиля, посвятивший себя последнее время «sentiments»***, «разбитым сердцам» и «любви к истине», произнес апологию своего ближнего, а именно самого сэра Джемса Грехема. Он запрещал Нейпиру действовать в Балтийском море, пока не наступило такое время года, когда всякая операция была бы гибельной для английского флота. Он запретил Дандасу бомбардировать Одессу. Он парализовал, таким образом, действия английского флота как на Балтийском, так и на Черном море.

* — непроизводительным издержкам производства. *Ред.*
** — Малый для грязной работы. *Ред.*
*** — «чувствам». *Ред.*

Он оправдывает свое поведение величиной флота, который он снарядил. Само уже наличие подобного флота являлось доказательством английской мощи. Поэтому действия флота были излишни. Нейпир несколько дней тому назад направил одному из друзей Уркарта лаконичное письмо, которое Уркарт огласил на митинге в Стаффорде. В этом письме дословно сказано: «Сэр! Я считаю сэра Джемса Грехема способным на всякую низость. *Ч. Нейпир».*

Наконец, *Рассел* превзошел самого себя. В начале своей речи он заявил, что основной вопрос, стоящий перед палатой, заключается в следующем:

«Если мы намерены заключить мир, то какие условия мира мы можем получить? Если мы намерены продолжать войну, то с какой целью мы будем ее продолжать?»

Что касается первого вопроса, то ответ на него можно-де найти в венских протоколах, что же касается второго, то есть цели войны, то он может дать на него лишь *очень общий* ответ, иначе говоря вовсе никакого. Если согласятся принять за ответ фразу «безопасность Турции», то он ничего не имеет против. В Венской ноте дано одно толкование этой «безопасности», в *четырех пунктах* — другое; найти третье — не дело Рассела, а дело *войны.* Принцип Наполеона заключался в том, что война сама должна покрывать свои расходы, принцип Рассела заключается в том, что война сама должна определять свою *цель.*

Написано К. Марксом 6 июня 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 263, 9 июня 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВЕСТИ ИЗ КРЫМА [169]

Прибытие почты с пароходом «Азия» поздно вечером в четверг дало нам возможность опубликовать вчера донесение генерала Пелисье относительно сражения, имевшего место под Севастополем вечером 22 мая, а также достоверное сообщение о продвижении союзников на Чоргунь, которое они предприняли 25 мая. Около 25000 человек под командованием Канробера форсировали Черную и заняли рубеж, проходящий по этой реке, выбив русские передовые посты с их позиций на высотах, которые нависают над правым берегом реки. Поскольку эта оборонительная линия не была местом, где русские намеревались дать сражение, они, как и следовало ожидать, отошли, чтобы сосредоточить все свои войска на сильном рубеже между Инкерманом и цепью гор к востоку от него. Благодаря продвижению вперед союзники почти вдвое расширили занимаемую ими территорию, обеспечив тем самым пространство, в котором они весьма нуждались в силу увеличения численности войск, и открыли себе путь в Байдарскую долину, что может оказаться весьма полезным. Первый шаг, направленный на возобновление полевых операций, был предпринят успешно, но за ним должны были бы следовать более крупные действия.

22 мая бой произошел на участке между Карантинной бухтой и Центральным бастионом, — бастионом № 5, по нумерации русских. Бой был очень упорным и кровопролитным. Как теперь стало известно из донесения Пелисье, русские удерживали всю территорию от оконечности Карантинной бухты вплоть до кладбища и от кладбища до Центрального бастиона с помощью отдельных укреплений и стрелковых окопов, хотя,

согласно официальному плану осадных сооружений, составленному английским адмиралтейством, этот важный участок сплошь покрыт сетью траншей. Теперь выясняется, что как только Мачтовый и Центральный бастионы оказались под серьезной угрозой, а защищавшие их внешние укрепления были взяты французами, русские превратили этот участок в одно большое укрепление. За несколько ночей были проложены длинные линии соединяющихся друг с другом брустверов, которые охватили весь участок и образовали таким образом большой *place d'armes,* или защищенный район, где войска могли бы спокойно сосредоточиваться для удара по флангам французских войск, в случае атаки последних, или даже для крупных фланговых вылазок против выдвинутых вперед французских укреплений. Пелисье по собственному опыту знал, как быстро русские возводят подобные сооружения и с каким упорством они защищают их после завершения земляных работ. Поэтому он решил напасть на них немедленно. Вечером 22 мая была предпринята атака двумя колоннами. Левая колонна заняла русские траншеи у оконечности Карантинной бухты и закрепилась на этих позициях. Правая колонна также овладела выдвинутыми вперед траншеями, но ввиду сильного огня противника не смогла в них закрепиться и вынуждена была с рассветом отступить. На следующий день вечером союзники вторично предприняли атаку более значительными силами, и она увенчалась полным успехом. Укрепленный участок был полностью захвачен и обращен против русских путем перенесения туров с одной стороны траншей на противоположную. В этом бою французы, как говорят, сражались с величайшей храбростью, с той старой furia francese*, которая так прославила их в прошлом, хотя следует признать, что при описании трудностей, которые пришлось преодолеть его войскам, Пелисье не обошелся без хвастовства.

Относительно третьей бомбардировки города, которая, согласно сообщению, полученному нами из Галифакса, началась 6 июня и за которой последовал штурм и захват Мамелона и Белых укреплений** 7 июня, в почте, прибывшей с пароходом «Азия», не содержится новых сведений, и мы не можем ничего добавить к тому, что писали в среду. Однако нам стало известно, что 25000 человек из армии Омер-паши в Евпатории переброшены на Херсонес; очевидно, союзники предполагают вести полевые операции, так как если бы намечалось осуще-

* — французской яростью. *Ред.*
** — Селенгинского и Волынского редутов. *Ред.*

ствить еще одну бомбардировку и штурм, то эти турецкие войска следовало бы оставить на их прежних позициях. Но можно предполагать также, что армия союзников плохо обеспечена транспортными средствами и продовольствием, необходимыми для похода в глубь полуострова. Возможно, что Пелисье в ожидании устранения этих препятствий решил занять войска, возобновив активные операции по осаде города не для того вовсе, чтобы предпринять штурм Севастополя в настоящее время, а для того, чтобы поддержать *боевой дух* солдат.

Поведение Пелисье со времени принятия им на себя командования говорит о том, что он решил, кажется, действовать по своему усмотрению и не принимать во внимание планы и проекты, которые могут прийти в голову Луи Бонапарту. Составление планов крымской кампании, по-видимому, стало сейчас модным в Париже. Даже престарелый маршал Вайян послал один или два плана, но Пелисье тут же телеграфировал, что, если Вайян считает свои планы столь прекрасными, пусть приезжает в Крым и осуществляет их сам. Вскоре мы увидим, как будет действовать этот энергичный, но упрямый и жестокий командующий. Во всяком случае, если верно, что он считает возможным посылать «приказы» начальникам штабов английских. турецких и сардинских войск, не потрудившись даже поставить в известность об их содержании соответствующих командующих, то в лагере союзников очень скоро начнутся сильные раздоры. Ведь до сих пор верховным органом их армий считался не один генерал, а военный совет, в состав которого входят все командующие. Представьте себе старого фельдмаршала лорда Раглана в подчинении у какого-то французского генерал-лейтенанта!

Между тем русские не теряют времени даром. «Выжидательная» позиция, которую вновь заняла Австрия, и прибытие резервов и новобранцев из тыла дало русским возможность направить в Крым свежие войска. Там, помимо нескольких кавалерийских дивизий, уже находятся 3-й, 4-й, 5-й и 6-й пехотные корпуса. 2-й пехотный корпус, о прибытии которого в Крым сообщалось еще полтора месяца тому назад, сейчас действительно отправился с Волыни на театр военных действий, а за ним последовала 7-я легкая кавалерийская дивизия, приданная корпусу гренадер. Это верный признак того, что близится момент, когда в Крым будут направлены и пехотные и артиллерийские подразделения корпуса гренадер. Сейчас они находятся уже на пути в Волынь и Подолию, чтобы заменить там 2-й корпус. С этим корпусом, которым командует

генерал Панютин, командовавший в Венгрии русской дивизией, приданной армии Гайнау, в Крым прибудут 49 пехотных батальонов, помимо артиллерии и легкой кавалерии, всего 50000—60000 человек, ибо нет сомнений, что корпуса, еще не принимавшие участие в боевых действиях, полностью укомплектованы по штатам военного времени. Части 2-го корпуса прибудут на театр военных действий между 15 июня и 15 июля, в период, когда весьма вероятно начало решающих операций, и, следовательно, они смогут сыграть очень важную роль в предстоящих военных действиях в Крыму.

Июнь, очевидно, будет решающим месяцем в ходе крымской кампании. К концу июня, или самое позднее к концу июля, либо русской полевой армии придется оставить Крым, либо союзники вынуждены будут готовиться к выводу своих войск.

Написано Ф. Энгельсом около 8 июня 1855 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4424, 23 июня 1855 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

К КРИТИКЕ СОБЫТИЙ В КРЫМУ

Лондон, 8 июня. С прибытием трех резервных французских дивизий в дополнение к двум сардинским, союзники уже не могли больше оставаться на узком пространстве Гераклейского Херсонеса. Поэтому 25 мая, вскоре после того, как генерал Пелисье принял на себя командование, они направили к реке Черной 20000—25000 человек, заняли рубеж, проходящий по этой реке, и выбили русские передовые посты с позиций на высотах, которые нависают над правым берегом реки. Как, возможно, помнят наши читатели, мы более месяца тому назад уже указывали*, что эта наиболее выдвинутая оборонительная линия русских не является местом, где они действительно намерены дать сражение, что поэтому вместо того, чтобы удерживать этот участок и принимать бой на этой линии, русские, вероятно, при первой серьезной атаке оставят его, чтобы сосредоточить все свои войска на сильном рубеже между Инкерманом и цепью гор к востоку от него. Так оно и вышло. Благодаря продвижению вперед союзники почти вдвое увеличили протяженность занимаемого ими пространства и открыли себе путь в богатую Байдарскую долину, что в будущем может оказаться весьма полезным. Между тем достигнутые преимущества использовались пока что недостаточно быстро и энергично. После первого же продвижения снова наступила задержка. Возможно, что к этому вынуждал недостаток в транспортных средствах. Как причину приводят также разногласия между командующими армиями союзников. Вновь начатая

* См. настоящий том, стр. 224—225. *Ред.*

6 июня бомбардировка Севастополя, бомбардировка № 3, вызывает подозрение, что союзники намерены после эпизодической активности вернуться к прежним проволочкам. Однако не исключена возможность, что бомбардировка будет сопровождаться полевыми операциями. Во всяком случае одно необходимое мероприятие (см. «Neue Oder-Zeitung» № 241*), а именно — переброска из Евпатории на Херсонес около 20000 турок под личным командованием Омер-паши, наконец, осуществлена. Таким образом, армия союзников составляет теперь полных 200000 человек. С такими силами можно уверенно начать активные операции, как только организация подвоза продовольствия и наличие транспортных средств позволят начать полевые действия. Правда, тут придется преодолеть еще немало трудностей.

Второе событие, о котором следует упомянуть, описывая историю главной армии, это бой на участке между Карантинной бухтой и Центральным бастионом (№ 5 по нумерации русских). Бой был упорным и кровопролитным. Как теперь стало известно из донесения генерала Пелисье, русские удерживали всю территорию от оконечности Карантинной бухты до кладбища. и от кладбища до Центрального бастиона с помощью отдельных укреплений и стрелковых окопов, хотя, согласно официальному плану осадных сооружений, составленному английским адмиралтейством, на всем этом важном участке фигурируют несуществующие французские укрепления. Как только Мачтовый и Центральный бастионы оказались под серьезной угрозой, а защищавшие их внешние укрепления были взяты французами, русские превратили весь этот обширный участок в одно большое укрепление. За несколько ночей были проложены длинные линии соединяющихся друг с другом брустверов, которые охватили весь участок и образовали таким образом большой place d'armes, или защищенный район, где войска могли бы спокойно сосредоточиваться для удара по флангам французских войск, в случае атаки последних, или для крупных фланговых вылазок против выдвинутых вперед французских укреплений. Чтобы не дать русским времени для осуществления их плана, Пелисье решил напасть на них немедленно, пока они еще не закончили земляные работы. Вечером 22 мая была предпринята атака двумя колоннами. Левая колонна заняла русские траншеи у оконечности Карантинной бухты и закрепилась на этих позициях; правая колонна также овладела выдвинутыми вперед траншеями,

* См. настоящий том, стр. 253. *Ред.*

но ввиду сильного огня противника вынуждена была с рассветом снова отступить. На следующий день вечером союзника вторично предприняли атаку более значительными силами, и она увенчалась полным успехом. Укрепленный участок был полностью захвачен и обращен против русских путем перенесения туров с одной стороны траншей на противоположную. В этом бою французы, как говорят, снова сражались с furia francese*, которая так прославила их в прошлом, хотя следует признать, что при описании трудностей, которые пришлось преодолеть его войскам, Пелисье не обошелся без хвастовства.

Экспедиция в Азовское море, как известно, увенчалась полнейшим успехом. Флотилия, состоявшая главным образом из легких военных кораблей обоих флотов, имевших на борту 15000 британских, французских и турецких солдат, не встретив сопротивления, овладела Керчью, Еникале и проливом, ведущим в Азовское море. Продвигаясь по этому внутреннему морю, корабли подошли к Бердянску, Геническу и Арабату и уничтожили, или вынудили русских уничтожить, большие запасы хлеба и боевых припасов, несколько пароходов и около 200 транспортных судов. Союзникам посчастливилось перехватить под Керчью письма Горчакова, направленные командующему войсками этого района. Русский главнокомандующий жалуется на недостаток продовольствия в Севастополе и настаивает на срочной отправке новых транспортов провианта. Оказывается, Азовское море в течение всей этой кампании являлось тем главным каналом, через который русские пополняли свои запасы в Крыму, используя для транспортировки грузов 500 *парусных судов.* Поскольку союзники до настоящего времени обнаружили и уничтожили лишь 200 парусных судов, то остальные 300 находятся, вероятно, где-то севернее, под Таганрогом или Азовом. Поэтому был выслан отряд паровых судов на поиски этих парусников. Успех союзников тем более важен, что он вынуждает русских переправлять все запасы через Перекоп или через Гнилое море, пользуясь при этом медленным и ненадежным гужевым транспортом, и устраивать свои главные склады под Херсоном или Бериславом на Днепре, то есть в местах куда более опасных, чем северная часть Азовского моря. Успех этой экспедиции, не встретившей почти никакого сопротивления, является самым серьезным упреком военному командованию союзников. Если теперь такие результаты получены за 4 дня, то почему же экспедицию не отправили

* — французской яростью. *Ред.*

в сентябре или октябре прошлого года, в такое время, когда подобные нарушения русских коммуникаций могли бы привести к отступлению их армии из Крыма и к сдаче Севастополя?

Сухопутные войска, сопровождающие данную экспедицию, предназначены для того, чтобы в случае необходимости защищать корабли, выделять из своего состава гарнизоны для занятых населенных пунктов и действовать против коммуникаций русских. Главные силы этих войск будут использованы, по-видимому, лишь для полевых действий в качестве летучего отряда; они должны при всяком удобном случае наносить стремительные удары, отступая затем на свои укрепленные позиции под защиту морских орудий, а в худшем случае, если им будут угрожать значительно превосходящие силы противника, даже снова погружаться на корабли. Если назначение сухопутных войск именно таково, то они могут сослужить хорошую службу, и 15000 человек для выполнения подобной задачи не слишком много. Если же они предназначены для того, чтобы действовать как самостоятельная единица с собственной операционной базой, предпринять против русских серьезный фланговый маневр и попытаться создать серьезную угрозу для внутренней части Крыма, то пятнадцати тысяч человек, ослабленных к тому же вследствие необходимости выделять из своего состава отдельные отряды, слишком мало для таких операций; создается большая опасность, что они окажутся отрезанными, окруженными превосходящими силами противника и будут уничтожены. Пока нам известно только, что эти войска высадились в Керчи и в настоящее время заняты укреплением города со стороны суши. После того как русские добровольно оставили Суджук-Кале, единственной крепостью на черкесском побережье, которая находится в их руках, является Анапа. Эта уже благодаря природным условиям очень сильная крепость, теперь к тому же хорошо укреплена. Мы сомневаемся, чтобы союзники предприняли нападение на Анапу в настоящий момент. Если бы они это сделали, не будучи уверены в быстром успехе, то совершили бы большую ошибку. Они раздробили бы войска, в то время как необходима их максимальная концентрация, и расточили бы силы в атаках на новые объекты, не закрепившись в ранее захваченных пунктах.

Написано Ф. Энгельсом около 8 июня 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 265, 11 июня 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

* ДЕБАТЫ В АНГЛИЙСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ

Лондон, 9 июня. Великие парламентские дебаты закончились, или, вернее, иссякли, изойдя слюной. Предложение Беринга прошло без возражений *«под общий смех палаты».* Предложение, по существу вздорное, кончается адресом по поводу войны на имя короны. Уж не объявила ли палата войну «une guerre pour rire»[*]? Или, может быть, палата объявила сама себя «un parlement pour rire»[**]? Во всяком случае, истинный результат двухнедельных дебатов заключается не в принятии предложения Беринга — пустой формальности, — а во всеобщем смехе, в непроизвольных, недозволенных уставом судорожных движениях, в нескромных выкриках, в которых «достопочтенная палата» похоронила предложения и контрпредложения, поправки и контрпоправки, министерство и оппозицию, речи, возражения, проповеди, умозаключения, едкий сарказм и патетические клятвы, молитвы о мире и воинственные крики, тактичность и бестактность, себя и свои голосование. Палата вышла из смешного положения, высмеяв себя самое. Таким образом, она признала, что в ее парламентской среде всемирно-историческая серьезность превращается сначала в условную серьезность, а затем эта деланная серьезность кончается внезапно простой забавой.

Всякая попытка заставить Пальмерстона изложить политику министерства, объявить задачи, тенденции, цели войны закончилась полной неудачей. Он прямо заявил: *«Нельзя*

[*] — «войной смеха ради». *Ред.*
[**] — «парламентом смеха ради». *Ред.*

расспрашивать министра и даже просто знакомого о цели войны». Прежде всего ему помогли сторонники мира. Вы хотите знать, зачем мы ведем войну? Вот сидит Ричард Кобден, который хочет мира любой ценой. Неужели вы не предпочитаете войну без всякой цены миру любой ценой? Бейте же Ричарда Кобдена! Так Пальмерстон всякий раз ставил между собой и своими противниками Кобдена или Брайта, Грехема или Гладстона.

Хлопчатобумажные герои служили ему не только в качестве подкладки, которой он подбивал свой военный мундир. Больше того. Он делал порох из хлопчатой бумаги. Вместо с тем во время дебатов обнаружилось, что в лице Рассела, как раньше в лице Абердина, Пальмерстон имеет громоотвод, принадлежащий кабинету, громоотвод специально для его священной особы. Он послал Рассела в Вену именно с целью превратить его в свой громоотвод. И как раньше Лейард и К° объявляли ответственным Абердина, так теперь Робак объявляет ответственным Рассела за «shortcomings»[*] героического Пальмерстона. Как прежде пилиты, так теперь расселиты мешают «взмаху крыльев» его «свободной души»[**]. На нем висят эти гири, как на шварцвальдских часах, но не для того, чтобы он мог ходить, как часы, а для того, чтобы неправильно отбивать время.

Все клики палаты общин оказались потрепанными после условного и мнимого сражения. *Пилиты,* наконец, признали, что до сих пор были офицерами без армии. Они отказались от претензий создать собственную фракцию и открыто примкнули к манчестерской школе. Эти люди, которым в первый год войны было поручено руководство армией и флотом, признав, что исповедуют вечный мир, сами изобличили себя глупейшим образом как *изменников* внутри коалиции, к радостному удивлению Пальмерстона-Рассела. Они сами себя опорочили.

Манчестерская школа действительно хочет мира, чтобы иметь возможность вести промышленную войну внутри страны и за ее пределами. Она домогается господства английской буржуазии как на мировом рынке, где война должна вестись только ее оружием — хлопчатобумажными кипами, — так и в самой Англии, где аристократ, как лишний для современного производства, должен быть устранен, где пролетарий, как простое орудие этого производства, должен быть порабощен, а она сама, как руководительница производства, должна также руководить государством и занимать государственные посты.

---

[*] — «недостатки». *Ред.*
[**] Г. Гервег. «С гор». *Ред.*

Но теперь Кобден поносит священника д-ра Гриффитса, заявившего на одном публичном собрании о ненужности палаты лордов, а Брайт оплакивает судьбу *королевских* детей, которых вызванное войной разорение заставит самих стирать свое белье. Оба поносят народное движение. Таковы герои Лиги против хлебных законов, которые, когда их вознесла волна народного движения, объявили «варварский блеск короны», лордов, земельную аристократию и т. д. «непроизводительными издержками производства». Вся соль их движения, не исключая и проповеди мира, заключалась в борьбе против аристократии. Теперь же они поносят массы перед аристократией! Et propter vitam, vivendi perdere causas*. Манчестерская школа в этих дебатах отреклась от основы своего существования.

Тори в свою очередь открыли наличие партии мира в собственном стане и доказали, что они так же мало сохранили традицию быть представителями английского национализма, как и свою ненависть к «Бонапартам».

Наконец, сторонники министерства! Ничто их так не характеризует, как судорожная попытка уцепиться за предложение, которое сам Пальмерстон неделю тому назад вынужден был отклонить, от которого автор предложения хотел отказаться и которое Уолпол принял от имени тори, Гладстон — от имени сторонников мира, а палата во имя «всеобщего смеха».

Газета «Morning Herald» получила следующее сообщение с Финского залива:

«28 мая в шестнадцати милях от Кронштадта «Орион» произвел рекогносцировку. Он сообщает, что русская эскадра у Кронштадта состоит из 6 линейных кораблей, пригодных для плавания, такого же числа почти расснащенных линейных кораблей, 13 линейных кораблей, которые, если судить по их внешнему виду, превращены в пловучие батареи, 8 больших пароходов и большого числа канонерок, сосчитать которые не удалось. При посещении Бомарсунда мы нашли там все в таком же состоянии, в каком оставили; русские ничего не сделали для восстановления укреплений. Ни один житель не показался. Наказания, наложенные на тех, кто в прошлом году вел торговлю с союзными эскадрами, сделали население чрезвычайно осторожным».

Написано К. Марксом 9 июня 1855 г.

Напечатано в «New Oder-Zeitung» № 267, 12 июня 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — И потерять ради жизни весь жизненный корень (Ювенал. «Сатиры»). *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

СЕВАСТОПОЛЬ [170]

Почта, привезенная «Балтикой», предоставила в наше распоряжение официальные документы, касающиеся последних событий под Севастополем. Депеши генерала Пелисье и лорда Раглана мы напечатали вчера, а сейчас собираемся продолжить изложение фактов на основе этих и других материалов.

6 июня батареи союзников на правом фланге атаки вновь открыли огонь по городу. Но на этот раз это не было общей бомбардировкой; сосредоточенный огонь велся по определенным пунктам с целью немедленного их захвата. Внешние укрепления, возведенные русскими на этом участке обороны 23 февраля и 12 марта, — Селенгинский, Волынский и Камчатский редуты — пока что удерживали осаждающих и их батареи на некотором расстоянии. На западном участке, на левом фланге атаки союзников, таких внешних укреплений не было, и французы, которые к этому времени находились почти у самого рва или крытого хода (если он там имеется) оборонительных сооружений, тем самым продвинулись значительно дальше войск правого фланга атаки, где продвижение было более медленным. Поскольку по плану осады, принятому союзниками, два крупных участка фронта — Городская сторона к западу от внутренней гавани* и Корабельная слобода на ее восточном берегу-рассматриваются как две отдельные крепости, штурмовать которые предполагается одновременно, необходимо было форсировать наступление на правом фланге атаки и захватить внешние укрепления, чтобы союзники на этом направлении вышли

* — Южной бухты. *Ред.*

на одну линию с выдвинутыми вперед параллелями на левом фланге атаки. Для этого нужно было взять упомянутые выше редуты и несколько второстепенных укреплений, расположенных в каменоломне справа от Мамелона (Камчатского редута). Вот почему вечером 7 июня после 36-часового обстрела французы двинулись на Селенгинский и Волынский редуты через Килен-балку и на Мамелон, в то время как англичане атаковали каменоломню. В результате ожесточенного часового боя союзники овладели укреплениями. Они захватили несколько орудий и взяли в плен 400 человек, в том числе 13 офицеров. Обе стороны понесли тяжелые потери.

Таким образом, положение на этом участке стало почти таким же, каким оно было до 22 февраля. Из числа редутов, захваченных союзниками, наиболее важным являлся Мамелон (русские называют его Камчатским редутом*). Он возводился 12 марта и в последующие дни. Уже тогда мы указывали на большое значение этого укрепления и на ту важную роль, которую оно сыграет в войне[171]. События полностью подтвердили правильность нашей точки зрения. Это наспех возведенное полевое укрепление задержало продвижение осаждающих на половине всей линии атаки на 88 дней, то есть на время, которое при обычной осаде считается более чем достаточным для того, чтобы дважды взять крупную крепость. Попробуем объяснить это удивительное явление — нечто подобное встречается в истории осад лишь дважды: в 1807 г. при обороне Кольберга прусскими войсками и в 1813—1814 гг. при обороне Данцига французами.

С ростом численности полевых армий старые и обычно небольшие укрепления времен Вобана потеряли свое значение. Основная масса войск победителя спокойно обходила эти укрепления, а его летучие отряды почти не обращали на них внимания; овладение ими входило в задачу подходивших резервов его армии. Но когда на пути этих крупных армий вставали большие крепости, продвижение армий неизменно задерживалось. Так произошло с Наполеоном у Мантуи в 1797 г. и у Данцига в 1807 году. Причина этого ясна. Когда армия в составе 150000 человек вступала во враждебную страну, мелкие крепости не создавали никакой угрозы в тылу: все их гарнизоны вместе взятые были недостаточно сильны, чтобы помешать продвижению подкреплений и резервов, отправляемых из запасных частей для пополнения действующей армии. Кроме того такие небольшие гарнизоны не могли выделять более

* Имеется в виду Камчатский люнет. *Ред.*

или менее значительные отряды для прочесывания местности и для нарушения линий коммуникаций противника. Иное дело, когда на пути армии встречались крепости значительных размеров с гарнизоном в 15000—25000 человек; такая крепость являлась центром обороны всего района; она могла выслать в любом направлении и притом на значительное расстояние крупный отряд, способный вести полевые операции, а в случае атаки превосходящих сил противника, в любой момент укрыться в крепости. Блокировать такую крепость стоило почти такого же труда, как и взять ее; предпочтительно поэтому было ее взять.

В старых крепостях типа сооружений Вобапа и Кормонтеня все средства обороны сосредоточивались вокруг главного вала и в главном рве. Все тенали, люнеты, контргарды и башенные редюиты располагались таким образом, чтобы создать одну линию обороны, и если противнику удавалось вклиниться в эту линию, то в течение нескольких дней он прорывал ее полностью, а поскольку линия оборонительных укреплений была прорвана, противник брал и крепость. Ясно, что такая система укреплений совершенно не годилась для больших крепостей, которые одни только могли остановить наступление крупных армий вторжения; сохранять эту систему означало бы жертвовать гарнизоном, ибо в случае прорыва крепость оказывалась беззащитной. Поэтому надо было применить другую систему —систему выдвинутых вперед укреплений. Первым, кто смело выступил за сооружение отдельных фортов, несмотря на предрассудки, господствовавшие среди военных, был генерал Монталамбер, учитель Карно. Но метод сооружения больших крепостей с отдельными фортами, образующими законченную систему обороны, был разработан и усовершенствован в Германии, в первую очередь прусским генералом Астером. Великолепные оборонительные укрепления Кёльна, Кобленца, Познали, Кенигсберга и отчасти Майнца созданы им и знаменуют новую эру в истории фортификаций. Французы. в конце концов, признали необходимость перехода к этой системе и построили прекрасно спроектированные первоклассные оборонительные сооружения Парижа с отдельными фортами.

Система отдельных фортов немедленно вызвала к жизни новый способ обороны. Численность гарнизонов больших крепостей пришлось настолько увеличить, что исчезла необходимость ограничиваться лишь пассивной обороной, ожидая момента, пока противник, продвигаясь к гласису, не подойдет на расстояние, допускающее вылазки. Гарнизон в 20000—

25000 человек был достаточно силен, чтобы атаковать противника на его собственных позициях. Находясь под защитой отдельных фортов, крепость и территория вокруг нее приобретали характер укрепленного лагеря или базы для полевых операций гарнизона, превратившегося по существу в небольшую армию. Оборона, бывшая до сих пор пассивной, стала активной; она приобрела наступательный характер. Необходимость такой системы обороны стала настолько очевидной, что когда в 1807 г. французы осадили Данциг, прусский гарнизон численностью около 20000 человек построил именно такие отдельные форты, которых там не было, но нужда в которых стала немедленно ощущаться, когда надо было использовать силы этого большого гарнизона в целях настоящей обороны города. Когда французы обороняли в 1813—1814 гг. Данциг против союзников, они с еще большим успехом применяли этот принцип.

Осада, которая со времен Вобана была кратковременной операцией и цель которой, если не происходило какого-либо вмешательства извне, почти наверняка могла быть достигнута в течение заранее установленного срока, стала теперь операцией, исход которой зависел от такого же множества факторов, как и военные действия на открытой местности. Артиллерия, установленная на валах, сразу потеряла свое первостепенное значение; более важную роль даже для обороны крепости начала играть полевая артиллерия. Искусство инженеров стало применяться уже не только для исправления повреждений, причиненных во время осады; как и в полевой армии, инженеры должны теперь выбирать и укреплять позиции, расположенные впереди самих фортов, подводить траншеи к траншеям противника, создавать угрозу с фланга укреплениям противника посредством возведения противоосадных укреплений, неожиданно менять фронт обороны и, таким образом, вынуждать противника менять направление атаки. В осадной войне, как и в полевых операциях, пехота превратилась в главную силу, а кавалерия стала совершенно необходимой составной частью почти каждого гарнизона. Теперь уже невозможно определить заранее, хотя бы примерно, длительность осады, а правила Вобана относительно взятия крепости, оставаясь в основе своей правильными, поскольку речь идет о деталях артиллерийской атаки, — становятся совершенно неприменимыми к осаде *в целом*.

У русских в Севастополе не было времени построить отдельные форты. Они были вынуждены придерживаться старого способа укрепления крепостей. Они возвели главный вал в качестве первой линии обороны, и действительно, в тот момент

он был крайне необходим. За валом русские создали вторую и третью линии обороны, продолжая одновременно укреплять первую. Затем, постепенно осознав, что у них имеется превосходство даже на некотором расстоянии от главного вала, русские продвинулись вперед и построили Селенгинский и Волынский редуты, и, наконец, укрепление на Мамелоне и длинную линию стрелковых ложементов, тогда как на западном фланге, где были расположены основные силы французов, они смогли построить только несколько люнетов вблизи основного рва и вырыть ряд стрелковых окопов немного впереди этих люнетов. Таким образом, с того момента, когда русские укрепили Мамелон, восточный фланг стал сравнительно безопасен; на западном же фланге, где таких защитных внешних укреплений не было, осаждающие продвинулись постепенно к самому краю главного рва. Поэтому, чтобы подойти к бастиону на Малаховом кургане, господствующему и наиболее важному рубежу на правом фланге атаки, осаждающим нужно было сначала взять Мамелон. Однако, прикрывая Малахов курган, Мамелон, в свою очередь, был защищен сооружениями, расположенными в его собственном тылу. А насколько эффективной была эта защита, видно из того, что при второй бомбардировке Канробер не решился по-настоящему штурмовать Мамелон. Да и сейчас не может быть никаких сомнений, что потери французов при взятии этого укрепления были чрезвычайно велики.

Возобновление обстрела союзниками и энергичные действия генерала Пелисье, который, не щадя жизни своих солдат, старается использовать каждую благоприятную возможность, чтобы продвинуться в глубь обороны противника, сочетаются с полным прекращением операций на Черной. Подобные действия сразу же дают нам представление о характере Пелисье и подтверждают правильность установившейся за ним репутации настойчивого, упрямого, ни перед чем не останавливающегося человека. Перед ним было два пути: либо начать полевые операции, окружить Севастополь также и с Северной стороны, а затем с удвоенной силой возобновить осаду, имея в четыре раза больше шансов на скорую победу, либо продолжать ошибочную тактику последних восьми месяцев — упрямо штурмовать Южную сторону, разрушить ее до основания и выбить русских из крепости, которая, даже если противник ее оставит, все равно не сможет быть занята войсками союзников вследствие огня батарей Северной стороны.

В обоих полушариях не найдется ни одного здравомыслящего военного, который, узнав о назначении Пелисье коман-

дующим и о крупных подкреплениях, полученных союзниками, не ожидал бы, что Пелисье выберет первый путь. В особенности после того, как 25000 турок под командованием Омер-паши прибыли в Балаклаву, не было никаких сомнений, что союзники располагают достаточными силами, чтобы продолжать осаду, послать 15000 человек в Керчь и вместе с тем продвигаться вперед, ведя полевые операции с большим числом войск, чем русские могут противопоставить им для оказания сопротивления. Почему же союзники этого не сделали? Неужели у них все еще не хватает транспортных средств? А может быть они не верят, что сумеют провести военную кампанию в Крыму? Мы этого не знаем. Но одно ясно: если у Пелисье не было *очень серьезных* причин воздерживаться от полевых операций, то из одного лишь упрямства и своеволия он продолжает чрезвычайно ошибочный курс; при потерях, равных тем, которые вынуждена теперь нести его армия во время штурмов, он мог бы добиться в полевых операциях значительно больших результатов и более решающего успеха. Брать Южную сторону, даже не попытавшись окружить Северную, которая полностью господствует над Южной стороной, значит совершенно пренебрегать всеми правилами ведения войны, и если Пелисье собирается так поступить, он может погубить большую армию, которой командует.

Однако попытаемся по возможности найти оправдание каждому сомнительному поступку нового командующего. Может быть, операции на левом фланге атаки были неизбежны и вызывались сооружением русскими контрапрошей. А может быть нужно было вернуть русских на линии их первоначальных позиций, показать им путем нескольких сильных, сокрушительных ударов превосходство осаждающих, прежде чем рискнуть разделить армию на осадные и полевые войска. Но даже допуская все это, мы сейчас должны сказать, что дальше так продолжаться не может и любая новая серьезная попытка штурма города будет прямой ошибкой, если силы русской полевой армии предварительно не будут измотаны в бою при помощи всех войск, которые союзники могут бросить для осуществления этой задачи.

Написано Ф. Энгельсом около 12 июня 1855 г.

Напечатана в газете «New-York Daily Tribune» № 4429, 29 июня 1855 г. в качестве передовой и в «Neue Oder-Zeitung» № 273, 15 июня 1855 г.

Печатается по тексту газеты «New-York Daily Tribune», сверенному с текстом «Neue Oder-Zeitung»

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВОЕННЫЕ ПЛАНЫ НАПОЛЕОНА

Французское правительство сочло нужным при посредстве парижской газеты «Gonstitutionnel»[172] вновь сообщить всему миру о том, как будет вестись война в ближайшие месяцы. Подобные exposes[*] становятся теперь не только модными, по и периодическими, и хотя часто противоречат друг другу, все же дают неплохое представление о том, какие шансы на успех в данный момент имеются у французского правительства. Взятые вместе, они представляют собой коллекцию всех возможных планов военных кампаний Луи Бонапарта против России и как таковые заслуживают некоторого внимания, поскольку затрагивают судьбу Второй империи и возможность национального возрождения Франции.

Итак, похоже на то, что никакой «grande guerre»[**] не будет, 500000 австрийцев и 100000 французов так и не появятся на Висле и Днепре. Не произойдет также и всеобщего восстания тех «угнетенных национальностей», взоры которых постоянно обращаются на Запад. Венгерская, итальянская и польская армии не появятся по мановению волшебной палочки человека, уничтожившего Римскую республику[173]. Все это теперь в прошлом. Австрия выполнила свой долг по отношению к Западу. Пруссия выполнила свой долг. Весь мир выполнил свой долг. Все довольны друг другом. Нынешняя война вовсе не является большой войной. Она не преследует цели возродить славу прежних войн французов против русских, хотя Пелисье,

* — изложения. *Ред.*
** — «большой войны». *Ред.*

кстати сказать, в одном из своих донесений утверждает обратное. Французские войска посылаются в Крым не для того, чтобы пожинать там славу побед; они просто несут там полицейскую службу. Требующий решения вопрос имеет чисто локальное значение — господство на Черном море — и решаться он будет там, на месте. Расширять рамки войны было бы безумием. Союзники «почтительно, но твердо» отразят всякую попытку русских оказать сопротивление на Черном море и его побережье; и когда это будет сделано, тогда, разумеется, они или русские, или обе стороны пойдут на мир.

Так оказалась развеянной еще одна бонапартистская иллюзия. Мечты о границе Франции по Рейну, о присоединении Бельгии и Савойи рассеялись, и их место заняла необычайно трезвая скромность. Мы ведем войну вовсе не для того, чтобы вернуть Франции подобающее ей положение в Европе. Отнюдь нет. Не воюем мы и за цивилизацию, как совсем еще недавно мы не раз утверждали. Мы слишком скромны, чтобы претендовать на столь важную миссию. Война ведется всего-навсего из-за толкования третьего пункта венского протокола! Вот каким языком говорит сейчас его императорское величество Наполеон III, милостью армии и благодаря терпимости Европы ставший императором французов.

Но что же все это означает? Нам говорят, что война ведется с целью решения вопроса чисто локального значения и может быть с успехом доведена до конца при помощи чисто локальных средств. Лишите только русских фактического господства на Черном море, и цель войны будет достигнута. Став хозяевами Черного моря и его побережья, удерживайте то, что захватили, и Россия очень скоро уступит. Таков самый последний из многочисленных планов кампании, составленных главной ставкой в Париже. Рассмотрим его более подробно.

Опишем положение дел в настоящий момент. Весь морской берег от Константинополя до Дуная, с одной стороны, и черкесское побережье, Анапа, Керчь, Балаклава до Евпатории, с другой, отняты у русских. Держатся пока только Кафа и Севастополь, причем Кафа находится в трудном положении, а Севастополь так расположен, что при возникновении серьезной угрозы его придется оставить. Более того, флот союзников бороздит воды внутреннего Азовского моря; их легкие суда Доходили до Таганрога и совершали нападения на все важные прибрежные пункты. Можно считать, что ни одного участка берега не осталось в руках русских, за исключением полосы от Перекопа до Дуная, то есть одной пятнадцатой того, что им принадлежало на этом побережье. Теперь предположим, что

Кафа и Севастополь тоже пали и Крым оказался в руках союзников. Что же тогда? Россия, находясь в таком положении, мира не заключит, об этом она уже во всеуслышание заявила. Это было бы безумием с ее стороны. Это означало бы отказаться от сражения из-за того, что отброшен авангард, в тот самый момент, когда подходят главные силы. Что же смогут сделать союзники, добившись таких успехов ценой огромных жертв?

Нам говорят, что они могут разрушить Одессу, Херсон, Николаев и даже высадить большую армию в Одессе, укрепиться там так, чтобы отразить натиск любого количества русских, а затем уже действовать в зависимости от обстоятельств. Кроме того, они могут послать войска на Кавказ и чуть ли не уничтожить русскую армию под командованием Муравьева, которая занимает сейчас Грузию и другие части Закавказья. Что ж, предположим, что все это осуществлено, но тут снова встает вопрос: что будет, если и после этого Россия откажется заключить мир, а она наверняка это сделает? Не следует забывать, что Россия находится в ином положении, чем Франция и Англия. Англия может позволить себе пойти на заключение невыгодного мира. Ведь как только Джон Буль почувствует, что с него хватит волнений и военных налогов, он приложит все усилия к тому, чтобы выпутаться из беды и предоставить своим уважаемым союзникам самим расхлебывать кашу. Залог действительного могущества Англии и источники ее силы надо искать не в этом направлении. Для Луи Бонапарта тоже может наступить момент, когда он предпочтет бесславный мир войне не на жизнь, а на смерть, ибо не следует забывать, что когда такой авантюрист попадает в отчаянное положение, возможность продлить свое господство еще на полгода возьмет у него верх над всеми другими соображениями. В решающий момент Турция и Сардиния с их жалкими ресурсами окажутся предоставленными самим себе. В этом не приходится сомневаться. Россия же, подобно Древнему Риму, *не может* пойти на мир, пока враг находится на ее территории. На протяжении последних ста пятидесяти лет Россия ни разу не заключала мира, по которому ей приходилось бы идти на территориальные уступки. Даже Тильзитский мир[174] привел к расширению ее территорий, а он был заключен в то время, когда ни один француз еще не вступил на русскую землю. Заключение мира в момент, когда на русской территории находится наготове большая армия, мира, предусматривающего потерю территории или по крайней мере ограничение власти царя в пределах его собственных владений, означало бы резкий разрыв с традициями последних полутора столетий. Царь, только что вступивший на

престол, и новый для народа, за действиями которого с беспокойством следит сильная национальная партия, не может пойти на подобный шаг. Такой мир не может быть заключен, пока не будут пущены в ход и не окажутся исчерпанными все наступательные и, прежде всего, все *оборонительные* ресурсы России. А такое время безусловно наступит, и Россию вынудят отказаться от вмешательства в чужие дела, но это будет сделано совсем другим противником, нежели Луи Бонапарт и Пальмерстон, и в результате гораздо более решительной борьбы, чем «локальная» карательная мера, примененная к ней в ее черноморских владениях. Предположим, однако, что Крым завоеван и на его территории размещены 50000 союзников, Кавказ и все владения на юге очищены от русских войск, армия союзников сдерживает русских на Кубани и Тереке, Одесса взята и превращена в укрепленный лагерь, в котором находится, допустим, 100000 англо-французских солдат, а Николаев, Херсон и Измаил разрушены или заняты союзниками. Предположим даже, что, кроме этих «локальных» операций, кое-какие более или менее важные результаты достигнуты на Балтийском море, хотя на основании имеющихся в нашем распоряжении данных трудно предсказать, какие там могут быть достижения. Что же последует за этим?

Ограничатся ли союзники тем. что будут удерживать свои позиции и изматывать силы русских? Болезни будут уносить солдат союзников в Крыму и на Кавказе быстрее, чем будут прибывать пополнения. Их главные силы, например в Одессе, придется снабжать при помощи флота, так как земли на сотни миль вокруг Одессы не обработаны. Русская армия, имея в своем распоряжении казачьи части, особенно полезные при действиях в степях, будет нападать на союзников при любой их попытке выйти за пределы своего лагеря, а может быть сумеет и занять постоянные позиции вблизи города. При таких условиях нельзя будет заставить русских дать сражение; у них всегда будет то большое преимущество, что они смогут заманивать противника в глубь страны. На каждое наступление союзников они ответят медленным отходом. Между тем нельзя в течение длительного времени держать большую армию в укрепленном лагере в бездействии. Постепенный рост недисциплинированности и деморализации вынудит союзников предпринять какие-нибудь решительные действия. Болезни тоже будут осложнять положение. Одним словом, если союзники займут главные пункты на побережье и будут ждать там момента, когда Россия сочтет нужным уступить, это ни к чему не приведет. Имеются три шанса против одного, что союзники

устанут первыми и могилы их солдат на берегах Черного моря скоро будут исчисляться сотнями тысяч.

Подобный образ действий и с военной точки зрения был бы ошибочным. Чтобы господствовать на побережье недостаточно овладеть его главными пунктами. Только обладание внутренней территорией гарантирует обладание побережьем. Как мы видели, обстоятельства, вытекающие из самого факта захвата союзниками побережья на юге России, заставят их двинуть свои войска в глубь страны. Но здесь-то и начинаются трудности. До границ Подольской, Киевской, Полтавской и Харьковской губерний земля представляет собой плохо орошаемую, почти необработанную степь, на которой ничего не растет, кроме травы, да и трава летом высыхает от солнечного зноя. Предположим, что Одесса, Николаев, Херсон будут превращены в операционные базы, но где же объект операций, против которого союзники могли бы направить свои усилия? Городов там немного, расположены они далеко друг от друга, и среди них нет ни одного настолько значительного, чтобы взятие его придало операциям решающий характер. До Москвы нет таких значительных пунктов, а Москва находится на расстоянии 700 миль. Для похода на Москву нужно пятьсот тысяч человек, а где их взять? Положение безусловно таково, что если события развернутся в этом направлении, то «локальная» война ни в коем случае не даст решающих результатов. И пусть Луи Бонапарт со всем богатством своего стратегического воображения попытается найти иной путь!

Однако для осуществления всех этих планов нужен не только строгий нейтралитет Австрии, но и ее моральная поддержка. А на чьей стороне эта держава в настоящее время? В 1854 г. Австрия и Пруссия заявили, что продвижение русских войск на Балканы они будут рассматривать как casus belli* против России[175]. Где гарантия, что в 1856 г. они не сочтут наступление французов на Москву или даже на Харьков поводом для войны против западных держав? Не следует забывать, что всякая армия, продвигающаяся от Черного моря в глубь России, будет иметь неприкрытый фланг со стороны Австрии не в меньшей мере, чем русская армия, которая движется в Турцию от Дуная; поэтому на определенном расстоянии ее коммуникации с операционной базой, то есть самое ее существование, окажутся поставленными в зависимость от милости Австрии. Чтобы заставить Австрию не вступать в войну, хотя бы некоторое время, ее придется подкупить, отдав Бесса-

* — повод к войне. *Ред.*

рабию австрийским войскам. Выйдя на Днестр, австрийская армия окажется таким же полным хозяином Одессы, как если бы этот город был занят австрийцами. Может ли армия союзников при таких условиях броситься в сумасбродную погоню за русскими в глубь страны? Это было бы безумием! Но это безумие, напомним, является логическим следствием последнего плана Луи Бонапарта—плана «ведения локальной войны».

Первым планом кампании была «grande guerre», в союзе с Австрией. Этот план отводил французской армии в численном отношении такое же подчиненное место по сравнению с австрийской, какое сейчас занимает английская армия по сравнению с французской. Этот план предоставлял России революционную инициативу. Луи Бонапарт не мог пойти ни на первое, ни на второе. Австрия отказалась участвовать в войне; план отпал. Вторым планом была «война национальностей». Этот план вызвал бы бурю среди немцев, итальянцев и венгров, с одной стороны, и восстание славян с другой, что немедленно отразилось бы на Франции и смело бы империю времен упадка [Lower Empire][176] Луи Бонапарта за более короткий срок, чем тот, который потребовался для ее создания. Поддельный «железный человек», выдающий себя за Наполеона, с ужасом отступил. Третий и самый скромный из всех планов — это план «локальной войны во имя локальных целей». Абсурдность этого плана сразу же бросается в глаза. И снова мы вынуждены задать вопрос: что же дальше? В конце концов, гораздо легче стать императором французов, когда все обстоятельства благоприятствуют этому, чем быть этим императором, даже когда длительные упражнения перед зеркалом сделали его величество прекрасным знатоком всех внешних атрибутов императорской власти.

Написано Ф. Энгельсом около 15 июня 1855 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4431, 2 июля 1855 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

ПИСЬМА НЕЙПИРА. — КОМИССИЯ РОБАКА

Лондон, 15 июня. Сэр *Чарлз Нейпир* начал публикацию серии писем о балтийском флоте письмом № 1 следующего содержания[177]:

«Спрашивают, почему наша эскадра в Балтийском море не совершила ничего значительного в истекшем году и, вероятно, ровно ничего не сделает в этом году? На этот вопрос легко ответить: *потому что* сэр Джемс Грехем оставил без внимания планы, которые я послал ему в июне прошлого года, и даже сделал вид, что ничего не знает о них; далее потому, что адмиралтейство не обратило внимания на планы, которые я послал ему в сентябре прошлого года. Если бы адмирал Дандас был обеспечен всеми теми приспособлениями, на которые я указывал, то бомбардировка Свеаборга была бы уже проведена, и крепость, возможно, разрушена. Вместо того, чтобы сделать это, истратили около миллиона на броненосные плавучие батареи, которые лишь с трудом могут плавать и, если будут посланы в Балтийское море, вряд ли когда-либо вернутся обратно. И это после того, как в Портсмуте было доказано, что они могут быть разрушены 68-фунтовыми орудиями на расстоянии 400 ярдов, тогда как каждый знает, что на расстоянии 800 ярдов они не могут причинить вреда гранитным стенам. Если бы те же деньги были истрачены на мортирные лодки, то еще можно было бы на что-нибудь надеяться; или если бы только половина этих денег была истрачена на выполнение планов лорда Дандональда, которыми он поделился со мной, то без сомнения мы имели бы успех как на Балтийском, так и на Черном морях. Придет время — и оно уже близко, — когда я буду в состоянии разоблачить все поведение сэра Джемса Грехема по отношению ко мне. Г-н Данкомб его уже изобличил» (в деле братьев Бандьера) «в том, что он вскрывал письма частных лиц. Грехем пытался свалить вину за смерть бедного капитана Кристи на г-на Лейарда, и я обвинил его в извращении моих писем. Представить доказательства мне не позволяют под тем предлогом, что опубликование их дало бы неприятелю информацию. Этот предлог скоро отпадет, и тогда страна узнает, какие средства применял достопочтенный баронет, чтобы склонить адмирала Беркли и адмирала Ричардса к подписанию

инструкций, выполнение которых привело бы к гибели королевского флота. Пусть страна знает, может ли первый лорд адмиралтейства предавать огласке личные письма офицера, а затем препятствовать ему делать то же самое с письмами первого лорда.

Сэр *Ч. Нейпир*».

Комиссия Робака вчера снова собралась, в сорок девятый раз, чтобы прийти к какому-нибудь заключению относительно доклада, который должен быть представлен палате общин. После четырехчасовых дебатов члены комиссии, как и на предыдущих заседаниях, не пришли к соглашению. Они снова отложили заседание до понедельника в «надежде», что смогут, наконец, доложить об окончании своей работы.

Ассоциация административной реформы организовала вчера большой митинг в театре Друри-Лейн, однако не *открытый,* а ticket meeting — митинг, на который имели доступ лишь лица, удостоенные входных билетов. Господа из Ассоциации чувствовали себя, таким образом, совершенно непринужденно, «au sein de leur famille»*. Они заявили, что собрались, чтобы дать выход «общественному мнению». Однако, чтобы защитить это общественное мнение от сквозняка извне, у входа в театр Друри-Лейн было поставлено полроты констеблей. Что за деликатно организованное общественное мнение, которое лишь под охраной констеблей и входных билетов осмеливается быть общественным! Этот митинг прежде всего был демонстрацией в поддержку Лейарда, который сегодня вечером вносит, наконец, в палату свой проект реформы.

На открытом митинге, состоявшемся позавчера в Ньюкасле-на-Тайне, Давид Уркарт поносил «предательское министерство и слабоумный парламент».

О митингах, которые готовятся в настоящее время чартистами в провинции, — в следующий раз[178].

В момент, когда существующее положение вещей подвергается критике с различных сторон и с различных точек зрения, *принц Альберт* воспользовался одним званым обедом в *Тринити-хаус*[179], чтобы охарактеризовать отношение *двора* к всеобщему брожению. У него, оказывается, также есть панацея от кризиса. Она гласит: *«Патриотическое беззаветное доверие кабинету!»* Только деспотизм кабинета, полагает принц Альберт, может сделать конституционную Англию способной вести войну с северным деспотизмом, побивая Россию ее же оружием. Сравнения, которые он проводил между Англией и Россией, не были ни убедительными, ни удачными. Например:

* — «в своем семейном кругу». *Ред.*

королева не имеет права набирать солдат, нет у нее в распоряжении других войск, кроме тех, которые предлагают ей свои услуги добровольно! Принц Альберт забывает, что в распоряжении королевы почти 30 млн. ф. ст., чтобы *нанять* солдат. С каких это пор *принудительный труд* стал продуктивнее *наемного* труда? Что сказали бы о каком-нибудь манчестерском фабриканте, который жаловался бы на конкуренцию московитских фабрикантов, основываясь на том, что у него в распоряжении лишь такие рабочие, «которые добровольно предлагают свои услуги»? Вместо того чтобы подчеркнуть, что император России повелел ясно и определенно объявить с амвонов народу о целях своей «священной» войны, тогда как Англия в течение двух лет ведет войну, относительно которой премьер-министр заявляет в парламенте, что «никто не может определить ее *цель»,* — вместо этого принц Альберт жалуется на то, что

«королевское правительство не может провести *ни одного мероприятия* в интересах продолжения войны, не сообщив предварительно об этом парламенту».

Как будто бы комиссия Робака не была учреждена уже *после* того, как было принесено в жертву две трети английской армии! Как будто бы дебаты по поводу Венской конференции не начались лишь *после того,* как конференция закрылась! На самом деле ни одного сообщения о каком-либо мероприятии в интересах войны правительством в парламенте сделано не было, если не считать хвастливого заявления Рассела о севастопольской экспедиции, которое он сделал по собственной инициативе и которое явно преследовало лишь цель своевременно предупредить петербургский кабинет. И если по поводу блокады велись дебаты, то не потому, что министерство предприняло это мероприятие, а потому, что оно провозгласило блокаду, но не прибегло к ней. Вместо того чтобы жаловаться на парламентские интриги, вынудившие корону терпеть во время войны с Россией диктатуру откровенно русофильского и явно стремящегося к миру кабинета, принц Альберт, напротив, жаловался на то, что неблагоприятный исход голосования в парламенте «вынуждает королеву отстранять своих доверенных слуг». Вместо того чтобы по праву сетовать на то, что ошибки, беспомощность и подлость, за которые в России любому генералу, министру, дипломату угрожала бы ссылка в Сибирь, в Англии вызывают самое большее равнодушную болтовню в прессе и парламенте,— принц Альберт жалуется на то, что

«нет такой неудачи, как бы незначительна она ни была, нет таких недостатков и слабостей, которые сейчас же не осудили бы, а иногда даже и не раздули с каким-то болезненным удовлетворением».

Эти болезненно раздраженные излияния принц Альберт сделал содержанием тоста в честь своего давнишнего врага лорда Пальмерстона. Пальмерстону, однако, чуждо великодушие. Он сразу использовал ложное положение, в которое поставил себя принц, чтобы в ответ на это, ударяя себя в грудь, громко воскликнуть: «Я должен заявить, что английский народ оказал нам самую великодушную поддержку». Пальмерстон пошел дальше. Он прямо сказал, что пользуется «доверием» английского народа. Пальмерстон отверг навязчивые увещевания принца, обращенные к народу. Он расшаркался перед народом, после того как принц расшаркался перед ним. Пальмерстон даже не дал себе труда ответить комплиментом по адресу короны. Принц Альберт хотел объявить себя покровителем министерства и поэтому провозгласил *«независимость»* кабинета от парламента и народа; Пальмерстон ответил тем, что констатировал *«зависимость»* короны от кабинета.

Написано К. Марксом 15 июня 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 277, 18 июня 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

* ИНЦИДЕНТ В ПАЛАТЕ ОБЩИН. — ВОЙНА В КРЫМУ

Лондон, 16 июня. Дебаты по поводу предложения Лейарда не были вчера закончены, они перенесены на вечернее заседание в понедельник. Мы пока также отложим их характеристику.

Один инцидент, имевший место на заседании палаты общин, заслуживает упоминания. Во время дебатов по поводу Венской конференции Пальмерстон вскользь заметил, что пилиты поставили условием своего вступления в его кабинет принятие определенных условий мира. Именно эти условия Рассел защищал в Вене. *Отуэй* потребовал вчера, чтобы Пальмерстон выступил с заявлением, придерживается ли он условий мира, исходящих от пилитов, следовательно, от партии, которая, по собственному признанию, действует в интересах России? Тут поднялся Гладстон и потребовал, чтобы оратор, обвиняющий его и его друзей в *измене,* был призван к порядку. Это было сделано. Тем не менее Отуэй повторил свою характеристику пилитов и свой запрос Пальмерстону. Пальмерстон, как и подобает, отказался отвечать. Условия мира, естественно-де, зависят от военных событий. Что касается пилитов, то они лишь договорились с ним о том, чтобы «некое» условие, о котором он должен молчать, не стало conditio sine qua non* мира. Гладстон в своем ответе Пальмерстону заявил, что никогда не вступал с Пальмерстоном в переговоры относительно условий мира. Возможно, его друг Грехем действовал иначе. Впрочем, он про-

* — непременным условием. *Ред.*

тестует против системы Пальмерстона: с одной стороны, подчеркнутая официальная сдержанность, с другой — скрытые указания, двусмысленные намеки и недомолвки. Пусть министерство говорит прямо или вовсе молчит. Гладстон прочел Пальмерстону эту заслуженную нотацию со смиренной горечью.

Французское правительство выступило на страницах «Constitutionnel» с новым exposé[*] того, как, будет вестись война в ближайшие месяцы. Подобные exposés стали теперь не только модными, но и периодическими. Хотя они и противоречат в корне друг другу, но все же ценны тем, что раскрывают «все возможные» планы военных кампаний Луи Бонапарта против России. Они ценны, поскольку свидетельствуют об исчезновении одной бонапартистской иллюзии за другой. Первым планом был план *«большой войны»* в союзе с Австрией, с 500000 австрийцев и 100000 французов на Висле и Днепре. Этот план отводил французской армии в численном отношении такое же подчиненное место по сравнению с австрийской, какое сейчас занимает в Крыму английская армия по сравнению с французской. Этот план предоставлял России революционную инициативу. Австрия отказалась участвовать в войне. План отпал. Вторым планом была *«война национальностей»* — всеобщее восстание «угнетенных, взоры которых постоянно обращаются на Запад». Этот план вызвал бы бурю среди немцев, итальянцев и венгров, с одной стороны, и восстание славян — с другой. Своим обратным влиянием на Францию этот план угрожал падением «Второй» империи. Поддельный «железный человек» с ужасом отступил. План отпал. Все это теперь в прошлом. Австрия выполнила свой долг, Пруссия выполнила свой долг, весь мир выполнил свой долг, и Бонапарт дошел до третьего и самого скромного плана: — *«локальная война во имя локальных целей».* Французские войска сражаются в Крыму не из-за славы, они просто несут там полицейскую службу. Требующий решения вопрос имеет чисто местное значение — *господство на Черном море* — и решать его следует здесь, на месте. Придавать войне более широкий размах было бы безумием. Союзники «почтительно, но твердо» отразят всякую попытку русских оказать сопротивление на Черном море, а затем они или русские, или обе стороны пойдут на мир. От громких слов не осталось и следа, не осталось даже фразы о цивилизации, ничего, кроме борьбы за третий пункт венского протокола. *Война во имя лишь локальной цели,* замечает бонапартистский оракул, *может*

[*] — изложением. *Ред.*

вестись только локальными средствами. Лишите только русских господства на Черном море! В следующей корреспонденции мы покажем, что после того как Бонапарт от «большой войны» перешел к «войне национальностей», а от «войны национальностей» к «локальной войне во имя локальной цели, ведущейся локальными средствами» — эта последняя война становится *«абсурдом»*.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом 16 июня 1855 г.

Напечатано с «Neue Oder-Zeitung» № 279, 19 июня 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ТОСТ ПРИНЦА АЛЬБЕРТА. — ШТЕМПЕЛЬНЫЙ СБОР С ГАЗЕТ

Лондон, 18 июня. Опубликование речи принца Альберта и ответной речи Пальмерстона произошло при несколько странных обстоятельствах. Речи были произнесены в Тринити-хаус в субботу 9 июня. В понедельник ежедневные газеты лишь мимоходом упомянули о ежегодном званом обеде корпорации Тринити, не останавливаясь на тосте принца Альберта. Лишь в среду, 13 июня, «Daily News», а в четверг, 14 июня, «Times» опубликовали текст тоста и благодарности за тост. Теперь выясняется, что опубликование их являлось проделкой лорда Пальмерстона, который рассчитывает завоевать себе популярность за счет своего августейшего доброжелателя. Принцу Альберту приходится расплачиваться за «беззаветное доверие» к благородному виконту, доверие, к которому принц столь настойчиво призывал всю страну. Как воспринят тост принца Альберта большей частью еженедельных газет, можно судить по отрывку из газеты «Reynolds'»[180]. Тираж «Reynolds'», кстати сказать, составляет 2496256 экземпляров. После обстоятельной критики газета, между прочим, пишет:

«Августейший цензор утверждает, что любая слабость, любой недостаток осуждается, а подчас даже раздувается с каким-то *болезненным удовлетворением.* Терпение английского народа вошло в поговорку. Английский народ, подобно Иссахару, можно сравнить с ослом, задавленным двумя ношами: ростовщичеством и монополией на землю. Однако этот упрек принца-консорта представляет собой самое дерзкое, самое чудовищное оскорбление, какое когда-либо приходилось переносить англичанам. *Болезненное удовлетворение!* Это означает, что английский народ испытывал болезненное удовлетворение, наблюдая ужасные страдания, которым подверглись наши героические солдаты вследствие измены

и аристократического слабоумия; болезненное удовлетворение по поводу того, что нас обманывает Австрия; болезненное удовлетворение по поводу того, что безрассудно истрачено 40000000 ф. ст. и погибло 40000 самых храбрых солдат; болезненное удовлетворение по поводу того, что мы вызвали недоверие союзника, которому будто бы помогаем, и презрение неприятеля, которого собираемся наказать. Однако обвинение принца является не только дерзким и оскорбительным, оно в то же время в высшей степени лживое и клеветническое. Каковы бы ни были ошибки английского народа, — а, видит бог, их много — англичане отнюдь не испытывают *удовлетворения* от страданий своих солдат и матросов и от позора, которым покрыта репутация нации. Исключением являются, впрочем, августейшие особы немецкого происхождения, аристократические предатели и их достойные презрения и отвращения прихлебатели ... Мы, разумеется, охотно верим, что праздному и сытому сибариту, солдату перины, очень трудно понять страдания и испытания настоящих солдат и матросов ... В одном, однако, пункте мы согласны с августейшим воином: *конституционализм*—это величайший sham*, это чрезвычайно громоздкая, плохая, несправедливая, негодная форма правления. Принц, однако, заблуждается, предполагая, что кроме деспотизма другой альтернативы нет. Мы рекомендуем ему вспомнить, что существует такая форма, как республиканизм — альтернатива, которую, возможно, изберет наша нация; нам представляется, что именно к этому все больше склоняется сейчас общественное мнение, что растет стремление к республиканизму, а не к неограниченному деспотизму, которого желает воинственный принц».

Так пишет «Reynolds'».

Новый акт об *отмене штемпельного сбора с газет* получил в прошлое воскресенье королевскую санкцию и с 30 июня вступает в силу. Согласно этому акту, штемпельный сбор с газет взимается лишь с тех экземпляров газет, которые пересылаются по почте *бесплатно.* Из числа лондонских ежедневных газет одна лишь «Morning Herald» объявила о снижении цены номера с пяти пенсов до четырех. Напротив, из числа еженедельных газет уже многие, например, «Lloyd's», «Reynolds'», «People's Paper» и другие объявили о снижении цены одного номера с трех пенсов до двух. Сообщается о выходе новой лондонской ежедневной газеты «Courier and Telegraph» такого же формата, как «Times», ценой в два пенса за номер. Из *новых* еженедельных газет ценой в два пенса пока что в Лондоне издавались: «The Pilot» (католическая газета); «Illustrated Times» и «Town and Country Paper» мистера *Чарлза Найта.* Наконец, гг. Уиллотт и Леджер объявили, что они начинают издавать в Лондоне еженедельную penny paper (однопенсовую газету)**. Однако более значительные изменения в связи с отменой штемпельного сбора с газет произошли в провинциальной прессе. Только в одном Глазго будут выходить 4 новых ежедневных газеты

* — обман. *Ред.*
** — «Penny Times». *Ред.*

ценой в один пенс. В Ливерпуле и Манчестере газеты, выходившие до сих пор лишь раз или два в неделю, превращаются в ежедневные — ценой в три, два и один пенс за номер. Эмансипация провинциальной прессы от Лондона, децентрализация журнализма и были фактически главной целью манчестерской школы в ее упорной и длительной кампании против штемпельного сбора с газет.

Написано К. Марксом 18 июня 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 283, 21 июня 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

СТРАННАЯ ПОЛИТИКА

В своей книге «Венский конгресс» аббат де Прад справедливо обвиняет этот танцующий конгресс, как назвал его князь де Линь, в том, что он заложил основы господства России в Европе и к тому же санкционировал его.

«Таким образом», — восклицает де Прад, — «оказалось, что война, которую Европа вела за свою независимость против Франции, закончилась подчинением Европы России. Стоило ли прилагать столько усилий ради такого результата!»[181]

Война против Франции, будучи в то же время войной против революции, антиякобинской войной, привела, как и следовало ожидать, к тому, что центр политического влияния переместился с Запада на Восток, из Франции в Россию. Венский конгресс был естественным порождением антиякобинской войны. Венский договор — законным продуктом Венского конгресса, а господство России — незаконнорожденным детищем Венского договора. Поэтому нельзя допускать, чтобы английские, французские и немецкие писатели возлагали всю вину на Пруссию из-за того, что Фридрих-Вильгельм III своей слепой преданностью императору Александру и категорическими указаниями своим уполномоченным держать сторону России во всех важных вопросах, помешал бесчестному триумвирату — Каслри, Меттерниху и Талейрану — в осуществлении их тайных замыслов— создания надежных территориальных барьеров против вторжения России, чтобы предотвратить таким образом неприятные, но неизбежные следствия системы, которую они сами с таким рвением навязали Европе. Даже такому ие брезгающему

никакими средствами конклаву не удалось фальсифицировать логику событий.

Преобладающее влияние России в Европе неотделимо от Венского договора; поэтому любая война против этой державы, если только с самого начала ее не будет провозглашена отмена договора, неминуемо выльется в серию обманов, надувательств и тайных сговоров. Между тем нынешняя война предпринята не с целью аннулирования Венского договора, а скорее с целью его упрочения посредством дополнительного включения Турции в протоколы 1815 года. Надеются, что с этого момента начнется тысячелетнее царство консерватизма и объединенные усилия правительств можно будет направить исключительно на «успокоение» умов в Европе. Нижеследующий перевод знаменательных выдержек из брошюры прусского маршала Кнезебека «Памятная записка относительно европейского равновесия, составленная во время созыва Венского конгресса»[182], показывает, что уже в период конгресса главные его участники прекрасно понимали, что сохранение Турции является такой же неотъемлемой частью их «системы», как и раздел Польши.

«Турки в Европе! Какой вред причинили вам турки? Это сильный и честный народ; если вы оставите их в покое, они будут жить мирно столетиями, им вполне можно довериться. Разве когда-нибудь они вас обманывали? Разве они не искренни и не откровенны в своей политике? Они, правда, воинственны и храбры, но по многим причинам это хорошо и полезно. Турки являются лучшей преградой против вторжения избыточного населения из Азии, и именно потому, что у них есть территория в Европе, они препятствуют всякому вторжению. Если бы их изгнали из Европы, они сами стали бы вторгаться. Представьте себе на минуту, что они изгнаны. Что бы произошло? Либо этими землями завладели бы Россия или Австрия, либо там образовалось бы самостоятельное Греческое государство. Уж не хотите ли вы сделать Россию еще более могущественной? Не хотите ли и с этой стороны посадить себе на шею этого колосса? Разве вам мало того, что Россия уже шагнула от Волги до Немана, от Немана до Вислы и теперь, вероятно, распространит свое влияние еще дальше, до Варты? А если это не так, то не намерены ли вы направить силы Австрии в сторону Азии и тем самым ослабить ее или сделать индифферентной к тому, чтобы отстаивать свое положение центральной державы против посягательств Запада? Вспомните, в каком положении оказались в свое время Ян Собеский, Евгений Савойский и Монтекукули. Не потому ли Франция добилась вначале господства над Германией, что Австрия постоянно вынуждена была направлять свои силы на борьбу против Азии? Не хотите ли вы восстановить прежнее положение дел и еще больше усугубить его, приблизив Австрию к Азии?

Итак, должно быть создано самостоятельное Греческое или Византийское государство! Улучшит ли это положение Европы? При том состоянии бессилия, в которое впал этот народ» (греки), «не придется ли Европе, напротив, быть всегда вооруженной, чтобы защитить себя от турок в случае их возвращения? Не превратится ли Греция просто в колонию России вследствие влияния, которое последняя будет оказывать на это

государство при помощи религии, торговли и денег? Оставьте лучше турок в покое там, где они есть, не тревожьте беспокойные силы, когда они спят.

«Но как же, — воскликнет благонамеренный филантроп, —там дурно обращаются с людьми! Самая прекрасная часть земного шара, включающая Древние Афины и Спарту, населена варварами!»

Все это, может быть, и верно, мой друг: там душат людей, или до последнего времени душили; но и в других странах их бьют палками, розгами, плетьми и продают. Прежде чем изменять что-нибудь, подумайте, будет ли от этого лучше. Легче ли будет переносить палочные удары и розги наряду с вероломством греков, чем шелковый шнурок и фирманы турок? Сначала надо покончить со всем этим и с работорговлей в Европе и перестать сокрушаться по поводу варварства турок; в их варварстве заложена сила, их вера придает им мужество, а мы нуждаемся в силе и мужестве, чтобы иметь возможность спокойно наблюдать, как московиты продвигаются к Варте.

Турок, следовательно, надо сохранить, а поляки, как нация, должны исчезнуть! Иначе и быть не может.

Все, что имеет силу, чтобы выстоять, — существует, все, что сгнило,— должно погибнуть. Такова жизнь. Пусть каждый спросит себя, что получилось бы, если бы поляки со всеми присущими им чертами остались независимой нацией. Пьянство, обжорство, раболепство, пренебрежительное отношение ко всему лучшему и ко всем другим народам, презрительное высмеивание всякого порядка и правил, расточительство, распущенность, продажность, коварство, лживость, безнравственность, начиная от дворца и кончая хижиной, — вот та стихия, в которой живет поляк. Ради этого он поет свои песни, играет на скрипке или на гитаре, целует любовницу и пьет из ее башмачка, обнажает меч, подкручивает свои усы, вскакивает на коня, идет в бой против Дюмурье и Бонапарта или кого-либо другого, сверх меры употребляет водку и пунш, дерется с другом и недругом, плохо обращается со своей женой и своим крепостным, продает свое имущество, отправляется за границу, будоражит полмира и клянется Костюшко и Понятовским, что Польша не погибнет — это так же верно, как то, что он является поляком.

Вот что вы поддерживаете, когда требуете, чтобы Польша была восстановлена.

Достойна ли такая нация самостоятельного существования? Созрел ли такой народ для конституции? Всякая конституция заключает в себе идею порядка, ибо она лишь регулирует и указывает каждому члену общества принадлежащее ему место; с этой целью она устанавливает, из каких сословий должно состоять государство, и определяет каждому сословию его место, общественное положение, устройство, права и обязанности, а также направление деятельности государственной машины и основные линии государственного управления. Но как же управлять народом, когда никто не хочет порядка? Один из польских королей (Стефан Баторий) однажды воскликнул: «Поляки! Не порядку — вы его не признаете, — не правительству — вы его не уважаете, — а лишь счастливой случайности вы обязаны своим существованием!»

И так продолжается до сих пор. Беспорядок, безнравственность — стихия поляка. Нет, пусть лучше этот народ претерпит палочные удары. Такова воля провидения. Одному богу известно, что полезно людям!

На сегодняшний день, следовательно, долой поляков!»

Нынешняя война — война, предпринятая с целью расширения и упрочения Венского договора 1815 г.,—должна, видимо,

осуществить намерения старого маршала Кнезебека. В течение всего периода Реставрации и Июльской монархии во Франции была распространена иллюзия, будто наполеонизм означает отмену Венского договора, который официально поставил Европу под опеку России, а Францию — под «surveillance publique»[*] Европы. Теперь нынешний имитатор своего дяди, преследуемый мыслью о неумолимой иронии своего гибельного положения, доказывает миру, что наполеонизм означает войну *не за освобождение* Франции от Венского договора, а *за подчинение* этому договору Турции. Война ведется в интересах сохранения Венского договора, но под предлогом ослабления могущества России!

Вот какова истинная «idee napoleonienne»[**] в интерпретации ее воскресителя из Парижа. Англичане, будучи гордыми союзниками второго Наполеона, считают, разумеется, что им дозволено обращаться с изречениями первого Наполеона так же, как его племянник обращается с его идеями. Не следует удивляться поэтому, читая у одного современного английского автора (Данлопа)[183], будто Наполеон предсказал, что ближайшая борьба с Россией выдвинет великий вопрос, — быть Европе «конституционной или казацкой». До образования империи времен упадка принято было считать, что Наполеон заявил: «республиканской или казацкой». Однако век живи — век учись.

И за то, что «Tribune» недостаточно прославляла Венский договор и основанную на нем европейскую «систему», ее обвинили в измене делу свободы и прав человека!

Написано К. Марксом 19 июня 1855 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune»
№ 4437, 10 июля 1855 г.
в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

[*] — «общественный надзор». *Ред.*
[**] — «наполеоновская идея». *Ред.*

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ЛОКАЛЬНАЯ ВОЙНА. — ДЕБАТЫ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЕ. — ОТЧЕТ КОМИССИИ РОБАКА

Лондон, 20 июня. *Локальная война,* провозглашенная Бонапартом в «Constitutionnel» — это война на Черном море, и целью ее является уничтожение якобы существующего suprematie* России на Черном море, suprematie, которое, кстати сказать, никогда на море доказано не было, даже по отношению к туркам. Как обстоит дело в настоящий момент? Весь морской берег от Константинополя до Дуная, с одной стороны, и черкесское побережье до Балаклавы и Евпатории, с другой, отняты у русских. Держатся пока только Кафа и Севастополь; Кафа находится в трудном положении, а Севастополь так расположен, что при возникновении серьезной угрозы его придется оставить. Более того, флот союзников бороздит воды внутреннего Азовского моря, их легкие суда доходят до Таганрога и подвергают бомбардировке все важные прибрежные пункты. Ни одного участка берега не осталось в руках русских, за исключением полосы от Перекопа до Дуная, составляющей примерно $^{1}/_{15}$ того что им принадлежало на этом побережье. Предположим что Кафа и Севастополь тоже пали и Крым оказался в руках союзников, что же тогда? Россия, как она уже заявила, мира не заключит. Это было бы безумием. Это означало бы отказаться от сражения из-за того, что отброшен авангард, в тот самый момент, когда подходят главные силы. Что же остается делать союзникам? Нам говорят, что они могут разрушить Одессу, Херсон, Николаев. Они могут продвинуться дальше, высадить большую армию у Одессы, укрепить ее так,

* — превосходства, верховенства. *Ред.*

чтобы отразить натиск любого количества русских, а затем уже действовать в зависимости от обстоятельств. Кроме того, они могут послать войска на Кавказ, уничтожить русскую армию, которая занимает Грузию и другие закавказские владения (под командованием генерала Муравьева), и отрезать русскую империю от ее южноазиатских владений. А если Россия все же не заключит мира? Она не может заключить мира, пока враг находится на ее территории. На протяжении 150 лет Россия ни разу не заключала мира, по которому она что-нибудь теряла. Даже Тильзит привел к расширению ее территории, а этот мир был заключен, когда еще ни одного француза не было на русской земле. Александр II, только что вступивший на престол, не рискнет сделать то, что было бы опасно даже для Николая. Он не может вдруг порвать с традицией империи. Предположим, что Крым завоеван и на его территории размещена армия в 50000 человек, Кавказ и все владения на юге очищены от русских, армия союзников сдерживает русских на Кубани и на Тереке, Одесса взята и превращена в укрепленный лагерь с армией в 100000 человек, Николаев, Херсон, Измаил разрушены или заняты союзниками. Ограничатся ли после этого союзники тем, что будут удерживать свои позиции и строить свои расчеты на усталости русских? Болезни будут уносить солдат союзников в Крыму и на Кавказе быстрее, чем будут прибывать пополнения. Их главные силы, сосредоточенные в Одессе, придется снабжать при помощи флота, так как земли на сотни миль, вокруг Одессы не обработаны. При любой попытке союзников выйти за пределы лагеря они будут подвергаться нападению со стороны русских, прежде всего казаков. Заставить последних дать сражение будет невозможно. У них всегда будет то преимущество, что они смогут заманивать врага в глубь страны. На каждое наступление союзников они ответят медленным отходом. Между тем нельзя в течение длительного времени держать большую армию в укрепленном лагере в бездействии. Болезни и постепенный рост недисциплинированности и деморализации вынудят союзников предпринять решительные действия. Дело, следовательно, не в том, чтобы захватить главные пункты на побережье, а затем выжидать, пока русские сочтут нужным уступить. Это и с военной точки зрения было бы ошибочно. Чтобы господствовать на побережье, недостаточно овладеть его главными пунктами. Только обладание внутренней территорией гарантирует обладание побережьем. После того как союзники утвердятся на побережье юга России, обстоятельства заставят их двинуть свои войска в глубь страны. Но здесь-то и начинаются трудности. До границ Подольской, Киевской, Полтавской

и Харьковской губерний земля представляет собой плохо орошаемую, почти необработанную степь, на которой ничего не растет, кроме травы, да и трава высыхает от солнечного зноя. Предположим, что Одесса, Николаев и Херсон будут превращены в операционные базы, но где же *объект* операций, против которого союзники могли бы направить свои усилия? Таким объектом может быть только Москва, которая находится на расстоянии 700 миль и для похода на которую потребуется армия в 500000 человек. Но подобный поход предполагает не только строгий нейтралитет, но и моральную поддержку со стороны Австрии. А на чьей стороне эта держава в настоящее время? В 1854 г. Пруссия и Австрия заявили, что продвижение русских на Балканы они будут рассматривать как casus belli[*]. Почему нельзя предположить, что в 1856 г. они сочтут поводом к войне наступление французов на Москву или даже на Харьков? Не следует ни на минуту забывать, что всякая армия, продвигающаяся от Черного моря в глубь России, будет иметь неприкрытый фланг со стороны Австрии не в меньшей мере, чем русская армия, которая движется в Турцию от Дуная; поэтому на определенном расстоянии ее коммуникации и ее операционная база, то есть самое ее существование, окажутся поставленными в зависимость от милости Австрии. И при таких условиях союзные армии должны броситься в сумасбродную погоню за русскими в глубь страны? Это безумие, чистейшее безумие, но это неизбежное следствие последнего плана Бонапарта — плана «ведения локальной войны». Неумолимая диалектика приводит к тому, что «локальная война» выходит во всех пунктах далеко за поставленные ей местные границы и превращается в «большую» войну, но без предпосылок, условий и средств для большой войны. И все же. последний «план» Бонапарта знаменателен. Он является признанием того, что на сцену должны выступить другие силы, чтобы вести войну против России, и что реставрированная империя сознает свое бессилие, обрекающее ее на то, чтобы вести войну против России в локальном масштабе, войну, которую можно вести только в европейском масштабе. Все причудливые превращения, которым подверглись idées napoléoniennes[**] в реставрированной империи, будут превзойдены превращением наполеоновской войны против России в «локальную войну».

В *дебатах по поводу административной реформы,* возобновившихся сегодня вечером, поправка, внесенная Булвером от

---

[*] — повод к войне. *Ред.*

[**] — наполеоновские идеи. *Ред.*

имени тори, дала правительству возможность побить сторонников административной реформы большинством в 7 голосов против 1. В общем дебаты отличались *мелкочиновничьим характером,* выше этого они ни на минуту не поднимались. Подробности о фаворитизме и кумовстве, рассуждения на тему о «наилучшем экзамене», громы и молнии по поводу принижения заслуг — все было мелочным и ничтожным. Можно было подумать, что слышишь письменную жалобу младшего лесничего, направленную на имя почтенной правительственной коллегии. Даже Абердин in petto* был за реформу бюрократии, уверял Гладстон. Также и Дерби, утверждал Дизраэли. Не в меньшей мере и мое министерство, клялся Пальмерстон. Следовательно, господам из Сити нет необходимости собираться в поход, чтобы реформировать, воспитывать, реорганизовывать наши канцелярии. Не извольте беспокоиться!

В своих прежних агитационных движениях английская буржуазия захватывала врасплох правящую касту и увлекала за собой массы в качестве хора, так как в своей программе она шла дальше своей действительной цели. На этот раз она в своей программе не осмеливается подняться даже до уровня действительной цели. Вы заверяете нас один за другим, что не стремитесь сокрушить аристократию, а хотите лишь в содружестве с нами починить правительственную машину! Very well!** Дружба за дружбу! Мы сами реформируем для вас администрацию, не нарушая, разумеется, се традиционных границ. Вы утверждаете, что «административная реформа» не является вопросом спора между классами, что речь идет лишь о «практическом деле», о «благонамеренных» реформах. Мы хотим, чтобы в качестве первого доказательства ваших добрых намерений вы предоставили нам самим разработать ее детали, ибо речь идет только о деталях. Нам виднее, как далеко мы можем пойти, не причиняя вреда нашему классу, не превращая по оплошности административную реформу в вопрос спора между классами и не лишая ее человеколюбивого характера. Выступающая за реформу буржуазия вынуждена делать вид, что верит этому ироническому языку аристократической bonhomie***, ведь она сама. говорит с массами фальшивым языком. Аристократия, министерство и оппозиция, тори и виги, ни минуты не заблуждались относительно взаимоотношений между сторонниками административной реформы и массами. Они знали, что агитация кончилась крахом раньше, чем была перенесена в стены

* — в душе. *Ред.*
** — Очень хорошо! *Ред.*
*** — доброжелательности. *Ред.*

парламента. Да и могли ли они заблуждаться? Несмотря на то, что Ассоциация административной реформы допустила на свои митинг в Друри-Лейн только избранных, несмотря на то, что ее аудитория была дважды и трижды просеяна, ее страх перед возможностью какого-нибудь демократического предложения или какой-нибудь не предусмотренной регламентом речи был так велик, что председатель перед открытием митинга объявил; публика присутствует здесь только для того, чтобы «заслушать речи ораторов, объявленных в программе», никакие «предложения» ставиться на голосование не будут, а «потому не могут быть внесены никакие поправки» и не могут быть внесены «никакие дополнения в список записавшихся ораторов». *Подобная* агитация, разумеется, не способна воздействовать на упрямую английскую олигархию и вынудить ее к уступкам.

В *докладе комиссии Робака,* прочитанном позавчера вечером в палате общин, острые вопросы потонули в широковещательных и пустых фразах. В нем имеется робко сформулированное порицание различным ведомствам, как например, артиллерийскому управлению, интендантству, медицинскому ведомству и т. д. Он осуждает Пальмерстона за его управление милицией и все коалиционное министерство за то безрассудное легкомыслие, с которым оно предприняло севастопольскую экспедицию. Поскольку комиссия во время допроса свидетелей всячески избегала доискиваться истинных причин чудовищных неудач, она вынуждена была, разумеется, и в докладе все время колебаться между порицанием в совершенно общей форме политическим лидерам и между теряющимся в подробностях осуждением людей, игравших роль исполнителей. В общем комиссия выполнила свою задачу быть предохранительным клапаном, ослабляющим давление общественных страстей.

Ежедневная пресса разразилась криками негодования по поводу «вероломного убийства», совершенного русскими у Гангэ. Между тем «Morning Chronicle» признает, что корабли под белым флагом использовались англичанами для промера морских глубин и для шпионажа у русских позиций — например, у Севастополя и Одессы.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом 20 июня 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 287, 23 июня 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

СООБЩЕНИЕ О ВЗЯТИИ СЕВАСТОПОЛЯ. — С ПАРИЖСКОЙ БИРЖИ. — ДЕБАТЫ В ПАЛАТЕ ЛОРДОВ О ЗЛОДЕЯНИИ У ГАНГЭ [184]

Лондон, 22 июня. Едва закончился второй акт «Сомнамбулы»[185] и занавес театра Друри-Лейн опустился, как вдруг громкий удар в литавры призвал публику, устремившуюся было в буфеты, обратно в зал. Занавес снова поднялся, директор театра вышел на сцену и произнес в мелодраматически-экзальтированном тоне следующую речь:

«Леди и джентльмены! Я весьма счастлив, что могу сообщить вам о важном событии. *Союзники взяли Севастополь».*

Всеобщий энтузиазм и ликование, крики «ура!», «виват!», дождь цветов. Заиграл оркестр и публика запела: «God save the Queen», «Rule Britannia» и «Partant pour la Syrie»[186]. С верхнего яруса раздался призыв: «La Marseillaise!»*, но не нашел отклика. Импровизация директора театра была основана на телеграфном сообщении, в котором говорилось отнюдь не о взятии Севастополя, а о том, что штурм Малахова кургана французами и штурм Редана англичанами, предпринятые 18 июня, *отбиты с большими потерями.* Этот актер скопировал вчера вечером на сцене Друри-Лейн распорядителя другого спектакля, который около года назад, в ходе большого военного представления[187] сымпровизировал неожиданные и незабываемые слова: «Messieurs, Sevastopol est pris!»**.

Непонятное упорство, с которым Пелисье продолжает уничтожать силы союзников в односторонних атаках на Южную сторону, объясняется, очевидно, мотивами не *военного,*

* — «Марсельезу!» *Ред.*
** — «господа, Севастополь взят!» *Ред.*

а *финансового* характера. Бонапарт, как известно, выдал уже на миллиарды векселей под взятие Севастополя и заставил французскую нацию их учесть. Он намерен выдать еще на 800 миллионов векселей или около этого. Уплата в погашение уже находящихся в обращении векселей казалась, следовательно, необходимой, и если переход через Черную обещал *реальные результаты,* то атака на Южную сторону Севастополя предвещала *видимость блестящего успеха.* «Падение Севастополя» благоприятно отразилось бы на перспективе получения нового займа, п если выпускаются займы для войны, то почему бы не вести войны для займа! Перед подобным аргументом должна замолкнуть всякая военно-научная критика. Вообще, между войной в Крыму и парижской биржей существует таинственная связь. Как все дороги ведут в Рим, так и все электрические провода, как известно, сходятся в Тюильри, где они все заканчиваются «секретом кабинета». Было замечено, что самые важные телеграфные сообщения публикуются в Париже на несколько часов позже, чем в Лондоне. В течение этих часов некий корсиканец, по имени *Орси,* развивает, как говорят, бурную деятельность на парижской бирже. Этот Орси, и в Лондоне все об этом знают, был в прошлом «провиденциальным» агентом тогдашнего изгнанника[*] на лондонской бирже.

Если уже опубликованные английским кабинетом депеши адмирала Дандаса доказали тот факт, что никаких злоупотреблений парламентерским флагом со стороны офицеров или экипажа откомандированной «Казаком» лодки, которые могли бы дать повод для русского *злодеяния у Гангэ,* допущено не было, то рассказ «Русского инвалида»[188] не оставляет на этот счет никакого сомнения. Русские, очевидно, не подозревали, что один матрос, по имени Джон Браун, вернется оттуда живым и сможет дать против них свидетельское показание. «Инвалид», следовательно, счел излишним обвинять английскую лодку в шпионаже, промерах морских глубин и т. д., а сфабриковал свою историю наспех, убежденный вместе с аббатом Сиейесом, что «мертвые не говорят». Это дело обсуждалось вчера в палате лордов. Мы, однако, не можем согласиться с утверждением «Times», что «этот по привычке и из принципа всегда такой холодно-корректный сенат» на этот раз не мог удержаться от искренних проявлений страстного негодования. Мы наблюдали аффектированное возмущение на словах, а на деле — нежную заботу о «русской чести» и трусливую боязнь мщения нации. Торийский министр иностранных дел, граф *Малмс-*

[*] — Луи Бонапарта. *Ред.*

бери, поднялся, изложил вкратце сущность дела и затем воскликнул:

«Я перебрал в памяти всю английскую историю и не мог найти примера подобной жестокости. Какие же меры правительство намерено принять при таких обстоятельствах? Для каждого офицера и каждой армии в Европе исключительно важно, чтобы этот случаи был основательно расследован, а исполнители этого преступления понесли бы заслуженное наказание».

Кларендон, министр иностранных дел вигов, заявил, что он разделяет «возмущение» своих коллег. Этот настолько ужасный и ни с чем не сравнимый акт насилия так противоречит методам и обычаям цивилизованных наций, что приходится предположить, что исполнители его не могли действовать но приказу или с разрешения своих начальников. Возможно, что командир 500 русских не был commissioned officier* (все английские офицеры до чина лейтенанта включительно имеют commission**, но сержанты и унтер-офицеры его не получают). Вполне вероятно поэтому, что русское правительство не одобряет этого акта. Ввиду этого он поручил английскому послу в Копенгагене сделать через датского посланника в Петербурге представление русскому правительству в том смысле, что английское правительство с большим нетерпением ожидает услышать о том, какие шаги предприняло или намерено предпринять русское правительство, чтобы выразить свое отношение к акту, который не вызвал бы, может быть, никакого удивления, случись это на каком-нибудь диком острове Тихого океана, но которого нельзя было ожидать в цивилизованной Европе; этот акт, если виновники его не будут строго и соответствующим образом наказаны русским правительством, потребует самых суровых репрессалий. Английский кабинет, — закончил Кларендон, — ожидает заявления со стороны России, чтобы в соответствии с этим предпринять дальнейшие шаги.

Лорд *Колчестер* полагает, что

«в каждом подобном случае обязанностью командующего было связаться непосредственно с теми более высокими русскими инстанциями, до которых он мог бы добраться при помощи парламентера с белым флагом, изложить обстоятельства дела и потребовать осуждения этого злодеяния».

Лорд *Малмсбери* вторично берет слово и заявляет, что он в общем согласен с действиями правительства, но содрогнулся, когда услышал от Кларендона слово «репрессалии». Англия не может, в свою очередь, действовать но методу русских.

* — офицером, имевшим патент на офицерский чин. *Ред.*
** — патент. *Ред.*

Необходимо русского царя наказать *морально,* побудить все европейские дворы к тому, чтобы они направили протесты в адрес петербургского двора и таким образом вынесли России международный приговор. Все, что будет носить характер «мести», лишь усилит общественное «отвращение». Номинальный председатель английского кабинета граф *Гранвилл* с жадностью подхватывает слова тори и по-христиански умоляет: «Никакого возмездия!»

О чем же говорят эти, как выражается «Times», проявления страстного негодования в палате лордов? Тори, полный нравственного возмущения, делает запрос. Виг, возмущаясь еще сильнее, сам в то же время подсказывает русскому правительству оправдательные причины и указывает ему выход: дезавуировать и принести в жертву какого-либо младшего офицера. Он прикрывает свое отступление, бормоча о «возможных» репрессалиях. Лорд Колчестер хочет наказать русских за их злодейское нападение на парламентеров с белым флагом тем, что посылает к ним другого парламентера с белым флагом. Тогда снова выступает тори и от репрессалий апеллирует к морали. Виг, обрадовавшись возможности отказаться от репрессалий, пусть даже только возможных, вторит ему: «No retaliation!»*. Сплошная комедия! Палата лордов встает между возмущением народа и Россией, чтобы прикрыть Россию. Единственный пэр, вышедший из своей роли, был *Брум.* «Если когда-либо страна взывала к крови, — сказал он, — так это сейчас». Что касается английской чувствительности в отношении «репрессалий», «jus talionis»**, то лорд Малмсбери, роясь в английской истории, видимо, просмотрел ее ирландские, индийские и североамериканские страницы! Когда еще английская олигархия была так сентиментальна, как в отношении к России?

Из доклада комиссии Робака, прочитанного в палате, странным образом исчез заключительный параграф — параграф, который предложил Робак и который в результате голосования был принят комиссией. В этом параграфе говорилось:

«Все, что было задумано и предпринято без должного знания обстановки, осуществлялось без достаточной предусмотрительности и предосторожности. Подобный образ действия правительства являлся первой и главной причиной всех бедствий, которые постигли нашу армию в Крыму».

Написано К. Марксом 22 июня 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» №№ 289 и 290, 25 и 26 июня 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке полностью публикуется впервые

* — «никакого возмездия!» *Ред.*

** — «права возмездия». *Ред.*

К. МАРКС

НЕУДАЧА 18 ИЮНЯ. — ПОДКРЕПЛЕНИЯ

Лондон, 23 июня. Годовщина сражения при Ватерлоо[189] — 18 июня — праздновалась на сей раз, разумеется, не в Лондоне. Эту дату предполагалось отметить в Крыму победой, одержанной не *над* французами, а *совместно* с французами. Событие это казалось тем более пикантным, что Раглан, famulus* Веллингтона, осуществлял командование, так или иначе подчиняясь приказам одного из генералов Наполеона III. Заголовок сообщения был уже заготовлен, подвело лишь событие, которое это сообщение должно было увековечить. В истории реставрированной империи нельзя не признать того рокового пристрастия, с каким стараются снова оживить великие даты Empire**, подтверждая успехи и отрицая неудачи посредством второго, исправленного издания. Это славное воскрешение наполеоновских дат, до сих пор удававшееся в боях против республики, терпит крах в боях с внешним врагом. A empire без побед Empire напоминает такую обработку шекспировского Гамлета, в которой не хватает не только меланхолии датского принца, но и самого датского принца[190]. На 2 декабря 1854 г. из Парижа был заказан большой военный подвиг в Крыму. Подвиг не был совершен из-за обильных дождей и недостатка боевых припасов. 18 июня 1855 г. под Севастополем предполагалось разыграть сражение при Ватерлоо в исправленном издании и с другим исходом. Вместо этого происходит *первое серьезное поражение* французско-английской армии.

* — прислужник. *Ред.*
** — Империи. *Ред.*

Лондон мрачен, ценные бумаги упали, и Пальмерстон за один день снова потерял то, что он в течение месяцев обеспечивал путем весьма ловкой тактики. Поражение было нанесено 18 июня; телеграммы о нем стали известны лишь 22 июня. В прошлый четверг официальная газета «Globe»[191] заявила по указанию Пальмерстона: «ничего серьезного не произошло». В тот же день на вечернем заседании палаты общин Пальмерстон торжественно подтвердил это заверение. А теперь установлено, что телеграмму он получил еще в среду 20 июня, в 4 часа пополудни. «Leader» утверждает, что задержка объясняется настоятельным требованием из Парижа, где неудача на поле сражения была превращена в удачу на бирже. Как бы то ни было, но cockney[*] серьезно злятся на Пальмерстона. Быть побитым — уже само по себе достаточно плохо. Но оказаться благодаря хитрости министров участником смехотворных оваций в честь взятия Севастополя в театрах Друри-Лейн и Ковент-Гарден — this is too bad, sir![**]

Мы уже достаточно подготовили наших читателей к тому, что упрямство, с которым Пелисье настаивает на штурме Южной стороны, предвещает неудачу союзным армиям. В связи с принятием им командования мы отмечали также и то смягчающее обстоятельство, что недостаток транспортных средств сильно затрудняет Пелисье операции в открытом поле[192]. То и другое находит теперь подтверждение в английской печати. В сегодняшнем номере «Morning Herald», например, говорится:

«Армия *не может* выступить в поход — как она согласно всем правилам стратегии должна была бы сделать, чтобы разбить вспомогательную армию у Симферополя. А не может она потому, что *главные могильщики* — беспечность и медлительность, свойственные властям, — и здесь делают свою разрушительную работу, и вместо 28000 голов тяглового скота, в которых мы нуждались, в нашем распоряжении оказалось 4000— 5000; и все это в такое время, когда болезнь опять крадется по лагерю, который таит в себе возбудителей лихорадки, холеры и чумы. Эта неспособность продвигаться вперед, — как в свое время у Варны и в Долине смерти, — является причиной того, что наши генералы вынуждены изо дня в день губить жизнь наших солдат в отчаянных атаках почти неприступных земляных укреплений, в то время как доблестная армия, которой следовало бы двинуться в поход, стоит в бездействии у реки Черной без кавалерии и транспортных средств».

С какой исключительной беспечностью отнесся кабинет в начале войны к использованию предоставленных в его распоряжение средств, снова доказывается только что опублико-

---

[*] — кокни (лондонские обыватели). *Ред.*
[**] — это уж слишком, сэр! *Ред.*

ванным финансовым отчетом. Согласно этому официальному отчету, из средств, ассигнованных для армии, на 1 января 1854 г. в кассе имелось 1835882 ф. ст., а израсходованная на армию сумма на 1 апреля 1854 г. составила всего лишь 2270000 фунтов стерлингов; таким образом, на вербовку войск было истрачено меньше $^{3}/_{4}$ вотированной парламентом суммы. Отчего погибла армия, согласно докладу комиссии Робака? — От переутомления. А где причина переутомления? — В численной слабости. Численная же слабость армии, как показывает финансовый отчет, явилась результатом интриги кабинета. И принц Альберт еще жалуется, что королева не имеет в своем распоряжении войск! Что у кабинета связаны руки! Картина того, как тот же самый кабинет, жалуясь на недостаток транспортных средств, вместе с тем посылал транспортные суда в Портсмут через Ньюкасл-на-Тайне, чтобы погрузить там уголь, или из Клайда в Ливерпуль и из Дептфорда в Вулидж, чтобы пройти осмотр Surveyor[*], — раскрылась в дебатах по поводу предложения Лейарда.

Неудача 18 июня вызвала необходимость в срочной отправке *подкреплений.* В соответствии с этим вчера был отдан приказ немедленно посадить на корабли 15-й пехотный полк, недавно вернувшийся с Цейлона; 51-й королевский легкий пехотный полк, 80-й и 94-й пехотные полки, все предназначенные для Индии подразделения из различных запасных рот и 1200 человек кавалерии должны немедленно отправиться на театр военных действий. По телеграфу были даны указания в Марсель экстренно выслать паровые суда в распоряжение губернаторов Мальты, Гибралтара и Lord High Commissioner[**] Ионических островов с тем, чтобы отправить на этих кораблях еще *до* прибытия посылаемых им на смену полков и милиции весь пригодный к службе личный состав не только гарнизонов, но также резерва гвардейской бригады и все запасные батальоны, без которых можно обойтись. Немедленно будут отправлены: 13-й легкий пехотный полк с Гибралтара, 31-й пехотный полк с Ионических островов, 48-й с Корфу, 54-й, 66-й полки и 92-й горно-шотландский полк с Гибралтара. Британские силы в Крыму увеличатся, таким образом, больше чем на 13000 человек. К этому следует добавить еще 4 полевых батареи, отряд конной артиллерии и подкрепления для осадного парка — все они находятся в полной готовности и ожидают лишь транспортных судов. Англия, впрочем, находится в таком же положении, как

---

[*] — инспектора морского флота. *Ред.*

[**] — лорда верховного комиссара. *Ред.*

в 1854 году. У нее нет резервной армии. Хуже того. В 1854 **г.**, как утверждается в докладе комиссии Робака, Пальмерстон препятствовал созданию милиции и задерживал это мероприятие, а в 1855 г. ему удалось почти что распустить уже созданную милицию. Подкрепления, как видно из приведенных выше данных, поглощают не только основную массу армии; они поглощают запасные батальоны и кадровый состав. В результате Англия напоминает того дикаря у Монтескьё, который рубит дерево, чтобы воспользоваться его плодами. Расчетливая par excellence[*] страна расходует вместо процентов свой военный капитал. Таков результат маневров кабинета, к которому принц Альберт требует безусловного доверия! Нет ничего более ложного, чем распространенное на континенте мнение, будто Англия слишком бедна людьми, чтобы выставлять армии. В 1815 г., после двадцатидвухлетней войны, Англия имела под ружьем больше 350000 человек! Но кабинет умышленно пренебрегает обоими средствами: повышением жалованья для постоянной армии и жеребьевкой для милиции! Чего же еще можно ждать от премьера, долги которого в 1827 г. выплатила княгиня Ливен, которого она в 1830 г. сделала министром иностранных дел, который посредством Ункяр-Искелесийского договора обеспечил России восьмилетнее господство над Турцией и за неделю до истечения срока Ункяр-Искелесийского договора возобновил его в договоре о Дарданеллах[193]?

Робак заявил вчера в палате общин, что 3 июля (во вторник, через неделю) он внесет следующее предложение:

«Палата, глубоко опечаленная страданиями армии в Крыму в течение зимней кампании, соглашается с докладом своей комиссии о том, что образ действий правительства является первой и главной причиной бедствий, постигших эту армию, выносит тем самым свое строгое порицание *каждому члену данного кабинета,* чьи советы привели к таким печальным результатам».

Предложение Робака, таким образом, намеренно включает Пальмерстона, Рассела, Кларендона, Гранвилла и Ленсдауна— одновременно членов нынешнего и предыдущего кабинетов. Маленький, язвительный, похожий на Терсита, но опытный и в совершенстве владеющий парламентской тактикой, настоящий адвокат оказался вынужденным внести такое предложение, ибо избиратели Робака в Шеффилде угрожали ему, человеку, который во вторник обвинял Пальмерстона, а в четверг голосовал за доверие тому же Пальмерстону, вынесением вотума недоверия на публичном митинге. Злополучное вмешательство

[*] — по преимуществу, в истинном значении слова. *Ред.*

принца Альберта в отношения между кабинетом и парламентом, его вызов парламентскому суверенитету явились вторым мотивом для этого предложения, снова грозящего лишить королеву ее «доверенных слуг».

О последних деяниях и ухищрениях *сторонников административной реформы,* а также о происках церковников поговорим в следующий раз.

Написано К. Марксом 23 июня 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 291, 26 июня 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

* АНТИЦЕРКОВНОЕ ДВИЖЕНИЕ. — ДЕМОНСТРАЦИЯ В ГАЙД-ПАРКЕ

Лондон, 25 июня. Старая, доказанная историей истина гласит, что пережившие себя общественные силы, — силы, номинально еще владеющие всеми атрибутами власти, хотя основы их существования уже давно прогнили, и продолжающие прозябать, в то время как еще до объявления о смерти и вскрытия завещания наследники уже перессорились между собой из-за наследства — еще раз перед агонией делают последнее усилие, от обороны переходят к наступлению, вместо того чтобы уклоняться от борьбы, сами вызывают на борьбу, пытаясь сделать самые крайние выводы из посылок, которые не только поставлены под вопрос, но уже давно осуждены историей. Так поступает сейчас английская олигархия. Так поступает и ее сестра-близнец — *церковь.* Предпринимаются бесчисленные попытки реорганизации внутри англиканской государственной церкви, как «высокой», так и «низкой», попытки уладить споры с диссидентами[194], дабы противопоставить таким образом нечестивой массе нации компактную силу, быстро одна за другой проводятся меры религиозного принуждения. Благочестивый граф Шефтсбери, известный ранее как лорд Эшли, констатировал с огорчением в палате лордов, что в одной только Англии пять миллионов человек совершенно отошли не только от церкви, но и от христианства. «Compelle intrare»[*], отвечает государственная церковь. Она предоставляет лорду Эшли и ему подобным диссидентствующим, сектантствующим и кликушествующим святошам таскать для нее каштаны из огня.

[*] — «Убеди прийти» (евангельское выражение). *Ред.*

Первой религиозной принудительной мерой был Beer Bill*, который запретил открывать по воскресеньям какие-либо общественные увеселительные заведения, кроме как от 6 до 10 вечера. Этот билль был проведен контрабандой в конце заседания при почти пустой палате, после того как благочестивые господа купили себе поддержку владельцев больших лондонских пивных обещанием продлить действие патентной системы, то есть обещанием сохранить монополию крупного капитала. Затем последовал Sunday Trading Bill**, который сейчас прошел в третьем чтении через палату общин и отдельные пункты которого только что подверглись обсуждению в палате, заседавшей в качестве комитета[195]. Этой новой принудительной мере была также обеспечена поддержка крупного капитала, поскольку по воскресеньям торгуют только мелкие лавки, а большие магазины всегда готовы парламентским путем устранить воскресную конкуренцию лавочек. В обоих случаях перед нами заговор церкви с монополией капитала и в обоих случаях религиозные карательные законы направлены против низших классов для успокоения совести высших классов. *Beer Bill* так же мало затронул аристократические клубы, как *Sunday Trading Bill* — воскресные занятия привилегированных классов. Рабочий класс получает заработную плату вечером в субботу. Воскресная торговля, следовательно, существует только для него, лишь он один вынужден делать свои мелкие закупки в воскресенье. И новый билль направлен поэтому только против него. В XVIII веке французская аристократия говорила: для нас Вольтер, для народа обедня и десятина. В XIX веке английская аристократия говорит: для нас ханжеские фразы, для народа христианские дела. Классические святые христианства бичевали *свое* тело во имя духовного спасения массы; современные просвещенные святые бичуют *тело массы* во имя собственного духовного спасения.

Этот союз развратной, разлагающейся, жаждущей наслаждений аристократии с церковью, союз, нашедший себе опору в грязных расчетах на прибыль пивных магнатов и крупных торговцев-монополистов, вызвал вчера такую *массовую демонстрацию* в Гайд-парке, какой Лондон не видел со дня смерти Георга IV, этого «первого джентльмена Европы». Мы наблюдали эту демонстрацию от начала до конца и полагаем, что не впадем в преувеличение, если скажем, *что вчера в Гайд-парке началась английская революция.* Последние известия из Крыма сыграли роль фермента, существенно повлиявшего на эту

* — пивной билль. *Ред.*
** — билль о запрещении воскресной торговли. *Ред.*

«непарламентскую», «внепарламентскую» и «антипарламентскую» демонстрацию.

Лорд *Роберт Гровнор,* автор билля о запрещении воскресной торговли, ответил следующими словами на упрек в том, что его закон направлен только против бедных, а не против богатых:

«Аристократия в значительной мере воздерживается от того, чтобы по воскресеньям обременять работой своих слуг и лошадей».

В конце прошлой педели на всех стенах Лондона можно было видеть напечатанный крупным шрифтом плакат, выпущенный *чартистами:*

«Новый воскресный билль запрещает чтение газет, бритье, курение, еду, питье и все те виды питания и отдыха, физического и духовного, которыми пока еще пользуются *бедняки.* В воскресенье после обеда в Гайдпарке, *под открытым небом,* состоится *митинг* ремесленников, рабочих и других представителей *«низших сословий»* столицы, дабы убедиться, сколь благочестиво соблюдает аристократия заповедь о дне отдохновения и сколь печется она о том, чтобы не обременять в этот день работой своих слуг и лошадей — смотри речь лорда Гровнора. Митинг созывается в три часа на нравом берегу Серпентины» (речка в Гайд-парке), «по дороге к Кенсингтонским садам. Приходите и приводите с собой жен и детей, чтобы они могли извлечь пользу из примера, который им дают *«лучшие классы»!»*

Следует иметь в виду, что как для парижан *Лоншан,* так для представителей английской haute volee* дорога в Гайд-нарке вдоль Серпентины является тем местом, где она в послеобеденное время, в особенности по воскресеньям, устраивает смотр своим роскошным каретам и нарядам и гарцует на конях в сопровождении множества лакеев. Из вышеприведенного плаката можно видеть, что борьба против поповщины принимает такой же характер, как и всякая серьезная борьба в Англии,— характер *классовой борьбы* бедных против богатых, народа против аристократии, «низших» классов против «лучших».

К трем часам дня в указанном месте, на правом берегу Серпентины, на необозримых лугах Гайд-парка собралось около 50000 человек. Постепенно число собравшихся, благодаря притоку людей с левого берега, выросло, по крайней мере, до 200000. Можно было видеть, как их небольшими группами оттесняли с одного места на другое. Выставленные в большом количестве констебли явно пытались лишить организаторов митинга того, чего требовал Архимед, чтобы перевернуть мир, — точки опоры. Наконец, более многочисленная толпа закрепилась на одном месте, и чартист *Блай* поднялся в качестве председателя на небольшое возвышение в центре этой толпы. Но лишь только он начал свою речь, как полицейский инспектор Банкс, появившийся во главе 40 констеблей, размахивавших

* — знати. *Ред.*

дубинками, заявил им. что парк является *королевской* частной собственностью и что здесь проводить митинг нельзя. Завязались непродолжительные pourparlers*, во время которых Блай пытался доказать, что парк является общественной собственностью, на что Банкс заявил, что он имеет соответствующий приказ арестовать Блая, если тот будет настаивать на своем намерении. После этого Блай воскликнул под грозный ропот толпы:

«Полиция ее величества заявляет, что Гайд-парк является частной собственностью королевы и что ее величество не желает предоставить свои земли народу для его митингов. Мы поэтому перейдем на Оксфордский рынок».

С ироническими возгласами: «God save the Queen!»** толпа стала расходиться, чтобы разными путями перейти на Оксфордский рынок. Но в это время *Финлен,* член чартистского Исполнительного комитета[196], бросился к стоящему в отдалении дереву. Последовавшие за ним массы народа в одно мгновение окружили его таким тесным и плотным кольцом, что полиция оставила попытку пробраться к нему.

«Шесть дней в неделю нас угнетают», — сказал он, — «а парламент хочет отнять у нас крупицу свободы и в седьмой день. Олигархи и капиталисты вкупе с закатывающими глаза попами хотят не за свой, а за наш счет получить *искупление* за бессовестное убийство сыновей народа, принесенных ими в жертву в Крыму».

Мы оставили эту группу, чтобы приблизиться к другой, где оратор, распростершись на земле, держал речь перед своей аудиторией в этом горизонтальном положении. Вдруг со всех сторон раздались крики: «К дороге, к каретам!». Между тем уже начали раздаваться оскорбительные насмешки по адресу экипажей и всадников. Констебли, все время получавшие подкрепления из города, оттеснили с дороги толпу прогуливающихся. Они, таким образом, способствовали тому, что на протяжении больше чем четверти часа пути, по обе стороны дороги, начиная от Апсли-хауза по Роттен-роу вдоль Серпентины до Кенсингтонских садов, выстроились густые шпалеры людей. Публика примерно на две трети состояла из рабочих, на одну треть из представителей буржуазии, все с женами и детьми. Актерам поневоле, элегантным леди и джентльменам, членам палаты общин и палаты лордов в высоких парадных каретах с ливрейной прислугой спереди и сзади, разгоряченным от портвейна стареющим господам верхом было на этот раз не до парада. Их прогоняли сквозь строй. Целый поток насмешливых, задорных, оскорбительных словечек, которыми ни один язык так не богат, как

* — переговоры. *Ред.*
** — «Боже, храни королеву!» *Ред.*

английский, вскоре обрушился на них с обеих сторон. Так как концерт был импровизированный, то музыкальные инструменты отсутствовали. Хор должен был поэтому пользоваться собственными возможностями и ограничился вокальной музыкой. И что за дьявольский концерт получился из сочетания этого улюлюканья, шиканья, свиста, хриплых возгласов, топота, ворчанья, рева, визга, стона, гиканья, воплей и скрежета! Это была музыка, способная довести людей до безумия и пробудить чувства даже у камня. Удивительная смесь из взрывов подлинного староанглийского юмора и долго сдерживаемой кипящей ярости: «Go to the church!» («Идите в церковь!») — был единственный членораздельный возглас, который можно было различить. Какая-то леди, чтобы внести успокоение, протянула из экипажа набожно переплетенный prayer book (молитвенник). «Give it to read to your horses!» («Дайте почитать это вашим лошадям!»)— загремело в ответ тысячеголосое эхо. Всякий раз, когда лошади, испугавшись, становились на дыбы, лягались, вырывались и подвергали опасности жизнь своего элегантного груза, насмешливые возгласы раздавались еще громче, еще более грозно и неумолимо. Благородные лорды и леди, среди них графиня Гран-вилл, супруга министра и председателя Тайного совета, были вынуждены выйти из экипажей и воспользоваться собственными ногами. Когда проезжали верхом почтенные джентльмены, одежда которых, в особенности шляпы с широкими полями, свидетельствовала об особых притязаниях на благочестие, все крики ярости, как по команде, превращались в неудержимый хохот. У одного из этих джентльменов лопнуло терпение. Он, подобно Мефистофелю, сделал неприличный жест — высунул противнику язык. «He is a word-catcher, a parliamentary man! He fights with his own weapons» («Это — болтун, член парламента, он сражается своим собственным оружием!») — раздалось на одной стороне дороги. «He is a Saint! He is psalm singing!» («Он святой, он поет псалмы!») — отозвалась другая сторона. Тем временем по городскому телеграфу было сообщено всем полицейским постам, что в Гайд-парке назревает мятеж, и приказано было отправиться на театр военных действий. Через короткие промежутки времени отряды полиции один за другим продефилировали вдоль двойной стены людей от Апсли-хауза к Кенсингтонским садам, каждый раз встречаемые словами народной песенки:

«Where are gone the geese?
Ask the police!»
(«Куда делись гуси?
Спросите полицию!»),

намекающей на известную кражу гусей, которую один констебль совершил незадолго до этого в Клеркенуэлле. Три часа продолжался этот спектакль. Только английские легкие способны на такой подвиг. Во время действия среди различных групп раздавалось: «Это только начало!», «Это только первый шаг!», «Мы их ненавидим!» и т. д. В то время как на лицах рабочих можно было прочесть выражение гнева, на лицах буржуа играла такая блаженная самодовольная улыбка, какой мы еще ни разу не видели. Под конец возбуждение демонстрантов усилилось. Присутствующие начали размахивать палками, угрожая каретам, и нескончаемый гул слился в единый возглас: «You rascals!» («Вы, негодяи!»). Энергичные чартисты и чартистки в течение этих трех часов обходили массы, раздавая листовки, на которых крупными буквами было напечатано:

«Реорганизация чартизма! Большое публичное собрание состоится в ближайший вторник, 26 июня, в помещения литературного и научного института на Фрайар-стрит, Докторс-коммонс. Собрание созывается для избрания депутатов на конференцию по реорганизации чартизма в столице. Вход свободный».

Лондонская пресса в подавляющем большинстве приводит сегодня лишь коротенькие сообщения о событиях в Гайд-парке. Ни одна не посвятила этому передовой статьи, за исключением пальмерстоновской «Morning Post».

«В высшей степени позорные и опасные сцены», — пишет этот орган,— «имели место в Гайд-парке: открытое оскорбление закона и приличий, незаконное вмешательство путем физического насилия в область свободной деятельности законодательной власти. Угроза повторения этих сцен в ближайшее воскресенье должна быть предотвращена».

В то же время газета все же объявляет единственным «ответственным» виновником беспорядков «фанатичного» лорда Гровнора, обвиняя его в том, что он вызвал «справедливое негодование народа». Как будто парламент не принял билля лорда Гровнора в трех чтениях! Или, может быть, благородный лорд также воздействовал «путем физического насилия на свободную деятельность законодательной власти»?

Написано К. Марксом 25 июня 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 295, 28 июня. 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

РАЗЛИЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Лондон, 26 июня. Вчера на заседании палаты общин встал со своего места г-н *Отуэй* и спросил:

«Намерен ли лорд Пальмерстон принять какие-нибудь меры, чтобы побудить, лорда Гровнора взять обратно свой Sunday Trading Bill?*» *(Возгласы всеобщего одобрения.)*

Лорд *Пальмерстон* ответил:

«Если мой благородный друг» (Гровнор) «слышал эти возгласы всеобщего одобрения, то, я думаю, он будет склонен принять их во внимание» *(возгласы одобрения).*

Как видно, массовая демонстрация в Гайд-парке напугала палату общин. Она отказывается от билля и делает bonne mine a mauvais jeu**. «Times» называет воскресные сцены в Гайд-парке «великим актом справедливого возмездия», билль — продуктом «классового законодательства», «мерой организованного лицемерия» и потешается над «парламентской теологией».

Относительно *злодеяния* у *Гангэ* первый лорд адмиралтейства, сэр Чарлз *Вуд,* сообщает, что он получил новые донесения от адмирала Дандаса. Из них следует, что огнем русских убито 5 матросов и финский капитан, ранено и взято в плен 4 матроса и 2 финна, захвачено в плен без ранения 3 офицера, 4 матроса и 2 финна. Адмирал Дандас направил письмо губернатору в Гельсингфорсе, в котором изложил факты и заявил самый решительный протест против злодейского акта обстрела лодки, шедшей под белым флагом. Дандас получил ответ, в котором губерна-

* — билль о запрещении воскресной торговли. *Ред.*
** — хорошую мину при плохой игре. *Ред.*

тор извиняет и в известной степени *оправдывает* происшедшее. Он объясняет, что офицеры и солдаты, по их собственным словам, *не видели* белого флага. Они были сильно раздражены, ибо в ряде *других случаев* суда поднимали русский флаг; кроме того, в газетах сообщалось о том, как английские суда где-то в *другом месте* использовали белый флаг, чтобы произвести промеры морских глубин. Все оправдание, таким образом, свелось к ссылке на близорукость русских солдат и офицеров. Во всяком случае, это уже признак цивилизации, если русские солдаты читают газеты и газетные отчеты вызывают у них «сильное раздражение».

Ассоциация административной реформы извещает о том, что завтра в Друри-Лейн созывается новый митинг. Как и раньше— вход на митинг по пригласительным билетам, а ораторы назначены заранее. Понтий Пилат спрашивал: что есть истина? Пальмерстон спрашивает: что такое *заслуга?* Сторонники административной реформы отвечают: заслуга человека — это его годовой доход*. В соответствии с этим наши реформаторы произвели изменения внутри своей организации. Раньше члены главного комитета, — фактически сами себя избравшие, — должны были для вида избираться путем голосования всех членов Ассоциации. А теперь членом главного комитета автоматически становится всякий, кто ежегодно жертвует на Ассоциацию 50 и более фунтов стерлингов. Раньше оговорка насчет десяти гиней и одной гинеи считалась достаточной, чтобы оградить «движение» от проникновения в него плебейских элементов. Теперь десятигинеевые господа считаются уже недостаточно «респектабельными», а одногинеевые и вовсе рассматриваются как «mob»**. На плакатах, извещающих о митинге, написано буквально следующее:

«Вход только по билетам, выдаваемым членам Ассоциации. Внесшие 50 фунтов и более являются членами главного комитета, внесшие 10 гиней и 1 гинею — членами Ассоциации».

Таким образом, права членов внутри Ассоциации исчисляются по скользящей шкале гиней. Бесцеремонно провозглашается голое, ничем не прикрытое господство гиней. Реформаторы из Сити выболтали свой секрет. Вот это агитаторы! К тому же судьба за последнее время им не слишком благоприятствует. В парламенте Драммонд публично бросил им упрек в «систематической аморальности» и «коррупции». А какие иллюстрации чистоплотности их класса последовали как по

---

* Игра слов: «Verdienst» означает «заслуга», а также «доход», «барыш». *Ред.*
** — «чернь». *Ред.*

команде одна за другой! Сначала «Lancet» (медицинский журнал) присел доказательства того, что в фальсификации и порче всех видов товаров и продуктов питания повинны отнюдь не только мелкие торговцы, а что этим, как правило, занимаются и оптовые торговые фирмы. Затем стало известно, что «респектабельные» фирмы Сити пустили в обращение фальшивые dock warrants*. И, наконец, крупное fraudulente** банкротство частного банка Страэна, сэра Джона Пола и Бейтса, сопровождавшееся прямым хищением депонированных ценных бумаг. Последний случай научил и аристократию ценить «административный» талант господ из Сити, ибо банк «администрировал» прежде всего аристократическими гинеями. Пострадал Пальмерстон, пострадал маркиз Кланрикард, а адмирал Нейпир лишился почти всего своего состояния. *Церковь* также лишилась немалой части своих земных благ, ибо господа Страэн, Пол и Бейтс особенно славились своей святостью, председательствовали иногда на собраниях в Эксетер-холле, посвященных «обращению язычников», фигурировали в числе главных жертвователей на общество «по распространению библии» и входили в правление «Союза по исправлению преступников». Их вера создала им кредит. Их банк стал излюбленным банком духовных господ и частных обществ. Однако «административный» талант банкиров не пощадил ничего: ни денег вдов и сирот, ни грошовых сбережений матросов. Почему же не допустить их к распоряжению «казенными деньгами», к которым они теперь протягивают руку?

«Среди нас обнаруживаются теперь такие симптомы», — меланхолически восклицает «Daily News», орган par excellence*** реформаторов из Сити, — «которые показывают, что не придется терять много времени, чтобы привести случаи весьма аморального поведения среди промышленных классов».

Банкротство господ Страэна и К° вызвало, разумеется, «run»**** публики на кассы частных банков Сити, которые до этого считались несравненно более респектабельными, чем акционерные банки. Крупные частные банкиры уже видят себя вынужденными «открыто поощрять» взаимную периодическую проверку наличия депонированных у них ценных бумаг, а также приглашать через «Times» своих клиентов для личного осмотра вверенных ими банку ценностей. Еще одно обстоятельство было весьма некстати господам реформаторам из Сити: как известно,

* — доковые варранты (выданные доком складочные свидетельства). *Ред.*
** — злонамеренное. *Ред.*
*** — по преимуществу. *Ред.*
**** — «набег». *Ред.*

один из королей Сити, *Ротшильд,* находится в качестве их избранника в преддверии палаты общин; однако в само святилище он еще не допущен, так как не желает принести «присягу истинного христианина»[197], а его коллега лорд *Джон Рассел* не хочет «реализовать» билль о евреях. И вот вчера выступил *Данкомб.* Узнав о том, что согласно парламентскому акту 1782 г. каждый депутат, заключивший с правительством *после* своего избрания какой-либо контракт о поставках, лишается места в палате общин, а также о том, что Ротшильд недавно предоставил казне заем в 16 млн. ф. ст., Данкомб заявил, что вечером следующего дня он внесет предложение о назначении новых выборов в Сити. Более того. Вслед за Данкомбом выступает *Малинс* и вносит аналогичное предложение в отношении *Линдси,* которого сэр Чарлз Вуд во время дебатов о реформе открыто обвинил в том, что он заключал с правительством контракты о поставках судов, а между тем был и остается членом парламента. Весь этот инцидент заслуживает внимания не только потому, что скомпрометированы такие лица — магнат Сити и магнат из числа реформаторов Сити. Он заслуживает внимания еще и напоминанием публике о том, что Питт, Персивал и Ливерпул, пренебрегавшие актом 1782 г., находили себе опору внутри и вне парламента именно в лице виднейших дельцов Сити, контрагентов займов и правительственных поставок. Эта финансовая аристократия — в те времена более продажная, чем при Луи-Филиппе, — была душой антиякобинской войны. Срывая золотые яблоки Гесперид, финансовые магнаты в то же время на пресловутых митингах Сити убеждали нацию в том, что она

«должна приносить в жертву деньги и кровь, чтобы спасти благословенный покой нашей святой религии от оскверняющих алтарь французов, а себя — от мрачного отчаяния атеизма».

Таким образом, в самый неподходящий момент нации напоминают о том, что Сити, восстающий сейчас против олигархии, был как раз тем питомником, в котором эта олигархия выросла и расцвела пышным цветом.

Написано К. Марксом 26 июня 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 297, 29 июня 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИЗ СЕВАСТОПОЛЯ [198]

Вопреки ожиданиям публики, почта, прибывшая вчера утром с пароходом «Пасифик», не содержала подробного отчета о поражении, нанесенном войскам союзников под Севастополем 18 июня. У нас, правда, имеется несколько сухих сообщений о числе убитых и раненых во время этой операции, которых мы кратко касаемся ниже. Вместо ожидаемых сообщений прибыло, наконец, подробное донесение генерала Пелисье о взятии Мамедона и каменоломни. Но даже это донесение не дает ясного представления о плане военных действий, которого придерживается человек, фактически командующий двухсоттысячным войском союзников в Крыму. Если мы хотим прийти к какому-нибудь выводу по этому вопросу, нам придется скорее полагаться на негативные, чем на позитивные данные. Чтобы догадаться, как собирается поступить Пелисье, нужно проанализировать не столько то, что он делает, сколько то, чего он не делает. Но обратимся снова к взятию Мамелона; некоторые особенности этой операции делают ее достойной разбора.

6 и 7 июня батареи союзников вели обстрел по всему фронту. В то время, как на левом фланге атаки (от Мачтового бастиона до Карантинного бастиона) этот обстрел носил лишь характер демонстрации, на правом фланге атаки (от Редана до Сапун-горы) он проводился всерьез. Здесь внешние укрепления русских подвергались особенно сильному обстрелу. Вечером 7 июня, когда казалось, что огонь русских батарей в значительной степени подавлен, а их защитники достаточно ослаблены, был отдан приказ о штурме. Французы должны были взять приступом две различные позиции, образующие два плато и отделенные друг

от друга балкой; англичанам надлежало захватить одно плато, по обе стороны которого находились балки. Приемы, использованные обеими армиями при подготовке к штурму, отражали их особенности и традиции. Французы выделили четыре дивизии, по две для штурма каждой позиции. Так, две дивизии были сосредоточены для штурма Мамелона (Камчатского редута) и две — для штурма Сапун-горы. Причем на каждом направлении в первом эшелоне находились две бригады, построенные колоннами для атаки, и две бригады находились в резерве. Таким образом, для штурма предназначалось восемнадцать батальонов и такое же количество находилось в резерве, что составляло в целом, по крайней мере, 28000—30000 человек. Такой боевой порядок полностью соответствовал уставам и традициям французской армии, которая во время больших атак всегда наступает колоннами, иногда, пожалуй, слишком громоздкими. Англичанам при таком же боевом порядке понадобились бы для выполнения поставленной перед ними задачи две дивизии: две бригады для штурма и две в резерве. Однако, следуя своим собственным тактическим принципам, они выделили для штурма около 1000 человек, что составляет примерно два батальона, то есть силы, вряд ли равные половине французской бригады. Несомненно у них был сильный резерв; но тем не менее, там, где французы использовали бы трех человек, англичане ограничились одним. Это является отчасти следствием английской системы наступления в линейном строю, а не колонной, а отчасти это объясняется большим упорством английского солдата на оборонительных позициях. Следует отметить, что даже эти 1000 английских солдат были брошены в бой не все сразу; сначала атаковали 200 человек и взяли штурмом русские укрепления, затем к ним на помощь были посланы еще 200 человек, остальные подходили таким же порядком. После этого вся 1000 английских солдат, закрепившись на русских позициях, удерживала их, отбив шесть последовательных атак под непрерывным фронтальным и анфиладным огнем русских укреплений. На рассвете более половины англичан было убито или ранено; но позицию они удержали, и отдельные группы их даже проникали в Редан, преследуя русских. Тысяча французов никогда не смогла бы добиться такого успеха. Хладнокровная же выдержка английского солдата под огнем почти не знает границ; а когда, как это было в ту ночь, рукопашный бой начинает напоминать английскому солдату его излюбленное развлечение — уличную потасовку, тогда он чувствует себя в своей стихии и с упоением дерется один против шести, не думая об опасности.

Говоря об атаке французских войск, генерал Пелисье подробно рассказывает нам об участвовавших в ней бригадах и полках, находя для каждой части слово похвалы; но характеристика исходных рубежей и линии атаки каждой колонны у него очень нечеткая, описание хода операций весьма туманное, и в его донесении полностью отсутствуют данные о потерях. Сравнивая это официальное донесение с другими сообщениями, мы приходим к выводу, что французы взяли Мамелон при первой же атаке, преследовали отступающих русских вплоть до Малахова кургана и кое-где проникли в этот бастион, но были выбиты русскими; затем снова потеряли Мамелон, залегли вокруг него полукругом и, наконец, после вторичной атаки овладели им. Волынский редут на другой стороне Килен-балки был взят с небольшими потерями; борьба за Селенгинский редут, расположенный за ним, хотя и более ожесточенная, не может идти ни в какое сравнение с боями за Мамелон. Вследствие большого числа войск, брошенных Пелисье на атакуемые пункты, и громоздких колонн, в которые они, очевидно, выстроились, французы должны были понести очень большие потери. Тот факт, что о потерях нет официальных сведений, является достаточным доказательством этого. По нашему мнению, не будет преувеличением, если мы определим их в 1500—2000 человек.

Что касается русских, то они оказались в трудном положении. Они не могли направить на внешние укрепления большое количество солдат, ибо это обрекало некоторую часть их на уничтожение огнем артиллерии противника еще до начала штурма. Следовательно, они могли держать на этих редутах лишь минимальное число защитников и должны были полагаться на огонь своей артиллерии на Малаховом кургане и Редане, которая господствовала над местностью, а также на действия расположенных в крепости резервов. На Мамелоне у них было два батальона — около 800 человек. Но после того, как редуты были взяты противником, русские не смогли их отбить и закрепиться в них должным образом. Они поняли, что осажденная армия может очень быстро потерять одну из своих позиций, но не так-то просто вернуть ее обратно. Кроме того, устройство редута на Мамелоне было настолько сложным — его траверсы и блиндажи образовывали нечто вроде импровизированных казематов, — что гарнизон редута, даже будучи прекрасно укрытым от артиллерийского огня, оказывался почти беспомощным при штурме, ибо в каждом отсеке с трудом помещались орудие и орудийная прислуга. Поэтому как только орудия снимались с лафета, пехоте, которая должна была оборонять укрепление при штурме, не хватало места, чтобы создать

позицию, с которой она могла бы обрушить на штурмующие колонны одновременный массированный огонь. Разбитая на небольшие отряды, она не выдержала натиска штурмующих и еще раз доказала, что в тех случаях, когда русская пехота не имеет возможности сражаться большими массами, она уступает французам в быстроте действий и ориентировке и не обладает мертвой бульдожьей хваткой англичан.

За боями, происходившими 7 июня, последовала десятидневная передышка, во время которой было закончено строительство траншей и ходов сообщений, выбраны позиции для батарей и были подвезены орудия и боевые припасы. Одновременно союзники послали два разведывательных отряда в глубь территории. Первый отряд, направленный к Байдару, находящемуся в двенадцати милях от Балаклавы, на дороге, ведущей к Южному берегу, провел лишь предварительную разведку. Второй же отряд, посланный к Айтодору — в шести милях за Чоргунем на Черной — был выслан в нужном направлении. Айтодор расположен на возвышенности, ведущей в долину верхнего течения Бельбека, а ведь только этим путем, как мы уже давно указывали*, можно действительно обойти русские позиции у Инкермана. Но послать туда разведывательную колонну и не занять затем эту местность значительными силами, не начать немедленно операций, означало лишь насторожить противника, показав с какой стороны ему грозит опасность. Возможно, конечно, что местность вокруг Айтодора оказалась труднопроходимой, но мы сомневаемся в этом; однако даже и в этом случае предпринятый маневр слишком ясно указывал на намерение осуществить фланговый обход противника. Если бы этот фланговый марш мог быть использован в качестве ложной, отвлекающей внимание операции, тогда было бы все в порядке, но мы убеждены, что он должен явиться главной операцией, и поэтому не следовало выдавать существование такого плана до того, как союзники действительно приступили к его осуществлению.

Однако генерал Пелисье, вместо того чтобы развить эти небольшие маневренные действия, попытался сделать нечто совершенно иное. 18 июня, в годовщину Ватерлоо, английские и французские войска совместно двинулись на штурм русских позиций на правом фланге атаки. Англичане атаковали Редан, французы — Малахов курган. Так предполагалось отомстить за Ватерлоо, но, к сожалению, наступление не удалось. Союзники были отброшены с огромными потерями.

* См. настоящий том, стр. 241—245. *Ред.*

В официальных списках эти потери исчисляются примерно в 5000 человек, но, хорошо зная, что французские сообщения страдают отсутствием правдивости, мы вынуждены прибавить еще 50 процентов. Поскольку еще нет подробных сведений, мы пока не можем касаться тактических особенностей этого сражения. Сейчас следует рассмотреть лишь его стратегическое и политическое значение.

Вся европейская пресса изображает Пелисье человеком, которым нельзя командовать по телеграфу из Парижа и который без колебаний поступает так, как считает нужным. У нас есть основания сомневаться в наличии у него такого своеобразного упрямства, и наши сомнения полностью подтверждаются его попыткой «достойно» отомстить за Ватерлоо совместной победой французов и англичан. Подобная идея могла исходить только от его величества, императора Франции — человека, верящего в даты, человека, который каждое 2 декабря обязательно старается отметить какой-нибудь необычной выходкой, человека, который заявил в палате пэров, что расплата за Ватерлоо — его особая миссия. Не может быть никаких сомнений, что Пелисье получил строжайший приказ пышно отметить годовщину сражения при Ватерлоо. Сам он несет ответственность лишь за то, каким образом он ее отметил.

Штурм линии укреплений Корабельной стороны, мы больше чем когда-либо уверены в этом, должен быть признан ошибкой. Но пока мы не узнали Пелисье до конца, продолжим попытки найти оправдание всем тем его поступкам, которые на таком расстоянии от места военных действий могут вызвать сомнения. Возможно, что санитарное состояние Гераклейского Херсонеса — на это обстоятельство мы давно уже обращали внимание наших читателей — делает быстрое окончание операций на этом клочке земли весьма желательным. Зловонные испарения, исходящие от 25000 разлагающихся трупов людей и 10000 лошадей, подвергают здоровье солдат в летнее время серьезной опасности. О других страшных явлениях, с которыми там приходится сталкиваться, мы говорить не будем. Пелисье, очевидно, считает, что можно в короткое время вытеснить русских с Южной стороны, полностью разрушить крепость, оставить лишь несколько человек для ее охраны, а затем с сильной армией начать полевые действия. Мы высказываем это предположение, так как хотим найти хотя бы какой-нибудь разумный мотив в действиях этого старого солдата. Но если дело обстояло так, значит он недооценил обороноспособность Севастополя. В свое время мы говорили, что всякая попытка развить успех, достигнутый 7 июня, и начать штурм самого города обречена на

неудачу*; наше мнение подтверждается событиями. Мы писали, что ключ к Севастополю лежит к северу от Инкермана; сражение 18 июня, по нашему мнению, доказывает это.

Таким образом, мы готовы признать, что генерал Пелисье руководствовался вполне логичными соображениями, предпочитая штурм Корабельной стороны военным операциям в поле; в то же время мы должны признать, что люди, находящиеся на месте боевых действий, часто склонны класть в основу своих выводов второстепенные факты и что Пелисье, как показывает поражение 18 июня, очевидно, поддался этой слабости; упрямое стремление довести затеянное дело до конца является, правда, показателем силы воли, но в то же время оно говорит и о слабости интеллекта, если дело продолжают вести, хотя бы и кое-как, только потому, что оно уже начато. Пелисье может быть и прав, пытаясь во что бы то ни стало взять Севастополь, но он безусловно ошибается, если не видит, что ближайший путь в Севастополь лежит через Инкерман и позиции обороняющей его русской армии.

Если армии союзников не позаботятся о том, чтобы незамедлительно воспользоваться своим превосходством, они довольно скоро окажутся в весьма затруднительном положении. Россия уже давно признает необходимость увеличить численность своих войск в Крыму. Сейчас такая возможность представляется благодаря завершению комплектования запасных батальонов регулярной армии, набору ополчения и организации из него 200 батальонов и особенно ввиду сокращения численности австрийской обсервационной армии до 180000 человек — остальная ее часть либо отпущена в отпуск, либо размещена во внутренних районах империи. В результате в Одессе была сформирована резервная армия, часть которой в количестве около 25000 человек, как говорят, расположена у Николаева, на расстоянии двенадцати — пятнадцатидневного марша от Севастополя. Говорят также, что две дивизии гренадер двигаются с Волыни. Поэтому к середине июля, а возможно и раньше, русские смогут снова восстановить свой численный перевес, если только за это время русским войскам, противостоящим союзникам, не будет нанесено решающего поражения. Правда, сообщается, что еще 50000 французов находятся на пути в Тулон и Марсель, чтобы погрузиться на корабли, но они безусловно прибудут слишком поздно и вряд ли смогут что-либо сделать, кроме как восполнить урон, понесенный в результате боев и болезней, которые теперь вновь появились в лагере союзников.

* См. настоящий том, стр. 302—303. *Ред.*

Операции в Азовском море нарушили один из путей снабжения русских, но поскольку Днепр в значительно большей степени, чем Дон, служит естественной водной артерией для хлебных районов России, нет сомнений, что в Херсоне имеется много хлеба — больше, чем нужно для того, чтобы прокормить русских в Крыму. Оттуда его можно доставить в Симферополь без особого труда. И тот, кто ждет, что азовская экспедиция немедленно и серьезно скажется на снабжении Севастополя продовольствием, глубоко заблуждается.

Чаша весов, в недалеком прошлом склонившаяся в пользу союзников, может вновь вернуться в положение равновесия или даже склониться в пользу их противника. Исход крымской кампании отнюдь еще нельзя считать решенным, если русские будут действовать быстро.

Написано Ф. Энгельсом около 29 июня 1855 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4439, 12 июля 1855 г. в качестве передовой и в «Neue Oder-Z.eitung» № 301, 2 июля 1855 г.

Печатается по тексту газеты «New-York Daily Tribune», сверенному с текстом «Neue Oder-Zeitung»

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

РАЗЛИЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Лондон, 30 июня. Поскольку лорд Гровнор отказывается добровольно взять обратно свой *Sunday Trading Bill**, то сегодня на самых оживленных улицах Лондона появились плакаты, призывающие к участию в новой грандиозной демонстрации в Гайд-парке, назначенной на завтра во второй половине дня. Поведение палаты было довольно ребяческим, когда на вопрос Гровнора, не вызвана ли внезапная перемена мнения у большинства депутатов действиями mob* в Гайд-парке, она ответила дружным No! No!***

В ответ на запрос одного торийского пэра Панмюр мимоходом заметил, что министры *от имени королевы* выпустили обращение к армии, в котором объявляли, что определенным корпусам и полкам — тем, которые находятся на театре военных действий в Крыму, — назначается значительная надбавка к жалованью не только на период их теперешней службы, но и за несколько прошедших месяцев, и увеличиваются пенсии. Объявлено об этом пока только от имени королевы; хотя палата общин в это время п заседала, однако министры ничего ей не сообщили. Министры, таким образом, присваивают себе право, принадлежащее, согласно конституции, исключительно палате общин, — право *устанавливать размер жалованья войскам.* Впрочем, через несколько недель или дней министрам все равно придется предстать перед палатой, чтобы получить санкцию на обещанные надбавки. Однако обращение опередило вотум

* — билль о запрещении воскресной торговли. *Ред.*
* — толпы, черни. *Ред.*
*** — нет! нет! *Ред.*

парламента. Если палата отвергнет требование о надбавке, она вступит в конфликт с армией. Таков ответ на заключение комиссии Робака о том, что министерство несет ответственность за страдания армии. Это один из шагов, предпринятых в направлении, указанном принцем Альбертом.

Билль *Бувери,* который прошел вчера во втором чтении через палату общин, имеет важное значение для английского торгового законодательства. До сих пор в Англии каждый, кто получал определенную долю от прибылей торговой фирмы, рассматривался как компаньон и поэтому отвечал, *всем своим имуществом* за торговые обязательства фирмы. Согласно биллю Бувери, внесенному от имени министерства, указанное действие закона должно быть отменено. Еще более важным является билль Бувери об *акционерных обществах.* До настоящего времени каждый член такого общества отвечал не *только за сумму стоимости своих акций,* но и *всем своим имуществом* за *все обязательства общества.* Согласно одному из внесенных биллей, ответственность ограничивается суммой стоимости акций отдельных акционеров, но лишь в тех обществах, весь капитал которых составляет по меньшей мере 20000 ф. ст., учредительный договор которых подписан владельцами акций на сумму не менее 15000 ф. ст., и если при этом оплаченная часть акционерного капитала составляет не менее 20% от общей суммы капитала. Уже сама необходимость подобных законов показывает, в какой степени законодательство до сих пор находилось в руках финансовой олигархии, и как этой олигархии удавалось в первой торговой стране мира подвергать торговые соглашения самым абсурдным и произвольным юридическим ограничениям. Новый билль претендует на проведение в жизнь принципа «поставить труд и мелкий капитал на равную ногу (в торговом законодательстве) с крупным капиталом». Каким же образом это осуществляется? Тем, что акционерные капиталы, составляющие сумму *менее* 20000 ф. ст., исключаются из сферы льгот, предоставляемых законом, и продолжают подвергаться прежним ограничениям. Тот факт, что крупный капитал не намерен довольствоваться превосходством в экономических средствах, с помощью которых он побивает конкуренцию мелких капиталистов, и что в Англии он прибегает также к разного рода юридическим привилегиям и исключительным законам, убедительнее всего доказывается английским законодательством об акционерных обществах и торговых обществах вообще. Например, еще несколько лет назад банку не разрешалось иметь более 6 компаньонов. Прошло много времени, прежде чем акционерные общества получили право возбуждать иски и отвечать в суде

от имени своего правления. Но чтобы пользоваться этой привилегией, они должны быть зарегистрированы, то есть инкорпорированы, а согласно закону 1837 г. инкорпорирование осуществляется лишь королевской властью по представлению Board of Trade*; таким образом, фактически лишь от милости Board of Trade зависит, будет ли данное общество инкорпорировано или нет. Банки, благотворительные общества, общества взаимопомощи и другие вовсе не попадают под действие нового закона.

Одна ежедневная газета приводит сегодня следующую *парламентскую статистику:* всего насчитывается 327 избирательных округов. Из этих 327 округов в зависимости от магнатов находятся: от 1 магната — 9 округов, от 4 магнатов — по 8 округов на каждого, от 1 магната — 7 округов, от 3 магнатов — но 6 округов, от 8 магнатов — по 5 округов, от 26 магнатов — по 4 округа, от 29 магнатов — по 3 округа; таким образом, 297 избирательных округов находятся в руках 72 магнатов. Число так называемых «независимых» избирательных округов составляет лишь 30. Палата общин насчитывает 654 члена, из которых 594 избраны от 297 зависимых избирательных округов. Из числа этих 594 депутатов 274 либо состоят в прямом родстве с пэрами, либо принадлежат к аристократии.

Написано К. Марксом 30 июня 1855 г.

Напечатано с «Neue Oder-Zeitung» № 303, 3 июля 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* — министерства торговли. *Ред.*

К. МАРКС

ВОЛНЕНИЯ В СВЯЗИ С БИЛЛЕМ О БОЛЕЕ СТРОГОМ СОБЛЮДЕНИИ ВОСКРЕСНОГО ДНЯ

Лондон, 2 июля. Демонстрация против билля о запрещении воскресной торговли была вчера повторена в Гайд-парке, но уже в более крупном масштабе, в более грозной обстановке и с более серьезными последствиями. Доказательство тому — мрачное возбуждение, царящее сегодня в Лондоне.

Плакаты, призывающие к повторению митинга, одновременно приглашали собраться в воскресенье в 10 часов утра перед домом благочестивого лорда Гровнора и сопровождать его в церковь. Но благочестивый джентльмен еще в субботу вечером покинул Лондон в закрытом экипаже, дабы сохранить инкогнито. О том, что он более склонен превращать других в мучеников, чем самому становиться таковым, свидетельствует уже его обращение, напечатанное во всех лондонских газетах, в котором он, с одной стороны, настаивает на своем билле, а с другой — старается доказать, что этот билль не имеет ни смысла, ни цели, ни значения. Его дом был занят в течение всего воскресенья — только не псалмопевцами, а констеблями в количестве двухсот человек. Полиция заняла также и дом его брата, известного богача маркиза Вестминстера.

В субботу сэр Ричард Мейн, начальник лондонской полиции, покрыл стены Лондона объявлениями, в которых *«запрещалось»* не только устраивать митинги в Гайд-парке, но и собираться там «большими массами» и выражать одобрение или неодобрение каким-либо способом. Результатом этого приказа было то, что, даже по признанию полицейского отчета, уже в половине третьего в парке прогуливалось 150 тысяч человек *различных* сословий и возрастов, причем масса присутствующих

все больше и больше увеличивалась, достигая огромных размеров, невиданных даже для Лондона. Лондонцы не только пришли в большом количестве, но и образовали снова людские шпалеры по обе стороны дороги вдоль Серпентины, на этот раз гуще и шире, чем в прошлое воскресенье. Не явилась только haute volee*. Всего показалось, пожалуй, 20 экипажей, главным образом небольшие кабриолеты и фаэтоны, которые проезжали беспрепятственно, тогда как их более пышных и более внушительных собратьев, с высокими козлами и позументами, встречали прежними приветствиями и громоподобным хаосом звуков, раскаты которых на этот раз потрясали воздух на милю в окружности. Полицейские приказы были отменены массовым стечением людей и упражнением легких тысячеголосого хора. Haute volee на поле боя не явилась и своим отсутствием признала суверенитет vox populi**.

Уже было 4 часа, и демонстрация за недостатком объектов, казалось, превращалась в безобидное воскресное развлечение. Но не таков был расчет полиции. Неужели она должна была удалиться под общий смех, с сожалением бросая прощальные взоры на собственные объявления, напечатанные большими буквами и наклеенные у входа в парк? К тому же здесь присутствовали ее начальники: сэр Ричард Мейн и полицейские надзиратели Гибс и Уолкер на конях, инспекторы Банкс, Даркин и Бреннан пешими. Восемьсот констеблей были стратегически рассредоточены, большей частью скрыты в зданиях и засадах. Более сильные отряды были расставлены поблизости в качестве резерва. Дом главного смотрителя парка, здания порохового склада и спасательной станции, расположенные там, где проезжая дорога вдоль Серпентины переходит в аллею, ведущую к Кенсингтонским садам, были превращены в импровизированные блокгаузы с сильными полицейскими гарнизонами, приспособленные для приема арестованных и раненых. Возле полицейского участка на Вайн-стрит, Пикадилли, стояли повозки, готовые отправиться на поле битвы и доставить оттуда побежденных под надежной охраной. Короче говоря, полиция составила план военных операций, рассчитанный на более «энергичные действия», как пишет «Times», чем «любой из тех планов, о которых мы когда-либо слышали в Крыму». Полиция нуждалась в окровавленных головах и в арестах, чтобы не попасть сразу без всяких промежуточных превращений из героического положения в смешное. И вот, лишь только людские шпалеры

* — знать. *Ред.*
** — голоса народа. *Ред.*

немного поредели и массы разбрелись отдельными группами по необозримому пространству парка подальше от дороги, полицейские начальники выехали на своих конях на середину дороги, между обеими шпалерами, и начали отдавать направо и налево вызывающие распоряжения якобы для того, чтобы защитить экипажи и всадников. Но так как ни экипажи, ни всадники не появлялись, и некого было защищать, полиция стала под «фальшивыми предлогами» выхватывать отдельных лиц из толпы и арестовывать их, в частности, якобы за то, что они являются pickpockets (карманными ворами). Когда число подобных экспериментов увеличилось, предлог этот перестал внушать доверие, и толпа разразилась громкими криками. Но тут из своих засад выскочили отряды констеблей и, выхватив из карманов дубинки, начали избивать людей до крови, хватать из толпы отдельных лиц и тащить их к импровизированным блокгаузам (всего таким образом было арестовано 104 человека). Левая сторона проезжей дороги отделяется от Серпентины только узкой полосой земли. При помощи ловкого маневра один полицейский офицер со своей сворой оттеснил зрителей к самому берегу, грозя искупать их в холодной воде. Какой-то человек, чтобы избежать полицейской дубинки, поплыл через Серпентину на другой берег, однако полицейский последовал за ним на лодке, поймал его и с триумфом доставил обратно.

Как изменился характер сцены с прошлого воскресенья! Вместо парадных экипажей — грязные повозки, разъезжавшие все время от полицейского участка на Вайн-стрит к импровизированной тюрьме в Гайд-парке и обратно к полицейскому участку. Вместо лакея на козлах — констебль рядом с пьяным возницей. Вместо элегантных мужчин и дам внутри карет — арестованные с разбитыми в кровь головами, с растрепанными волосами, в разорванном платье, с обнажившимся телом, под охраной подозрительных типов из числа ирландских люмпен-пролетариев, облаченных в мундир лондонских полицейских. Вместо колыхания вееров — свист обшитой кожей дубинки (так называемый «truncheon» констебля). Господствующие классы показали в прошлое воскресенье свое великосветское лицо, а на этот раз — свое государственное лицо. За спиной любезно улыбающихся старых джентльменов, модных щеголей, знатных престарелых вдов, красавиц, разодетых в кашемировые шали и страусовые перья, благоухающих в гирляндах цветов и бриллиантах, стоял констебль в непромокаемом плаще, в блестящей клеенчатой шапке и с truncheon. Это была оборотная сторона медали. В прошлое воскресенье массы столкнулись

с господствующими классами в лице их индивидуальных представителей. Сегодня эти классы явились в форме государственной власти, закона, truncheon. Сопротивление им на этот раз означало бы восстание, а англичанина надо долго и медленно подогревать, прежде чем он восстанет. Вот почему противодействие демонстрантов в общем ограничилось шиканьем, ворчаньем, освистыванием полицейских повозок, отдельными слабыми попытками освободить арестованных; пассивным по преимуществу сопротивлением и флегматичным отстаиванием поля битвы.

Характерно, какую роль взяли на себя в этих сценах присутствовавшие там солдаты, которые принадлежали частью к гвардии, частью к 66-му полку. Они были представлены в большом числе. Из них двенадцать гвардейцев, некоторые с крымскими медалями на груди, оказались в толпе мужчин, женщин и детей, по которой гуляли полицейские дубинки. Один старик, не выдержав удара, упал на землю. «Лондонские stiffstaffs (бранная кличка полицейских) страшнее, чем были русские под Инкерманом!» — воскликнул один из крымских героев. Полиция попыталась его задержать, но он тотчас же был освобожден под громкие крики толпы: «Да здравствует армия!» Полицейские сочли благоразумным ретироваться. Между тем подошло некоторое количество гренадер, солдаты построились в ряды и, окруженные массами, с вызывающим видом стали расхаживать по всему парку под крики: «Да здравствует армия! Долой полицию! Долой воскресный билль!». Полицейские стояли в нерешительности, пока не появился сержант гвардии, который громко высказал свое возмущение их грубым поведением, успокоил солдат, а некоторых из них уговорил вернуться с ним в казармы, чтобы избежать более серьезных столкновений. Но большинство солдат осталось и тут же среди народа, не стесняясь в выражениях, дало волю своему негодованию против полиции. Между армией и полицией в Англии с давних пор существует антагонизм, и в данный момент, когда армия является «pet child» (баловнем) народных масс, менее всего можно ожидать ослабления этого антагонизма.

Говорят, что старик, по фамилии Рассел, умер сегодня от полученных им ран. Человек шесть раненых находятся в госпитале Сент-Джордж. Во время демонстрации были снова сделаны попытки провести в разных местах отдельные митинги. На одном из них, у Альберт-гейт, за пределами первоначально занятой полицией части парка, какой-то неизвестный произнес перед публикой приблизительно такую речь:

«Люди старой Англии! Проснитесь, очнитесь от вашего сна, или вы навеки пропали. Каждое воскресенье оказывайте сопротивление правительству! Выходите на демонстрации против церковного билля, как вы это сделали сегодня. Не бойтесь требовать принадлежащих вам прав, сбросьте с себя цепи олигархического гнета и насилия. Если вы этого не сделаете, то будете наверняка раздавлены. Разве не позор, что жители этой большой столицы, самой крупной в цивилизованном мире, передоверяют защиту своих свобод какому-то лорду Гровнору или такому человеку, как лорд Эбрингтон! Его светлость испытывает потребность загнать нас в церковь и сделать нас религиозными посредством парламентских актов. Напрасная затея! Кто мы и кто они? Взгляните на теперешнюю войну! Разве она не ведется за счет производительных классов, за счет их крови? А что делают непроизводительные классы? Они портят все дело».

Как оратор, так и самый митинг были, разумеется, прерваны полицией.

В Гринвиче, вблизи обсерватории, лондонцы также организовали митинг, на котором присутствовало 10—15 тысяч человек. И этот митинг также был разогнан полицией.

Написано К. Марксом 2 июля 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 307, 5 июля 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

СТОЛКНОВЕНИЯ НАРОДА С ПОЛИЦИЕЙ. — О СОБЫТИЯХ В КРЫМУ [199]

Лондон, 6 июля. Начиная с понедельника до вчерашнего вечера Лондон был свидетелем целого ряда столкновений между полицией и «mob»[*], причем первая нападала, действуя своими дубинками, вторая отвечала камнями. На Мальборо-стрит и прилегающих к ней улицах мы наблюдали сцены, которые живо напомнили нам Париж. Вчера вечером в палате общин Данкомб внес предложение о расследовании «подлого и жестокого» поведения полиции в прошлое воскресенье. Массы наморены направиться послезавтра к клубам на Пелл-мелл[200]. Чартисты предполагают организовать *вооруженное* (не саблями и ружьями, а рабочими инструментами и палками) шествие от Блэкфрайарс-бридж к Гайд-парку со знаменами и лозунгами:. «No Mayne law» («Долой закон Мейна». В это сознательно вкладывается двоякий смысл. Maine law, как известно, — название американского пуританского закона, запрещающего употребление спиртных напитков, а Mayne — фамилия начальника лондонской полиции). Из прошлых сообщений[**] видно, как стихийно возникли массовые демонстрации в Гайд-парке. Волнение затем разрослось и усилилось вследствие вызывающей грубости полиции, начальник которой сэр Ричард Мейн показал себя достойным ордена, полученного им из Парижа. В настоящий момент, однако, можно уже различить отдельные партии, которые стремятся возбуждать движение масс, руководить им и использовать его в своих дальнейших целях. Эти партии следующие.

[*] — «толпой», «чернью». *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 333—343, 358—362. *Ред.*

Во-первых, само правительство. Во время пребывания Бонапарта в Лондоне со стен словно по волшебству исчезали все направленные против него надписи и изображения. А теперь полиция оставляет висеть на стенах самые резкие плакаты. Все указывает на тайный замысел: *предписанная сверху* грубость констеблей, вызывающие речи выступавших в защиту правительства адвокатов перед судом на Мальборо-стрит, *противозаконное* использование арестованных на Treadmill[201], оскорбительный тон официальных газет, колеблющиеся выступления членов кабинета в парламенте. Может быть, Пальмерстону нужен был coup d'état[*] в миниатюре, чтобы сохранить свое министерство? Или ему понадобились серьезные внутренние беспорядки для того, чтобы отвлечь внимание от Крыма? Зная этого самоуверенного государственного деятеля, умеющего под кажущимся легкомыслием скрывать глубокий и холодный расчет, мы считаем его, как Вольтер Аввакума, «capable de tout»[**].

Во-вторых, сторонники Ассоциации административной реформы. Они стремятся использовать движение масс отчасти для запугивания аристократии, отчасти как средство завоевания популярности для себя. Поэтому от *их* имени и в *их* интересах *Баллантайн* выступил перед Police-Court[***] на Мальборо-стрит в качестве защитника арестованных в прошлое воскресенье. Поэтому сторонники административной реформы и выкупили вчера всех осужденных, уплатив за них штраф. Поэтому *их* газеты и защищают «mob» (как правительственная газета «Globe» называет народ) и нападают на полицию и министерство.

В-третьих, чартисты, цели которых всем известны.

Появились, наконец, официальные и неофициальные сообщения о неудачном наступлении 18 июня. Опубликование официальных телеграмм несколько дней откладывалось и, разумеется, не без причины. События 18 июня, несомненно, являют собой наиболее совершенный образчик тех нелепостей и ошибок, которые так часто допускались в восточных делах.

Передовые траншеи французов находились в 400—500, англичан в 500—700 ярдах от русских батарей. Это как раз то расстояние, которое атакующие колонны должны были во время штурма пробежать незащищенными от огня русских и без огневой поддержки своей собственной артиллерии; при быстром беге всякое подобие боевого порядка неизбежно было бы нару-

[*] — государственный переворот. *Ред.*
[**] — «способным на все». *Ред.*
[***] — полицейским судом. *Ред.*

шено, и войска оказались бы беспомощными, находясь под ружейным огнем противника в течение 3—5 минут — срок вполне достаточный, чтобы полностью дезорганизовать их. Уж один этот факт характеризует весь план наступления. Надо было начать с того, чтобы *полностью* подавить огонь противника и непрерывным навесным огнем *действительно* помешать ему сосредоточить большое количество войск в своих укреплениях— без этого не могло быть ни малейшего шанса на успех.

Русские, кажется, правильно разгадали планы союзников, если только, как полагает Пелисье, они уже заранее не были о них осведомлены. 17 июня они лишь слабо отвечали на огонь союзников, держали в течение дня свои орудия укрытыми за брустверами и вообще приняли такие меры предосторожности, которые почти не понадобились им при отражении атаки на следующий день. В течение ночи орудия были выдвинуты на свои позиции, колонны и резервы, выделенные для обороны, заняли свои места.

Первоначальный план, согласованный между Пелисье ц Рагланом, состоял в том, чтобы возобновить артиллерийский обстрел на рассвете 18 июня и вести его с максимальной силой в течение нескольких часов, а затем внезапно и одновременно начать штурм семью колоннами. Одна (французская) должна была быть брошена на бастион, расположенный у Килен-балки, две (французские) — на Малахов курган, три (английские) — на Редан и одна (английская) — на группу домов и кладбище, между Реданом и оконечностью внутренней гавани. Раз вообще предполагалось проведение штурма, этот план был довольно разумным. В случае его осуществления огонь русских был бы подавлен, а их войска, сосредоточенные для обороны, удалось бы рассеять еще до начала самого наступления. С другой стороны, и войска союзников должны были бы понести потери от огня русских во время сосредоточения их в траншеях, а защитники, вероятно, скоро заметили бы наличие колонн, предназначенных для штыковой атаки на их позиции. Но это было бы наименьшим злом. При всех своих недостатках первоначальный план являлся все же наилучшим при данных условиях. О том, как этот план был сорван, как рухнули расчеты Пелисье на лавровый венок, как армиям союзников пришлось пережить под эгидой орла реставрированной империи *«Балаклаву пехоты»* — обо всем этом мы расскажем завтра.

Нынешнее лето несет, кажется, *«святым»* тяжелые испытания. Первый банкир Лондона, известный глава квакеров, столь же богатый, сколь благочестивый *Гёрни* (сын Бунзена женат на одной из его дочерей), видимо, сильно скомпрометирован

злонамеренным банкротством на Стрэнде. Он дисконтировал вексель Страэна и К° на сумму 37000 ф. ст., зная, что эта фирма обанкротилась, и тем самым дал ей возможность надувать публику еще несколько месяцев, а сам сумел выбраться из затруднительного положения, ничего при этом не потеряв. Мирская пресса злорадствует по поводу того, что даже избранные не безгрешны.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом около 6 июля 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 313, 9 июля 1855 г. и в газете «New-York Daily Tribune» № 4447, 21 июля 1855 г. в качестве передовой

Печатается по тексту «Neue Oder-Zeitung», сверенному с текстом газеты «New-York Daily Tribune»

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

О ШТУРМЕ 18 ИЮНЯ

Лондон, 7 июля. Вчера мы разобрали первоначальный план штурма, предпринятого союзниками 18 июня. Поздно вечером 17 июня Пелисье узнал, что русские намереваются на следующий день осуществить новое большое наступление на Мамелон. Казалось бы, Пелисье должен был расценить это как настоящую удачу, ибо оборона Мамелона несомненно должна была выдержать натиск любых сил, какие могли быть брошены против него русскими. В противном случае как мог бы Мамелон (называемый теперь редутом *Брансьона)* служить операционной базой для штурма Малахова кургана? Таким образом, русские, потерпев поражение при наступлении на Мамелон, оказались бы перед роковой необходимостью дать второе сражение за Малахов курган: при таких обстоятельствах успех наступления на эту позицию можно было считать обеспеченным. Пелисье, однако, рассудил иначе. Поздно ночью он отменил приказ о бомбардировке и назначил штурм на 3 часа утра. Сигналом должны были послужить три ракеты. Англичане были также информированы об изменении приказа.

Все это предприятие кончилось тем, чем оно и должно было кончиться — в соответствии с изречением Наполеона, настоящего Наполеона, о судьбе нерешительных и бездарных генералов: «Ordre, Contreordre, Desordre»*. За полчаса *до* назначенного

* — «приказ, контрприказ, беспорядок». *Ред.*

срока самая крайняя на правом фланге колонна французов уже вступила в бой с противником. Втянули ли ее в бой русские ложной вылазкой или, как утверждает Полисье, генерал принял французскую бомбу за сигнальные ракеты — пока не совсем ясно. Во всяком случае, Пелисье вынужден был дать сигнал о наступлении раньше времени, и колоннам, все еще занятым поисками отведенных им участков в траншеях, пришлось начать наступление наполовину в беспорядке и частично не из тех исходных пунктов, которые им были указаны. Средняя колонна французов, которая должна была обойти Малахов курган с фланга, выполнила свою задачу и проникла в русские укрепления; однако другие две колонны не смогли пробиться под обрушившимся на них градом картечи и ружейных пуль. Каждая колонна состояла из бригады в четыре батальона; вторая бригада каждой дивизии находилась на второй линии, тогда как гвардия составляла общий резерв. Таким образом, в распоряжении командующего имелось около 4 дивизий, или 20000 человек. Войска второй линии были брошены на поддержку первой атаки, по безрезультатно. Наконец, в бой ввели гвардейцев, но и они были остановлены, а затем отброшены. В распоряжении командующего оставалось лишь два батальона. Было уже половина девятого. Бригада, составившая среднюю колонну, проникла в русские укрепления, но была выбита из них. Во всех пунктах французы были отброшены с большими потерями, а свежих сил под рукой не было. Так же безуспешно наступали и англичане. Пелисье отдал приказ об отступлении, которое, по его словам, было проведено «с достоинством».

На участке атаки *англичан,* головные колонны насчитывали лишь по 1800 человек каждая; на 1000 человек меньше, чем французские. Из этих 1800 человек 1000 человек предназначались для боя, а 800 человек для выполнения необходимых работ. На второй линии позади каждой колонны находился остаток войск бригады, из которой она была выделена, в составе 1200—1400 человек. На третьей линии позади своих первых бригад были расположены вторые бригады каждой дивизии. Наконец, гвардейцы и горношотландские войска (первая дивизия) составляли общий резерв. Таким образом, из общего количества английской пехоты, сосредоточенной в районе операции, лишь 7200 человек предполагалось бросить в первую атаку и из них только 4000 могли действительно принять участие в бою. Столь малочисленный состав первых колонн объясняется отчасти традицией британской армии, отчасти — привычкой англичан наступать развернутым строем. Все доне-

сения позволяют сделать вывод, что англичане и в этом случае наступали развернутым строем, сделав себя без всякой пользы хорошей мишенью для картечи противника. Трудности, которые обусловливались построением войск в четыре линии, расположенные одна за другой в узких и иррегулярных траншеях, с самого начала создали большой беспорядок, нанесли вред и привели бы к полнейшему хаосу, если бы борьба приняла сколько-нибудь серьезный характер. Первая и третья колонны (считая справа налево) должны были обойти Редан с флангов, а вторая — атаковать его выступающий угол, как только первая и третья колонны достигнут своей цели. Четвертая, или самая левая, колонна должна была вести атаку в направлении оконечности внутренней гавани.

Когда был дан сигнал, английские колонны, так же как и французские, двигались еще к указанным им позициям. Первая колонна все же продвинулась за бруствер траншей и сразу попала под убийственный картечный огонь. Войска, ряды которых смешались при подъеме на бруствер, никак не могли построиться в боевой порядок. Командир этой колонны полковник Ией звал уже горниста, чтобы приказать ему дать сигнал об отходе, но горниста не нашли, и войска продолжали двигаться вперед в полном беспорядке. Некоторые солдаты проникли в завалы, окружающие Редан, но это не дало никаких результатов. Большая часть колонны сразу же отступила, ища укрытия в траншеях. Третья колонна выступила на минуту или две позднее. Она сбилась с пути и атаковала Редан в лоб вместо обхода его с фланга. С трудом продвигалась она вперед под убийственным градом снарядов, но строй был нарушен, и через несколько минут колонна отступила в полном беспорядке. Так закончилась атака на Редан, прежде чем какая-либо часть сложных резервов лорда Раглана успела прийти на помощь. Вторая колонна была так ошеломлена этим внезапным поражением войск, которые должны были поддержать ее с флангов, что даже не вышла из траншей. Одной только четвертой колонне удалось закрепиться на кладбище и в окружающих его домах. Здесь около 1800 человек держались в течение целого дня; они не могли отойти, так как местность в тылу у них была открыта и находилась под перекрестным огнем русских. Англичане сражались как могли до 9 часов вечера, а затем отошли под покровом темноты. Потери их составляют более трети всего состава. Так закончилось большое наступление Пелисье на Корабельную слободу. Решение об этой операции было принято поспешно, еще более поспешно, в самый последний момент,

оно было коренным образом изменено, и операция проведена исключительно бездарно. Прав был тот русский офицер, который спросил одного английского офицера во время перемирия 19 июня: «Уж не пьяны ли были вчера ваши генералы, когда они командовали штурмом?»

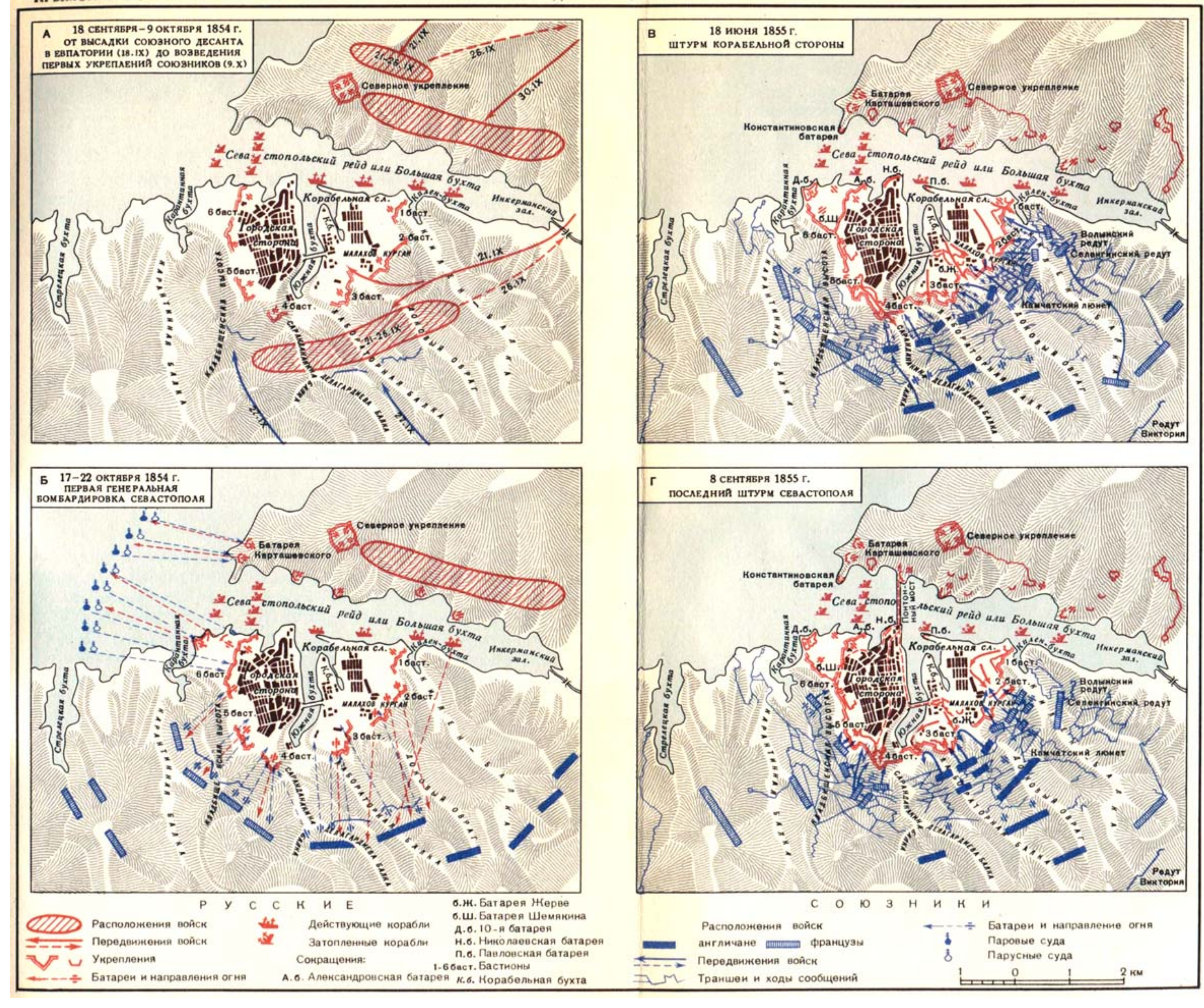
Написано Ф, Энгельсом около 6 июля 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 317, 11 июля 1855 г. и в газете «New-York Daily Tribune» № 4447, 21 июля 1855 г. в качестве передовой

Печатается по тексту «Neue Oder-Zeitung», сверенному с текстом газеты «New-York Daily Tribune»

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

А 18 сентября – 9 октября 1854 г. от высадки союзного десанта в Евпатории (18.IX) до возведения первых укреплений союзников (9.X)
Б 17–22 октября 1854 г. Первая генеральная бомбардировка Севастополя
В 18 июня 1855 г. Штурм Корабельной стороны
Г 8 сентября 1855 г. Последний штурм Севастополя
Северное укрепление
Батарея Карташевского
Константиновская батарея
Севастопольский рейд или Большая бухта
Корабельная сл.
Килен-бухта
Инкерманский зал.
Городская сторона
Южная бухта
Карантинная бухта
Стрелецкая бухта
Малахов курган
Кладбищенская высота
Волынский редут
Селенгинский редут
Камчатский люнет
Редут Виктория
Понтонный мост
1 баст.
2 баст.
3 баст.
4 баст.
5 баст.
6 баст.
21.IX
26.IX
30.IX
27.IX
25.IX
21–28.IX
Р У С С К И Е
Расположения войск
Передвижения войск
Укрепления
Батареи и направления огня
Действующие корабли
Затопленные корабли
Сокращения:
б.Ж. Батарея Жерве
б.Ш. Батарея Шемякина
Д.б. 10-я батарея
Н.б. Николаевская батарея
П.б. Павловская батарея
1-6 баст. Бастионы
А.б. Александровская батарея
К.б. Корабельная бухта
С О Ю З Н И К И
Расположения войск
англичане
французы
Передвижения войск
Траншеи и ходы сообщений
Батареи и направление огня
Паровые суда
Парусные суда
1 0 1 2 км

К. МАРКС

* ИЗ ПАРЛАМЕНТА:
ПРЕДЛОЖЕНИЯ РОБАКА И БУЛВЕРА

Лондон, 11 июля. Предложение Робака выразить порицание *всем* членам прежнего коалиционного кабинета предполагается обсудить, как известно, в следующий вторник. В то время, как в Бирмингеме, Шеффилде, Ньюкасле и в других местах организуются многочисленные митинги для поддержки его предложения и одновременно во всех уголках Лондона открыто собираются подписи под петициями по этому вопросу, члены парламента бегут в Париж, в Неаполь, в свои поместья, чтобы уйти от голосования. Стремясь остановить это бегство, всячески поддерживаемое Пальмерстоном, Робак потребовал вчера полномочий на проведение в следующий вторник в палате общин «Call». «Call» является старой парламентской процедурой, преданной забвению со времени дебатов об эмансипации католиков. Она состоит в том, что при открытии заседания перечисляются имена всех членов парламента. Неявившиеся подлежат аресту парламентским приставом, должны публично извиниться перед собравшимся парламентом, и на.них накладывается определенный денежный штраф. Однако палата общин большинством в 133 голоса против 108 отказала Робаку в применении принудительной меры «Call». Нет ничего более характерного для английского парламента и являющихся его рупором печатных органов, чем отношение к предложению Робака. Предложение исходит не от члена «официальной» оппозиции — ив этом видят его первый порок. Оно направлено не только против членов нынешнего кабинета, но и против членов прошлого кабинета. Поэтому оно не является чисто партийным маневром. Это предложение объявляет, что грехи прежнего министерства еще не искупаются

созданием нового министерства. Оно является предпосылкой предложения о привлечении к ответственности, и в этом усматривается второй большой норок предложения. Официальная оппозиция желает вести парламентскую борьбу, разумеется, лишь «*в рамках смены министров». Она* далека от того, чтобы вести борьбу по вопросу об ответственности министров. Клика Outs* не менее ревниво заботится о сохранении министерского всемогущества, чем клика Ins**. Искусство парламентской борьбы как раз в том и заключается, чтобы в рукопашной схватке ударить не по должности, а лишь по человеку, который в данный момент ее занимает, и притом ударить так, чтобы он был в состоянии подняться в качестве *кандидата в министры* сразу же после того, как он пал в качестве *министра.* Олигархия увековечивает себя не при помощи постоянного сохранения власти в *одних и тех же* руках, но тем, что она попеременно выпускает власть из одной руки, чтобы подхватить ее тут же другой. Поэтому тори так же недовольны предложением Робака, как и виги.

Что касается *печати,* то решающим здесь является позиция «Times». Какая газета громче всех ратовала за учреждение комиссии Робака, пока эту комиссию можно было использовать, чтобы, с одной стороны, вызвать смену министров, а с другой — дать выход общественным страстям? Но с того момента, как Робак пошел дальше и, опираясь на результаты работы своей комиссии, стал угрожать порицанием со стороны парламента *всем* членам коалиционного кабинета, какая газета хранит более упорное молчание, чем «Times»? Предложения Робака для нее не существует, вчерашнее происшествие в парламенте по поводу «Call» ее не касается, о митингах в Бирмингеме, Шеффилде и т. д. нет ни слова на ее столбцах. Сам Робак, разумеется, не Брут; с одной стороны, он видел, как скупо виги платили за его долголетнюю службу, с другой — за ним стоят его избиратели. Он является представителем округа со значительным количеством избирателей, которым он должен платить популярностью, поскольку не может платить наличными. Наконец, роль современного Варвика, парламентского «делателя королей» не могла не быть по душе честолюбивому, но до сих пор едва ли преуспевающему адвокату. Тори как оппозиция не могут, разумеется, вести борьбу против предложения Робака таким же способом, как и виги. Они стараются поэтому его опередить. В атом секрет предложения *Булвера* о вынесении *вотума недоверия* министерству на основании удивительных разобла-

* — оппозиции. *Ред.*
** — правительственная. *Ред.*

чений лорда Джона Рассела о Венской конференции. Предложение Булвера вращается целиком «в рамках смены министров». Оно вырывает судьбу министерства из рук Робака. Если его предложение пройдет, это будет означать, что тори свергли вигов, а раз тори овладеют министерством, то их обычное *«великодушие»* не позволит им воспользоваться своей победой и поддерживать дальше Робака. Но хитрость тори дает одновременно возможность и Пальмерстону прибегнуть к старым парламентским приемам. Отставка *Рассела* — добровольная или вынужденная — парирует предложение Булвера, как Булвер парировал предложение Робака. Отставка Рассела неминуемо привела бы к падению кабинета Пальмерстона, если бы она произошла не в самом конце сессии. Теперь же, наоборот, она может продлить существование его кабинета. Если это будет так, значит ни один английский министр до Пальмерстона не использовал так ловко и так удачно ропот народа для того, чтобы навязать себя парламентским партиям, а мелкие парламентские интересы, фракции и формальности для того, чтобы навязать себя народу. Он похож на того заколдованного старца, которого Синдбад-мореход никак не мог скинуть, после того как однажды позволил ему взобраться к себе на плечи.

Написано К. Марксом 11 июля. 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 323, 14 июля 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

* ИЗ ПАРЛАМЕНТА:
ПРЕДЛОЖЕНИЕ БУЛВЕРА, ИРЛАНДСКИЙ ВОПРОС

Лондон, 13 июля. Людям, не посвященным в тайны юриспруденции, трудно понять, каким образом в самых простых судебных процессах неожиданно встают правовые вопросы, которые возникают не из существа данного судебного дела, а из предписаний и формул судопроизводства. Умение оперировать этими правовыми формулами делает человека адвокатом, как умение отправлять церковные обряды делает человека брамином. Как в процессе развития религии, так и в процессе развития права форма превращается в содержание. Но ту роль, которую в судах играет судопроизводство, в законодательных органах играют порядок дня и регламент. История аграрного законодательства показывает, что старые римские олигархи, творцы крючкотворства в судебном процессе, первые применили крючкотворство в законодательной процедуре. Но и в том и в другом отношении Англия их превзошла. Технические трудности при постановке того или иного предложении в порядок дня, различные метаморфозы, которые приходится претерпевать биллю, чтобы стать законом; правила, позволяющие противнику предложения не впускать его в парламент, а противнику билля не выпускать его из парламента, — все это образует неисчерпаемый арсенал парламентского крючкотворства, кляуз и тактических приемов. Все же до Пальмерстона ни один английский министр не сумел придать палате общин в такой полной мере вид, тон и характер Court of Chancery[202]. Где бессильна дипломатия, он прибегает к крючкотворству. В его руках дебаты по поводу неприятного для него предложения превращаются каждый раз в предварительные дебаты относительно того,

на какой день следует назначить настоящие дебаты, когда обсудить данное предложение. Так было с предложением Милнера Гибсона, так было с предложением Лейарда, то же происходит теперь с предложением Булвера. При перегруженном порядке дня в конце сессии Булвер мог выбрать для внесения своего предложения лишь такой день, когда палата заседает в качестве Committee of Supply[203], то есть когда министерство предъявляет палате общин требования о денежных ассигнованиях. Обычно для этой цели предназначается пятница. Впрочем, естественно, от министерства зависит, *когда* потребовать денег от палаты общин и, следовательно, оно решает, когда палата должна заседать в качестве Committee of Supply. Пальмерстон сразу заявил Булверу, что он эту пятницу не займет под Supply — таково техническое выражение, — а посвятит ее обсуждению билля о торговых компаниях с ограниченной ответственностью. Пусть Булвер сам подыскивает «свой день». Ввиду этого Дизраэли в прошлый вторник официально заявил, что в ближайший четверг (вчера) он обратится к палате с требованием об устранении этого крючкотворства. Пальмерстон его опередил. Во время вчерашнего заседания он поднялся и под общий смех палаты заявил, что он, разумеется, не ставил себе целью отложить дебаты по поводу предложения Булвера о вотуме недоверия и путем технических препятствий помешать достопочтенной палате вынести свой приговор. Но дополнительные документы относительно Венской конференции, несмотря на все усилия, нельзя представить на рассмотрение членов палаты раньше завтрашнего дня, а как могли члены палаты вынести приговор, не познакомившись с относящимися к делу документами? Он готов предоставить понедельник для обсуждения предложения Булвера. Дизраэли подчеркнул, что «дополнительные документы» совершенно не связаны с предложением Булвера. Билль о торговых компаниях с ограниченной ответственностью в своем роде очень важный билль. Но нация желает прежде всего знать следующее:

«Несет ли кабинет в целом ответственность за свои действия, или и здесь действует принцип ограниченной ответственности? Она желает прежде всего знать условия, на которых компаньоны фирмы с Даунинг-стрит вели свои дела?»

Булвер заявил, что он согласен перенести дебаты на понедельник. Рассел, в свою очередь, тщетно пытался использовать этот инцидент, чтобы ослабить и извратить смысл сделанного им в прошлую пятницу заявления. Однако, как убедительно доказывает сегодняшний номер «Times», это второе исправленное издание последовало слишком поздно. Газета уже в течение

многих дней пускает в ход все свое искусство, чтобы спасти кабинет Пальмерстона за счет Рассела, и в этом ее стойко поддерживает бесхитростная «Morning Advertiser», доверие которой к Пальмерстону полностью восстанавливается всякий раз, когда парламент угрожает лишить его своего доверия. Между тем Пальмерстон выиграл несколько дней для нового маневра. Как ловко он использует каждый такой день, показывает ирландский row*, разыгравшийся вчера в палате общин.

Как известно, уже в течение двух лет проводятся через парламент три билля, которые должны урегулировать отношения между ирландскими земельными собственниками и арендаторами. Один из этих биллей устанавливает размер компенсации, которую может требовать арендатор за произведенные им на земле улучшения, в случае если земельный собственник отказывается возобновить с ним договор. До сих пор улучшения, которые производили ирландские арендаторы (арендаторы почти все временные — сроком на один год), приводили лишь к тому, что давали возможность земельным собственникам по истечении срока аренды повышать арендную плату. Арендатор, таким образом, либо терял ферму, если он отказывался возобновлять контракт на невыгодных условиях, а вместе с ней и свой капитал, затраченный на улучшения, либо вынужден был платить лендлорду проценты, сверх первоначальной ренты, за улучшения, произведенные им с помощью *своего* капитала. Поддержка вышеупомянутых биллей явилась одним из условий, обеспечивших коалиционному министерству голоса ирландской бригады. Поэтому в 1854 г. эти билли прошли через палату общин, но в палате лордов при негласном содействии министров они были вначале отложены до следующей сессии (1855 г.), а затем так изменены, что утратили всякий смысл, и в таком искаженном виде возвращены в палату общин. Здесь в прошлый четверг был принесен в жертву на алтарь земельной собственности главный пункт билля о компенсации, и ирландцы, к своему удивлению, обнаружили, что перевес их противникам дали отчасти голоса министерства, отчасти голоса лиц, непосредственно связанных с министерством. Яростный выпад serjeant** Ши против Пальмерстона грозил вылиться в riot*** со стороны «ирландского квартала» парламента, последствия которого как раз в данный момент были опасны. Пальмерстон прибег поэтому к посредничеству Садлера, бывшего члена коалиционного кабинета и маклера ирландской бригады, и устроил так, что третьего дня

* — скандал. *Ред.*
** — serjeant at law—королевского юриста. *Ред.*
*** — бунт. *Ред.*

его посетила депутация из 18 ирландских парламентариев и обратилась к нему с запросом, не использует ли он свое влияние, чтобы добиться отмены решения парламента и при повторном голосовании провести через палату главный пункт. Пальмерстон, разумеется, объявил себя готовым на все, лишь бы заполучить ирландские голоса на случай вотума недоверия. Преждевременное разоблачение этой интриги в палате общин дало повод к одной из тех скандальных сцен, которые характеризуют упадок олигархического парламента. Ирландцы имеют свыше 105 голосов. Между тем выяснилось, что большинство их не давало делегации восемнадцати никаких полномочий. Вообще Пальмерстон уже не может использовать ирландцев в период министерских кризисов в такой мере, как во времена O'Коннела. С распадом всех старых парламентских фракций «ирландский квартал» парламента также раскололся, распался на части. Во всяком случае, этот инцидент показывает, как Пальмерстон использует выигранное им время для обработки различных клик. Одновременно с этим он ждет хотя бы какого-нибудь благоприятного известия с театра военных действий, какого-нибудь маленького события, которое он мог бы использовать, если не с военной, то с парламентской точки зрения. Подводный телеграф вырвал из рук генералов руководство войной и подчинил его дилетантским астрологическим причудам Бонапарта, равно как и парламентско-дипломатическим интригам. Отсюда необъяснимый и невиданный до сих пор характер второй крымской кампании.

Написано К. Марксом 13 июля 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 325, 16 июля 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ОТСТАВКА РАССЕЛА. —СОБЫТИЯ В КРЫМУ [204]

Лондон, 14 июля. В нашей предпоследней корреспонденции[*] мы говорили об *отставке лорда Джона Рассела,* вынужденной или добровольной, как о fait accompli[**]. Она последовала вчера после обеда, и надо сказать, что это — *синтетическая* отставка: добровольная и вынужденная одновременно. Дело в том, что Пальмерстон довел самую жадную до постов часть вигов под предводительством Бувери до бунта на коленях. Они заявили, что вынуждены будут голосовать за предложение Булвера, если Рассел не подаст в отставку. Этому бесполезно было противиться. Не довольствуясь таким подвигом, вероломная вигская чернь стала собирать в кулуарах палаты общин подписи под петицией Пальмерстону, прося его убедить королеву принять уже поданное Расселом прошение об отставке. Эти низкие приемы могут доставить Расселу, во всяком случае, одно удовлетворение: он создал партию по своему подобию.

Отставка человека, который, по словам Уркарта, «обычно держит руки за спиной, чтобы обеспечить себе моральную опору», едва ли оказала бы какое-нибудь влияние на существование кабинета, если бы большинство палаты общин не хваталось жадно за каждый предлог, позволяющий ей отсрочить день роспуска. А роспуск палаты неизбежен в случае принятия предложения Булвера. Если Пальмерстон останется, несмотря на вотум недоверия, он должен будет распустить палату; если его преемником будет Дерби, он должен будет сделать то же

[*] См. настоящий том, стр. 373. *Ред.*
[**] — совершившемся факте. *Ред.*

самое. Но палата едва ли склонна приносить себя в жертву на алтарь отечества.

Сэр Джордж Грей учредил комиссию для расследования полицейских жестокостей. Она состоит из судей Лондона, Ливерпуля и Манчестера, и ее заседания начнутся в ближайший вторник.

Если в торговле время — деньги, то на войне время — это победа. Упустить благоприятный момент, не использовать случая бросить на врага превосходящие силы, — значит совершить самую большую ошибку, возможную на войне. Эта ошибка становится вдвое опаснее, если ее совершают не при обороне, когда последствия небрежности могут быть снова исправлены, а при наступлении, при вторжении на территорию противника, когда подобное упущение может повлечь за собой гибель всей армии. Это все общие места, которые любой прапорщик считает избитой истиной. Тем не менее ни против одного правила стратегии или тактики не грешат так часто, и похоже на то, что генерал Пелисье, этот человек стремительных действий, этот «Маршал вперед» крымской армии, призван служить наглядным примером обычного пренебрежения этими общеизвестными положениями.

Путь в Севастополь лежит через Инкерман к Северной стороне крепости. Пелисье и его штаб знают это лучше, чем кто-либо другой. Но чтобы захватить Северную сторону, армия союзников должна развернуть полевые действия, пустив в ход свои главные силы, разбить русских, окружить Северную сторону и выделить отряд, который держал бы на расстоянии русскую полевую армию. Подходящий момент для этого был тогда, когда прибыли сардинский корпус и турки под командованием Омер-паши. Союзники были в то время значительно сильнее русских. Но ничего подобного они не сделали. Были предприняты экспедиции в Керчь и в Азовское море и ряд попыток штурмовать Севастополь. Полевые операции сводились лишь к рекогносцировкам и расширению территории лагеря вплоть до входа в Байдарскую долину. Теперь, наконец, выясняется, что явилось якобы причиной этой бездеятельности: *не хватает транспортных средств,* и поэтому союзники после пятнадцатимесячной кампании по-прежнему прикованы к морю, Камышу и Балаклаве! Это поистине удивительно. Крым не пустынный остров где-нибудь у Южного полюса. Он является областью, в которой источники продовольствия, возможно, и иссякли, но которая способна и впредь доставлять большое количество фуража, рабочего скота и повозок, если только обладать умением и смелостью взять их. Нерешительные и медленные

передвижения взад и вперед в пределах нескольких английских миль вокруг Черной не являются, конечно, средством для того, чтобы их достать. Но если даже совсем не принимать в расчет верблюдов, лошадей и арб, имеющихся в Крыму, то на европейском и азиатском побережьях Черного моря имеются с избытком транспортные средства, которые можно доставить на пароходах в течение двух дней. Почему же они не реквизируются для нужд союзников? Ведь русские на практике преподали им хороший урок, как надо действовать. 3-й, 4-й и 5-й армейские корпуса наряду с различными резервными дивизиями были доставлены русскими в Крым в такое время, когда союзники отчаялись в возможности доставлять провиант из Балаклавы в траншеи. Войска частично перевозились через степи на повозках, и недостаток в продовольствии у них, по-видимому, ощущался очень сильно. Ведь местность у Перекопа в радиусе 200 верст очень слабо населена. Однако были привлечены путем реквизиции ресурсы более отдаленных губерний, а ведь русским гораздо труднее доставлять повозки в Крым из Екатеринослава, Полтавы, Харькова и др., чем союзникам получать транспортные средства из Румелии и Анатолии. Во всяком случае, возможность завоевания Крыма вплоть до Симферополя была упущена под предлогом недостатка в транспортных средствах. Теперь положение изменилось. Русские сформировали для Крыма резервную армию в районе между Одессой и Херсоном. Силу этой армии мы можем определить только по тем войскам, которые взяты из Западной армии; они состоят из 2-го армейского корпуса в полном составе и двух дивизий гренадер. Общая численность этой армии составляет 5 дивизий пехоты (82 батальона), 1 дивизию кавалерии (32 эскадрона) и 80 орудий. К этому следует прибавить пехотные и кавалерийские резервы. Таким образом, если исключить потери, понесенные во время перехода, то численность армии, сосредоточенной между Одессой и Перекопом и предназначенной для Крыма, можно определить приблизительно в 70000—80000 человек. Ее головные колонны в настоящее время, возможно, уже прошли Перекоп, и к концу июля дадут себя знать союзникам.

Что же смогут противопоставить этим подкреплениям союзники? Их ряды снова поредеют от холеры и лихорадки не меньше, чем от различных попыток штурма. Британские подкрепления прибывают медленно — фактически отплывает очень мало полков. 13000 человек, об отправке которых мы не так давно сообщали*, оказались министерским блефом. Француз-

* См. настоящий том, стр. 335. *Ред.*

ское же правительство заявляет, что оно не намерено посылать свежие дивизии, а направит лишь подразделения из запасных частей для возмещения потерь, понесенных на театре военных действий. Если эти пополнения прибудут своевременно, их едва будет достаточно, чтобы довести численность армии союзников до той, которую она имела в июне, то есть до 200000 человек, включая турок и сардинцев. Скорее всего численность армии не превысит 180000 человек, а русские в начале августа выставят против союзников армию по меньшей мере в 200000 человек, которая занимает при этом хорошие позиции, распоряжается местностью в своем тылу и владеет Южной стороной Севастополя в качестве плацдарма. Если союзная армия при этих условиях будет снова оттеснена на узкое плато за рекой Черной, то заполненное таким огромным количеством людей это плато неизбежно превратится в кладбище.

Все же время для начала кампании не потеряно. Самый подходящий момент, правда, упущен, но несмотря на это, смелое продвижение вперед даже и теперь могло бы обеспечить армии союзников более обширное пространство для действий. Однако союзники, видимо, не собираются использовать эту возможность.

В оправдание Пелисье следует, пожалуй, добавить, что общественное мнение, как в Лондоне, так и в Париже, ищет и находит причину всей misere* второй крымской кампании во вмешательстве Луи Бонапарта, этого генерала издалека.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом 14 июля 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 327, 17 июля 1855 г. и в газете «New-York Daily Tribune» № 4452, 27 июля 1855 г. в качестве передовой

Печатается по тексту «Neue Oder-Zeitung», сверенному с текстом газеты «New-York Daily Tribune»

Перевод с немецкого

* — неудачи. *Ред.*

К. МАРКС

ОТСТАВКА РАССЕЛА

Лондон, 17 июля. Отставка Рассела, независимо от того, добровольная она или вынужденная, парирует предложение Булвера, как раньше Булвер парировал предложение Робака. Это мнение, высказанное нами в корреспонденции от 11 июля*, полностью подтвердилось на вчерашнем заседании палаты общин. Существует старый вигский афоризм, что «партии похожи на улиток, у которых голова приводится в движение хвостом». Нынешний вигский кабинет напоминает скорее полип; он, кажется, развивается благодаря ампутации, легко переживает потерю своих членов, головы, чего угодно, только не хвоста. Рассел, правда, не был главой кабинета, но был главой партии, которая образует кабинет и которую этот кабинет представляет. Бувери, вице-президент Board of Trade**, представляет хвост вигского полипа. Он сделал открытие, что надо обезглавить вигское тело, чтобы сохранить жизнь вигскому туловищу, и сообщил об этом открытии Пальмерстону от имени и по поручению вигского хвоста. Рассел заявил вчера о своем «презрении» к этому хвосту. Дизраэли долго донимал Бувери «физиологией дружбы» и описанием природы различных видов, у которых обособляется родовая сущность, известная под названием *«друг».* Наконец, попытка Бувери оправдаться — он, мол, и хвост оттолкнули Рассела во имя спасения самого Рассела — завершает жанровую картину этой партии карьеристов.

В то время как естественная голова партии вигов оказалась, таким образом, отрубленной, ее узурпированная голова, лорд

---

* См. настоящий том, стр. 373. *Ред.*

** — министерства торговли. *Ред.*

Пальмерстон, еще крепче приросла к туловищу. После падения Абердина и Ньюкасла Пальмерстон использовал Гладстона, Грехема и Герберта, чтобы вступить во владение наследством коалиционного кабинета. После отставки Гладстона, Грехема и Герберта Пальмерстон использовал лорда Джона Рассела, чтобы образовать чисто вигский кабинет. Наконец, он использует вигский хвост, чтобы ловко отделаться от лорда Рассела и стать, таким образом, диктатором в кабинете. Каждая из этих метаморфоз была этапом на пути к образованию чисто пальмерстоновского кабинета. Из заявлений самого Рассела мы узнаем, что он неоднократно подавал Пальмерстону прошение об отставке, но тот каждый раз убеждал его взять прошение обратно. Подобным же образом Пальмерстон убеждал кабинет Абердина всеми средствами противодействовать следственной комиссии Робака. В обоих случаях он имел одинаковый успех и преследовал одну и ту же цель.

Предложение Булвера было так тесно связано с личностью Рассела, что оно само по себе отпало, как только corpus delicti*, Рассел, исчез из кабинета. Это вынудило Булвера заявить, что он берет свое предложение обратно. Однако он не мог удержаться от искушения произнести речь в обоснование своего предложения, забыв, что самого предложения, которое он обосновывал в своей речи, уже не было. Пальмерстон использовал создавшееся неловкое положение. Как только было объявлено, что борьба не состоится, он немедленно принял позу гладиатора и повел себя неприлично, крикливо и самонадеянно; однако Дизраэли так отчитал его за это, что даже сей совершенный комедиант — о чем говорило выражение его лица — не смог сохранить своего обычного, полного цинизма, спокойствия. Самым важным в ответе Дизраэли было, однако, следующее заявление:

> «Я знаю, что те взгляды, с которыми лорд Рассел прибыл из Вены, были благосклонно встречены не только большинством, но даже *всеми его коллегами,* и что только *непредвиденные ими обстоятельства* помешали тому, чтобы план благородного лорда был с радостью и единодушно принят. Я говорю это, имея на то достаточные основания. Я говорю об этом с такой же уверенностью, с какой говорил полтора месяца тому назад о двусмысленных заявлениях и нерешительном поведении правительства; последующие события подтвердили правоту моих утверждений. Я говорю с уверенностью, что еще до окончания настоящей сессии парламента палата получит в свои руки доказательства этих утверждений».

«Обстоятельствами», на которые намекал Дизраэли, являлись, как это выяснилось в ходе его речи, «препятствия, чинимые

* — состав преступления, совокупность доказательств преступления. *Ред.*

французской стороной». Дизраэли указывает, что предназначенная для пользования в стенах парламента корреспонденция Кларендона находится в противоречии с секретными инструкциями министерства. Дизраэли закончил свою речь следующими словами:

«В стране существует мнение, что основная вина состоит в плохом руководстве нашими делами. Появляется иностранный документ» (циркуляр Буоля); «возбуждение в народе растет, народ думает, обсуждает, представители народа вносят в палату запросы. И что же происходит? Самый выдающийся из ваших государственных деятелей не осмеливается даже вступить в полемику с теми, кто ставит такие вопросы. Он таинственным образом исчезает. Кто же осмеливается это сделать? Первый министр ее величества. Министр говорил сегодня вечером в палате таким топом и допускал такие выражения, которые совершенно недостойны его положения и при этом ничем не вызывались и которые убедили меня в том, что если честь и интересы страны и впредь останутся в его ведении, то это приведет лишь к тому, что честь будет унижена, а интересы *преданы».*

Робак превзошел Дизраэли резкостью выражений: *«Я хочу знать, кто теперь является предателем в кабинете?»* Вначале ими были Абердин и Ньюкасл. Затем Грехем, Гладстон и Герберт. Затем Рассел. Кто sequens[*]?

Между тем положение человека, который прежде втайне руководил коалицией, а теперь официально возглавляет министерство, значительно упрочилось. Если до окончания сессии по какому-либо поводу будет выражен вотум недоверия, что представляется маловероятным, то он распустит парламент. При всех обстоятельствах у него в распоряжении еще шесть месяцев, в течение которых он может полновластно руководить внешней политикой Англии; его к тому же не будут беспокоить ни шум, ни мнимые схватки в палате общин.

Написано К. Марксом 17 июля 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 333, 20 июля 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

[*] — следующий. *Ред.*

К. МАРКС

В ПАРЛАМЕНТЕ

Лондон, 18 июля. Неизбежным следствием бурного, шумного, оживленного вечернего заседания палаты общин 16 июля явились общая вялость, расслабленность и апатия. Министерство, посвященное в тайны парламентской патологии, рассчитывало использовать это настроение, чтобы воспрепятствовать голосованию по предложению Робака, и не только голосованию, но и дебатам. Хотя около полуночи, уже перед самым закрытием заседания, в палате на мгновение воцарилась тишина, как бы приглашавшая министров объясниться, и несмотря на то, что со всех сторон неоднократно раздавались голоса, требовавшие объяснений, ни один член правительства так и не выступил. Кабинет упорствовал в стоическом молчании, давая возможность представителям маркиза Эксетер, представителю лорда Уорда и им подобным заместителям пэров среди членов палаты общин погружать достопочтенную палату в нескончаемую муть, пребывание в которой Данте в своем *«Аде»* изображает как вечный удел равнодушных[205]. К предложению Робака были внесены две поправки — генерала Пиля и полковника Эдера, обе были сделаны от имени военных, обе сводились к обходным маневрам. Поправка Пиля требует, чтобы палата поставила на голосование «предварительный вопрос»[206], то есть не высказалась ни за, ни против основного предложения, уклонившись тем самым от какого-либо ответа на вопрос Робака. Полковник Эдер требует одобрения «политики, в соответствии с которой была предпринята экспедиция в Севастополь», и призывает «твердо придерживаться этой политики». Он парировал, следовательно, предложение Робака об осуждении плохого руководства

крымской экспедицией похвалой за хорошее начало этой экспедиции.

Кабинет воздержался от какого-либо заявления по поводу того, какая из поправок будет возведена в ранг министерской. Он, видимо, хотел прощупать настроение палаты, прежде чем спрятаться либо вместе с генералом Пилем за вопрос без ответа, либо с полковником Эдером за ответ без вопроса. Наконец, стало заметно, что палата впала в то полу дремотное состояние, которого только и ждал Пальмерстон. Он тут же послал на трибуну самого незаметного члена кабинета, сэра Чарлза Вуда, который и объявил поправку Пиля министерской. Затем Пальмерстон, поддержанный криками: «голосование! голосование!» со скамей, на которых сидели дружественные ему депутаты, взял слово и выразил «надежду, что палата сейчас же вынесет решение». Он считал, что ему удалось «задушить» Робака и даже лишить его почетной роли инициатора «больших дебатов», парламентского поединка. Однако голосованию воспротивился не только Дизраэли. Со своей обычно подчеркнутой серьезностью поднялся с места *Брайт:*

«Правительство хотело, видимо, обманным путем отделаться от обсуждаемого вопроса и потому до полуночи воздерживалось от какого-либо заявления. Между тем из всех вопросов, предлагавшихся ранее вниманию палаты общин, данный вопрос является наиболее важным. Если бы даже дебаты продолжались целую неделю, страна от этого только выиграла бы».

Вынужденный, таким образом, согласиться на *отсрочку* дебатов, Пальмерстон должен был отказаться от своего первоначального плана кампании. Он потерпел поражение.

Большим достоинством речи Робака была ее краткость. Просто и ясно, не как адвокат, а как судья, обосновывал он свой- приговор; так ему и надлежало выступать, поскольку он являлся председателем следственной комиссии. Ему, очевидно, пришлось столкнуться с теми же препятствиями, которые помешали флоту союзников войти в Севастопольскую гавань, — с *затопленными кораблями:* Абердинами, Гербертами, Гладстонами, Грехемами и другими. Только одолев их, мог он добраться до Пальмерстона и других, *переживших их,* членов коалиционного кабинета. Они преграждали ему путь к нынешнему кабинету. Робак попытался устранить их при помощи комплиментов, заявив, что Ньюкасла и Герберта следует похвалить за их усердную службу, а также и Грехема. К тому же за свои грехи, совершенные из-за недостаточного знания дела, они уже наказаны изгнанием с Даунинг-стрит. Речь теперь идет о том, чтобы добраться до не наказанных еще грешников. К этому, мол, собственно и сводится его предложение. Особенно он напал на

Пальмерстона, не только как на одного из обвиняемых, но прежде всего как на человека, под началом которого находилась милиция. Для того чтобы втиснуть свое предложение в традиционные парламентские рамки, Робак явно лишил его остроты. Аргументы, приводимые защитниками министерства, были настолько бессодержательны, что усыпляющая форма, в которой они были высказаны, оказала поистине благотворное действие. Показания свидетелей недостаточно полны, — кричали одни. Вы угрожаете нам остракизмом,—кричали другие. Дело прошлое, — заявил лорд Сесил. Почему бы не осудить задним числом также и сэра Р. Пиля? Каждый член кабинета отвечает за все действия кабинета в целом, но ни один не отвечает ни за что в отдельности, — сказал «либеральный» Филлимор. Вы ставите под угрозу союз с Францией, вы хотите учредить суд над французским императором! — заявил Лоу (из «Times»), а вслед за ним и Джемс Грехем. Грехом, как человек с чистой совестью, объявил даже, что он недоволен «чистым отрицанием» генерала Пиля. Он настаивает на вердикте палаты: «виновен» или «невиновен», его не удовлетворяет формула «Not proven» (не доказано), на основании которой шотландские суды отказываются вести процесс по сомнительным криминальным делам. Уж не хотите ли вы снова ввести в практику устаревшую и непарламентскую формулу «возбуждения обвинения» (impeachment[207])? Во всем виновата пресса, общественное мнение. Это оно побудило министров предпринять экспедицию в неблагоприятное время и с недостаточными средствами. Если вы осуждаете министерство, то вы должны осудить также и палату общин, которая его поддерживала! И, наконец, апология сэра Чарлза Вуда: если Робак оправдывает даже Ньюкасла, Герберта и Грехема, то как он может обвинять *нас?* Мы были *ничто* и мы *ни за что* не отвечаем. Так говорил Вуд, «в тягостном сознании своего собственного *ничтожества».*

Написано К. Марксом 18 июля 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 335, 21 июля 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЙНЫ

Судя по последним сообщениям, в военных действиях в Крыму наступило затишье. Не было больше попыток штурма, орудия почти все время молчали. Если бы между обеими линиями укреплений не велась постоянная ружейная перестрелка, если бы союзники не продвигались посредством проведения сап и минных галерей все ближе к Малахову кургану, если бы русские не предпринимали время от времени вылазок, то можно было бы подумать, что военные действия совсем прекратились. Однако это не что иное, как затишье перед бурей, и сейчас буря, вероятно, уже разразилась. Есть все основания предполагать, что под Севастополем произошла и закончилась схватка более жестокая, чем при Инкермане и на Мамелоне или чем штурм 18 июня.

В самом деле, август должен в известной мере решить исход кампании. К этому времени большая часть, если не все русские подкрепления, уже прибудут на место, а ряды союзников неизбежно поредеют от болезней. Самое большее, что они смогут сделать — это удержать свои позиции на Херсонесском плато. От мысли захватить Южную сторону Севастополя в этом году отказалась теперь даже английская пресса. Союзникам остается лишь рассчитывать на полное разрушение Севастополя по частям, и если они будут действовать так же медлительно, как до сих пор, осада по своей продолжительности грозит сравняться с осадой Трои. А между тем нет оснований надеяться на то, что они выполнят стоящую перед ними задачу в ускоренном темпе, ибо нам почти официально заявлено, что порочная система, которой придерживались до сих пор, будет упорно сохра-

няться и впредь. Крымский корреспондент парижской газеты «Constitutionnel», человек, занимающий высокий пост во французской армии— как полагают, это генерал Реньо де Сен-Жан д'Анжели, командующий гвардией, — заявил, что публика напрасно строит всякие предположения относительно полевых действий и возможного окружения Северной стороны Севастополя. При нынешних условиях, говорит он, этого нельзя сделать, не сняв осады и не отдав всего плато русским; а поэтому . было решено как можно сильнее бомбардировать уже атакованные ранее позиции и добиться их полного разрушения. Надо сказать, что сообщениям, содержащимся в этой корреспонденции, можно вполне верить, ибо есть все основания считать, что французский император не только санкционирует, но даже исправляет все сообщения, исходящие из этого источника, до того, как они публикуются. При этом к Реньо он особенно благоволит.

Нетрудно предвидеть, к чему все это приведет. Русская армия в Севастополе и вокруг него состоит теперь из 3-го и 4-го корпусов, двух дивизий 5-го и одной дивизии 6-го корпуса, а также морской пехоты, матросов, местных войск, казаков и кавалерии, что составляет армию в 180 батальонов, или 90000 человек пехоты и 30000 — артиллерии и кавалерии, не считая примерно 40000 больных и раненых. Даже французская газета «Moniteur» исчисляет боевые силы русских в 110000 человек. Далее, весь 2-й корпус (50 батальонов, 32 эскадрона, 96 орудий) и две дивизии гренадер с одной кавалерийской дивизией (24 батальона, 32 эскадрона, 72 орудия) находятся на пути в Севастополь или уже подходят к нему. Они представляют собой дополнительную боевую силу в 55000 человек пехоты, 10000 — кавалерии и казаков и 5000 —артиллерии. Таким образом, русские в ближайшем будущем сосредоточат армию по меньшей мере в 175000 человек, то есть значительно больше того, что осталось у союзников после потерь, которые они недавно понесли в боях и от болезней. С такими силами русские уж во всяком случае смогут удержать свои позиции, тем более что они имеют возможность постоянно сменять переутомленные войска гарнизона, посылая на их место свежие силы. Это, бесспорно, самое меньшее, что можно ожидать от них.

Союзники, напротив, не могут рассчитывать на получение подкреплений в таком количестве. В настоящее время у них имеется 21 дивизия пехоты (12 французских, 4 английских, 3 турецких, 2 пьемонтских), или около 190 батальонов; три дивизии кавалерии (французская, английская, турецкая),

или около 60 эскадронов, и соответствующее количество орудий. Но поскольку батальоны союзников, а в особенности эскадроны понесли во время кампании большие потери, общая численность их войск не превысит 110000 человек пехоты, 7500 — кавалерии и 20000—25000* человек артиллерии, обозных войск и годных к службе нестроевых. Но если силы воюющих сторон до прибытия русских подкреплений вполне уравновешивали друг друга, то с их прибытием перевес, очевидно, будет не на стороне союзников. Все ранее отправленные и теперь отправляемые подкрепления союзников представляют собой отдельные подразделения из запасных частей и служат для пополнения уже действующих в Крыму батальонов и эскадронов, и, если верить сообщениям прессы, они очень незначительны. Между тем, как передают, три дивизии находятся на пути в Марсель и Тулон, куда стягиваются и пароходы, а в Англии предназначенные для отправки в Крым полки получили приказ быть готовыми к немедленной погрузке на суда. Они составят примерно дивизию пехоты и дивизию кавалерии. Таким образом, в течение августа и сентября в Крым могут постепенно прибыть около 33000 человек пехоты и возможно 2500 человек кавалерии и артиллерии, однако это в значительной мере зависит от быстроты их отправки. Во всяком случае, союзники по-прежнему будут уступать по численности русским и снова могут оказаться зажатыми на плато, где они так безотрадно провели прошлую зиму. Удастся ли русским на сей раз выбить союзников из этой твердыни, сказать трудно. Единственно на что, очевидно, могут рассчитывать союзники, если только они не получат огромного количества подкреплений, — это удержаться на занимаемых позициях. Таким образом, война может свестись к ряду бесплодных и кровопролитных стычек, когда обе стороны изо дня в день будут посылать свежие войска для рукопашных схваток с противником то на городских крепостных валах или брустверах траншей, то на скалистых высотах вокруг Инкермана и Балаклавы. Трудно представить себе такое положение воюющих армий, при котором было бы пролито больше крови для достижения столь незначительных результатов, нежели в подобного рода боях.

Впрочем, решающее событие все же может произойти. Если русским удастся отправить в Крым 50000 человек сверх уже посланных, и тем самым обеспечить своей армии неоспоримое превосходство, они смогут нанести союзникам серьезное пора-

* В статье К. Маркса и Ф. Энгельса «Из парламента. — С театра военных действий» (см. настоящий том, стр. 395) приводятся другие цифры; 30000—35000. *Ред.*

жение и заставить их отплыть обратно. Чтобы судить о возможности этого, следует выяснить, какое количество войск Россия держит под ружьем на всем протяжении своей границы. Армию в Крыму, включая вышеупомянутые подкрепления, мы исчисляем приблизительно в 175000 человек. На Кавказе, где, кроме местных войск и казаков, действуют 46-я и 17-я дивизии, у них должно быть около 60000 человек. В Бессарабии, как говорят, у русских имеется 60000 человек под командованием Лидерса; можно предположить, что эти войска состоят главным образом из смешанных батальонов и резервов, поскольку там находится только одна пехотная дивизия 5-го корпуса, и у нас нет данных о том, чтобы туда были направлены подразделения 1-го или 2-го корпусов. В Польше и на Волыни сейчас, по-видимому, остались две гвардейских и одна гренадерская дивизии, три дивизии 1-го армейского корпуса и различные резервные части — всего около 160000 человек. Большая часть резервов и часть гвардии сосредоточены в прибалтийских районах и расположены следующим образом: 50000 человек под командованием Сиверса — в немецких прибалтийских губерниях; 30000 под командованием Берга — в Финляндии и резервная армия в составе 50000 под командованием Ридигера — в Петербурге и вокруг него. В целом это составляет примерно 585000 человек. Остальные русские войска, около 65000 человек, находятся во внутренних районах страны. Таким образом, все вооруженные силы русских исчисляются в 650000 человек. Если учесть проводимые в России огромные рекрутские наборы, то эта цифра отнюдь не покажется преувеличенной.

Совершенно ясно, что сейчас, в конце лета, русским нечего опасаться высадки войск противника на побережье Балтийского моря; и было бы вполне возможно осуществить общую переброску отсюда на юг различных отрядов войск и тем самым высвободить, скажем, 30000 человек, заменив их частями ополчения или другими войсками из внутренних районов. Эти 30000 можно было бы перебросить в Польшу, а оттуда высвободить такое же количество войск; а когда Австрия сократит свою пограничную армию до безопасного количества в 70000 — 80000 человек, что должно произойти в ближайшем будущем, из русской армии в Польше можно будет высвободить еще 30000—40000 человек. В результате, можно будет найти войска Для такого пополнения, которое лишит союзников всякой возможности когда-либо овладеть Крымом без посторонней помощи, и это пополнение могло бы прибыть на театр военных действий к середине октября. Но тут возникает вопрос, сможет ли

правительство прокормить столь большую армию в течение всей зимы, особенно сейчас, когда Азовское море очищено от русских судов. На этот вопрос мы, за неимением достаточных данных, не решаемся ответить; но если это возможно, и если русские действительно примут такие меры, союзникам придется покинуть скалы, окружающие Балаклаву, и отойти от крепостных валов Севастополя, защищаемых, прямо или косвенно, двухсотпятидесятитысячной армией.

До сих пор трехсоттысячная армия австрийцев угрожала России на фланге ее коммуникационной линии с Крымом. Дайте только России освободиться от этой помехи, и союзники быстро убедятся, с какой силой им придется иметь дело. Они упустили время, когда при косвенной помощи Австрии могли бы взять Севастополь. А теперь, когда угроза со стороны Австрии отпадает и единственными противниками России остаются союзники, — уже поздно.

Написано Ф, Энгельсом около 20 июля 1855 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4459, 4 августа 1855 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ИЗ ПАРЛАМЕНТА. — С ТЕАТРА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Лондон, 20 июля. Дебаты по предложению Робака приняли отнюдь не тот оборот, на который рассчитывало министерство. Еще вчера утром в своих полуофициальных органах они предсказывало, что предложение Робака будет отвергнуто пятью голосами против одного. Вчера ночью министерство сочло себя счастливым, когда ему удалось 289 голосами против 182 провести решение о Previous Question*, то есть добиться того, чтобы палата вообще отказалась вынести какое-либо решение по предложению Робака. Та же палата, которая принудила Абердина выйти в отставку, потому что он отказался назначить следственную комиссию, спасает Пальмерстона, отказавшись, в конце концов, выносить решение по поводу выводов своей собственной комиссии. Отсрочка заседания парламента дает отсрочку и кабинету Пальмерстона до новой сессии. А тогда его песня будет спета. К самому заседанию мы еще вернемся.

В настоящий момент в военных действиях в Крыму наступило затишье. Не было больше попыток штурма, орудия почти все время молчали. Если бы между обеими линиями укреплений не велась постоянная ружейная перестрелка, если бы союзники не продвигали свои позиции посредством сап и минных галерей все ближе к Малахову кургану, если бы русские не предпринимали время от времени вылазок, то можно было бы считать, что военные действия совсем прекратились.

Это затишье перед бурей. Через 2—3 недели начнется борьба—схватка, более жестокая, чем при Инкермане, на

* — предварительном вопросе. *Ред.*

Мамелоне или чем штурм 18 июня. Август должен быть до известной степени решающим; находящиеся теперь в пути войска русских к тому времени прибудут, а ряды союзников поредеют от болезней. Тогда начнется борьба не на жизнь, а на смерть, и союзникам придется приложить немало усилий, чтобы удержать занимаемые ими позиции на плато.

От мысли захватить Южную сторону Севастополя в этом году отказалась теперь даже английская пресса. Союзникам остается лишь рассчитывать на полное разрушение Севастополя по частям, и если они будут действовать так же медлительно, как до сих пор, то осада по своей продолжительности грозит сравняться с осадой Трои. Нет никаких оснований надеяться на то, что они выполнят стоящую перед ними задачу в ускоренном темпе, ибо нам теперь почти официально заявлено, что порочная система, которой придерживались до сих пор, будет упорно сохраняться и впредь. Крымский корреспондент газеты «Constitutionnel», человек, занимающий высокий пост во французской армии (полагают, что это генерал Реньо де Сен-Жан д'Анжели, командующий гвардией), заявил, что публика напрасно строит всякие предположения относительно полевых действий и возможного окружения Северной стороны Севастополя. При нынешних условиях, говорит он, этого нельзя сделать, не сняв осады и не отдав всего плато русским. Поэтому было решено как можно сильнее бомбардировать уже атакованные ранее позиции и добиться их полного разрушения. Сообщения, имеющиеся в этой корреспонденции, могут рассматриваться как полуофициальные, ибо есть все основания считать, что Бонапарт не только санкционирует, но даже исправляет все сообщения, исходящие из этого источника до их опубликования. К Реньо он особенно благоволит; это тот самый военный министр, который во времена Законодательного национального собрания скрепил своей подписью отставку Шангарнье.

Нетрудно предвидеть, к чему все это приведет. Русская армия в Севастополе и вокруг него состояла из 3-го и 4-го корпусов, двух дивизий 5-го корпуса и одной дивизии 6-го корпуса, а также морской пехоты, матросов, местных войск, казаков и кавалерии, что составляет армию в 180 батальонов, или 90000 человек пехоты и 30000 человек артиллерии, кавалерии и т. д., не считая примерно 40000 больных и раненых. Даже французская газета «Moniteur» исчисляет боевые силы русских в 110000 человек. Далее, весь 2-й корпус (50 батальонов, 32 эскадрона, 96 орудий) и две дивизии гренадер с одной кавалерийской дивизией (24 батальона, 32 эскадрона, 72 орудия) находятся на пути в Севастополь или уже подходят к нему.

Они представляют собой дополнительную боевую силу в 55000 человек пехоты, 10000—кавалерии и казаков и 5000 — артиллерии. Таким образом, русские в ближайшем будущем сосредоточат армию по меньшей мере в 175000 человек, то есть значительно больше того, что осталось у союзников после потерь, которые они недавно понесли во время вылазок и от болезней. Во всяком случае, русские смогут удержать за собой свои нынешние позиции, и это тем более вероятно, что они имеют возможность постоянно сменять переутомленные войска гарнизона, посылая на их место свежие силы.

Союзники, напротив, не могут рассчитывать на получение подкреплений в таком количестве. В настоящее время у них имеется 21 дивизия пехоты (12 французских, 4 английских, 3 турецких, 2 пьемонтских), или около 190 батальонов, 3 дивизии кавалерии (французская, английская и турецкая), или около 60 эскадронов, и соответствующее количество орудий. Но поскольку батальоны союзников, а в особенности эскадроны, понесли во время кампании большие потери, общая численность их войск не превысит 110000 человек пехоты, 7500 — кавалерии и 30000—35000 человек артиллерии, обозных войск и нестроевых. Поэтому если силы воюющих сторон до прибытия русских подкреплений вполне уравновешивали друг друга, то с их прибытием перевес, очевидно, будет не на стороне союзников. Все ранее отправленные подкрепления представляли собой отдельные подразделения из запасных частей и служили для пополнения действующих батальонов и эскадронов, и они очень незначительны, если верить сообщениям прессы. Между тем, как передают, три дивизии находятся на пути в Марсель и Тулон, куда стягиваются и пароходы, а в Англии предназначенные для отправки в Крым полки получили приказ быть готовыми к немедленной погрузке на суда. Они составят примерно дивизию пехоты и дивизию кавалерии. Таким образом, в течение августа и сентября в Крым могут постепенно прибыть около 33000 человек пехоты и возможно 2500 человек кавалерии и артиллерии, однако это всецело зависит от быстроты их погрузки на суда. Во всяком случае, союзники по-прежнему будут уступать по численности русским и снова могут оказаться зажатыми на плато, где они так безотрадно провели прошлую зиму.

Удастся ли русским на сей раз выбить союзников из этой твердыни, сказать трудно. Единственно на что, очевидно, могут рассчитывать союзники, это удержаться на занимаемых ими позициях, если только они не получат огромного количества подкреплений. Таким образом, война может свестись к ряду

столь же бесплодных, сколь и кровопролитных стычек и рукопашных схваток, когда обе стороны изо дня в день будут посылать свежие войска для рукопашных схваток с противником то на городских крепостных валах или брустверах траншей, то на скалистых высотах вокруг Инкермана и Балаклавы. Вероятнее всего, дело примет именно такой оборот. Трудно представить себе такое положение воюющих армий, при котором было бы пролито больше крови для достижения столь незначительных результатов, нежели в подобного рода боях. И все это происходит из-за посредственности главнокомандующих обеих сторон, бессильного дилетантизма в Париже и преднамеренной измены в Лондоне.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом 20 июля 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 337, 23 июля 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

ПАЛЬМЕРСТОН. — ФИЗИОЛОГИЯ ГОСПОДСТВУЮЩИХ КЛАССОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Лондон, 23 июля. Если гарантия турецкого займа[208] встретит сегодня вечером то же сопротивление, что и в прошлую пятницу, то Пальмерстон тотчас *же распустит* палату общин. Все обстоятельства благоприятствуют этому ловкому человеку. Роспуск палаты из-за предложения Булвера или роспуск палаты из-за предложения Робака — и то, и другое было в одинаковой мере рискованно. Дипломатическая деятельность на Венской конференции, деятельность правительственных органов во время зимней кампании — трудно было апеллировать от парламента к избирателям, основываясь на таких вопросах. Но *«гарантия турецкого займа»!* Декорация, обстановка, мотивы меняются, как по мановению волшебной палочки. Теперь уже не парламент осуждает кабинет за измену и бездарность. Теперь кабинет обвиняет парламент в том, что он чинит препятствия ведению войны, ставит под угрозу союз с Францией и бросает на произвол судьбы Турцию. Кабинет не апеллирует больше к стране для того, чтобы она избавила его от обвинительного приговора парламента. Он апеллирует к стране, чтобы осудить парламент. Фактически условия займа сформулированы так, что Турция прямо денег но получает, а лишь ставится на самых недостойных для любой страны условиях под опеку, согласно которой данная ей как будто бы взаймы сумма должна распределяться и расходоваться английскими комиссарами. И в самом деле, как не поддаться искушению и не распространить свои благодеяния на чужие государства, если английская система управления столь блестяще зарекомендовала себя в Восточной войне. Западные державы прибрали к рукам в Константинополе

министерство иностранных дел, и не только иностранных, но и министерство внутренних дел. С тех пор как Омер-паша переправлен из Болгарии в Крым, Турция перестала распоряжаться своей собственной армией. А сейчас западные державы протягивают руку к турецким финансам. Оттоманская империя впервые обзаводится государственным долгом, и притом не получая кредита. Она попадает в положение помещика, который под заклад земли не только берет ссуду, но и обязуется предоставить владельцу ипотеки право распоряжаться выданными ему в виде ссуды деньгами. Единственный шаг, который ему еще остается сделать, это отдать владельцу ипотеки и само поместье. Подобной системой займов Пальмерстон деморализовал Грецию и парализовал Испанию. Но *видимость* говорит в его пользу. Участие партии мира в оппозиции против займа усиливает эту видимость. С помощью трюка он снова выступает как представитель сторонников войны против объединенной оппозиции, представляющей сторонников мира. *Какую* войну он намерен вести—нам известно. На Балтийском море посредством бесполезных и безрезультатных пожарищ прочнее связать Финляндию с Россией, в Крыму до бесконечности продлевать кровопролитие, к прекращению которого может привести только поражение, а не победа. По старой привычке он бросает на чашу парламентских весов внешнеполитические союзы. Бонапарт уже повелел своему так называемому «законодательному корпусу» санкционировать турецкий заем. Английскому парламенту ничего не остается, как стать эхом «законодательного корпуса», то есть стать эхом эха, иначе союзу грозит опасность. Используя французский союз в качестве щита, чтобы отвести от себя все удары, Пальмерстон в то же время испытывает удовлетворение от того, что удары получает этот союз. В доказательство того, что «он ставит надлежащих людей на надлежащее место», Пальмерстон назначил сэра Молсуорта министром колоний, а сэра Б. Холла, вместо Молсуорта, министром королевских лесов и имений. Молсуорт принадлежит к *уэйкфилдской* школе колонизации[209]. Ее принцип заключается в том, чтобы искусственно удорожать землю и искусственно удешевлять труд в колониях для достижения «необходимого сочетания производительных сил». Попытка применить эту теорию в Канаде выгнала оттуда переселенцев в Соединенные Штаты и в Австралию.

Сейчас в Лондоне заседают три следственных комиссии: одна учреждена кабинетом, две другие — парламентом. Первую комиссию, составленную из судей Лондона, Манчестера и Ливерпуля, для расследования *инцидентов в Гайд-парке,*

засыпают каждый день доказательствами не только того, что констебли допускали невероятные грубости, но и того, что они были грубы умышленно, *по приказу свыше.* Если бы следствие велось беспристрастно, то оно должно было бы начать с сэра Джорджа Грея и кабинета, как главных виновников. Вторая комиссия, под председательством *Беркли,* занятая изучением влияния актов о запрещении «продажи спиртных напитков в воскресенье», вскрывает всю ханжескую пошлость попыток исправления общества при помощи регулирования воскресного отдыха. Вместо того, чтобы уменьшиться, число эксцессов из-за пьянства увеличилось. Они лишь частично перешли с воскресенья на понедельник. Третья комиссия, возглавляемая *Сколфилдом,* занята вопросом о фальсификации продуктов, напитков и всех имеющих отношение к питанию товаров[210]. Фальсификация является *правилом,* доброкачественность — *исключением.* Вещества, которые примешиваются с целью придать негодным продуктам цвет, запах, вкус, большей частью ядовиты и все разрушительно действуют на здоровье. Торговля представляется чем-то вроде громадной лаборатории обмана, прейскурант — дьявольским каталогом несуществующих предметов, свободная конкуренция — свободой отравлять и подвергаться отравлению.

«Отчет фабричных инспекторов»[211] за полугодие, заканчивающееся 30 апреля, представлен обеим палатам парламента. Этот отчет является неоценимым вкладом в характеристику *манчестерских* сторонников мира и того класса, который оспаривает у аристократии ее монополию на управление страной. «Несчастные случаи, происшедшие из-за машин», классифицируются в отчете по следующим рубрикам:

1) «Случаи со смертельным исходом», 2) «потеря правой руки или правой кисти; потеря части правой руки; потеря левой руки или левой кисти; потеря части левой руки; переломы рук и ног; повреждения головы и лица» и 3) «разрывы ткани, контузии и другие, не перечисленные выше повреждения».

В отчете мы читаем о молодой женщине, «которая потеряла правую руку», о ребенке, «у которого кость носа была вдавлена и который потерял зрение из-за повреждения обоих глаз машиной», о мужчине, «у которого оторвана левая нога, правая рука сломана в трех или четырех местах, а голова ужасно изуродована», о юноше, «у которого рука вырвана из плечевого сустава, имеются и другие повреждения», и о другом юноше, «у которого обе руки были вырваны из плечевых суставов, нижняя часть туловища разорвана, так что внутренности выпали наружу, раздавлены голова и оба бедра» и т. д. Этот промышленный бюллетень фабричных инспекторов страшнее,

ужаснее любого бюллетеня о сражениях в Крыму. Женщины и дети систематически поставляют значительный контингент для списка раненых и убитых. Смерть и раны не менее привычны, чем те рубцы, которые плеть плантатора оставляет на теле негра. Почти все несчастные случаи являются результатом того, что пренебрегают *ограждением* машин, предписываемым законом. Вспомним, что фабриканты Манчестера — этой метрополии партии мира любой ценой — осаждали правительство депутациями, протестуя против актов, предписывающих определенные меры предосторожности при пользовании машинами. Так как фабриканты не смогли пока добиться отмены закона, они пытались устранить, убрать путем интриг фабричного инспектора Л. Хорнера и заменить его более сговорчивым блюстителем закона, по пока безуспешно. Фабриканты утверждали, что установка предохранительных приспособлений поглотит их прибыль. Однако Хорнер доказывает, что в его округе имеется лишь немного фабрик, которые нельзя было бы обезопасить, затратив для этой цели 10 фунтов стерлингов. Общее число несчастных случаев, происшедших из-за машин, за шесть месяцев, о которых говорится в отчете, составляет 1788, из них 18 *смертельных.* Общая сумма наложенных на фабрикантов денежных штрафов, выплаченных ими компенсаций и т. д. достигает за этот же период 298 фунтов стерлингов. Чтобы округлить эту сумму, в нее включены денежные штрафы за «работу в запрещенное законом время», за «применение труда детей в возрасте до 8 лет» и т. д.; так что денежные штрафы, наложенные за 18 смертельных случаев и 1770 увечий, далеко еще не достигают 298 фунтов стерлингов. 298 фунтов стерлингов! Это меньше, чем стоит третьеразрядная беговая лошадь!

Комиссия Робака и английская олигархия! Комиссия Сколфилда и английский торговый класс! Отчет фабричных инспекторов и английские фабриканты! Под этими тремя рубриками можно наглядно представить физиологию классов, господствующих теперь в Великобритании.

Написано К. Марксом 23 июля 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 343, 26 июля 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ЛОРД ДЖОН РАССЕЛ [212]

*Написано К. Марксом 25 июля—
12 августа 1855 г.*

*Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» №№ 347,
359, 363, 365, 369 и 377;
28 июля, 4, 7, 8, 10 и 15 августа 1855 г.
и в газете «New-York Daily Tribune» № 4479,
28 августа 1855 г.*

*Печатается по тексту «Neue Oder-Zeitung»,
сверенному с текстом газеты «New-York
Daily Tribune»*

Перевод с немецкого

I

Лондон, 25 июля. Лорд *Джон Рассел* любил цитировать старый вигский афоризм, что «партии похожи на улиток, у которых голова приводится в движение хвостом». Вряд ли он предполагал, что хвост, ради собственного спасения, отрубит голову. А лорд Рассел, если и не был главой *«последнего из вигских кабинетов»,* был бесспорно главой *партии вигов.* Бёрк сказал однажды:

«Число поместий, угодий, замков, лесов и т. д., отнятых *Расселами* у английского народа, просто *невероятно* (quite incredible)»[213].

Еще более невероятной была бы слава, которой пользуется лорд Джон Рассел, и та видная роль, которую он имел смелость играть в течение более четверти столетия, если бы ключом к этой загадке не являлось «число поместий», захваченных Расселами.

Лорд Джон, казалось, всю свою жизнь только и делал, что охотился за *постами,* а добившись их, так яростно за них цеплялся, что утрачивал всякие притязания на *власть.* Так было в 1836—1841 гг., когда ему достался пост лидера палаты общин. Так было в 1846—1852 гг., когда он именовался премьер-министром. Призрачная сила, которой он обладал в качестве лидера оппозиции, штурмующей государственное казначейство, каждый раз улетучивалась в тот день, когда он приходил к власти. Как только Рассел из человека, находящегося Out*, превращался в человека, находящегося In**, он сходил

* — в оппозиции. *Ред.*
** — в правительстве. *Ред.*

на нет. Никакой другой английский государственный деятель не обладал в такой степени способностью превращать силу в бессилие. Но и никто другой не умел так же ловко выдавать свое бессилие за силу.

Помимо влияния семьи герцога Бедфорда, младшим сыном которого был лорд Джон, призрачная власть, оказывавшаяся периодически в его руках, опиралась на отсутствие всех тех качеств, которые вообще делают человека способным властвовать над другими людьми. Его мелочный взгляд на вещи, как зараза, сообщался другим и в гораздо большей степени, чем самое изощренное искажение истины, порождал смешение понятий у его слушателей. Его истинный талант заключается в способности низводить все, чего бы он ни коснулся, до своих собственных карликовых размеров, сводить весь внешний мир к безгранично малому масштабу и превращать его в вульгарный микрокосм своего собственного изобретения. Его врожденная способность умалять великое может быть превзойдена только .его редким умением выдавать ничтожное за великое.

Вся жизнь лорда Джона Рассела была построена на использовании фальшивых предлогов. Фальшивым предлогом была для него парламентская реформа, фальшивым предлогом — свобода совести, фальшивым предлогом — свобода торговли. Его вера в силу фальшивых предлогов была настолько искренней, что он счел возможным под фальшивым предлогом сделаться не только английским государственным деятелем, но также поэтом, мыслителем и историком. Только этим можно объяснить появление такого вздора, как его трагедия «Дон Карлос, или Гонение» или его «Опыт истории английского правительства и конституции от царствования Генриха VII до настоящего времени», или его «Записки о европейских делах со времени Утрехтского мира»[214]. Благодаря эгоистической узости своего ума Рассел усматривает в каждом предмете лишь tabula rasa*, на которой ему предоставляется возможность начертать свое собственное имя. Его мнения никогда не зависели от реальных фактов, а, напротив, сами факты зависели в его глазах от того порядка, в котором он излагал их в своих речах. Как оратор он не оставил после себя ни одной достойной упоминания оригинальной идеи, ни одного глубокого изречения, ни одного серьезного наблюдения, ни одного яркого описания, ни одной красивой мысли, ни одного живого намека, ни одной юмористической сценки, ни одного искреннего чувства. *«Самая жалкая посредственность»,* — как при-

* — чистую доску. *Ред.*

знает Робак в своей истории министерства реформы[215], — вот что поразило его слушателей даже в тот момент, когда он совершал величайший акт своей общественной жизни, вносил в палату общин свой так называемый билль о реформе. Он обладает своеобразной манерой сочетать сухую, вялую, монотонную речь, похожую на речь оценщика на аукционе, с ученическими иллюстрациями из истории и какой-то торжественной тарабарщиной на тему о «красотах конституции», «всеобщих свободах страны», «цивилизации» и «прогрессе». Настоящий пыл появляется в нем только тогда, когда он сам лично задет или когда он вынужден своими противниками отказаться от лицемерно принятой им надменной и самодовольной позы и проявляет все признаки потери душевного равновесия. В Англии принято объяснять его бесчисленные неудачи особой врожденной горячностью. В действительности эта горячность тоже является лишь фальшивым предлогом. Она объясняется неизбежным столкновением уловок и вынужденных мер, рассчитанных только на данный момент, с неблагоприятно сложившейся обстановкой в последующий момент. Рассел движим не чувством, а всегда — расчетом, но его расчет так же мелочен, как и оп сам, всегда — только уловка на час. Отсюда постоянные колебания и увертки, внезапные забегания вперед, позорные отступления, вызывающие слова, благоразумно снова проглоченные, гордые обязательства, постыдным образом взятые обратно, и когда все это не помогает — слезы и всхлипывания, цель которых разжалобить весь мир. Вот почему вся его жизнь может рассматриваться либо как систематический sham*, либо как непрерывный промах.

Может показаться удивительным, как общественный деятель сумел пережить такое множество мертворожденных мероприятий, потерпевших крушение проектов и недоношенных схем. Но подобно полипу, который разрастается после отсечения, лорд Джон Рассел только процветает от этих недоносков. Большинство его планов было выдвинуто лишь для того, чтобы смягчить недовольство его союзников, так называемых радикалов, между тем как соглашение с его противниками, консерваторами, гарантировало ему *«удушение»* этих планов. Со времени парламентской реформы нельзя назвать ни одной из его «широких и либеральных мер», ни одной «расплаты в счет великой реформы», с судьбой которой он связал бы судьбу своего кабинета. Наоборот. Укреплению и продолжительности его министерства более всего способствовали мероприятия, которые были предложены в угоду либералам и взяты обратно

* — обман. *Ред.*

в угоду консерваторам. Были такие периоды в жизни Рассела, когда Пиль сознательно оставлял его у руля правления, чтобы не быть вынужденным *делать* то, о чем Рассел, как он знал, будет только *болтать.* В такие периоды тайного соглашения с официальным противником Рассел держал себя вызывающе по отношению к своим официальным союзникам. Он становился храбрым — под фальшивым предлогом.

Бросим взгляд на его прошлую деятельность — с 1830 г. до настоящего времени. *Гений посредственности* вполне этого заслуживает.

II

Лондон, 1 августа.

«Если бы я был художником», — сказал Коббет, — «я бы изобразил английскую конституцию в виде старого дуба с прогнившими корнями и мертвой верхушкой, с дуплистым стволом, расшатанным у основания и качающимся при каждом порыве ветра, а на него поместил бы лорда Джона Рассела под видом маленькой птички, старающейся все привести в порядок, выклевывая гнездо насекомых на полуистлевшей коре одной из самых низких веток. Некоторые высказывают даже подозрение, что он клюет почки под предлогом очистки коры от вредных насекомых».

Таков ничтожный характер реформаторских попыток Рассела в доисторический период его карьеры, с 1813 по 1830 г., но при всей своей ничтожности они даже не были искренними. Он, ни минуты не колеблясь, отрекался от них при одном только намеке на министерский пост.

С 1807 г. виги тщетно мечтали приобщиться к казенному пирогу, пока в 1827 г. образование кабинета Каннинга, с которым они якобы сходились в вопросах торговли и внешней политики, не представило им, казалось, долгожданного случая. Рассел в это время уже заявил о своем намерении поставить на обсуждение один из своих «птичьих» законопроектов о парламентской реформе, как вдруг Каннинг высказал твердое решение до конца своих дней противиться какой бы то ни было парламентской реформе. Тогда лорд Джон попросил слова, чтобы взять обратно свое предложение.

«Парламентская реформа», — сказал он, — «представляет собой вопрос, относительно которого существуют большие разногласия среди ее защитников, и лидеры вигов были всегда против того, чтобы рассматривать ее как партийный вопрос. И сейчас он в *последний раз* поднимает этот вопрос».

Он кончил свою речь бесстыдным заявлением: «Народ больше не желает парламентской реформы». Он, который всегда кичился своей шумной оппозицией против пресловутых шести исключительных законов Каслри 1819 г.[216], теперь воздержался

от голосования по предложению Юма об отмене одного из этих законов, каравшего пожизненной ссылкой автора любого печатного произведения, в котором могла быть усмотрена хотя бы только *тенденция* подвергнуть оскорблению одну из палат парламента.

Так к концу первого периода его парламентской жизни мы видим лорда Джона Рассела отрекающимся от своих более чем десятилетних деклараций в пользу парламентской реформы вполне в духе признания, сделанного Горацио Уолполом, этим прототипом современных вигов, Конуэю:

«Демократические законопроекты никогда не вносятся всерьез, они являются лишь орудием для партий, а не залогом осуществления таких экстравагантных идей».

Итак, отнюдь не Рассел виноват в том, что, вместо того чтобы в мае 1827 г. в *последний раз* внести предложение о парламентской реформе, ему пришлось повторить его четыре года спустя, 1 марта 1831 г., в виде знаменитого билля о реформе. Этот билль, которым он до сих пор обосновывает свои притязания на восхищение всего мира вообще и Англии в особенности, отнюдь не является его творением. В своих главных чертах — уничтожение большей части гнилых местечек, увеличение числа представителей от графств, предоставление избирательного права копигольдерам и лизгольдерам[217], а также двадцати четырем из наиболее значительных английских торговых и фабричных городов, — этот билль является копией билля, который был внесен в палату общин в 1797 г. графом Греем (главой министерства реформы, образованного в 1830 г.), бывшим тогда в оппозиции, и благоразумно им забыт, когда он в 1806 г. вошел в состав кабинета. Это тот же самый билль, лишь слегка видоизмененный. Изгнание Веллингтона из кабинета за то, что он высказался против парламентской реформы, июльская революция во Франции, угрожающая активность больших политических организаций, созданных буржуазией и пролетариатом в Бирмингеме, Манчестере, Лондоне и т. д., крестьянская война в земледельческих графствах, красный петух, который распространял свое пламя по самым плодородным районам Англии[218], — все эти обстоятельства вынудили вигов внести хоть какой-нибудь билль о парламентской реформе. Виги уступили нехотя, не сразу, после неоднократных, но тщетных попыток удержать за собой посты путем компромиссного соглашения с тори. Они встретили препятствие как в грозном поведения народных масс, так и в упрямой непримиримости тори. Но едва только билль о парламентской реформе превратился

в закон и стал проводиться в жизнь, как народ, по выражению Брайта (6 июня 1849 г.), «почувствовал, что его обманули».

Пожалуй никогда еще такое могучее и, по всей видимости, успешное народное движение не сводилось к таким ничтожным и показным результатам. Не только рабочий класс попрежнему был лишен какого бы то ни было политического влияния, но и сама буржуазия вскоре поняла, что не простой фразой было .заявление лорда Олторпа, души кабинета реформы, обращенное к его противникам из лагеря тори:

«Билль о парламентской реформе является самым аристократическим **из** мероприятий, когда-либо предложенных нации».

Новое представительство от сельских местностей далеко превосходило тот прирост голосов, который был предоставлен городам. Право голоса, предоставленное арендаторам*, в еще большей степени превратило графства в орудие аристократии. Замена категории плательщиков податей и пошлин категорией владельцев домов и помещений, приносящих ежегодно 10 ф. ст. дохода, лишила права голоса значительную часть городского населения. Предоставление и лишение избирательных прав было в общем рассчитано не на увеличение влияния буржуазии, а на подрыв влияния тори и усиление влияния вигов. Посредством ряда самых невероятных уловок, хитростей и обмана было сохранено неравенство избирательных округов и восстановлено огромное несоответствие между числом представителей, с одной стороны, и количеством населения и значением отдельных избирательных округов — с другой. Если и было уничтожено каких-нибудь 56 гнилых местечек, в каждом из которых имеется горсточка жителей, то целые графства и густонаселенные города были превращены в гнилые местечки. Сам Джон Рассел в письме к своим избирателям из Страуда «О принципах билля о реформе» (1839 г.) признает, что «десятифунтовое право голоса ограничено всякого рода правилами, и ежегодная регистрация пользующихся избирательными правами сделалась источником придирок и ненужных затрат». Там, где нельзя было дальше действовать запугиванием и использовать традиционное влияние, пускалась в ход система подкупа, которая после принятия билля о парламентской реформе стала краеугольным камнем английской конституции. Таков был билль о парламентской реформе, глашатаем которого являлся Рассел, не будучи его автором. Единственными статьями, которые явным

* В статье К. Маркса в «New-York Daily Tribune» далее следует: «уплачивающим ежегодную арендную плату в 50 фунтов стерлингов». *Ред.*

образом могут быть приписаны его изобретательности, являются: статья, требующая от всех *фригольдеров*[219], за исключением лиц духовного звания, владения своим земельным участком в течение года, и другая статья, согласно которой «гнилое местечко» семейства Расселов — Тависток — сохранило свои привилегии в неприкосновенном виде.

Рассел был лишь второстепенной фигурой в министерстве реформы (с 1830 по ноябрь 1834 г.) — главным казначеем армии, и не имел голоса в кабинете. Он был чуть ли не самым незначительным среди своих коллег, но зато являлся младшим сыном влиятельного герцога Бедфорда. Поэтому со всеобщего согласия ему была предоставлена честь внести в палату общин билль о реформе. Одно препятствие стояло на пути осуществления этого семейного соглашения. Во время движения за реформу до 1830 г. Рассел неизменно фигурировал как Henry Brougham's Little man (подручный Генри Брума). Расселу нельзя было поручить внесение билля о парламентской реформе, пока Брум заседал рядом с ним в палате общин. Скоро это препятствие было устранено, и тщеславный плебей был переброшен в палату лордов на мешок с шерстью[220]. Так как наиболее значительные члены первоначального кабинета реформы вскоре или перебрались в палату лордов (как Олторп в 1834 г.), или вымерли, или перешли в партию тори, то Рассел не только сделался единственным наследником этого министерства, но и прослыл отцом ребенка, тогда как он был всего лишь его крестным отцом. Он прославился под фальшивым предлогом как мнимый автор реформы, которая сама по себе была лишь подлогом и ловким маневром. В остальном же за период 1830— 1834 гг. он привлек к себе внимание только той желчностью, с которой выступал против какого-либо пересмотра пенсионного списка.

III

Лондон, 3 августа. Вернемся к *характеристике Рассела.* Мы остановимся на нем несколько дольше, так как, во-первых, он сам является *классическим представителем современного вигизма,* а, во-вторых, его история — по крайней мере в известном отношении — представляет собой *историю пореформенного парламента* вплоть до наших дней.

В своей защите билля о реформе Рассел, касаясь *Ballot* (тайного голосования) и *краткосрочных парламентов,* — известно, что виги в 1694 г. превратили английский годичный парламент в трехлетний, а в 1717 г. в семилетний, — сделал следующее заявление:

«Не подлежит никакому сомнению, что Ballot имеет много преимуществ. Аргументы, приводимые в его пользу, не менее остроумны и убедительны, чем любые доводы, когда-либо слышанные мной при обсуждении того иди иного спорного вопроса. Все же палата должна остерегаться слишком поспешного решения... Вопрос о *краткосрочных парламентах* в высшей степени важен. Я предоставляю другому члену палаты возможность в будущем поставить этот вопрос, так как не могу перегружать деталями свою большую тему».

7 июня 1833 г. Рассел заявил, что

«воздержался от этих двух *предложений* во избежание столкновения с палатой лордов, вопреки *убеждениям* (!), глубоко коренящимся в его душе. Он убежден, что эти меры имеют существенное значение для счастья, благосостояния и благополучия страны». (Вот вам и образец его риторики.)

Вследствие этого «глубоко коренящегося убеждения» он на протяжении всей своей министерской карьеры показал себя неизменным и непримиримым противником тайного голосования и краткосрочных парламентов. В тот период, когда эти заявления были сделаны, они являлись уловкой, преследовавшей двоякую цель. Они успокаивали недоверчивых демократов

из палаты общин и наводили страх на упрямых аристократов из палаты лордов. Но как только Рассел обеспечил себе поддержку нового двора королевы Виктории (смотри ответ *Брума* на послание Рассела избирателям Страуда, 1839 г.) и вообразил себя вечным обладателем некоего поста, он выступил в ноябре 1837 г. с заявлением, в котором оправдывал «крайнюю медлительность, с которой проводился билль о реформе», тем, что эта реформа исключает всякую возможность дальнейшего движения вперед.

«Цель реформы», — сказал он, — «заключалась в том, чтобы *увеличить преобладание землевладельцев,* и она мыслилась как *окончательное разрешение* великого конституционного вопроса».

Короче говоря, именно это заявление о достигнутом пределе и доставило ему прозвище «Finality John»*. Однако к «Finality», к решению остановиться на месте, он отнесся не более серьезно, чем к своей прежней решимости идти вперед. В 1848 г. он выступил против предложения Юма о парламентской реформе. Опираясь на объединенные силы вигов, тори и пилитов, он снова большинством в 268 против 82 голосов разбил Юма, когда тот в 1849 г. опять внес подобное же предложение. Осмелев благодаря поддержке консерваторов, он вызывающе заявил:

«Когда мы составили и предложили билль о реформе, мы стремились *привести в соответствие* представительство этой палаты с другими органами государственной власти, оставляя все это в полной гармонии с конституцией. Г-н Брайт и его единомышленники *до такой степени ограниченны,* их способность суждения и понимания скована столь узким кругозором, что совершенно невозможно растолковать им те великие принципы, которые были положены нашими предками в основу конституции страны .и которые у нас, их потомков, вызывают смиренное восхищение и стремление к подражанию. Палата общин за 17 лет, истекших со времени реформы, оправдала все справедливо возлагавшиеся на нее надежды. Существующая система, хотя и отклоняется несколько от правил, действует хорошо и как раз в силу этих отклонений от правил».

Однако в 1851 г., когда Рассел потерпел поражение в связи с предложением Лока Кинга распространить избирательное право в графствах на владельцев участков, приносящих ежегодный доход в 10 ф. ст., и увидел себя вынужденным подать на несколько дней в отставку, его «широкий кругозор» внезапно раскрыл перед ним необходимость *нового билля о реформе.* Он обязался перед палатой общин внести такой билль. Он умолчал о том, в чем будет заключаться сущность новой «меры»,

* —«Джон Предельная точка». *Ред.*

но выдал вексель, по которому обязался уплатить в ближайшую сессию парламента.

«Притязания нынешнего министерства на занимаемое им место», — заявила тогда газета «Westminster Review», орган так называемых радикалов, находившихся в союзе с Расселом, — «стали предметом всеобщих насмешек и упреков, и, наконец, когда его падение и уничтожение его партии уже казались неизбежными, лорд Джон выступил с обещанием внести новый билль о реформе в 1852 году. Продержитесь до этого момента, кричит он, и я утолю ваши страстные желания широкой и либеральной реформы».

В 1852 г. он действительно внес новый билль о реформе, на этот раз уже собственного изобретения, но таких поразительно карликовых размеров, что консерваторы даже не сочли нужным нападать на него, а либералы — его защищать. Во всяком случае, эта недоношенная реформа дала маленькому человеку, вынужденному, наконец, расстаться с министерством, повод для того, чтобы, обращаясь в бегство, пустить парфянскую стрелу в своего победоносного преемника, графа Дерби. Он удалился с громогласной угрозой, что *«будет настаивать на расширении избирательного права».* Расширение избирательного права стало отныне «близким его сердцу делом». Едва изгнанный из министерства, этот герой вынужденных мер, прозванный теперь уже своими собственными сторонниками «Foul weather Jack» («Джек Скверная погода»), созвал в своей частной резиденции на Чешем-плейс различные фракции, от союза которых произошло хилое чудовище коалиции. Он не забыл пригласить «до такой степени ограниченных» Брайта и Кобдена, извиниться перед ними в торжественном собрании за свой широкий кругозор и выдать им новый вексель на другую, «более значительную» реформу. В качестве члена коалиционного министерства в 1854 г. Рассел развеселил палату общин очередным проектом избирательной реформы, заранее предназначенным стать новой Ифигенией, принесенной им, новым Агамемноном, в жертву ради успеха нового троянского похода. Обряд жертвоприношения он выполнил в мелодраматическом стиле Метастазио, с глазами, полными слез, которые, однако, немедленно высохли, как только пост «без содержания», который он занимал в кабинете, превратился — в результате жалкой интриги против г-на Стратта, члена его собственной партии, — в пост председателя Тайного совета с содержанием в 2000 фунтов стерлингов.

Второй проект реформы имел целью укрепить его падающее министерство, третий — заставить пасть кабинет тори. Второй проект был уверткой, третий — каверзой. Второй проект он

преподнес в таком виде, что никто не имел желания ухватиться за него, третий — в такой момент, когда никто не имел возможности это сделать. В обоих случаях он доказал, что, хотя судьба и сделала его министром, природа предназначала его для роли бродячего лудильщика, подобно Кристоферу Слаю. Даже в первом и единственно осуществленном проекте реформы он уловил только хитрый трюк олигархии, а не исторический смысл всего маневра.

IV

Лондон, 4 августа. С начала антиякобинской войны влияние вигов в *Англии* стало все более и более падать. Они поэтому обратили свои взоры на *Ирландию,* решив бросить ее на чашу весов, и написали на своем партийном знамени: *эмансипация Ирландии.* Оказавшись в 1806 г. на непродолжительное время у власти, они действительно внесли в палату общин билль о крохотной реформе для Ирландии, провели его через второе чтение, а затем добровольно взяли обратно, в угоду ханжескому слабоумию Георга III. В 1812 г. виги сделали попытку, правда безуспешную, навязать себя принцу-регенту (позже Георгу IV) под тем предлогом, что они — единственно возможное орудие примирения с Ирландией. Как до, так и во время движения за реформу они всячески заискивали перед О'Коннелом, и «надежды Ирландии» служили им в качестве могучего оружия. Несмотря на это, первый акт министерства реформы во время первой сессии реформированного парламента заключался в объявлении войны Ирландии, в таком «варварском и кровавом» мероприятии, как «исключительный закон», который вводил в Ирландии военное положение*. Виги выполнили свои былые обещания «огнем, тюрьмой, ссылкой и даже смертной казнью». Против О'Коннела было возбуждено судебное преследование, и он был осужден по обвинению в мятеже. Между тем виги смогли внести в парламент и провести через него исключительный закон для Ирландии только ценой твердого обязательства предложить другой билль — об *англиканской государственной церкви в Ирландии.* Этот билль — таковы были взятые вигами на себя обязательства — должен был содержать статью, согласно которой в распоряжение парламента передавался

* В «New-York Daily Tribune» конец этой фразы дан в следующей редакции: «... как исключительный закон для Ирландии — «билль о трибуналах красных мундиров», согласно которому в Ирландии взамен обычных судей и судов присяжных вводились военные суды». *Ред.*

определенный *избыток* доходов, получаемых в Ирландии государственной церковью. Со своей стороны парламент должен был распорядиться этими суммами в интересах Ирландии. Значение этой статьи заключалось в признании принципа, согласно которому парламент имел право экспроприации государственной церкви, — принципа, правильность которого должна была казаться лорду Джону Расселу тем более очевидной, что все огромные владения его семьи состоят из бывших церковных земель. Виги обещали отстоять этот церковный билль или подать в отставку. Но как только исключительный закон был принят, виги, сославшись на необходимость избежать конфликта с палатой лордов, взяли обратно вышеупомянутую статью, которая только и придавала смысл их церковному биллю. Они голосовали против своего собственного предложения и провалили его. Это произошло в 1834 году. Но к концу этого же года словно электрический ток снова оживил ирландские симпатии вигов. Дело в том, что им пришлось осенью 1834 г. освободить министерские кресла для кабинета Роберта Пиля. Они были снова отброшены на скамьи оппозиции. И сразу же мы наблюдаем усердную деятельность нашего Джона Рассела но умиротворению Ирландии. В январе 1835 г. он являлся главным агентом в переговорах по заключению *Личфилдхаусского соглашения*[221]. Виги по этому соглашению предоставили О'Коннелу patronage (право распределять должности и т. д.) в Ирландии. О'Коннел, со своей стороны, гарантировал им ирландские голоса внутри и вне парламента. Однако необходим был *предлог* для изгнания тори с Даунинг-стрит. Рассел со свойственной ему «щепетильностью» избрал полем сражения *церковные доходы.* Ирландии, а боевым паролем ту самую *статью,* снискавшую себе дурную славу под названием *«статьи о присвоении»,* от которой он и его коллеги по министерству реформы совсем незадолго перед этим *сами* отреклись, взяв ее обратно. Министерство Пиля действительно было опрокинуто под флагом «статьи о присвоении». Был образован кабинет Мелбурна, и лорд Джон Рассел получил пост министра внутренних дел и лидера палаты общин. Тут он начал превозносить самого себя, с одной стороны, за стойкость своего духа, ибо он, уже будучи у власти, продолжал стойко держаться своих *убеждений* по поводу «статьи о присвоении»; с другой стороны —за свою моральную воздержанность, ибо он воздерживался от того, чтобы *действовать* на основании этих убеждений. Его убеждения навсегда остались словами, он так никогда и не претворил их в жизнь. Став премьер-министром в 1846 г., он добился такой полной победы своей моральной воздержанности над

стойкостью своего духа, что отрекся также и от «убеждений». Рассел заявил, что он не знает более губительных мер, чем те, которые посягают на материальные основы государственной церкви — на ее доходы.

В феврале 1833 г. Джон Рассел от имени министерства реформы резко выступил против ирландского *движения за Repeal**.

«Истинной целью этого движения», — восклицал он в палате общин, — «является стремление без дальнейших околичностей свергнуть объединенный парламент и на место короля, палаты лордов и палаты общин Соединенного королевства поставить такой парламент, лидером и главой которого был бы О'Коннел».

В феврале 1834 г. в тронной речи опять содержались выпады против движения за Repeal, и министерство реформы предложило в ответном адресе

«в торжественной форме заявить, что сохранение унии законодательных органов трех королевств в неприкосновенном и цельном виде является нерушимой волей парламента».

Но стоило только Джону Расселу опять оказаться на мели оппозиции, как он заявил:

«Что касается *Repeal унии,* то этот вопрос в такой же мере может быть предметом поправок и запросов, как и всякий другой акт законодательного органа»,

следовательно, не больше и не меньше, чем любой пивной билль.

В марте 1846 г. Джон Рассел опрокинул правительство Пиля, вступив в коалицию с тори, которые горели желанием наказать отступничество своего лидера в вопросе о хлебных законах. Предлогом послужил внесенный Пилем *«билль об оружии»* для Ирландии, против которого Рассел, полный нравственного негодования, решительно протестовал. Он стал премьером. Первым шагом Рассела было внесение в парламент такого же «билля об оружии». Но этим он только осрамил себя без всякой пользы. О'Коннел успел уже организовать огромные митинги против этого билля и собрать 50000 подписей под петицией; он находился в Дублине, откуда руководил всем движением. King Dan (король Дан — так прозвали Даниела О'Коннела в народе) потерял бы свое королевство и доходы, если бы в этот момент его сочли соучастником Рассела. Поэтому он предупредил маленького человека в угрожающей форме, чтобы тот немедленно взял обратно свой билль об оружии. Рассел взял его обратно. О'Коннел сумел, несмотря на свою тайную игру с вигами, мастерски как всегда, к их поражению

* — отмену (отмену унии). *Ред.*

добавить еще и унижение. Чтобы не оставалось никаких сомнений относительно того, *по чьему приказанию* дастся сигнал к отступлению, он сообщил участникам движения за отмену унии, собравшимся в Консилиейшн-холл в Дублине, о взятии обратно билля об оружии 17 августа — *в тот самый* день, когда Джон Рассел объявил об этом в палате общин. В 1844 г. Рассел обвинял сэра Роберта Пиля в том, что «он наводнил Ирландию войсками и не управляет страной, а только оккупирует ее». В 1848 г. Рассел оккупировал Ирландию, применил к ней законы о государственной измене, приостановил действие Habeas Corpus Act[222] и хвастал «энергичными мероприятиями» Кларендона. Но и эта энергия была лишь фальшивым предлогом. В Ирландии противостояли Друг другу, с одной стороны, сторонники О'Коннела и попы, в тайном согласии с вигами, с другой —Смит О'Брайен со своими приверженцами. Последние были просто dupes[*], которые приняли всерьез игру с отменой унии и потому кончили фарсом. «Энергичные меры», принятые правительством Рассела, и пущенные в ход зверства совсем не вызывались обстоятельствами. Их целью было не упрочение английского господства в Ирландии, а продление правления вигов в Англии.

[*] — жертвами обмана, простофилями. *Ред.*

V

Лондон, 6 августа. *Хлебные законы* были введены в Англии в 1815 г., потому что тори и виги совместно решили повысит!. свою земельную ренту путем обложения нации налогом. Это достигалось не только тем, что хлебные законы — законы, направленные против ввоза зерна из-за границы, — в некоторые годы искусственно повышали цены на хлеб. Рассматривая период с 1815 по 1846 г., мы видим, что, пожалуй, еще большее значение имела иллюзия фермеров-арендаторов, будто хлебные законы смогут при любых условиях удержать цены на хлеб на a priori* определенном уровне. Эта иллюзия оказывала свое действие на арендные контракты. Чтобы постоянно поддерживать эту иллюзию, парламент, как мы видим, постоянно занят пересмотром и усовершенствованием хлебного закона 1815 года. Когда, несмотря на предписания хлебных законов, цены на хлеб упрямо падали, создавались парламентские комиссии, которые должны были установить причины agricultural distress (бедственного положения сельского хозяйства). Agricultural distress, поскольку оно являлось предметом парламентского обследования, сводилось на деле к несоответствию между ценами, которые арендатор платил за землю землевладельцу, и ценами, по которым он продавал сельскохозяйственные продукты потребителю, иначе говоря — к *несоответствию между земельной рентой и ценами на хлеб.* Это несоответствие, следовательно, было легко устранить, понизив земельную ренту — источник доходов земельной аристократии. Вместо этого последняя естественно предпочитала «понижать» цепы на хлеб законодательным путем; один хлебный закон сменялся другим, слегка видоизмененным; бесплодность их каждый раз объясняли несущественными деталями, которые считалось возможным исправить новым парламентским актом. Если цены

* — заранее. *Ред.*

на хлеб, таким образом, поддерживались на неестественно высоком уровне только при известных обстоятельствах, то *земельная рента* поддерживалась на неестественно высоком уровне при всех обстоятельствах. Так как дело шло о «самых священных интересах» земельной аристократии, об ее доходах чистоганом, то обе ее фракции — тори и виги — одинаково охотно признавали хлебные законы неподвижными звездами, стоящими высоко *над* полем их партийной борьбы. Виги устояли даже перед искушением провозгласить «либеральные взгляды» в этом вопросе, тем более, что перспектива покрыть возможный дефицит в земельной ренте, вернув себе наследственную ренту, получаемую с правительственных постов, казалась им тогда очень отдаленной. Обе фракции, желая обеспечить себе поддержку финансовой аристократии, голосовали за банковский закон 1819 г., согласно которому проценты по государственным долгам, сделанным в обесцененных деньгах, должны были выплачиваться в полноценных. Нация, взяв взаймы, скажем, 50 ф. ст., должна была выплатить 100. Так было куплено согласие финансовой аристократии на хлебные законы. Мошенническое повышение государственной ренты в обмен на мошенническое повышение земельной ренты — таков смысл сделки, заключенной между финансовой и земельной аристократией. После этого не покажется странным, что лорд *Джон Рассел* во время парламентских выборов в 1835 и 1837 гг. объявил всякую *реформу хлебных законов* вредной, нелепой, непрактичной и ненужной. С самого начала своей министерской карьеры он отвергал всякое подобное предложение, на первых порах с учтивым спокойствием, позже с раздражением. В своей защите высоких хлебных пошлин он далеко превзошел сэра Роберта Пиля. Перспектива голода в 1838 и 1839 гг. не смогла поколебать ни его, ни других членов кабинета Мелбурна. Но то, чего не смогло сделать бедственное положение нации, было сделано бедственным положением кабинета. Дефицит государственного казначейства в 7500000 ф. ст. и внешняя политика Пальмерстона, угрожавшая войной с Францией, побудили палату общин вынести, по предложению Пиля, вотум недоверия кабинету Мелбурна. Это случилось 4 июня 1841 года. Виги, которые всегда так жадно охотятся за постами, так плохо с ними справляются и так неохотно от них отказываются, пытались, правда тщетно, избежать своей участи путем роспуска парламента. Тогда в глубине души Джона Рассела зародилась мысль использовать и свести на нет движение против хлебных законов, подобно тому как при его помощи было использовано и сведено на нет движение за реформу. Вот почему он вдруг высказался

в пользу «умеренной твердой пошлины» вместо скользящей шкалы пошлин — ведь он всегда был другом «умеренного» политического целомудрия и «умеренных» реформ. Он не постыдился проследовать по улицам Лондона с процессией правительственных кандидатов на выборах, в сопровождении знаменосцев, которые нацепили на свои шесты два хлеба, являющих собой разительный контраст, — один хлеб двухпенсовый с надписью *«хлеб Пиля»,* другой—шиллинговый с надписью *«хлеб Рассела».* Но на этот раз народ не дал себя провести. Он знал из опыта, что виги обещают хлеб, а расплачиваются камнями. Несмотря на шутовское карнавальное шествие Рассела, новые выборы дали правительству вигов меньшинство в 76 депутатов. Оно вынуждено было, в конце концов, освободить министерские кресла. В отместку за плохую услугу, которую ему оказала в 1841 г. умеренная твердая пошлина, Рассел в 1842 г. спокойно дал возможность «скользящей шкале» Пиля принять форму .закона. Теперь он презирал «умеренную твердую пошлину»; он повернулся к ней спиной; он допустил ее провал, не проронив при этом ни слова.

Между 1841 и 1845 гг. *Лига против хлебных законов* разрослась до огромных размеров. Старый договор между финансовой и земельной аристократией не являлся больше гарантией сохранения хлебных законов, так как ведущей частью буржуазии все больше и больше становилась промышленная буржуазия, оттесняя финансовую аристократию. А для промышленной буржуазии отмена хлебных законов была жизненно важным вопросом. Снижение издержек производства, расширение внешней торговли, увеличение прибыли, уменьшение главного источника доходов земельной аристократии, а следовательно, послабление ее власти, усиление собственной политической власти — вот что означала для промышленной буржуазии отмена хлебных законов. Осенью 1845 г. промышленная буржуазия обрела грозных союзников в виде картофельной болезни в Ирландии, роста хлебных цен в Англии и неурожая в большей части Европы. Сэр Роберт Пиль, напуганный угрожающей конъюнктурой, провел в конце октября и начале ноября 1845 г. ряд заседаний кабинета, на которых внес предложение о временной отмене хлебных законов и даже намекнул на необходимость их окончательной отмены. Постановление кабинета задержалось вследствие упорного противодействия одного из его членов, Стэнли (ныне лорд Дерби).

Джон Рассел, который в это время использовал парламентские каникулы для увеселительной поездки в Эдинбург, пронюхал о событиях в кабинете Пиля. Он решил использовать

вызванную Стэнли заминку, чтобы опередить Пиля, первым заняв позицию, которая должна была принести ему популярность, выдать себя за вдохновителя Пиля и, таким образом, лишить предполагаемое решение Пиля всякого морального веса. В соответствии с этим, под предлогом, что министры слишком медлят с решением по поводу бедственного положения Ирландии, он обратился 22 ноября 1845 г. из Эдинбурга к своим избирателям в Сити с письмом, полным ядовитых и злобных намеков по адресу Пиля. Периодический голод в Ирландии в 1831, 1835, 1837 и 1839 гг. ни разу не смог поколебать веры Рассела и его коллег в хлебные законы. Теперь же он внезапно воспламенился. Даже такое ужасное бедствие, как голод двух народов, было воспринято этим маленьким человеком лишь как повод для того, чтобы подстроить ловушку своему «занимавшему пост» сопернику. В своем письме он пытался утаить истинный мотив своего внезапного превращения в сторонника свободы торговли, прикрываясь следующим признанием кающегося грешника:

«Я признаю, что мои убеждения по этому вопросу в течение двадцати лет претерпели большие изменения. Я привык считать, что хлеб представляет собой исключение из общих правил политической экономии, но наблюдения и опыт убедили меня в том, что мы должны воздерживаться от *всякого вмешательства* в вопросы ввоза продуктов питания».

В *этом же* письме он бросает Пилю упрек в том, что тот до сих пор еще *не* вмешался в вопросы ввоза продуктов питания в Ирландию. Пиль поймал этого маленького человека в его же собственную ловушку. Он подал в отставку, написав, однако, королеве письмо, в котором обещал Расселу свою поддержку, если тот возьмется осуществить отмену хлебных законов. Королева вызвала Рассела и поручила ему образование нового кабинета. Он пришел, увидел ... и объявил себя *неспособным* на это, даже при поддержке своего соперника. Он не думал, что дело обернется таким образом. Для него все это было лишь *фальшивым предлогом,* а ему угрожали поймать его на слове! Тогда снова пришел к власти Пиль и отменил хлебные законы. Этим его поступком партия тори была разбита и дезорганизована. Рассел блокировался с ней, чтобы свергнуть Пиля. Вот все, чем он может оправдать свои притязания на звание «министра свободы торговли», которым он еще на днях хвастался в парламенте.

VI

Лондон, 12 августа. Мы еще раз возвращаемся к *лорду Джону Расселу,* чтобы закончить его характеристику. В начале своей карьеры он в известной мере прославился мнимой терпимостью, а в конце своей карьеры — мнимой набожностью; в первый раз — своим предложением об отмене «Test- and Corporation-Acts»[223], во второй — своим «Ecclesiastical Titles Bill» (биллем о духовных титулах)[224]. Акты о присяге и о корпорациях лишали диссидентов возможности занимать государственные должности. Эти акты давно уже стали мертвой буквой, когда Рассел внес в 1828 г. свое пресловутое предложение об их отмене. Он обосновывал свое предложение тем, что, по его убеждению, «Отмена этих актов укрепит государственную церковь». Один современник пишет: «Никто не был более удивлен успехом этого предложения, чем сам его автор». Эту загадку нетрудно разгадать, если вспомнить, что год спустя (1829) *министерство тори* само внесло билль об эмансипации католиков и, конечно, должно было желать предварительно избавиться от актов о присяге и о корпорациях. Впрочем, диссиденты не получили от лорда Джона ничего, кроме обещаний, которые он им давал, когда оказывался в оппозиции. А когда он бывал у власти, то противился даже отмене церковных налогов (church rates).

Но еще ярче характеризует пустоту этого человека и мелочность руководивших им мотивов его *поход против папы**. Мы видели, что в 1848 и 1849 гг., объединив вигов с тори и пилитами, он провалил предложения о реформе, внесенные его же собственными союзниками. Находясь в такой зависимости от консервативной оппозиции, его министерство стало крайне слабым и неустойчивым в 1850 г., когда папская булла о введении иерархии для римско-католического духовенства в Англии

* — Пия IX. *Ред.*

и о назначении кардинала Уайзмена архиепископом Вестминстерским вызвала некоторое волнение среди самой лицемерной и ограниченной части английского народа. Для Рассела, во всяком случае, действия папы не были неожиданностью. Его тесть, лорд Минто, находился в Риме, когда «Римская газета»* в 1848 г. сообщила о назначении Уайзмена. Из «Письма к английскому народу» кардинала Уайзмена мы узнаем, что папа еще в 1848 г. ознакомил лорда Минто с буллой о введении церковной иерархии в Англии. Рассел сам сделал несколько предварительных шагов, заставив Кларендона и Грея признать официально католические духовные титулы в Ирландии и колониях. Но теперь, учитывая непрочность своего кабинета, обеспокоенный историческим воспоминанием о том, что в 1807 г. поход против папы опрокинул правительство вигов, опасаясь, как бы Стэнли, подражая Персивалу и ему самому, не опередил его во время парламентских каникул, как он сам пытался опередить сэра Роберта Пиля с отменой хлебных законов, преследуемый всеми этими предчувствиями и призраками, маленький человек совершил salto mortale**, внезапно воспылав безудержным протестантским рвением. 4 ноября 1850 г. он опубликовал пресловутое «Письмо к епископу Дургамскому», где заверял епископа:

«Я вполне с Вами согласен в том отношении, что последнее покушение папы на наш протестантизм нельзя не считать беззастенчивым и коварным, и поэтому я не в меньшей степени, чем Вы, возмущен этим обстоятельством».

Он говорил об «упорных попытках, которые предпринимаются в настоящее время с целью ограничения духа и порабощения души». Католические обряды он называл «маскарадами суеверия, на которые значительное большинство нации смотрит с презрением», и в заключение обещал епископу предложить новые законы против узурпации папы, если старые окажутся недостаточными. Тот же лорд Джон в 1845 г., будучи тогда, правда, не у дел, заявил:

«Я думаю, что мы можем отменить статьи, мешающие римско-католическому епископу присваивать себе титул, который носят епископы государственной церкви. Не может быть ничего более нелепого и наивного, чем сохранение таких различий».

В 1851 г. он внес в парламент свой билль о духовных титулах для упрочения этих «нелепых и наивных различий». Но так как он в том же году был разбит коалицией ирландской

* — «Gazzetta di Roma». *Ред.*
** — смертельный прыжок, рискованный шаг. *Ред.*

бригады, пилитов, манчестерцев и т. д. при обсуждении предложения Лока Кинга о расширении избирательных прав, то его протестантское рвение улетучилось, и он дал обещание изменить этот билль, который фактически появился на свет мертворожденным.

Фальшивым предлогом был не только поход Рассела против папы, но и его ревностная защита эмансипации евреев. Все знают, что его Jewish Disabilities Bill* является ежегодным фарсом, приманкой для тех избирателей, голосами которых располагает в Сити австрийский барон Ротшильд. Фальшивым предлогом были также декларации Рассела против рабства.

«Ваше противодействие всем предложениям в пользу негров», — писал ему лорд Брум, — «сопротивление, которое вы оказывали даже простой попытке воспрепятствовать возродившейся торговле рабами, увеличили пропасть между вами и страной. Тот, кто поверил бы, что вы, противники всех законов против рабства в 1838 г., враги всякого вмешательства в деятельность колониальных собраний рабовладельцев, внезапно воспламенитесь такой любовью к неграм, что внесете в 1839 г. билль в их защиту, рискуя тем самым потерять свои посты, — тот обнаружил бы удивительную склонность к самообману».

Фальшивым предлогом была для Рассела и *судебная* реформа. Когда парламент в 1841 г. вынес вотум недоверия кабинету вигов и предстоящий роспуск палаты не обещал успеха, Рассел попытался в спешном порядке провести через палату общин Chancery Bill**, чтобы

«исцелить одно из самых мучительных зол нашей системы — волокиту в courts of equity*** — путем учреждения должности двух новых judges of equity» (судьи, которым надлежит руководствоваться не нормами права, а справедливостью).

Рассел назвал этот свой билль «большим платежом в счет судебной реформы». Истинной его целью было провести втихомолку на создаваемые новые должности двух друзей-вигов, еще *до* предстоящего, по-видимому, образования кабинета тори. Сэр Эдуард Сагден (ныне барон Сент-Леонардс), видевший Рассела насквозь, внес поправку, согласно которой закон должен был бы вступить в силу только 10 октября (то есть *после* созыва вновь избранного парламента). Несмотря на то, что в существо этого билля, в котором, по его словам, была такая «острая» нужда, не было внесено ни малейшего изменения, Рассел немедленно взял его обратно, когда была принята эта поправка. Билль стал «пресным», он утратил свою соль.

* — билль об отмене ограничений прав евреев. *Ред.*
** — билль о канцлерском суде. *Ред.*
*** — судах справедливости. *Ред.*

Колониальные реформы, проекты в области народного образования, «свободы подданных», свобода печати и публичных собраний, военный энтузиазм и жажда мира — все это для лорда Джона Рассела лишь фальшивые предлоги. Весь он — фальшивый предлог, вся его жизнь — сплошная ложь, вся его деятельность — непрерывная цепь ничтожных интриг для достижения грязных целей, для расхищения общественных средств и узурпации одной лишь видимости власти. Трудно найти лучшее подтверждение библейского изречения, что человек не может и дюйма прибавить к своему росту. Поставленный рождением, связями, случайностями общественной конъюнктуры на огромный пьедестал, он всегда оставался все тем же гомункулом, карликом, танцующим на вершине пирамиды. Вряд ли история когда-либо еще показала человека столь великим в своем ничтожестве.

К. МАРКС

БИРМИНГЕМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ: ВОПРОС О ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИИ В ДАНИИ И О ЧЕТЫРЕХ ГАРАНТИЯХ [225]

I

Лондон, 27 июля. В противовес «Ассоциации административной реформы» в Лондоне образовалась *«Ассоциация государственной реформы»*[226]. В свой комитет она привлекла Эрнеста Джонса и некоторых других лидеров чартистов. Главной целью Ассоциации, провозглашенной позавчера на публичном митинге, является проведение парламентской реформы на основе всеобщего избирательного права.

Бирмингемская конференция закончила свою работу 23 июля. На конференции присутствовали делегаты от Хаддерсфилда, Ньюкасла-на-Тайне, Лондона, Галифакса, Шеффилда, Лидса, Дерби, Брадфорда, Ноттингема и Бирмингема, собравшиеся в Бирмингеме для того, чтобы вынести свой *приговор внешней политике* правящих классов и их представителей в кабинете и парламенте. *Чартисты,* как отмечает «Birmingham Daily Press»,

> «вот уже несколько лет как воздерживаются от участия в любых затеваемых кем-либо движениях; однако в данном случае они поступили иначе. С большим воодушевлением приняли они участие в этом движении, потому что почувствовали, что оно не преследует никаких враждебных или чуждых им и вообще никаких классовых интересов».

Пребывание Уркарта в фабричных районах несомненно послужило толчком к созыву этой примечательной конференции, на всех заседаниях которой он присутствовал. Поскольку недостаток времени не позволил нам принять приглашение участвовать в Бирмингемской конференции, мы только теперь получили возможность привести выдержки из некоторых интересных документов, содержащихся в присланном нам печатном отчете о ее работе[227]. Продажная лондонская пресса либо

умалчивает об этой конференции, либо искажает факты. Между графом *Малмсбери* и секретарем избранного конференцией комитета имела место следующая переписка:*

«Сэр! Я имел честь получить от Вас приглашение участвовать в Бирмингемской конференции. Принять это приглашение я не могу. Тем не менее спешу сообщить интересующие Вас сведения о *датском договоре* от 8 мая 1852 года. Вы ошибаетесь относительно целей, которые ставил себе этот договор. Неверно, что «договор обеспечивает России наследование престола в Дании и Шлезвиг-Гольштейне». Россия не получила никаких прав ни в настоящем, ни в будущем, которых она не имела бы до заключения договора. В настоящее время здравствуют четыре наследника мужского пола, имеющие право претендовать на датскую корону. Договор предусматривает, что в случае смерти всех наследников, высокие договаривающиеся стороны, а именно Австрия, Пруссия, Россия, Англия, Франция и Швеция обязуются принять во внимание любое предложение, которое сделает король Дании в целях обеспечения престолонаследия на основе целостности Датской монархии. Итак, если упомянутое событие будет иметь место, то договаривающиеся стороны соберутся, чтобы урегулировать вопрос о датском престолонаследии, и я предоставляю Вам самому судить, будут ли в этом случае склонны пять держав, подписавших с Россией договор 8 мая, передать ей, как главе дома Гольштейн-Готторп, право на присоединение к своим владениям всей Датской монархии».

Таково содержание письма лорда Малмсбери. Секретарь конференции дал следующий ответ на это письмо:

«Милорд! Бирмингемская конференция поручила мне выразить Вам благодарность за сообщение относительно датского договора. Из Вашего сообщения мы делаем вывод, что в случае смерти четырех законных наследников, Англия и Россия обязаны будут вмешаться в отношения между королем Дании, с одной стороны, и отдельными государствами — Данией, Шлезвигом и Гольштейном — с другой. Нам непонятно, что дает нам право на подобное вмешательство, и мы убеждены, что факт войны с Россией следовало использовать для того, чтобы отказаться от столь аморального и незаконного действия. Вы даете нам понять, что по Вашему мнению

* В статье К. Маркса в «New-York Daily Tribune» вместо приведенных выше абзацев идет следующий текст:

«Было бы большой ошибкой судить о движении в Англии по отчетам лондонской прессы. Возьмем, например, последнюю конференцию в Бирмингеме. Большая часть лондонских газет даже не отметила ее, остальные ограничились лишь информацией о том, что она состоялась. Что же представляла собой эта конференция? Это был открытый съезд делегатов от Бирмингема, Лондона, Хаддерсфилда, Ньюкасла, Галифакса, Шеффилда, Лидса, Дерби, Брадфорда, Ноттингема и других мест, собравшихся дли того, чтобы вырвать рассмотрение важнейшего в данный момент вопроса — внешней политики Англии — из рук неспособного и приходящего в упадок парламента.

Несомненно, этому движению способствовали митинги, созывавшиеся г-ном Уркартом во всех фабричных районах, и отличительной чертой происходящей в Бирмингеме конференции являлось совместное участие в ней представителей буржуазии и рабочего класса. Конференция разделилась на ряд комитетов, которые должны были представить доклады по важнейшим вопросам внешней политики Англии. Мне удалось получить подробный отчет о заседаниях конференции и связанные с этим документы. С наиболее характерным из них я ознакомлю теперь читателей «Tribune». Прежде всего с перепиской между секретарем конференции и лордом Малмсбери, министром иностранных дел в правительстве лорда Дерби, относительно договора от 8 мая 1852 г. о датском престолонаследии. Лорд Малмсбери пишет:». *Ред.*

уже сам по себе состав шести держав служит гарантией против допущения России к наследованию. Нам было бы чрезвычайно интересно узнать от Вас, милорд, *кому,* если *не* России, должна быть передана вся монархия. Если Англия не имела в виду, что Россия явится наследником всех земель, то почему она не выставила в качестве условия подписания договора отказ России от прав Гольштейн-Готторпа? Поскольку договор, о котором идет речь, подписан Вами, то приходится предполагать, что на эти вопросы либо вообще нельзя дать ответа, либо именно Вы скорее, чем кто-нибудь другой, можете на них ответить. Поэтому мне поручено просить Вас, милорд, ответить на эти вопросы и лишить нас тем самым причин для серьезного беспокойства».

На этом переписка, разумеется, обрывается, хотя милорд мог бы заявить, что он участвовал в этом деле лишь формально. Пальмерстон уже заранее подписал с бароном Брунновым *протокол,* в котором точно определялись параграфы и принцип будущего договора*.

Конференция образовала ряд комитетов для изучения и составления докладов по различным вопросам. Наибольший интерес представляет бесспорно *доклад комитета относительно четырех пунктов,* из которого мы приводим наиболее важные места:

«Стремясь раскрыть смысл четырех пунктов как основы для заключения мира, комитет проследил за тем, какое развитие получили эти пункты на Венской конференции; какую поддержку или возражение вызвало каждое предложение в пользу развития этих пунктов со стороны соответствующих держав, когда и в какой форме эти пункты были впервые сформулированы кабинетами Франции и Англии; что являлось их первоисточником и насколько соответствуют они признанной цели войны — независимости и целостности Оттоманской империи. Мы находим первоисточник четырех пунктов в следующем предложении, изложенном в *депеше графа Нессельроде* от 29 июня 1854 г. и озаглавленном *«Обеспечение прав христиан в Турции»:* «Исходя из понимания, что гражданские права, которые должны быть гарантированы всем христианским подданным Порты, неотделимы от их религиозных прав, мы уже заявляли, что если бы это было признано, то требования, предъявленные императором Порте, были бы выполнены, спорный вопрос улажен и его величество выразил бы готовность оказать свое содействие *в обеспечении европейской гарантии этих привилегий».*

Это предложение, — то есть предложение о постоянном вмешательстве во внутренние дела Турции не одной, а пяти держав, — было принято Англией и Францией в форме четвертого пункта и следующим образом сформулировано Друэн де Люисом в его депеше от 22 июля 1854 г., явившейся ответом графу Нессельроде: «ни одна из держав не должна претендовать на право оказывать какое-либо официальное покровительство

* В «New-York Daily Tribune» вместо этого абзаца дан следующий текст:
«На этом переписка обрывается, — лорд Малмсбери не был склонен продолжать ее. Тот факт, что его светлость не мог ответить на поставленные вопросы, имеет известное оправдание; все пункты, касающиеся престолонаследия в Дании, были настолько точно определены лордом Пальмерстоном в протоколе от 8 июля 1850 г., что благородному лорду действительно ничего другого не оставалось, как поставить свою подпись под договором». *Ред.*

подданным Порты, к какой бы религии они ни принадлежали; напротив, Франция, Австрия, Великобритания, Пруссия и Россия объединят свои усилия, чтобы добиться от правительства Оттоманской империи провозглашения и соблюдения религиозных привилегий различных христианских общин и обратить великодушные намерения его величества султана на благо христиан различных вероисповеданий, не ущемляя при этом достоинства и независимости его верховной власти».

Принятие этого четвертого пункта неизбежно привело бы к потере независимости Оттоманской империи, в то время как признанной целью войны является защита ее независимости; незаконность данного пункта заключается в том, что на предложенную таким образом *капитуляцию* Англия и Франция пошли без согласия Турции, и что, несмотря на возражения Турции, Англия и Франция настояли на обсуждении этого пункта на Венской конференции. Говоря словами *Сидни Герберта: «Дело осложняется тем, что мы пришли к соглашению с нашим противником, а не с нашим союзником».*

Ведь если бы в войне с Россией мы потерпели поражение и были вынуждены просить мира, то мы не имели бы права выступать с подобным предложением *от лица* третьей державы. Чтобы устранить эту незаконность, Англии и Франции надо было бы сначала открыто перейти на сторону России и объявить войну Турции. Подобно тому, как четвертый пункт означает отказ от независимости Турции, первый пункт означает отказ от ее целостности; в нем, как и в четвертом пункте, на капитуляцию пошли без согласия заинтересованной стороны, ибо полномочный представитель Турции ясно дал понять, что он не даст согласия на обсуждение первого

пункта.

Мы считаем, что за заверениями о необходимости по-прежнему оставить Молдавию, Валахию и Сербию под властью Турции скрывается их отторжение от Турции. Фраза: «Никакое исключительное покровительство этим провинциям не должно впредь допускаться» разъясняется в пяти параграфах, ставящих пять держав в одинаковое положение с Портой, — в положение совместно осуществляющих свою власть верховных правителей. Эта фраза находит свое завершение в англо-французском предложении, внесенном на шестом заседании Венской конференции, об объединении Молдавии и Валахии в единое государство под властью какого-нибудь наследственного государя, избранного из числа членов одной из правящих династий Европы. *Позорный* характер действий Англии, отказавшейся от провозглашенных ею намерений и от признания прав нашего союзника, Турции, усугубляется еще тем, что все это имело место в момент, когда русские войска были вынуждены эвакуировать принадлежащие Турции области, причем французские и английские войска не оказали никакой помощи Турции. Поскольку *отказ от целостности и независимости Оттоманской империи* имел место *еще до экспедиции в Севастополь,* неизбежно напрашивается вывод, что эта экспедиция была предпринята для того, чтобы *силой добиться* согласия на этот отказ, Навязать его как Турции, используя истощение ее ресурсов, так и Англии, *утешая ее видимостью победы над Россией».*

II

Лондон, 28 июля. Относительно второго пункта в *Бирмингемском документе* говорится:

«Второй пункт предусматривал свободное судоходство по Дунаю. Прекращение свободного судоходства по Дунаю относится ко времени

Адрианопольского договора 1829 г., когда Турция была вынуждена уступить России устье Дуная. Уступка устья Дуная России противоречила Лондонскому договору от 6 июля 1827 г., запрещавшему России приобретать какую-либо турецкую территорию. Тот факт, что Англия вначале молчаливо согласилась на это незаконное приобретение, а затем поддержала я признала его, свидетельствует о неоднократном нарушении ею международного права. Делалось все это под предлогом сохранения мира; предлог этот теперь, разумеется, отпадает благодаря состоянию войны. Возврат устья Дуная Турции являлся одним из существенных требований во всякой действительной войне между Англией и Россией. Однако в английских предложениях России никаких упоминаний об устье Дуная не содержится. Тем самым Англия превратила этот вопрос в средство нанесения оскорбления Австрии, заинтересованность которой в свободном судоходстве по Дунаю уступает разве только заинтересованности самой Турции. На четвертом заседании Венской конференции 21 марта 1855 г. барон Прокеш, полномочный представитель Австрии, внес предложение, чтобы Россия согласилась на нейтрализацию устья Дуная. Полномочный представитель России ответил, что «не даст своего согласия на условие, имеющее вид косвенной экспроприации». Лорд Джон Рассел *не* поддержал весьма умеренного предложения Австрии, и 23 марта вопрос был решен в нользу оставления устья Дуная во владении России. Уступив полностью в этом пункте России, Рассел 12 апреля написал лорду Кларендону: «Граф Буоль сказал мне, что он не настаивал на требовании нейтрализации островов в устье Дуная, так как был уверен, что Россия в этом случае сорвала бы конференцию». 16 апреля лорд Джон Рассел телеграфирует лорду Кларендону, что «Австрия не намерена поддерживать какие-либо требования относительно уступки территории». Упустив с самого начала случай поддержать Австрию, дав согласие на предложенную ею полумеру о нейтрализации устья Дуная и убедившись затем в том, что Австрия не будет поддерживать всю меру полностью, то есть уступку устья Турции — эта мера отпала сама по себе благодаря покорности, проявленной лордом Джоном 23 марта в отношении России, — Рассел теперь предлагает лорду Кларендону «потребовать возвращения Турции расположенных в устье Дуная островов, которые она уступила по Адрианопольскому договору».

Третий пункт гласит, что договор от июля 1841 г. должен быть пересмотрен договаривающимися сторонами в интересах европейского равновесия и в духе ограничения могущества России на Черном море? Если бы за этим пунктом скрывались искренние намерения, то в него следовало включить: во-первых — ограничение могущества России, во-вторых — восстановление прав Турции на Дарданеллы и Босфор. Для восстановления за султаном права исключительного контроля над проливами не требовалось особого соглашения. Это право возвращается султану вместе с аннулированием ввиду войны тех договоров, в силу которых оно было временно отменено. Эти простые соображения даже не выдвигались на Венской конференции,

Что касается ограничения господства России, то граф Буоль в своем письме от 20 мая 1855 г. справедливо отметил: «По нашему мнению. союзникам следовало бы направить свои совместные усилия на такое ограничение политического господства России, которое сделало бы для нее, если не невозможным, то, по крайней мере, в высшей степени затруднительным злоупотребление своими материальными ресурсами. Уменьшение и даже полное уничтожение русского флота на Черном море было бы само по себе еще недостаточным для лишения России преимуществ, вытекающих из со географического положения по отношению к Турции».

Из всех приемов, с помощью которых английское правительство пыталось ввести в заблуждение парламент, не удался только один — предложение об ограничении морского могущества России на Черном море. Если бы война действительно велась с той целью, которая была провозглашена, то с самого начала была бы гарантирована территориальная целостность Оттоманской империи, и тогда условия мира состояли бы в следующем: 1) возвращение устья Дуная Турции, во владении которой оно de jure* находится до сих пор, 2) обязательство со стороны России покрыть военные издержки».

После некоторых замечаний документ заканчивается следующими словами:

«Комитет считает, что не все члены кабинета в одинаковой мере сознательно совершали свои проступки. Комитет не может не отметить особую роль четырех министров иностранных дел — Кларендона, Рассела, Абердина и прежде всего Пальмерстона. Пальмерстон обеспечил признание Адрианопольского мира, выплачивал России, даже во время войны, давно утративший свою силу долг, составил или санкционировал Ункяр-Искелесийский, Дарданелльский и Балта-Лиманский договоры и датский протокол 1850 года; вероломство Пальмерстона по отношению к Польше, Сицилии, Ломбардии и в неменьшей мере его предательство по отношению к Франции, Персии, Испании и Дании — все это изобличает его как непримиримого врага не только Турции, но и всех европейских стран. Все члены английского кабинета находятся в подчинении Пальмерстона; ему удалось сделать их соучастниками своих преступлений, разгадать которые им оказалось не под силу. И это дало возможность Пальмерстону полностью подчинить их своей воле. Только кара, предусмотренная английским законом за государственную измену, может избавить народ от заговорщиков, предавших его в интересах иностранной державы».

Написано К. Марксом 27 и 28 июля 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» №№ 349 и 351, 30 и 31 июля 1855 г. и в газете «New-York Daily Tribune» № 4464, 10 августа 1855 г.

Печатается по тексту «Neue Oder-Zeitung», сверенному с текстом газеты «New-York Daily Tribune»

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* — юридически. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

АРМИИ ЕВРОПЫ[228]

Написано Ф. Энгельсом в конце июня — сентябре 1855 г.

Напечатано в журнале «Putnam's Monthly» №№ 32, 33 и 36; август, сентябрь и декабрь 1855 г.

Печатается по тексту журнала

Перевод с английского

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

Война, бушующая в течение последних двух лет на берегах Черного моря, привлекла особое внимание к тем двум миллионам солдат, которых Европа содержит даже в мирное время и число которых, возможно, очень скоро увеличится вдвое. Если же война будет продолжаться, что почти несомненно, то мы, вероятно, будем свидетелями того, как эти четыре миллиона солдат будут втянуты в активные военные действия на театре, который протянется от моря до моря через весь европейский континент.

Наших читателей, поэтому, не может не заинтересовать характеристика не только армий, уже вовлеченных в восточный конфликт, но и других более или менее значительных европейских армий, тем более что по эту сторону Атлантического океана никогда еще не было, к счастью, таких армий, которые по своей численности могли бы в известной мере сравниться даже с второстепенными армиями Европы; в связи с этим в Америке об организации подобного рода армий неспециалисты имеют лишь смутное представление.

Прежде подозрительность и соперничество приводили к тому, что во всех странах армии были окружены строжайшей тайной, теперь этого больше нет. Как ни странно, но даже в странах, где меньше всего поощряется гласность, где все гражданские ведомства и по сей день окружаются тайной, свойственной абсолютизму, — даже здесь организация армий прекрасно известна широким кругам. Публикуются официальные сведения об армиях, в которых указывается не только деление вооруженных сил на корпуса, дивизии, бригады, полки,

батальоны и эскадроны, но и их расположение, а также количество и имена офицеров, которые ими командуют. Когда устраиваются большие военные смотры, к присутствию на них иностранных офицеров относятся не только терпимо, но это даже приветствуют; их просят высказать критические замечания и поделиться своими наблюдениями, с ними ведут серьезные дискуссии о том, какие различия существуют в устройстве каждой армии и какие новшества вводятся; таким образом, здесь существует полная гласность в противоположность другим областям управления. Военные министерства в Европе могут теперь сохранить в тайне разве только несколько рецептов химических составов, какие-нибудь ракеты или снарядные трубки, но и эти секреты очень скоро раскрываются или устаревают благодаря новым изобретениям; так например, английская ракета Конгрива была вытеснена военной ракетой г-на Хейла, которая применялась в североамериканской армии, а теперь освоена также и английской.

Эта гласность ведет к тому, что в мирное время различные военные министерства цивилизованного мира образуют, так сказать, один большой военный комитет, цель которого обсуждать достоинства того или иного предлагаемого нововведения и дать возможность каждому из своих членов использовать опыт всех остальных. Это привело к тому, что устройство, организация и общее управление почти всех европейских армий приблизительно одинаковы, и в этом смысле можно сказать, что одна армия походит на другую. Однако национальный характер, исторические традиции и особенно различный уровень цивилизации создают много различий и порождают характерные для каждой армии ее сильные и слабые стороны. Французы и венгры, англичане и итальянцы, русские и немцы — все они при определенных условиях могут быть в равной мере хорошими и искусными солдатами; но, несмотря на единообразную систему обучения, как будто сглаживающую все различия, у каждого из этих солдат оказываются свои достоинства благодаря тому, что по своим данным он отличается от противников.

Это подводит нас к вопросу, не раз обсуждавшемуся военными патриотами различных наций: какие солдаты лучше всех? Разумеется, каждый народ ревниво относится к своей собственной славе/и, по мнению широкой публики, воспитанной на рассказах, которым может недоставать критического освещения и точности, по которые зато сильно приукрашены патриотическим чувством,—один полк той или иной страны в состоянии «смести» два или три полка любой другой страны. Военная

история как наука, в которой правильная оценка фактов является единственным руководящим принципом, еще очень молода и не может пока похвастаться большим объемом литературы. Тем не менее это уже сложившаяся область знаний, и с каждым днем она все более и более отметает, как ненужную примесь, бесстыдное и глупое хвастовство, которым длительное время отличались произведения, именовавшиеся историческими лишь на том основании, что в них намеренно извращался каждый факт, о котором рассказывалось. Прошло то время, когда, описывая историю войны, авторы могли продолжать эту войну, так сказать, своими средствами, безопасно бомбардируя бывшего противника грязью, после того как заключение мира не позволяло им больше бомбардировать его металлом. И хотя много второстепенных вопросов в военной истории остаются еще неразрешенными, все же несомненно, что каждая цивилизованная нация имеет право гордиться тем, что в тот или иной период она дала лучших для своего времени солдат. Немецкие *ландскнехты* позднего средневековья, швейцарские солдаты XVI столетия были в течение известного периода такими же непобедимыми, как и прекрасные испанские воины, которые сменили их в качестве «лучшей пехоты мира»; французы Людовика XIV и австрийцы принца Евгения одно время оспаривали друг у друга это почетное звание, пока пруссаки Фридриха Великого не разрешили спора, разбив и тех и других; но и они в свою очередь потеряли свою славу в результате удара, нанесенного им при Йене, и французы снова получили всеобщее признание как самые лучшие солдаты Европы. Но это не помешало англичанам — в Испании — доказать свое превосходство над ними в определенных условиях и в определенные моменты боя. Несомненно, что легионы, которые в 1805 г. Наполеон привел из лагеря в Булони под Аустерлиц[229], были лучшими войсками того времени; несомненно, что Веллингтон знал, что говорит, когда после окончания войны на Пиренейском полуострове[230] назвал своих солдат «армией, с которой он может идти куда угодно и сделать все, что угодно», и все же цвет этой британской армии, воевавшей в Пиренеях, был разбит при Новом Орлеане[231] ополченцами и волонтерами, не имевшими ни выучки, ни организации.

Опыт всех прошлых кампаний приводит нас к одному и тому же выводу, и каждый здравомыслящий бывалый солдат, не зараженный предрассудками, это подтвердит, что военными качествами — храбростью и боеспособностью — различные нации мира наделены в основном довольно равномерно; что

солдаты различных наций отличаются друг от друга не столько степенью своих достоинств, сколько их спецификой; и, наконец, что при существующей теперь гласности в военном деле только напряженная работа мысли, непрерывные усовершенствования и изобретательность в военной области и в деле использования государственных ресурсов, а также развитие военных качеств, которыми отличается данная нация — только все это может выдвинуть на время ту или другую армию на первое место среди ее соперниц. Таким образом, мы видим, какое преимущество в военном отношении получает страна с более высоким уровнем цивилизации над своими менее развитыми соседями. В качестве примера мы можем указать на то, что русская армия при всех отличных боевых качествах ее солдат никогда не могла превзойти какую-нибудь из армий цивилизованной Европы. Если шансы бывали равны, то русских, как бы отчаянно они ни дрались, всегда — по крайней мере вплоть до нынешней войны — побеждали противники, будь то французы, пруссаки, поляки или англичане.

Прежде чем перейти к рассмотрению отдельных армий, необходимо сделать несколько общих замечаний, касающихся их всех.

Армия, особенно большая, в составе 300—500 и более тысяч человек, с ее необходимым подразделением, с ее различными родами войск, с ее потребностями в людях и материалах и с ее организацией, представляет собой настолько сложный организм, что максимальное упрощение ее становится необходимостью. В армии существует так много делений, без которых нельзя обойтись, что казалось маловероятным, чтобы число их было еще увеличено посредством дальнейшего искусственного и бессмысленного дробления. Однако традиция и тот дух пышности и парадности, которым отравлены все старые армии, до крайности усложнили организацию почти всех армий Европы.

Различия в росте, силе и темпераменте, которые наблюдаются в каждой стране среди людей, а также и разное достоинство лошадей, делают необходимым отделение легкой пехоты и кавалерии от тяжелой пехоты и кавалерии. Попытка совершенно уничтожить это деление означала бы сведение в одной и той же части людей с противоположными по своей природе боевыми качествами и, следовательно, взаимную нейтрализацию этих качеств, а это ослабило бы боеспособность данной части в целом. Таким образом, каждый род войск естественно делится на две группы: одна из них состоит из более тяжелых, неповоротливых людей (и соответственно лошадей) и предназначена

главным образом для больших решительных атак и боя в сомкнутом строю, а вторая — из людей более легких и более подвижных, особо приспособленных к действиям в рассыпном строю, к несению службы в охранении и в авангарде, к быстрому маневру и т. п. Это деление вполне законно. Но кроме такого естественного деления почти в каждой армии рода войск подразделяются на разные виды, которые отличаются лишь причудливым разнообразием формы одежды и создание которых обосновывается теоретическими соображениями, постоянно опровергаемыми опытом и практикой.

Так, в каждой европейской армии существует вид войск, именуемый гвардией, которая претендует на то, чтобы быть elite* армии, тогда как в действительности она состоит просто из наиболее высоких и широкоплечих людей, каких только можно было набрать. Русская и английская гвардии особенно отличаются в этом отношении, хотя ничем не доказано, что они превосходят храбростью и боеспособностью другие полки соответствующего рода войск. Старая наполеоновская гвардия была совершенно иным учреждением; это была действительно elite армии, и физические данные не играли никакой роли при ее формировании. Но даже и эта гвардия ослабляла остальную часть армии, поглощая ее лучшие элементы. Оберегая эти лучшие свои войска, Наполеон тем самым иногда делал ошибки; так, при Бородине[232] он в решающий момент не двинул вперед гвардию и тем самым упустил случай помешать русским войскам отступить в полном порядке. У французов, кроме императорской гвардии, имеется что-то вроде elite в каждом батальоне; она состоит из двух рот—гренадер и вольтижеров и без нужды усложняет тактические действия батальона. У других наций также имеется подобный вид войск. Все эти отборные части отличаются не только особым способом формирования и особой формой одежды, но и получают более высокое жалованье. Говорят, что подобная система подстегивает честолюбие рядового солдата, особенно у легко возбудимых народов — французов и итальянцев; однако той же цели можно было бы достигнуть и, пожалуй, с большим успехом, если бы солдаты, заслужившие такое отличие, оставались в составе своих рот, а не использовались как предлог для нарушения тактического единства и слаженности действий батальона.

Еще более поразительную нелепость можно наблюдать в кавалерии. Здесь различие между легкой и тяжелой лошадью служит основанием для разделения кавалерии на всевозможные

* — отборной частью. *Ред.*

виды — кирасиры, драгуны, карабинеры, уланы, егеря, гусары и т. д. Все эти подразделения не только бесполезны: они просто бессмысленны, поскольку создают излишние сложности. Гусары и уланы заимствованы у венгров и поляков. Но в Венгрии и в Польше эти виды кавалерии имеют определенное значение; это были национальные войска, и форма одежды этих войск являлась национальной одеждой страны. Переносить подобные особенности в другие страны, где нет того национального духа, который придавал бы им смысл, — по меньшей мере нелепо. Не без основания в 1814 г. один венгерский гусар ответил русскому гусару, назвавшему его «товарищем»: «Что за товарищ? Я гусар, а ты — шут!» («Nix Kamarad, ich Husar, du Hanswurst!»). Другой столь же нелепый вид кавалерии представляют собой почти во всех армиях кирасиры. Эти кавалеристы фактически небоеспособны и делают небоеспособными своих лошадей вследствие большого веса кирас (французская кираса весит 22 фунта); причем кирасы не защищают их даже от ружейной пули, пущенной с расстояния 150 ярдов! От кирасы избавились уже было почти во всех армиях Европы, но страсть Наполеона к парадности и к монархическим традициям снова ввела ее в употребление во Франции, а примеру Франции скоро последовали все европейские государства.

Если не считать небольшой американской армии, то сардинская армия является единственной среди армий цивилизованных стран, где кавалерия делится только на легкую и тяжелую, без дальнейшего ее подразделения, и где окончательно распрощались с кирасой.

В полевой артиллерии всех армий большую сложность создает разнообразие калибров. Теоретически у англичан это разнообразие особенно велико—8 калибров и 12 различных образцов пушек, — но на практике огромные запасы материальной части позволяют им значительно упростить свою артиллерию. В Крыму, например, они применяют почти исключительно девятифунтовые и двадцатичетырехфунтовые гаубицы. Французы в течение последних нескольких лет в высшей степени упростили свою артиллерию, заменив четыре различных калибра одним — легкой двенадцатифунтовой пушкой, о которой мы будем говорить в соответствующем месте. В большинстве остальных армий до сих пор еще существует три — четыре калибра, не говоря о различиях в лафетах» повозках, колесах и т. п.

Технические части различных армий, инженерные войска и т. д., к которым мы можем добавить также штаб, организо-

ваны во всех армиях почти одинаково, за исключением британской армии, в которой — что очень ей вредит — штаб вообще не представляет собой самостоятельной организации. О других, менее значительных, различиях будет сказано в соответствующих местах.

Мы начнем с той армии, которая, получив свою организацию во время революции и при Наполеоне, служила своего рода образцом для всех европейских армий с самого начала этого столетия.

I. ФРАНЦУЗСКАЯ АРМИЯ

К началу нынешней войны Франция имела сто линейных пехотных полков (полки с 76-го по 100-й назывались до недавнего времени «легкой пехотой», по ни своей выучкой, ни организацией они нисколько не отличались от остальных линейных полков). Каждый полк состоит из трех батальонов — двух полевых и третьего запасного. Но во время войны третий батальон может быть очень быстро приспособлен для службы в действующей армии, и тогда запасным становится четвертый батальон, образуемый из дополнительных запасных рот каждого из трех батальонов. К этому прибегали во время наполеоновских войн, когда формировался даже пятый, а иногда и шестой батальоны. В настоящее время, однако, в полках насчитывается только по три батальона. Каждый батальон состоит из восьми строевых рот (рота гренадер, рота вольтижеров и шесть основных рот); рота в военное время состоит из трех офицеров и ста пятнадцати унтер-офицеров и солдат. Таким образом, французский линейный батальон насчитывает в военное время около 960 человек, восьмая часть которых (рота вольтижеров) выделена особо для несения службы в качестве легкой пехоты.

Специальные войска, предназначенные для несения службы легкой пехоты, состоят из chasseurs-a-pied* и африканских частей. До войны имелось всего десять батальонов стрелков, но в 1853 г. число их было увеличено до 20, так что почти каждая пехотная дивизия (четыре полка) при своем формировании может получить батальон стрелков. В каждом из этих батальонов по десять рот, или около 1300 человек. Войска, предназначенные специально для африканской службы, состоят из трех полков, или девяти батальонов зуавов, двух полков, или шести батальонов,

* — пеших стрелков. *Ред.*

иностранного легиона и шести батальонов легкой пехоты (из них три батальона туземных стрелков) — итого двадцать один батальон, или около 22000 человек.

Кавалерия делится на четыре различные части:

1. Тяжелая, или резервная, кавалерия — 12 полков: 2 полка карабинеров (стрелков, защищенных кирасой) и 10 кирасирских полков = 72 эскадрона.
2. Линейная кавалерия—20 полков: 12 драгунских и 8 уланских = 120 эскадронов.
3. Легкая кавалерия — 21 полк: 12 полков конных стрелков и 9 гусарских = 126 эскадронов.
4. Африканская легкая кавалерия — 7 полков: 4 полка chasseurs d'Afrique* и 3 полка спагов = 42 эскадрона.

Каждый эскадрон по штатам военного времени насчитывает в резервной и линейной кавалерии 190 человек, в легкой кавалерии — 200 человек. В мирное время едва наберется четыре эскадрона, в которых было бы налицо 120 человек с полным снаряжением, так что каждый раз при мобилизации армии приходится призывать из отпуска большое количество людей и находить для них лошадей; в такой бедной лошадьми стране, как Франция, это может быть достигнуто лишь путем широкого ввоза их из-за границы.

Артиллерия после недавней реорганизации состоит из семнадцати полков: пяти полков пешей артиллерии, предназначенной для гарнизонной и осадной службы, семи линейных полков (для службы при пехотных дивизиях), четырех полков конной артиллерии и одного полка понтонеров. Пешая артиллерия, по-видимому, лишь в исключительных случаях используется для полевых действий. В линейной артиллерии орудийные лафеты и передки сделаны таким образом, чтобы артиллеристы могли на них сидеть во время быстрого передвижения. Конная артиллерия организована так же, как и другие виды артиллерии. Линейная и конная артиллерия насчитывает сто тридцать семь батарей по шести орудий в каждой; к этому числу может быть добавлено в качестве резерва шестьдесят батарей пешей артиллерии. В общей сложности это составит 1182 орудия. Кроме того, артиллерия включает в себя тринадцать рабочих рот.

К специальным службам армии относятся: генеральный штаб, насчитывающий 560 офицеров; штабы крепостей и артиллерийских и инженерных войск — всего около 1200 офицеров; три полка саперов и минеров, пять вьючных эскадронов, пять

* — африканских стрелков. *Ред.*

обозных эскадронов, 1187 офицеров медицинской службы и т. д. Общая численность армии следующая:

		Пехота		
Линейная, 300 батальонов и 300 запасных рот				335 000 чел.
Стрелки, 20 батальонов				26 000 »
Африканские войска, 21 батальон				22 000 »
Всего				383 000 чел.
		Кавалерия		
Резервная, 72 эскадрона и 12 запасных				16 300 чел.
Линейная, 120	»	» 20	»	28 400 »
Легкая, 126	»	» 21	»	31 300 »
Африканская, 42	»			10 000 »
Всего				86 000 чел.
		Артиллерия и специальные войска		
1 200 орудий				70 000 чел.
Итого				1 200 орудий и 539 000 чел.

Сюда надо прибавить вновь сформированную гвардию, состоящую из пехотной дивизии (двух полков гренадер и двух полков вольтижеров), кавалерийской бригады (одного полка кирасиров и одного полка гидов), одного батальона стрелков и четырех или пяти артиллерийских батарей, а также жандармерию, насчитывающую 25000 человек, из них 14000 конной жандармерии. Кроме того, недавно сформированы еще два пехотных полка — 101-й и 102-й, и формируется новая бригада иностранного легиона (швейцарцы). Таким образом, французская армия при ее нынешней организации должна иметь в своем составе приблизительно 600000 человек, и эта цифра довольно точно отображает ее наличные силы.

Армия набирается посредством жеребьевки, которая проводится среди юношей, достигших двадцати лет. Исходят из того, что ежегодный призыв в армию должен составить около 140000 человек, но фактически в мирное время на военную службу берут лишь 60000—80000 человек. Остальные могут быть призваны в любой момент в течение восьми лет после жеребьевки. Кроме того, в мирное время большое количество солдат находится в длительном отпуску, так что время, которое фактически проводят на военной службе даже те, кто призвав, не превышает четырех-пяти лет. Эта система, обеспечивая высокий уровень подготовки войск, проходящих действительную

военную службу, в то же время не обеспечивает подготовку сколько-нибудь обученного резерва на случай экстренных обстоятельств. В случае большой континентальной войны, когда Франции пришлось бы ввести в действие две—три большие армии, она вынуждена была бы уже во вторую кампанию пополнять действующую армию большим количеством малообученных рекрутов, и в третью кампанию весьма чувствительно сказалось бы ухудшение армии. Несомненно, французы очень легко овладевают военной профессией, но зачем же в таком случае сохранять длительный срок службы, который лишает значительную часть молодежи возможности получить военную подготовку?

Везде, где военная служба носит обязательный характер и продолжается длительное время, европейское общество сочло нужным установить для имущих классов привилегию откупаться в той или иной форме деньгами от обязанности служить лично. Так, во Франции система заместительства санкционирована законом, и около восьмидесяти тысяч заместителей постоянно служат во французской армии. Обычно они вербуются из рядов так называемых «опасных слоев общества»; их довольно Трудно держать в руках, но стоит только с ними справиться, как они становятся превосходными солдатами. Нужна очень строгая дисциплина, чтобы заставить их слушаться, а их представления о порядке и подчинении носят иногда довольно своеобразный характер. Когда большая часть полка состоит из заместителей, они непременно создают трудности, если несут гарнизонную службу. Поэтому считают, что самое подходящее место для них — перед лицом противника. Из них главным образом набираются легкие африканские войска; например, зуавы почти все вступили в армию в качестве remplacants*. Крымская кампания ясно показала, что зуавы нигде не изменяют своим африканским привычкам — любви к грабежам и своеволию в трудные моменты. Вероятно, это и имел в виду близкий им по духу покойный маршал Сент-Арно, когда писал в своем сообщении о сражении на Альме: «Зуавы действительно лучшие солдаты в мире!».

Вооружение и снаряжение французской армии в целом первоклассное. Оружие хороших конструкций, особенно кавалерийская сабля: она—отличного образца, хотя, пожалуй, несколько длинна. Пехота обмундирована в соответствии с новой системой, одновременно введенной во Франции и в Пруссии. Перекрещивающиеся ремни для патронных сумок

* — заместителей. *Ред.*

и шпаги или штыка не применяются; то и другое носят на поясном ремне, поддерживаемом двумя плечевыми ремнями, тогда как ранец висит свободно за плечами на двух лямках без старомодного соединительного ремня поперек груди. Таким образом, грудь остается совершенно свободной, и нынешний солдат уже нисколько не похож на того несчастного солдата, который был затянут ремнями и заключен, по старой системе, в своего рода кожаную кирасу. Форма одежды простая, но хорошего покроя; следует признать, что как в гражданских модах, так и в военных французы действительно обнаруживают больше вкуса, чем любой другой народ. Синий мундир, своего рода сюртук до колен с низким стоячим воротом, открытым спереди, красные не слишком широкие штаны, легкое кепи — головной убор, наиболее подходящий для солдата из всех, когда-либо придуманных, — ботинки с гетрами и легкая серая шинель — такова экипировка французского пехотинца, наиболее простая и удобная, какую когда-либо знали европейские армии. В Африке голова солдата защищена от солнечных лучей белым фланелевым капюшоном, войска получают также фланелевое нательное белье. В Крыму в прошлую зиму носили плащи с капюшонами из тяжелого сукна, покрывающие голову, шею и плечи. Chasseurs-a-pied одеты во все серое с зеленой отделкой; зуавы носят причудливый костюм на манер турецкого, соответствующий, видимо, климату и той службе, которую они несут. Стрелки и некоторые африканские батальоны вооружены винтовкой Минье, остальная часть пехоты — простыми пистонными ружьями. Есть основание предполагать, однако, что число войск, вооруженных нарезным оружием, будет увеличено.

Кавалерия состоит из статных всадников, более легких по весу, чем во многих других армиях, но отнюдь не уступающих по качеству другим солдатам. В мирное время она в целом вполне удовлетворительно обеспечена лошадьми, либо ввозимыми из-за границы, либо поставляемыми государственными конными заводами и районами, в которых удалось улучшить местную породу, считавшуюся до последнего времени очень плохой. Но во время войны, когда количество лошадей требуется сразу удвоить, ресурсы Франции оказываются совершенно недостаточными, и тысячи лошадей приходится покупать за границей, причем много таких, которые вряд ли пригодны для кавалерийской службы. Таким образом, в случае затяжной войны французская кавалерия потеряет свои боевые качества, если только правительство не сумеет захватить в свои руки ресурсы стран, богатых лошадьми, как оно сделало в 1805, 1806 и 1807 годах.

Вся артиллерия в настоящее время вооружена новой легкой двенадцатифунтовой пушкой, так называемым изобретением Луи-Наполеона. Но так как легкая двенадцатифунтовая пушка, приспособленная к заряду, равному четверти веса ядра, уже Существовала в английской и голландской армиях, так как бельгийцы перестали делать камору в своих гаубицах, а пруссаки и австрийцы имеют обыкновение в некоторых случаях вести огонь гранатами из своих обыкновенных двенадцатифунтовых и двадцатичетырехфунтовых пушек, то так называемое изобретение сводится к приспособлению этой легкой двенадцатифунтовой пушки к обычному у французов лафету восьмифунтовой пушки. Тем не менее французская артиллерия явно выиграла в отношении простоты и эффективности благодаря этому нововведению, но надо еще выяснить, не уменьшилась ли от этого ее подвижность и не окажется ли двенадцатифунтовая пушка мало пригодной для полых снарядов. Во всяком случае, мы имеем сведения, что уже признано необходимым посылать для армии на Восток гаубицы более крупного калибра.

Тактический устав французской армии представляет собой удивительную смесь воинского здравого смысла и устаревших традиций. Пожалуй, ни один язык так не приспособлен к лаконичной, точной и повелительной военной команде, как французский, а между тем команда обычно подается крайне многословно; там, где достаточно двух-трех слов, офицер должен произносить целую фразу, а то и две. Маневрирование отличается сложностью, а в строевой подготовке имеется много устаревших нелепостей, абсолютно несовместимых с современным уровнем тактики. Умению действовать в рассыпном строю, которое, казалось бы, является у французов прирожденным, солдаты обучаются с педантизмом, едва ли превзойденным даже в России. То же самое относится к некоторым сторонам обучения маневру в кавалерии и артиллерии. Но как только французам приходится воевать, требование обстановки очень скоро заставляет их отбрасывать все эти устаревшие и педантичные приемы; и никто так быстро не осваивает и не вводит новые тактические методы применительно к новым условиям, как французы.

В целом можно сказать, что легкие войска являются forte* французской армии. Они в буквальном смысле — самые легкие войска в Европе. В среднем нигде рост солдат не бывает так мал, как во Франции. В 1836 г. приблизительно из 80000 французских солдат только 743 были ростом в пять футов восемь

* — сильной стороной. *Ред.*

дюймов и выше, и лишь у *семи* человек рост достигал шести футов, тогда как 38000 человек были ростом от четырех футов десяти с половиной дюймов до пяти футов двух дюймов. И тем не менее эти низкорослые солдаты не только отлично дерутся, но и выдерживают самое сильное напряжение, а по подвижности превосходят солдат почти всех других армий. Генерал Нейпир утверждает, что британский солдат — это боевое животное, больше всех солдат в мире обремененное грузом. Но он никогда не видел французских солдат, участников африканских походов, которые, кроме оружия и личного багажа, несут на спине палатки, дрова, провизию — груз, высоко поднимающийся над их киверами; и так они проходят тридцать — сорок миль в день под лучами тропического солнца. А теперь сравните высокого, неповоротливого британского солдата, рост которого в армии мирного времени составляет по меньшей мере пять футов шесть дюймов, с низкорослым, коротконогим, легким французом ростом в четыре фута и десять дюймов! И этот маленький француз, несмотря на весь свой груз, по-прежнему остается превосходным легким пехотинцем: он сражается в рассыпном строю, бежит, делает стремительные броски, ложится, вскакивает, одновременно заряжая, стреляя, наступая и отступая, рассредоточиваясь и вновь собираясь и перестраиваясь; он проявляет не только вдвое больше подвижности, но и вдвое больше сообразительности, чем его костистый соперник с острова «ростбифа». В двадцати батальонах chasseurs-a-pied служба легкого пехотинца доведена до совершенства. Эти несравненные войска — несравненные в сфере своей особой службы — обучены совершать каждое свое передвижение на глазах противника своеобразным беглым шагом, так называемым pas gymnastique*, делая при этом 160—180 шагов в минуту. Они не только могут бежать с небольшими перерывами полчаса и более, они умеют также хорошо переползать, прыгать, лазить, плавать и т.д., словом, передвигаться любым способом, который им может потребоваться; в то же время они первоклассные стрелки, и мало кто при равных условиях устоит в перестрелке против этих, не знающих промаха стрелков, находящих себе укрытие за малейшей неровностью местности.

Что касается действий французской пехоты в сомкнутом строю, то свойственная французам страстность дает не только большие преимущества, но и очень вредит ей. Обычно ее первая атака отличается четкостью, быстротой, решительностью,

* — гимнастическим шагом. *Ред.*

если не яростью. В случае успеха никто не может устоять против нее. В случае поражения она быстро приводит в порядок свои ряды, и ее снова можно бросать в бой; однако в кампании, складывающейся неудачно или даже с переменным успехом, французская пехота скоро утрачивает свою стойкость. В успехе нуждаются все армии, но особенно он необходим армиям романо-кельтских народов. Тевтоны решительно превосходят их в этом отношении. Французы, когда Наполеон проложил им путь, могли в течение пятнадцати лет опрокидывать все препятствия, пока неудачи не сломили их; однако французские войска никогда не смогли бы выиграть такую войну, как Семилетняя[233], в которой Фридрих Великий не раз был на краю гибели, часто терпел поражения, но в конце концов одержал победу. Война в Испании 1809—1814 гг. может в этом отношении служить прекрасным примером.

При Наполеоне французская кавалерия, в противоположность пехоте, гораздо больше славилась своими действиями сомкнутым строем, чем службой в качестве легкого войска. Она считалась непобедимой, и даже Нейпир признает ее превосходство над английской кавалерией того времени. Веллингтон до известной степени соглашался с ним. И удивительно, что эта непобедимая кавалерия состояла из таких неумелых всадников, все свои атаки она производила рысью и, лишь в крайнем случае, легким галопом! Но она двигалась сомкнутым строем и начинала атаку лишь после того, как ей был подготовлен путь сильным огнем артиллерии, да и тогда она наступала только большими массами. Храбрость и воля к победе довершали дело. Нынешние французские кавалеристы, особенно в алжирских полках, очень хорошие воины, как правило, прекрасные наездники и еще лучшие фехтовальщики, хотя в искусстве верховой езды они все же уступают британским, прусским и, в особенности, австрийским кавалеристам. Но так как армия во время войны вынуждена удваивать состав своей кавалерии, то качество ее, несомненно, ухудшится; известно, однако, что французы в большой степени обладают тем существенным для кавалериста качеством, которое мы называем *стремительностью [dash]* и которое компенсирует многие недостатки. С другой стороны, ни один солдат так небрежно не относится к своей лошади, как французский.

Французская артиллерия всегда стояла на высоком уровне. Почти все усовершенствования в артиллерийском деле за последние три — четыре столетия исходили от французов. Во время наполеоновских войн французская артиллерия была

особенно грозна своим искусством выбирать позиции для орудий, — искусством, которым очень плохо владели другие армии того времени. Все свидетельства сходятся в том, что никто не мог сравниться с французами в умении установить свои орудия так, чтобы впереди лежащая местность прикрывала их от огня противника и благоприятствовала вместе с тем эффективности их собственного огня. Теория артиллерийского дела также постоянно была у французов любимой областью знаний, чему способствовал математический склад их ума; ясность языка, научный метод, здравые взгляды — таковы характерные признаки их литературы по артиллерии, показывающие, до какой степени эта область знаний отвечает их национальному духу.

О специальных войсках — инженерных частях, штабах, санитарной и транспортной службах—можно сказать только, что они очень хорошо знают свое дело. Военные школы являются образцом учреждений этого типа. От французского офицера не требуется, чтобы он имел то общее образование, которое считается необходимым в Пруссии; но школа, которую он проходит, дает ему превосходную профессиональную выучку, в том числе хорошее знание вспомогательных наук и по крайней мере одного из современных языков. Во французской армии имеется еще одна категория офицеров — тех, кто отбирается из состава старых унтер-офицеров. Они редко продвигаются выше чина капитана; поэтому у французов частое явление— молодые генералы и старые капитаны, и эта система вполне себя оправдывает.

В целом французская армия со всеми своими отличительными чертами показывает, что она принадлежит воинственной и энергичной нации, которая гордится своими защитниками. Тот факт, что эта армия благодаря дисциплине и боеспособности преодолела соблазны, которыми стремился прельстить ее Луи Бонапарт, и то, что преторианцы декабря 1851 г. смогли так быстро превратиться в крымских героев, — все это несомненно говорит в ее пользу. Никогда еще ни одной армии правительство так не льстило, так не заискивало перед ней, ни одну армию не призывали так открыто ко всякого рода эксцессам, как французскую осенью 1851 г., никогда армии не давалось столько поблажек, как во время декабрьской гражданской войны; и тем не менее она вновь стала дисциплинированной и очень хорошо выполняет свой долг. Правда, в Крыму преторианский элемент несколько раз давал о себе знать, но Канроберу каждый раз удавалось подавить его.

II. АНГЛИЙСКАЯ АРМИЯ

Английская армия представляет собой полную противоположность французской. У них не найдется и двух сходных между собою черт. В чем французы сильны, в том англичане слабы, и vice versa*. Подобно тому, как сама старая Англия представляет собой сплошную массу вопиющих злоупотреблений, так и организация ее армии насквозь прогнила. Все, кажется, в ней устроено так, чтобы не дать ей возможности выполнить свою задачу. В силу какого-то слепого случая самые смелые усовершенствования, — правда, немногочисленные, — находят себе место среди массы бессмысленных пережитков; и все же, когда эта громоздкая и скрипучая машина пущена в ход, она так или иначе выполняет свою задачу.

Чтобы описать организацию британской армии, не потребуется много слов. Пехота состоит из трех гвардейских полков, восьмидесяти пяти линейных, тринадцати полков легкой пехоты и двух стрелковых. В нынешнюю войну в гвардейских, стрелковых и некоторых других полках насчитывается по три батальона, а в остальных — по два с запасной ротой при каждом из них. Однако вербовка солдат с трудом восполняет урон, причиняемый войной, так что о существовании вторых батальонов вряд ли можно говорить. В настоящий момент наличный состав пехоты наверняка не превышает 120000 человек,

Кроме регулярных войск, в состав пехоты входит милиция, образующая своего рода резерв, или питомник для пополнения армии. Численность ее, согласно парламентскому акту, может достигать 80000 человек, в действительности она насчитывает сейчас не больше 60000, хотя в одном лишь Ланкашире набрано шесть батальонов. По действующему ныне закону милиция может добровольно служить в колониях, но ее нельзя отправлять на театры военных действий за пределами империи. Поэтому она может быть использована сейчас лишь для того, чтобы высвободить линейные войска, несущие гарнизонную службу на острове Корфу, Мальте и в Гибралтаре, а в дальнейшем, возможно, и в более отдаленных колониях.

Кавалерия состоит из трех гвардейских полков (кирасиров), шести полков гвардейских драгун (тяжелых), четырех тяжелых и четырех легких драгунских полков, пяти гусарских и четырех уланских полков. Каждый полк по штатам военного времени должен формироваться в составе до 1000 сабель (четыре эскадрона по двести пятьдесят человек, кроме запаса).

* — наоборот. *Ред.*

Некоторые полки в таком именно составе были отправлены в Крым, но в результате бедствий, постигших их зимой, бессмысленной атаки под Балаклавой и недостаточного пополнения, численность их уменьшилась в целом до штатов мирного времени. Мы не думаем, чтобы в настоящий момент численный состав всех двадцати шести полков достигал 10000 сабель, или в среднем по 400 сабель в каждом полку.

Артиллерия состоит из одного полка пешей артиллерии (двенадцать батальонов с девяноста шестью батареями) и одной бригады конной артиллерии (семь батарей и одна ракетная батарея). В каждой батарее — пять пушек и одна гаубица; по калибру пушки — трех-, шести-, девяти-, двенадцати- и восемнадцатифунтовые; калибры гаубиц — четыре и две пятых, четыре с половиной, пять с половиной и восемь дюймов. В каждой батарее к тому же имеются пушки двух образцов — тяжелые и легкие почти всех калибров. На практике же калибрами полевой артиллерии являются легкая девятифунтовая и легкая двенадцатифунтовая пушки, а также гаубицы с калибрами в четыре с половиной и пять с половиной дюймов; в общем можно сказать, что теперь в британской артиллерии общепринятой является девятифунтовая пушка и гаубица (двенадцатифунтовая) калибра в четыре с половиной дюйма в качестве вспомогательного орудия. Кроме перечисленных орудий, употребляются еще шести- и двенадцатифунтовые ракетные пушки.

Так как английская армия по штатам мирного времени образует лишь кадры для военного времени и так как она комплектуется исключительно на основе добровольного зачисления на военную службу, то невозможно в каждый данный момент точно установить ее действительный состав. Однако мы думаем, что не ошибемся, если определим ее нынешний состав приблизительно следующими цифрами: 120000 человек пехоты, 10000 — кавалерии, 12000 — артиллерии приблизительно с 600 пушками (из которых на конной тяге не больше одной пятой). Из этих 142000 человек около 32000 находятся в Крыму, около 50000 — в Индии и колониях, а остальные 60000 (одну половину их составляют необученные новобранцы, а другую — обучающие этих новобранцев) — в Англии. К ним следует еще прибавить около 60000 человек милиции. Пенсионеров, территориальную конницу и другие категории, не пригодные для использования на службе за пределами страны, мы вообще не принимаем в расчет.

Система комплектования путем добровольного зачисления на военную службу не даст возможности поддерживать на

достаточном уровне боевую силу армии в военное время, и сейчас англичане опять сталкиваются с этим затруднением. Мы снова видим, как и во времена Веллингтона, что англичане могут сосредоточить и в дальнейшем сохранять на определенном театре военных действий самое большее армию в 30000— 40000 человек; а так как союзниками англичан в настоящее время являются не испанцы, а французы, то «маленький героический отряд» британцев почти затерялся в общей массе союзных войск.

В британской армии существует институт, которого вполне достаточно, чтобы охарактеризовать те слои общества, откуда вербуются британские солдаты. Это — наказание поркой. Телесных наказаний не знают ни французская, ни прусская армии; их нет и в ряде других, менее значительных по размерам армий. Даже в Австрии, где большая часть рекрутов состоит из полуварваров, имеется явное желание отменить телесные наказания; например, такое наказание, как прогнать сквозь строй, недавно вычеркнуто из устава австрийской армии. Наоборот, в Англии «кошка-девятихвостка» — орудие пытки, аналогичное русскому кнуту в пору его наибольшего процветания, — продолжает применяться по-прежнему. Вызывает удивление, что когда бы ни ставился в парламенте вопрос о реформе устава армии, старые педанты в области воинской дисциплины упорно защищали «кошку», и особенно рьяно сам старик Веллингтон. В их глазах невыпоротый солдат был каким-то невероятно нелепым существом. Такие качества, как храбрость, дисциплинированность и непобедимость, были присущи, по их представлению, только солдатам, у которых на спинах имелись рубцы, по крайней мере, от пятидесяти ударов плетью.

Не следует забывать, что «кошка» не только орудие, рассчитанное на то, чтобы причинить боль; она оставляет неизгладимые рубцы, метит человека на всю жизнь, клеймит его. Теперь даже в британской армии такое телесное наказание, такое клеймо фактически равносильно вечному позору. Выпоротый солдат оказывается опозоренным в глазах своих товарищей по оружию. Между тем, согласно уставу британской армии, все наказания солдат, находящихся перед лицом противника, сводятся почти исключительно к порке; это приводит к тому, что то самое наказание, которое, по мнению его защитников, является лучшим средством поддержания дисциплины в решающие моменты, на самом деле ведет к подрыву дисциплины, *деморализуя* солдата и задевая его point d'honneur*.

* — честь. *Ред.*

Этим объясняются два весьма любопытных факта: во-первых, большое количество английских дезертиров под Севастополем. Зимой, когда британским солдатам приходилось делать нечеловеческие усилия, чтобы нести караульную службу в окопах, те из них, кто не был в состоянии бодрствовать в течение двух—двух с половиной суток подряд, подвергались порке! Подумайте только! Пороть таких героев, какими показали себя британские солдаты в окопах под Севастополем солдат, которые одержали победу под Инкерманом вопреки своим генералам! Но статьи дисциплинарного устава не оставляли выбора. Лучших людей в армии пороли, когда их одолевала усталость, и, опозоренные, они дезертировали к русским. Вряд ли что-либо другое могло яснее показать все зло системы порки, чем это дезертирство. В прежних войнах не было случая, чтобы солдаты какой-нибудь нации дезертировали в большом количестве к русским; они знали, что там с ними будут обходиться хуже, чем дома. Британской армии принадлежит честь поставить первый значительный контингент таких дезертиров, и, по свидетельству самих англичан, именно порка заставляла солдат дезертировать. Второй факт — полный провал попытки создать иностранный легион, подчиненный уставу британской армии. Иностранцы, оказывается, довольно щепетильны, когда дело касается их спины. Перспектива подвергнуться порке поборола соблазн получения высоких премий и хороших окладов. До конца июня в иностранный легион завербовалось не больше 1000 человек вместо требуемых 15000; и несомненно, если власти попытаются применить порку к этой тысяче отщепенцев, это вызовет бурю возмущения, которая заставит власти либо уступить, либо немедленно распустить иностранный легион.

Обмундирование и снаряжение британских солдат — образец того, какими они не должны быть. До настоящего времени общепринятой является форма, которую носили еще в армиях 1815 года. Никаких улучшений проведено не было. Старомодный с разрезом сзади мундир, обезображенный нелепыми обшлагами, все еще отличает британского солдата от всех других. Брюки узкие и неудобные. Старая система перекрещивающихся ремней для прикрепления штыковых ножен, патронной сумки и ранца безраздельно господствует почти во всех полках. В кавалерии форма более удобная, чем в пехоте, и гораздо лучшего качества; но все же она слишком узка и стесняет движения. Кроме того, англичане — единственная нация, сохранившая в своей армии красный мундир, «гордый красный мундир», как его называет Нейпир. Предполагается,

что этот мундир, в котором английские солдаты имеют вид разодетых обезьян, своим великолепием способен нагнать страх на неприятеля. Но, увы! Каждый, кто видел британских пехотинцев, одетых в мундир кирпичного цвета, должен признать, что их мундиры после четырех недель носки имеют совсем не устрашающий, а жалкий вид; для устрашения неприятеля надо было выбрать любой другой цвет, который не так подвержен действию пыли, грязи и сырости. Датчане и ганноверцы прежде также носили красный мундир, но очень скоро от него отказались. Первая же кампания в Шлезвиге показала датчанам, какую прекрасную мишень представляют для противника красный мундир и белые портупеи.

Согласно новому положению о форме одежды, для английских красных мундиров установлен прусский покрой. Пехота носит австрийский кивер или кепи; кавалерия — прусский шлем. Система перекрещивающихся ремней, красный цвет и узкие брюки в той или иной мере сохраняются. Таким образом, изменения сводятся к пустякам, и британский солдат, как и прежде, будет являть собой странное зрелище среди других европейских армий, одежда и снаряжение которых несколько больше гармонируют со здравым смыслом.

Тем не менее британская армия имеет одно достижение, которое значительно превосходит все то, что сделано в других странах. Это — вооружение всей пехоты винтовкой Минье, усовершенствованной Притчеттом. Каким образом старики, стоящие во главе армии, обычно так упрямо придерживающиеся своих предрассудков, могли прийти к такому смелому решению, трудно себе представить, но они пошли на это и тем самым вдвое увеличили огневую мощь своей пехоты. Несомненно, что под Инкерманом винтовка Минье своей исключительной меткостью и огромной силой решила сражение в пользу англичан. Всякий раз, когда английская пехотная цепь ведет огонь, она одерживает верх над любым противником, вооруженным обычными ружьями, потому что винтовка Минье заряжается так же быстро, как и гладкоствольное оружие.

В кавалерии — прекрасные солдаты, хорошие всадники, вооруженные саблей отличного образца; на что они способны — они показали под Балаклавой. Но в целом кавалеристы слишком тяжелы для своих лошадей, и потому несколько месяцев активных действий неизбежно сводят на нет британскую кавалерию. Крым в этом отношении дал нам новые доказательства. Если бы средний рост солдата в тяжелой кавалерии был снижен до пяти футов шести дюймов, а в легкой до пяти футов и четырех или даже двух дюймов, как это, насколько мы знаем, сделано в пе-

хоте, были бы созданы войска, гораздо более пригодные к полевой службе, которую они сейчас несут. А при данных условиях лошади слишком перегружены и выходят из строя, прежде чем их удается с успехом использовать против неприятеля.

В артиллерии также служат люди более высокие, чем требуется. Нормально артиллерист должен быть такого роста, чтобы он был в силах снять двенадцатифунтовую пушку с передка, а для этого вполне достаточен рост от пяти футов двух дюймов до пяти футов шести дюймов — мы знаем это на основании большого личного опыта и наблюдений. Действительно, люди ростом около пяти футов пяти или шести дюймов, если они крепкого сложения, являются, как правило, самой лучшей прислугой при орудиях. Но англичане увлекаются показной стороной, и поэтому их солдаты, будучи высокими и стройными, не имеют той физической силы, которая так необходима для действительно хорошего артиллериста. Материальная часть их артиллерии — первоклассного качества. Орудия — лучшие в Европе, порох признан лучшим в мире, ядра и снаряды отличаются исключительной гладкостью поверхности. Несмотря на это, ни одни пушки в мире не дают такого большого отклонения снаряда от цели, и это показывает, какие люди ими управляют. Вряд ли в какой-либо другой европейской армии офицерскому составу артиллерии так недостает профессиональной подготовки, как в английской. Теоретические познания английского артиллерийского офицера очень редко выходят за рамки элементарных сведений об артиллерии, а на практике он умеет обращаться лишь с полевыми орудиями, да и то не в совершенстве. Два качества, однако, отличают британских артиллеристов, как офицеров, так и солдат: особо хороший глазомер и исключительное хладнокровие в бою.

В общем боевые качества британской армии значительно снижаются из-за невежества офицерского состава как в теории, так и на практике. Экзамен, которому теперь подвергают офицеров, носит смехотворный характер: от капитана требуется знание первых трех книг Эвклида[234]! Но ведь назначение британской армии состоит главным образом в том, чтобы устраивать на почетные должности младших сыновей аристократии и дворянства, и поэтому уровень подготовки ее офицеров должен соразмеряться не с требованиями службы, а с тем скудным запасом знаний, которым обычно обладает английский «джентльмен». Что касается практических военных знаний офицера, то они также недостаточны. Британский офицер полагает, что он должен выполнять только одну обязанность: во время боя вести своих солдат прямо на противника и показывать им пример

храбрости. Умения управлять войсками, использовать благоприятную обстановку и тому подобное от него не требуется; что же касается заботы о своих солдатах, их нуждах, то такая мысль едва ли когда-нибудь приходит ему в голову. Половина неудач британской армии в Крыму объясняется непригодностью всего ее офицерского состава. Одно качество, правда, помогает английским офицерам выполнять свои обязанности: будучи в большинстве своем страстными охотниками, они умеют быстро и инстинктивно оценивать выгоды местности, — качество, которое несомненно развивает у них охота.

Некомпетентность офицеров нище не приносит столько вреда, как на штабной службе. Поскольку отсутствует систематическая подготовка штабных офицеров, каждый генерал организует свой собственный штаб из полковых офицеров, совершенно невежественных в этом деле. Подобный штаб хуже, чем если бы его вовсе не было. Особенно небрежно ведется разведка, что неизбежно, так как она поручается людям, плохо представляющим себе, что собственно от них требуется.

Остальные специальные войска подготовлены несколько лучше, но все же уровень их подготовки значительно ниже, чем в армиях других стран; в общем английский офицер прослыл бы невеждой среди офицеров любой другой страны. Об этом свидетельствует и военная литература англичан. Почти любое произведение годно грубейших ошибок, которых в других странах не простили бы кандидату на чин лейтенанта; факты излагаются небрежно, неделовым и невоенным языком, существо дела оставляется без внимания; сразу видно, что автор не знает своего дела. Следствием этого является то, что самые нелепые утверждения, содержащиеся в иностранных книгах, легко принимаются на веру*. Впрочем, мы должны сказать, что есть несколько отрадных исключений, и особое место среди них занимают «Война на Пиренейском полуострове» У. Нейпира и «Морская артиллерия» Говарда Дугласа[236].

Административная, санитарная, интендантская, транспортная и другие вспомогательные службы в жалком состоянии и полностью обанкротились, когда подверглись испытанию в Крыму. Делаются попытки улучшить их, а также централизовать управление, но вряд ли эти попытки могут к чему-либо привести, пока гражданское управление, а фактически и вся государственная власть остаются неизменными.

* Примером этого может служить книга полковника Чесни об огнестрельном оружии[235]; автор считается одним из лучших артиллерийских офицеров Великобритании.

При всех своих огромных недостатках британской армии удается все же так или иначе доводить каждую кампанию до конца, не достигая, правда, особых успехов, но и не покрывая себя позором. Потери британской армии, плохое управление ею, множество допускаемых ошибок, — поражают нас, когда мы сопоставляем все это с положением дел в других армиях при тех же обстоятельствах; и все же она не теряет воинской чести, редко отступает, почти никогда не терпит полного поражения. Это результат большой личной храбрости и стойкости солдат, их дисциплинированности и беспрекословного повиновения. Пусть британский солдат неповоротлив, несообразителен и беспомощен, когда он предоставлен самому себе или когда ему приходится нести службу легких войск, зато никто не может превзойти его в регулярном сражении, когда он действует сомкнутым строем. Его forte — это действия в развернутом строю. Благодаря линейному боевому порядку английская пехота способна сделать то, на что едва ли могла когда-либо отважиться любая другая пехота — встретить атакующую кавалерию *в развернутом строю,* держать оружие заряженным до самого последнего момента и дать залп, подпустив неприятеля на расстояние тридцати ярдов, и почти всегда с полным успехом. Британская пехота даже в самые критические моменты ведет огонь с таким хладнокровием, что по эффективности огня она превосходит любые другие войска. Так шотландцы, действуя *развернутым строем,* отразили атаку русской кавалерии под Балаклавой. Стойкость и упорство английской пехоты нигде так ярко не проявились, как в сражении под Инкерманом; французы, оказавшись в подобном положении, наверняка были бы разбиты; в то же время французы никогда не допустили бы, чтобы их застигли врасплох на такой позиции. Твердость и упорство в наступлении и в обороне являются важными качествами британской армии, и только они не раз спасали ее от многих поражений, вполне заслуженных и как бы преднамеренно подготовленных неспособностью ее офицеров, абсурдностью се управления и неповоротливостью движений.

III. АВСТРИЙСКАЯ АРМИЯ

Австрия использовала первый период передышки посло суровых испытаний 1848 и 1849 гг., чтобы реорганизовать свою армию на современной основе. Почти вся армия подверглась коренной перестройке, и теперь гораздо боеспособнее, чем раньше.

Прежде всего — пехота. Она состоит из шестидесяти двух линейных полков, одного полка и двадцати пяти батальонов

стрелков, четырнадцати полков и одного батальона пограничной пехоты. Последние вместе со стрелками образуют легкую пехоту.

В линейный пехотный полк входят пять полевых батальонов и один запасный батальон — всего тридцать две роты, причем полевые роты насчитывают по 220 человек, а запасные — по 130. Таким образом, полевой батальон насчитывает около 1300 человек, а полк приблизительно 6000 человек, то есть он равен по численности британской дивизии. Вся линейная пехота по штатам военного времени насчитывает, следовательно, примерно 370000 человек.

В пограничной пехоте каждый полк имеет два полевых батальона и один запасный — всего шестнадцать рот, или 3850 человек: численность всей пограничной пехоты равна 55000 человек.

Егеря, или стрелки, составляют всего тридцать два батальона приблизительно по 1000 человек в каждом; общая численность этих войск — 32000 человек.

В армии имеется тяжелая кавалерия: восемь кирасирских и восемь драгунских полков; легкая кавалерия: двенадцать гусарских и двенадцать уланских (из которых семь полков раньше были легкими драгунскими, или chevau-legers, но затем были превращены в уланские).

Тяжелые полки состоят из шести эскадронов, не считая одного запасного; легкие — из восьми эскадронов и одного запасного эскадрона. В тяжелом полку — 1200 человек, в легком — 1600 человек. Численность всей кавалерии по штатам военного времени равна приблизительно 67000 человек.

Артиллерия состоит из двенадцати полков полевой артиллерии, в каждом по штатам военного времени четыре шестифунтовых и три двенадцатифунтовых пеших батареи, шесть конных, одна гаубичная батарея—в общей сложности 1344 орудия; далее — из одного полка береговой артиллерии и полка ракетной артиллерии: двадцать батарей со ста шестьюдесятью трубками. Всего 1500 орудий и ракетных трубок и 53000 человек.

Общая численность действующей в военное время армии равна 522000 строевых солдат. К этому следует прибавить около 16000 саперов, минеров и понтонеров, 20000 человек жандармерии, личный состав транспортной службы и т. д., что в целом составит около 590000 человек.

Посредством призыва резервов армия может быть увеличена на 100000—120000 человек; используя до крайних пределов ресурсы пограничных войск, австрийцы могут иметь еще

100000—120000 человек. Но ввиду того, что эти силы не могут быть собраны вместе к определенному времени и будут прибывать постепенно, они будут служить главным образом для возмещения понесенных потерь. Более чем 650000 человек Австрия едва ли сможет сразу поставить под ружье.

Армия делится на две резко отличные друг от друга части — на регулярную армию и пограничные войска. Срок службы в регулярной армии восемь лет, после чего солдаты остаются еще два года в резерве. Однако, как и во Франции, им предоставляются длительные отпуска, и время, в течение которого они фактически находятся под знаменами, может быть определено в пять лет.

Пограничные войска организованы по совершенно иному принципу. Это — потомки южнославянских (хорватских или сербских), валашских и отчасти немецких поселенцев, которые владеют своими землями на условии несения королевской военной службы и использовались в прошлом для защиты от набегов турок границы от Далмации до Трансильвании. Теперь эта служба свелась к простой формальности, но австрийское правительство отнюдь не намерено жертвовать таким мощным источником получения солдат. Именно эта организация пограничных войск спасла в 1848 г. армию Радецкого в Италии, а в 1849 г. сделала возможным первое вторжение в Венгрию под командованием Виндишгреца. Своим троном Франц-Иосиф обязан не только России, но и южнославянским пограничным полкам. В занимаемой ими пограничной местности каждый арендатор коронной земли (а таким является почти каждый житель) в возрасте от двадцати до пятидесяти лет обязан по первому требованию отбывать военную службу. Основную силу этих полков составляет, разумеется, молодежь; что касается пожилых, то они главным образом несут поочередно службу в пограничных караулах, пока в случае войны их не призовут в армию. Этим объясняется, почему население примерно в 1500000—2000000 человек может в случае необходимости выставить контингент в 150000—170000 человек, или 10—12% всей своей численности.

У австрийской армии много сходных черт с британской. И в той и в другой имеет место смешение многих национальностей, хотя каждый полк в отдельности, как правило, однороден по национальному составу. Шотландский кельт, валлиец, ирландец и англичанин едва ли больше отличаются друг от друга, чем немец, итальянец, хорват и мадьяр. Как в той, так и в другой армии служат офицеры различных национальностей, среди которых большое число иностранцев. И там и здесь

теоретическая подготовка офицеров крайне недостаточна. И в той и другой армии в тактических построениях сохранилось многое из старых линейных боевых порядков, и лишь в очень ограниченной степени применяются колонны и рассыпной строй. И в той и другой — необычный цвет одежды: у англичан красный, у австрийцев — белый. Но по качеству своей организации, по практическому опыту и подготовке офицерского состава и по своей маневренности австрийская армия намного превосходит британскую.

Форма одежды солдат, если не считать нелепого белого цвета мундира пехотинца, по своему покрою вполне соответствует современной системе, Короткий мундир, вроде прусского, светло-голубые брюки, серая шинель, легкое кепи, похожее на французское, образуют очень хорошую, приспособленную к условиям военной службы, форму одежды; только узкие брюки венгерских и хорватских полков, составляющие часть их национальной одежды, очень неудобны. Личное снаряжение солдата не такое, каким ему следует быть, сохранились перекрещивающиеся ремни. Пограничные войска и артиллеристы носят коричневые мундиры, кавалеристы — белые, коричневые или голубые. Ружья довольно громоздкие, а винтовки, которыми вооружены егеря и значительная часть солдат каждой роты, довольно старого образца и более низкого качества, чем винтовка Минье. Обычное оружие представляет собой старое кремневое ружье, переделанное весьма несовершенно в пистонное ружье; это ружье очень часто дает осечки.

Пехота — ив этом отношении она сходна с английской — больше отличается своими действиями в сомкнутом строю, чем подвижностью при несении службы в качестве легкой пехоты. Мы должны, однако, сделать исключение для пограничных войск и для егерей. Первые — во всяком случае большинство из них — очень искусны в перестрелке, особенно сербы, излюбленным военным приемом которых являются засады. Егеря — почти все тирольцы — отличные стрелки. Немецкая и венгерская пехота, как правило, отличается своей стойкостью, и во время наполеоновских войн она не раз доказывала, что в этом отношении не уступает английской. Она также не раз встречала кавалерию в развернутом строю, не считая нужным перестраиваться в каре; а в тех случаях, когда она перестраивалась в каре, неприятельской кавалерии редко удавалось ее опрокинуть; доказательством этого служит Асперн.

Кавалерия — превосходна. Тяжелая, или «немецкая», кавалерия, состоящая из немцев и чехов, имеет хороших лошадей,

прекрасно вооружена и действует всегда успешно. Легкая кавалерия, пожалуй, проиграла оттого, что в ней сведены вместе немецкие chevau-legers и польские уланы; однако венгерские гусары навсегда останутся образцом легкой кавалерии.

Артиллерия, солдаты которой набираются главным образом из немецких провинций, всегда стояла на высоком уровне и не столько потому, что она вовремя и с осмотрительностью вводила у себя усовершенствования, сколько благодаря практической подготовке своего личного состава. Особенно серьезную школу проходят унтер-офицеры, которые стоят выше унтер-офицеров любой другой армии. Что касается офицеров, то их теоретическое обучение слишком часто проводится по их доброй воле, и все же Австрия дала ряд превосходных писателей в этой области. В Австрии, как правило, учатся все, по крайней мере, младшие офицеры, тогда как в Англии считают, что офицер, изучающий свою профессию, позорит свой полк. Специальные части, штабы и инженерные войска, превосходны, о чем свидетельствуют прекрасные карты, сделанные на основе материалов топографических съемок, особенно карта Ломбардии. Карта британского артиллерийского управления, хотя и неплохая, не может с ней сравниться.

Многонациональный состав армии представляет собой серьезное зло. В британской армии все, по крайней мере, говорят по-английски, тогда как у австрийцев даже унтер-офицеры не немецких полков едва могут объясняться по-немецки. Это, разумеется, создает большую путаницу, много трудностей и необходимость в переводчике даже при разговоре между офицером и солдатом. Частично зло ослабляется тем, что частая смена районов расквартирования заставляет офицеров изучать в какой-то степени все языки, на которых говорят в Австрии. Но все же это неудобство не устранено.

Строгость дисциплины, поддерживаемая среди солдат постоянной поркой прутьями орешника, и долгий срок службы препятствуют возникновению серьезных конфликтов между различными национальностями, по крайней мере в мирное время. Однако 1848 г. показал, насколько слаба внутренняя устойчивость этой армии. В Вене немецкие войска отказывались бороться против революции. В Италии и Венгрии национальные войска, не оказав почти никакого сопротивления повстанцам, перешли на их сторону. Именно в этом заключается слабая сторона австрийской армии. Никто не может сказать, в какой степени или как долго она будет сохранять свое единство и сколько полков в определенный момент покинет ее, чтобы начать борьбу против своих бывших товарищей по оружию. В этой

армии представлены шесть различных национальностей и две-три религии; что касается взаимопонимания, которое ее сплачивает, то на смену ему неизбежно должны прийти столкновения в такое время, как наше, когда все народы страстно желают свободно использовать свои силы. Можно ли ожидать, что в случае войны с Россией православный серб, находящийся под влиянием панславистской агитации, будет воевать против русских, своих братьев по крови и по религии? И возможно ли, что в случае революционной войны итальянцы и венгры поступятся интересами своей родины, чтобы воевать за императора, чуждого им по языку и по национальности? Вряд ли можно на это рассчитывать. Поэтому как бы ни была сильна австрийская армия, нужны совершенно особые условия, чтобы она могла привести все свои силы в действие.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

I. ПРУССКАЯ АРМИЯ

Прусская армия заслуживает особого внимания ввиду ее своеобразной организации. В то время, как в любой другой армии основу всей военной организации составляет штатный состав мирного времени и там не проводится никакой подготовки кадров для новых формирований, которые сразу же потребуются в случае большой войны, в Пруссии, как нас уверяют, все до последней мелочи подготовлено для перехода на штаты военного времени. Таким образом, штатный состав армии мирного времени образует как бы школу, в которой население обучается владению оружием и маневру. Считается, что эта система предусматривает включение в состав армии в случае войны всего годного к военной службе мужского населения, и потому, казалось бы, для страны, где принята эта система, гарантируется безопасность при любом нападении; однако это далеко не так. При такой системе достигается лишь то, что страна может располагать силами почти на 50% большими по численности, чем при французской или австрийской системе рекрутских наборов; благодаря этому сельскохозяйственная страна с какими-нибудь семнадцатью миллионами жителей, занимающая небольшую территорию, не имеющая своего флота и не ведущая непосредственно морской торговли, страна с относительно мало развитой промышленностью, имеет возможность сохранять в известной степени положение великой европейской державы.

Прусская армия делится на две большие части: линейные войска, состоящие из солдат, которые еще обучаются, и ландвер, состоящий из обученных солдат, о которых можно сказать, что они находятся в бессрочном отпуску.

Служба в линейных войсках продолжается пять лет; служить обязан каждый мужчина в возрасте от двадцати до двадцати пяти лет, но трехлетний срок действительной службы считается достаточным, затем солдат увольняется домой и на остальные

два года зачисляется в так называемый войсковой резерв. В течение этого времени он продолжает числиться в списках запаса своего батальона или эскадрона и в любое время может быть призван в свою часть.

После двухлетнего пребывания в войсковом резерве солдат переходит в ландвер первого призыва (erstes Aufgebot des Landwehrs), в котором и остается до тридцатидвухлетнего возраста. В течение этого периода его призывают каждые два года на учения ландвера, которые бывают обычно довольно крупных масштабов и происходят совместно с учениями линейных войск. Маневры, как правило, продолжаются месяц, и для этой цели сосредоточивается нередко от 50000 до 60000 человек. Ландвер первого призыва предназначается для полевых действий совместно с линейными войсками. Он образует такие же отдельные полки, батальоны и эскадроны, как и линейные войска, и с той же полковой нумерацией. Артиллерия, однако, остается приданной соответствующим полкам линейных частей.

В возрасте от тридцати двух до тридцати девяти лет включительно солдат состоит в ландвере второго призыва (zweites Aufgebot); в течение этого периода он уже не призывается на действительную службу, если только не начинается война; в последнем случае ландвер второго призыва должен нести гарнизонную службу в крепостях, давая тем самым возможность использовать все линейные войска и ландвер первого призыва для действий в полевых условиях.

В сорок лет солдат освобождается от призыва, за исключением тех случаев, когда к оружию призывается мифическая организация, называемая *ландштурмом,* или призывом en masse*. В ландштурм включаются все мужчины в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет, не находящиеся на действительной службе и не вошедшие в состав обоих призывов ландвера, а также все освобожденные от военной службы вследствие низкого роста, слабого здоровья или по какой-либо другой причине. Но об этом ландштурме нельзя даже сказать, что он существует на бумаге, ибо ни организация его не продумана, ни вооружение и снаряжение для него не предусмотрены; если когда-либо и удастся его собрать, то кроме несения полицейской службы внутри страны и потребления в громадных количествах спиртных напитков он ни на что не будет пригоден.

Так как в Пруссии каждый гражданин в возрасте от двадцати до сорока лет по закону является солдатом, то, казалось бы, население в семнадцать миллионов человек может выставить

* — поголовным. *Ред.*

армию численностью, по крайней мере, в полтора миллиона человек. В действительности же не удается собрать и половины этого количества. В самом деле, при обучении такой массы людей в течение трехлетней службы в полках можно было бы рассчитывать, что штатный состав мирного времени достигнет, по меньшей мере, 300000 человек, тогда как фактически Пруссия имеет около 130000 человек. Применяются различные способы для освобождения известного числа лиц, подлежащих призыву на военную службу: людей, вполне пригодных к военной службе, объявляют слишком слабыми, врачебная комиссия либо отбирает только самых лучших из призывающихся, либо позволяет подкупать себя взятками при отборе тех лиц, которые считаются годными к службе и т. д. Раньше уменьшение штата мирного времени до 100000 или 110000 человек достигалось путем сокращения срока действительной службы для пехоты до двух лет; однако после революции, когда правительство убедилось, как много значит один дополнительный год службы для того, чтобы сделать солдат покорными своим офицерам и надежными в случае восстания, трехлетний срок службы был снова восстановлен.

Постоянная, или линейная, армия состоит из девяти армейских корпусов — одного гвардейского и восьми линейных. Перейдем к рассмотрению особенностей их организации. В их состав входит тридцать шесть полков пехоты (гвардии и линейных войск), в каждом по три батальона; восемь резервных полков, по два батальона в каждом; восемь сводных запасных батальонов и десять батальонов егерей (Jager); всего 142 батальона пехоты, или 150000 человек.

Кавалерия состоит из десяти кирасирских, пяти драгунских, десяти уланских и тринадцати гусарских полков, по четыре эскадрона, или по 800 человек в каждом — всего 30000 человек.

Артиллерия состоит из девяти полков; каждый полк по штатам военного времени имеет четыре шестифунтовых, три двенадцатифунтовых и одну гаубичную батареи пешей артиллерии и три батареи конной артиллерии с одной запасной ротой, которая может быть превращена в двенадцатую батарею; кроме того, имеется четыре роты крепостной артиллерии и одна рабочая рота. Но так как для обслуживания этих орудий и укомплектования рот требуется весь войсковой резерв и ландвер первого призыва (артиллеристы), то можно считать, что линейная артиллерия состоит из девяти полков, в каждом имеется приблизительно 2500 человек и около тридцати орудий, все они полностью обеспечены лошадьми и снаряжением.

Таким образом, общая численность прусских линейных войск доходит примерно до 200000 человек; однако из этого количества с полным основанием можно вычесть 60000 или 70000 человек войскового резерва, уволенного в отпуск после трехлетней службы.

Ландвер первого призыва создается из расчета один полк ландвера на каждый полк гвардии или линейных войск, за исключением восьми резервных полков; кроме того, он имеет еще восемь запасных батальонов — всего 116 батальонов, или около 100000 человек. Кавалерия состоит из двух гвардейских и тридцати двух линейных полков и восьми запасных эскадронов; всего 136 эскадронов, или около 20000 человек. Артиллерия, как выше указывалось, придана линейным полкам.

Ландвер второго призыва насчитывает также 116 батальонов, 167 эскадронов (включая различные запасные и учебные эскадроны, назначение которых то же, что и ландвера второго призыва) и некоторое количество крепостной артиллерии; всего около 150000 человек.

Вместе с девятью батальонами саперов, различными вспомогательными войсками, около 30000 пенсионеров и армейским обозом, насчитывающим по штатам военного времени не менее 45000, численный состав прусской армии достигает примерно 580000 человек. Из этого числа 300000 предназначены для полевой службы,. 54000—для обучения в запасных частях, 170000 — для гарнизонов и как резерв и около 60000 человек для нестроевой службы. Число полевых орудий, которыми располагает вся армия, определяется цифрой в 800—850; они разделены на батареи по восемь орудий в каждой (шесть пушек и две гаубицы).

Все эти войска обеспечены не только соответствующим образом подготовленными кадрами, но и вооружением и снаряжением; так что в случае *мобилизации* армии остается найти лишь лошадей; но так как Пруссия богата лошадьми, а животные, как и люди, подлежат немедленной реквизиции, то и это не составит большой трудности. Таково положение, если судить по предписаниям, а как обстоит дело в действительности, показала мобилизация армии, проведенная в 1850 году. Ландвер первого призыва получил вооружение и снаряжение, хотя и не без больших трудностей, но для ландвера второго призыва ничего не было заготовлено, ни одежды, ни обуви, ни оружия, и он являл собой невероятно смешное зрелище. Специалисты, служившие в прусской армии, уже задолго до того предсказывали, что дело будет обстоять именно так, что фактически Пруссия в случае необходимости может рассчитывать лишь на

линейные войска и на часть ландвера первого призыва. Последующие события полностью подтвердили эти предположения. Несомненно, вооружение и снаряжение для ландвера второго призыва с тех пор уже заготовлены; если бы этот ландвер был призван теперь, то через месяц или полтора он представлял бы собой вполне удовлетворительные войска для гарнизонной и даже полевой службы. Но ведь во время войны трехмесячное обучение считается вполне достаточным, чтобы подготовить рекрута для полевой службы, и таким образом громоздкая система, принятая Пруссией, вовсе не обеспечивает тех огромных преимуществ, которые ей приписываются. Кроме того, имущество, предназначенное для ландвера второго призыва, через пару лет исчезнет, как и то, которое было в свое время заготовлено, но которого не оказалось, когда в 1850 г. возникла в нем необходимость.

Установив принцип, что каждый гражданин должен быть солдатом, Пруссия, однако, остановилась на полдороге, извратила этот принцип, и тем самым — всю свою военную организацию. Поскольку система рекрутских наборов упразднена и заменена всеобщей воинской повинностью, постоянную армию как таковую надо было также упразднить и сохранить лишь кадры офицеров и унтер-офицеров; они обучали бы молодежь, причем срок этого обучения не должен был превышать того, что требуется для данной цели. Если бы дело обстояло так, то срок службы в мирное время был бы сокращен до одного года, по крайней мере, для всей пехоты. Но это не устраивало ни правительство, ни военных педантов старой школы. Правительство хотело иметь послушную и надежную армию, которую в случае необходимости можно было бы использовать для подавления волнений внутри страны; военные педанты хотели иметь армию, которая по своей муштре, по внешнему виду и по стойкости могла бы соперничать с остальными армиями Европы, состоящими из солдат более старших возрастов. Молодые войска, находящиеся на службе не более одного года, не отвечали ни одному из этих требований. Поэтому был установлен в среднем трехлетний срок службы, и отсюда проистекают все недостатки и слабые стороны прусской армии.

Как мы уже говорили, по крайней мере половина годных людей не допускается к службе в армии. Они сразу же заносятся в списки ландвера второго призыва, который номинально увеличивается до огромных размеров, а фактически теряет всякую боеспособность из-за того, что он наводнен массой людей, никогда не державших в руках ружья и представляющих собой не более, как необученных рекрутов. Это уменьшение

действительной военной силы страны по крайней мере наполовину есть первое отрицательное последствие удлинения срока военной службы.

Но и сами линейные войска и ландвер первого призыва также страдают от этой системы. В каждом полку одна треть солдат служит меньше трех лет, одна треть меньше двух лет, а остальные меньше года. Нельзя ожидать, чтобы скомплектованная подобным образом армия обладала такими военными качествами, как строжайшая дисциплина, устойчивость боевых рядов, esprit de corps[*], которые отличают старых солдат английской, австрийской, русской и даже французской армий. Англичане, являющиеся компетентными судьями в этом деле, поскольку их солдаты проходят долгосрочную службу, считают, что требуется целых три года для того, чтобы в полной мере вымуштровать новобранца[**]. Так как в мирное время прусская армия состоит из солдат, среди которых нет ни одного, прослужившего полностью три года, то вполне естественно, что эти боевые качества старых солдат, или, по крайней мере, некоторое подобие их, вдалбливаются в молодого прусского рекрута с помощью невыносимой муштры. Прусские младшие офицеры и сержанты вследствие невыполнимости возложенной на них задачи допускают в обращении со своими подчиненными грубость и жестокость, вдвойне отвратительные из-за педантизма, которым это сопровождается; этот педантизм кажется еще более нелепым благодаря тому, что он находится в полном противоречии с предписанной в Пруссии простой и разумной системой обучения и постоянно апеллирует к традициям Фридриха Великого, которому приходилось обучать солдат совершенно иного склада, в условиях применения совершенно другой тактики. Таким образом, подлинная боеспособность войск приносится в жертву плацпарадности, и в целом прусские линейные войска стоят ниже тех старых батальонов и эскадронов, которые могут быть выставлены против них в начале войны любой из европейских великих держав.

Так обстоит дело с прусской армией, несмотря на ряд ее преимуществ, которыми другие армии не обладают. Пруссаки, как и вообще немцы, поставляют прекрасный солдатский материал. Страна с обширными равнинами в сочетании с большими горными массивами доставляет в изобилии людской материал для любого рода войск. Большинство немцев к тому же обладает такими физическими данными к несепию службы как в легкой,

[*] — дух товарищества, спайка. *Ред.*
[**] См. сэр У. Нейпир. Война на Пиренейском полуострове.

так и в линейной пехоте, с которыми едва ли могут сравниться данные какой-либо другой нации. Страна богата лошадьми и может поставить большое число кавалеристов, которые уже с детства привыкли сидеть в седле. Уравновешенность и выдержка немцев делают их особенно пригодными для службы в артиллерии. К тому же, будучи одним из наиболее воинственных народов в мире, немцы находят удовольствие в войне как таковой, и довольно часто, когда у них нет войны у себя дома, отправляются искать ее за границей. Начиная с *ландскнехтов* средних веков и кончая нынешними иностранными легионами Франции и Англии, немцы всегда поставляли большую массу тех наемников, которые сражались ради того, чтобы сражаться. Если французы превосходят немцев быстротой и активностью в атаках, если англичане стоят выше их по своему упорству в сопротивлении, немцы, несомненно, превосходят все другие европейские народы своей пригодностью к военной службе вообще, что делает их хорошими солдатами при любых обстоятельствах.

Прусские офицеры являются наиболее образованными в мире представителями своего сословия. На испытаниях по общеобразовательным дисциплинам, которым они подвергаются, им предъявляются гораздо более высокие требования, чем в какой-либо другой армии. В бригадах и дивизиях существуют школы для повышения теоретического образования офицеров; более глубокие и специальные военные знания офицеры получают в многочисленных военно-учебных заведениях. Прусская военная литература стоит на очень высоком уровне; работы, написанные в течение последних двадцати пяти лет, в достаточной мере свидетельствуют о том, что их авторы не только отлично знают свое дело, но и могут соперничать с офицерами любой армии в отношении широты своего научного кругозора. Правда, в отдельных работах немало поверхностной метафизики, но тут нет ничего удивительного, ибо в Берлине, Бреславле или Кенигсберге вы можете увидеть офицеров, слушающих вместе со студентами университетские лекции. Клаузевиц является таким же признанным во всем мире авторитетом в своей области, как и Жомини, а работы инженера Астера составляют эпоху в фортификации. Тем не менее имя «прусский лейтенант» стало нарицательным во всей Германии; доведенный до карикатурной формы esprit de corps, педантизм и наглый тон, усвоенный им в обращении благодаря общей атмосфере, которая царит в армии, вполне объясняют этот факт. В то же время нигде нет такого количества старых, упрямых педантов среди старших офицеров и генералов, как в Пруссии; впрочем, большинство из них — это реликвии 1813 и 1815 годов. После всего сказанного

следует признать, что абсурдная попытка превратить прусские линейные войска в то, чем они никогда не смогут быть, — в армию старых солдат, — понижает качество офицеров не в меньшей степени, чем качество солдат, пожалуй, даже в большей.

Строевой устав прусской армии, несомненно, лучший в мире. Простой, последовательный, основанный на немногих принципах здравого смысла, он почти не оставляет желать лучшего. Этот устав является плодом дарования Шарнхорста, который со времени Морица Нассауского был, пожалуй, самым выдающимся военным организатором. Правила вождения крупных войсковых соединений также хороши. Однако научные руководства по артиллерийской службе, официально рекомендуемые офицерам, устарели и совершенно не соответствуют требованиям настоящего времени; но этот упрек относится лишь к работам, носящим более или менее официальный характер, и не касается прусской литературы по артиллерии в целом.

Инженерные войска пользуются, и вполне заслуженно, весьма хорошей репутацией. Из их среды вышел Астер, лучший военный инженер со времен Монталамбера. Прусские военные инженеры построили целый ряд крепостей, начиная с Кенигсберга и Познани и. кончая Кёльном и Кобленцем, которые вызывают восхищение всей Европы.

Снаряжение прусской армии после изменений, произведенных в нем в 1843 и 1844 гг., не очень красивое, но вполне удобное для солдат. Шлем хорошо защищает от солнца и дождя, форма одежды свободная и удобная; все снаряжение пригнано даже лучше, чем у французов. Гвардия и легкие батальоны (один в каждом полку) вооружены нарезными игольчатыми ружьями; остальные линейные войска имеют обычные ружья, превращенные при помощи весьма несложной операции в хорошие винтовки Минье; что касается ландвера, то через два-три года он также получит винтовку Минье, а пока вооружен пистонными ружьями. Кавалерийские сабли слишком широки и изогнуты, и их удары мало эффективны. Материальная часть артиллерии—пушки, повозки и упряжь—во многом оставляют желать лучшего.

В общем, прусская армия, то есть линейные войска и ландвер первого призыва, представляет собой внушительную силу, по вовсе не является тем, чем ее хвастливо изображают прусские патриотически настроенные писатели. Линейные войска, попав на поле боя, очень скоро сбросят с себя путы плацпарадности и после нескольких схваток сумеют сравняться с противниками. Ландвер первого призыва, как только в нем пробудится дух старого солдата и если война будет популярной, не уступит

лучшим старым войскам в Европе. То, чего Пруссия должна опасаться, это — активного противника в первый период войны, когда против нее будут брошены более организованные и более испытанные войска; но если война затянется, Пруссия будет иметь в своей армии большее количество старых солдат, чем какое-либо другое европейское государство. В начале кампании линейные войска составят основное ядро армии, однако ландвер первого призыва скоро оттеснит их на второй план, так как его солдаты обладают большей физической силой и лучшими боевыми качествами. Это — настоящие старые солдаты Пруссии, а не безбородые юнцы линейных войск. О ландвере второго призыва мы не говорим, он еще должен показать, на что он способен.

II. РУССКАЯ АРМИЯ

В России также принимались известные меры к созданию кадров для военного времени при помощи системы резервов, сходной в некоторых отношениях с системой прусского ландвера. Но в общем русские резервы включают в себя такое ограниченное число людей и их так трудно собрать из различных пунктов громадной империи, что уже спустя полгода после объявления англичанами и французами войны и раньше, чем раздался первый выстрел в Крыму, — обнаружилась необходимость покончить с этой системой и приступить к формированию новых соединений, за которыми последовали дальнейшие новые формирования. Таким образом, в России нужно различать состав армии в момент начала войны и армию в ее нынешнем составе.

Русская армия мирного времени разделяется следующим образом: 1) действующая армия — шесть линейных корпусов (№№ 1—6); 2) резервная армия — один гвардейский корпус, один гренадерский, два кавалерийских резервных корпуса; 3) специальные корпуса — Кавказский, Финляндский, Оренбургский и Сибирский; 4) войска внутренней службы — ветераны, внутренняя стража, инвалиды и т. п.; 5) иррегулярные войска. Сюда же могут быть отнесены войска запаса, состоящие из солдат, находящихся в бессрочном отпуску.

В состав каждого из шести линейных корпусов входят: три пехотных дивизии, из которых каждая имеет одну линейную бригаду и одну бригаду легкой пехоты, в каждой бригаде два полка, в каждом полку четыре линейных батальона; всего шесть бригад, или двенадцать полков, составляющих сорок восемь батальонов, с одним батальоном стрелков и одним — саперов; итого пятьдесят батальонов. Сюда же входит дивизия легкой

кавалерии в составе одной бригады улан и бригады гусар, каждая из двух полков, или шестнадцати эскадронов; всего тридцать два эскадрона. Артиллерия состоит из одной дивизии, в которую входят три пеших бригады и одна конная; всего четырнадцать батарей, или 112 орудий; общий итог по каждому корпусу — пятьдесят батальонов, тридцать два эскадрона, 112 орудий; общий итог по всем корпусам: 300 батальонов, 192 эскадрона, 672 орудия.

Гвардия состоит из трех дивизий, или шести бригад, составляющих двенадцать полков (девять гренадерских и три полка карабинеров, или легкой пехоты); всего тридцать шесть батальонов, так как гвардейские и гренадерские полки имеют лишь по три линейных батальона. Сюда нужно присоединить еще один батальон стрелков и один — саперов и минеров, три кавалерийские дивизии (кирасиров, улан и гусар), образующие шесть бригад, или двенадцать полков, всего семьдесят два эскадрона кавалерии. Имеется одна артиллерийская дивизия в составе пяти бригад и пятнадцати батарей (девять пеших, пять конных и одна ракетная); всего 135 орудий. Гренадерский корпус состоит из трех дивизий, или шести бригад, составляющих двенадцать полков, или тридцать шесть батальонов, пехоты, одного батальона стрелков и одного — саперов и минеров. Этот корпус имеет также одну кавалерийскую дивизию, куда входят две бригады (одна — улан и одна — гусар) в составе четырех полков, или тридцати двух эскадронов. Артиллерия состоит из трех пеших и одной конной бригады с четырнадцатью батареями; всего 112 орудий.

Резервная кавалерия организована следующим образом: 1-й корпус: три дивизии (две — кирасиров и одна — улан) в составе шести бригад, или двенадцати полков; всего восемьдесят эскадронов (сорок восемь эскадронов кирасиров, тридцать два — улан). Имеется также одна дивизия конной артиллерии, состоящая из трех бригад с шестью батареями; всего 48 орудий. 2-й корпус: три дивизии (одна — улан, две — драгун), или шесть бригад, что дает двенадцать полков, или 112 эскадронов (тридцать два эскадрона улан, восемьдесят — драгун). Имеются также два конно-пионерные эскадрона и шесть батарей конной артиллерии с сорока восьмью орудиями.

Кавказский корпус включает в себя одну резервную гренадерскую бригаду в составе двух полков, или шести батальонов, три дивизии пехоты в составе двенадцати полков, или сорока восьми батальонов, один батальон стрелков, один батальон саперов, сорок семь батальонов Кавказской линии (ополчение), всего 103 батальона. Кавалерия состоит из одного драгунского

полка в составе десяти эскадронов. Артиллерия насчитывает одну дивизию с десятью обычными и шестью горными батареями; всего 180 орудий.

Финляндский корпус включает одну дивизию в составе двух бригад, или двенадцати батальонов пехоты; Оренбургский корпус — одну дивизию, также в составе двух бригад, но только десяти батальонов; Сибирский корпус — одну дивизию в составе трех бригад, образующих пятнадцать батальонов.

Общие итоговые данные по всем регулярным войскам, находящимся под ружьем в мирное время, дает следующая таблица:

	Батальоны	Эскадроны	Орудия
Шесть линейных корпусов	300	192	672
Гвардия	38	72	135
Гренадеры	38	32	112
Резервная кавалерия	—	194	96
Кавказский корпус	103	10	180
Финляндский корпус	12	—	—
Оренбургский корпус	10	—	—
Сибирский корпус	15	—	—
Всего	516	500	1 195

Войска внутренней службы состоят из пятидесяти двух батальонов внутренней стражи, 800 рот ветеранов и инвалидов, одиннадцати с половиной эскадронов жандармов и девяноста восьми рот артиллерии. Эти войска едва ли можно включать в число действительных боевых сил страны.

Иррегулярные войска, преимущественно кавалерии, делятся следующим образом:

1. Донские казаки—пятьдесят шесть полков, каждый по шесть сотен*; всего 336 сотен, тринадцать батарей.

2. Черноморские казаки — семьдесят две сотни, девять батальонов, три батареи.

3. Казаки Кавказской линии (на Кубани и Тереке) — 120 сотен и три батареи.

4. Астраханские казаки — восемнадцать сотен, одна батарея.

5. Оренбургские казаки — шестьдесят сотен, три батареи.

6. Уральские казаки — шестьдесят сотен.

7. Башкирские войска — восемьдесят пять сотен (почти все башкиры и калмыки).

* Слово «сотня» написано Энгельсом по-русски латинскими буквами. *Ред.*

8. Сибирские казаки — двадцать четыре батальона, восемьдесят четыре сотни, три батареи, в состав которых входят отчасти тунгусы, буряты и другие народности.

9. Азовские казаки, которые несут военно-морскую службу.

10. Дунайские казаки в Бессарабии — двенадцать сотен.

11. Забайкальские казаки, недавно сформированные; их организация и количество неизвестны.

Всего насчитывается примерно 847 сотен (сотня — от слова *«сто»** равняется эскадрону в 100 человек), тридцать три батальона, двадцать шесть батарей. Это составляет около 90000 человек кавалерии и 30000 пехоты. Однако для теперешних военных действий на западной границе могут быть использованы, вероятно, 40000 или 50000 человек кавалерии, несколько батарей, но ни одной пехотной единицы.

Таким образом, русская армия в мирное время (исключая войска внутренней службы) состоит из 360000 человек пехоты, 70000 — кавалерии и 90000 — артиллерии; всего 500000 человек, кроме казаков, число которых изменяется в зависимости от обстоятельств. Но из этих 500000 человек местные корпуса — Кавказский, Оренбургский и Сибирский — не могут быть использованы в какой-либо войне на западной границе империи; следовательно, против Западной Европы Россия может двинуть не более 260000 человек пехоты, 70000 — кавалерии и 50000 — артиллерии, приблизительно 1000 орудий, и, кроме того, около 30000 казаков.

Таков состав армии по штатам мирного времени. На случай войны были приняты следующие меры: полный срок службы составлял двадцать, двадцать два года или двадцать пять лет, в зависимости от обстоятельств, но после десяти или пятнадцати лет солдаты увольнялись в бессрочный отпуск и зачислялись в запас. Организация этого запаса часто менялась, но, как сейчас стало известно, уволенные в отпуск солдаты входили в течение первых пяти лет в резервный батальон (четвертый батальон в гвардейских и гренадерских полках, пятый — в линейных), резервный эскадрон или резервную батарею в соответствии с родом войск, к которому они принадлежали. Но истечении пяти лет они переходили в запасный — пятый или соответственно шестой батальон своего полка, или же в запасный эскадрон или запасную батарею. Таким образом, с призывом запаса действительные силы пехоты и артиллерии увеличились бы почти на 50%, а кавалерии — на 20%. Всем этим запасом должны были командовать отставные офицеры, и

* Слово «сто» написано Энгельсом по-русски латинскими буквами. *Ред.*

кадры их, если не в полной мере, то до известной степени были подготовлены.

Но когда разразилась война, все изменилось. Из действующей армии пришлось послать две дивизии на Кавказ, хотя они были предназначены для боевых действий на западной границе. Прежде чем англо-французские войска были посажены на суда и отбыли на Восток, три корпуса действующей армии (3-й, 4-й и 5-й) были втянуты в кампанию против турок. В это время, правда, происходило сосредоточение резервов, однако для того, чтобы собрать их из всех частей империи в соответствующие пункты, требовалось очень много времени. Наличие союзных войск и флота на Балтийском и Черном морях, равно как и колеблющаяся политика Австрии потребовали принятия более решительных мер; наборы были удвоены и утроены, и пестрая масса собранных таким образом рекрутов совместно с запасными образовали четвертый, пятый, шестой, седьмой и восьмой батальоны во всех пехотных полках; подобное же увеличение было произведено и в кавалерии. Таким образом, в восьми гвардейских, гренадерских и линейных корпусах вместо 376 батальонов теперь насчитывается около 800, а на каждые два эскадрона и две батареи по штатам мирного времени добавлено не менее одного запасного эскадрона и одной батареи. Все эти цифры, однако, выглядят более страшными на бумаге, чем в действительности; вследствие продажности русских чиновников, плохого управления армией и огромных переходов, которые приходится совершать рекрутам от их домов до сборных пунктов, а от сборных пунктов к местам расположения корпусов и дальше к месту военных действий, — большая часть солдат либо погибла, либо выбыла из строя еще до встречи с противником. Кроме того, опустошения, произведенные болезнями, и потери в боях за время двух последних кампаний были весьма значительны, поэтому мы не думаем, чтобы 1000 батальонов, 800 эскадронов и 200 батарей русской армии насчитывали в настоящее время более 600000 человек.

Правительство, однако, этим не удовлетворилось. С быстротой, свидетельствующей о том, что оно вполне осознало, как трудно собирать вместе громадные массы людей из различных частей обширной империи, правительство объявило набор ополчения, как только было закопчено формирование седьмого и восьмого батальонов. Эта милиция, или *ополчение*[*], должна была быть организована в *дружины*[**] (батальоны) — по 1000 человек

[*] Слово «ополчение» написано Энгельсом по-русски латинскими буквами. *Ред.*
[**] Слово «дружины» написано Энгельсом по-русски латинскими буквами. *Ред.*

в каждой—пропорционально количеству населения той или иной губернии; на службу должны были идти двадцать три человека из каждой тысячи мужчин или почти четверть процента всего населения. В настоящее время ополчение призвано пока лишь в западных губерниях. Этот набор, производившийся среди населения в 18000000 человек, среди которых около половины составляют мужчины, должен был дать около 120000 человек, — и эта цифра совпадает с русскими официальными отчетами. Ополчение, бесспорно, будет во всех отношениях уступать даже тем резервным частям, которые были сформированы недавно, но во всяком случае оно значительно увеличивает военные силы России и, будучи использовано для гарнизонной службы в Польше, сможет высвободить для боевых действий значительное количество линейных полков.

С другой стороны, на западную границу уже прибыло не только много казаков, по и значительное количество частей, состоящих из башкир, калмыков, киргизов, тунгусов и других монгольских народов. Этот факт показывает, как давно был отдан приказ об отправке указанных войск на запад, ибо многим из них пришлось затратить больше года на то, чтобы пройти в походном порядке до С.-Петербурга или до Вислы.

Так, Россия почти до предела мобилизовала свои военные ресурсы и все же после двух лет войны, в течение которых она не проиграла ни одного решающего сражения, не может выставить более 600000 или самое большое 650000 регулярных войск, 100000 ополченцев и, возможно, 50000 иррегулярной кавалерии. Мы не хотим этим сказать, что ее силы уже исчерпаны, но для нас совершенно ясно, что Россия после двух лет войны не сможет сделать того, что сделала Франция после двадцатилетней войны, и притом после полной гибели своей лучшей армии в 1812 г., а именно—влить в свою армию новое пополнение в 300000 человек и сдержать, хотя бы на время, натиск противника. Так велико различие в военной мощи между странами, из которых одна имеет густое население, а другая — редкое. Если бы Франция граничила с Россией, то 66000000 жителей России были бы слабее 38000000 французов. Нет никакого сомнения, что и 44000000 немцев представляют бо̲льшую силу, чем 66000000 подданных православного царя.

Русская армия набирается различными путями. В основном она комплектуется путем регулярных наборов, которые проводятся ежегодно — один год в западных губерниях Европейской России, один год — в восточных. Обычный процент на-

бора — четыре или пять рекрутов с каждой тысячи (мужских) «душ», поскольку в России в ревизские списки заносится только мужское население, ибо женщины по кастовым представлениям православной религии, не являются «душами». Солдаты из западной части империи служат двадцать лет, на восточной — двадцать пять лет. Гвардейцы служат двадцать два года; молодые люди из военных поселений — двадцать лет. Кроме этих наборов обильный источник для рекрутов представляют дети солдат. Каждый сын солдата, родившийся во время его пребывания в армии, обязан служить; это правило заходит так далеко, что государство претендует на детей, рожденных солдатскими женами, даже в том случае, если их мужья находились на другом конце империи в течение пяти или десяти лет. Эти солдатские дети называются *кантонистами,* и большинство их воспитывается на казенный счет; из их рядов выходит большая часть унтер-офицеров. Наконец, к службе в армии приговариваются по суду преступники, бродяги и другие ни на что не годные люди. Дворянин имеет право сослать в армию своего крепостного, если последний не страдает физическими недостатками; то же самое может сделать каждый отец по отношению к своему сыну, если он недоволен его поведением: «S'bogom idi pod krasnuyu shapku!» «С богом иди под красную шапку!», то есть иди в армию, — таков обычный разговор русского крестьянина с непослушным сыном.

Унтер-офицеры, как мы уже сказали, в большинстве своем рекрутируются из солдатских сыновей, воспитанных в казенных заведениях. С раннего детства проникнутые духом военной дисциплины, эти парни не имеют ничего общего с теми солдатами, которых они впоследствии должны обучать и которыми должны руководить. Они образуют обособленную группу, оторванную от народа. Они принадлежат государству и не могут без него существовать; предоставленные самим себе, они ни на что не способны. Продолжать жить под опекой правительства — вот все, чего они хотят. Эти унтер-офицеры представляют собой в армии то же, что на русской гражданской службе низший класс чиновников, рекрутирующийся из детей тех же чиновников. Это круг людей, играющих подчиненную роль, хитрых, ограниченных и эгоистичных, поверхностная образованность которых делает их еще более отвратительными; тщеславные и жадные до наживы, продавшиеся душой и телом государству, они сами в то же время ежедневно и ежечасно пытаются продать его по мелочам, если это может дать им какую-либо выгоду. Прекрасным образчиком таких людей является фельдъегерь, или курьер, сопровождавший г-на де Кюстина в его

путешествии по России и удивительно хорошо изображенный им в своем отчете об этой поездке[237]. Благодаря этой категории людей и процветает главным образом та громадная коррупция, как в гражданской, так и военной областях, которая пронизывает все звенья государственного аппарата в России. Нет сомнения, однако, что если бы Россия отказалась от этой системы полного присвоения детей государством, она была бы не в состоянии найти нужное ей количество низших чиновников для гражданской службы и унтер-офицеров — для армии.

С офицерами дело обстоит, пожалуй, еще хуже. Обучение будущих ефрейторов или фельдфебелей обходится сравнительно дешево; но подготовить офицеров для миллионной армии (именно для такого количества, согласно официальным данным, должны быть подготовлены кадры в России), это — дело очень дорогое. Частные заведения ничего в этом отношении не делают или делают очень мало, все должно делать государство. Но совершенно очевидно, что оно не в состоянии дать образование такой массе молодых людей, которая требуется для данной цели. Поэтому путем морального принуждения обязывали сыновей дворян служить, по крайней мере в течение пяти или десяти лет, в армии или на гражданской службе; семья, члены которой в течение трех поколений подряд «не служили», теряет свои дворянские привилегии и, в частности, право владеть крепостными — право, без которого обширная земельная собственность в России не представляет абсолютно никакой ценности. Ввиду этого в армию попадает большое число молодых людей в чине прапорщика или поручика, все образование которых в лучшем случае состоит в том, чтобы сравнительно легко разговаривать по-французски на самые обычные темы и немного разбираться в элементарной математике, географии и истории — все это вдалбливается им просто для видимости. Служба для них — тяжелая необходимость, которую они выполняют с нескрываемым отвращением, как своего рода длительный курс лечения; как только предписанный срок службы истекает или получен чин майора, они уходят в отставку и заносятся в списки личного состава запасных батальонов. Что касается воспитанников военных училищ, то их также начиняют знаниями главным образом для того, чтобы они могли сдать экзамен, и даже в области специальных знаний они далеко отстают от молодых людей, обучающихся в австрийских, прусских и французских военных школах. С другой стороны, талантливые и прилежные молодые люди, увлекающиеся своей специальностью, настолько редки в России, что за них сразу хватаются, лишь только они проявят себя, будь то иностранцы или русские.

Государство весьма щедро снабжает их средствами, чтобы они могли закончить свое образование, и быстро продвигает их по службе. Таких людей обычно показывают перед Европой как достижение русской цивилизации. Если у них имеются литературные наклонности, их всячески поощряют, пока они не преступают границ, установленных русским правительством; именно эта группа людей дала то немногое, что имеется ценного в русской военной литературе. Но вплоть до настоящего времени русские, к какому бы классу они ни принадлежали, еще слишком варвары, чтобы находить удовольствие в научных занятиях или в умственной работе (исключая интриг), поэтому почти все выдающиеся люди, служащие в русской армии, — иностранцы, или — что значит почти то же самое — «остзейские»[**] немцы из прибалтийских губерний. Наиболее выдающимся новейшим представителем этой группы был генерал Тотлебен, главный инженер в Севастополе, умерший в июле этого года после ранения[238]. Он безусловно был самым знающим человеком в своей области из числа участников осады в целом, возьмем ли мы русский лагерь или лагерь союзников, но он был прибалтийским немцем, пруссаком по происхождению.

Таким образом, среди офицеров русской армии есть очень хорошие и очень плохие, но первые из них составляют бесконечно малую величину по сравнению с последними. Какого мнения русское правительство о своих офицерах, это ясно и безошибочно можно установить по его тактическим уставам. Этими уставами определялись не только общие правила построения боевого порядка бригады, дивизии или армейского корпуса, так называемая «нормальная диспозиция», которую командир может изменять в соответствии с условиями местности и прочими обстоятельствами, но предусматривались различные диспозиции для всех возможных случаев, не оставляя Генералу никакого выбора и связывая его таким образом, чтобы снять с него по возможности всякую ответственность. Например, армейский корпус по уставу может быть построен для сражения пятью различными способами, и на Альме русские действительно построились согласно одному из них — именно по третьей диспозиции — и, разумеется, были разбиты. Эта мания заранее предписывать правила для всех возможных случаев оставляет так мало свободы действий для командира и до такой степени мешает ему использовать преимущества

[**] Слово «остзейские» написано Энгельсом по-русски латинскими буквами. *Ред.*

местности, что один прусский генерал, критикуя эту систему, выразился так:

«Такая система предписаний может быть терпима лишь в армии, большинство генералов которой настолько глупо, что правительство не может спокойно доверить им ничем не ограничиваемое командование или разрешить им действовать по своему усмотрению».

Русский солдат является одним из самых храбрых в Европе. Его упорство почти не уступает упорству английских и некоторых австрийских батальонов. Ему свойственно то, что Джон Буль хвастливо приписывает себе, — он не чувствует, что побит. Каре русской пехоты сопротивлялись и сражались врукопашную долгое время после того, как кавалерия прорвалась через них; и всегда считалось, что легче русских перестрелять, чем заставить их отступить. Сэр Джордж Каткарт, который наблюдал их в 1813 и 1814 гг.[239] в роли союзников, а в 1854 г. в Крыму — в роли противников, с уважением свидетельствует, что они «никогда не поддаются панике». Кроме того, русский солдат хорошо сложен, крепок здоровьем, прекрасный ходок, нетребователен, может есть и пить почти все, и более послушен своим офицерам, чем какой-либо другой солдат в мире. И тем не менее русской армии не приходится особенно хвалиться. За все время существования России как таковой русские еще не выиграли ни одного сражения против немцев,, французов, поляков или англичан, не превосходя их значительно своим числом. При равных условиях они всегда были биты другими армиями, за исключением пруссаков и турок, но при Четате и Силистрии[240] турки одержали победу над русскими, хотя численно были слабее.

Основной недостаток русских солдат состоит в том, что они — самые неповоротливые в мире. Они не годятся для службы ни в легкой пехоте, ни в легкой кавалерии. Казаки, которые в некоторых отношениях являются прекрасной легкой кавалерией, в общем настолько ненадежны, что при соприкосновении с противником в тылу казачьих аванпостов всегда располагают вторую линию аванпостов. Кроме того, казаки совершенно не пригодны для атаки. Что касается регулярных войск, пехоты и кавалерии, то они неспособны к действиям в рассыпном строю. Русские, будучи подражателями во всем, выполнят все, что им прикажут, или все, что их заставят сделать, но они не сделают ничего, если им придется действовать на свою ответственность. И действительно, этого трудно ожидать от тех, кто никогда не знал, что такое ответственность, и кто с такой же пассивной покорностью пойдет на смерть, как если бы ему

было приказано качать воду или сечь своего товарища. Было бы напрасно ожидать от русского солдата, чтобы он, действуя на аванпостах или в рассыпном строю, проявил быструю сообразительность француза или простой здравый смысл немца. Что ему нужно, это — команда, ясная, отчетливая команда, и если он ее не получит, то он, возможно, не отступит, но и вперед не пойдет и не сообразит, как ему действовать.

Кавалерия, хотя на нее тратятся большие средства и ей уделяется большое внимание, никогда не была превосходной. Она не сумела отличиться ни в войнах против французов, ни в походах против поляков. Пассивное, терпеливое, покорное повиновение русских — не являются теми качествами, которые требуются в кавалерии. Основное достоинство кавалериста, которого как раз больше всего не хватает русским, это — *«стремительность».* Так, когда 600 английских драгун со всей смелостью и отвагой настоящих кавалеристов устремились иод Балаклавой против численно намного превосходящих их русских, они опрокинули русскую артиллерию, казаков, гусар и улан, пока не достигли густых колонн пехоты, после чего им пришлось повернуть обратно; но остается еще сомнительным, кто в этой кавалерийской атаке заслуживает звания победителя. Если бы такая безрассудная атака была предпринята против какой-нибудь другой армии, то не вернулся бы ни один человек, так как противник охватил бы атакующих с флангов и с тыла и просто отрезал бы их. Русские же кавалеристы стояли неподвижно в ожидании противника и были смяты прежде, чем догадались привести в движение своих коней! Поистине, если какой-нибудь факт может свидетельствовать против русской регулярной кавалерии, так именно этот.

Артиллерия снабжается материальной частью неодинакового качества, но там, где имеются хорошие орудия, она выполняет свои обязанности хорошо. Артиллеристы проявляют большую храбрость в бою, но им всегда недостает сообразительности. Русская батарея, потерявшая своих офицеров, становится ни на что не годной; но и пока живы офицеры, она вынуждена занимать лишь предписываемые уставом позиции, хотя бы это и было абсурдным. Находясь в осажденной крепости, в условиях, когда требуются терпение, выносливость и постоянная готовность подвергнуться опасности, русская артиллерия показывает высокие качества, отличаясь, однако, не столько меткостью стрельбы, сколько самоотверженным выполнением долга и стойкостью под неприятельским огнем. Это доказывается всей осадой Севастополя.

Однако в артиллерии и инженерных войсках встречаются как раз те высокообразованные офицеры, которыми Россия хвалится перед Европой, и широкое применение талантов которых действительно поощряется. В то время как в Пруссии, например, наиболее способные люди, если они не имеют высокого чина, наталкиваются обычно на препятствия со стороны своих начальников, а все предлагаемые ими усовершенствования осуждаются как самонадеянные попытки к новшествам, так что многим из них приходится искать себе службу в Турции, где они создали регулярную артиллерию, одну из лучших в Европе, — в России все такие люди поощряются, а отличившиеся чем-нибудь делают быструю и блестящую карьеру. Дибич и Паскевич стали генералами — один, в возрасте двадцати девяти лет, другой — тридцати, а Тотлебен, в Севастополе, меньше чем за восемь месяцев продвинулся от чина капитана до генерал-майора.

Больше всего русские гордятся своей пехотой. Она отличается исключительной стойкостью и, будучи в линейном строю или колоннах, или находясь за брустверами, является опасным противником. Но этим и ограничиваются ее положительные качества. Она почти совсем не годится для службы легкой пехоты (так называемые егеря лишь считаются легкой пехотой, а на самом деле службу легкой пехоты несут лишь восемь батальонов стрелков, приданных легким корпусам); русские пехотинцы, как правило, не являются меткими стрелками, ходят они хорошо, но медленно; их колонны обычно построены так плохо, что всегда могут быть разбиты артиллерийским огнем раньше, чем они пойдут в атаку. Немало способствуют этому «нормальные диспозиции», от которых не осмеливаются отклоняться генералы. На Альме, например, британская артиллерия произвела страшное опустошение в русских колоннах задолго до того, как британская линия, столь же неповоротливая, была построена, переправилась через реку и перестроилась для атаки. Но даже о чрезвычайной стойкости пехоты, чем так гордятся русские, можно говорить лишь с известной оговоркой, после того, как при Инкермане 8000 британских пехотинцев, застигнутые врасплох на позиции, еще не вполне занятой ими и небрежно охраняемой, оказали сопротивление в рукопашном бою наступавшим на них 15000 русских, обороняясь в течение более четырех часов и с успехом отбивая их повторные атаки. Сражение при Инкермане должно было показать русским, что и в этой наиболее близкой им области у них нашлись достойные соперники. Неудача всех попыток русских объясняется храбростью британских солдат, а также сообра-

зительностью и присутствием духа, проявленными как унтер-офицерами, так и самими солдатами; после этого сражения мы можем считать оправданной претензию англичан на звание лучшей в мире *линейной* пехоты.

Обмундирование русской армии представляет почти полное подражание прусскому; снаряжение очень плохо пригнано; грудь перекрещивают не только портупеи для штыка и патронной сумки, но и лямки, на которых держится ранец. Недавно, правда, произведены некоторые изменения, но касаются ли они снаряжения, — нам неизвестно. Ружья — очень громоздкие, лишь недавно стали вводиться пистонные ружья; русское ружье самое тяжелое и неудобное из всех существующих. Кавалерийские сабли несовершенного образца и плохо закалены. Относительно новых пушек, применяемых в Крыму, пишут, что они очень хороши и превосходно действуют; но снабжена ли вся артиллерия такими пушками — это весьма сомнительно.

Наконец, русская армия все еще носит на себе печать института, обогнавшего общий уровень развития цивилизации в стране, и поэтому обладает всеми невыгодами и недостатками подобных тепличных образований. В малой войне казаки являются единственной боевой силой, которой следует опасаться ввиду их активности и неутомимости; но любовь к пьянству и грабежам делает их весьма ненадежными в глазах командиров. В большой войне из-за медлительности передвижения стратегическое маневрирование русских будет мало опасным, если только им не придется иметь дело с таким беспечным противником, каким показали себя англичане прошлой осенью. В регулярном сражении русские будут упорными противниками для солдат, но не опасными для генералов, которые ведут на них наступление. Диспозиции русских в большинстве случаев очень просты, основаны на предписанных им обычных правилах, и их легко разгадать; в то же время недостаток сообразительности как со стороны генералов, так и строевых офицеров, и неповоротливость войск делают чрезвычайно рискованными с их стороны какие-либо сложные маневры на поле сражения.

III. МЕНЕЕ ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ АРМИИ ГЕРМАНСКИХ ГОСУДАРСТВ

Бавария имеет два армейских корпуса, в каждом из которых две дивизии. Дивизия состоит из двух пехотных бригад (четыре пехотных полка и один батальон стрелков), одной кавалерийской бригады в составе двух полков и трех пеших

и одной конной батарей. Кроме того, каждый армейский корпус имеет общий резерв артиллерии — шесть пеших батарей и отряд саперов и минеров. Таким образом, вся армия насчитывает: шестнадцать полков пехоты по три батальона в каждом, что составляет с шестью батальонами стрелков всего пятьдесят четыре батальона; два полка кирасиров и шесть полков легких драгун — всего сорок восемь эскадронов; два полка пешей артиллерии (по шесть шестифунтовых и шесть двенадцатифунтовых батарей в каждом) и один полк конной артиллерии (четыре шестифунтовых батареи) — всего двадцать восемь батарей, по восемь орудий в каждой, что составляет 224 орудия, не считая шести рот крепостной артиллерии и двенадцати рот обозных войск; имеется также один инженерный полк в восемь рот и две санитарные роты. Вся армия по штатам военного времени насчитывает 72000 человек, кроме резерва и ландвера, кадров для которого пока еще нет.

В армию Германского союза[241] Австрия выставляет 1-й, 2-й и 3-й корпуса, Пруссия — 4-й, 5-й и 6-й, Бавария — 7-й; 8-й корпус выставляют вместе Вюртемберг, Баден и Гессен-Дармштадт.

Вюртемберг имеет восемь полков (шестнадцать батальонов) пехоты, четыре полка кавалерии (шестнадцать эскадронов), один полк артиллерии (четыре пеших и три конных батареи с сорока восьмью орудиями); весь контингент военного времени составляет около 19000 человек.

Баден имеет четыре полка (восемь батальонов), два батальона фюзилеров, один стрелковый батальон; всего десять батальонов пехоты, три полка, или двенадцать эскадронов кавалерии, четыре пеших и пять конных батарей, насчитывающих вместе сорок пушек. Весь контингент военного времени составляет 15000 человек.

Гессен-Дармштадт имеет четыре полка, или восемь батальонов пехоты, один полк, или шесть эскадронов легкой кавалерии и три батареи артиллерии (одна конная) с восемнадцатью орудиями. Всего 10000 человек.

Единственным своеобразием 7-го и 8-го армейских корпусов является то, что они приняли для артиллерии французские повозки. 9-й корпус армии Германского союза сформирован Саксонией, которая дает одну дивизию, и курфюршеством Гессен и Нассау, выставляющим вторую дивизию.

Доля Саксонии составляет: четыре бригады пехоты по четыре батальона в каждой и одна стрелковая бригада в составе четырех батальонов; кроме того, четыре линейных батальона и один батальон стрелков в качестве резерва, еще не организо-

ванного; четыре полка легкой кавалерии по пять эскадронов каждый и один артиллерийский полк в составе шести пеших и двух конных батарей. Всего — двадцать батальонов пехоты, двадцать эскадронов кавалерии и пятьдесят орудий, или 24500 человек по штатам военного времени. В курфюршестве Гессен имеется четыре полка, или восемь батальонов, один батальон фюзилеров и один батальон стрелков, два эскадрона кирасиров и семь эскадронов гусар, три батареи, из которых одна конная. Всего десять батальонов, девять эскадронов, девятнадцать орудий; весь контингент военного времени — 12000 человек. Нассау имеет семь батальонов, две батареи, или 7000 человек контингента военного времени и двенадцать орудий.

10-й армейский корпус образуют войска Ганновера и Брауншвейга, составляющие первую дивизию, и Мекленбурга, Гольштейна, Ольденбурга и ганзейских городов, дающих вторую дивизию. Ганновер выставляет восемь полков, или шестнадцать батальонов, и четыре батальона легкой пехоты, шесть полков, или двадцать четыре эскадрона кавалерии, четыре пешие и две конные батареи. Всего — 22000 человек и тридцать шесть орудий. Артиллерия организована по английскому образцу. Брауншвейг выставляет пять батальонов, четыре эскадрона и двенадцать орудий, всего — 5300 человек. О мелких государствах, дающих вторую дивизию, не стоит упоминать.

Наконец, самые мелкие из малых государств Германии образуют одну резервную дивизию; вместе с ней весь контингент армии Германского союза по штатам военного времени может быть выражен следующей таблицей:

	I. Контингенты				II. Резервы			
	Пехота	Кавалерия	Число орудий	Всего	Пехота	Кавалерия	Число орудий	Всего
Австрия	73 501	13 546	192	94 822	36 750	6 773	96	47 411
Пруссия	61 629	11 355	160	79 484	30 834	5660	80	39 742
Бавария	27 566	5 086	72	35 600	13 793	2543	36	17 800
8-й корпус.........	23 369	4 308	60	30 150	11 685	2154	32	15 075
9-й корпус.........	19 294	2 887	50	24 254	9 702	1446	25	12 136
10-й корпус.......	22 246	3 572	58	28 067	11 107	1788	29	14 019
Резервная дивизия.....	11 116	—	—	11 116	5 584	—	—	55 84
Всего............	238 721	40 754	592	303 493	119 455	20 364	298	153 767

Это, разумеется, не дает полного представления о действительных вооруженных силах Германского союза, так как в случае необходимости Пруссия, Австрия и Бавария смогут выставить гораздо больше вышеуказанных контингентов. Войска 10-го корпуса и резервная дивизия, а может быть и войска 9-го корпуса, могли бы образовать гарнизоны, чтобы разнообразием организации и своими особенностями не препятствовать быстроте полевых действий. По боевым качествам солдаты этих армий находятся более или менее на уровне австрийских и прусских солдат, но, разумеется, эти небольшие армии не создают благоприятных условий для развития военных талантов, и в порядках, существующих в этих армиях, много устаревшего.

В третьей и заключительной статье мы рассмотрим испанскую, сардинскую, турецкую и другие армии Европы.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ

I. ТУРЕЦКАЯ АРМИЯ

В начале нынешней войны турецкая армия была более боеспособной, чем когда-либо раньше. Различные попытки ее реорганизации и преобразования после восшествия на престол Махмуда, янычарской резни[242] и особенно после Адрианопольского мира были объединены и приведены в систему. Первое и самое большое препятствие — независимое положение пашей, командующих отдаленными провинциями, — было в значительной степени устранено; в целом они стали подчиняться дисциплине в такой же мере, в какой, примерно, подчиняются и командующие европейскими округами. Однако невежество, наглость и стяжательство пашей сохранились в полной силе, остались такими же, как и в период хозяйничания азиатских сатрапов; и если в течение последних двадцати лет нам редко приходилось слышать о восстаниях пашей, то мы достаточно слышали о восстаниях провинций против своих алчных правителей. Эти правители — в прошлом самые ничтожные домашние рабы и «люди, готовые на все» — пользовались своим новым положением, чтобы накапливать богатства путем вымогательств, взяток и бессовестного хищения государственных средств. Само собой разумеется, что при таком положении дел организация армии в значительной мере существует лишь на бумаге.

Турецкая армия состоит из регулярной действующей армии (низам), резерва (редиф), иррегулярных войск и вспомогательных войск вассальных государств.

Низам состоит из шести корпусов (орду), каждый из них набирается в том округе, который он занимает, подобно армейским корпусам в Пруссии, где каждый корпус дислоцирован в той провинции, из которой он рекрутируется. Вообще, как мы увидим, организация турецкого низама и редифа скопирована с прусского образца. Штабы шести корпусов находятся в Константинополе, Шумле, Толи-Монастыре, Эрзеруме, Багдаде и Алеппо. Каждый корпус должен иметь во главе мушира

(маршала) и состоять из двух дивизий, или шести бригад, включающих в себя шесть пехотных полков, четыре кавалерийских полка и один артиллерийский полк.

Пехота и кавалерия организованы по французской системе, артиллерия — по прусской.

Пехотный полк состоит из четырех батальонов по восемь рот в каждом и должен насчитывать при полной его укомплектованности 3250 человек, включая офицеров и штаб, или 800 человек в батальоне; однако до войны в батальоне редко было более 700 человек, а в Азии почти всегда значительно меньше.

Кавалерийский полк включает четыре эскадрона улан и два эскадрона егерей; каждый эскадрон должен насчитывать 151 человек, обычно же эскадроны еще менее укомплектованы, чем пехотные роты.

Каждый артиллерийский полк состоит из шести конных и девяти пеших батарей, с четырьмя орудиями в каждой, так что общее количество орудий в полку равно шестидесяти.

Таким образом, каждый корпус должен насчитывать 19500 человек пехоты, 3700 человек кавалерии и шестьдесят орудий. В действительности же общая численность корпуса никогда не превышает 20000—21000 человек.

Кроме шести корпусов имеется четыре артиллерийских полка (один резервный и три полка крепостной артиллерии), два полка саперов и минеров и три особых отряда пехоты, посылаемых в Кандию, Тунис и Триполи, общей численностью в 16000 человек.

Итак, до войны общая численность низама, или регулярной постоянной армии, была, по-видимому, такова:

36 полков пехоты в среднем по 2 500 человек	90 000 чел.
24 полка кавалерии в среднем по 660—670 человек	16 000 »
7 полков полевой артиллерии	9 000 »
3 полка крепостной артиллерии	3 400 »
2 полка саперов и минеров	1 600 »
Отдельные отряды	16 000 »
Всего	136 000 чел.

Солдаты, отслужив пять лет в низаме, увольняются в отпуск и в течение последующих семи лет образуют часть редифа, или резерва. Этот резерв делится на такое же количество корпусов, дивизий, бригад, полков и т. д., как и постоянная армия;

по отношению к низаму он является по существу тем же, чем в Пруссии ландвер первого призыва по отношению к линейным войскам, с той лишь разницей, что в Пруссии в соединениях более крупных, чем бригады, линейные войска и ландвер всегда перемешаны, тогда как в турецкой армии они друг от друга отделены. Офицеры и унтер-офицеры редифа всегда находятся при запасных частях; раз в году редиф созывается на учения и в течение этого времени получает такой же оклад и паек, как и линейные войска. Но такая организация, предполагающая хорошо налаженное гражданское управление и такой уровень цивилизации, от которого Турция еще очень далека, существует в значительной степени лишь на бумаге; поэтому, если мы примем, что редиф количественно равен низаму, то, видимо, назовем максимально возможное его количество.

Контингент вспомогательных войск набирается в следующих местах:

1. Дунайские княжества	6 000 чел.
2. Сербия	20 000 »
3. Босния и Герцеговина	30 000 »
4. Верхняя Албания	10 000 »
5. Египет	40 000 »
6. Тунис и Триполи	10 000 »
Всего	116 000 чел.

К этим войскам надо прибавить добровольцев — башибузуков; Малая Азия, Курдистан и Сирия могут доставлять их в большом количестве. Это — последние остатки тех полчищ иррегулярных войск, которые в прошлые века наводняли Венгрию и дважды подходили к Вене[243], преимущественно кавалерийские части; до какой степени они уступают даже наиболее слабо снаряженной европейской кавалерии, доказывают постоянные поражения, которые они несли в течение последних двух веков. Они утратили свою прежнюю самоуверенность, и теперь роль их сводится к тому, чтобы, собираясь вокруг армии, поедать и уничтожать ресурсы, необходимые для пропитания регулярных войск. Страсть к грабежам и ненадежность башибузуков делают их неспособными даже к той службе сторожевого охранения, которую русские поручают своим казакам; в момент, когда башибузуки бывают больше всего нужны, их невозможно найти. Поэтому в нынешнюю войну было признано целесообразным уменьшить количество этих войск, и мы полагаем, что их было собрано не больше 50000 человек.

Таким образом, количественный состав турецкой армии в начале нынешней войны мы можем определить в следующих цифрах:

Низам	136 000 чел.
Редиф	136 000 »
Вспомогательные регулярные войска из Египта и Туниса	50 000 »
Вспомогательные иррегулярные войска из Боснии и Албании	40 000 »
Башибузуки	50 000 »
Всего	412 000 чел.

Но из этого общего числа следует вычесть некоторое количество. Представляется довольно достоверным, что корпуса, расположенные в Европе, находились в сравнительно хорошем состоянии и были укомплектованы в той мере, в какой это возможно в Турции; однако в Азии, в отдаленных провинциях, где преобладает мусульманское население, люди, возможно, и были наготове, но с оружием, обмундированием, боевыми припасами дело обстояло очень плохо. Дунайская армия была организована главным образом из трех европейских корпусов. Это ядро, вокруг которого был собран европейский редиф, сирийский корпус, или, по крайней мере, большая его часть, отряды арнаутов[244] и босняков и башибузуки. Между тем исключительная осторожность Омер-паши — его упорное нежелание до самого последнего времени вводить в действие свои войска — служит лучшим доказательством того, как мало . верил он в боеспособность этой единственной хорошей регулярной армии, которой когда-либо располагала Турция. Но в Азии, где все еще процветает прежняя турецкая система хищений и бездействия, оба корпуса низама, весь редиф и вся масса иррегулярных войск не могли противостоять значительно более слабой в численном отношении русской армии; каждое сражение кончалось поражением турок, и к концу кампании 1854 г. азиатская армия Турции почти перестала существовать. Отсюда ясно, что не только отсутствует организация армии во всех ее деталях, но и большей части самих войск фактически не существует. От иностранных офицеров и газетных корреспондентов в Карсе и Эрзеруме постоянно слышались жалобы на недостаток в оружии, обмундировании, боевых припасах и продовольствии, и все они утверждали, что причиной этого являлись бездеятельность, неспособность и алчность пашей. Им регулярно посылались деньги, но они каждый раз присваивали их себе.

Обмундирование солдата турецкой регулярной армии в общем скопировано с западных армий; существенным отличием является красная феска, наихудший для тамошнего климата головной убор, способствующий в летнюю жару частым солнечным ударам. Качество материала очень скверное, между тем обмундирование не меняется в положенный срок, так как офицеры обычно присваивают себе деньги, предназначенные для его замены. Оружие — несовершенного образца как в пехоте, так и в кавалерии; лишь артиллерия обеспечена прекрасными полевыми пушками, отлитыми в Константинополе под руководством европейских офицеров и гражданских инженеров.

Турок сам по себе неплохой солдат. По природе своей он храбр, исключительно вынослив и терпелив, и при известных условиях послушен. Европейские офицеры, которым удалось заслужить доверие турецкого солдата, могут положиться на него; об этом свидетельствуют Грах и Батлер в Силистрии и Искандер-бек (Ильинский) в Валахии. Но это — исключения. В целом врожденная ненависть турок к «гяурам» настолько сильна, их обычаи и представления настолько отличны от европейских, что, пока турки останутся правящей нацией в стране, они не подчинятся людям, которых в душе презирают, считая их гораздо ниже себя. Это чувство презрения распространилось даже на организацию армии, после того как она приняла европейский вид. Рядовой турок ненавидит учреждения гяуров не меньше, чем их самих. К тому же строгая дисциплина, непрерывная активность и постоянное внимание, требуемые в современной армии, крайне ненавистны ленивому, созерцательному фаталисту — турку. Даже офицеры скорее допустят, чтобы армию разбили, чем проявят активность и здравый смысл. Это одна из самых слабых сторон турецкой армии, и ее одной уже достаточно, чтобы сделать армию непригодной для какой-либо наступательной кампании.

Рядовые и унтер-офицеры рекрутируются посредством добровольной записи и жеребьевки; среди младших офицеров встречаются иногда люди, выдвинувшиеся из рядовых, но, как правило, это нестроевые и денщики, так называемые чубукджи и кахведжи старших офицеров. Военные школы в Константинополе, стоящие далеко не на высоком уровне, не могут подготовить достаточного количества молодых людей для заполнения вакансий. Что касается более высоких чинов, то здесь процветает система такого фаворитизма, о котором в странах Запада не имеют никакого представления. Большая часть генералов — это бывшие черкесские рабы,

mignons* тех или иных знатных лиц во времена их молодости. Крайнее невежество, ограниченность и самоуверенность господствуют повсюду, а дворцовые интриги являются главным средством продвижения по службе. Даже тех немногих европейских генералов (ренегатов), которые находятся на турецкой службе, не приняли бы, если бы они не были абсолютно необходимы, чтобы не дать развалиться всей военной машине. Но при данных условиях принимали без разбора как действительно достойных людей, так и просто авантюристов.

В настоящее время, после трех кампаний, турецкой армии, можно сказать, не существует, за исключением 80000 человек первоначальной армии Омер-паши, часть которых .находится на Дунае, а часть — в Крыму. Азиатская армия состоит из всякого сброда в количестве приблизительно 25000 человек, она не пригодна для полевых действий и деморализована вследствие поражений. Куда исчезли остальные из имевшихся 400000 человек, никому неизвестно: возможно, что часть их пала на поле сражения, погибла от болезней, стала инвалидами и уволена, а часть превратилась в разбойников. Весьма вероятно, что это будет последняя турецкая армия, ибо трудно предположить, чтобы Турция могла оправиться от удара, полученного благодаря союзу с Англией и Францией.

Прошло то время, когда бои под Олтеницей[245] и Четате вызывали преувеличенные восторги турецкой отвагой. Упорного бездействия Омер-паши оказалось достаточно, чтобы породить сомнение относительно остальных военных качеств турецких войск; этого сомнения не смогла полностью рассеять даже блестящая оборона Силистрии. Поражения в Азии, бегство из-под Балаклавы, строго оборонительная позиция турок в Евпатории и их абсолютное бездействие в лагере под Севастополем — все это дало возможность более правильно оценить военные качества турок. Организация турецкой армии была такова, что вынести какое-либо общее суждение о ее достоинствах было до сих пор совершенно невозможно. Несомненно, некоторые из ее полков отличались храбростью, имели хороших командиров и способны были нести любую службу, но таких было очень мало. Огромной массе пехотинцев недоставало сплоченности, поэтому пехота не годилась для полевой службы, хотя и обнаруживала хорошие качества в окопной войне. Регулярная кавалерия безусловно уступала кавалерии любой европейской державы. На более высоком уровне стояла артиллерия, полевые полки ее были превосходны; солдаты казались рожден-

* — фавориты. *Ред.*

ными для такого рода службы, однако офицеры оставляли желать много лучшего. В редифе, по-видимому, сильно сказывалась плохая организация, хотя солдаты его несомненно готовы были сделать все возможное. Среди иррегулярных войск арнауты и босняки проявили себя только отличными партизанами и чаще всего использовались в обороне укреплений. Зато башибузуки оказались почти бесполезными и даже больше чем бесполезными. Египетский контингент находился, по-видимому, примерно на одном уровне с турецким низамом, тунисские же войска почти вовсе ни на что не были пригодны. Поэтому не удивительно, что вся эта разношерстная армия с таким плохим офицерским составом и негодным управлением почти совершенно развалилась после трех кампаний.

II. САРДИНСКАЯ АРМИЯ

Сардинская армия состоит из десяти бригад пехоты, десяти батальонов стрелков, четырех бригад кавалерии, трех полков артиллерии, одного полка саперов и минеров, отряда,карабинеров (полицейские войска) и легкой кавалерии с острова Сардиния.

В состав десяти пехотных бригад входят одна гвардейская бригада, четыре батальона гренадер, два батальона егерей и девять линейных бригад, равных восемнадцати полкам по три батальона в каждом. К ним следует добавить десять стрелковых батальонов (bersaglieri*) по одному на каждую бригаду, так что количество ныне обученной легкой пехоты в сардинской' армии гораздо больше, чем в любой другой армии.

Кроме этого, при каждом полку имеется запасный батальон. После 1849 г. численный состав батальонов был очень сильно сокращен по причинам финансового характера. В военное время батальон должен был насчитывать. примерно 1000 человек, в мирное же время в нем не больше 400; остальные уволены на неопределенное время в отпуск.

Кавалерия имеет в своем составе четыре полка тяжелой и пять полков легкой кавалерии. В каждом полку — четыре полевых эскадрона и один запасный. В военное время четыре полевых эскадрона полка должны насчитывать приблизительно 800 человек, а в мирное время это число едва достигает 600.

Три полка артиллерии состоят из одного полка рабочего и технического состава, одного полка крепостной артиллерии (двенадцать рот) и одного — полевой артиллерии (шесть пеших, две

* — берсальеры (итальянские стрелки). *Ред.*

конных, две тяжелых батареи по восемь орудий в каждой). Легкие батареи имеют восьмифунтовые пушки и двадцатичетырехфунтовые гаубицы; тяжелые батареи — шестнадцатифунтовые пушки; всего восемьдесят орудий.

Полк саперов и минеров насчитывает десять рот, или около 1100 человек. Число карабинеров (конных и пеших) очень велико для такого маленького королевства, их насчитывается около 3200 человек. Легкая кавалерия, выполняющая полицейскую службу на острове Сардиния, имеет в своем составе примерно 1100 человек.

В 1848 г., в период первой кампании против Австрии, численный состав сардинской армии несомненно достигал 70000 человек. В 1849 г. он увеличился почти до 130000. Затем армия была сокращена примерно до 45000 человек. Каковы ее силы в настоящий момент, трудно определить, но нет сомнения, что после заключения договора с Англией и Францией[246] армия была снова увеличена.

Эта большая эластичность пьемонтской армии, позволяющая ей в любое время увеличивать и сокращать количество войск, находящихся под ружьем, объясняется системой комплектования, весьма близкой к прусской системе; и в самом деле, Сардинию во многих отношениях можно назвать итальянской Пруссией. В государствах Сардинии каждый гражданин тоже обязан служить в армии, хотя в отличие от Пруссии допускаются заместители; срок, в течение которого гражданин считается военнообязанным, делится, как и в Пруссии, на период действительной службы и период, когда солдат, уволенный из рядов армии, продолжает оставаться в запасе и в случае войны может быть снова призван. Эта система представляет собой нечто среднее между прусским методом и методом, применяемым в Бельгии и в менее значительных германских государствах. Таким образом, посредством призыва запаса численный состав пехоты может быть увеличен примерно с 30000 до 80000 человек. Численный состав кавалерии и полевой артиллерии может увеличиться лишь незначительно, так как солдаты этих родов войск, как правило, обязаны оставаться в полках в течение всего срока своей службы.

Пьемонтская армия, как по внешнему виду своих солдат, так и по их боевым качествам, не уступает ни одной армии Европы. Подобно французам, пьемонтцы невысокого роста, особенно пехотинцы; средний рост гвардейца не достигает даже пяти футов и четырех дюймов. Но благодаря одежде хорошего покроя, военной выправке, статной и ловкой фигуре и красивым итальянским чертам лица они выглядят лучше многих

солдат высокого роста. Форма одежды и снаряжение в линейной пехоте и гвардии сходны в основном с французскими образцами, кое-какие детали заимствованы у австрийцев. Берсальеры носят особую форму: шапочку матросского типа с большим плюмажем из петушиных перьев и коричневый мундир. Кавалеристы носят короткие коричневые куртки, едва доходящие до бедер. Пехота вооружена в основном пистонными ружьями, берсальеры — короткими тирольскими карабинами, которые представляют собой хорошее и вполне пригодное оружие, но все же во всех отношениях уступают винтовке Минье. Кавалеристы первой шеренги вооружены главным образом пиками; сохраняется ли это правило в легкой кавалерии, мы не можем сказать. Восьмифунтовый калибр в конных и легких пеших батареях дает им такое же преимущество перед прочими европейскими армиями, какое имели французы, пока сохраняли у себя этот калибр. Но тяжелые батареи с шестнадцатифунтовыми пушками делают их артиллерию самой тяжелой полевой артиллерией на континенте. То, что эти пушки, когда они установлены, могут превосходно действовать, показало сражение на реке Черной, где их меткая стрельба в значительной степени способствовала успеху союзников и вызвала всеобщее восхищение.

Из всех итальянских государств расположение Пьемонта наиболее благоприятно для создания хорошей армии. Равнины реки По и ее притоков поставляют превосходных лошадей и красивых рослых солдат, самых высоких из всех итальянцев, отлично приспособленных к службе в кавалерии и тяжелой артиллерии. В горах, окружающих эти равнины с трех сторон — с севера, запада и юга, — живут смелые люди, не очень большого роста, но сильные и энергичные, трудолюбивые и сообразительные, как все горцы. Именно они-то и составляют ядро пехоты, особенно берсальерскпх частей, которые по своей подготовке почти не уступают chasseurs de Vincennes*, но безусловно превосходят их физической силой и выносливостью.

Военные школы Пьемонта в целом стоят на высоком уровне, и поэтому офицерский состав хорошо подготовлен. До 1846 г. большое влияние при назначениях на офицерские должности имели аристократия и духовенство. До этого момента Карл-Альберт признавал лишь две силы, с помощью которых он управлял: духовенство и армию; и действительно, в Италии всюду можно было услышать, что в Пьемонте из трех лиц, которых встречаешь на улице, один непременно оказывается

* — венсеннским стрелкам. *Ред.*

солдатом, другой монахом и только третий штатским человеком. В настоящее время, разумеется, с этим покончено; духовенство не имеет совершенно никакого влияния, и хотя дворянство сохранило за собой многие офицерские должности, все же войны 1848 и 1849 гг. наложили свой отпечаток на армию, придав ей в известной степени демократический характер, а этот демократизм не так легко уничтожить. Некоторые находящиеся в Крыму корреспонденты английских газет утверждают, что почти все пьемонтские офицеры — «дворяне по происхождению», однако это далеко не так; мы лично знаем некоторых пьемонтских офицеров, которые вышли из рядовых, и можем с уверенностью сказать, что большинство нынешних капитанов и лейтенантов — это люди, которые либо заслужили эполеты своей храбростью в борьбе против австрийцев, либо, по меньшей мере, не связаны с аристократией.

Мы полагаем, что лучший комплимент, который может быть сделан пьемонтской армии, содержится в мнении, высказанном одним из ее бывших противников, генералом Шёнхальсом, главным квартирмейстером австрийской армии в 1848 и 1849 годах. В своих «Воспоминаниях об итальянской кампании» это г генерал, один из лучших офицеров австрийской армии и человек, который всеми средствами препятствовал установлению независимости Италии, всегда с величайшим уважением отзывался о пьемонтской армии:

«Ее артиллерия», — заявлял он, — «состоит из отборных людей, командуют ею хорошие и знающие офицеры; материальная часть в хорошем состоянии, а калибры лучше наших». «Кавалерией нельзя пренебрегать, кавалеристы первой шеренги вооружены пиками, но так как этим оружием могут владеть лишь самые искусные всадники, мы не решились бы назвать это нововведение значительным усовершенствованием. Однако их школа верховой езды стоит на высоком уровне». «При Санта-Лючии обе стороны сражались с поразительной храбростью. Пьемонтцы атаковали очень энергично и стремительно; как пьемонтцы, так и австрийцы совершали много подвигов и проявляли личную храбрость». «Пьемонтской армии не приходится краснеть, когда речь заходит о сражении при Новаре», и т. д.[247]

Прусский генерал Виллизен, участвовавший в кампании 1848 г. и отнюдь не сочувствующий итальянской независимости, также с похвалой отзывается о пьемонтской армии.

С 1848 г. некоторые круги в Италии смотрят на короля Сардинии как на будущего главу всего полуострова. Не разделяя этого мнения, мы все же думаем, что когда итальянцам удастся отвоевать свою свободу, пьемонтские войска будут главной военной силой в достижении этой цели, и они же образуют ядро будущей итальянской армии. Прежде чем это осуществится,

пьемонтская армия переживет, возможно, ряд внутренних революционных изменений, но ее превосходные военные элементы выдержат все испытания и она даже выиграет от включения ее в действительно национальную армию.

III. МЕНЕЕ ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ АРМИИ

Папская армия существует, по-видимому, только на бумаге. Батальоны и эскадроны никогда не бывают полностью укомплектованными и составляют лишь слабую дивизию. Кроме того, имеется полк швейцарской гвардии, — единственная воинская часть, на которую правительство может еще сколько-нибудь положиться. Армии Тосканы, Пармы и Модены слишком незначительны, чтобы на них останавливаться; достаточно сказать, что в основном они организованы по австрийскому образцу. Помимо этого, имеется неаполитанская армия, по и она не заслуживает того, чтобы много о ней говорить. Эта армия никогда не блистала храбростью перед лицом противника; воевала ли она за короля, как в 1799 г., или за конституцию, как в 1821 г., она всегда отличалась тем, что обращалась в бегство[248]. Даже в 1848 и 1849 гг. местные войска неаполитанской армии повсюду терпели поражение от инсургентов, и если бы не швейцарские войска, король-бомба не сидел бы теперь на своем троне. Во время осады Рима Гарибальди с небольшим отрядом солдат выступил против неаполитанской дивизии и дважды разбил ее[249]. Численный состав неаполитанской армии по штатам мирного времени определяется в 26000— 27000 человек, но в 1848 г. он, как утверждают, исчислялся в 49000 человек, а полный состав ее достигал будто бы 64000 человек. Из всех этих войск только швейцарцы заслуживают внимания. Они образуют четыре полка по два батальона в каждом; при полном составе батальон должен состоять из 600 человек, а все четыре полка — из 4800 человек. Но в настоящее время их кадры переполнены, и в каждом батальоне имеется около 1000 человек (один только 4-й, бернский полк, насчитывает 2150 человек); общая численность швейцарских войск равна приблизительно 9000 человек. Это действительно первоклассные войска под командованием своих собственных офицеров, независимые во внутренней организации и в своем управлении от неаполитанского правительства. Впервые они были наняты на службу в 1824 или 1825 г., когда король, не доверяя больше своей еще недавно бунтовавшей армии, счел необходимым окружить себя сильной лейб-гвардией. С различными кантонами были заключены договоры или, как они назывались,

«капитуляции» на тридцать лет; швейцарские войска сохраняли свой собственный дисциплинарный устав и военную организацию и оплачивались втрое выше местных неаполитанских солдат; войска вербовались из добровольцев всех кантонов, где были созданы вербовочные бюро. Офицерам в отставке, ветеранам и раненым обеспечивались пенсии. Если по истечении тридцати лет капитуляция не возобновлялась, полки подлежали роспуску. Нынешняя швейцарская конституция запрещает вербовку на иностранную службу, и поэтому после 1848 г. капитуляции были аннулированы; вербовка в Швейцарии была, по крайней мере официально, прекращена, но в Кьяссо и других местах Ломбардии были созданы сборные пункты, и многие агенты по вербовке тайно продолжали свое дело на швейцарской территории. Неаполитанское правительство так сильно нуждалось в рекрутах, что не отказывалось принимать даже отщепенцев из числа политических эмигрантов, находившихся тогда в Швейцарии. При таких обстоятельствах неаполитанский король подтвердил привилегии, установленные капитуляциями для швейцарских солдат, а в августе прошлого года, когда истекли обусловленные договором тридцать лет, в специальном декрете вновь продлил привилегии на все время, пока швейцарцы останутся у него на службе.

IV. ШВЕЙЦАРСКАЯ АРМИЯ

В Швейцарии нет постоянной национальной армии. Каждый швейцарец обязан служить в милиции, если он годен к военной службе. Милиция делится на три возрастные категории (Auszug, erstes и zweites Aufgebot*). Молодые люди в течение первых лет службы призываются специально для обучения, и время от времени их собирают в лагери. Но все, кому довелось наблюдать неуклюжую походку и неприглядный вид швейцарских солдат или слушать шутки, которыми молодые солдаты обмениваются с обучающим их сержантом, должны признать, что их военные качества развиты очень слабо. О том, что представляет собой в боевом отношении эта милиция, мы можем судить только по примеру войны с Зондербундом в 1847 г.[250], которая отличалась исключительно небольшим количеством потерь по сравнению с участвовавшими в ней силами. Организация милиции почти целиком в руках правительств отдельных кантонов, и хотя ее общее устройство определено федеральным законом и во главе стоит федеральный штаб, подобная

* — первые возраста, первый и второй призывы. *Ред.*

система не может не приводить к нарушению порядка и единообразия. В то же время эта система неизбежно препятствует необходимому накоплению запасов, введению усовершенствований и систематическому укреплению важных пунктов, особенно там, где Швейцария уязвима, — на ее границе с Германией.

Швейцарцы, подобно всем горцам, — прекрасные солдаты, если они вымуштрованы; где бы они ни служили в качестве регулярных войск под чужими знаменами, они сражались очень хорошо. Однако они не отличаются быстрой сообразительностью, и для того, чтобы у них появились уверенность в своих силах и чувство спайки, они нуждаются в более длительном обучении, чем, например, французы или немцы Северной Германии. Возможно, что в случае нападения на Швейцарию со стороны иностранного государства патриотический подъем восполнит эти недостатки, но это весьма сомнительно. Регулярная армия в 80000 человек и даже менее наверняка одолеет те 160000 и более человек, которых швейцарцы, по их словам, могут выставить. В 1798 г. французы одержали победу над ними[251], введя в действие лишь несколько полков.

Швейцарцы очень гордятся своими отличными стрелками. Несомненно, в Швейцарии сравнительно больше хороших стрелков, чем в любой другой европейской стране, за исключением альпийских владений Австрии. Но когда видишь, что почти все эти меткие стрелки вооружены в армии обыкновенным неудобным пистонным ружьем, уважение к отличным швейцарским стрелкам значительно падает. Небольшое количество стрелковых батальонов состоит, возможно, из отличных стрелков, но их короткие и тяжелые ружья (Stutzen) устарели и ничего не стоят по сравнению с винтовками Минье, а неудобный медленный способ, которым заряжают эти ружья, насыпая порох из порохового рога, не обеспечивает им успеха против войск, вооруженных более совершенным оружием.

Вооружение, снаряжение, организация, система обучения в швейцарской армии устарели и, видимо, такими и останутся, пока правительства отдельных кантонов будут причастны к этому делу.

V. СКАНДИНАВСКИЕ АРМИИ

Шведская и норвежская армии, хотя и объединены под знаменами одного государя, в такой же мере самостоятельны, как и страны, которым они принадлежат. В отличие от Швейцарии, эти горные государства имеют постоянные армии. Но по своим суровым природным условиям, а следовательно, и по малочисленности населения, Скандинавский полуостров так

похож на Швейцарию, что даже в военной организации обеих стран преобладает одна и та же система — система милиции.

Швеция имеет три категории войск — полки, сформированные посредством вербовки (varfvade truppar), провинциальные поселенные полки (indelta truppar) и резервные войска. Varfvade состоит из трех полков пехоты, насчитывающих шесть батальонов, двух полков кавалерии и трех полков артиллерии с тринадцатью пешими и четырьмя конными батареями, имеющими в общей сложности 96 шестифунтовых, 24 двенадцатифунтовых и 16 двадцатичетырехфунтовых пушек. В целом это составляет 7700 человек и 136 орудий. Эти войска включают всю артиллерию шведской армии.

Indelta образуют двадцать провинциальных поселенных полков по два батальона в каждом, пять отдельных батальонов пехоты и шесть полков кавалерии с количеством эскадронов, колеблющимся между одним и восьмью. Численность этих войск равна 33000 человек.

Резервные войска образуют главную массу армии и в случае призыва дадут 95000 человек.

Кроме того, на острове Готланд имеется особая, находящаяся всегда под ружьем милиция, которая образует двадцать одну роту в составе 7850 человек и шестнадцати орудий. Итак, в общей сложности, шведская армия насчитывает около 140000 человек и 150 полевых орудий.

Срок службы волонтеров в полках первой категории равен обычно четырнадцати годам, но закон разрешает вербовать и на три года. Indelta представляет собой особый вид милиции, солдаты которой, пройдя обучение, живут вместе со своими семьями в предоставленных им фермах и призываются на учения только один раз в году на месяц. Жалованьем служит им доход от ферм, но во время сбора они получают особое вознаграждение. Офицеры также получают во временное владение участки коронной земли в соответствующих районах страны. В резерве состоят все годные к военной службе шведы в возрасте от двадцати до двадцати пяти лет; они проходят кратковременную военную подготовку, а затем ежегодно на две недели призываются на учения. Таким образом, за исключением немногочисленной категории varfvade и готлаудских войск, вся масса шведской армии — indelta и резерв — по существу представляет собой милицию.

В военной истории шведы занимают место, совершенно несоответствующее тому ограниченному количеству населения, из которого комплектовались знаменитые шведские армии. Густав Адольф во время Тридцатилетней войны[252] своими ре-

формами открыл новую эру в тактике. Карл XII, чей огромный военный талант погубила страсть к авантюрам, заставлял шведов совершать действительно чудеса, — например, брать укрепления кавалерийской атакой. В последних войнах против России шведы показали себя с наилучшей стороны; в 1813 г. Бернадот по возможности не подвергал риску шведские войска, и шведы почти не были под огнем, разве только по ошибке, за исключением Лейпцигской битвы, где они составляли лишь ничтожную часть союзных сил. Varfvade и даже indelta, несомненно, всегда поддержат славу шведского оружия; по резерв, если его не созывать и не обучать в течение длительного времени перед военными действиями, может фигурировать лишь как армия рекрутов.

Норвегия имеет пять бригад пехоты, состоящих из двадцати двух батальонов, или 12000 человек, одну бригаду кавалерии в составе трех дивизий стрелков, или 1070 человек, и один полк артиллерии — около 1300 человек; кроме того, у нее имеется резерв в виде милиции, насчитывающей 9000 человек; общая численность норвежской армии равняется примерно 24000 человек. По своему устройству эта армия мало чем отличается от шведской. Единственная отличительная черта ее — небольшое количество стрелковых рот, снабженных лыжами, на которых солдаты при помощи длинных палок, подобно лопарям, быстро передвигаются по снегу.

Датская армия состоит из двадцати трех батальонов пехоты (одного гвардейского, двенадцати линейных, пяти легких и пяти стрелковых), объединенных в четыре бригады, причем в каждом батальоне по штатам мирного времени около 700 человек; трех бригад кавалерии (трех гвардейских эскадронов, шести драгунских полков по четыре эскадрона в каждом; эскадрон насчитывает 140 человек в мирное время); одной артиллерийской бригады (два полка с двенадцатью батареями, имеющими 80 шестифунтовых и 16 двенадцатифунтовых пушек) и трех саперных рот. Общая численность — 16630 человек пехоты, 2900 — кавалерии, 2900 — артиллерии и саперных частей с девяносто шестью орудиями.

По штатам военного времени состав каждой роты доводится до 200 человек, батальона — до 800 и эскадрона — до 180 человек, так что численность всех линейных войск достигает 25500 человек. Кроме того, могут быть призваны из резерва тридцать два батальона, двадцать четыре эскадрона и шесть батарей — в общем 31500 человек, что дает возможность довести армию примерно до 56000—57000 человек. Но и это количество в случае необходимости может быть увеличено; например, в последнюю

войну одна Дания, без Гольштейна и Шлезвига, смогла выставить от 50000 до 60000 человек, и в указанных герцогствах она теперь вновь получила право производить набор.

Армия комплектуется посредством жеребьевки из молодых людей, начиная с двадцатидвухлетнего возраста. Срок службы— восемь лет, но фактически артиллеристы остаются в полках шесть лет, а солдаты линейных войск только четыре года, остальное время они находятся в резерве. В возрасте от тридцати до тридцати восьми лет датчане принадлежат к милиции первого призыва, а в возрасте до сорока пяти лет — к милиции второго призыва. Все это очень хорошо организовано, но в случае войны с Германией почти половина датских войск — войска, набранные в герцогствах — разбежится и обратит оружие против своих нынешних товарищей по оружию. Именно эта сильная примесь шлезвиг-гольштинцев является слабой стороной датской армии; она делает армию фактически почти совершенно бессильной в случае каких-либо столкновений с се более могущественным соседом.

Со времени реорганизации в 1848—1849 гг. датская армия хорошо снаряжена и вооружена и имеет во всех отношениях достаточно прочную основу. Уроженец собственно Дании — хороший солдат, отлично зарекомендовавший себя почти во всех боях трехлетней войны, однако шлезвиг-гольштинец, несомненно, обнаружил превосходство над ним. Офицерский состав в общем хорош, но среди офицеров слишком много выходцев из аристократии, и они имеют весьма слабую теоретическую подготовку. Офицерские донесения, как правило, составлены столь же небрежно, как и донесения британских офицеров; сходство датских войск с британскими еще в том, что они также отличаются малой подвижностью; но им еще не удалось показать несокрушимую выдержку, обнаруженную победителями при Инкермане. Шлезвиг-гольштинцы бесспорно могут быть отнесены к числу лучших солдат Европы. Они — отличные артиллеристы, сохраняющие такое же хладнокровие в бою, как и их сородичи — англичане. Хотя они являются жителями равнин, однако хорошо приспособлены к службе в легкой пехоте; их первый стрелковый батальон в 1850 г. мог соперничать с любой частью того же рода войск.

VI. ГОЛЛАНДСКАЯ АРМИЯ

Голландская армия насчитывает тридцать шесть батальонов пехоты, сведенных в девять полков, или 44000 человек; четыре полка драгун в составе двадцати эскадронов, два эскадрона

конных стрелков и два эскадрона жандармов; все двадцать четыре эскадрона кавалерии насчитывают 4400 человек; два полка полевой артиллерии (пять шестифунтовых и шесть двенадцатифунтовых пеших батарей, две шестифунтовые и две двенадцатифунтовые конные батареи, всего 120 орудий) и один саперный батальон; общая численность равна 58000 человек, не считая различных полков в колониях. Но в мирное время эта армия не всегда имеется налицо. Под ружьем находится ядро, состоящее из офицеров, унтер-офицеров и небольшого количества солдат-добровольцев. Основная масса солдат, хотя и обязана служить пять лет, на деле обучается в течение двух-трех месяцев, после чего распускается по домам, чтобы потом ежегодно отбывать в течение нескольких недель лагерный сбор. Кроме того, имеется своего рода резерв, который делится на три призыва; в него входят все годные к военной службе граждане в возрасте от двадцати до тридцати пяти лет. Первый призыв образует около пятидесяти трех батальонов, а второй — двадцати девяти батальонов пехоты и артиллерии. Но эти части совершенно не организованы, и их едва ли можно принимать в расчет даже как милицию.

VII. БЕЛЬГИЙСКАЯ АРМИЯ

Бельгийская армия состоит из шестнадцати полков пехоты, насчитывающих сорок девять батальонов, кроме запасного батальона при каждом полку; общая численность пехоты — 46000 человек. Кавалерия состоит из двух стрелковых и двух уланских полков, одного полка гидов, двух полков кирасиров — в общем тридцать восемь эскадронов, кроме семи запасных; всего в кавалерии 5800 человек. Артиллерия состоит из четырех полков (четырех конных, пятнадцати пеших, четырех запасных батарей и двадцати четырех рот крепостной артиллерии) с 152 шести- и двенадцатифунтовыми пушками; кроме того, имеется один полк саперов и минеров, насчитывающий 1700 человек. Без резерва общая численность армии равна 62000 человек, вместе с резервом, как показал последний призыв, она может возрасти до 100000. Армия комплектуется посредством жеребьевки; срок службы — восемь лет, но около половины этого времени солдаты находятся в отпуске. Таким образом, по штатам мирного времени действительные силы Бельгии вряд ли достигают 30000 человек.

VIII. ПОРТУГАЛЬСКАЯ АРМИЯ

Португальская армия в 1850 г. имела в своем составе следующие войска:

	Штаты мирного времени	Штаты военного времени
Пехота	18 738	40 401
Кавалерия	3 508	4 676
Артиллерия	2 707	4 098
Инженерные войска и штаб	728	495
	25 681	49 670

Артиллерия состоит из одного полевого полка с одной конной и семью пешими батареями, трех полков позиционной и крепостной артиллерии и трех отдельных батальонов на островах. Калибр пушек — шесть и двенадцать фунтов.

IX. ИСПАНСКАЯ АРМИЯ

Из всех армий Европы испанская армия, ввиду особых обстоятельств, представляет наибольший интерес для Соединенных Штатов. Поэтому, заканчивая обзор военных сил Европы, мы уделим ей больше внимания, чем она, казалось бы, заслуживает по своему значению, если сопоставить ее с армиями ее соседей по другую сторону Атлантического океана.

Испанские военные силы состоят из армии, находящейся внутри страны, и армий в колониях.

В первую входят один полк гренадер, сорок пять линейных полков по три батальона в каждом, два полка по два батальона, расположенных в Сеуте, и восемнадцать батальонов cazadores — стрелков. Все эти 160 батальонов составляли в 1852 г. действующую армию в 72670 человек, стоивших государству ежегодно 82692651 реал, или 10336581 доллар. Кавалерия состояла в 1851 г. из шестнадцати полков карабинеров, драгун и улан, по четыре эскадрона в каждом, с одиннадцатью эскадронами cazadores, или легкой кавалерии, — всего 12000 человек, обходившихся государству в 17549562 реала, или 2193695 долларов.

Артиллерия насчитывает пять полков пешей артиллерии по три бригады в каждом, по одному полку для каждой части королевства, пять бригад тяжелой артиллерии, три конной и три горной, — в общем двадцать шесть бригад, или, как их теперь называют, батальонов. В конно-артиллерийском батальоне две

батареи, в горном и пешем — четыре. Девяносто две пешие и шесть конных батарей имеют всего 588 полевых орудий.

Саперы и минеры образуют полк в 1240 человек.

Резерв состоит из одного батальона (№ 4) для каждого пехотного полка и запасного эскадрона для каждого кавалерийского полка.

Общая численность военных сил — на бумаге — в 1851 г. составляла 103000 человек; в 1843 г. после падения Эспартеро она равнялась лишь 50000 человек, но одно время Нарваэс увеличил армию до 100000 человек. В среднем можно считать, что под ружьем находится самое большее 90000 человек.

Состав армии в колониях следующий:

1. Армия Кубы состоит из шестнадцати пехотных полков ветеранов, четырех рот волонтеров, двух полков кавалерии, двух батальонов пешей артиллерии по четыре батареи в каждом и одного батальона горной артиллерии с четырьмя батареями, одного батальона конной артиллерии с двумя батареями и одного батальона саперов и минеров. Кроме этих линейных войск, имеется еще milicia disciplinada* из четырех батальонов и четырех эскадронов и milicia urbana** из восьми эскадронов — в общей сложности тридцать семь батальонов, двадцать эскадронов и восемьдесят четыре орудия. За последние годы постоянная армия Кубы пополнена большим количеством войск из Испании, и если ее первоначальную численность мы примем за 16000—18000 человек, то теперь на Кубе имеется, пожалуй, 25000—28000 человек. Но подсчет этот лишь приблизительный.

2. Армия Пуэрто-Рико состоит из трех пехотных батальонов ветеранов, семи батальонов дисциплинарной милиции, двух батальонов местных волонтеров, одного эскадрона местных волонтеров и четырех батарей пешей артиллерии. Запущенное состояние большей части испанских колоний не дает возможности сколько-нибудь точно определить численность этой армии.

3. Армия Филиппинских островов состоит из пяти полков пехоты по восемь рот в каждом, полка лусонских стрелков, девяти пеших, одной конной и одной горной батарей. Девять отрядов по пяти батальонов местной пехоты каждый и другие существовавшие ранее отряды, набранные из местного населения, были в 1851 г. расформированы.

* — дисциплинарная милиция (состоящая из штрафных частей). *Ред.*

** — городская милиция. *Ред.*

Армия комплектуется посредством жеребьевки, допускаются Заместители. Ежегодно набор дает контингент в 25000 человек; однако в 1848 г. были призваны три контингента, или 75000 человек.

Своей нынешней организацией испанская армия обязана главным образом Нарваэсу, хотя в основе ее устройства все еще лежит устав, введенный Карлом III в 1768 году. Нарваэс отнял у полков их старые провинциальные флаги — у каждого полка был свой флаг — и заменил их общим испанским флагом. Он уничтожил также провинциальную организацию, централизовал армию и восстановил в ней единообразие. Прекрасно зная по опыту, что деньги — основной двигатель для такой армии, которая почти никогда не оплачивалась и редко бывала одета и накормлена, он попытался упорядочить оплату солдат и финансовое управление армии. Удалось ли Нарваэсу в полной мере осуществить свои начинания, неизвестно, но все введенные им в этой области улучшения быстро исчезли во время правления Сарториуса и его преемников. Привычное положение — «никакой оплаты, никакого питания, никакой одежды» — было полностью восстановлено; в то время как генералы и старшие офицеры щеголяют в мундирах, сверкающих золотом и серебром, и даже носят сшитую по своему вкусу форму, не предусмотренную никаким уставом, солдаты ходят в рваных мундирах и без обуви. Один английский офицер так описывает состояние испанской армии 10—12 лет тому назад[253]:

«Вид испанских солдат в высшей степени не военный. Часовой ходит взад и вперед на своем посту, причем его кивер еле держится на затылке, а ружье болтается на плече, и с самым независимым видом громко напевает какую-нибудь веселую seguidilla[*]. У него нередко вовсе нет какой-либо части обмундирования, или его мундир и брюки так изношены, что даже в летнюю жару он вынужден носить поверх их серую шинель; обувь в одном случае из трех совершенно порвана и видны голые пальцы — так прекрасна в Испании vida militar!»[**]

Приказ, изданный Серрано 9 сентября 1843 г., предписывает:

«Все офицеры и высшие чины армии обязаны впредь появляться в общественных местах в форме своего полка и с саблей установленного образца, если они не в штатском; все офицеры обязаны также носить только точно установленные знаки отличия и никаких других; какие-либо произвольные и нелепые украшения, которыми многие из офицеров считают нужным щеголять, воспрещаются».

[*] — сегедилью (песенку). *Ред.*
[**] — жизнь солдата. *Ред.*

Это относится к офицерам, а вот что можно процитировать о солдатах:

«Бригадный командир Кордова открыл в Кадисе подписку — его имя фигурирует на первом месте — с целью сбора средств для приобретения по паре суконных брюк каждому отважному солдату астурийского полка».

Этой финансовой неурядицей объясняется тот факт, что с 1808 г. испанская армия находится в состоянии почти непрекращающегося мятежа. Но истинные причины этого лежат глубже. Длительная война с Наполеоном, в которой различные армии и их командующие получали политическое влияние, впервые придала испанской армии преторианскую окраску. Много энергичных людей осталось в армии еще с революционных времен; включение партизан в состав регулярных войск усилило этот элемент. Таким образом, если высшие офицеры сохранили свои преторианские притязания, то солдаты и низшие офицерские чины и сейчас еще воодушевлены революционными традициями. Все это постепенно подготовляло восстание 1819—1823 гг., а позднее, в 1833—1843 гг.[254], гражданская война снова выдвинула на передний план армию и ее вождей. Неудивительно, что армия, используемая всеми партиями в качестве орудия, захватила на время правительственную власть в свои руки.

«Испанцы — воинственный, но не военный народ», — сказал аббат де Прад[255]. Из всех европейских народов испанцы, несомненно, питают наибольшую антипатию к военной дисциплине. Тем не менее не исключена возможность, что народ, более ста лет славившийся своей пехотой, снова создаст армию, которой сможет гордиться. Для достижения этого, однако, необходимо изменить не только военную систему, но в еще большей степени весь строй гражданской жизни.

К. МАРКС

ОТСТАВКА ГЕНЕРАЛА СИМПСОНА. — ИЗ ПАРЛАМЕНТА

Лондон, 3 августа. Два дня тому назад газета «Morning Post» в выражениях, явно выдающих ее смущение, сообщила английской публике о том, что генерал Симпсон под предлогом слабого здоровья скоро сложит с себя обязанности главнокомандующего английскими войсками и преемник ему назначен *не будет.* Другими словами: *английская армия будет подчинена французскому главному командованию.* Таким образом, министерство намерено снять с себя всякую ответственность за ведение войны и переложить ее на плечи «нашего славного и великого союзника». Парламент лишается тем самым последней видимости контроля. Одновременно найдено верное средство превратить союз Англии и Франции в ожесточенную вражду между этими двумя нациями. Во всем этом мы узнаем дело рук того же мастера, под грубым давлением которого в 1839 г. было разрушено entente cordiale[256].

Парламент достойно заканчивает свою сессию — скандалами. *Первый скандал:* отказ от билля об ограниченной ответственности в *частных* (не акционерных) торговых компаниях но требованию *крупных* капиталистов, чьи нахмуренные брови приводят в трепет самого олимпийца — Пальмерстона. *Второй скандал:* отсрочка на неопределенное время обсуждения билля об урегулировании арендных отношений в Ирландии, билля, который вот уже 4 года странствует по обеим палатам парламента; отсрочка — это трусливый компромисс, позволяющий палате общин отказаться от своего собственного творения, кабинету — нарушить свое слово, а «ирландскому кварталу» —

оставить вопрос открытым, чтобы сыграть на нем во время hustings[*]. *Заключительный скандал:* предложение майора Рида, обязывающее кабинет созвать парламент в случае, если мир будет заключен во время парламентских каникул. Рид — это пройдоха, состоящий, как известно, на жалованьи у Пальмерстона. Свое «недоверчивое предложение» он внес, чтобы хитростью добиться от палаты *вотума доверия* правительству. Однако палата высмеяла предложение Рида, высмеяла Пальмерстона, высмеяла самое себя. Она дошла до того состояния, когда отверженному не остается ничего другого, как прибегнуть к «смеху», чтобы отвергнуть самого себя.

Написано К. Марксом 3 августа 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 361, 6 августа 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

[*] — избирательных собраний. *Ред.*

К. МАРКС

КОММЕНТАРИИ К ПАРЛАМЕНТСКИМ ДЕБАТАМ

Лондон, 8 августа. Дебаты об *Индии* на вчерашнем заседании палаты общин были вызваны финансовым отчетом Вернона Смита (ныне Великого Могола и Ману в одном лице) о делах Британской империи в Азии, а также предложением Брайта о том, чтобы в будущем этот важный вопрос ставился на обсуждение палаты общин в «подходящее для дебатов» время; эти дебаты мы пока освещать не будем, поскольку во время перерыва в заседаниях парламента мы намерены дать подробный обзор положения дел в Ост-Индии.

Предстоящее закрытие сессии парламента лорд *Джон Рассел* не мог не попытаться использовать для того, чтобы нажить себе политический капитал на своем щекотливом положении. Щекотливость его положения заключается в том, что он *уже не* в правительстве, но *еще не* в оппозиции. В торийской оппозиции место лидера занято, и здесь Расселу делать нечего. В либеральной оппозиции к руководству рвется Гладстон. В своей последней, с его точки зрения образцовой, речи по случаю турецкого займа Гладстон искусно защищал мир с Россией, доказывая, что война ведется за счет Турции и борющихся национальностей, особенно итальянцев. Рассел предчувствует ужасные неудачи во время перерыва в работе парламента и крики о мире при возобновлении его заседаний. Он предчувствует, что мира придется требовать, прикрываясь либеральными предлогами, тем более что тори оказались в положении военной партии par excellence*. Италия — вот предлог для заключения мира с Россией! Рассел завидует Гладстону, что его первого осенила такая мысль, и поскольку он уже не может *опередить* его, заняв первым столь выгодную позицию, он решил *поглотить* его мысль, сменив высокий стиль речи Гладстона на вульгарный. Рассел, в отличие от Пальмерстона,

* — по преимуществу. *Ред.*

уже не в правительстве, и в отличие от Гладстона еще не в оппозиции, — это обстоятельство обещает сделать плагиат прибыльным делом. Поэтому вчера вечером Рассел поднялся с места и начал свою речь с заверения, что он «не намерен ни преуменьшать, ни преувеличивать ответственность правительства». Однако ответственность-де эта велика. Только в текущем году на войну отпущено 45000000 ф. ст., и приближается время, когда надо будет отчитаться за эту колоссальную сумму. На Балтийском море флот ничего не добился и видимо ничего не добьется. На Черном море перспективы не лучше. Изменившаяся политика Австрии позволяет России перебросить свои войска из Польши и других мест в Крым. На азиатском побережье турецкая армия стоит перед катастрофой. Надежда на посылку туда в качестве подкрепления иностранного легиона численностью в 20000—30000 человек исчезла. Он-де сожалеет, что его венские депеши не были представлены парламенту. Турецкий посол полностью соглашался с ним относительно приемлемости мира на основе последних австрийских предложений. Если продолжать войну вопреки воле Турции, то в будущем речь пойдет уже не о гарантиях займов, а о субсидиях. Пьемонт присоединился к западным державам, но за это он с полным основанием требует изменения положения в Италии. Рим оккупирован французами, Папская область — австрийцами; эта оккупация поддерживает деспотию как там, так и в Королевстве обеих Сицилий, и мешает итальянскому народу последовать примеру Испании. Оккупация Россией Дунайских княжеств послужила предлогом к нынешней войне. Как увязать с этим франко-австрийскую оккупацию Италии? Независимое положение папы, а вместе с этим и европейское равновесие находятся под угрозой. Нельзя ли договориться с Австрией и Францией об изменениях в форме управления Папской областью, что дало бы возможность вывести оттуда войска? И, наконец, ничего не говорящий совет: министры-де должны соглашаться на заключение лишь почетного мира, но в то же время им не следует упускать случая для мирных переговоров.

Пальмерстон ответил, что он не из тех людей, которые взяли на себя большую ответственность за объявление войны, а затем робеют перед ответственностью за ведение этой войны. Он-де не таков. (Пальмерстон действительно знает, что влечет за собой «ответственность».) Условия мира, заявил Пальмерстон, зависят от результатов войны, а результаты войны — от различных обстоятельств, то есть от случая. (Следовательно, случай несет ответственность за результаты войны, а результаты войны

ответственны за условия мира.) Насколько ему (Пальмерстону) известно, Турция полностью разделяет взгляды Франции и Англии. А если даже это было бы не так, то следует помнить, что Турция является *лишь средством,* а не целью в борьбе против России. «Просвещенные» западные державы должны-де лучше знать, чем дряхлеющая восточная держава, что является выгодным. (Какой превосходный комментарий к объявлению войны против России, когда войну называли простой «оборонительной войной» в защиту Турции, комментарий к пресловутой Венской ноте, которую «просвещенные» западные державы хотели навязать Турции и т. д.) Что касается Италии, то это, мол, вопрос деликатный. В Неаполе положение ужасное, а почему? Потому что Неаполь является союзником России, союзником *деспотического* государства. Что же касается положения Италии, оккупированной Австрией и Францией (недеспотическими государствами?), то, «хотя введенная там форма правления и не созвучна чувствам народа», однако оккупация необходима для поддержания «порядка». Впрочем, Франция-де сократила количество войск в Риме, а Австрия полностью вывела войска из Тосканы. Пальмерстон закончил свою речь здравицей в честь союза с Францией, который, по его словам, стал теперь настолько тесным, что по ту и другую сторону Ла-Манша управляет, собственно, лишь *«один кабинет».* Только что Пальмерстон осуждал Неаполь за его союз с деспотическим государством! А теперь он поздравляет Англию с таким же союзом! Вся соль речи Пальмерстона заключалась в том, что ему удалось закончить воинственными тирадами ту самую сессию, которую он так легко сумел удержать от каких-либо воинственных дел.

Рассел, разумеется, не постеснялся использовать в настоящее время Италию в качестве фальшивого предлога для заключения мира, подобно тому как после своего возвращения из Вены он использовал Польшу и Венгрию в качестве фальшивого предлога для продолжения войны. Рассел не постеснялся забыть, что, будучи премьером в 1847—1852 гг., он позволил Пальмерстону сначала взбудоражить Италию лживыми обещаниями, а затем оставить ее во власти Бонапарта и короля Фердинанда, папы и императора. Это не беспокоило Рассела. Он беспокоился о том, как бы вырвать у Гладстона «итальянский предлог» и присвоить его себе.

Написано К. Марксом 8 августа 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 371, 11 августа 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

ВОЕННЫЕ СИЛЫ ПРОТИВ РОССИИ

Лондон, 11 августа. Военные силы, которые в настоящее время союзники собирают против России, сводятся, кроме их собственных войск, к следующему:

1) Небольшой пьемонтский вспомогательный корпус в составе 15000 человек, — корпус, который удалось вырвать у Пьемонта при помощи совместных угроз Англии, Франции и Австрии. Это кровопускание Пьемонту было одним из тех условий, на которых Австрия продала свое присоединение к «договору 2 декабря»[257].

2) *Иностранный легион* в составе лишь нескольких тысяч человек — olla podrida* из западных наемников, которых переманивают с их родины поодиночке, тайком и с нарушением полицейских правил.

3) Находящийся в процессе организации *итальянский легион в* составе 4000—5000 человек.

4) Существующий лишь в проекте *польский легион.*

5) Наконец, в дальнейшем предполагается создание *испанского* вспомогательного корпуса, который должен будет представить «бледную финансовую немочь».

Этот перечень разношерстных добровольческих отрядов и небольших армий отражает карту той Европы, которую ведут за собой в настоящее время Англия и Франция. Можно ли дать более совершенную карикатуру той армии народов, которую двинул против России Наполеон I?

Написано К. Марксом 11 августа 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 375, 14 августа 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — мешанина. *Ред.*

К. МАРКС

ПОЛЬСКИЙ МИТИНГ

Лондон, 13 августа. Неоднократные раздраженные выпады правительственных газет против большого митинга, посвященного Польше, который состоялся в прошлую среду в Сент-Мартинс холле[258], побуждают нас коротко коснуться этого вопроса. Инициатива митинга несомненно исходила от самого министерства. В качестве ширмы выдвинуто было «Литературное общество друзей Польши»[259], общество, в состав которого входят, с одной стороны, сторонники Чарторыского, а с другой — благосклонно настроенные к Польше английские аристократы. С момента своего возникновения это общество было слепым орудием в руках Пальмерстона, который направлял и контролировал его деятельность при посредстве недавно умершего лорда Дадли Стюарта. Польские адреса и депутации, которые это общество ежегодно посылало Пальмерстону, были для него одним из главных средств для поддержания своей «антирусской» репутации. Сторонники Чарторыского, в свою очередь, извлекали значительные выгоды из этой связи: она давала им возможность фигурировать в роли единственно достойных, так сказать, «официальных» представителей польской эмиграции, оттеснять демократическую партию польских эмигрантов и, наконец, использовать значительные ассигнования этого общества на помощь эмигрантам в качестве средства для вербовки членов в собственную партию. Между Литературным обществом и «Централизацией»[260], польским Демократическим обществом, идет упорная и продолжительная борьба. В 1839 г. Централизация организовала в Лондоне большой публичный митинг, на котором разоблачила интриги «литературного» общества, раскрыла

историческое прошлое Чарторыских (это было сделано Островским, автором истории Польши на английском языке[261]) и громогласно заявила о своем непримиримом отношении к дипломатически-аристократическим «восстановителям» Польши. С этого момента узурпированные «литературным» обществом позиции были поколеблены. Попутно следует отметить, что события 1846, 1848—1849 гг.[262] создали третий элемент польской эмиграции, социалистическую фракцию, которая, однако, выступает против сторонников Чарторыских совместно с Демократическим обществом.

Цель митинга, организованного по инициативе правительства, была троякая: во-первых, создание польского легиона, чтобы, отправив его в Крым, избавиться от части «польской заграницы»; во-вторых, восстановление популярности Пальмерстона и, наконец, передача любого возможного польского движения в руки его и Бонапарта. Правительственные газеты утверждают, что достижению цели митинга помешал глубоко законспирированный заговор русских агентов. Нет ничего смешнее этого утверждения. Большинство присутствовавших в Сент-Мартинс холле состояло из лондонских чартистов. Направленная против правительства поправка[*] была внесена одним уркартистом и поддержана другим уркартистом, а именно Коллетом и Хартом. Печатные листки, которые распространялись в зале, были следующего содержания:

> «Митинг созван английскими аристократами, которые стремятся только к поддержанию старой британской правительственной системы» и т. д., «Польша осуждает всякий союз с нынешними властителями Европы, не желает быть восстановленной ни одним из существующих правительств и опуститься до роли орудия дипломатических интриг» и пр.

Эти листки были подписаны председателем и секретарем «Польского демократического комитета». Если принять во внимание, что лондонские чартисты, уркартисты и собственно «демократическая» польская эмиграция находятся друг с другом далеко не в дружеских отношениях, то сразу отпадает всякое подозрение насчет «заговора». Бурные сцены во время митинга были вызваны исключительно поведением председательствующего, лорда Харрингтона, который самым непарламентским

[*] Дословный текст принятой митингом поправки Коллета следующий: «Данный митинг, искренне желая восстановления польской нации, не может забыть, что разрушение этой нации является прежде всего следствием коварного поведения Пальмерстона в период с 1830 по 1846 г., и поэтому, пока Пальмерстон остается на службе у короны, всякое предложение о восстановлении Польши может быть лишь ловушкой и обманом. Истинность этого утверждения доказывается также и тем, что Пальмерстон так ведет войну, чтобы возможно меньше повредить России, а предложенные им условия мира таковы, что они окончательно свели бы на нет целостность и независимость Турции».

образом отказался огласить поправку Коллета и поставить ее на голосование. Буря негодования усилилась из-за того, что полковнику *Шульшевскому,* секретарю «Литературного общества друзей Польши», взбрело в голову вызвать констебля для ареста Коллега. Шум, разумеется, увеличился до предела, когда лорд Харрингтон, сэр Роберт Пиль и их друзья бежали с трибуны, покидая помещение. После того как Джордж Томпсон был избран председателем вместо Харрингтона, порядок немедленно восстановился.

Представители правящего класса Англии, которые блистали на этом польском митинге, отнюдь не были способны вызвать особое уважение к патрициату. Граф *Харрингтон* быть может и очень хороший человек, но, несомненно, очень плохой оратор. Более мучительного зрелища нельзя себе представить. Его светлость лишь с величайшим трудом выдавил из себя два связных слова, а до этого момента все фразы своей речи оставлял незаконченными, заканчивали за него стенографы. Его светлость — человек военный и несомненно храбрый, но если судить по тому, как он руководил польским митингом, то видно, что он создан для чего угодно, только не для роли руководителя. Лорд *Эбрингтон,* акушер билля о воскресном дне, говорил не намного лучше графа Харрингтона. Его физиономия выражает упрямство, форма головы напоминает таран. У него одно неоспоримое достоинство: его нельзя побить доводами. Наполеон как-то сказал, что англичане никогда не чувствуют, что они побиты. В этом отношении Эбрингтон — образец англичанина.

Вслед за лордами выступали баронеты. Лорд Эбрингтон огласил правительственное предложение о восстановлении Польши. После него выступил сэр Роберт Пиль в поддержку этого предложения. Во многих отношениях трудно себе представить больший контраст, чем контраст между «членом от Тамуэрта» (Пиль) и «членом от Мэрилебона» (Эбрингтон). Первый— прирожденный развязный хвастун, второй — манерный пуританский трус. Первый забавляет, второй вызывает отвращение. Сэр Роберт Пиль производит впечатление торгующего вином коммивояжера, возведенного в дворянское звание, лорд Эбрингтон — инквизитора, обращенного в протестантство. Если соединить воедино Тони Лампкина и Красавца-Браммела, мы получим представление о том, насколько несуразны лицо, одежда и манеры Пиля. Он являет собой удивительную смесь клоуна и денди. Пальмерстон питает пристрастие к этой диковине из Тамуэрта, считая ее полезной. Когда он хочет знать, в какую сторону дует ветер народных настроений, он в качестве флюгера выставляет сэра Роберта Пиля. Когда он пожелал убедиться,

санкционирует ли общественное мнение Англии высылку Виктора Гюго и др., он поручил Роберту Пилю выступить с резкими нападками на эмигрантов и с апологией Бонапарта[263]. Точно так же и теперь в отношении Польши. Пальмерстон использует его в качестве «щупальца». Для этой не слишком почтенной роли Пиль необыкновенно подходит. Он представляет собой то, что англичане называют «a chartered libertine», патентованного вертопраха, привилегированного чудака, за выдумки и выходки, манеры, слова и поступки которого не будут в ответе ни одно министерство, ни одна партия. На польский митинг сэр Роберт прибыл разодетым и, как говорят, подкрашенным на артистический манер. Как бы затянутый в корсет, с ярко-красной розой в петлице, надушенный, как модистка, он вертел и правой руке громадный зонт, ударяя им в такт своей речи. Благодаря забавной случайности вслед за лордами и баронетами сразу же выступил г-н *Тайт,* бывший вице-президент Ассоциации административной реформы. С тех пор как Тайт благодаря влиянию этой ассоциации был провозглашен Солоном из Бата, он, как известно, начал свою парламентскую карьеру с того, что голосовал *против* предложения Скалли о частичной административной реформе и подал свой голос *за* турецкий заем Пальмерстона; в то же время он с большой осторожностью *воздержался* при голосовании по поводу предложения Робака. Лорды и баронеты, посмеиваясь, казалось, указывали на него: «Смотрите, вот кто должен нас заменить!». Нет необходимости более подробно характеризовать г-на Тайта. Это сделал Шекспир, когда создал бессмертного Шеллоу; Фальстаф сравнивает его с одной из тех фигурок, которых вырезают за десертом из корок сыра*.

В противоположность всем этим господам, *Харт,* молодой, никому не известный плебей, с первых же слов произвел впечатление человека, призванного увлекать массы и вести их за собой. Теперь понятно недовольство правительства польским митингом. Митинг превратился в поражение не только для Пальмерстона, но еще больше для класса, представителем которого он является.

Написано К. Марксом 13 августа 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 379, 16 августа 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* См. Шекспир. «Король Генрих IV», часть II, акт III, сцена вторая. *Ред.*

К. МАРКС

К КРИТИКЕ ПОЗИЦИИ АВСТРИИ В КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ

Лондон, 15 августа. На днях Братиану направил письмо в «Daily News», в котором рисует страдания жителей Дунайских княжеств под гнетом австрийской оккупационной армии, намекает на двуличное поведение французских и английских консулов, а затем ставит вопрос:

«выступает ли Австрия в роли союзника или хотя бы *нейтрального государства,* если она держит в княжествах армию численностью в 80000 человек, с помощью которой, как свидетельствуют официальные депеши, она препятствует вступлению турецких войск в Бессарабию и созданию румынской армии, хотя последняя могла бы принять активное участие в войне, и если в то же время она отводит из Галиции 200000 человек, давая тем самым возможность России направить такое же количество войск в Крым?»

Австрия заняла двойственную позицию итого момента, когда она выступила в роли *посредника,* то есть ни союзника, ни нейтрального государства. Тот факт, что на этот путь ее толкнула отчасти *Англия,* доказывает, как нам кажется, следующая выдержка из депеши лорда Кларендона, которую он направил венскому кабинету 14 июня 1853 года;

«Если бы русская армия прошла через княжества и вторглась в другие провинции Турции, то, вероятно, началось бы всеобщее восстание христианского населения не в интересах России и не в целях поддержки султана, а за свою собственную независимость; излишне добавлять, что такого рода восстание быстро распространилось бы и на *австрийские* провинции, расположенные по Дунаю. Но это уж дело правительства Австрии судить о том, какое воздействие эти события могли бы оказать на Венгрию и Италию, и о том, как воодушевили бы они мятежников Европы, которых Австрия имеет основания опасаться, и которые считают, что как раз сейчас приближается благоприятный момент для осуществления их

планов. Именно эти соображения побуждают правительство ее величества добиваться совместно с Австрией одной общей цели, столь важной для интересов общества, и изыскать вместе с ней средства примирения справедливых притязаний России с суверенными правами султана».

Еще в одном вопросе, касающемся политики Австрии, к концу сессии парламента ясности стало не больше, чем было в начале ее. Какую позицию заняла Австрия в отношении *крымской экспедиции?* 23 июля текущего года Дизраэли спросил лорда Джона Рассела, на чем основано его заявление, что *«одной из главных причин крымской экспедиции явился отказ Австрии перейти реку Прут».*

Лорд Джон Рассел не мог вспомнить, вернее он сказал, что «основанием служат для него смутные воспоминания, воспоминания общего характера»). Тогда Дизраэли задал тот же вопрос Пальмерстону, который

«не пожелал отвечать на *подобные* вопросы, касающиеся отдельных моментов, выхваченных из длительных переговоров между правительством ее величества и правительством одного из монархов, который в *известной степени* является союзником ее величества».

Этим явно уклончивым ответом Пальмерстон, как видим, подтвердил заявление Рассела, но только косвенно, прикрываясь деликатными фразами по адресу «союзника в известной степени». Теперь перейдем из палаты общин в палату лордов. 26 июня текущего года лорд Линдхёрст произнес свою филиппику против Австрии:

«В начале июня» (1854) «Австрия приняла решение потребовать от России эвакуации Дунайских княжеств. Требование было сформулировано в весьма резких выражениях, в нем содержалось нечто вроде угрозы применить силу оружия, если требование не будет выполнено».

Сделав несколько замечаний исторического характера, Линдхёрст продолжал:

«Совершила ли тогда Австрия действительно какое-нибудь нападение на Россию? Попыталась ли она ввести войска в Дунайские княжества? Отнюдь нет. Она воздерживалась от каких-либо действий в течение нескольких недель, вплоть до того момента, когда осада Силистрии была снята и русская армия начала отступать, и когда сама Россия заявила о своем намерении через некоторое время эвакуировать княжества и отвести войска за Прут, — только после этого Австрия вспомнила о своих обязательствах».

В ответ на эту речь лорд *Кларендон* заявил:

«Когда Австрия взяла на себя последовательно ряд обязательств по отношению к Англии и Франции и провела широкую и дорогостоящую подготовку к войне, когда она, далее, настойчиво предлагала, чтобы Франция и Англия направили военных представителей в штаб-квартиру генерала Хесса, Австрия несомненно намеревалась вступить в войну

и рассчитывала на нее. Но она рассчитывала также, что задолго до наступления благоприятного для начала военных действий сезона союзные армии добьются решающих побед в Крыму, что они высвободят свои силы и смогут предпринять другие операции во взаимодействии с ее собственными войсками. К сожалению, этого не случилось, и объяви Австрия по нашей просьбе войну, ей пришлось бы, вероятно, вести ее *одной».*

Еще более поразительным является заявление *Элленборо,* сделанное им несколько позднее в палате лордов, которое до сих пор ни одним министром не оспаривалось:

«Еще до того, как военная экспедиция была отправлена, Австрия предложила обсудить с союзными державами вопрос о будущих военных операциях. Однако союзники, действуя в соответствии с заранее принятыми решениями, отправили экспедицию, и *тогда* Австрия сразу ж о заявила, что она не может воевать против русских одна и что *крымская. экспедиция вынуждает ее изменить свой образ действий.* В последующи,i период, как раз в начале работы Венской конференции, когда было особенно важно, чтобы Австрия действовала вместе с нами, — вы, в это время все еще занятые исключительно мыслью о том, как обеспечить успех ваших операций в Крыму, отвели с территории, непосредственно граничащей с Австрией, 50000 боеспособных турецких войск и тем самым лишили Австрию единственной поддержки, на которую она могла бы рассчитывать в случае военной кампании против России. Из этого, а также из недавних заявлений графа Кларендона ясно видно, милорды, что именно паша неразумная крымская экспедиция парализовала политику Австрии и поставила Австрию в то трудное положение, в котором она теперь находится. Я предостерегал правительство еще *до того,* как экспедиция была отправлена в Крым. Я указал правительству на то, какое влияние эта экспедиция окажет на политику Австрии».

Итак, мы видим прямое противоречие между заявлениями министра иностранных дел Кларендона, лорда Джона Рассела и лорда Элленборо. Рассел говорит: крымская экспедиция была отправлена потому, что Австрия отказалась перейти реку Прут, то есть выступить против России с оружием в руках. Нет, заявляет Кларендон, Австрия не могла выступить против России, поскольку крымская экспедиция не привела к желаемым результатам. Наконец, лорд Элленборо заявляет: крымская экспедиция была предпринята против воли Австрии и вынудила ее отказаться от войны с Россией. Эти противоречия, как бы их ни истолковывали, во всяком случае доказывают, что двойственностью отличалась не только австрийская политика.

Написано К. Марксом 15 августа 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 383, 18 августа 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

АНГЛО-ФРАНЦУЗСКАЯ ВОЙНА ПРОТИВ РОССИИ [264]

I

Лондон, 17 августа. Англо-французская война против России будет бесспорно фигурировать в военной истории как *«непостижимая* война». Хвастливые речи наряду с ничтожной активностью; огромные приготовления и жалкие результаты; граничащая с робостью осторожность, сменяемая безрассудной смелостью, объясняющейся полным невежеством; исключительная посредственность генералов и наряду с ней — исключительная храбрость войск; как бы умышленные поражения, чередующиеся с победами, одержанными по недоразумению; армии, гибнущие вследствие небрежности и вновь спасенные благодаря удивительной случайности, — целый клубок противоречий и непоследовательности. И все это так же характерно для русских, как и для их противников. Если англичане погубили образцовую армию благодаря плохому управлению гражданских чиновников и бездарности офицеров, если французы подвергали себя бесполезным опасностям и несли огромные потери только потому, что Луи Бонапарт претендовал на то, чтобы руководить войной из Парижа, то русские несли подобные же потери вследствие плохого управления и глупых, но решительных приказов из Петербурга. Военный талант императора Николая со времени турецкой войны 1828—1829 гг. старательно «замалчивался» даже его самыми подобострастными панегиристами. Если у русских есть Тотлебен, который, кстати сказать, *не русский,* то, с другой стороны, у них имеется Горчаков и другие с фамилиями на *ов,* которые по своей бездарности нисколько не уступают Сент-Арно и Раглану.

Казалось бы, что по крайней мере теперь, когда так много умов занято разработкой всевозможных планов наступления и обороны, когда с каждым днем все увеличивается количество войск и материалов, должна возникнуть какая-нибудь идея, которая принесет победу. Однако ничего подобного не произошло. Война затягивается, и дальнейший ход ее способствует лишь расширению театра военных действий. Чем больше открывается театров военных действий, тем меньше происходит действий на каждом из них. В настоящее время мы имеем шесть театров войны: *Белое море, Балтийское море, Дунай, Крым, Кавказ* и *Армения.* Но рассказ обо всем, что происходит на этом необозримом пространстве, может уместиться на одном газетном столбце.

О *Белом море* англо-французы вообще благоразумно умалчивают. Здесь союзники могут преследовать лишь две военные цели: помешать каботажному и прочему торговому судоходству русских в этих водах и при благоприятном случае взять Архангельск. Первую задачу они попытались осуществить. но лишь частично. Соединенные эскадры как в прошлом, так и в этом году явились слишком поздно и отплыли обратно слишком рано. Осуществить вторую задачу — взять Архангельск— они даже не пытались. Вместо того, чтобы сделать попытку выполнить эту основную свою задачу, блокирующая побережье эскадра союзников занялась беспорядочными атаками на русские и лопарские деревни и уничтожением скудного имущества бедных рыбаков. Эти позорные действия английские корреспонденты оправдывают досадой и раздражением, которыми была охвачена эскадра, чувствующая, что она не в состоянии сделать ничего серьезного! Ничего себе оправдание!

На *Дунае* ничего не происходит. Устье этой реки не очищается даже от пиратов, делающих его небезопасным. Австрия владеет ключом к воротам, которые с этой стороны ведут в Россию, и, очевидно, решила крепко держать его в своих руках.

На *Кавказе* полное затишье. Грозные черкесы, как и все дикие и независимые горцы, видимо, вполне удовлетворены отступлением походных русских колонн из их долин и не проявляют никакого желания спускаться на равнину, кроме как с целью грабежа. 'Они умеют сражаться только на своей собственной земле, и, кроме того, перспектива присоединения к Турции, по-видимому, отнюдь не приводит их в восторг.

В *Азии* Турция выступает такой, какова она и есть на самом деле: ее армия в Азии полностью отражает состояние разложения всей империи. Оказалось необходимым призвать на помощь

франкского гяура; но франки* ничего не смогли здесь сделать, кроме полевых укреплений. Все их попытки принудить войска к цивилизованным методам ведения войны ни к чему не привели. Русские осадили Карс и, видимо, готовятся вести на него планомерное наступление. Трудно найти какую-либо возможность прийти на выручку городу, разве только Омер-паша высадится у Батума с армией в 20000 человек и ударит по русским с фланга. Остается непонятным, и отнюдь не лестным для русских, то обстоятельство, что они, располагая армией в 20000— 30000 хороших солдат, так медленно и так нерешительно действовали против столь мало дисциплинированного противника. Каких бы успехов они ни добились на этом театре военных действий, самое большее, чего они могут достигнуть, это овладеть Карсом и Эрзерумом, ибо возможность похода на Константинополь через Малую Азию совершенно исключена. Поэтому война в Азии имеет пока больше местное значение, а поскольку издалека и при наличии несовершенных карт вряд ли можно вынести правильное суждение о тактической или стратегической обстановке, мы не будем подробно касаться этой темы. Остаются два главных театра военных действий: Крым и Балтийское море.

II

Лондон, 18 августа. В *Крыму* осада идет вяло. Весь июль французы и англичане были заняты новым *продвижением* своих осадных сооружений к Редану и Малахову, и, хотя мы все время слышали, что они «совсем вплотную» придвинулись к русским укреплениям, теперь мы узнаем, что 4 августа голова сапы находилась на расстоянии не ближе, а возможно и дальше 115 метров от главного рва русских. Конечно, хорошо уже и то, что удалось заставить пылкого Пелисье признать, что его «система штурмов» потерпела крушение и только планомерные осадные работы могут проложить путь его войскам. Тем не менее, чрезвычайно своеобразным является способ военных действий, при котором 200000 человек разрешают преспокойно лежать в палатках в ожидании окончания сооружения траншей и умирать от холеры и лихорадки. Если Черную, как утверждают парижские газеты, нельзя форсировать ввиду неприступности русских позиций, расположенных по ту сторону реки, то морская экспедиция в Евпаторию и попытка с этой стороны заставить русских выйти в открытое поле и показать свои наличные

* — распространенное на Ближнем Востоке название жителей Западной Европы. *Ред.*

силы и состояние своих вспомогательных средств могла бы дать в известной мере положительные результаты. При нынешнем положении дел турецкие, сардинские войска и половина французских и английских обречены на роль пассивных наблюдателей. Значительную часть этих войск можно было бы использовать для различных диверсий, однако единственные диверсии, о которых мы узнаем, происходят в цирке Астли и на сценах театров Сарри и Креморн-гарденс, где каждый вечер под громкие аплодисменты патриотических cockney* русские терпят ужасные поражения.

Русские в данный момент должно быть уже получили все свои подкрепления и на ближайшее время довели численность войск до максимальных размеров. Англичане посылают еще несколько полков, французы уже отправили 10000—15000 человек, еще больше следует за ними; в общей сложности союзники в Крыму должны получить свежие подкрепления в количестве 50000—60000 человек. Кроме того, французское правительство зарегистрировало или закупило большое количество речных пароходов (по разным данным — от 50 до 60), которые предполагается использовать для экспедиции в Черном море. Предназначены ли они для Азовского моря или для входа в устья Днепра и Буга, где объектами нападения станут Очаков, Кинбурн, Херсон и Николаев, пока неизвестно. Мы уже говорили, что в середине августа дело дойдет до кровопролитных схваток, так как к этому времени русские, получив подкрепления, снова возьмут *инициативу* в свои руки**. И в самом деле, русские под командованием генерала Липранди совершили нападение на французские и сардинские войска, расположенные у реки Черной, но были отброшены с большими потерями. Потери союзников *не* приводятся, должно быть они очень значительны. Чтобы подробнее остановиться на этом событии, надо располагать более полными сведениями, чем те, которые переданы по телеграфу.

На *Балтийском море* удалось, наконец, «нанести серьезный удар»: «A great blow has been struck!» Смотри английские газеты: Бомбардировка Свеаборга! Разрушение Свеаборга! Все земляные и другие укрепления лежат в развалинах! Свеаборг фактически перестал существовать! Блестящая победа союзников! Флот охвачен неописуемым энтузиазмом! А теперь обратимся к самим фактам. Флоты союзников в составе 6 линейных кораблей, 4 или 5 больших фрегатов (blockships) и около 30 мор-

* — кокни (лондонских обывателей). *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 393—394. *Ред.*

тирных и канонерских лодок 7 августа отправились из Ревеля в Свеаборг. 8 августа они заняли свои позиции. Мелкосидящие суда прошли песчаные мели и скалы к западу от крепости, где более крупные корабли не могли пройти, и остановились, очевидно, на расстоянии дальнего орудийного выстрела с островов, на которых расположен Свеаборг. Большие корабли остановились в отдалении и, насколько мы можем судить, вне досягаемости огня крепостных орудий. Затем канонерки и мортирные лодки открыли огонь. Стрельбу прямой наводкой видимо не пришлось применить, имела место лишь бомбардировка с использованием максимального угла вертикальной наводки, какой только допускали пушки. Бомбардировка продолжалась 45 часов. Известный ущерб был причинен, но какой именно установить пока невозможно за неимением подробных сообщений той и другой стороны. Арсенал и различные пороховые погреба (видимо незначительные) были разрушены. *«Город»* Свеаборг (насколько нам известно, это несколько домов, в которых живут люди, занятые во флоте или на крепостных укреплениях) уничтожен пожаром. Повреждения, причиненные непосредственно укреплениям, видимо, незначительны, поскольку во флоте, как доносят оба адмирала, нет *ни одного убитого,* имеется лишь небольшое количество раненых и никаких потерь в материальной части. Это лучшее доказательство того, что эскадры держались на безопасном расстоянии, позволявшем им вести бомбардировку, но не стрелять прямой наводкой, посредством которой только и можно разрушить крепостные укрепления. В своем донесении, составленном в более порядочном и сдержанном тоне, чем донесение французского адмирала (по крайней мере, если судить по тексту, опубликованному в «Moniteur» и возможно приукрашенному в Париже), Дандас признает, что из семи островов, на которых расположен Свеаборг, причинен ущерб только трем, находящимся к западу от главного входа в Гельсингфорсскую бухту. Предпринять атаку на главный вход, по-видимому, и не пытались. Большие суда играли роль пассивных наблюдателей, а о решающем ударе в результате подобной атаки, о высадке войск с целью захвата и разрушения укреплений — даже не помышляли. Таким образом, ущерб причинен только запасам и складам, то есть тому, что легко поддается восстановлению. Если русские энергично используют время и средства, Свеаборг через три недели будет в таком же хорошем состоянии, как и раньше. С военной точки зрения Свеаборг нисколько не пострадал; вся эта история сводится к операции, материальные результаты которой едва ли оправдали произведенные на нее

затраты и которая была предпринята отчасти потому, что балтийскому флоту союзников надо было что-нибудь сделать перед возвращением домой, а отчасти ввиду того, что Пальмерстону хотелось закончить фейерверком парламентскую сессию. К сожалению, для этой цели событие запоздало на сутки. Таково знаменитое разрушение Свеаборга флотом союзников. Мы вернемся еще раз к этой теме, как только поступят подробные сообщения.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом
17 и 18 августа 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» №№ 385 и 387, 20 и 21 августа 1855 г. и в газете «New-York Daily Tribune» № 4483, 1 сентября 1855 г. в качестве передовой

Печатается по тексту «Neue Oder-Zeitung», сверенному с текстом газеты «New-York Daily Tribune»

Перевод с немецкого

К. МАРКС

О СОБЫТИЯХ НА ТЕАТРАХ ВОЙНЫ

Лондон, 22 августа. Отчеты адмиралов Пено и Дандаса подтверждают суждение, которое мы вынесли о «славном разрушении Свеаборга, этого Гибралтара Севера» (по выражению «Times»), А сегодня мы читаем в одной лондонской газете следующее:

«О характере большой бомбардировки Свеаборга можно лишь сказать, что вследствие распространившегося пожара противнику, вероятно, нанесен значительный ущерб. Однако не создается впечатления, что мы много от этого выиграли. Успех не был ни блестящим, ни прочным. Как и раньше, на Балтийском море все дело еще впереди.»

Правда, газета «Times», которой необходимы на время пребывания английской королевы во Франции хорошее настроение и благоприятные новости, которая уже несколько дней рисует все лишь в couleur de rose*, симулирует припадки оптимизма,— ни за что не желает расставаться с грезами о разрушении *«города»* Свеаборга.

Что касается сражения на реке Черной, то для его оценки необходимы прежде всего более подробные сведения. Весь вопрос заключается в том, велась ли борьба за переправы через Черную и в какой мере глубина реки служила действительной преградой. Если сражение происходило при отсутствии такого рода преграды перед фронтом французов, то оно выставляет русских в весьма неблагоприятном свете. И .наоборот, если речь шла о преодолении теснин, которые нельзя было обойти, то большие потери русских вполне объяснимы, и сражение может

* — розовом цвете. *Ред.*

считаться почетным для обеих сторон. Но все-таки остается неясным, почему русские со своей стороны не попытались совершить обход через Байдарскую долину. Несомненно все же одно: если только союзники не уйдут добровольно, русские, как они только что показали, не в состоянии будут оттеснить их с плато и рубежа на реке Черной. Таким образом, снова начинается прежняя канитель.

Штурма Малахова кургана можно ожидать со дня на день. Если он не удастся, союзники окажутся в тяжелом положении. Если он удастся, — что еще возможно, хотя и ценой огромных потерь, —то это еще не будет означать, что русские потеряют Южную сторону; разве только им придется оставить ее из-за недостатка продовольствия. Во всяком случае, союзники получили бы возможность вытеснить оттуда русских до начала зимы. Сообщения о состоянии здоровья солдат английской армии в Крыму противоречивы. Согласно одному отчету, ежемесячно тысяча английских солдат, находящихся в траншеях, выходит из строя. Установлено, что в составе одного только 10-го гусарского полка численностью в 676 человек 161 человек больны. Доктор Сатерленд, председатель посланной правительством в Крым медицинской комиссии, сообщает в одном из своих писем графу Шефтсбери, между прочим, следующее:

«К концу недели, 7 июля: численность английской армии 41593 человека; общее количество смертных случаев — 150, от холеры — 71, от лихорадки — 17, от поноса — 19, от дизентерии — 2. К концу недели 14 июля: численность армии — 42513 человек; общее количество смертных случаев — 123, от холеры — 55, от лихорадки — 18, от поноса — 10, от дизентерии — 5. Умерло от ран в первую неделю — 44, во вторую—30, всего — 74».

Таким образом, за две первые недели июля соотношение числа смертных случаев от болезней и числа смертных случаев от ран составит приблизительно 4:1. Доктор Сатерленд проводит следующее различие между состоянием здоровья в армии в прошлую зиму и летом этого года:

«Смертность в зимний период носит совершенно иной характер, чем в летнее время. Сейчас вряд ли существует хотя бы одна из тех причин, которые имели место зимой: плохое питание, недосыпание, физическое перенапряжение, недостаток одежды и укрытий, плохая защита от непогоды, вызвавших scorbutis* почти во всей армии. Тогда все случаи заболеваний были цинготного характера, и отсюда страшная смертность в госпиталях в Скутари; ее можно было сравнить только со смертностью от голода в Ирландии» (1847); «теперь же, напротив, мы имеем дело с лихорадкой и холерой, распространение которых в нашем лагере, несомненно, уменьшилось благодаря большой заботе о солдатах».

* — цингу. *Ред.*

Состояние здоровья солдат осажденной армии в настоящее время, бесспорно, хуже чем осаждающей. Но доктор Сатерленд не может требовать безусловного доверия к своему письму, поскольку, как свидетельствует недавний случай, за критику в английском лагере *наказывают.* Приблизительно полтора месяца тому назад газета «Times» опубликовала анонимное письмо, в котором сообщалось о непростительном отношении к раненым после кровопролития 18 июня. Военное ведомство потребовало, чтобы газета «Times» назвала имя корреспондента. Газета отклонила это требование и согласилась назвать имя только при условии, если г-н Фредерик Пиль даст твердое обещание не преследовать корреспондента за сделанные им разоблачения, Пиль на это условие не пошел, однако осудил отказ «Times» в парламенте. Между тем г-н *Бейкуэлл* (хирург-ассистент), автор упомянутого письма, находился по болезни в отпуске в Скутари. Это было в середине июля. Начальствующие лица в лагере каким-то образом раскрыли авторство Бейкуэлла. За его спиной и *во время его отсутствия* была создана из числа высших медицинских чинов, большей частью как раз скомпрометированных письмом Бейкуэлла, следственная комиссия, которая вынесла заключение о виновности Бейкуэлла, не дав ему возможности ни защищаться, ни привести доказательства в обоснование выдвинутых им обвинений. 3 августа в очередном приказе по армии было объявлено об отстранении Бейкуэлла от должности. В свете этого события и следует оценивать достоверность английских официальных или полуофициальных отчетов о состоянии здоровья солдат, уходе за ранеными и т. п.

Написано К. Марксом 22 августа 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 395, 25 августа 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

ПИСЬМО НЕЙПИРА

Лондон, 24 августа. Сэр *Чарлз Нейпир* опубликовал сегодня в ежедневных газетах письмо[265], которое в основном подтверждает наше мнение о бомбардировке Свеаборга. Мы приводим из этого письма следующие выдержки:

«Из того, что я сам написал, а также из донесения адмирала Дандаса видно, что, если бы точно следовали моему плану, Свеаборг был бы уже разрушен. Выясняется, что союзники имели всего 43 канонерские и мортирные лодки и что много мортирных лодок было выведено из строя, а они должны были иметь, по крайней мере, 100. В одном письме ко мне» (1854) «сэр Джемс Грехем, оценивая потребность в таких лодках, называл цифру 200. Если бы это количество имелось налицо, то бомбардировку можно было бы продолжить, сменяя людей подобно тому, как это делается в траншеях. Мортиры успевали бы охлаждаться, и бомбардировка продолжалась бы до тех пор, пока не осталось бы камня на камне и не образовался проход для линейных кораблей, пройдя который, они довершили бы дело. Однако адмиралтейство, видимо, не учло, что мортирные лодки не могут бесконечно стоять на одном месте, хотя отчеты о Севастополе, казалось бы, должны были его научить кое-чему. Таким образом, операция, которая как будто проводилась весьма обдуманно, имела лишь частичный успех, и адмирал Дандас в своем отчете признает, что русские морские укрепления почти не повреждены. Если бы у адмирала Дандаса было больше средств, он мог бы продолжать бомбардировку, пока стояла хорошая погода, и эскадры, вместо того чтобы возвращаться в Нарген, могли бы бросить якорь в Свеаборге.

В первый год войны ввиду недостатка в средствах все это еще можно было простить адмиралтейству, но на втором году — никак нельзя. Вместо канонерских и мортирных лодок адмиралтейство строило *металлические* плавучие батареи, которые едва держатся на воде, и если бы даже и могли плавать, все равно оказались бы бесполезными: приблизившись к Свеаборгу на расстояние 400 ярдов, они наверняка были бы уничтожены, а оставаясь на расстоянии большем, чем 400 ярдов, они не смогли бы причинить никакого вреда.

Первый эксперимент с использованием металла обошелся стране в целый миллион, а где он, этот миллион? Второй эксперимент стоил не меньше, чем полмиллиона, а металлические плавучие батареи еще не покинули наших гаваней, да и вряд ли когда-либо покинут. Это результат того, что у руководства стоят неспособные люди. Министрам уже пришлось реорганизовать военное ведомство. Когда же они подумают о реформе адмиралтейства? А пока они этого не сделают, народные деньги будут выбрасываться на ветер. Адмиралтейство, видимо, не представляет себе результата бомбардировки, хотя я больше года тому назад предсказывал ему, что произойдет. Если бы они читали историю, то знали бы, что Мартиника была взята с помощью мортирных лодок; между тем казематов для всего гарнизона там было так же мало, как в Свеаборге. По утверждению адмирала Дандаса, его планом не предусматривалась попытка общего нападения линейных кораблей на оборонительные сооружения, и его операции поэтому имели ограниченную задачу — разрушить крепость и арсеналы, насколько это возможно с помощью мортир.

Если бы в распоряжении адмирала Дандаса имелось достаточно средств, он предусмотрел бы в своем плане нападение на оборонительный сооружения и сосредоточил бы весь свой флот с тем, чтобы он был готов воспользоваться испугом и замешательством, вызванными канонерскими и мортирными лодками. Возникшие пожары уже сами по себе не дали бы гарнизону возможности использовать орудия, и флот, подойдя к Свеаборгу, мог бы стереть с лица земли крепостные сооружения, островки и т. д.; вместо этого разрушены лишь деревянные постройки и арсеналы, а выполнение основной задачи снова отложено до следующего года».

Нейпир заканчивает свое письмо следующими словами:

«Сэр Джемс Грехем был одним из тех министров, которые послали британскую армию в Севастополь в сентябре месяце без транспортных средств, без продовольствия, палаток, обмундирования и госпиталей, чтобы пережить там ужасную зиму и погибнуть. Это тот самый министр, который побуждал меня начать действия английского флота в конце октября, что привело бы к его гибели под скалами Свеаборга. Он сумел найти двух морских офицеров, которые, к их стыду, подписали оскорбительное письмо, направленное мне Грехемом, и эти люди все еще находятся в адмиралтействе. Вот каковы методы управления флотом в нашей стране. Два лета наших операций в Балтийском море послужат адмиралтейству уроком. В адмиралтействе имеются мои планы нападения на Кронштадт, а также, вероятно, и планы адмирала Дандаса. Поэтому сэр Джемс Грехем и оба его помощника, надо полагать, сами будущим летом отправятся в путь и осуществят эти планы».

Написано К. Марксом 24 августа 1855 г.

Напечатало в «Neue Oder-Zeitung» № 397, 27 августа, 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

АВСТРИЯ И ВОЙНА

На другой странице мы печатаем отчет одного австрийского офицера о недавней инспекционной поездке императора Франца-Иосифа в армию, расположенную в Галиции. События, описываемые автором в связи с этой поездкой, и его замечания о дислокации имперских войск подтверждают ранее высказанное нами мнение, что, проводя в прошлом году подготовку к войне, Австрия вовсе не разыгрывала комедии, рассчитанной на обман западных держав. Она, безусловно, не могла пойти на такие жертвы лишь для того, чтобы пустить пыль в глаза всему миру[266].

Это верно, что только крайняя необходимость побудила Австрию вооружиться против России; и до тех пор, пока можно было тянуть время, она цеплялась за малейшую надежду на сохранение мира, которую ей в качестве приманки предлагала русская дипломатия. Но, наконец, ее терпение истощилось, и С.-Петербург с удивлением, граничащим со страхом, узнал, что австрийские войска подтягиваются к галицийской границе. Это произошло в то время, когда русские не допускали еще даже мысли о подобных военных мерах со стороны Австрии и когда исключалась всякая возможность такой *же* быстрой концентрации русской армии соответствующей численности на границе с Галицией. Поэтому пришлось снова прибегнуть к дипломатическому искусству. Нет необходимости повторять, каким образом и с какими результатами это было сделано. Огромная австрийская армия, недавно еще сконцентрированная на галицийской границе, была вдруг расформирована[267], и опасения русских относительно этого района частично рассеялись. Мы

говорим частично, потому что концентрации австрийской армии сопутствовали два важных обстоятельства, с которыми приходится считаться и после ее расформирования. Речь идет об укреплениях и железных дорогах, заново сооруженных, отремонтированных или достроенных во время пребывания армии в Галиции.

В то время как во всех других частях империи правительство обычно передавало постройку железных дорог частным предпринимателям, а на западную железную дорогу, которая должна была связать Вену с Мюнхеном, вообще не обращало никакого внимания, барон Хесс, главнокомандующий войсками в Галиции, использовал тысячи солдат на строительстве железнодорожной линии, которая, как бы велико ни было ее стратегическое значение, имеет, во всяком случае в настоящее время, весьма сомнительную ценность с коммерческой точки зрения. Проект строительства этой линии при иных условиях, вероятно, пролежал бы под сукном у инженеров частных компаний еще лет тридцать. Россия крайне недовольна строительством этих железных дорог, используя которые Австрия может теперь вновь сконцентрировать только что расформированную армию менее чем за одну пятую времени, необходимого России для концентрации такой же армии. Всякий, кто возьмет на себя труд познакомиться со статистическими данными о железнодорожном транспорте Австрии и сравнит то, что было сделано в чисто политических целях на востоке, с тем, какое незначительное внимание уделялось коммерческим интересам на западе, безусловно усомнится в том, что эти железнодорожные линии в Галиции были сооружены столь поспешно только для того, чтобы обмануть мир. Совершенно очевидно, что для этой цели гораздо более важное значение имело бы быстрое завершение строительства западных линий, соединяющих Австрию с Баварией.

Наше мнение в еще большей степени подтверждается усовершенствованиями старых и строительством новых укреплений, недавно осуществленным в восточных провинциях Австрии. Если строительство железных дорог может объясняться как стратегическими, так и другими соображениями, то сооружение и завершение системы укреплений и вызванные этими работами непроизводительные расходы могут быть объяснены только теми целями, которым они непосредственно служат. Сказанное нами относительно соотношения размеров железнодорожного строительства на востоке и западе Австрии в еще большей степени применимо к строительству укреплений. Из тридцати шести крепостей Австрийской империи семь входят непосредственно и девять косвенно в восточную линию обороны, и большинство

их, как например, Краков, Перемышль и Залещики, лишь недавно было в должной мере усовершенствовано. Краков и Перемышль вместе со Львовом, который в силу своего расположения не может быть превращен в мощную крепость, господствуют над дорогой, ведущей к Варшаве. Залещики находятся на крайнем востоке Галиции, напротив важной русской крепости Хотин. Краков был превращен в первоклассную крепость, и все его укрепления, так же как и другие укрепления в Галиции, полностью подготовлены к войне. Когда-то в австрийской армии было принято назначать комендантами крепостей старых, одряхлевших генералов, что рассматривалось как своего рода почетная отставка, а служба в таких крепостях считалась чем-то вроде ссылки для офицеров, попавших в немилость при дворе. Но сейчас командование крепостями на востоке и северо-востоке повсюду поручено действительно способным людям, заслуженным генералам и видным офицерам штаба. Краков находится под командованием генерала Вольтера, Перемышль — генерал-майора Эбнера, Залещики — под командованием генерал-майора Глезера, в Карлсбурге в Трансильвании командует генерал Зедльмайер, а в Ольмюце на северо-западном фланге — генерал фон Бём. В то же время на западе дело обстоит совсем иначе; там вещи и люди — это старые развалины, которым спокойно предоставляют и дальше разваливаться. Но как изменилась бы эта картина, если бы западные державы поставили под сомнение, пусть даже на словах, искренность политики Австрии! С какой поспешностью принялись бы австрийские власти за восстановление Линца и его 40 максимилиановых башен, Линца, который сейчас даже не считается крепостью, и Зальцбурга, который когда-то был первоклассной твердыней! Что же мы видим вместо этого? Полное бездействие и отсутствие каких-либо военных приготовлений. Даже солдаты, возвращающиеся с востока, где они надеялись завоевать лавры победы, по мере приближения к баварской границе теряют свой боевой дух.

Таковы факты, которые говорят сами за себя; остается выяснить лишь один вопрос, а именно: кто помешал проведению политики Австрии, и по чьей вине страна оказалась обремененной огромным дополнительным национальным долгом, не добившись никаких непосредственных выгод ни для себя, ни для своих предполагаемых союзников? Нам известно, что в Вене распространено мнение, разделяемое повсюду в Германии, согласно которому Австрия отказалась от участия в войне, опасаясь создать себе второго противника в лице Пруссии, а также потому, что война, предпринятая без помощи Германии, не давала никакой гарантии быстрого ее окончания, а этого

требовало особое положение империи. Мы, однако, твердо придерживаемся противоположной точки зрения. Мы считаем, что если бы Австрия смело напала на русскую армию, Пруссия и остальная Германия, пусть медленно и неохотно, были бы вынуждены последовать ее примеру.

Кого же следует считать ответственным за нынешнюю политику Австрии? Англию, руководимую блестящим лицемером и хвастливым болтуном лордом Пальмерстоном. Чтобы доказать это предположение, нам придется оставить военный лагерь и углубиться в дипломатический лабиринт. 23 июля г-н Дизраэли спросил лорда Джона Рассела, на чем основано его заявление, что «одной из главных причин крымской экспедиции явился отказ Австрии перейти реку Прут». Лорд Джон не мог вспомнить, вернее он сказал, что таким «основанием служат для него воспоминания общего характера». Тогда г-н Дизраэли задал тот же вопрос лорду Пальмерстону, который

«не пожелал отвечать на подобные вопросы, касающиеся отдельных моментов, выхваченных из длительных переговоров между правительством ее величества и правительством одного из монархов, который в известной степени является союзником ее величества. О себе же он мог лишь сказать, что всегда считал Крым местом, где можно нанести наиболее чувствительный удар господству России на Черном море; и даже если бы других причин не существовало, это соображение было, по его мнению, достаточным основанием для экспедиции». «Я считал», — заявил он, — «что экспедиция в Крым является наилучшим шагом».

Так мы узнали от лорда Пальмерстона, что идея крымской кампании родилась не у Австрии, не у Бонапарта, а у него самого. 26 июня лорд Линдхёрст, яростно обрушившись на Австрию, заявил, что

«в начале июня Австрия приняла решение потребовать от России эвакуации Дунайских княжеств. Требование было сформулировано в весьма резких выражениях, в нем содержалось нечто вроде намека на то, что если оно не будет выполнено, Австрия прибегнет к силе оружия, чтобы добиться этого».

Сделав несколько замечаний исторического характера, благородный лорд продолжал:

«Совершила ли тогда Австрия действительно какое-нибудь нападение на Россию? Попыталась ли она ввести войска в Дунайские княжества? Отнюдь нет. Она воздерживалась от каких-либо действий в течение нескольких недель, вплоть до того момента, когда осада Силистрии была снята и русская армия начала отступать, и когда сама Россия заявила о своем намерении через некоторое время эвакуировать княжества и отвести войска за Прут».

Таким образом, лорд Линдхёрст упрекает Австрию в том, что она говорит одно, а делает другое. После него с речью

выступил лорд Кларендон. Его речь дает нам некоторое представление о тех причинах, которые превратили Австрию мая и июня в Австрию июля и августа. Он говорит, что

«когда Австрия взяла на себя последовательно ряд обязательств по отношению к Англии и Франции и провела широкую и дорогостоящую подготовку к войне; когда она, далее, настойчиво предлагала, чтобы Франция и Англия направили военных представителей в штаб-квартиру генерала Хесса, Австрия несомненно намеревалась вступить в войну и рассчитывала на нее. Но она рассчитывала также, что задолго до наступления благоприятного для начала военных действий сезона союзные армии добьются решающих побед в Крыму, что они высвободят свои силы и смогут предпринять другие операции во взаимодействии с ее собственными войсками. К сожалению, этого не случилось, и объяви Австрия по нашей просьбе войну, ей пришлось бы, вероятно, вести ее одной».

Таким образом, разъяснение, данное лордом Джоном Расселом, находится в прямом противоречии с заявлением лорда Кларендона. По утверждению лорда Джона, экспедиция была послана в Крым потому, что Австрия отказалась перейти реку Прут, то есть выступить против России. А лорд Кларендон говорит, что Австрия не могла выступить против России из-за крымской экспедиции.

Будет полезно также обратиться к заявлению лорда Элленборо, которое никем не оспаривалось:

«Еще до того, как экспедиция была отправлена в Крым, Австрия предложила обсудить с союзными державами вопрос о будущих военных операциях. Однако союзники, действуя в соответствии с заранее принятыми решениями, отправили экспедицию, и тогда Австрия сразу же заявила, что она не может воевать против русских одна и что крымская экспедиция вынуждает ее изменить свой образ действий. В последующий период, как раз в начале работы Венской конференции, когда было особенно важно, чтобы Австрия действовала вместе с нами, — вы в это время, все еще занятые исключительно мыслью о том, как обеспечить успех ваших операций в Крыму, отвели с территории, непосредственно граничащей с Австрией, 50000 боеспособных турецких войск и тем самым лишили Австрию единственной поддержки, на которую она могла рассчитывать в случае военной кампании против России. Из этого, а также из заявлений графа ясно видно, милорды, что именно наша неразумная крымская экспедиция парализовала политику Австрии и поставила Австрию в такое трудное положение, что ей немедленно пришлось отказаться от линии поведения, которая обеспечивала ее честь, достоинство и интересы. Еще до того, как экспедиция была отправлена в Крым, я взял на себя смелость обратить внимание правительства на неизбежные последствия этого шага. Я указал правительству на то, какое влияние эта экспедиция окажет на политику Австрии».

Совет лорда Элленборо не был принят во внимание. Пальмерстон отправил экспедицию в Севастополь в тот самый момент, когда стало ясно, что эта экспедиция вынудит Австрию отказаться от начала военных действий против России. Дело выглядит так, будто Пальмерстон собирался оказать помощь злей-

шему врагу Англии, будто он намеренно поставил Австрию в ее теперешнее двусмысленное положение в Дунайских княжествах, отдал в руки русской дипломатии и толкнул ее ближе к той пропасти, которая неминуемо должна перед ней разверзнуться. Предпринимая эти действия, как и многие другие шаги за время своей долгой и бесславной карьеры, Пальмерстон, хотел он того или нет, великолепно сыграл на руку лишь одной России.

Написано К. Марксом в конце августа 1855 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4493, 13 сентября 1855 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К.МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

НАКАЗАНИЯ АНГЛИЙСКИХ СОЛДАТ

Лондон, 28 августа. В британской армии существует институт, которого вполне достаточно, чтобы охарактеризовать те слои общества, откуда вербуются британские солдаты. Мы имеем в виду *наказание поркой.* Телесных наказаний не знают больше ни французская, ни прусская, ни другие менее значительные по размерам армии. Даже в Австрии, где большая часть рекрутов состоит из полуварваров, имеется явное желание отменить телесные наказания; например, такое наказание, как прогнать сквозь строй, недавно вычеркнуто из устава австрийской армии. Наоборот, в Англии «cat-o'-nine-tails» («кошка-девятихвостка») — орудие пытки, аналогичное русскому кнуту, — продолжает применяться по-прежнему. Когда бы ни ставился в парламенте вопрос о реформе военного законодательства, все старые генералы ревностно выступали за «cat» и особенно рьяно старик Веллингтон. В их глазах невыпоротый солдат был каким-то нелепым существом. Такие качества, как храбрость, дисциплинированность и непобедимость, были присущи, по их представлению, только солдатам, у которых на спинах имелись рубцы, по крайней мере, от пятидесяти ударов плетью, подобно тому, как прежде люди из свиты имели герб на своих щитах.

Единственной реформой явилось ограничение количества ударов плетью до пятидесяти. Действенность этой реформы видна из того факта, что примерно неделю тому назад в Олдершоте один солдат вскоре после наказания его тридцатью ударами плетью скончался. В этом случае был применен излюбленный метод — смачивание «cat-o'-nine-tails» в моче. Подобного рода пытка, когда моча попадает на голое окровавленное тело,

представляет собой верное средство, чтобы довести пациента до сумасшествия. «Кошка-девятихвостка» является не только орудием пытки, она оставляет неизгладимые рубцы — клеймит человека на всю жизнь. Даже в британской армии такое клеймо равносильно вечному позору. Выпоротый солдат оказывается опозоренным в глазах своих товарищей. Между тем, согласно уставу британской армии, наказания солдат, находящихся перед лицом противника, сводятся почти исключительно к порке; таким образом, то самое наказание, которое, по мнению его защитников, является единственным средством поддержания дисциплины в решающие моменты, на самом деле служит вернейшим средством подрыва дисциплины, деморализуя солдата и задевая его point d'honneur*. Этим объясняются два любопытных факта: во-первых, *большое количество английских дезертиров под Севастополем.* Зимой, когда британским солдатам приходилось делать нечеловеческие усилия, чтобы нести караульную службу в окопах, те из них, кто не был в состоянии бодрствовать в течение двух — двух с половиной суток подряд, подвергались порке. Подумайте только! Пороть таких героев, какими показали себя британские солдаты в окопах под Севастополем и в сражении под Инкерманом! Но статьи дисциплинарного устава не оставляли выбора. Лучших людей в армии пороли, когда их одолевала усталость, и, опозоренные, они дезертировали к русским. Вряд ли можно представить себе более строгий приговор системе порки, чем эти факты. В прежних войнах не было случая, чтобы солдаты какой-нибудь нации дезертировали в большом количестве к русским. Они знали, что там с ними будут обходиться хуже, чем в рядах их собственных армий. Британской армии, принадлежит честь поставить первый значительный контингент таких дезертиров, и, по свидетельству самих англичан, именно «cat-o'-nine-tails» поставляла дезертиров для русской армии.

Другое обстоятельство — это те трудности, с которыми сталкивается Англия при каждой попытке формирования иностранного легиона. Уже во время антиякобинской войны телесные наказания в иностранном легионе пришлось фактически отменить, хотя официально устав британской армии считался действительным и в этих частях. В начале XIX столетия некоторые зараженные ересью английские генералы, в том числе сэр Роберт Уилсон, опубликовали памфлеты, критиковавшие систему телесных наказаний солдат. Сэр Фрэнсис Бёрдетт в течение более десяти лет громогласно выступал в парламенте

* — честь. *Ред.*

против «cat-o'-nine-tails» и обозвал английскую нацию «a flogged nation» (выпоротой нацией). Он получил в палате общин энергичную поддержку со стороны лорда Фокстона и знаменитого лорда Кокрена (ныне адмирал, граф Дандональд). В прессе Коббет поднял яростную кампанию против «cat», за что поплатился двумя годами тюремного заключения: В последние годы войны против Наполеона был момент, когда возмущение народа и армии достигло такой силы, что даже герцог Йоркский, в равной мере известный своей ханжеской приверженностью к солдатской муштре, своим бегством от французов и интимными отношениями с мадам Кларк, вынужден был на короткий срок издать приказ, в котором уведомлял всех офицеров, что многократные случаи порки в их частях будут служить препятствием для повышения их в чине.

Чем все же объяснить, что «cat-o'-nine-tails» с успехом выдерживала весь этот бурный натиск в течение полстолетия? Очень просто. Она является тем орудием, с помощью которого сохраняется аристократический характер британской армии, орудием, с помощью которого все командные должности, начиная с прапорщика, закрепляются в виде феодальной привилегии за младшими сыновьями аристократии и джентри. Отмена «cat-o'-nine-tails» повлекла бы за собой уничтожение того огромного расстояния, которое отделяет сейчас солдата от офицера и делит армию на две как бы различные расы. Одновременно с этим открылся бы доступ в ряды армии и для занимающих более высокое положение слоев населения, чем те, из которых она до сих пор набиралась. С прежней системой британской армии было бы покончено. Армия была бы революционизирована до основания. «Кошка-девятихвостка» — это Цербер, который охраняет сокровище аристократии.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом
28 августа 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 405,
31 августа 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке впервые опубликовано
в книге: К. Маркс и Ф. Энгельс. «Статьи и
корреспонденции 1854—1855 гг.», 1924 г.

Ф. ЭНГЕЛЬС

СРАЖЕНИЕ НА ЧЕРНОЙ [268]

Вопреки нашим ожиданиям, в почте, доставленной пароходом «Африка» в среду ночью, не было донесения князя Горчакова о сражении на Черной, имевшем место 16 августа. Однако французские и английские сообщения, опубликованные нами вчера, содержат достаточно сведений для более или менее правильной оценки этого сражения. Во французском донесении бросается в глаза отсутствие бахвальства, столь свойственного французским рубакам и так ярко выраженного в первых бюллетенях Пелисье. На этот раз старый генерал пишет необыкновенно ясно, по-деловому и по существу; он даже воздает должное храбрости, проявленной русскими в этом сражении. Его донесение предстает в выгодном свете при сравнении с комическими подсчетами генерала Симпсона по поводу количества участвовавших в сражении войск; по этим подсчетам получается, что какие-нибудь 15000 французов и сардинцев без особых усилий нанесли поражение 60000 русских. Фактически дело происходило, по-видимому, следующим образом:

Утром 16 августа, перед рассветом, русские спустились с Мекензиевых высот и заняли позицию на гребне холмов, спускающихся к Черной. Русскими войсками командовал сам князь Горчаков. В его подчинении находились генерал Реад — командующий правым флангом (7-й и 12-й дивизиями), Липранди, занявший с 5-й дивизией центр, и 17-я дивизия, образовавшая левый фланг русских. Части 4-й и 6-й дивизий также находились здесь и действовали, видимо, в качестве резерва. 5-я дивизия вместе с войсками из 4-й и 6-й дивизий образуют часть 2-го корпуса (корпуса Панютина), только что прибывшего

в Крым; остальные представляют собой старые крымские войска, которые, очевидно, действовали в весьма уменьшенном составе.

Местность на противоположном берегу Черной в основном ровная; она представляет собой продолжение Балаклавской равнины, которая тянется до самой реки; непосредственно у берега реки эта равнина перерезается двумя группами небольших холмов, постепенно поднимающихся со стороны Балаклавы, но спускающихся к Черной и представляющих, поэтому, хорошую оборонительную позицию против форсирующего реку противника. Между этими двумя группами холмов лежит долина, где английская легкая кавалерия вела атаку во время сражения под Балаклавой. Восточная группа холмов, образующая правый фланг позиции, была занята двумя сардинскими дивизиями Ла Мармора; другая группа, северо-западнее, — тремя французскими дивизиями, которые образовали центр и левый фланг позиции. Французами командовал генерал д'Эрбийон, расположивший дивизию Каму слева, свою собственную — в центре и дивизию Фошё — справа, где ее позиции примыкали к позициям сардинской дивизии Тротти. Обороноспособность позиции увеличивалась благодаря двум препятствиям, находившимся непосредственно перед ней: первое препятствие — река Черная, которая в то время была безусловно проходима вброд, но все же вынуждала русских переправляться через нее лишь в определенных местах и на узких участках; второе — Водопроводный канал, проложенный в большинстве случаев в скалах, что заставляло даже после переправы через него взбираться на крутую скалистую стену. На вершинах холмов французы и пьемонтцы соорудили небольшие брустверы, достаточные лишь для прикрытия их пушек. Обе группы холмов образовали как бы несколько бастионов, прикрывавших друг друга своей артиллерией. За Черной, через которую были переброшены мосты у Чоргуня на крайнем правом фланге сардинцев, и у таверны (по-русски — трактира) напротив центральной позиции французов, пьемонтцы выставили боевое охранение в количестве двух рот, а Трактирный мост прикрывался небольшим предмостным укреплением, занятым французами. Еще дальше за ним находились аванпосты французов.

Утром 16 августа, установив свою артиллерию на высотах восточное Черной, русские двинули передовые части вниз, в долину. Еще не рассвело, и густой туман способствовал внезапному нападению, как это было при Инкермане. Передовые посты союзников были тут же отброшены, и к рассвету предмостное укрепление и весь восточный берег реки оказались

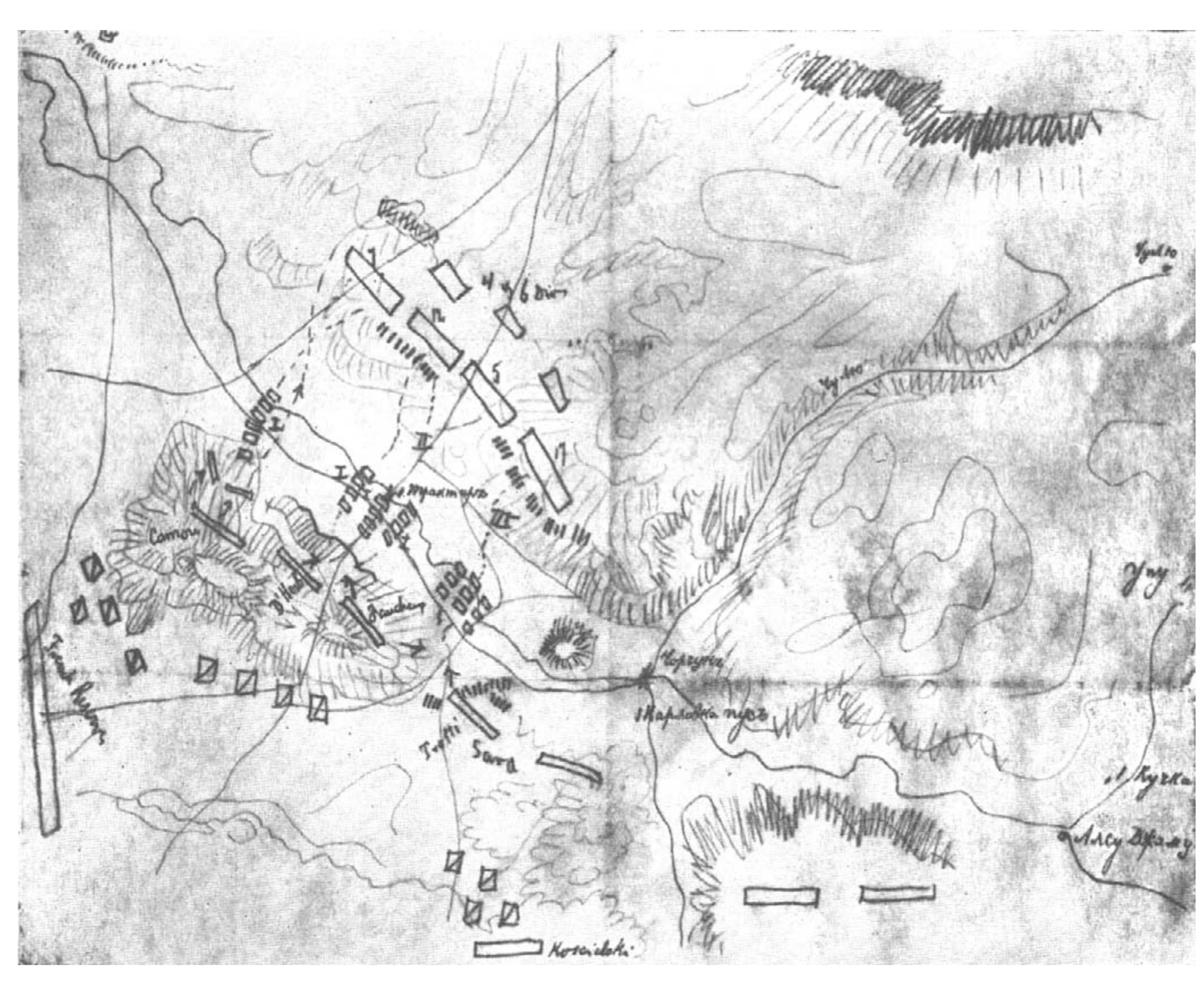

Схема сражения на реке Черной 16 (4) августа 1855 г.,
составленная Ф. Энгельсом

в руках русских, которые продолжали бой с двумя французскими полками за овладение мостами. Затем 7-я и 12-я дивизии русских, расположенные как раз напротив французских дивизий Каму и д'Эрбийона, спустились в долину двумя сомкнутыми колоннами; здесь они перестроились в штурмовые колонны и двинулись вперед двумя отдельными группами: 7-я дивизия, переправившись через реку и Водопроводный канал вброд и по наспех наведенным перекидным мостам, двинулась против Каму; 12-я дивизия, часть которой осталась в резерве, наступала на д'Эрбийона по Трактирному мосту, защитники которого были мгновенно отброшены значительно превосходящими их силами русских. Русские продвигались через Водопроводный канал и вверх по склону высоты с невиданной для них быстротой и воодушевлением. 7-я дивизия русских уже почти достигла вершины холма, когда войска Каму, развернутые в линию, дали по ней залп и ударили с фланга и с тыла с такой силой, что русские тут же повернули и под убийственным огнем бросились обратно через реку; 7-я дивизия, если можно верить Пелисье, больше на поле боя во время этого сражения не появлялась. В центре 12-й дивизии удалось взобраться на высоты и вклиниться в расположение нескольких французских полков. Один момент исход сражения казался неясным, но в это время д'Эрбийон приказал одной бригаде из дивизии Фошё атаковать левый фланг русских колонн, и после непродолжительной схватки русские были отброшены вниз по склону холма, а французы стали их преследовать и на короткий срок отбили мост.

Горчаков, однако, подготовил новую атаку. Часть 12-й дивизии и 5-я дивизия спустились в долину, где под их прикрытием отступившие войска перегруппировались, а затем вся 12-я и 5-я дивизии двинулись вперед во вторую атаку. Они перешли реку по мосту и вброд справа и слева от него и энергично бросились на центральные позиции союзников (дивизии д'Эрбийона и Фошё). Но к этому времени французы уже установили всю свою артиллерию; она обстреливала в лоб русские колонны, в то время как сардинская артиллерия вела по ним огонь с фланга. Несмотря на этот убийственный огонь, русские упорно и быстро продвигались вперед и снова достигли высот. Там их встретили французы, которые развернулись в линию несколько позади гребня высоты. Как только передние шеренги колонн показались на самом гребне, французы дали по ним залп и атаковали их в штыки в лоб и с фланга. Схватка была такой же непродолжительной, как и в первый раз. Русские, преследуемые ружейным и артиллерийским огнем союзников, отступили

и в беспорядке бросились обратно через реку. Это второе поражение русских фактически решило исход сражения. В атаке участвовало три пятых их пехоты, и они не могли надеяться на прибытие на поле боя свежих подкреплений; у союзников в сражении тоже приняли участие три дивизии из пяти, но на помощь им спешили подкрепления из лагеря под Севастополем. Пелисье вызвал еще две армейские и одну гвардейскую дивизии, и они уже подходили. Было примерно 8 часов утра.

Несмотря на такое неравенство сил, Горчаков решил предпринять еще одну атаку. Теперь должна была выдвинуться 17-я дивизия и образовать ядро той части разбитых войск, которая еще могла быть брошена против врага. Направление атаки было опять перемещено влево; на этот раз русские ударили по дивизии Фошё. Но безрезультатно. Перекрестный огонь французской и сардинской артиллерии нанес им значительные потери еще до того, как они успели дойти до вершины высоты; и снова французские войска рассеяли колонны русских и отбросили их на противоположный берег реки, а пьемонтцы (дивизия Тротти) охватили их с фланга и завершили победу. Оставались нетронутыми только части 4-й и 6-й дивизий, численный состав которых равнялся примерно одной дивизии. Бросать их в наступление было бесполезно. Поражение представлялось несомненным, и русские, выдвинув вперед артиллерию, начали отступление. Собственные позиции русских были настолько сильны, что Пелисье ясно понимал, что атака на них невозможна; поэтому их подвергли лишь артиллерийскому и ружейному обстрелу. По сравнению с союзниками потери русских в этом сражении были огромны. Они потеряли около 5000 убитыми, ранеными и пленными, союзники — лишь около 1500 человек. Причиной этого явилось то, что русские вынуждены были вести все свои атаки под сильнейшим огнем артиллерии союзников, особенно пьемонтцев; шестнадцатифунтовые пушки пьемонтцев трудно перевозить, однако, будучи установленными на позиции, они ведут исключительно эффективный огонь.

В данном случае русские предприняли лишь лобовую атаку. Обход французов слева у Инкермана казался невозможным из-за того, что французские батареи, установленные на отроге хребта напротив Инкермана, господствовали над местностью. Для того чтобы обойти союзников с правого фланга, основные силы русских должны были бы спуститься в Байдарскую долину, где рельеф местности слишком сложен для таких неповоротливых войск. Поэтому русские выбрали лобовую атаку и поступили совершенно правильно, сделав попытку захватить противника

врасплох. Внезапность нападения принесла частичный успех, но не была достаточно энергично использована до конца. Когда русские овладели переправами через Черную, им следовало бы бросить вперед все имеющиеся под рукой силы, чтобы закрепить свой успех до того, как французы успеют прийти в себя от первого удара. Вместо этого они дали своим противникам время привести войска и артиллерию в боевую готовность, и эффект внезапности, в результате которой высоты, занятые французами, могли бы перейти в руки русских, был почти потерян, едва только русские достигли Черной. Это еще одно доказательство того, как трудно маневрировать русскими войсками, когда обстоятельства требуют быстроты действий и когда младшие по чину командиры должны самостоятельно принимать решения.

Французы всегда отличались несколько пренебрежительным отношением к службе сторожевого охранения. Даже когда они занимали наилучшие позиции, активно действующий противник всегда мог ночью застать врасплох их сторожевые посты и без особого риска для себя напасть на их лагерь. В данной операции образ действий французов показал, что это может удасться даже медлительным русским. Главная позиция французов находилась настолько близко к Черной, что их передовым отрядам следовало либо продвинуться гораздо дальше вперед, либо, если условия местности не позволяли этого сделать, их нужно было настолько усилить, чтобы они могли держаться до тех пор, пока лагерь не будет приведен в боевую готовность. А французы не обеспечили свой лагерь достаточным авангардом, и вследствие этого русские смогли подойти к их главной позиции, не дав им времени ввести в действие все свои силы и оказать сопротивление. Более активный противник, чем русские, бросил бы вперед превосходящие по численности силы с такой быстротой, что занял бы высоты, находившиеся в руках французов, до того, как последние успели бы оказать настоящее организованное сопротивление. Но сами русские боялись рискнуть одной-двумя дивизиями своих войск, ведя бой в темноте, и потеряли все преимущества, выигранные в результате внезапного нападения.

Решающие успехи, столь легко доставшиеся французам при отражении нападения русских колонн, когда последние уже взобрались на высоты, объясняются применением тактики, которой до этого они редко придерживались. Французы, очевидно, обучились этому способу ведения боя у англичан, мастеров этого дела. При обороне цепи холмов весьма выгодно размещать войска непосредственно за гребном, где они полностью укрыты,

и, развернув их в линию, ждать появления вражеских колонн. Как только головная часть колонн появляется на гребне, линия обороняющихся войск дает по ним залп, на который могут ответить всего лишь несколько ружей, а затем бросается в штыковую атаку в лоб и с флангов. Англичане применяли такую тактику, и всегда успешно, при Бусаку, Памплоне, Ватерлоо[269] и в других сражениях. Между тем в армиях континентальной Европы совершенно, видимо, забыли об этом весьма надежном способе обороны высот. В учебниках по тактике эти приемы фигурируют, однако на практике их вытеснило всеобщее пристрастие к колоннам, прикрываемым цепью стрелков. Французы достойны особой похвалы за то, что переняли у своих прежних противников этот простой и эффективный маневр. Если бы они выстроились в колонны, у русских, несомненно, было бы больше преимуществ, и они, возможно, выиграли бы сражение. Но при сложившихся обстоятельствах огонь развернутой в линию пехоты, действующей против неприятеля, дезорганизованного убийственным огнем артиллерии и уставшего от подъема на крутую гору, оказался сокрушительным, а энергичной штыковой атаки было достаточно, чтобы отбросить назад колонны, боевой дух которых был сломлен еще до того, как на них обрушилась сверкающая сталь штыков.

Это — третье регулярное сражение данной войны, и, подобно сражениям на Альме и при Инкермане, оно отличается сравнительной непродолжительностью. Для сражений времен наполеоновских войн был характерен длительный период предварительных стычек; каждая сторона стремилась прощупать силы противника прежде, чем вступить с ним в бой в решающих пунктах и с участием основных масс войск; решающий же удар предпринимался лишь после того, как большая часть войск обеих сторон вводилась в бой. Здесь же мы видим обратную картину; никакого промедления, никакого постепенного изматывания сил противника; удар наносится сразу же, и судьба сражения зависит от результата одной-двух атак. Это выглядит более смело, чем наполеоновский способ ведения боя, однако если двойной численный перевес, подобный тому, который союзники имели на Альме, и хорошо известная неповоротливость русских при маневрировании и могут, казалось бы, служить оправданием для таких прямых действий, эти действия все же показывают, что обеим сторонам весьма недостает компетентного военного руководства; и во всех случаях, когда рубакам, действующим по этому принципу, противостоит генерал, хорошо понимающий, как завязать бой с их войсками, какие ловушки для них расставить и как их туда заманить,

они очень скоро оказываются в весьма незавидном положении.

И наконец, повторим то, что мы уже часто говорили: храбрость солдат и посредственность генералов являются отличительными чертами обеих сторон, участвующих в нынешней войне.

Написано Ф. Энгельсом около 31 августа 1855 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4494, 14 сентября 1855 г. в качестве передовой и в «Neue Oder-Zeitung» №№ 409 и 411, 3 и 4 сентября 1855 г.

Печатается по тексту газеты «New-York Daily Tribune», сверенному с текстом «Neue Oder-Zeitung»

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

НОВЫЕ РАЗОБЛАЧЕНИЯ В АНГЛИИ

Если не считать бумаг сэра А. Бёрнса, опубликованных после его смерти его отцом, чтобы снять с памяти сына брошенное ему Пальмерстоном ложное обвинение в том, что он якобы являлся инициатором позорной и неудачной афганской войны, и дать очевидные доказательства того, что пресловутые депеши сэра А. Бёрнса, представленные парламенту Пальмерстоном, были не только искажены так, что полностью извращался их первоначальный смысл, но фактически подделаны и пополнены вставками, сфабрикованными со специальной целью ввести в заблуждение общественное мнение[270], — если не считать этих бумаг, то ни одна из появившихся до сих пор серий документов не повредила, пожалуй, так сильно репутации английского правительства и той касты, которая присвоила себе наследственное право на государственные должности в Англии, как переписка между сэром Джемсом Грехемом и сэром Чарлзом Нейпиром. Эту переписку старый адмирал только что опубликовал, чтобы себя реабилитировать[271].

В разгоревшемся споре сэр Джемс Грехем имеет перед своим противником одно большое преимущество, — нет такого разоблачения, которое могло бы еще сильнее уронить его авторитет во мнении света. Это — тот самый человек, который открыто хвастался своим участием в убийстве братьев Бандьера, который был изобличен в том, что регулярно вскрывал на лондонском почтамте частные письма и использовал их в интересах Священного союза[272], который угодливо целовал руки императору Николаю, когда тот высадился на английском берегу; который сделал еще более жестоким и без того суровый новый

английский закон о бедных своеобразным способом его применения; который, наконец, лишь несколько месяцев тому назад перед переполненным парламентом тщетно пытался свалить на г-на Лейарда вину за оскорбления, нанесенные им самим несчастному капитану Кристи. Репутацию такого человека можно считать упрочившейся. В его политической карьере есть нечто загадочное. Он не обладает ни особыми талантами, которые позволяют лорду Пальмерстону не принадлежать ни к одной партии, ни наследственным влиянием в партии, которое дает возможность лорду Джону Расселу обходиться без особых талантов; тем не менее он добился того, что играет видную роль среди английских государственных деятелей. Ключ к этой загадке следует искать не в анналах всемирной истории, а на страницах журнала «Punch». Из года в год в этом поучительном журнале появляется карикатура, нарисованная с натуры и украшенная лаконичной надписью: «Малый для грязной работы при сэре Роберте Пиле». Сэр Роберт Пиль, не будучи великим, был порядочным человеком, но прежде всего он был английским государственным деятелем, лидером партии; положение обязывало его заниматься грязной работой, выполнять которую ему было достаточно противно. Вот почему сэр Джемс оказался для него настоящей находкой, вот почему сэр Джемс стал совершенно необходимым, а вместе с тем и великим человеком.

Сэр Чарлз Нейпир принадлежит к семье, которая в равной мере выделяется как своими дарованиями, так и своей эксцентричностью. Среди современных смирных людей Нейпиры производят впечатление представителей какого-то первобытного племени, природные дарования которых позволили им усвоить достижения цивилизации, но не позволяют им преклоняться перед ее условностями, придерживаться ее этикета и подчиняться ее дисциплине. Если Нейпиры всегда верно служили английскому народу, то со своим правительством они постоянно ссорились и восставали против него. Если они и обладают достоинствами гомеровских героев, то в известной мере им свойственно и бахвальство этих героев.

Возьмем, например, покойного генерала сэра Чарлза Нейпира. Это был несомненно самый талантливый солдат, какого имела Англия со времен Мальборо, но не меньше, чем завоеванием Синда[273], он прославился своей тяжбой с Ост-Индской компанией, тяжбой, которую после его смерти продолжала его семья. Или генерал сэр У. Нейпир — первоклассный военный писатель Англии, но не менее известный своими вечными пререканиями с английским военным ведомством; он так мало считался с узкими предрассудками своих соотечественников,

что его знаменитая история войны на Пиренейском полуострове[274] единодушно поносилась английской критикой, как «самый лучший французский отчет, какой когда-либо появлялся об этой войне». Также и противник сэра Дж. Грехема, старый адмирал Нейпир, прославился тем, что отменял приказы своего начальства. Что касается этого последнего дюжего отпрыска Нейпиров, то сэру Дж. Грехему только казалось, что он сдавил его подобно удаву; железные кольца удава оказались на поверку лишь простой паутиной.

Сэр Джемс Грехем как первый лорд адмиралтейства сместил Чарлза Нейпира с поста командующего по возвращении его в Англию. В палате общин он указал на Нейпира как на лицо, ответственное за неудачу в Балтийском море, в подтверждение чего процитировал несколько мест из личных писем Нейпира. Грехем обвинял Нейпира в том, что тот уклонялся от выполнения смелых приказов, которые он получал от адмиралтейства. Он выразил надежду, что в будущем ни один лорд адмиралтейства не будет столь неосмотрительным, чтобы разрешить поднять флаг сэра Чарлза Нейпира; он высмеивал Нейпира в тех газетах, где пользовался влиянием, называя его «воюющим Чарли», который, подобно мифологическому французскому королю, «взбирался с двадцатью тысячами солдат на холм и спускался затем обратно». Сэр Чарлз, по его собственным словам,

«потребовал расследования своих действий, в чем ему было отказано; он апеллировал в кабинет министров, но не получил никакого ответа; наконец, он обратился в палату общин. Ему было отказано под тем предлогом, что обсуждение относящихся к делу документов могло принести вред флоту ее величества».

После бомбардировки Свеаборга этот довод, конечно, отпал.

Сэр Джемс не сомневался, что его замысел удастся, ибо из предосторожности он сделал пометку «лично» [«private»] на всех тех письмах, которые в той или иной мере могли скомпрометировать его самого и реабилитировать избранную им жертву. Что касается смысла этого сакраментального слова «лично», то сам сэр Джемс, давая свои свидетельские показания перед севастопольской комиссией, заявил, что первый лорд британского адмиралтейства обычно помечает официальные инструкции как «личные», когда у него имеются достаточные основания, чтобы скрыть их не только от публики, но даже от парламента. Человеку, подобному сэру Джемсу, который считает себя вправе предавать огласке личную переписку, кажется вполне естественным превращение официальных документов в личную собственность. Но на этот раз он рассчитал без хозяина. Сэр Чарлз Нейпир, смело разорвав оковы «личных

инструкций», возможно подверг себя опасности быть вычеркнутым из официального списка офицеров английского военного флота и, вероятно, лишился права когда-либо снова поднять свой флаг; но вместе с тем он не только преградил сэру Джемсу дорогу в адмиралтейство, но и показал английскому народу, что его флот так же прогнил, как и его армия. Когда крымская кампания лишила британскую армию ее былой славы, защитники ancien regime* отказались признать себя виновными под тем благовидным предлогом, что Англия никогда и не претендовала быть первоклассной военной державой. Однако они не посмеют утверждать, что Великобритания никогда не предъявляла притязаний на то, чтобы быть первой морской державой в мире. Война подвергает нацию испытанию — в этом заключается ее искупительная сторона. Подобно тому как мумии мгновенно распадаются, когда подвергаются воздействию атмосферы, так и война выносит окончательный приговор социальным учреждениям, которые утратили свою жизнеспособность.

Переписка между Джемсом Грехемом и адмиралом Нейпиром, которая охватывает период с 24 февраля до 6 ноября 1854 г. и которую невозможно полностью привести на страницах нашей газеты исключительно из-за ее большого объема, может быть резюмирована в немногих словах. До конца августа, когда, как известно, заканчивается сезон судоходства на Балтийском море, все шло довольно гладко, хотя сэр Чарлз Нейпир уже в самом начале экспедиции высказал сэру Джемсу свое мнение о том, что

«средства, которые адмиралтейство отпустило для снаряжения и укомплектования флота на Северном море, недостаточны для поставленной цели и не создают благоприятных условий для встречи с русскими».

В течение всего этого времени сэр Джемс в своих письмах ничего, кроме благоволения к своему «любезному сэру Чарлзу», не выражает. 12 марта он «поздравляет» его с тем, что флот отплыл от английских берегов в «полном порядке»; 5 апреля он «удовлетворен его продвижением»; 10 апреля он «вполне удовлетворен его действиями»; 20 июня он называет Нейпира «непревзойденным командующим флотом»; 4 июля он «уверен, что сэр Чарлз сделает все, что может сделать человек». 22 августа он «искренне поздравляет его с успехом операции у Бомарсунда», а 25 августа, охваченный своего рода поэтическим восторгом, пишет:

* — старого порядка. *Ред.*

«Я больше чем удовлетворен Вашими действиями, я восхищен доказательствами Вашей предусмотрительности и Вашего здравого смысла».

Все это время сэр Джемс беспокоится лишь о том, как бы сэр Чарлз

«в ревностном стремлении совершить великий подвиг и удовлетворить дикие страсти нетерпеливой толпы не поддался бы необдуманному побуждению и не забыл бы об исполнении одной из самых благородных обязанностей — иметь моральное мужество делать то, что считаешь правильным, не страшась получить упрек в неправильности действий».

Еще 1 мая 1854 г. он пишет сэру Чарлзу:

«Я полагаю, что как Свеаборг, так и Кронштадт почти неприступны с моря, в особенности Свеаборг, и только большая армия смогла бы действовать с успехом со стороны суши против сил, которые Россия легко может сосредоточить на непосредственных подступах к столице».

Когда сэр Чарлз 12 июня написал ему о том,

«что после зрелых размышлений он пришел к выводу, который разделяет и адмирал Чадс, что единственным эффективным способом захвата Свеаборга является снаряжение большого количества канонерок», —

сэр Джемс ответил ему 11 июля:

«С 50000 человек и 200 канонерок Вы могли бы уже к концу сентября добиться значительных и решительных успехов».

Но как только наступила зима, французская армия и флот отплыли обратно, а сильные бури в дни равноденствия начали вздымать волны Балтийского моря, от сэра Чарлза стали поступать донесения:

«Якорные канаты наших кораблей начали уже рваться, «Дракон» остался только с одним якорем, «Повелительница» и «Василиск» потеряли в последнюю ночь по одному якорю; «Волшебница» была вынуждена бросить якорь в тумане и должна была, подняв ночью якорь у Наргена, снова бросить его недалеко от Ренскарского маяка, так как ветром ее относило к подводным камням; «Эвриал» наскочил на подводные скалы, и это счастье, что он не погиб».

Тогда сэр Джемс вдруг открыл, «что войну нельзя вести без риска и опасности» и Свеаборг поэтому должен быть взят без единого солдата, без единой канонерки и мортирной лодки! Действительно, мы можем лишь повторить слова старого адмирала: «будь русский император первым лордом адмиралтейства, он писал бы точно такие же письма».

В адмиралтействе, как ясно видно из этой переписки, царит та же анархия, что и в военном министерстве. Сэр Джеме одобрил продвижение Нейпира через Бельт, в то время как министерство отнеслось к этому отрицательно. В августе сэр Джемс пишет Нейпиру, что ему следует заблаговременно готовиться к отплытию из Балтийского моря, а министерство в это время

шлет ему телеграммы противоположного характера. У сэра Джемса одно представление о докладе генерала Ньеля, у министерства — другое. Но самым интересным моментом в этой переписке является, пожалуй, то, что она проливает новый свет на англо-французский союз. Французский адмирал показал сэру Чарлзу приказ об отзыве французских военных сил 13 августа. Французская армия отплыла 4 сентября, а остаток французского флота отбыл 19 сентября. Между тем сэр Дж. Грехем уверяет сэра Чарлза, что он только 25 сентября узнал об уходе французов. Сэр Джемс поэтому ошибочно считал, «что это решение было принято на месте с согласия Нейпира», но, как он подчеркивает, «без всякой консультации с английским правительством». С другой стороны, Ньель, французский генерал инженерных войск и интимный друг Луи Бонапарта, будто бы советовал «разрушить Свеаборг за два часа линейными кораблями». Из этого видно, что он хотел побудить английский флот предпринять безрассудную атаку, в которой англичане без всякой пользы сломали бы себе шею о подводные скалы и русские оборонительные укрепления.

Написано К. Марксом около 8 сентября 1855 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4502, 24 сентября 1855 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

К ВЗЯТИЮ СЕВАСТОПОЛЯ [275]

Лондон, 11 сентября. Вчера в 9 часов вечера пушки в Сент-Джемсском парке и *Тауэре*[276] оповестили Лондон о взятии Южной стороны Севастополя. К удовлетворению директоров театров Лицеум, Хеймаркет и Аделфи крики «ура» и пение гимнов «God save the Queen» и «Partant pour la Syrie»[*] были вызваны, наконец, не ложными сообщениями, как прежде, а официальными депешами.

В крымской кампании наступил, наконец, перелом. Примерно в течение недели русские вынуждены были сообщать в своих телеграммах, что огонь союзников нанес значительные повреждения укреплениям Севастополя и что эти повреждения «по возможности», следовательно не полностью, исправлены. Затем вчера мы узнали, что в субботу 8 сентября после полудня союзники предприняли штурм четырех бастионов; у одного бастиона они были разбиты, два бастиона — взяли, причем один из них пришлось снова оставить, и, наконец, на четвертом, наиболее важном, расположенном на Малаховом кургане (Корниловский бастион), им удалось закрепиться. Потеря этого бастиона и вынудила русских разрушить и оставить Южную сторону[**].

[*] — «Боже, храни королеву», «Отправляясь в Сирию». *Ред.*

[**] В статье, написанной Ф. Энгельсом для «New-York Dally Tribune», вместо этой фразы дан следующий текст: «Потеря этого пункта вынудила русских отвести 9 сентября свои войска с Южной стороны на Северную и, таким образом, оставить город Севастополь. Перед уходом они взорвали склады и здания, привели в негодность оборонительные сооружения, взорвав их при помощи мин, и, говоря словами генерала Пелисье, превратили весь район в огромную пылающую печь; русские сожгли также свои паровые суда, потопили оставшиеся военные корабли, и, наконец, разрушили мост у Павловской батареи». *Ред.*

Прибытие значительных подкреплений после сражения на реке Черной обезопасило союзных генералов от каких бы то ни было операций русской армии у Инкермана; даже в том случае, если бы к русской армии присоединились остатки 4-й и 6-й дивизий и две гренадерские дивизии, союзники все же оказались бы в силах успешно противостоять любому количеству войск, которое русские могли перебросить через Черную, и выделить одновременно достаточно крупные военные силы, чтобы продолжать осаду и даже предпринять штурм. Следует признать, что на этот раз французское правительство с необычайной быстротой сумело переправить войска, которые должны были служить противовесом русским подкреплениям из Польши и Волыни, находившимся уже на марше. Количество французских войск, отправленных с начала июля на Восток, составило не менее 50000 человек. В таких условиях, благодаря эффективному действию выдвинутых вперед английских и французских мортирных батарей, траншеи были прорыты под прикрытием сильного артиллерийского огня до самого рва. Насколько они выдавались вперед и был ли гласис обложен secundum artem*, мы пока еще не знаем. Обстрел города все более и более принимал характер регулярной бомбардировки; успешно применялся навесный огонь, чтобы сделать невозможным расположение на обстреливаемой территории крупных войсковых частей. Наконец, был получен приказ о штурме.

На Мамелоне русские построили весной ряд отдельных сооружений с траверсами и блиндажами, которые невозможно было ни сжечь, ни разрушить снарядами. Эти сооружения явились для них прекрасным укрытием от огня противника, но во время штурма выяснилось, что в них не оставлено достаточного пространства для сосредоточения необходимого для их защиты количества войск. Один участок укреплений за другим, защищаемые лишь небольшими группами солдат, переходили в руки французов, которые немедленно использовали их для размещения своих войск. Та же ошибка была, очевидно, допущена при строительстве оборонительных сооружений на Малаховом кургане. С постройкой укреплений перестарались, и как только французы овладели командными высотами кургана,

* — по всем правилам искусства. *Ред.*

русские сооружения послужили им защитой от русского же огня. Так как Большой редан (бастион № 3) и редан Корабельной бухты (бастион № 1 русских) находились на более ровной местности, то здесь нельзя было построить расположенные уступами сложные укрепления, как на Малаховом кургане. Очевидно, здесь внутри бастиона была устроена обыкновенная купюра, линия которой срезала угловой выступ бастиона, благодаря чему внутренняя часть выступа могла быть подвергнута отсюда интенсивному обстрелу. Войска, оборонявшие бастион, можно было ввиду этого с большей безопасностью сосредоточить в глубине, а внутренняя часть укрепления могла быть защищена путем вылазок из купюры. В результате такого устройства укреплений, обычного в подобных случаях, английские войска, наступавшие в линейном строю, и французские колонны, брошенные на штурм этих позиций, смогли легко перейти линию почти совершенно покинутого внешнего вала, но у купюры вынуждены были под градом пуль отступить и отказаться от штурма.

Сейчас же после взятия Малахова кургана генерал де Саль, действовавший на левом фланге атаки французов, сделал попытку утвердиться на Центральном бастионе (№ 5, между Мачтовым и Карантинным бастионами), но был отброшен. Нам неизвестно, была ли эта атака предпринята по его личной инициативе или она составляла часть общего плана. Нам неизвестно также, достаточно ли близко французские траншеи были подведены к бастиону, что оправдывало бы эту смелую попытку.

Взятие Малахова кургана явилось поворотным моментом в ходе осады*. Малахов курган полностью господствует над Корабельной стороной и восточным склоном возвышенности, на которой расположен город Севастополь. Он угрожает с тыла береговым фортам южной стороны Большой бухты и делает невозможным для русских военных кораблей оборону всей внутренней гавани и большей части внешней гавани. Вследствие взятия Малахова кургана линия обороны Севастополя была прорвана как раз в том пункте, от которого зависела прочность обороны в целом. Поэтому овладение Малаховым курганом означает захват Корабельной стороны, разрушение города

* В «New-York Daily Tribune» далее следует текст: «Судя по предшествующим событиям этой достопримечательной осады, были все основания предполагать, что французам вообще не грозила опасность быть выбитыми со своей новой позиции при условии выполнения ими своей задачи надлежащим образом». *Ред.*

бомбардировкой, захват с фланга и с тыла Мачтового бастиона и утрату последних шансов отстоять Севастополь. До сих пор Севастополь, как и все современные крупные крепости, служил укрепленным лагерем для большой армии. После взятия Малахова кургана он стал играть роль простого предмостного укрепления для русского гарнизона Северной стороны, причем предмостного укрепления без моста*. Несколько русских кораблей в гавани уже сожжены снарядами батарей союзников. Вооружение Малахова кургана французскими пушками лишило бы уцелевшие русские корабли всякой возможности найти безопасную стоянку, если не считать места непосредственно около Николаевской и Александровской батарей, где может разместиться лишь очень небольшое количество судов. Этим и объясняется потопление и сожжение русскими своих линейных кораблей и военных паровых судов. Полное овладение Корабельной стороной позволит союзникам начать полевые операции. Хотя они и не смогут установить большого числа батарей и ввести крупные силы в эту часть города ввиду обстрела ее с Северной стороны, все же они добились того, что русские потеряли по меньшей мере половину территории Севастополя по сравнению с положением до 8 сентября, и в их руках сохранилась крепость, в которой можно держать лишь ограниченное количество войск. Не только полностью сломлена наступательная сила гарнизона, но и значительно ослаблена его обороноспособность. Для продолжения осады потребуется значительно меньше людей, и освободившиеся таким образом части в соединении с войсками, находящимися в настоящее время в пути, а также в лагере Маслак, смогут быть использованы для экспедиции в Евпаторию. Чем больше мы изучаем позиции союзников и русских на Черной, тем больше убеждаемся, что в настоящее время ни одна сторона не в состоянии выбить с этих позиций другую, не создав предварительно большого перевеса сил и не понеся огромных потерь. Поэтому в лагере союзников все больше и больше распространяется мнение о необходимости отправки в Евпаторию 60000— 70000 человек для того, чтобы оттуда начать наступление на русские коммуникации под Симферополем. Это заставит

* В «New-York Daily Tribune» далее следует текст: «Поэтому оставление города было правильным решением. Правда, мы уже неоднократно слышали о сооружении новых укреплений на тыловом склоне Малахова кургана с целью продолжения обороны Корабельной стороны в случае потери самого кургана. Но, очевидно, эти укрепления были недостаточно надежны, чтобы побудить князя Горчакова продолжать оборону. Скоро, вероятно, нам станет известно, что они в действительности собой представляют». *Ред.*

русских принять бой в открытом поле, и победу в этом бою при существующих условиях одержат, очевидно, союзники. Однако сейчас все будет зависеть от того, сумеют ли союзники использовать данный момент с необходимой быстротой и энергией*.

Написано Ф. Энгельсом около 11 сентября 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 429,

14 сентября 1855 г. и в газете «New-York Daily Tribune» № 4506, 28 сентября 1855 г. в качестве передовой

Печатается по тексту «Neue Oder-Zeitung», сверенному с текстом газеты «New-York Daily Tribune»

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* В «New-York Daily Tribune» вместо двух последних фраз статьи идет следующий текст: «Если предположить, что у русских в Крыму имеется 200000 человек (чего, конечно, быть не может), то для обороны фортов Северной стороны потребовалось бы 80000, для позиций на Черной — 60000 и для действий против армии союзников у Евпатории — 60000 человек. Учитывая теперешнее моральное состояние союзных войск, можно с уверенностью сказать, что при равной численности и одинаково выгодных позициях, они нанесут поражение русским; а поскольку союзники, перерезав коммуникационные линии русских, смогут заставить их дать сражение,— в таком шаге, очевидно, нет ничего рискованного. Более того, вполне вероятно, что русские смогут выставить против этой экспедиционной армии самое большее 60000 человек. Однако, чем скорее будет проведен такой маневр, тем лучше для союзников, и если они будут действовать решительно, они смогут добиться значительных результатов. В данный момент они обладают и моральным и численным превосходством, и мы не сомневаемся в том, что они воспользуются им до того, как еще одна зима, проведенная на плато, сократит их численность и ослабит их боевой дух.

И действительно, последние сообщения говорят о том, что уже к 13 сентября в Евпаторию отправлено 25000 человек, и мы безусловно скоро узнаем, что за ними последовал еще более крупный контингент.

В нашем распоряжении имеются пока лишь весьма краткие телеграфные сообщения об этих событиях. Когда поступят более полные и подробные сведения, мы вновь вернемся к этой теме». (Последние два абзаца добавлены редакцией «Tribune».) *Ред.*

К. МАРКС

ПОХОРОНЫ О'КОННОРА

Лондон, 11 сентября. Вчера после обеда состоялись похороны лидера чартистов О'Коннора. Траурная процессия, в которой участвовало около 20000 человек, почти исключительно рабочие, направилась от Финсбери-сквер и Смитфилда к Ноттинг-хиллу, где находился гроб, а затем сопровождала его на кладбище Кенсалл-грин (одно из прекраснейших кладбищ Лондона).

Во главе процессии двигались траурные колесницы, каждая из них была запряжена четверкой лошадей, украшенных по английскому обычаю огромными султанами. За колесницами шли знаменосцы. На черных знаменах белыми буквами было написано: «He lived and died for us» («Он жил и умер за нас»). На огромном алом знамени красовалась надпись «Alliance des peuples»*. На острие древка головного штандарта покачивался красный колпак свободы[277]. После панихиды, состоявшейся в красивой кладбищенской капелле с колоннами у входа, Уильям Джонс произнес надгробную речь, посвященную памяти умершего. Погребальная церемония закончилась пением гимна. Все признаки большой демонстрации были налицо; недоставало лишь остроты, ибо Эрнест Джонс вследствие тяжелой болезни жены не смог присутствовать и выступить с речью. Когда участники похорон около половины шестого вечера возвращались в город, они встретили пять отрядов констеблей; с ироническим удовлетворением толпа проводила их возгласами «too late» («слишком поздно»). Так как О'Коннор умер в полном смысле слова нищим, он был похоронен на средства рабочего класса Лондона.

Написано К. Марксом 11 сентября 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 430, 15 сентября 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* — «Союз народов». *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЙНЫ В КРЫМУ

За исключением неполного списка убитых и раненых английских офицеров, газеты, доставленные сюда пароходом «Америка», — а мы просмотрели их очень внимательно — почти ничего не добавляют к тому, что нам уже известно об обстоятельствах, приведших к взятию Южной стороны Севастополя. Газеты, правда, печатают немало соображений как о причинах, так и о возможных последствиях внезапного отхода Горчакова с позиции, которую так долго и так стойко обороняли; из всех этих соображений особенно заслуживают внимания высказывания наших лондонского и парижского корреспондентов. Но имеются взгляды и соображения, которым ни один из них, несмотря на противоположность их позиций, не уделили достаточного внимания и не придали должного значения[278].

Какой именно оборот примут теперь события в Крыму, зависит в значительной степени от причин, вынудивших русских оставить Южную сторону. Совершенно очевидно, что это внезапное решение было принято отнюдь не по чисто стратегическим или тактическим соображениям. Если бы Горчаков считал, что Южную сторону и даже Корабельную невозможно удержать после падения Малахова кургана, он не возвел бы в этом предместье столько внутренних оборонительных укреплений. Хотя можно считать, что окончательный успех осады и был обеспечен захватом этой командной высоты, все же можно было путем упорной обороны сначала внутренних оборонительных укреплений предместья, а затем и самого города еще на месяц-полтора оттянуть сдачу. Судя по лучшим картам, планам и схемам, с чисто тактической или стратегической точки

зрения не было никакой необходимости столь поспешно оставлять позиции, которые до сих пор с таким упорством обороняли. Чисто военными соображениями нельзя объяснить подобный шаг, как нельзя его объяснить смятением и испугом, вызванными неожиданным и крупным поражением. По-видимому, обстоятельства иного характера толкнули Горчакова на меру, столь серьезно подрывающую его положение в армии и всю его карьеру.

Есть только два возможных объяснения. Либо *боевой дух* русских солдат был настолько сломлен, что восстановить хотя бы подобие порядка и продолжать борьбу за внутренними оборонительными линиями уже не представлялось возможным, либо недостаток продовольствия начал ощущаться не только в Севастополе, но и в лагере за пределами города. Почти непрерывный ряд поражений, которые несла русская армия, начиная с Олтеницы и Четате до сражения на Черной и штурма 8 сентября, не мог не сломить дух защитников Севастополя, тем более, что это были в основном те же войска, которые потерпели поражение на Дунае, а позднее под Инкерманом. Русские не очень впечатлительны и могут дольше сносить поражения, чем большинство других войск; но никакая армия в мире не может держаться до бесконечности, когда ее бьет один противник за другим и когда ей нечего противопоставить длинной цепи поражений, кроме такого негативного достижения, как упорное и длительное сопротивление, и кроме единственного примера успешной активной обороны, каким явилось сражение 18 июня. Но подобного рода сопротивление в осажденной крепости с течением времени уже само по себе действует деморализующе. Оно сопряжено с тяжелыми испытаниями, недостатком отдыха, болезнями и наличием не той острой опасности, которая закаляет, а хронической, которая в конце концов неизбежно ослабляет боевой дух. Быстро последовавшие одно за другим поражения на Черной и у Малахова кургана должны были довершить процесс деморализации, и более чем вероятно, что войска Горчакова, находившиеся в городе, уже не были пригодны для активной борьбы с противником. А поскольку Малахов курган господствовал над мостом, ведущим на другую сторону, и французские орудия в любой момент могли его разрушить, получить помощь было невозможно, отступление же могло, по крайней мере, спасти войска. Нет ничего удивительного в том, что деморализация, в конце концов, проникла в гарнизон; удивительно, что это не произошло еще раньше.

Налицо также все признаки того, что одной из важных причин внезапного отступления князя Горчакова явился недостаток

продовольствия для армии в целом. Прекращение судоходства русских на Азовском море, хотя оно и не сказалось сразу, как этого ожидали английская и французская пресса, столь нуждавшаяся в то время в сообщениях об успехах, в конце концов все же должно было доставить русским много затруднений, так как у них осталась лишь одна операционная линия, и подвоз вследствие этого уменьшился. И без того огромные трудности перевозки продовольствия, боевых припасов и фуража из Херсона через малонаселенные степи должны были еще больше возрасти, после того как этот путь стал единственным, по которому можно было снабжать армию. Транспортные средства, собранные путем реквизиций на Украине и в области Войска Донского, постепенно пришли в негодность; большое количество лошадей и волов пало от непосильной работы и недостатка фуража; и по мере того, как ближайшие губернии опустошались, доставлять необходимые запасы становилось все труднее. Перебои в снабжении, очевидно, дали себя знать раньше всего не столько в самом Севастополе (где, на случай блокады города и с Северной стороны, были, разумеется, созданы запасы), сколько в лагере под Инкерманом, в Бахчисарае и в пунктах, через которые следовали подкрепления. В сообщениях союзного командования не раз уже указывалось на такое положение дел, но оно подтверждается также и другими обстоятельствами. Только невозможностью обеспечить продовольствием даже те войска, которые сейчас находятся в Крыму, можно объяснить тот факт, что двум дивизиям гренадер, так долго находившимся в пути и, как говорят, теперь достигшим Перекопа, не было разрешено двигаться дальше и принять участие в сражении на Черной; этим же объясняется и то, что, хотя большая часть войск, шедших на помощь Севастополю, не прибыла, русские все же решились на это сражение, располагая армией, крайне недостаточной для выполнения поставленной перед ней задачи.

Таким образом, все это подтверждает предположение, что деморализация большей части русских войск и недостаток продовольствия для полевой армии побудили Горчакова не возлагать слишком много надежд на кратковременную отсрочку сдачи крепости, которую невозможно стало защищать. Горчаков воспользовался последней возможностью спасти гарнизон и, по-видимому, поступил правильно. Иначе, судя по всему, ему пришлось бы бросить гарнизон на произвол судьбы, собрать свою полевую армию и отступить в глубь Крыма, если не до самого Перекопа. В этом случае гарнизон Южной стороны очень скоро был бы вынужден либо тайком переправиться на Север-

ную сторону, либо капитулировать; гарнизон же Северной стороны, потеряв всякую надежду на то, что его когда-нибудь сменят, и имея в своем составе деморализованные войска, вынужден был бы вследствие голода сдаться.

Пока у русских оставалась надежда не только поддерживать численность своей армии в Крыму приблизительно на уровне численности армии союзников, но и получать подкрепления, которые дали бы им большой численный перевес, Северная сторона Севастополя представляла собой позицию огромного значения. Удерживать Северную сторону силами гарнизона, в то время как полевая армия занимала те позиции, о которых мы знаем из последних сообщений, означало заставить союзников расположить свою армию на плато Гераклейского Херсонеса. Это означало также не допустить их корабли в Севастопольскую бухту и лишить их возможности устроить подходящую морскую операционную базу где-либо ближе, чем в Босфоре, потому что ни Камыш, ни Балаклава для этой цели не пригодны. Пока русские были в состоянии вести полевые действия в Крыму, Северная сторона в такой же степени была ключом ко всему Крыму и определяла его военное и морское значение, в какой Малахов курган был ключом к Южной стороне. Но коль скоро русские не в силах вести полевую войну, Северная сторона уже не имеет большого значения. Это, разумеется, довольно сильная укрепленная позиция, но если повести против нее правильную осаду с достаточным количеством войск, она неминуемо будет сдана, ибо помощи ей ждать неоткуда.

Такое мнение может показаться странным, если вспомнить, какое огромное значение справедливо приписывалось Северной стороне. А между тем это мнение совершенно обоснованное. Нынешняя война в целом производила впечатление фортификационной и осадной войны, и на взгляд поверхностного наблюдателя совершенно свела на нет успехи военного искусства, обусловленные быстрыми маневрами Наполеона, и вернула его к уровню Семилетней войны. В действительности же дело обстоит как раз наоборот. В наше время крепости и группы крепостей имеют значение только как неподвижные точки, на которые полевая армия опирается во время своих маневров. Так, лагерь в Калафате был предмостным укреплением, позволявшим Омер-паше угрожать русским с фланга; Силистрия, Рущук, Варна и Шумла были, так сказать, четырьмя выступающими углами большого укрепленного лагеря, куда Омер-паша всегда мог отступить и куда противник не мог за ним последовать, пока не были захвачены или нейтрализованы, по крайней мере два из этих выступающих углов. Так, Севастополь служил

опорным пунктом русской армии в Крыму, и всякий раз, как эта армия уступала противнику по численности или в другом отношении оказывалась под угрозой, Севастополь давал ей возможность передышки до прибытия новых подкреплений. Для союзников Севастополь был базой русского военного флота, которую надо было разрушить, морской операционной базой, которой надо было овладеть; для русских он означал обладание Крымом, потому что это была единственная позиция, которую в ожидании подкреплений можно было удерживать с гораздо меньшими, чем у противника, силами. Таким образом, окончательный исход всегда зависел от полевых армий, а значение крепостей определялось не их природной или искусственно приданной им мощью, т. е. внутренне присущей им ценностью, а той защитой и поддержкой (appui), какую они могли оказать полевой армии. Ценность их стала относительной. Это уже не самостоятельные факторы в войне, а всего лишь выгодные позиции, которые иногда целесообразно защищать всеми имеющимися средствами и до последней возможности, а иногда и нет. Севастопольская кампания доказывает это лучше, чем любая другая. Севастополь, как и все подлинно современные крепости, играет роль лагеря, защищенного долговременными укреплениями. До тех пор, пока наличных сил достаточно для обороны такого лагеря, пока нет недостатка в снабжении и связь с главной операционной базой надежна, в особенности пока такой лагерь, удерживаемый сильным гарнизоном, не позволяет противнику пройти мимо него, не подвергаясь опасности, до тех пор он имеет первостепенное значение и может расстроить планы противника на все время кампании. Но когда всех этих условий уже нет налицо, когда обороняющиеся терпят одну неудачу за другой, их запасы продовольствия начинают иссякать и они рискуют оказаться отрезанными от своей базы и разделить участь австрийцев при Ульме в 1805 г.[279], тогда безусловно следует предпочесть абстрактной ценности позиции безопасность самой армии и как можно скорее отойти на другой, более выгодный рубеж.

По-видимому, именно в таком положении находятся сейчас русские. Большая часть первоначального состава их действующей армии — четырнадцать дивизий из двадцати четырех — введена в дело и частично уничтожена в Крыму, а имеющиеся у них резервы, ополчение и другие новые формирования не могут идти ни в какое сравнение с войсками, которые они потеряли. Русские правильно поступят, если не будут в дальнейшем отправлять войска на этот опасный полуостров и возможно скорее оставят его. Союзники имеют большое превос-

ходство над русскими как в отношении численности, так и боевого духа. Принять вне крепости бой с теми силами, которыми сейчас располагает Горчаков, означало бы идти на верное поражение. Горчакова могут обойти либо по Южному берегу Крыма и по долине Салгира, либо у Евпатории. И в том и в другом случае его коммуникации с Северной стороной были бы прерваны без всякой надежды восстановить их, ибо численное превосходство союзников растет с каждым днем. Кажется, лучшее, что Горчаков может сейчас сделать, — это по возможности твердо держать фронт, пока подготавливается взрыв северных укреплений, и опередить противника на один-два перехода. Чем скорее он доберется до Перекопа, тем лучше. Особенно если подтвердятся полученные нами из Парижа сведения, будто союзники, овладев Севастополем, сейчас же стали отправлять войска в Евпаторию. Если союзники будут действовать достаточно энергично либо на этом направлении, либо на Южном берегу и в горных проходах Чатыр-Дага, кампания очень скоро закончится, и Крым останется у них в руках. Насколько мы можем судить, единственные ошибки, какие они сейчас могут совершить, это — серьезная фронтальная атака на русские позиции под Инкерманом пли бездействие в течение недели. Следующий пароход, который должен прибыть сюда завтра к вечеру, по всей вероятности, доставит точные сведения относительно ближайших намерений союзников.

Написано Ф. Энгельсом около 14 сентября 1855 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4508, 1 октября 1855 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

К СОБЫТИЯМ В КРЫМУ

Лондон, 14 сентября. «Звон колоколов и грохот орудий» — вот чем живет сейчас вся Англия. Кругом ликование, на каждом сколько-нибудь заметном здании, как общественном, так и частном, развеваются английские и французские флаги. В Манчестере та же картина, что и в Лондоне, несмотря на «манчестерскую школу», в Эдинбурге то же, что и в Манчестере, несмотря на шотландскую философию. Ничто не в состоянии сейчас положить конец всеобщему опьянению успехом, даже огромный список убитых, переданный в Лондон по телеграфу. Поражение англичан у Редана и взятие решающего пункта, Малахова кургана, французами — только этот *контраст* омрачает победные крики и несколько сдерживает самовосхваление. Кто разделяет старый предрассудок — который возник из-за некритического смешения как современных общественных порядков с античными, так и многого другого и состоит в том, что промышленность и торговля якобы уничтожают воинственный характер народа, — тот может сейчас в Англии, даже в ее промышленной метрополии, Манчестере, убедиться в обратном. Дело обстоит очень просто. В современном мире если и не богатство каждого, то во всяком случае национальное богатство растет вместе с ростом *труда,* в античном мире оно росло вместе с ростом *безделья* нации. Шотландский экономист *Стюарт,* опубликовавший свое выдающееся произведение за десять лет *до* Адама Смита, открыл и развил это положение[280].

Энтузиазм публики тщетно ищет тем временем пищу в новых телеграфных сообщениях. Они настолько же скудны, насколько первые были богаты. Пелисье пишет, что в Севастополе в руки

союзников попало «materiel immense»*. Мы предполагаем, что в их руки попало много старого железа, которое скоро упадет в цене.

Какой оборот примут теперь события, зависит в значительной степени от причин, вынудивших русских так внезапно оставить Южную сторону. Совершенно очевидно, что это решение было принято отнюдь не по чисто тактическим или стратегическим соображениям. Если бы Горчаков считал, что за падением Малахова кургана неизбежно последует сдача Корабельной стороны и города, разве он стал бы возводить в этом предместье столько внутренних оборонительных укреплений? Хотя Малахов курган и занимает командную позицию, все же можно было путем упорной обороны сначала внутренних оборонительных укреплений предместья, а затем и самого города еще на 5—6 недель оттянуть сдачу. Судя по лучшим картам, планам и схемам, с чисто тактической или стратегической точки зрения не было никакой необходимости столь поспешно оставлять позиции, которые до сих пор с таким упорством обороняли. Остаются лишь два возможных объяснения: либо боевой дух русской армии был настолько сломлен, что было нецелесообразным снова оказывать сопротивление за внутренними укреплениями города; либо недостаток продовольствия начал ощущаться не только в городе, но и в лагере; возможно, наконец, что действовали обе эти причины.

Почти непрерывный ряд поражений, которые несла русская армия, начиная с Олтеницы и Четате до сражения на Черной и штурма 8 сентября, не мог не подействовать деморализующе на осажденных, тем более, что значительная часть их была свидетелями поражений на Дунае и под Инкерманом. Русские, правда, не очень впечатлительны и могут поэтому дольше сносить поражения, чем другие войска. Но все имеет свои границы. Слишком длительное сопротивление в осажденной крепости уже само по себе действует деморализующе. Оно сопряжено с тяжелыми испытаниями, трудностями, недостатком отдыха, болезнями и наличием не той острой опасности, которая закаляет, а хронической, которая ослабляет боевой дух. Поражение на Черной, где действовала половина шедшей на помощь гарнизону армии, то есть как раз тех подкреплений, которые должны были спасти Южную сторону, и взятие Малахова кургана, ключевой позиции — эти два поражения должны были довершить процесс деморализации. Поскольку Малахов курган господствовал над мостом, ведущим на другую сторону,

* — «громадное имущество». *Ред.*

и французы могли в любой момент его разрушить, всякое прибытие подкреплений становилось проблематичным и отступление было единственным средством спасения войск. Что касается недостатка продовольствия, то имеются все признаки того, что он уже начал ощущаться. С прекращением судоходства русских на Азовском море в их распоряжении осталась лишь одна операционная линия, и подвоз вследствие этого уменьшился. И без того огромные трудности перевозки продовольствия, боевых припасов и т. д. через малонаселенные степи, разумеется, еще больше возросли после того, как остался открытым один только путь со стороны Херсона. Транспортные средства, собранные путем реквизиций на Украине и в области Войска Донского, постепенно пришли в негодность, а для близлежащих губерний, уже и без того опустошенных, поставлять взамен их новые становилось все труднее. Перебои в снабжении, очевидно, дали себя знать раньше всего не столько в самом Севастополе, где были созданы большие запасы, сколько в лагере под Инкерманом, в Бахчисарае и в пунктах, через которые следовали подкрепления. Только этим и можно объяснить тот факт, что две дивизии гренадер, так долго находившиеся в пути и теперь достигшие Перекопа, не продвинулись вперед и не приняли участия в сражении на Черной, а также и то, что хотя большая часть войск, шедших на помощь, не прибыла, русские все же решились на это сражение, располагая армией, крайне недостаточной для выполнения поставленной перед ней задачи. Если соображения эти правильны, то Горчакову действительно не оставалось ничего другого, как использовать взятие Малахова кургана в качестве благовидного предлога для спасения своего гарнизона.

*Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом
14 сентября 1855 г.*

*Напечатано в«Neue Oder-Zeitung» № 435,
18 сентября 1855 г.*

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

СОСТОЯНИЕ ТОРГОВЛИ И ФИНАНСОВ

Лондон, 24 сентября. Состояние торговли и финансов не только Великобритании, но особенно *Франции,* занимает в настоящий момент общественное мнение почти в такой же мере, как и Крымская война. Французский банк, как известно, повысил учетный процент на казначейские векселя и подобные им гарантированные ценные бумаги до 5%, в то время как коммерческие векселя учитываются по 4%. Директора Французского банка, напуганные утечкой благородного металла из его подвалов, уже решили было повысить до 5% и учетный процент на коммерческие векселя, но министр финансов вмешался и запретил им проведение этой операции. Правительство, разумеется, стремится к тому, чтобы как можно дольше сохранить видимость дешевого денежного рынка и избытка кредита и тем поддержать хорошее настроение у лавочников.

«За последние два года», — пишет «Manchester Examiner»[281], — «притязания на богатства Франции были крайне велики. В течение двух лет правительство Луи-Наполеона израсходовало 200000000 фунтов стерлингов; муниципалитет Парижа употребил крупные суммы взятых взаймы денег на украшение столицы; по инициативе и под покровительством правительства создавались проекты, выполнение которых требует затраты огромных средств; один лишь Credit Mobilier[282] является родоначальником по меньшей мере полдюжины крупных компаний, каждая из которых взвинтила курс своих акций значительно выше нарицательной цены; капитал этих компаний должен быть еще внесен, и бесконечное число акций переходит из рук в руки без учета дня расплаты. Финансовое положение правительства, чисто спекулятивный характер большей части всех этих предприятий, современное состояние французского денежного рынка, тяжелые последствия повторного посредственного урожая для народных масс и влияние его на биржу — все это указывает на возможность бедствий, могущих нарушить как ход войны на Востоке, так и спокойствие и благосостояние Франции».

Относительно *хлебного рынка* вышеуказанная газета, в частности, замечает:

«Не подлежит никакому сомнению, что обе страны, Франция и Англия, будут значительными импортерами зерна. Заказы, уже отправленные отсюда в район Дуная, побудят Соединенные Штаты отгружать в Европу вместо золота зерно. В Англии урожай в прошлом году был лучше, чем когда бы то ни было, и все же с августа 1854 г. по август 1855 г. мы ввезли 3335000 квартеров пшеницы и 1558892 центнера муки, а средняя цена в течение всего года находилась тем не менее на уровне выше 70 шиллингов. В текущем году мы будем нуждаться в значительно более крупном импорте, чтобы предотвратить еще больший рост цен. Откуда ввозить, если не из Северной Америки? На севере Германии урожай тоже ниже среднего, и Соединенные Штаты отправляют муку в район Балтийского моря, откуда мы в периоды нужды обычно импортировали значительное количество хлеба. В Австрии, по сообщению ее правительства, урожай средний, однако, сомнительно, чтобы она располагала излишками для экспорта, а вся Южная Италия испытывает серьезную нехватку, которая не может быть покрыта, как прежде, вывозом зерна из портов Черного моря. Таким образом, Франция при покупке хлеба должна будет конкурировать не только с Англией, но и с большей частью стран европейского континента. Насколько неприятно это положение для французского правительства, лучше всего показывает наполовину успокаивающая, наполовину поучающая статья в «Moniteur»».

Что касается упомянутых в «Manchester Examiner» многочисленных новых акционерных обществ во Франции, то, как показывает недавно выпущенная в Париже книга «Биржевые операции»[283], лишь в одной отрасли — *акционерных банков* — число их со времени февральской революции возросло только в Париже в шесть раз. До 1848 г. в Париже было лишь два акционерных банка, после революции создано 12 таких банков. Сейчас имеется: Banque de France, Caisse Commerciale, Comptoir d'Escompte[*], банк в форме коммандитного товарищества под фирмой Лёйдё и К°, Credit Foncier de France[**], Мартиникский банк, Banque de Guadeloupe, Banque de 1'ile de la Reunion[***], Алжирский банк, Credit Mobilier, Societe Generale du Credit maritime, Caisse et journal des chemins de fer, Comptoir central, Credit Industriel и Banque de Senegal[****]. *Оплаченный* капитал этих банков составляет только 151230000 франков и их общий банковский капитал лишь 252480000 франков, или около 10000000 ф. ст. — сумма, не достигающая капитала одного Английского банка.

[*] — Французский банк, Торговая касса, Учетная контора. *Ред.*

[**] — Французский поземельный кредит. *Ред.*

[***] — Гваделупский банк, Банк острова Реюньон. *Ред.*

[****] Главное общество морского кредита, Железнодорожный кредитно-депозитный банк, Центральная контора, Промышленный кредит, Сенегальский банк. *Ред.*

«Колоссальная надстройка», — пишет лондонский правительственный орган «Economist», — «возведенная кредитом на узкой основе этого капитала, не может не вызвать тревоги. Например, *Французский банк* при капитале в 91250000 франков выпускает банкнот на 542589300 франков, то есть на сумму в шесть раз большую. Credit Mobilier имеет право выпускать облигации на сумму, в десять раз превышающую его капитал. Credit Foncier de France, номинальный капитал которого составляет лишь 30000000 франков, выпустил облигаций на сумму в 200000000 франков. Можно поэтому предвидеть, что паника или обесценение такого большого количества облигаций приведет в Париже и во Франции к серьезным бедствиям».

Написано К. Марксом 24 сентября 1855 г.

Напечатано в«Neue Oder-Zeitung» № 453, 28 сентября 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

СИЛЫ СОПРОТИВЛЕНИЯ РОССИИ [284]

Отъезд русского царя в Одессу, переезд его супруги из Петербурга в Москву — сердце святой Руси; временная передача управления в руки Константина, самого воинственного брата царя, — все эти обстоятельства служат достаточным доказательством того, что Россия полна решимости оказать самое упорное сопротивление. Николаев и Херсон, два самых укрепленных пункта Южной России, представляют собой центр сосредоточения резервной армии, формируемой в настоящий момент в Таврической и Херсонской губерниях. Наряду с армейскими резервами (в составе 5-х, 6-х, 7-х и 8-х батальонов), численный состав которых не поддается точному определению, в Николаеве сконцентрировано, должно быть, около 40000 ополченцев, в то же время в Одессе уже находятся приблизительно 25000 человек. Нет возможности проверить правильность этих данных. Одно только ясно: в Южной России сосредоточиваются значительные военные силы.

Стратегический план России учитывает не только возможность потери Крыма, но даже и вражеского вторжения в Южную Россию. Вот почему главной линией обороны избрана линия Днепра с Херсоном и Николаевом в качестве первой операционной базы и Екатеринославом в качестве второй. Так как Херсон и Николаев расположены в районе действий не только канонерок, но и корветов, необходимо наличие базы внутри страны. Такой именно базой является Екатеринослав. Находясь у пункта, где излучина Днепра образует угол приблизительно в 75 градусов, Екатеринослав представляет собой превосходный центр для отступающей в глубь страны армии,

которая рассчитывает найти укрытие сперва в районе нижнего (с северо-востока на юго-запад), а затем в районе среднего течения (с северо-запада на юго-восток) этой реки. Армии, наступающей от Перекопа в глубь России, сначала пришлось бы форсировать Днепр у Херсона, а затем, продвигаясь к Екатеринославу, снова пересечь его у этого города. Любой отряд, который двигался бы по левому берегу Днепра, можно легко остановить в нескольких милях южнее Екатеринослава на рубеже по реке Волчья, где эта река впадает в Днепр. К этим преимуществам присоединяются и другие: вся местность к югу от Екатеринослава представляет собой широкую степь протяженностью в 200 миль, где одинаково трудно как перебрасывать, так и снабжать армию, в то же время сам город, расположенный у северного края степи, поблизости от богатых и сравнительно густонаселенных Киевской и Полтавской губерний, может без труда получать необходимое количество продовольствия. Наконец, Екатериноолав обеспечивает коммуникации с армией центрального участка у Киева и прикрывает дорогу к Москве. Вот почему Екатеринослав укрепляется и обеспечивается всем необходимым для снабжения Южной армии. Здесь в большом количестве сосредоточиваются продовольственные склады, обмундирование и боевые припасы. Если, с одной стороны, все это говорит в пользу стратегической проницательности русских, — недаром их так долго обучал старый генерал и дезертир Жомини, — то, с другой стороны, это не в меньшей степени свидетельствует о том, что русские исходят из того, что в течение длительного времени они не смогут добиться успеха. Если бы союзники двинулись в глубь России (от Перекопа), они должны были бы, разумеется, взять Екатеринослав. Но в условиях кампании этого года о таком наступлении не может быть и речи, и оно вряд ли будет возможно в 1856 году. Ведь сначала надо добиться, чтобы Россия очистила Крым, все Закавказье и Кавказ до Терека и Кубани, чтобы была сожжена Одесса, разрушена гавань в Николаеве и очищен Дунай до Галаца. Иначе говоря, должны быть отторгнуты все эти самые отдаленные точки России, прежде чем у союзников может возникнуть хотя бы только идея о походе в глубь России. Таким образом, дальновидный стратегический план русских кажется планом de mauvais augure*.

Войска союзников направляются к долине верхнего течения реки Черной, чтобы обойти самый правый фланг русских у Айтодора или верхнего течения Бельбека. Об этом одинаково говорят

* — плохих предзнаменований. *Ред.*

донесения Горчакова и Пелисье. Нам кажется, что этот маневр союзников носит слишком демонстративный характер, чтобы он действительно преследовал указанную цель.

Задача союзников заключается сейчас, очевидно, в том, чтобы выбить русских из укрепленных позиций на Мекензиевых высотах. Если это им удастся, то русские будут вынуждены оставить Северное укрепление, а тем самым и Крым. Между Мекензиевыми высотами и Симферополем нет ни одной позиции, которую можно было бы обойти; по другую же сторону Симферополя простираются степи, не пригодные для действий крупных армий, не представляющие вовсе никаких позиций. Удержат ли русские Крым — будет зависеть от того, удастся ли им сохранить свои нынешние позиции, в частности на Мекензиевых высотах.

Написано Ф. Энгельсом 25 сентября 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 455, 29 сентября 1855 г. и в газете «New-York Daily Tribune» № 4522, 17 октября 1855 г. в качестве передовой

Печатается по тексту «Neue Oder-Zeitung», сверенному с текстом газеты «New-York Daily Tribune»

Перевод с немецкого

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

* ДОНЕСЕНИЯ ГЕНЕРАЛОВ. — АНГЛИЙСКИЕ СУДЫ. — СООБЩЕНИЯ ИЗ ФРАНЦИИ

Лондон, 27 сентября. Донесения генералов Симпсона, Пелисье и Ньеля, и в особенности письма корреспондентов английских газет в Крыму, содержат большой и разнородный материал, критическое изучение которого требует времени. Поэтому более подробно на событиях 7 и 8 сентября мы сможем остановиться лишь в нашей следующей корреспонденции[285]. Пока же следует отметить, что английская пресса почти единодушно и с полным основанием резко осуждает генерала Симпсона и находящихся под его командованием высших английских офицеров. Во время штурма Редана полностью подтвердилась справедливость остроты, передающейся из уст в уста в русской армии: «L'armee anglaise est une armee des lions, commandee par des anes» («английская армия —это армия львов под командованием ослов»). Одна лондонская газета требует создания новой севастопольской комиссии, забывая, что никуда не годное руководство английской армией является неизбежным следствием господства изжившей себя олигархии. Все приготовления с самого начала проводились плохо. Английские траншеи находились еще так далеко от рва Редана (250 ярдов), что войскам пришлось бежать по открытой местности более четверти часа под огнем противника, и они добрались до цели совершенно обессилевшие. Французские инженеры своевременно обращали внимание англичан на этот недостаток, однако получили от них следующий ответ:

«Если мы продвинемся еще на несколько ярдов, то наши войска выдвинутся под таким углом, что попадут под анфиладный огонь Мачтового бастиона и понесут большие потери».

Во-первых, эта опасность понести потери была значительно меньше той, которой войска подверглись во время штурма. Кроме того, можно было бы ослабить эффективность анфиладного огня отчасти путем устройства траверс и зигзагообразных траншей, отчасти путем установки контрбатарей. Между тем все возражения французов разбивались об упрямство толстокожего Симпсона. Далее, тогда как французские траншеи были широкие и могли не только вместить, но и замаскировать большое количество войск, английские траншеи были узкие и так отрыты, что каждый англичанин более или менее солидной комплекции сейчас же обращал на себя внимание русского штаба. Поскольку английским войскам пришлось преодолеть большое расстояние, они, достигнув объекта атаки, вместо того чтобы сразу атаковать противника, пытались сначала укрыться и открыли ружейный огонь, дав тем самым русским время снова собраться с силами. Насколько плохими были все приготовления к бою, видно и из того, что, овладев валом, английские войска даже не подумали заклепать находившиеся там русские пушки. В составе атакующих не было ни рабочих с необходимым инструментом, ни артиллеристов, которые выполнили бы эту задачу и без специальных инструментов. Но венцом всего являются тактические распоряжения генерала Симпсона перед штурмом и во время него. (Во время штурма, как мы узнаем из одной корреспонденции в «Daily News», Симпсон, страдая насморком, сидел, укутавшись в широкий плащ с капюшоном, в мягком кресле на батарее Мамелона). Против грозного Редана, о который в течение полугода разбивались атаки англичан, он направил штурмовой отряд в 200 человек, отряд прикрытия в составе 320 человек и основной отряд численностью не более 1000 человек. Захватив выступающий угол Редана, англичане оказались под убийственным огнем превращенного в редюит редута и расположенных на флангах позади него казематов. Если бы количество атакующих было достаточным, англичане могли бы обойти редут, и это быстро решило бы исход боя. Однако подкрепления не подходили, хотя полковник Уиндхем трижды посылал за ними, требуя, чтобы они немедленно прибыли, и, наконец, вынужден был лично отправиться на их поиски. Таким образом, войска в течение трех часов оставались под убийственным огнем на парапете; дважды они проникали внутрь укрепления, бессмысленно истреблялись по частям и были вынуждены, в конце концов, отступить в полном беспорядке. Предпринять штурм с небольшим количеством войск, как это сделал Симпсон, бросив первоначально в бой менее $^{1}/_{20}$ имевшихся в его распоряжении сил, держать в тылу

необходимые для боя резервы, бессмысленно и до собственному произволу принести в жертву храбрых воинов — все это представляет собой один из величайших скандалов современной военной истории. Случись это при Наполеоне I, Симпсон наверняка был бы предан военному трибуналу.

На континенте много и справедливо критиковался произвол *патримониального суда.* Между тем юрисдикция *неоплачиваемой английской магистратуры*[286] представляет собой не что иное, как модернизированную, прикрытую конституцией патримониальную юрисдикцию. Приведем следующую дословную выдержку из одной английской провинциальной газеты:

«В прошлый вторник перед мировым судьей в Вустере предстал престарелый сельскохозяйственный рабочий Натаниел Уильямс. С него взыскали 5 шиллингов штрафа и 13 шиллингов издержек за то, что он в воскресенье 26 августа скосил небольшой лично ему принадлежащий участок пшеницы. Уильямс доказывал, что это необходимо было сделать, что пшеница погибла бы, если бы он оставил ее на корню, что в течение недели он с раннего утра до поздней ночи был занят, работая на хозяина, у которого арендует землю. Ничего не помогло. Суд, в котором сидели reverends (преподобные), был неумолим».

Так же, как священник, который в данном случае явился судьей в собственном деле, поступают и фабрикант, и сквайр, и другие представители привилегированных сословий, из которых образуется неоплачиваемая магистратура.

Приведем следующую выдержку из частного письма одного англичанина (вига), находящегося в Париже:

«Воинственная статья, напечатанная сегодня» (то есть 24 сентября) «в газете «Constitutionnel», видимо, сильно обескуражила парижскую буржуазию, и в трех различных пунктах города, притом важных в торговом отношении, слышал я одни и те же замечания, высказанные почти в одинаковых выражениях: Ну вот! Почти целый год нам говорили, что сразу же после взятия Севастополя можно будет начать мирные переговоры. Теперь же, когда Севастополь взят, нам заявляют, что это — лишь чисто военный успех, и что, пока не будет захвачен весь Крым, о мире нечего и думать. Так это и будет продолжаться, и одному богу известно, когда наступит мир. Все это говорилось с самым подавленным видом. Справедливость требует признать, что, оставляя в стороне вопрос о национальном престиже, нынешняя война некстати для Франции по многим причинам. Осенние отчеты за каждую следующую неделю оказываются хуже, чем можно было ожидать в предыдущую. Например, в данный момент четырехфунтовый хлеб стоит в Руане 26 су, а в Париже — 3 франка, или 60 су. В Бордо муниципальный совет уже оказался вынужденным выделить значительную сумму денег для помощи населению на случай повышения цены четырехфунтового хлеба до 1 франка, что в Жиронде считается ценой голодного времени. Такое положение обнаруживается постепенно по всей стране. Следовательно, внутреннее положение Франции является исключительно серьезным; сторонники революции в угрожающем количестве рассеяны по стране, и если нужда станет невыносимой, то они смогут собрать под свои знамена тысячи людей. Введение новой организации

генеральных советов в департаментах и муниципальных советов было чудовищной ошибкой: эта система оказывает роковое действие. Во многих департаментах в настоящее время генеральных советов вовсе нет, а назначенные правительством мэры вынуждены теперь нередко распускать свои муниципальные советы. Почти ежедневно можно читать официальные сообщения о том, что мэр такого-то города распустил муниципальный совет или что префект NN распустил генеральный совет. Причины при этом не указываются, но самый факт, хотя официально его комментировать не разрешается, вызывает тем не менее раздражение населения департамента, в котором он имеет место. Все это делает желательным присутствие во многих пунктах более опытных и надежных солдат».

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом
27 сентября 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 457,
1 октября 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

РЕШАЮЩЕЕ СОБЫТИЕ ВОЙНЫ [287]

Сейчас из официальных донесений командующих войсками союзников и сообщений европейской печати, самые важные из которых уже публиковались на страницах нашей газеты, нам стали полностью известны подробности общего успешного штурма Севастополя, предпринятого 8 сентября. Эти интересные сообщения читали, разумеется, все, и нет необходимости повторять содержащиеся в них факты. Поэтому мы хотим дать нашим читателям ясное представление об условиях, в которых проходил штурм, и объяснить, почему во время этого штурма результаты атаки союзников на разных участках были столь различными*.

Согласно донесению генерала Ньеля, французы продвинули свои траншеи на всех участках довольно близко к русским укреплениям. Напротив Малого редана у Килен-балки (бастион № 1) и Малахова кургана (бастион № 2) голова сапы находилась не далее, чем в 25 ярдах от русского рва. У Мачтового бастиона (бастион № 4) расстояние равнялось 30 ярдам, у Центрального бастиона (бастион № 5) — 40 ярдам. Таким образом, во всех этих пунктах штурмовые колонны находились совсем близко от укреплений, которые нужно было штурмовать. Англичане же прекратили сапные работы, как только подошли к Большому редану (бастион № 3) на расстояние 240 ярдов.

* В статье, опубликованной в «Neue Oder-Zeitung», вместо приведенного абзаца дан следующий текст: «8 сентября были пущены в ход 5 французских дивизий и подразделения 2-х английских дивизий. Из общего количества примерно в 45000 человек союзники потеряли, по их собственным словам, 10000 человек, то есть почти четвертую часть состава. Потери русских определить нельзя». *Ред.*

Это объясняется той рутиной, которая все еще царит в английской армии. Как только англичане подвели свои траншеи на это расстояние, они обнаружили, что при дальнейшем продвижении русские смогут обстреливать их анфиладным огнем с Мачтового бастиона, который выдавался вперед значительно больше других русских укреплений. А в теории осадного дела существует общее правило, согласно которому не следует продвигать траншеи настолько, чтобы они выходили на линию, занятую противником, так как это поставит их под угрозу обстрела анфиладным огнем.

Разумеется, было бы хорошо обойтись без подобной неправильной прокладки траншей. Но в данном случае, когда анфиладного огня нельзя было избежать (общий план осады и характер местности исключали возможность заблаговременного взятия Мачтового бастиона), безусловно лучше было проложить такие траншеи, чем не выдвигать их вовсе. Теоретические правила, по существу, предусматривают много способов нейтрализации такого неизбежного зла. В подобных случаях рекомендуется устройство траверсов и сложных сап. Французские военные инженеры, как говорят, спорили со своими английскими коллегами, доказывая им, что, хотя при прокладке траншей в таких неблагоприятных условиях они могут потерять большое число людей, все же лучше пойти на эти потери при завершении работ, обеспечивающих успех штурма, чем во время штурма, исход которого будет весьма сомнителен из-за недостатка укрытых апрошей. Но английские инженеры остались при своем мнении. Результаты штурма показывают, что они были абсолютно неправы.

Французский генерал распределил свои силы следующим образом: дивизия Мак-Магона находилась против ключевой позиции — Малахова кургана; справа от нее, против куртины. соединявшей Малахов курган с бастионом *№.* 1, была дивизия Ламотружа; на крайнем правом фланге, против самого бастиона № 1 — дивизия Дюлака. Поскольку Малахов курган являлся единственным укреплением, которое, в случае серьезного сопротивления, следовало взять во что бы то ни стало, у Мак-Магона имелся резерв — гвардейская дивизия Меллине. Таковы были силы, брошенные французами на штурм Корабельной стороны. Что касается Городской стороны, то проводить немедленно фронтальную атаку Мачтового бастиона, который представлял собой нечто вроде выдвинутой вперед сильно укрепленной цитадели и где имелись довольно сильные внутренние укрепления, не предполагалось. Но дивизия Левайяна должна была штурмовать Центральный бастион

и, в случае успеха, ее поддержала бы дивизия д'Отмара; последней было приказано обойти горжу Мачтового бастиона, для одновременного штурма которого с фронта в траншеях была сосредоточена пьемонтская бригада Чальдини. Позицию между Малаховым курганом и Мачтовым бастионом занимали англичане. Они должны были атаковать Редан.

Прежде всего предполагалось штурмовать Малахов курган, а после его взятия остальным колоннам надлежало двинуться в атаку на свои объекты. Малахов курган представлял собой большой редут на вершине господствующего над местностью холма, носящего то же название. Он закрыт со всех сторон, но имел с тыльной стороны большие проходы, через которые прибывали подкрепления. Справа и слева он соединялся куртинами с Большим и Малым реданами, которые тоже являлись закрытыми со всех сторон редутами с укреплениями меньшего размера, служившими в качестве редюитов; тыловые же фасы, амбразуры которых были обращены внутрь редутов, образовывали купюры. Горжи этих купюр в свою очередь соединялись с Малаховым курганом второй, внутренней куртиной, образуя вторую линию обороны. Внутренняя часть Большого и Малого реданов была сравнительно свободна от заграждений и поэтому полностью простреливалась артиллерией купюр и редюитов. Но Малахов курган, на котором после взятия Мамелона противник сосредоточил свой огонь, имел вдоль валов многочисленные полые траверсы, служившие укрытиями от бомб для орудийной прислуги и находившихся в окопах солдат; внутренняя часть бастиона была застроена крупными блокгаузами с перекрытиями, защищавшими от снарядов; блокгаузы служили в качестве казарм и были совершенно не приспособлены для обороны. Когда были получены первые известия о взятии Малахова кургана, мы говорили, что русские несомненно совершили ту же ошибку, как и при сооружении Камчатского редута на Мамелоне, а именно: стремясь укрыться от огня противника, они, очевидно, сделали внутреннюю часть бастиона неприспособленной для отражения штурма, разделив ее на мелкие отсеки[288]. Правильность нашего мнения сейчас полностью подтвердилась. Лабиринт Малахова кургана, как и лабиринт Мамелона, оказался абсолютно не приспособленным для обороны; он был взят за 10 минут, и обратно уже отбит не был.

К штурму Малахова кургана французы подготовились прекрасно. Все было предусмотрено и обеспечено. Для преодоления рва применялись мосты нового типа, описания которых мы еще не имеем; для наведения этих мостов потребовалось

меньше минуты. Как только штурм начался, саперы провели летучую сапу от траншей ко рву, проделали широкие проходы в брустверах русских, засыпали следующий ров и проложили удобный путь внутрь редута на Малаховом кургане, по которому могли продвигаться подкрепления, резервы и даже полевые орудия. После взятия всего редута были быстро закрыты проходы в горже, прорезаны амбразуры, подвезены полевые орудия, и через несколько часов, прежде чем русские смогли предпринять серьезную попытку отбить укрепление, оно было полностью обращено против них, и действия русских оказались запоздалыми. В случае необходимости орудийная прислуга была готова заклепать орудия, а у пехотинцев на поясе был легкий шанцевый инструмент.

Атака велась под непосредственным наблюдением маршала Пелисье и генерала Ньеля. Нам неизвестно, были ли и другие атаки так же хорошо подготовлены; но большинство их, в особенности наступление на Центральный бастион, не принесло успеха. Очевидно штурм Центрального бастиона был предпринят генералом де Салем с недостаточными силами, ибо, как только французы подошли к русскому парапету, им пришлось искать укрытия за ним. Штурм свелся к перестрелке и, разумеется, был отбит. Генерал Симпсон при штурме Редана постарался проиллюстрировать, к чему ведут подобные действия. Атака Малого редана была исключительно кровопролитной; русские прекрасно защищали эту позицию и лишь на одном этом участке разбили пять французских бригад.

В предыдущих статьях мы уже говорили о существующей в британской армии абсурдной системе, при которой для штурма формируются настолько слабые колонны, что в случае сколько-нибудь серьезного сопротивления их заранее можно считать обреченными на гибель. Эта ошибка бросалась в глаза в плане штурма 18 июня, разработанном лордом Рагланом, а генерал Симпсон решил, очевидно, даже превзойти своего покойного начальника*. Выступающий угол Редана пострадал от огня английской артиллерии, и было решено ударить по этому пункту после того, как Малахов курган будет полностью за-

* В «Neue Oder-Zeitung» вместо этой фразы дан следующий текст: «Эта рутина объясняется тем, что крепости, с которыми англичанам, в том числе и Веллингтону в Испании, приходилось главным образом иметь дело, были построены по старой итало-испанской системе и поэтому лишь в редких случаях могли укрыть более 500 человек. Как все у англичан становится традиционным, так и их система штурма вошла в традицию, пусть даже условия для нее давно исчезли. Лорд Раглан, например, подражал 18 июня старой манере Веллингтона, и всем известно, с каким результатом. Вместо того чтобы извлечь урок из неудачи Раглана, Симпсон счел необходимым не только подражать ему, но даже его превзойти». *Ред.*

нят французами. В соответствии с этим генерал Симпсон выделил штурмовые группы из 2-й и легкой дивизий, всего около 1800 человек, то есть половину состава двух бригад! Оставшиеся две бригады этих дивизий должны были действовать в качестве подкреплений, а 3-я и 4-я дивизии образовать резерв; кроме них там находились гвардейская и шотландская дивизии, что составляло в общей сложности 25000 человек. И из этих войск на штурм было брошено в действительности около 1800 человек, поддержанных позднее еще 2000! Между тем в отличие от французов, которые могли из своих траншей перепрыгнуть в ров русских, этим 1800 солдатам нужно было пройти 250 ярдов по открытой местности, под фланкирующим огнем куртин Редана. Англичане гибли, образуя груды тел, но продвигались вперед, переправились через ров с помощью эскалады, проникли в выступающий угол и оказались под убийственным картечным и ружейным огнем со стороны ретраншемента и редюитов в тылу Редана. В результате этого они рассредоточились, стремясь укрыться за траверсами, и начали такую же перестрелку с русскими, как французы на Центральном бастионе. Это не принесло бы вреда, если бы подкрепления и резервы подошли и развили путем атаки с ближней дистанции уже достигнутый успех. Но подходили лишь незначительные подкрепления, да и то мелкими группами и нерегулярно. Командир бригады Уиндхем, руководивший штурмовыми колоннами, трижды посылал офицеров с просьбой выслать подкрепления в правильных боевых порядках, но безрезультатно. Все три офицера, пересекая равнину, были ранены. Наконец, Уиндхем отправился сам и уговорил генерала Кодрингтона послать еще один полк, однако в это время английские войска неожиданно отступили и оставили Редан. Подошедшие подкрепления русских очистили Редан от противника. И тогда старик Симпсон, у которого все еще имелось в запасе 20000 человек, решил предпринять повторный штурм на следующее утро!

Эта жалкая атака англичан на Редан показывает полную бездарность их генералов в Крыму. Очевидно, им присуще врожденное стремление состязаться друг с другом в совершении ошибок. Яркими примерами этого могут служить Балаклава и Инкерман. Но штурмы 18 июня и 8 сентября намного превосходят их в этом отношении. Штурм был организован настолько небрежно, что англичане, удерживая выступ Редана, даже не удосужились заклепать орудия, и эти орудия обстреливали англичан картечью и шрапнелью при их отступлении так же интенсивно, как и при наступлении. Пытались ли англичане

занять подходящий ложемент — неизвестно; ни у Симпсона, ни у корреспондентов газет упоминаний об этом не встречается. Похоже на то, что самые необходимые меры предосторожности не были приняты.

Правда, атаки на Редан, Центральный бастион и Малый редан были до некоторой степени лишь демонстрацией. Однако атака на Большой редан имела и определенное самостоятельное значение. Овладение этой позицией сразу же делало захват Малахова кургана окончательным, ибо если Малахов курган благодаря своей высоте господствует над Реданом, то Редан в свою очередь господствует над подступами к Малахову кургану, и его взятие означало бы фланговый охват всех русских колонн, направлявшихся к кургану, чтобы отбить его. Овладение Малаховым курганом вынудило русских оставить всю Южную сторону; взятие Редана заставило бы их спешно покинуть по меньшей мере Корабельную сторону, и притом раньше, чем они успели бы создать хорошо действующую систему разрушения огнем и подрывными средствами, которая и обеспечила им безопасный отход. Следовательно, англичане в очень важном пункте не смогли сделать того, что их союзники вправе были от них ожидать. И не только генералы оказались не на высоте, но и солдаты вели себя не так, как обычно. В большинстве своем молодые парни, недавно прибывшие в Крым, они всячески стремились укрыться и вести перестрелку вместо штыкового боя. В их рядах не хватало дисциплины и порядка; различные полки смешались, офицеры потеряли контроль, и через несколько минут вся машина разладилась. Однако следует признать, что, несмотря на все, англичане, не получая подкреплений, держались в Редане почти два часа, оказывая упорное пассивное сопротивление; но ведь мы не привыкли видеть, чтобы английская пехота опускалась до уровня русских и искала славы лишь в пассивном мужестве.

Пальма первенства в этот день принадлежала генералам Боске и Мак-Магону. Боске командовал всем правым флангом французской атаки, а Мак-Магон — дивизией, взявшей и удержавшей Малахов курган. Это был один из тех редких дней, когда французы действительно превзошли англичан своей храбростью. Во всех других отношениях они уже давно доказали свое превосходство над ними. Должны ли мы сделать из этого вывод, что британская армия деградировала, что ее пехота уже не может больше хвастаться тем, что в сомкнутом строю она является лучшей пехотой в мире? Такой вывод был бы преждевременным. По несомненно, английские генералы, находящиеся в Крыму, скорее, чем кто-либо другой, могут подорвать

Хронологические заметки Ф. Энгельса

об основных событиях Крымской войны[289]

физическое и моральное состояние армии; с другой стороны, новобранцы, которые с некоторого времени вливаются в армию, гораздо хуже прежних пополнений. Английскому народу следует задуматься над этим; ведь два поражения за три месяца — невиданное явление в военной истории Англии.

О русских мы можем лишь сказать, что они сражались с обычным для них пассивным мужеством, а в атаке, предпринятой с целью отбить Малахов курган, проявили и большую активную храбрость. До опубликования донесений русских у нас нет возможности судить об их мероприятиях тактического характера. Ясно одно: Малахов курган был захвачен врасплох. Весь гарнизон обедал, и одни лишь артиллеристы у орудий были в боевой готовности на случай атаки.

Если мы посмотрим, что сделано после взятия Южной стороны, то увидим из донесения Горчакова, что войска союзников в составе 20000 человек (национальная принадлежность не указывается) направились в Евпаторию и что сильные разведывательные отряды брошены против левого фланга русских в Байдарской долине, где русские передовые части были вынуждены отступить к Уркусте, в направлении к долине верхнего течения Чулина — одного из притоков Черной. Корпус численностью в 30000 человек, находящийся в настоящее время в Евпатории, довольно слаб и не может отойти на большое расстояние от города. Но могут прибыть подкрепления. Во всяком случае, полевые операции начались, и ближайшие две недели покажут, смогут ли русские удержать свои позиции или они должны будут оставить весь Крым в руках союзников.

Написано Ф. Энгельсом 28 сентября 1855 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4519, 13 октября 1855 г. в качестве передовой и в «Neue Oder-Zeitung» № 463, 4 октября 1855 г.

Печатается по тексту газеты «New-York Daily Tribune», сверенному с текстом «Neue Oder-Zeitung»

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ФИНАНСОВЫЙ ОТЧЕТ

Лондон, 2 октября. В нашем распоряжении имеется теперь официальный отчет о государственных доходах за истекший год, полугодие и квартал (согласно нововведениям Гладстона финансовый год в Англии, как в отношении расходов, так и доходов, кончается 30 сентября). Отчет свидетельствует, с одной стороны, о гибкости дополнительных источников английского бюджета, а с другой стороны, о том, что подсчеты, основанные на теории вероятности, не являются forte[*] английских финансистов. Чистый прирост поступлений по сравнению с предыдущим финансовым годом составляет 8344781 ф. ст., по сравнению с предыдущим полугодием — 2929699 ф. ст. и по сравнению с предыдущим кварталом — 1924124 фунтов стерлингов. «Значение этих цифр сразу изменится, если учесть, с одной стороны, имевшее место при Гладстоне и Льюисе увеличение налогов, а с другой стороны, несоответствие между предусмотренным и действительным увеличением налоговых поступлений. Это отчетливо видно при ознакомлении с отдельными статьями. Доходы от таможенных пошлин увеличились на 1290787 ф. ст. за год, на 608444 ф. ст. за полугодие и на 364423 ф. ст. за квартал. Это нужно полностью отнести за счет новых пошлин на чай, сахар и кофе. Потребовался буржуазный оптимизм «Daily News», чтобы из этих статистических данных сделать вывод о росте благосостояния рабочих классов. Гладстон, как известно, приостановил снижение пошлин на чай и сахар, которое по его предложению палата общин решила провести в 1854 году.

[*] — сильной стороной. *Ред.*

Его преемник Льюис добавил 3 шиллинга на центнер сахара, что по его оценке должно было дать дополнительно 1200000 фунтов стерлингов; 3 пенса на фунт чая, это по его подсчетам увеличивало поступления от таможенных пошлин на 750000 фунтов стерлингов; наконец, 1 пенс на фунт кофе, что должно было дать surplus* на сумму в 150000 фунтов стерлингов. Однако общее увеличение поступлений от таможенных пошлин в последнем квартале составило лишь 364423 ф. ст., следовательно, далеко не достигло и половины того, что ожидалось получить от одного лишь увеличения пошлины на сахар. Из перечня поступлений от пошлин видно, что потребление кофе снизилось против 1853 г. примерно на 2%. Поступления от пошлин на вино и табак значительно уменьшились.

Доходы от акциза считаются в Англии показателем comforts** низших классов общества. Поступления от акциза даже в лучшем квартале уменьшились на 266006 фунтов стерлингов. И тем не менее новый налог сэра Дж. К. Льюиса на спиртные напитки в Шотландии и Ирландии действовал в полной мере. Льюис рассчитывал на то, что его дополнительный налог даст увеличение на 1000000 фунтов стерлингов. Вместо этого он потерял за квартал 266006 фунтов стерлингов. Что касается гербового сбора, то за год он увеличился на 100472 ф. ст., но за полугодие уменьшился на 48402 ф. ст., а за последний квартал — на 103344 фунта стерлингов. Это тем более знаменательно, если учесть, что в полной мере действует впервые введенный Гладстоном налог на наследство. Принадлежащие к той же категории (гербового сбора) доходы почты показывают дефицит в 206819 ф. ст. за год, в 175976 ф. ст. за полугодие и в 81243 ф. ст. за последний квартал. Поступления от налога на земельную собственность увеличились на 6484147 ф. ст. за год, на 2195124 ф. ст. за полугодие и на 1993590 ф. ст. за квартал. Не следует, однако, забывать, что Гладстон прежнюю ставку налога удвоил, ожидая от этого новых налоговых поступлений на $6^1/_2$ миллионов ф. ст., а сэр Дж. К. Льюис, кроме того, провел дополнительное обложение в размере 2 пенсов на каждый фунт стерлингов, рассчитывая получить в результате увеличение налогов в сумме 4000000 фунтов стерлингов. Следовательно, и в отношении доходов от налога на земельную собственность, рост поступлений никоим образом не соответствовал увеличению налоговых ставок.

* — излишек, дополнительный доход. *Ред.*

** — благополучия, удобств. *Ред.*

Здесь не перестают интересоваться мошенничествами и дальнейшей судьбой Crеdit Foncier*, Crеdit Mobilier, а также других бонапартистских банковых креатур, или креатур, обреченных на банкротство. Не мешает при этом вспомнить, что Эмиль Перейра и другие директора этих учреждений — старые *сен-симонисты.* Эти господа всегда видели спасение мира в *банках,* а возможно также и в *банкротствах. Во* всяком случае, они нашли в этом свое *собственное спасение.* Сен-симонизм, если абстрагироваться от общих великих идей его родоначальника, осуществился при Бонапарте в своей единственно возможной форме. Чего еще можно желать? Перейра — главный бонапартовский шарлатан по части финансов, а г-н Мишель Шевалье — один из главных редакторов и главный экономист «Journal des Debats»[290]. Habent sua fata libelli**. Но и великие идеи также имеют свою «fata»***.

Написано К. Марксом 2 октября 1855 г.

Напечатано в «Neue Oder-Zeitung» № 467, 6 октября 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* — Поземельного кредита. *Ред.*
** — Книги имеют свою судьбу. *Ред.*
*** — «судьбу». *Ред.*

К. МАРКС

ФРАНЦУЗСКИЙ БАНК. — ПОДКРЕПЛЕНИЯ ДЛЯ КРЫМА. — НОВЫЕ ФЕЛЬДМАРШАЛЫ

Лондон, 4 октября. Английский банк снова повысил учетную ставку — с 5% до $5^1/_2$%. *Это* мероприятие направлено прежде всего против Banque de France*, который в течение последних 6 недель — посредством выданных на Лондон и учтенных там векселей — вывез из Англии во Францию золота на 4600000 фунтов стерлингов. На здешней бирже циркулируют самые тревожные слухи о финансовом положении Banque de France. По мнению одних, ожидается отсрочка всех платежей звонкой монетой, по мнению других, банкноты Banque de France должны получить «для большего обеспечения» гарантию устойчивости. Такая гарантия неизбежно привела бы к «run»** на банк и к немедленному обесценению его банкнот. Наконец, утверждают, что Banque de France попытается увеличить свой капитал в два раза путем выпуска по подписке новых акций. Какими бы неопределенными ни казались эти слухи в своих деталях, все же они свидетельствуют о том, что Banque de France находится в критическом положении и что этот институт, считавшийся со времени его основания при Наполеоне I непоколебимо устойчивым, при Наполеоне III является лишь одной из *опрокинутых* кредитных пирамид, которые следует рассматривать как характерные памятники эры его правления. Часть французского общества, требовавшая прежде

* — Французского банка. *Ред.*
** — «набегу». *Ред.*

всего *видимости* избытка кредита и «prosperite toujours croissante»*, не сможет жаловаться, когда придет время расплачиваться за этот приятный обман. Во всяком случае, финансовые операции, биржевые махинации и банковские спекуляции, которые в последние годы правления Луи-Филиппа произвели настоящую сенсацию и привели к появлению большой полемической литературы вроде «Ростовщики — короли нашего времени», «Династия Ротшильдов»[291] и др., кажутся пустяками по сравнению с тем, что в этой области было совершено за период с 1852 г. по настоящее время.

В данный момент ждут приказа об отправке пароходами в Крым примерно 6000 человек, в том числе 800 артиллеристов, 900 кавалеристов и остальные — пехотинцы. Кроме того, на театр военных действий должно быть отправлено около 4000 пехотинцев с Гибралтара, с Мальты, Ионических островов и из Пирея. Эти подкрепления — даже если прибавить к ним иностранные легионы — далеко не достаточны для того, чтобы довести английскую действующую армию хотя бы до уровня ее первоначального состава. В связи с этим *Брайт* заявил вчера на митинге в Рочдейле:

«Если бы я был сторонником войны, я придерживался бы совершенно другой политики в отношении наших внутренних военных учреждении. Я ввел бы воинскую повинность в достаточных размерах, как это имеет место в России, Австрии и Франции, и этим заставил бы людей всех классов принять соответствующее участие в том, что называют национальным делом».

Присвоение престарелым лордам и графам Комбермиру, Страффорду и Хардингу звания фельдмаршалов в награду за поражение генерала Симпсона (который, кстати сказать, должен быть отозван) у Редана является одной из многих плоских острот и игривых шуток, которыми Пальмерстон привык развлекать себя на склоне лет. Первых двух генералов вполне можно считать *умершими,* так что их повышение по службе носит скорее характер их посмертной канонизации. Они причислены к лику военных святых, после того как их земное существование давно закончилось. Лорд Хардинг занимает допотопный пост Commandeur en chef** английской армии и своим решительным и неустанным раболепством и угодничеством перед фельдмаршалом принцем Альбертом вполне заслужил фельдмаршальский жезл. Особую пикантность этому делу придает то обстоятельство, что победа, одержанная вместе с фран-

* — «все возрастающего процветания». *Ред.*
** — главнокомандующего. *Ред.*

цузами над русскими, отмечается повышением в чине уже забытых офицеров, воевавших вместе с русскими против французов. Так например, заслуга лорда Страффорда состоит в том, что он при Ватерлоо командовал гвардейской бригадой, во время похода на Париж — командовал передовым отрядом английской армии и овладел Парижем, заняв высоты Бельвиля и Монмартра.

Написано К. Марксом 4 октября 1855 г.

Напечатано в «New Oder-Zeitung» № 469, 8 октября 1855 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ХОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

С театра военных действий есть много новых сообщений. В дополнение к донесению Горчакова, которое мы комментируем в другой статье, с пароходом, прибывшим в субботу, были получены официальные сообщения о действиях кавалерии у Курулу, под Евпаторией, о которых мы уже раньше писали. Кроме того, получены известия о безуспешном штурме русскими Карса, о разрушении союзниками Тамани и Фанагорийской крепости и о высадке войск союзников на полуострове Кинбурн[292].

В действиях кавалерии под Евпаторией принимало участие двенадцать французских эскадронов (4-й гусарский полк, 6-й и 7-й драгунские полки). Согласно донесению генерала д'Аллонвиля, которое составлено ясно и вразумительно, французы и турки провели широкую разведку в глубь территории по трем различным дорогам — по одной к югу и по двум к северу от озера Сасык. Две последние колонны встретились у деревни Долыпак, где они обнаружили приближение русской кавалерии. Здесь в донесениях начинаются противоречия. Генерал д'Аллонвиль рассказывает, что восемнадцать эскадронов русских, воспользовавшись тем, что французы были спешены и кормили своих лошадей, попытались обойти их с юга и отрезать им путь отхода к Евпатории; тогда д'Аллонвиль приказал своим кавалеристам сесть на коней, обрушился на фланг русских, разгромил их и преследовал два лье. Горчаков же говорит, что у русских был только один полк (18-й полк улан), или восемь эскадронов, и что они подверглись внезапной атаке французов, когда спешились, чтобы снять с перед-

ков орудия артиллерийской батареи, и это вынудило их спасаться бегством. Он обвиняет генерала Корфа в этой ошибке. Почему вдруг целый полк улан должен был спешиться и помогать снимать восемь орудий батареи с передков и почему орудийных расчетов, которые должны были делать это сами, не было поблизости, — нам нужно догадываться самим. Все донесение Горчакова составлено так туманно, не по-военному, в нем столько желания оправдать это первое поражение кавалерии, что его трудно рассматривать как серьезное изложение фактов. В то же время мы видим, что ответственность за это поражение он возлагает на генерала Корфа, подобно тому как за Силистрию она возлагалась на Сельвана, за Инкерман — на Соймонова, за реку Черную—на Реада. Сам Горчаков, хотя и терпит поражение в каждом бою, всегда остается непобедимым. Не ему наносят поражения, отнюдь нет; каждый раз находится какой-нибудь несчастный младший по званию офицер, который нарушает мудрые планы генерала какой-нибудь грубой ошибкой и в наказание за это обычно погибает в бою. В данном случае, однако, допустившему грубую ошибку генералу не повезло, и он остался жив. Возможно, позже этот генерал скажет что-либо о донесении Горчакова, пока же ему приходится удовлетвориться тем, что противник представляет его в значительно лучшем свете, чем его непогрешимый главнокомандующий. После этого боя в Евпаторию, в подкрепление французским войскам, была направлена дивизия легкой кавалерии англичан.

Две других экспедиции были предприняты на крайних флангах крымского театра военных действий. Одна из экспедиций была направлена из Керчи и Еникале на противоположный берег пролива. Были разрушены небольшие крепости — Тамань и Фанагорийская — и захвачено около ста орудий; таким образом, союзники полностью завладели входом в Азовское море. Эта операция была проведена из предосторожности, и ее непосредственные результаты не могут иметь серьезных последствий.

Вторая экспедиция имеет большее значение. Флоты союзников, имевшие на борту около десяти тысяч войск, сперва провели демонстрацию у Одессы, где, однако, не было произведено ни одного выстрела, а затем направились в Кинбурн. Этот пункт находится недалеко от оконечности косы, которая с юга окружает широкий лиман, образованный Днепром и Бугом. В этом месте лиман имеет около трех миль ширины, и вход в него преграждает отмель, где глубина воды всего пятнадцать футов (согласно лучшим морским картам). На северной стороне входа в лиман расположен Очаков, а на южной — Кинбурн. Обе эти крепости впервые получили известность во время русско-

турецкой кампании 1787 г., когда Буг являлся границей между двумя империями и, следовательно, Очаков принадлежал туркам, а Кинбурн — русским. В то время Суворов командовал левым крылом русской армии (главнокомандующим был Потемкин) и находился в Кинбурне. Турки, бывшие тогда хозяевами Черного моря, переправились через вход в лиман из Очакова. Желая отвлечь внимание Суворова, они высадились вначале за городом Кинбурном, к юго-востоку от него, но убедившись, что им не удалось ввести Суворова в заблуждение этим ложным маневром, высадили свои главные силы на северо-западной оконечности косы, непосредственно против Очакова. Здесь они окопались и атаковали крепость, однако Суворов со значительно меньшими, чем у турок, силами совершил вылазку, завязал бой, и с помощью подходивших подкреплений опрокинул турок в море. Потери последних были огромны. Сам Суворов был ранен в этом бою, через год после которого, в 1788 г., последовал штурм Очакова.

На этот раз союзники высадились не ниже, а приблизительно на четыре мили выше города Кинбурна с тем, чтобы перехватить его наземные коммуникации с Херсоном и внутренними областями России. Их канонерские лодки, вероятно, скоро перехватят и водные коммуникации. Коса у Кинбурна, на шесть миль выше города, очень узкая; подобно Арабатской стрелке она настолько низкая и песчаная, что при рытье окопов уже на глубине нескольких футов появляется вода. Быстро построить там мощные укрепления с глубокими рвами ввиду этого невозможно; укрепления, возведенные турками в 1787 г., представляли собой либо частоколы, либо батареи, окруженные мешками с песком. Укрепления Кинбурна, по этой же причине, тоже не могут быть очень сильными, так как невозможно создать хороший фундамент для каменных эскарпов; но со времени войны с турками, там, несомненно, были вырыты широкие рвы, наполненные водой. Тем не менее мы считаем, что если Кинбурн подвергнется энергичной атаке, он не сможет долго удержаться против союзников. Когда же Кинбурн окажется в их руках, это откроет перед ними перспективу важных операций в направлении Херсона и Николаева, то есть в направлении операционной базы русской армии в Крыму. Таким образом, этот десант может оказаться очень важным, если за высадкой его последуют соответствующие операции. До отправления парохода, однако, никаких новостей о решительных действиях не поступило, и это приводит нас к выводу, что и данная экспедиция будет осуществляться союзниками с обычной для них спокойной медлительностью.

Поражение русских под Карсом окажется, по всей вероятности, событием, которое завершит кампанию в Армении. Турки, плохо организованные и испытывающие недостаток во всем, что требуется для ведения войны, играли жалкую роль в этом районе боевых действий. Будучи не в состоянии вести полевую войну, они ограничились тем, что заняли Карс, Эрзерум и местность, непосредственно прилегающую к этим крепостям. Генерал Уильямс, который поступил на службу к туркам, командовал гарнизоном Карса и руководил сооружением соответствующих оборонительных укреплений. Большую часть лета боевые действия с обеих сторон ограничивались перестрелками, опустошительными набегами и экспедициями в горы за фуражом. Общим и главным результатом этого было то, что русские, постепенно продвигаясь вперед, смогли обложить Карс и даже перерезали его коммуникации с Эрзерумом. Карс расположен в одной из боковых долин, тянущейся к верховьям Аракса; Эрзерум — у истоков Евфрата; Батум— в устье реки Чорох (Батис), верхнее течение притоков которой проходит вблизи и Карса, и Эрзерума, вследствие чего одна из дорог между этими городами идет вдоль бассейна реки Чорох до города Олты, откуда она поворачивает через горы к Карсу. Олты являлись центральным пунктом для турок, так как дорога из Батума сходится там с упомянутой выше, а Батум был ближайшим пунктом, из которого можно было ожидать прибытия наиболее крупных подкреплений. Если бы русским удалось взять Каре, они прежде всего закрепились бы в Олтах, отрезав тем самым Эрзерум от его наиболее короткой и лучшей коммуникационной линии с Черным морем и Константинополем. Турки, однако, настолько пали духом, что отступили до Эрзерума, оставив в своих руках лишь горный проход между верхним Евфратом и истоками Аракса, тогда как Олты оказались совершенно незащищенными.

В конце концов, когда кольцо осады тесно сомкнулось вокруг Карса, турки попытались организовать транспорт провианта из Олт и под сильной охраной пробиться в Карс. Часть кавалерии была отправлена из Карса, поскольку она была там бесполезна, и ей, по существу, пришлось с боями пробиваться до Олт через районы, занятые русскими; вскоре после этого из Олт был направлен транспорт с продовольствием. Но на этот раз русские были начеку. Турки были полностью разгромлены, а транспорт захвачен русскими. Тем временем в Карсе стала ощущаться нехватка продовольствия. Омер-паша был послан в Азию, чтобы взять на себя командование и организовать в Батуме армию, которая могла бы вести

полевые действия. Однако создание новой армии требует много времени, и марш через Олты с целью освобождения Карса не самое лучшее из того, что Омер-паша мог бы предпринять, так как Карс в любой момент может оказаться вынужденным сдаться из-за недостатка продовольствия еще до того, как прибудет помощь.

В таком трудном положении турки находились в конце сентября. Карс по существу считался потерянным, и русские не сомневались в том, что одной блокады будет достаточно, чтобы заставить город сдаться из-за голода, который там начался. Однако сами русские не собирались, видимо, ждать, пока в Карсе истратят последнюю муку и съедят последнюю лошадь. Возможно, из-за боязни приближающейся зимы, состояния дорог и недостатка продовольствия, возможно из-за приказов свыше или из страха перед корпусом Омер-паши они вдруг решили действовать энергично. Из Александрополя, крепости, находящейся на границе в нескольких лье от Карса, были доставлены осадные орудия, и после нескольких дней апрошных работ и обстрела главные силы русской армии под командованием Муравьева начали штурм Карса. Бой был ожесточенным и продолжался восемь часов. Башибузуки и пешие иррегулярные войска, которые так часто бежали перед русскими в поле, здесь вели бой на более благоприятной местности. Хотя силы атакующих, видимо, в четыре-шесть раз превышали силы гарнизона, все их попытки ворваться в город остались безуспешными. Турки в этом бою вновь проявили, наконец, храбрость и сообразительность. Хотя русским несколько раз удавалось захватывать турецкие батареи (вероятно, люнеты, открытые в горжах и простреливавшиеся огнем второй линии обороны), они нигде не смогли закрепиться. Говорят, что их потери были огромны — четыре тысячи убитых было похоронено турками. Но прежде чем поверить этому, мы должны получить более подробные и точные сведения.

Что касается операций Омер-паши, то у него был двойной выбор: либо совершить марш по реке Чорох через Олты, чтобы освободить Карс, куда он рисковал прийти слишком поздно для осуществления своей цели, поскольку он вел бы свою армию на Армянское нагорье, где русские защищены от эффективной фронтальной атаки сильной линией крепостей и где у Омер-паши не было бы возможности ударить по их флангам; либо совершить марш по реке Рион до Кутаиса, а оттуда через горы в долину реки Куры по направлению к Тифлису. Там ему не встретились бы более или менее хорошо укрепленные пункты, и в то же время он стал бы сразу угрожать центру русского

господства на юге Кавказа. Это наилучший способ заставить Муравьева уйти из Армении и, как наши читатели вероятно помнят, мы неоднократно указывали, что только такое направление операций даст возможность нанести мощный удар по могуществу русских в Азии. Подходящей операционной базой при осуществлении этого марша может быть Редут-Кале, но поскольку там нет безопасной гавани, Омер-паша выбрал Сухум-Кале, где имеется хорошая гавань и более удобная дорога по побережью. Не слишком ли поздно начинать там в такое время года серьезные операции, мы скоро узнаем.

Написано Ф. Энгельсом около 19 октября 1855 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4538, 5 ноября 1855 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

РУССКАЯ АРМИЯ

Когда между западными державами и Россией была объявлена война, англо-французская пресса держалась того мнения, что Россия не будет испытывать недостатка в солдатах, зато скоро почувствует недостаток в деньгах. Рассчитывали, что финансовые затруднения ослабят армию и создадут препятствия для переброски тех миллионов солдат, которых Россия, как говорили, могла в любое время выставить против своих врагов. Что же произошло в действительности? Хотя формально Россия изгнана со всех крупных европейских бирж, она без всякого труда заключила заем[293]; ее бумажные деньги, несмотря на повторные дополнительные эмиссии, не обесценились; ее войска во время похода получают продовольствие и транспортные средства от населения таким способом, который возможен только в такой чисто сельскохозяйственной стране. Несмотря на блокаду ее портов, она сумела до сих пор обойти все финансовые подводные камни, о которые, по твердому убеждению лондонских мудрецов, должна была разбиться. Что же касается неисчерпаемых людских резервов, то на деле все выглядит совершенно иначе. В то время как Англия путем вербовки добровольцев в стране и за границей постепенно довела численность своей армии в Крыму приблизительно до 40 тысяч человек, а Франция призвала только в текущем году 140 тысяч человек вместо 80 тысяч и уже смогла послать на Восток армию, даже слишком многочисленную для тех операций, которые ей может поручить Пелисье, — чего достигла Россия? На всей территории, где производится рекрутский набор, было объявлено два всеобщих набора, каждый из расчета приблизительно по

десять человек на тысячу душ мужского пола, затем всеобщий набор в народное ополчение по двадцать три человека на тысячу душ, и в настоящее время издан указ о новом всеобщем наборе в линейные войска из расчета десять человек на каждую тысячу душ. Набор в мирное время в среднем составляет около пяти человек на тысячу для половины империи, тогда как другая половина поставляет рекрутов в следующем году. Таким образом, средней годовой цифрой набора на всю империю (разумеется, за исключением губерний, где набор не производится) является два с половиной на тысячу душ мужского пола. Однако два года войны уже заставили произвести наборы, составляющие в итоге пятьдесят три человека на тысячу душ, или около двух с половиной процентов всего населения мужского и женского пола. Следовательно, в течение последних двух лет ежегодный набор в десять раз превышал обычное число призываемых в мирное время. Если допустить, что Франция призвала в армию за два года войны в общем 300 тысяч человек, что, несомненно, превышает действительный призыв, это составит для населения в 36 миллионов пять шестых процента за два года, или пять двенадцатых процента в год, то есть как раз шестую часть того количества, которое Россия вынуждена была призвать в свою армию. Правда, в мирное время в России ежегодно призывается на военную службу около одной девятой процента, а во Франции — около двух девятых процента всего населения. Но так как продолжительность действительной службы в России более чем в два раза превышает срок службы во Франции, то это обстоятельство вполне уравновешивается.

Со всех сторон мы слышим о том, что в России уже начинает сказываться такое непрерывное выкачивание работоспособного мужского населения, в то время как во Франции оно почти не ощущается. В Польше, в частности, как сообщают, чувствуется недостаток в рабочих руках для обработки земли; другим доказательством этого факта служит большое недовольство дворянства по поводу того, что его вообще лишают наиболее ценной части принадлежащих ему крепостных. Назначение блестящего аристократа Ланского министром внутренних дел и его циркуляр к дворянству, извещающий о том, что император Александр особым указом гарантировал все его права и привилегии[294], показывает, насколько встревожен двор этими симптомами недовольства в среде крепостников.

Однако самой удивительной особенностью этих часто повторяющихся наборов является то, что они дают в действительности незначительное количественное увеличение состава

армии. Если исходить из того, что общее число душ мужского пола, подлежащих рекрутскому набору, составляет 22 миллиона, — цифра несомненно преуменьшенная, — то за два года было призвано не менее 660 тысяч человек в линейные войска и 560 тысяч — в ополчение. Ополчение, правда, было мобилизовано лишь частично и насчитывает, возможно, 200 тысяч человек; таким образом, фактическая убыль работоспособного мужского населения составила около 860 тысяч человек. Сюда могут быть причислены солдаты запаса, уволенные в отпуск на последние пять или десять лет их срока службы и призванные перед началом войны; но так как большинство их было призвано еще в 1853 г., мы не будем их здесь принимать в расчет.

Несмотря на эти резервы, образующие пятый и шестой батальоны в каждом пехотном полку, несмотря на 660 тысяч рекрутов, распределенных частью но первым четырем линейным батальонам каждого полка, частью — по вновь сформированным запасным батальонам второй очереди (седьмому и восьмому) этих полков, многие войсковые части еще далеко не достигают своего полного штатного состава. Весьма любопытным доказательством этого служит приказ, изданный в Николаеве командующим Южной армией, генералом Лидерсом. Он объявляет, что по высочайшему приказу двадцать три дружины* ополчения (23 тысячи человек), причисленные к Южной армии, включаются в линейные войска и должны быть влиты в третий и четвертый батальоны каждого полка. Но эта мера может означать только то, что полки, образующие Южную армию, численно настолько сократились, что основная масса солдат третьего и четвертого батальонов должна быть переведена в первый и второй батальоны, а их места заполнены солдатами из ополчения. Другими словами, до пополнения их ополчением четыре батальона этих полков по численности едва равнялись двум полностью укомплектованным батальонам. Если такая убыль имела место в армии, большая часть которой никогда не встречалась с противником и ни одна часть которой не была введена в действие со времени Силистрии, то каковы же должны быть потерн в Крыму и в Азии! Перед нами вдруг раскрывается действительное состояние русской армии. Это позволяет нам сделать предположение относительно урона, который она терпит, что и объясняет нам, почему влившиеся в состав армии две трети миллиона солдат не дали заметного увеличения ее численности.

* Слово «дружина» написано Энгельсом по-русски латинскими буквами. *Ред.*

Но чем вызываются столь огромные, непропорциональные потери? Во-первых, теми громадными переходами, которые новобранцы должны совершать от местожительства до главных губернских городов, затем до распределительных пунктов, наконец, в свои полки, — не считая переходов, которые после этого им приходится совершать вместе со своими полками. Вовсе не пустяк для новобранца промаршировать от Перми до Москвы, от Москвы до Вильно и, наконец, от Вильно до Одессы или Николаева. Если же подобные бесконечные форсированные марши совершаются по высочайшему повелению такого человека, как Николай, который точно устанавливает час прибытия и час отправления и наказывает за всякое отклонение от его приказа; если бригады, дивизии, армейские корпуса в огромной спешке гонят с одного конца империи на другой, не считаясь с тем, сколько людей остается позади вследствие болезней и усталости; если переход от Москвы до Перекопа должен быть совершен как обычный форсированный марш, который нигде в других странах никогда не продолжается больше двух дней, — то огромные потери находят себе объяснение. К этому чрезмерному напряжению физических сил солдат нужно прибавить еще беспорядок, который неизбежно возникает вследствие общеизвестного плохого управления всеми звеньями русского военного ведомства, в особенности интендантством. Следует принять во внимание также и способ довольствия солдат во время похода, которое осуществляется по возможности за счет жителей областей, лежащих на пути похода. При хорошей организации этот способ вполне пригоден в чисто сельскохозяйственной стране, но он не может дать должных результатов и вызывает величайшие трудности там, где, как в России, интендантство и командиры наживаются, присваивая себе часть запасов, получаемых от крестьян. И, наконец, нужно считаться с большими просчетами, которые неизбежно имеют место там, где армиям, разбросанным на таком большом пространстве, приходится двигаться по приказам из единого центра, причем от них требуется исполнение этих приказов с точностью часового механизма, тогда как все предпосылки, на которых основаны эти распоряжения, ошибочны и не обоснованы. Не меч и пуля противника, не болезни, которые неизбежны во многих частях Южной России, даже не необходимость длинных переходов, так сильно опустошающих ряды русской армии, а те особые условия, при которых русский солдат вербуется, муштруется, марширует, обучается, довольствуется, одевается, расквартировывается, руководится командирами и сражается, служат причиной того ужасного факта, что почти вся русская

армия, существовавшая в 1853 г., уже исчезла с лица земли, не вынудив противника понести и трети тех потерь, которые она сама понесла.

Последний приказ генерала Лидерса заслуживает внимания и в другом отношении. Приказ открыто признает, что ополченцы совсем не подготовлены к тому, чтобы выступить против врага. Он уговаривает старых солдат не смеяться над молодыми солдатами и не презирать их за их неуклюжесть в строю; приказ признает, что новобранцы почти не имеют строевой выучки, и вводит изменения в строевой устав, которые, по-видимому, вполне одобрены императором. Не следует вызывать у солдат «отвращение» бесполезной парадной муштрой; их нужно обучать лишь самым необходимым приемам: обращению с ружьями, заряжанию, стрельбе из них, стрельбе в цель, движению колоннами и в рассыпном строю — все остальное объявляется бесполезной парадной муштрой. Таким образом, русский генерал, при прямом одобрении императора, осуждает две трети всего русского строевого устава как бесполезную глупость, способную внушить солдату лишь отвращение к его обязанностям; а этот устав был как раз тем достижением, которым покойный император Николай особенно гордился!

«Молодые солдаты», каждый жест и шаг которых, как видно, вызывает взрыв хохота у их товарищей, не считались бы новобранцами ни в одной другой стране. Они находились в строю от шести до десяти месяцев и остались такими же неуклюжими, как если бы они только что расстались с сохой. Нельзя ссылаться на то, что длинные переходы не оставляли им времени для учения. Наполеон в своих последних кампаниях включал рекрутов в соответствующие батальоны после двухнедельного обучения и затем отправлял их в Испанию, в Италию, в Польшу; они обучались в походе, как на марше, так и на стоянках; и когда после шести- или восьминедельного похода их вливали в армию, считалось, что они годны для действительной службы. Никогда Наполеон не давал своим рекрутам более трех месяцев на то, чтобы стать солдатами; даже в 1813 г., когда ему пришлось создавать новую армию, новые офицерские кадры и все прочее, он привел своих новобранцев на поля сражений в Саксонии через три месяца по прибытии их на распределительные пункты; и его противники скоро узнали, что он сумел сделать с этими «неотесанными рекрутами». Какая разница между быстрым приспосабливанием французов и мужицкой неуклюжестью русских! Какое свидетельство неумелости офицеров этого русского ополчения! А между тем Лидерс утверждает, что почти все эти офицеры служили в строю и многие из них нюхали порох.

Ограничение обучения самыми необходимыми приемами показывает также, чего ждет Лидерс от своих новых подкреплений. Рассыпной строй и движение колоннами — вот все, чему обучаются солдаты; никакого развертывания фронта, никакого построения в колонны из развернутого строя. Русский солдат действительно менее всего пригоден к передвижениям в линейном строю так же, как и к действиям в рассыпном строю. Его сильная сторона— бой в сомкнутых колоннах, в таком боевом построении, при котором грубые ошибки командиров вызывают меньше всего беспорядка и не так влияют на общий ход сражения и при котором инстинкт сплоченности храброй, но пассивной массы может компенсировать эти промахи. Русские солдаты, подобно диким степным коням, преследуемым волками, сбиваются вместе в бесформенную массу, неподвижную, не поддающуюся управлению, однако стойко удерживающую за собой позицию; требуется огромное напряжение всех сил противника, чтобы ее сломить. Но так или иначе, линейные построения во многих случаях необходимы, и даже русские прибегают к ним, хотя и не слишком часто. Чего же ждать от армии. которая вообще не способна развернуть строй или же, развернув с большим трудом строй, не может вновь построиться в колонны, не вызвав всеобщего замешательства?

Написано Ф. Энгельсом около 2 ноября 1855 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4548, 16 ноября 1855 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ТРАДИЦИОННАЯ АНГЛИЙСКАЯ ПОЛИТИКА

Относительно внешней политики английских вигов широко распространено весьма ошибочное мнение, будто они всегда были заклятыми врагами России. История ясно доказывает обратное. В «Дневнике и переписке Джемса Харриса, первого графа Малмсбери», — бывшего в течение нескольких лет в период правления как вигов, так и тори, английским послом при с.-петербургском дворе, — и в «Мемуарах и переписке Чарлза Джемса Фокса»[295], изданных лордом Джоном Расселом, мы находим поразительные разоблачения политики вигов, вдохновителем и инициатором которой был Фокс, являющийся до сих пор политическим верховным жрецом вигов; виги чтут его не меньше, чем турки Магомета. Поэтому, чтобы понять, как Англия всегда угодничала перед Россией, мы вкратце напомним о событиях, предшествовавших вступлению Фокса в кабинет.

Из дневника графа Малмсбери мы узнаем, с какой лихорадочной торопливостью Англия старалась оказать дипломатический нажим на Россию во время американской войны за независимость[296]. Английскому послу было поручено заключить во что бы то ни стало наступательный и оборонительный союз с Россией. Ответ императрицы был сперва уклончив: самое слово «наступательный» Екатерина сочла одиозным; она нашла нужным выждать дальнейшего развития событий. Наконец, английский дипломат понял, что все дело заключалось в желании России заручиться поддержкой Англии в ее планах против Турции; Харрис посоветовал своему правительству поощрить русские аппетиты, если оно хочет

обеспечить себе помощь России против американских колоний.

В следующем году сэр Джемс Харрис выступает уже с более умеренным предложением; он не добивается больше союза с Россией. Англия удовлетворится протестом России, который, будучи поддержан военно-морскими силами, сдерживал бы Францию и Испанию. Императрица заявляет в ответ, что у нее нет достаточных оснований для подобного шага. Английский посол льстиво и подобострастно увещевает:

«Так могла бы говорить русская государыня семнадцатого века, по с тех пор Россия сделалась руководящей державой в Европе, и интересы Европы являются также и ее интересами. Если бы Петр Великий увидел русский флот в союзе с английским, он бы перестал себя считать первым в ряду русских государей»

— и так далее в том же духе.

Императрица отнеслась благосклонно к этой лести, но отклонила предложения посла. Два месяца спустя, 5 ноября 1779 г., король Георг собственноручно написал своей «леди сестре», императрице, письмо на старомодном французском языке. Он уже не настаивал на официальном протесте, а был бы удовлетворен простой демонстрацией.

«Одного лишь появления части императорского флота», — писал король, — «было бы достаточно, чтобы восстановить и поддержать мир в Европе; созданный против Англии союз сразу же исчез бы».

Случалось ли когда-либо, чтобы великая держава с таким унижением просила о помощи?

Но все эти льстивые речи Англии не достигли цели, и в 1780 г. был провозглашен вооруженный нейтралитет. Англия покорно проглотила пилюлю. Чтобы смягчить ее горечь, английское правительство заранее объявило, что русские торговые суда не будут останавливаться или задерживаться английскими крейсерами. Так, Англия без всякого принуждения отказалась от права осмотра иностранных судов. Вскоре после этого английский дипломат заверил с.-петербургский кабинет, что британские военные суда не будут чинить препятствий торговым предприятиям подданных императрицы; а в 1781 г. сэр Джемс Харрис поставил в заслугу английскому адмиралтейству, что оно смотрит сквозь пальцы на частые случаи подвоза русскими судами корабельных материалов противникам Англии и что всякий раз, когда эти суда бывали по ошибке арестованы или задержаны, адмиралтейство уплачивало за эту задержку щедрую компенсацию. Все средства пускались в ход английским кабинетом, чтобы уговорить Россию отказаться от нейтралитета.

Вот что пишет, например, лорд Стормонт английскому послу в С.-Петербурге:

«Нельзя ли подействовать на честолюбие императрицы, уступив ей что-нибудь существенное, что-либо выгодное для ее флота и торговли, чтобы склонить ее к оказанию нам помощи против наших мятежных колоний?»

Харрис отвечает, что такой приманкой могла бы быть уступка острова Минорка. В 1781 г. Минорка была действительно предложена Екатерине, но этот дар был ею отвергнут.

В марте 1782 г. в кабинет вошел Фокс, и тотчас же русскому послу в Лондоне было заявлено о готовности Англии начать переговоры с Голландией, которой предшествующее министерство объявило войну на основании договора 1674 г.[297], где признавалась свобода судоходства и торговли, и что она намерена немедленно заключить перемирие. Фокс дал указание Харрису представить этот шаг как доказательство того внимания, с каким король относится к пожеланиям и мнениям императрицы. Но этим Фокс не ограничился. На одном из заседаний министров было решено рекомендовать королю, чтобы он дал понять русскому послу, резиденция которого была недалеко от королевского дворца, что его величество желает более близко ознакомиться с намерениями императрицы и установить самые тесные отношения с с.-петербургским двором, положив в основу соглашения между обеими странами декларацию о нейтралитете.

Вскоре после этого Фокс вышел в отставку. Его преемник, лорд Грантам, подтвердил, что сравнительно благосклонное отношение С.-Петербурга к Лондону явилось плодом политики Фокса; и когда Фокс снова вошел в кабинет, он выдвинул идею о том, что политикой каждого просвещенного англичанина должен быть союз с северными державами и этой политике надо следовать постоянно. В одном из своих писем к Харрису он напоминает ему, что дружба с с.-петербургским двором имеет первостепенное значение для Великобритании, и заявляет, что в период своего первого кратковременного пребывания в правительство он преследовал благороднейшую цель доказать императрице, как искренне английское министерство стремится следовать ее советам и завоевывать ее доверие. Фоке всеми силами добивался союза с Россией. Он убеждал короля написать императрице письмо и просить ее обратить свое благосклонное внимание на английские дела.

В 1791 г. Фокс, бывший тогда в оппозиции, заявил в парламенте:

«странно слышать, когда в английской палате говорят о растущем могуществе России, как о чем-то внушающем тревогу. Двадцать лет тому

назад Англия ввела русские суда в Средиземное море. Он (Фокс) советовал королю не препятствовать присоединению Крыма к России. Англия поддержала Россию в ее стремлении основать свое величие на развалинах Турции. Было бы безумием выказывать зависть по поводу возросшего могущества России на Черном море».

Во время этих же дебатов Бёрк, бывший тогда вигом, заметил:

«странно считать Турецкую империю составной частью европейского равновесия».

Подобные взгляды Бёрк — он слывет у всех партий Англии образцом английского государственного деятеля — высказывал все чаще и все энергичнее до самого конца своей политической карьеры; затем они были подхвачены известным лидером вигов, который унаследовал руководство партией.

В период своего правления, в 1831 и 1832 гг., лорд Грей, воспользовавшись обсуждением внешней политики, высказал убеждение, что поглощение Турции Российской империей было бы выгодно для самой Турции и способствовало бы благоденствию Европы. А разве Россия была тогда менее варварской, чем нынешняя Россия, как ее нам изображают? Разве она была тогда в меньшей степени страной того отвратительного деспотизма, который современные виги рисуют в таком страшном виде? И все же перед Россией не только раболепствовали, домогаясь союза с ней, но английские либеральные государственные деятели побуждали ее осуществлять те самые замыслы, за которые теперь ее так жестоко клеймят.

Написано К. Марксом около 28 декабря 1855 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4597, 12 января 1856 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВОЙНА В АЗИИ

Мало-помалу мы узнаем о подробностях падения Карса[298], и пока они полностью подтверждают все, что мы не раз говорили о положении турецкой армии в Малой Азии. Теперь уже никак нельзя отрицать, что эта армия систематически разваливалась вследствие нерадивости турецкого правительства и безграничного господства турецкой лени, фатализма и тупости. Более того, обнаруженных фактов теперь вполне достаточно, чтобы доказать, что даже прямая измена, обычное явление в Турции, сыграла не малую роль в падении Карса.

Еще в самом начале прошлогодней кампании мы имели возможность рассказать нашим читателям об отчаянном положении турецкой армии в Эрзеруме и Карсе и о тех огромных хищениях, которыми это положение было вызвано. Для обороны Армянского нагорья было сосредоточено два армейских корпуса, малоазиатский и месопотамский, и часть сирийского корпуса. Эти корпуса были усилены своими редифами, то есть резервными батальонами, и составляли ядро многочисленных курдских и бедуинских иррегулярных войск. Однако четыре или пять неудачных сражений в 1853 и 1854 гг., начиная со сражения под Ахалцихом и кончая сражением под Баязетом, сломили сплоченность и боевой дух этой армии, а недостаток одежды и продовольствия в зимние месяцы окончательно ее погубил. В штабе армии, хотя и не занимая никаких официальных постов, собралась пестрая компания венгерских и польских эмигрантов, среди которых были и авантюристы и вполне достойные люди. В глазах невежественных, завистливых и интригующих пашей авантюристы могли сойти за специалистов первого

ранга, а с действительно полезными людьми из числа этих эмигрантов обращались как с авантюристами; в результате началась настоящая свистопляска тщеславия и интриг, дискредитировавшая эмигрантов в целом и уничтожившая почти все следы их влияния. Затем появились английские офицеры, которые были встречены с большим почетом, как того требовал долг вежливости по отношению к союзному правительству и что было естественно при крайней беспомощности турецких командиров. Но попытка этих офицеров поднять в какой-то степени боевой дух армии, действующей в Армении, также не удалась. Своими усилиями они могли иногда вывести на время того или другого пашу из состояния полной апатии, добиться сооружения самых необходимых оборонительных укреплений в Карее, предупредить иной раз какой-нибудь вопиющий случай казнокрадства или даже тайный сговор с противником, — но это и все. Когда прошлой весной генерал Уильямс напрягал все силы, чтобы добыть для Карса самые необходимые запасы продовольствия, он все время наталкивался на препятствия. Турецкое интендантство не предполагало возможности осады и не позаботилось о лошадях для подвоза припасов. Когда выяснилось, что имеется достаточное количество ослов, оно нашло оскорбительным для чести султана перевозить на них принадлежащие ему грузы и так далее; в результате Карс, этот оплот Армении, расположенный на расстоянии всего двух переходов от русской крепости Гюмри, остался фактически совсем без всякого продовольствия и вынужден был добывать провиант для себя в окрестностях. Так же обстояло дело с боевыми припасами. После атаки, произведенной русскими 29 сентября, боевых припасов для артиллерии осталось лишь дня на три, хотя следует напомнить, что осады по существу и не было, — день 29 сентября был единственным днем настоящего сражения за все время блокады. В санитарных ящиках, присланных для армии, содержалось всякое старье, а хирургам, чтобы зондировать раны и ампутировать конечности, из Константинополя доставляли акушерские инструменты!

Таково было положение в Карсе. И если гарнизон, состоящий из деморализованных анатолийских войск, смог с такими скудными средствами оказать столь отчаянное сопротивление 29 сентября и так долго держаться после этого, несмотря на голод, то это один из тех искупающих фактов турецкой истории, которыми так изобилует нынешняя война. Тот же фатализм, который ведет к равнодушию и бездействию верхов, порождает упорное сопротивление в массах. Это последние остатки того воинственного духа, благодаря которому знамя ислама было

некогда пронесено от Мекки до Испании и остановлено лишь у Пуатье[299]. Его наступательной силы больше не существует, но следы его способности обороняться сохранились. Упорство в сопротивлении за крепостными стенами и валами типично для турок; было бы грубой ошибкой объяснять это упорство присутствием там европейских офицеров. Если последние и были в Карсе и Силистрии в 1854 и 1855 гг., то их не было в Варне, в Браилове, в Силистрии в 1829 г., когда совершались такие же геройские подвиги[300]. Европейские офицеры могли в этих условиях только исправлять ошибки, укреплять редуты, вносить единство в систему обороны, предупреждать прямую измену. Но личная храбрость солдат была всегда одинакова, независимо от присутствия европейцев; не было в ней недостатка и в Карсе даже среди дезорганизованных войск почти совершенно разложившейся анатолийской армии.

И тут мы должны дать оценку заслугам английских офицеров, сыгравших видную роль в обороне Карса и находящихся теперь в плену в Тифлисе. Не подлежит сомнению, что ими было сделано очень много для подготовки средств сопротивления, что им целиком принадлежит заслуга в деле укрепления города и снабжения его всем, чем только было возможно, что они преодолели сонное бездействие пашей и руководили обороной 29 сентября. Но нелепо приписывать им, как это делает сейчас английская печать, всю честь победы 29 сентября и обороны в целом и изображать их в виде кучки героев, покинутых в минуту опасности трусливыми турками, ради которых они жертвовали собой. Что во время штурма они были в первых рядах бойцов — этого мы и не думаем отрицать. Англичанин по натуре очень драчлив, и поэтому английский офицер больше всего и чаще всего грешит в бою именно тем, что забывает о своих обязанностях командира и сражается как простой солдат. Он поступает так в уверенности, что его ожидают восторженные похвалы его соотечественников, между тем как в любой другой армии он рисковал бы в этом случае быть разжалованным за недостаток присутствия духа. Но, с другой стороны, турецкий солдат настолько привык видеть своих собственных офицеров удирающими от опасности, что в пылу боевого воодушевления он меньше всего думает о каких-то офицерах или приказе, а сражается там, где случайно оказался; во всяком случае, он не такой человек, которого может привлечь и тем более воодушевить то, что рядом с ним полдюжины англичан стараются показать свою храбрость. Что планы укрепления Карса были составлены совершенно неправильно — мы подробно показали на другой же день после получения известия о штурме 29 сен-

тября, и высказанное нами тогда суждение было полностью подтверждено официальным планом этих укреплений, опубликованным английским правительством. Следовательно, заслуги английских офицеров в Карсе приходится, таким образом, расценивать согласно французской поговорке: «в королевстве слепых и кривой — король». Многие из тех, кто не сумел приобрести достаточных знаний и выдержать экзамен на подпоручика во Франции, могли бы сойти за крупных генералов в Индокитае; и если английские офицеры у себя в стране славятся некомпетентностью в вопросах своей профессии, то вряд ли можно ожидать, что, находясь на службе в Турции, они окажутся вдруг озаренными светом знаний и военных талантов. Мы лично считаем, что Кмети заслуживает не меньшей похвалы, чем все другие участники обороны Карса.

Таково было положение дел в Карсе, а что в это время происходило в Эрзеруме? Около дюжины старых пашей проводили время за курением своих трубок, совершенно не сознавая, что на них лежит какая-то ответственность, что Карс находится в тяжелом положении и что неприятель стоит на расстоянии нескольких переходов, по ту сторону холмов Деве-Бойюн. Несколько тысяч солдат регулярных войск в сопровождении небольшого количества иррегулярных частей двигались взад и вперед, ни разу не рискнув напасть на противника, и отступали при первом обнаружении его аванпостов. Не было ни сил, ни смелости оказать помощь Карсу, и поэтому город голодал, а эрзерумская армия не отважилась предпринять хотя бы демонстративные действия в его поддержку. Генерал Уильяме, вероятно, знал, что ему нечего было рассчитывать на помощь с этой стороны. Но какие донесения он получал об успехах передвижения Омер-паши и что ему обещали, — об этом у нас нет данных. Ходили слухи, что Уильямс решил в крайнем случае прорваться с гарнизоном сквозь ряды русской армии, однако мы сомневаемся, чтобы такой план мог быть задуман всерьез. Гористая местность с очень немногими проходами, которыми можно было бы добраться до Эрзерума, предоставляла все выгоды русским; если бы русские прочно заняли несколько имеющихся там дефиле, этот план оказался бы неосуществимым. К тому же в местности, которая расположена на высоте в 5—8 тысяч футов над уровнем моря и в которой зима наступает очень рано и продолжается от 6 до 9 месяцев, передвижения войск к концу октября становятся невозможными. Если бы Каре смог продержаться до зимы, то потеря гарнизона в 6000 человек регулярных войск ничего не значила бы в сравнении с выигрышем времени, полученным благодаря длительной

обороне. Эрзерум, где сосредоточены все турецкие военные склады в Армении, почти не имел укреплений, и выигрыш времени обеспечивал *ему* безопасность до мая 1856 года; в то же время действительное преимущество, которого добились бы русские, ограничилось бы фактическим обладанием населенными пунктами, расположенными на реках Карс-чае и верхнем Араксе, ни один из которых нельзя было бы у них оспаривать, даже если бы гарнизону Карса удалось пробиться к Эрзеруму. Последний почти не был укреплен, и если бы гарнизон Карса успел дойти до Эрзерума к середине октября, все равно силы были бы недостаточны для его защиты. В качестве открытого города его можно было бы защищать только у Деве-Бойюн, дав сражение перед городом, в ущелье. Эрзерум был, таким образом, спасен благодаря выдержке гарнизона Карса.

Снова возникает вопрос, мог ли Омер-паша спасти Карс. и почти каждый европейский корреспондент на Востоке отвечает на этот вопрос по-своему. Даже теперь пытаются свалить всю вину за падение Карса на Омер-пашу, и эти попытки исходят как раз из тех самых кругов, которые еще недавно всячески его превозносили. Прежде всего надо учесть, что фактически Омер-пашу задерживали в Крыму томимо его воли, пока не оказалось слишком поздно, чтобы предпринять до зимы действия сколько-нибудь крупного масштаба. Затем, когда он прибыл в Константинополь, чтобы определить .свой план военных действий, ему пришлось тратить время на борьбу со всевозможными интригами. Наконец, когда все было готово, обещанных английских транспортов не оказалось, и когда турецкая армия была сосредоточена около Батума, а позднее близ Сухум-Кале, она оказалась без продовольствия, без боевых припасов и транспортных средств. Трудно себе представить, как при таких обстоятельствах можно было рассчитывать на то, что Омер-паша двинется прямо на помощь Карсу. Мы видели, что во время своей мингрельской экспедиции он ни разу не рискнул удалиться от побережья дальше, чем на расстояние двух-трех дней пути, а между тем он шел тогда по хорошим русским военным дорогам. Но если бы он пошел к Карсу через Эрзерум или через Ардаган, он должен был бы отдалиться от берега на расстояние двадцати-или двенадцатисуточного перехода и двигаться по руслам рек и торным тропинкам, по которым, кроме как на вьючной лошади, груза не перевезешь. У караванов, идущих из Трапезунда в Эрзерум, нет других дорог, и тот факт, что они никогда не пользуются повозками, лучше всего доказывает, по какой местности им приходится передвигаться. И это вообще единственный проторенный путь; что касается так называемых дорог

из Батума в глубь страны, то наличие их еще более проблематично, так как большого движения по ним не происходит. Мудрым военным критикам, упрекающим Омер-пашу в том, что он не пошел прямо на Карс, следовало бы сначала ознакомиться с рассказами лиц, которые путешествовали по этим местам, — например, с описаниями Керзона или Боденштедта[301]. По поводу же замечания лондонской газеты «Times», что генерал Уильямс указал Омер-паше на Батум как на исходный пункт для прямого похода на Карс, мы можем лишь сказать, что Уильямс слишком хорошо знает Армению, где он прожил много лет, чтобы давать подобные советы.

При существующих условиях самое лучшее, что мог сделать Омер-паша, — это создать угрозу коммуникационным линиям русских перед Карсом. Насколько успешно он мог это выполнить, зависело от подвижности его собственной армии и от численности противостоящих ей сил русских. Не останавливаясь на первом вопросе, так как об этом можно судить только на основе свершившихся фактов, мы с самого начала заявляли, что, по всей вероятности, русские окажутся слишком крупной силой для этой нападающей армии. Наш первоначальный и, как выяснилось, совершенно правильный подсчет имевшихся у Бебутова сил показал, что даже в Кутаисе русские могли бы, совершив небольшую перегруппировку, выставить против турок превосходящие их силы. Так они и сделали. Даже при условии беспрепятственного передвижения Омер-паша не мог бы с армией, находящейся в его распоряжении, форсировать переправу через Рион. К тому же запаздывание со снабжением и нерегулярность его с самого начала затрудняли все действия Омер-паши. После каждых двух-трех переходов ему приходилось останавливаться чуть ли не на неделю, чтобы создать самые необходимые запасы продовольствия, и когда он продвинулся, наконец, на расстояние трех дней пути от Редут-Кале в глубь страны, то был совершенно парализован. Оказавшись в то же время перед лицом более сильной армии, Омер-паша вынужден был отступить к побережью, а русские последовали за ним, весьма сильно беспокоя его арьергард. В настоящее время турецкая армия, серьезно пострадавшая как от столкновений с противником, так и от болезней, расположилась биваком на побережье и переправляется в Батум, Трапезунд и другие места. Мингрелия, за исключением береговых фортов, снова в руках русских.

Этим заканчивается третья удачная кампания русских в Азии: Карс и его пашалык завоеваны; Мингрелия освобождена от неприятеля; последний остаток турецкой действующей армии — армия Омер-паши — значительно ослаблен как в численном,

так и в моральном отношении. Это немаловажные результаты в таком районе, как юго-западный Кавказ, где все операции неизбежно замедляются из-за характера местности и недостатка дорог. И если сопоставить эти успехи и действительные завоевания с тем фактом, что союзники заняли Южную сторону Севастополя, Керчь, Кинбурн, Евпаторию и несколько фортов на Кавказском побережье, то станет ясно, что достижения союзников фактически не так уж велики, чтобы оправдать бахвальство английской печати. Весьма знаменательно, что парижская газета «Constitutionnel» в статье, инспирированной французским двором, прямо называет лорда Редклиффа главным виновником неудач в Азии, обвиняя его в том, что он не только мешал Порте получить ассигнованные ей союзниками средства, но и побуждал ее задерживать как можно дольше подкрепления, предназначавшиеся для этого театра военных действий.

Написано Ф. Энгельсом около 11 января 1856 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4608, 25 января 1856 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЙНА

Система ведения войны, которую западные державы применяли в борьбе против России, потерпела полный провал. Кампанию нынешнего года, если такая кампания состоится, нельзя будет вести по тому плану, которого придерживались до сих пор. Сосредоточить все силы Франции, Англии, Турции и Сардинии против одного пункта в Крыму, против пункта, овладеть которым можно было бы попутно, действуя окольным путем; бороться за этот пункт целых одиннадцать месяцев и в результате овладеть только половиной его; настолько пренебречь всеми другими возможностями нанести противнику решающие удары, что Россия смогла захватить Карс, компенсировав тем самым потерю Южной стороны Севастополя, — так можно было вести одну-две кампании в войне, в которой самые уязвимые места воюющих сторон были защищены нейтралитетом Центральной Европы. Но дальше так дело не пойдет. Заседавший только что в Париже военный совет служит наилучшим доказательством того, что теперь мы будем иметь нечто вроде войны всерьез, если только война вообще будет продолжаться[302].

Война, как она велась до сих пор, означала официальные враждебные действия, смягчаемые необычайной вежливостью. Мы имеем здесь в виду не вежливость, которая необходима во взаимоотношениях, когда выбрасываются парламентерские флаги, а ту вежливость, которую проявляют в отношении неприятеля сами военные советы воюющих сторон. Возникновение войны объясняется просчетом со стороны императора Николая. Он никак не ожидал, что Франция и Англия объединятся, чтобы противодействовать его замыслам в отношении

Турции; он рассчитывал на небольшую спокойную войну только с султаном, на войну, которая могла бы вторично привести его войска под стены Константинополя[303], поднять на ноги европейскую дипломатию, когда уже будет поздно, и, наконец, дать возможность его собственным дипломатам добиться, как обычно, на конференциях и конгрессах вдвое больше того, что его войска могли бы завоевать с помощью оружия. К несчастью, неожиданно и против своей воли Россия и западные державы, сами того не замечая, оказались втянутыми в связи с этим в войну; пришлось воевать, хотя никто из них этого не хотел. Между тем у каждой из сторон имелся в перспективе такой способ ведения войны, который, по ее расчетам, должен был удержать другую сторону от применения крайних средств. Ожидали, что война будет войной за принципы, что она будет носить более или менее революционный характер и что в ней примут участие Германия и зависящие от нее страны — Венгрия, Польша, Италия. Ultima ratio* Запада состояло в развязывании борьбы угнетенных национальностей — Венгрии, Польши, Италии, а также в известной мере — борьбы в самой Германии. Ultima ratio России заключалось в апелляции к панславизму, в осуществлении мечтаний, которые лелеялись в течение последних пятидесяти лет энтузиастами из среды славянского населения Европы.

Но ни русское правительство, ни правительство Луи Бонапарта (не говоря уже о Пальмерстоне) не хотели прибегать к подобным средствам без крайней нужды, и в результате война велась на основе взаимной снисходительности и учтивости, едва ли обычных для взаимоотношений между легитимными монархами старых династий, и уже конечно необычных между такими выскочками и узурпаторами, как Романовы, представители Ганноверской династии и псевдо-Бонапарты. Балтийское побережье России едва было задето войной; никаких попыток прочно обосноваться на нем предпринято не было. Там, как и на Белом море, частное имущество подвергалось гораздо большей опасности, чем государственное; особенно на финском побережье, где, как казалось, единственной целью английской эскадры было примирение финнов с русским господством. Подобным же образом действовали союзники и на Черном море. Отправленные туда союзные войска явились словно для того, чтобы заставить турок желать русского вторжения; только к такому заключению и можно прийти на основании поведения союзников с 1854 г. вплоть до сегодняшнего дня. Самый безобидный период пребывания союзников в Турции приходится на

* — Крайнее средство, последний довод. *Ред.*

время их стоянки в Варне, когда, не будучи в состоянии сделать что-нибудь полезное, они, по крайней мере, не причиняли серьезного вреда никому, кроме самих себя. Наконец, они отправились в Крым. Там они ухитрились вести войну так, что русское правительство имело все основания быть ими очень довольным. Недавно герцог Кембриджский роздал множество медалей французским солдатам, вернувшимся из Крыма; но никакие медали, кресты, большие кресты, звезды и ленты. пожалованные русским правительством, не могли бы выразить ту признательность, которую оно должно питать к руководителям кампании 1854—1855 годов. В самом деле, к тому времени, когда русский гарнизон оставил Южную сторону Севастополя, союзники потеряли 250000 человек убитыми и ранеными и израсходовали миллионы денежных средств. Русские, всякий раз терпевшие поражение в открытом бою, побивали своих врагов решимостью, энергией и искусством своего начальника инженерной службы*. Если Инкерман был несмываемым позором для русских, то возведение русскими редутов на Сапун-горе и Мамелоне, под самым носом у противника, явилось несмываемым позором для англичан и французов. К тому же ясно, что Севастополь не истощил силы России в такой мере, как силы союзников, ибо он не помешал русским взять Карс.

Падение Карса является, действительно, самым позорным событием для союзников. Располагая огромными военными силами на море, имея с июня 1855 г. армию, численно превосходящую действующую армию русских, они ни разу не совершили нападения на наиболее слабые пункты России — на ее закавказские владения. Больше того, они позволили русским организовать в этом районе самостоятельную операционную базу, нечто вроде наместничества, способного держаться некоторое время при нападении превосходящих сил, даже если коммуникации с самой Россией окажутся прерванными. Но не удовлетворившись этим и не учтя горького опыта систематических поражений, которые несла турецкая армия в Азии в 1853— 1854 гг., они помешали армии Омер-паши исправить положение в Азии, так как держали ее в Крыму, причем и в Крыму разрешали ей лишь рубить дрова и таскать воду для своих войск. Таким образом, с того момента, когда на всем побережье от Керченского пролива до Батума были полностью ликвидированы опорные пункты русских, следовательно, после того, как была занята линия, на которой можно было найти десять-пятнадцать пунктов в качестве операционных баз для любых

* — Тотлебена. *Ред.*

действий против Кавказа или Закавказья — этого, как мы часто указывали, самого слабого места России — ничего не предпринималось, пока не оказалось, что Карс в тяжелом положении, а эрзерумская армия не способна что-нибудь сделать. Тогда Омер-паше была разрешена его злополучная экспедиция в Мингрелию, — но было уже поздно исправлять положение.

Упорство, с которым союзники сосредоточивали все военные усилия на полуострове, размерами не больше Лонг-Айленда, бесспорно помогло им обойти все неприятные вопросы. На сцене не появились ни национальности, ни панславизм, ни трудности с Центральной Европой, ни необходимость в захвате территорий; не были также достигнуты значительные и решающие результаты, которые могли бы затруднить предстоящие переговоры, так как заставили бы потребовать от одной из сторон согласия на большие жертвы. Однако для непосредственных участников кампании все это далеко не так приятно. Для них, по крайней мере начиная со старшего сержанта и ниже, война была суровой действительностью, неумолимым фактом. Никогда еще, с тех пор как существуют войны, столь блестящая храбрость не расточалась ради таких несоразмерных ей результатов, как в эту крымскую кампанию. Никогда еще такое количество превосходных солдат не приносилось в жертву и за такой короткий срок для достижения столь сомнительных успехов. Ясно, что заставлять армии вновь терпеть подобные страдания невозможно. Нужны более ощутимые результаты, чем пустая «слава». Нельзя продолжать войну, давая лишь два больших сражения и проводя четыре-пять генеральных штурмов в год, и не двигаться при этом с места. Никакая армия этого долго не выдержит. Никакой флот не выдержит третьей кампании столь же безрезультатной, как и две предыдущие, на Балтийском и Черном морях. Если война будет продолжаться, то, как нам говорят, предстоит вторжение в Финляндию, Эстонию, Бессарабию; обещают помощь со стороны шведских войск, а также демонстрации со стороны Австрии. В то же время стало известно, что Россия приняла австрийские предложения как основу для переговоров[304], и хотя это далеко еще не решает вопроса о мире, но все же открывает возможность окончания войны.

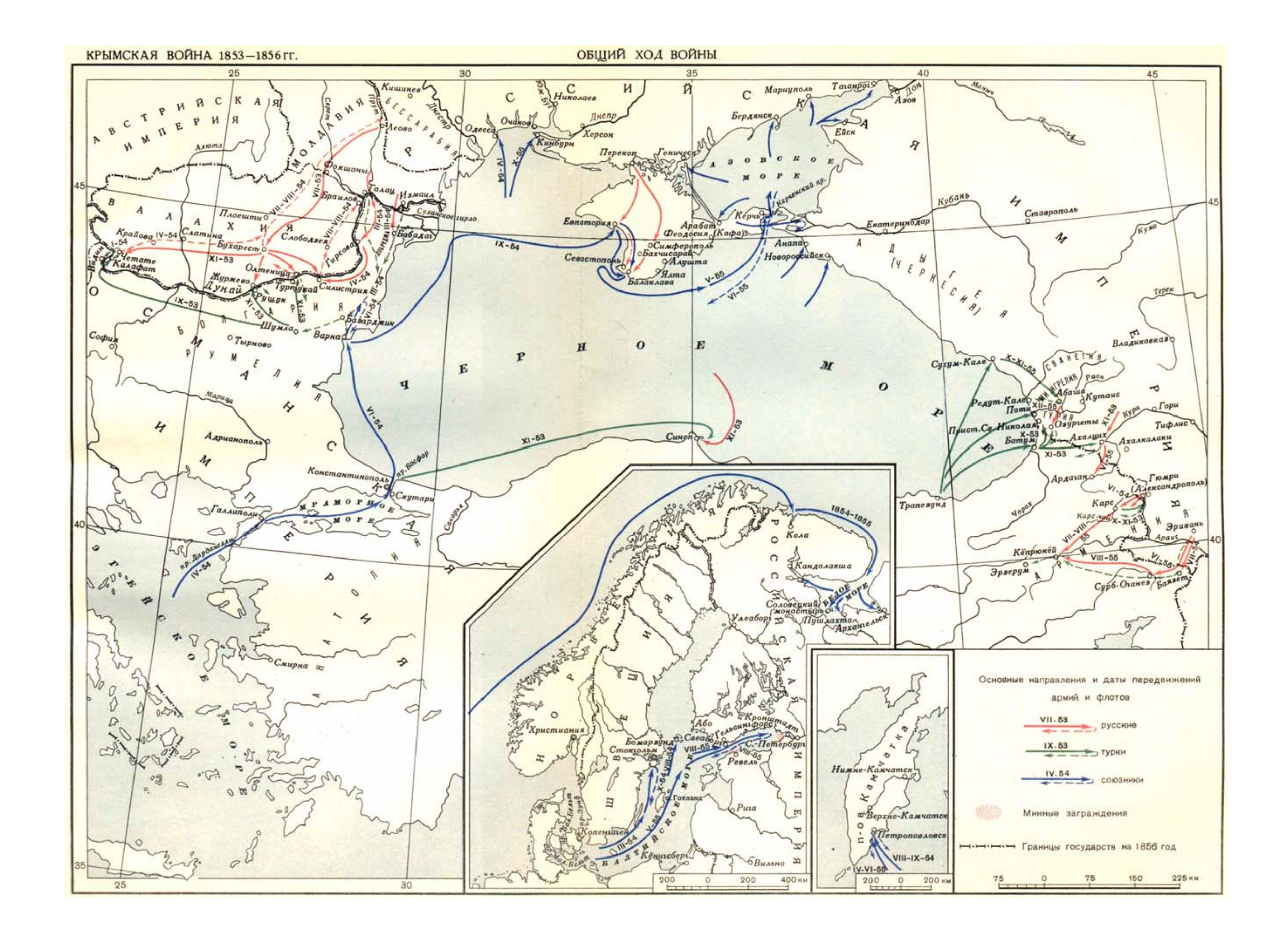
Таким образом, возможно, что новой кампании не будет; но если ей суждено быть, то можно предположить, что она будет вестись в более крупных масштабах и более у спешно, чем до сих пор.

Написано Ф. Энгельсом около 18 января 1856 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4616, 4 февраля 1856 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

КРЫМСКАЯ ВОЙНА 1853—1856 гг.
ОБЩИЙ ХОД ВОЙНЫ
Основные направления и даты передвижений армий и флотов
VII.53 русские
IX.53 турки
IV.54 союзники
Минные заграждения
Границы государств на 1856 год
75 0 75 150 225 км
200 0 200 400 км
200 0 200 км
АВСТРИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
МОЛДАВИЯ
БЕССАРАБИЯ
ВАЛАХИЯ
БОЛГАРИЯ
РУМЕЛИЯ
ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
АНАТОЛИЯ
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
АЗОВСКОЕ МОРЕ
МРАМОРНОЕ МОРЕ
ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ
АДЫГЕ (ЧЕРКЕСИЯ)
АРМЕНИЯ
СВАНЕТИЯ
МИНГРЕЛИЯ
ГУРИЯ
Кишинев
Леово
Фокшаны
Браилов
Галац
Измаил
Плоешти
Слатина
Крайова
Бухарест
Слободзея
Гирсово
Ольтеница
Калафат
Четате
Журжево
Рущук
Туртукай
Силистрия
Шумла
Базарджик
Варна
София
Тырново
Адрианополь
Константинополь
Скутари
Галлиполи
пр. Дарданеллы
пр. Босфор
Смирна
Синоп
Трапезунд
Одесса
Очаков
Николаев
Херсон
Кинбурн
Перекоп
Геническ
Евпатория
Симферополь
Бахчисарай
Севастополь
Алушта
Ялта
Балаклава
Арабат
Феодосия (Кафа)
Керчь
Анапа
Новороссийск
Мариуполь
Таганрог
Азов
Бердянск
Ейск
Екатеринодар
Ставрополь
Владикавказ
Сухум-Кале
Редут-Кале
Поти
Абаша
Кутаис
Пристань Св. Николая
Озургеты
Батум
Ахалцих
Ахалкалаки
Тифлис
Гори
Ардаган
Гюмри (Александрополь)
Карс
Эривань
Кёпрюкёй
Эрзерум
Баязет
Дунай
Днепр
Днестр
Прут
Кубань
Кура
Аракс
Терек
Кола
Кандалакша
Соловецкий монастырь
Пушлахта
Архангельск
Улеаборг
Або
Гельсингфорс
Свеаборг
Кронштадт
С.-Петербург
Ревель
Бомарзунд
Стокгольм
Готланд
Рига
Копенгаген
Кенигсберг
Вильно
Христиания
НОРВЕГИЯ
ШВЕЦИЯ
БЕЛОЕ МОРЕ
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
Нижне-Камчатск
Верхне-Камчатск
Петропавловск
п-ов Камчатка

К. МАРКС

АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЙ КОНФЛИКТ. — ПОЛОЖЕНИЕ ВО ФРАНЦИИ [305]

Лондон, пятница, 8 февраля 1856 г.

За исключением продажных господ из правительственной прессы, никто, кажется, в Англии не верит в серьезность англоамериканского конфликта[306]. Одни рассматривают его как уловку, рассчитанную на то, чтобы отвлечь внимание от мирных переговоров. Другие утверждают, что Пальмерстон будет добиваться взаимного отозвания послов, после того как уйдет в отставку, как это сделал Питт перед заключением Амьенского мира[307], с тем, чтобы вернуться, когда снова понадобится истинно английский министр. Судя по тому, как ведется полемика, некоторые весьма проницательные люди считают все это обычной предвыборной уловкой президента*. Демократическая печать усматривает в этом закулисную игру Бонапарта, находящего удовольствие в разжигании междоусобной войны среди англосаксов по обе стороны Атлантического океана. Однако все совершенно уверены, что каким бы резким ни был официальный язык, нет ни малейшей опасности военного конфликта. Такого же взгляда, как видно, придерживается и французская правительственная газета «Constitutionnel», предлагающая своего хозяина в качестве миротворца как для Старого, так и для Нового света.

Главное обстоятельство, которое не следует упускать из виду при оценке данного конфликта, это почти полное прекращение на деле entente cordiale между Англией и Францией, что более или менее открыто признается английской прессой. Взять, например, лондонскую газету «Times», которая еще

* — Пирса. *Ред.*

недавно объявляла теперешнего Бонапарта более великим человеком, чем был настоящий Наполеон, и предлагала изгнать всех злонамеренных людей, не признающих этого вероучения. Теперь же в одной из ее передовиц проводится мысль, что единственным препятствием к заключению мира является излишнее рвение, проявленное в этом вопросе Бонапартом. За этой статьей последовала другая, намекающая на то, что сие «избранное орудие провидения», — в конце концов, не более как средство pis aller*, к которому французское общество прибегло лишь потому, «что не нашлось ни одного человека, которого нация могла бы облечь своим доверием и уважением». В третьей статье «Times» поносит весь штаб его генералов, министров, чиновников и т. д. как разношерстную банду биржевых хищников. Язык провинциальной английской прессы еще менее сдержан. С другой стороны, обратите внимание на изменившийся тон французских газет, на их грубую лесть и угодливость в отношении России, представляющие столь резкий контраст с их сдержанной антипатией к Англии. Обратите также внимание на весьма определенную угрозу создания единой континентальной коалиции, в пользу которой высказываются австрийские, бельгийские и прусские газеты. Наконец, возьмите русскую прессу, которая в своих проповедях мира нарочито обращается к одной Франции и почти не упоминает об Англии.

«На горизонте показалась радуга мира», — пишет «Северная пчела», — «приветствуемая всеми друзьями цивилизации... В эти два года войны с четырьмя державами народ русский выказал в полной мере свой высокий и благородный характер и стяжал уважение даже неприязненных народов... Что касается Франции, то можно утвердительно сказать, что весь французский народ любит и уважает русских, восхищается их храбростью и самоотвержением и при всяком случае оказывает им свое сочувствие, — во время кратких перемирий в Крыму и при проходе русских пленных через Францию. И русские, со своей стороны, обращались с пленными французами, как с братьями»[308].

Брюссельская газета «Le Nord» прямо намекает, что Бонапарт с самого начала поощрял посредничество Австрии с намерением при первом же удобном случае отказаться от союза с Англией.

Итак, поскольку союз с Францией может вот-вот смениться разрывом с этой страной, то ясно, что Англия, все еще находящаяся в состоянии войны с Россией, не собирается затевать войну с Америкой, и поэтому разногласиям между этими правительствами нельзя придавать иного значения, чем то, о котором уже говорилось.

* — на худой конец. *Ред.*

Мир в самой Европе отнюдь нельзя считать обеспеченным. Что касается условий, предъявленных России союзниками, то факт их принятия вряд ли можно рассматривать как проявление уступчивости с ее стороны. Уступка какой-то неведомой полосы земли в Бессарабии, отмеченной таинственной горной цепью, которую нельзя найти ни на одной географической карте, более чем компенсируется упорным молчанием по поводу захвата русскими Карса, подозрительно названного после этого в одной петербургской газете русской провинцией. Тем временем, умело используя перемирие и другие возможности, какие могут ей представиться в ходе дела, Россия, сосредоточив свои вооруженные силы во всех важнейших пунктах, возможно, захочет продолжать войну. Однако верным залогом мира является то обстоятельство, что для Бонапарта сделалось настоятельно необходимым заключить его во что бы то ни стало. Ибо, с одной стороны, у него не хватает средств для продолжения войны, а с другой — назревает необходимость повторить крымскую экспедицию, как выразился Монталамбер по поводу римской экспедиции, «внутрь самой Франции»[309].

Незадолго до принятия Россией предварительных условии мира в Париже было очень распространено мнение, что Бонапарт предполагает выпустить принудительный заем, который должен размещаться пропорционально сумме прямых налогов. О том, что его казна *пуста,* убедительно свидетельствует состояние французской армии в Крыму. Корреспонденты недавно отмечали плачевное положение, в котором находятся войска Пелисье. Нижеследующее правдивое описание принадлежит перу одного британского унтер-офицера, приславшего в «Birmingham Journal» письмо из Севастополя от 5 января.

«Сегодня с утра была прекрасная погода. Около 3-х часов подул сильный северный ветер, и так крепко стало морозить, что мы скоро были вынуждены застегнуться на все пуговицы. Наши солдаты не страдают от холода, но бедных французов очень жаль. Они все время таскают на себе топливо из Севастополя, скверно одеты и, полагаю, хуже нас питаются. Во всякое время дня кто-нибудь из них всегда бродит в поисках сухарей. Наши солдаты жалеют их и очень добры к ним. Наши часовые получили приказ не пропускать их в лагерь, ибо некоторые из них имели привычку продавать коньяк, что привело к случаям пьянства среди наших солдат. Но иногда бедным французам удается миновать часовых и проникать к bono Inglis*. Наши солдаты, конечно, знают, чего им нужно, и никогда не отсылают их с пустыми руками. Бедняги, у них нет даже перчаток, чтобы согреть руки. Единственное, что прибавилось у них с лета — это капюшоны к шинелям и по паре гетр из грубого сукна, которые завязываются у колена несколькими ремешками. Носков они не носят, а сапоги они когда-то *имели.* Действительно, французы представляют собой воплощение нужды; и они это чувствуют, в особенности когда видят британских

* — добрым англичанам. *Ред.*

солдат в теплых тюленевых шапках, в суконных шинелях на меху, с широкими шарфами на шее и вокруг пояса и в хороших крепких из бычьей кожи сапогах до колен».

Как видно, состояние финансов Наполеона довольно плачевное, если он оставляет армию, которая является всем для него, в только что описанном положении. С другой стороны, тот факт, что эти два года войны уже обошлись дороже, чем все походы его дяди за период с 1800 по 1815 г., свидетельствует о том, каково управление этими финансами. Говорят, что даже бонапартистские генералы, возвратившись из Крыма, с возмущением отзывались о бесстыдном обогащении Морни и К° за счет армии. Эти протесты были опубликованы в одной полуофициозной газете, где говорилось:

«Если будет заключен мир, император обратит все свое внимание на финансовые дела, и в особенности на некоторые злоупотребления, получившие столь широкое распространение в условиях спекулятивной горячки, например, на случаи совмещения несовместимых должностей и на некоторые слишком быстро приобретенные крупные состояния».

Между тем среди университетской молодежи, в рабочем классе, среди некоторой части буржуазии и, что хуже всего для Бонапарта, в армии наблюдаются признаки революционного настроения.

По поводу истории с Ecole Polytechnique[310] стало известно, что Бонапарт вначале подумывал о компромиссе со школой, хотя и очень был раздражен упорным молчанием студентов 29 декабря, когда он разыгрывал роль римского сената по отношению к армии (подобно тому, как он любит разыгрывать роль римского императора по отношению к своему сенату). Студентам дали понять, что император склонен сохранить их учебное заведение, если они при первой предоставленной им возможности проявят свои симпатии к его династии. На это Ecole ответила через своих делегатов, что студенты не только не будут кричать: «Vive l'Empereur!»[*], но и выгонят из школы любого из своих товарищей, кто посмеет произнести эти слова. После подобного ответа последовало решение о закрытии этого анархистского заведения. Та часть студентов, которая предназначалась для военной службы, будет переведена в Венсенн, где будет образована простая артиллерийская школа. Другая часть, предназначаемая для гражданской службы, будет переведена в Ecole Normale[311]. Само здание будет приспособлено под казармы. Таков конец этого любимого заведения Наполеона Великого.

Тюрьма Мазас переполнена студентами парижского университета и другими молодыми людьми, которые на похоронах

[*] — «Да здравствует император!» *Ред.*

скульптора Давида выкрикивали: «Vive la liberte!»*. Одно обстоятельство, связанное с демонстрацией против Низара, было особенно неприятно Бонапарту. После полицейских налетов, когда был арестован ряд студентов, освиставших Низара за то, что он прославлял Тиберия как спасителя римского общества, оставшиеся на воле студенты построились в ряды, прошли через весь Париж, подошли к дому Низара на улице Курсель и потребовали, чтобы он добился освобождения их товарищей. Посланный вслед за студентами отряд пехоты прибыл на место почти одновременно с ними. Солдаты, встреченные возгласами: «Vive la ligne!»**, немедленно приняли положение «вольно» и отказались действовать. Чтобы предотвратить дальнейшее братание, их немедленно увели и заменили sergents de ville***. Демонстрация студентов направилась в Одеон, студенты завладели партером и, не переставая, распевали «Sire de Franc Boissy»****, выкрикивая наиболее оскорбительные куплеты прямо в лицо Бонапарту и Евгении, которые сидели в ложе.

Бонапартистская пресса признает, что число арестов, произведенных в департаментах, достигает 5000; в других источниках приводится цифра 15000, которая, видимо, соответствует действительности. Этот заговор рабочих[312], как теперь выясняется, имел свои ответвления в армии. Пришлось целиком расформировать школу унтер-офицеров в Ла-Флеше и сменить все гарнизоны в центре Франции. Чтобы подавить мятежный дух в армии, Бонапарт вновь повторяет самый рискованный эксперимент времен Реставрации, насаждая в армии всеобщую систему шпионажа. Создание этого нового почетного легиона послужило поводом к весьма резким пререканиям между маршалом Маньяном и некоторыми высшими офицерами, которые считали, что это придется не по вкусу войскам.

Движение парижских рабочих, как и всегда перед наступлением серьезных событий, отмечено своими quod libets*****, самой любимой из них является следующая:

«Voila qu'il part, voila qu'il part
Le potit marchand de moutarde,
Voila qu'il part pour son pays
Avec tous ses outils» etc.******

---

* — «Да здравствует свобода!» *Ред.*

** — «Да здравствует армия!» *Ред.*

*** — полицейскими. *Ред.*

**** — «Сеньор де Фран Буаси». *Ред.*

***** — песенками о пожеланиях. *Ред.*

****** — «Вот он и уезжает, вот он и уезжает
Маленький торговец горчицей,
Вот он и уезжает в родной свой край
Со всем своим добром» и т. д. *Ред.*

Чтобы не оставалось сомнений, кто подразумевается под «маленьким торговцем горчицей», полиция запретила эту песенку.

О том, насколько уважаются бонапартистские учреждения, можно судить по одному анекдоту, напечатанному в газете «Nord». Некоторые сенаторы без колебания одобрили поступок г-на Друэн де Люиса, отказавшегося от звания сенатора, но последовать его примеру не сочли благоразумным. Когда Морни спросили, можно ли ожидать, что кто-либо из них последует этому примеру, он ответил, что у него есть веские основания предполагать обратное. «Но какие же это основания?» — спросил собеседник. «У меня имеется тридцать тысяч веских оснований, *по франку* за штуку», — невозмутимо ответил Морни.

Можно отметить еще одно обстоятельство, чрезвычайно важное при нынешнем положении французского народа. Нет необходимости снова говорить о биржевых спекулянтах, для которых и война и мир одинаково удобны. Впервые в своей истории массы французского народа проявляют равнодушие к своему прежнему неизменному увлечению — «la gloire»[*]. Этот знаменательный результат революции 1848 г. неоспоримо доказывает, что эпоха расцвета бонапартизма прошла.

Написано К. Марксом 8 февраля 1856 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4634, 25 февраля 1856 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

[*] — «славе». *Ред.*

The People's Paper.

LONDON, SATURDAY, APRIL 5, 1856.

К. МАРКС

ФРАНЦИЯ БОНАПАРТА МАЛОГО [313]

Франция Бонапарта Малого, пирующая по случаю рождения сына у Монтихо, расточающая богатства нации на смехотворный парад, «раззолоченная подобно идолам»*, эта Франция представляет собой ужасающий контраст с той Францией, которая подвергается пыткам в Кайенне, страдает в Ламбессе, изнемогает в крепости Бель-Иль[314] и гниет на каторге, с той Францией, которая гибнет от голода в Крыму, с Францией в собственно Франции, находящейся на грани банкротства.

В письме гражданина Тассилье. дословно переведенном с оригинала[315], читатель найдет подлинную, трогающую до глубины души историю французских граждан, сосланных в Кайенну. Правда, пресса истинно английского низкопоклонства в гиперболически пышных фразах трубит в уши сонному миру великую весть о безграничном великодушии и прямо-таки сверхчеловеческом милосердии колбасного героя лагеря Сатори[316], который объявляет всеобщую амнистию и заглушает первые крики своего капризного младенца возгласами ликования тысяч французов, получивших свободу и возвращенных к своим семьям.

Однако оставим продажные восторги льстецов и прислушаемся к неподкупному языку фактов. Бустрапа[317] выражает готовность дать свободу людям, которых он истязал в течение четырех лет, при условии, если они согласятся покрыть себя несмываемым позором и пройти сквозь furcae Caudinae[318] империи времен упадка. Если они объявят о своем *лояльном*

* Шекспир. «Король Генрих VIII», акт I, сцена первая. *Ред.*

подчинении империи, то есть санкционируют coup d'etat* и отрекутся от республики, если они продадут свои души, то Бустрапа готов продать им их жизнь.

«Уже при торжественном провозглашении империи, — говорит «Moniteur», — был сделан этот великодушный призыв». Таким образом, сама газета «Moniteur» открыто признает, что всеобщая амнистия, ныне рекламируемая как ошеломляющая новость, является лишь повторением избитого фарса, разыгранного четыре года назад. Гений по части подкупа льстит себя надеждой, что его жертвы низведены ныне до его собственного уровня, что они достаточно укрощены, чтобы в 1856 г. принять в виде милости то, что в 1852 г. они с негодованием отвергли как оскорбление.

«Moniteur» прикрывает свой «великодушный призыв» к низости ловко составленными подлогами и фальсификациями. Газета утверждает, будто из 11000 лиц, осужденных после июньских событий 1848 г. на ссылку в Алжир, благодаря милосердию президента, в Африке осталось только 306 человек. Но с данными той же газеты «Moniteur» в руках мы утверждаем, что из 11000 арестованных в июне 1848 г. в ноябре того же года, когда Assemblee Constituante** обсуждало выполнение декрета о ссылке, оставалось лишь 1700; что из них 1500 были отправлены в крепость Бель-Иль, а 8 марта 1849 г., во время правления министерства О. Барро, 700 из этих 1500 были направлены в Бон, в Африку. Таким образом, милость Бустрапы сократила до 306 именно эту последнюю цифру 700, а вовсе не огромное число в 11000, как говорит его лживая газета «Moniteur», и сама эта ничтожная милость была лишь маневром, направленным против Собрания. Тем не менее мы должны поблагодарить «Moniteur» за то, что она напомнила Франции о гнусных жестокостях, совершенных Кавеньяком и буржуазной республикой.

Что касается сосланных и изгнанных жертв Декабря, то та же «Moniteur» определяет их число в 11201 человек и утверждает, что теперь оно сокращено до 1058. Но жертвами coup d'etat явились более 11000 человек в одних только департаментах Нижние Альпы, Эро, Вар и Ньевр, и в настоящий момент остается, по крайней мере, 12000 человек, осужденных на изгнание или на каторгу. Хорошо известно, что от coup d'etat пострадало свыше 50000 лиц. Далее следует заметить, что «великодушный призыв» «Moniteur» обращен исключительно к лицам, отправленным в Алжир и прочие заморские владения, что в нем нет ни малейшего упоминания об осужденных из Анже,

* — государственный переворот. *Ред.*
** — Учредительное собрание. *Ред.*

о заключенных в тюрьму за участие в тайных обществах; он не касается тех, кто брошен в каторжную тюрьму выездными военными судами 1851 г., узников Бель-Иля, студентов, арестованных за то, что они освистали платных апологетов Бустрапы, и т. д. В виде компенсации «Moniteur» сообщает о полной и безусловной амнистии браконьерам, контрабандистам, фальшивомонетчикам, ворам, дезертирам, каторжникам и id genus omne*. В полном соответствии с характером империи времен упадка и предшествующими деяниями поддельного Бонапарта рождение сына должно было явиться праздником для всего этого родственного отцу сброда.

От жертв coup d'état мы переходим теперь к его орудиям, от людей, которые противились ему, к рабам, которые его осуществляли, от солдат свободы к армии в Крыму. Знаменательным историческим симптомом является то, что Бонапарт в разгар свежих иллюзий новоиспеченной династии и величайшего триумфа по поводу своего допущения в благоухающую среду прогнивших законных династий нуждается все же в признании со стороны своих несчастных жертв, а потому лицемерно добивается их примирения с империей. Однако не менее примечательным примером иронии истории является тот факт, что пока глава и члены Общества 10 декабря[319] задают в Париже пышные и расточительные пиры по поводу успеха coup d'état, армия, навязавшая Франции это отвратительное правление, искупает свое преступление в Крыму лишениями, голодом, предсмертной агонией и смертью в ее самых ужасных и мучительных формах.

В первый период восточной кампании, с ноября 1854 по март 1855 г., декабрьского выскочку превозносили как второе провидение, а изумительное военное управление прославленной империи воспевали на все лады, противопоставляя ему позорные испытания, выпавшие на долю британской армии в результате преднамеренной измены внутри страны и естественных последствий устаревшей системы. Но как в этом, так и во всех других деяниях империи времен упадка то, что принималось за реальность, оказалось лишь театральной фантасмагорией, рассчитанной на непосредственный сценический эффект. В течение двух лет Бонапарт был занят исключительно подготовкой войны. Он напрягал все силы огромного централизованного французского государства, чтобы обеспечить первые успехи своей армии**. И в самом деле, не приходится удивляться тому,

* — им подобным. *Ред.*

** В статье К. Маркса в «New-York Daily Tribune» за этим следуют слова: «которая являлась в тот момент главной опорой узурпированной им власти и еще не показала себя». *Ред.*

что даже жалкому авантюристу Страсбурга и Булони не удалось в течение двух первых лет своего никуда не годного правления разрушить замечательную организацию французской армии, завещанную первой революцией. Чудом надо считать, что ему это все же удалось в первые же два года нынешней войны. Расточив на свою Батрахомиомахию[320] больше средств, чем Наполеон Великий истратил за пятнадцать лет своей Илиады, он в начале третьего года обнаружил, что ресурсы Франции истощены, ее военное управление приведено в негодность, армия тает от нужды и лишений. Рак, разъедающий французскую армию, — воровство и растраты — составляет органический принцип империи времен упадка; понадобилось всего два года, чтобы обнаружилось его губительное действие.

Печальное положение французской армии тщательно скрывалось не только во французской, но также и в английской печати. В настоящее время об этой тайне громко говорят на всех перекрестках. Она стала истиной, которую уже больше не оспаривают после того как собственная газета Бонапарта «Moniteur» выступила с ее прямым опровержением. В данной статье достаточно привести выдержку из последнего письма севастопольского корреспондента «Times»:

«Французская армия, какой бы многочисленной она ни изображалась на бумаге, тает самым жалким образом: цинга и лихорадка опустошают ее ряды. Я недавно исчислял ее ежедневную убыль в 170 человек... Теперь и французы признают, что ежедневная смертность в их армии составляет 120 человек, а в некоторые дни значительно больше. Более всего страдает правый фланг армии, в Байдарской долине... Когда установится теплая погода, надо ожидать значительного усиления болезней... Французские списки больных будут ужасными... Французская армия тает столь же быстро, как она таяла от снарядов и выстрелов в течение самого жестокого периода осады».

Недостаток в крытых помещениях, нужда в верхней одежде и скудость питания приводятся корреспондентом в качестве главных причин страданий французов. Описав резкий холод, вследствие чего «в бараках вода в чанах промерзала на глубину в три дюйма», и почти непрерывные снежные метели, в результате которых «лишь в немногие бараки не нанесло большого количества снега», корреспондент спрашивает: что же должна была выносить французская армия в палатках, — не в бараках. тщательно снабженных всем необходимым, и не в хорошо окопанных двойных палатках, а в одинарных и незащищенных палатках? Он заканчивает заявлением, что «просто невыносимо встречать французские транспорты больных» и что маршал Пелисье тратит больше усилий на то, чтобы скрыть их от британской армии, чем на то, чтобы облегчить страдания больных.

Добавим к этому другую выдержку из «Morning Advertiser», той самой газеты, которая разделяла с газетой «Morning Post» гнусную привилегию приветствовать приход Бонапарта к власти в 1851 г. и которая по сей день прославляет лорда Пальмерстона, как истинно английского министра:

«Во французском лагере на реке Черной насчитывается 3000 больных, походные лазареты переполнены, ряды медицинского персонала поредели вследствие болезней и истощения, интендантская служба пришла в полное расстройство и не в состоянии кормить войска, люди прямо-таки выпрашивают сухари у солдат на аванпостах, цинга от недостатка растительной пищи и тиф от недостатка мяса свирепствуют со страшной силой; контраст между обеими армиями является источником открытого недовольства французских солдат. Транспортные средства недостаточны для перевозки больных в Константинополь — в тамошних госпиталях находится уже более 12000 больных, — эпидемия является настоящей катастрофой и смертность от нее ужасающа; транспорты, прибывающие с Востока в Марсель, переполнены жертвами лихорадки, и суда с тифозными больными направляются во Фриульский карантин».

Что же делать с этой быстро тающей армией?* Тешить ли ее пересказами арабской сказки о «рождестве» Алжирского короля[321] или описаниями расшитых золотом мундиров изнеженной гвардии осторожного героя? Следует помнить, что французские солдаты не склонны терпеть издевательства подобно английским. Доказательством, если оно требуется, являются неоднократные попытки во французской армии пристрелить генерала Пелисье, — факт, упомянутый в «Gazzetta di Milano», играющей у Радецкого роль «Moniteur». Не следует также думать, что линейные полки в самой Франции остаются равнодушными зрителями крымской трагедии. Парижская полиция начинает производить облавы в казармах. Зуавы, вызванные в Париж, чтобы своим видом подогреть энтузиазм публики, уже удалены из столицы, как ненадежные. Два других полка, вернувшихся из Крыма, тоже были высланы в провинцию. Антагонизм между гвардией и линейными полками с каждым днем становится все более резким, ибо Бонапарт в настоящий момент занят созданием достаточного количества новых гвардейских полков, чтобы этот привилегированный корпус мог нести гарнизонную службу в Париже без линейных частей. Подкупив армию и породив тем самым антагонизм между нею и страной, он пытается теперь подкупить армию внутри самой армии — эксперимент довольно опасный.

* В статье К. Маркса в «New-York Daily Tribune» вместо этой фразы идет следующий текст. «Что же делать с этими недовольными легионами, умирающими вследствие негодности интендантства, скандальной небрежности и открытого воровства?» *Ред.*

Для полного описания состояния *финансов* — мы не назвали бы их пятой этого необыкновенного Ахиллеса, так как пята эта слишком велика, — требуется особая статья. Здесь достаточно только сказать, что так как ценные бумаги в последнее время падали, то в связи с возвещенным заключением мира, а также рождением нового Бонапарта, естественно, ожидалось, что они непременно повысятся. Осуществление этого не было предоставлено воле случая. Не только правительство дало приказ свободно использовать наличные государственные средства для скупки государственных ценных бумаг, но и Credit Mobilier и подобные ему выросшие как грибы бонапартовские кредитные учреждения два дня подряд усиленно занимались скупкой ценных бумаг. Но несмотря на все эти маневры, в самый момент сообщения о «рождестве» вместо повышения курса бумаг произошло их падение, которое все еще продолжается. Пришедший в ярость Бонапарт запретил продажу на бирже всех ценных бумаг, кроме котирующихся по правительственному курсу, а затем приказал вызвать главных маклеров в префектуру полиции.

Когда статуя Афины Паллады падала в Парфеноне, то это событие, говорят, означало для Афинской республики роковое предвестие. То, что бюст Бонапарта зашатался на своем пьедестале в синагоге, где устанавливается рыночная цена на правительства и дисконтируется история народов, предвещает падение империи биржевой игры.

Написано К. Марксом около 1 апреля 1856 г.

Напечатано в «The People's Paper» № 205, 5 апреля 1856 г. за подписью: К. М. и в газете «New-York Daily Tribune» № 4676, 14 апреля 1856 г. в качестве передовой

Печатается по тексту «The People's Paper», сверенному с текстом газеты «New-York Daily Tribune»

Перевод с английского

К. МАРКС

ПАДЕНИЕ КАРСА[322]

Написано К. Марксом в конце марта — апреле 1856 г.

Напечатано в «The People's Paper» №№ 205, 206, 207 и 208; 5, 12, 19 и 26 апреля 1856 г.

Подпись: Карл Маркс;

опубликовано также в газете «New-York Daily Tribune» № 4671, 8 апреля 1856 г.

Печатается по тексту «The People's Paper», сверенному с текстом газеты «New-York Daily Tribune»

Перевод с английского

I

Падение Карса является поворотным пунктом в истории мнимой войны против России. Без падения Карса не было бы ни пяти пунктов[323], ни конференций, ни Парижского договора[324], одним словом, не было бы мнимого мира. К тому же, если нам удастся доказать на основе Синей книги[325] самого правительства, хотя она состряпана таким образом, что совершенно изуродована сокращениями, искажена пропусками и подкрашена и подштопана подлогами, — если нам удастся доказать, что падение Карса с самого начала было предусмотрено кабинетом лорда Пальмерстона и систематически им подготовлялось, тогда завеса будет приподнята и драма Восточной войны со всеми ее ошеломляющими событиями освободится от того тумана, которым дипломатия ее до сих пор окутывала.

В конце мая 1855 г. генерал Уильямс сообщил лорду Редклиффу, а тот лорду Кларендону, что

«к Гюмри стянуты значительные силы русских в составе 28000 человек пехоты, 7500 человек кавалерии и 64 артиллерийских орудий, и что мушир получил сообщение о намерении противника предпринять атаку Карса. В этом укрепленном лагере у нас имеется 13900 человек пехоты, 1500 человек кавалерии, 1500 артиллеристов и 42 полевых орудия».

Через неделю, 3 июня, Уильямс сообщил Кларендону:

«В настоящее время гарнизон Карса располагает продовольствием на 4 месяца, и я надеюсь, что центральное правительство и союзники скоро докажут этим остаткам армии, что о них не совсем забыли».

Это донесение (смотри карсские документы, № 231) было получено на Даунинг-стрит 25 июня. Таким образом, английское правительство в этот день было поставлено в известность,

что 3 октября Карс падет, если не получит помощи; из этого правительство исходило в своих дальнейших действиях.

11 июля лорд Кларендон получил от генерала Уильямса три донесения, датированные 15, 17 и 19 июня, в которых он последовательно сообщает о том, что имели место стычки на аванпостах, что 16 июня регулярная атака русских на укрепленный лагерь была храбро отбита турками и, наконец, что противник совершил фланговый марш к укрепленному лагерю и остановился с большими силами (30000 человек) на расстоянии одного часа ходьбы от самого слабого пункта позиции турок. Уильямс заканчивает последнее донесение следующими словами:

«К сожалению, у нас нет иррегулярной кавалерии... Противник частично уже перерезал наши коммуникации с Эрзерумом».

Когда такие же сообщения были получены в Константинополе, лорд Редклифф был приглашен на совещание во дворец великого визиря на Босфоре. Турецкие министры предложили оказать помощь Карсу, направив экспедицию из Редут-Кале через Кутаис в Грузию в следующем составе:

Контингент генерала Вивиана	20 000
» генерала Битсона	3 000
Из гарнизона Батума	12 000
Албанцев	2 000
Из Болгарии	5 000
Египетская регулярная кавалерия	800
Тунисская кавалерия	600
Всего	43 400

Порта выразила свое согласие на то, чтобы командование этой экспедицией было возложено на англичанина и чтобы обязанности командира выполнял генерал Вивиан. Об этом предложении лорду Кларендону стало известно 11 июля. 12 июля лорд Редклифф дополнительно телеграфировал ему:

«Подготовка к возможной экспедиции ведется. Можно было бы сберечь много драгоценного времени, если бы Вы сразу по телеграфу информировали меня, готово ли правительство санкционировать крупную диверсию через Редут-Кале и Кутаис в Грузию».

За период с 25 июня по 12 июля английское правительство, осведомленное об опасности, грозящей Карсу, и пальцем не шевельнуло, чтобы прийти на помощь крепости: ни разу не прибегли к телеграфу. Но с того самого дня, когда было решено расстроить любой турецкий план помощи Карсу, правительство вдруг стало проявлять лихорадочную деятельность, 13 июля

(смотри карсские документы, № 248) Кларендон отправил Редклиффу депешу следующего содержания:

«Правительство ее величества полагает, что было бы более разумным послать подкрепления в тыл турецкой армии, вместо того чтобы посылать экспедицию в тыл русской армии. Подкрепления могли бы направиться на Трапезунд, а оттуда — на Эрзерум. Расстояние от Трапезунда до Эрзерума меньше, чем расстояние от Редут-Кале до Тифлиса, и дорога проходит по территории дружественной страны, а не враждебной. В Эрзеруме армия встретит готовых оказать помощь друзей, а не сопротивляющихся врагов, и там ее ждут запасы продовольствия, а не голод. Если армия в Карсе не может удержать эту позицию в борьбе против русских, ей следует отступить на Эрзерум; все турецкие силы надо сосредоточить именно там. Если русским необходимо нанести поражение, то это легче сделать силами объединенной армии, чем силами отдельных ее частей. И поражение русских было бы тем решительнее, чем дальше внутри турецких границ оно бы произошло».

На следующий день после получения телеграммы Редклиффа Кларендон становится еще более щедрым и заносит уже и Эрзерум в список тех пунктов, откуда следует отступить.

По телеграфу

граф Кларендон — лорду Стратфорду де Редклиффу

Министерство иностранных дел, 14 июля 1855 г.

План усиления армии Карса, содержащийся в Ваших депешах от 30 июня и 1 июля (должно быть 12 июля), не получил одобрения. Доводы против использования турецкого контингента до того, как он станет пригодным для боевых действий, будут посланы сегодня с курьером. Операционной базой должен быть Трапезунд, а если турецкая армия Карса и Эрзерума не в силах отстоять против русских последний из этих пунктов, пусть отступает к Трапезунду, где она легко сможет получить подкрепления.

Если Карс является ключом к Эрзеруму, то Эрзерум является ключом к Константинополю и центром, где сходятся стратегические и торговые пути Анатолии. Как только Карс и Эрзерум попадут в руки России, сухопутная торговля Англии via* Трапезунд — Персия сразу же прекратится. Английское правительство, которому все эти обстоятельства хорошо известны, хладнокровно советует Порте отдать ключи от ее дома в Азии, когда ни один из этих пунктов не находится в опасности, и приглашает осажденную армию Карса отойти к тем подкреплениям, которым было запрещено прийти на помощь осажденной армии. «Если русским необходимо нанести поражение», — заявляет его светлость (нужно ли это? — как бы спрашивает он), — то, по его мнению, оно будет тем решительнее и тем легче его будет нанести, чем дальше внутри турецких границ оно

* — через. *Ред.*

произойдет, то есть чем больше крепостей и территорий будет сдано русским и чем ближе по существу они будут к Константинополю.

Эти депеши лорда Кларендона достойным образом подкрепляются следующей депешей милорда «Take care of Dowb»[326] Панмюра, английского Карно, к генерал-лейтенанту Вивиану:

Лорд Панмюр — генерал-лейтенанту Вивиану

Военное министерство, 14 июля 1855 г.

Сэр!

Препровождаю при этом для Вашего сведения копию депеши, посланной графом Кларендоном с этой же оказией посольству ее величества л Константинополе, относительно предложенного Портой плана помощи турецкой армии в Карсе. Должен поставить Вас в известность, что я совершенно согласен со всем, что сказано в этой депеше о неприемлемости плана, предложенного Портой. Я настолько полагаюсь на Ваш военный опыт, что не испытываю никакого опасения, что Вы можете предпринять какую-либо необдуманную и рискованную экспедицию подобно той, которую затевает Порта. Конечно, Ваша обязанность не только как командующего контингентом, но и английского офицера, пользующегося доверием правительства ее величества, оказывать, когда это возможно, всемерную помощь нашим союзникам-туркам, но одновременно Вам следует быть достаточно осторожным и не рисковать честью британского имени и своей собственной репутацией, предпринимая такие военные операции, для которых еще не подготовлена соответствующая база, не обеспечены коммуникации, не созданы запасы, не заготовлены транспортные средства. Одно дело — coup de main* посредством внезапной высадки армии на побережье с целью создать угрозу крепости противника или даже предпринять атаку на нее; совсем иное дело — экспедиция с целью заранее подготовленного вторжения во вражескую страну и ведения войны на территории противника. В первом случае можно в какой-то мере пойти на риск, во втором же случае действиям должна предшествовать всесторонняя подготовка. Кроме того, по всем поступающим ко мне сведениям я имею полное основание полагать, что батумская армия находится в жалком состоянии. Я знаю, что контингент недостаточно организован, о болгарских войсках у вас нет никаких сведений, а кавалерию Битсона, как я полагаю, так же трудно привести к повиновению и установить в ее рядах порядок, как и ваши собственные войска. Короче говоря, я убежден, что было бы безумием пытаться таким путем оказать помощь бригадному генералу Уильямсу. Теперь слишком поздно сожалеть о политике, которая поставила в столь тяжелое положение такого храброго офицера и его армию; но осуществлять те планы, которые предложены с целью оказать ему помощь, — это значило бы идти по пути новых неудач. Вы должны, как это несомненно ясно и для Вас, не теряя времени, подготовить свои войска к боевым действиям, которые Вам, несомненно, в том или другом месте предстоит вести, как только Вы к этому будете готовы; организация для армии так же необходима, как выносливость и доблесть, и без первого качества два других — совершенно бесполезны.

В этой депеше военный министр лорда Пальмерстона выступает настоящим шутом, годным лишь для увеселения своего

* — смелый удар. *Ред.*

господина. Создать угрозу севастопольской крепости «или даже» предпринять атаку на Севастополь, где Россия в течение двадцати лет усиленно вела оборонительные работы, представляется ему делом весьма разумным, ибо это был необдуманный coup de main со стороны союзников; но вот «заранее подготовленное вторжение» со стороны Порты во вражескую страну с целью нанести ей поражение, — это, по мнению «Дауба», является чем-то неслыханным! Он полностью разделяет мнение Кларендона, что истинная сущность стратегии заключается в том, чтобы укреплять тыл своей собственной армии, вместо того, чтобы действовать в тылу противника — предоставим ему спорить по этому вопросу с Наполеоном I, Жомини и всеми другими великими стратегами. Он также согласен со своим другом в том, что в военное время армия ни в коем случае не должна проходить через враждебные страны, а всегда только через дружественные — «с запасами продовольствия и не боясь голода» — истинная философия обжоры. Но сквозь самодовольную глупость шута мы улавливаем умысел того, кто за ним стоит! Не бедному же «Даубу» было дано сделать открытие, что Грузия — враждебная, а не дружественная страна, и это Грузия, которая является русской Польшей на Кавказе.

Турецкое предложение, которое «Дауб» назвал необдуманным и рискованным, было по своему общему замыслу смелым, правильным и являлось, по нашему мнению, единственной стратегической идеей, возникшей в ходе этой войны. Предложение сводилось к тому, чтобы занять эксцентрическую позицию по отношению к осаждающей армии, создать угрозу Тифлису, этому центру русского господства в Азии, и, поставив Муравьева перед опасностью быть отрезанным от своей операционной базы и коммуникационной линии, вынудить его отступить от Карса. Подобная мингрельская экспедиция означала возможность не только оказать помощь Карсу, но и перейти к наступательным действиям на всех участках и добиться, таким образом, самого большого преимущества, возможного на войне, — заставить врага перейти к обороне. Но опасность приближалась; поэтому, чтобы такой план увенчался успехом, его надо было осуществлять быстро, энергично, достаточными силами, обеспечив себя транспортными средствами и продовольствием. Так как Муравьев в качестве первой операционной базы в своем непосредственном тылу имел Гюмри — крепость, специально предназначенную для обороны против турок, он был в состоянии удерживать свои позиции до тех пор, пока не убедился бы, что продвижение противника к Тифлису действительно создает ему опасность. Чтобы осуществить этот

план, необходимо было бы высадить на черкесском побережье по меньшей мере 55000 человек, взять Кутаис и пройти через Горийскую котловину. Омер-паша, который позже предпринял подобную экспедицию во главе 36000 человек, подойдя к Риону, насчитывал не больше 18000—20000 человек.

Несомненно, что армия в составе 20000 человек принесла бы в Эрзеруме больше пользы, чем 40000 в Мингрелии. С другой стороны, не следует забывать, что в то время, когда Порта выступила со своим предложением, количество русских в Тифлисе, по данным самой Синей книги, не превышало 15000 человек, а Бебутов со своими подкреплениями еще не прибыл. Кроме того, на продвижение из Трапезунда к Эрзеруму, а затем к Карсу достаточно большой для выполнения своей задачи армии с необходимым запасом продовольствия, боевых припасов и орудий потребовалось бы, по уверению Омер-паши, целых четыре месяца. И, наконец, если Порта предложила правильный план, не располагая необходимыми средствами, то обязанностью ее союзников было обеспечить ее достаточными средствами, а не предлагать со своей стороны ошибочный план. В то время 60000 турок были заперты в Крыму и бездействовали, а это были единственно боеспособные войска Турции.

«В Батуме, Сухум-Кале и других лежащих поблизости прибрежных пунктах», — пишет лорд Редклифф 28 июня, — «было бы крайне трудно собрать больше 11000 человек... Другие части империи (за исключением Болгарии) не смогут дать каких-либо дополнительных резервов, кроме Боснии, откуда можно было бы взять еще несколько тысяч человек, я говорю о регулярных войсках; башибузуков можно было бы набрать, но ведь Вы, милорд, знаете, как мало приходится рассчитывать на столь недисциплинированные орды... Я сомневаюсь, чтобы в Болгарии было больше, чем 50000 солдат, включая и гарнизоны. Австрия, правда, заявила о своем намерении рассматривать переход русских через Дунай как casus belli* и обязалась не допускать Россию в Дунайские княжества. Но вряд ли можно рассчитывать на то, что Порта примет решение руководствоваться в своих действиях этими заверениями и не считаться с тем, насколько неблагоразумно оставлять важную позицию без достаточной защиты — хотя такое решение может быть и было бы достойно восхищения».

Какие же войска оставались в распоряжении Порты, кроме англо-турецкого контингента? А этот контингент, как следует из депеш Кларендона и Панмюра, служил лишь уловкой, чтобы лишить Порту последних имеющихся в ее распоряжении сил.

Но противопоставило ли английское правительство турецкому плану какой-нибудь свой план? Разве оно не собиралось послать англо-турецкий контингент в Трапезунд, а оттуда

* — повод к войне. *Ред.*

в Эрзерум или Карс? В своей депеше от 14 июля Кларендон высказывается «против использования турецкого контингента до того, как он станет пригодным для боевых действий». Но если контингент не пригоден для боевых действий, то значит он не пригоден и для экспедиции в Эрзерум, так же как и для экспедиции в Мингрелию. Шут Панмюр в депеше того же числа пишет Вивиану, командующему контингентом:

«Вы должны, не теряя времени, подготовить свои войска к боевым действиям, которые Вам, несомненно, предстоит вести *в том или другом месте,* как только Вы к этому будете готовы».

Он призывает Вивиана быть готовым не для непосредственных действий, не для Эрзерума, а для действий *в том или другом месте,* иначе говоря, — *нигде.* Еще 7 сентября Кларендон (смотри № 302 в документах) считает англо-турецкий контингент очень плохо подготовленным и не пригодным к тому, чтобы занять укрепленные позиции под Севастополем. Таким образом, совершенно очевидно, что английское правительство выдвигает эрзерумский проект не для того, чтобы его осуществить, а для того, чтобы расстроить мингрельскую экспедицию Порты. Оно противилось не какому-то определенному, а всякому плану помощи Карсу.

«Было бы безумием пытаться оказать помощь армии бригадного генерала Уильямса... Слишком поздно сожалеть о политике» (политике Пальмерстона), «которая поставила в столь тяжелое положение такого храброго офицера и его армию», — писал Панмюр Вивиану.

Слишком поздно предпринять что-нибудь другое, кроме как сдать Карс русским и Эрзерум в придачу, говорит Кларендон Редклиффу. Этот план был не только принят правительством Пальмерстона уже 13 июля, но и получил признание в Синей книге, и правительство, как мы увидим, ни разу не отступало от него.

Все депеши Редклиффа за июль месяц, приведенные в №№ 254—277 карсских документов, свидетельствуют о том, что Порта усердно готовила мингрельскую экспедицию Вивиана. Как это могло случиться?

12 июля 1855 г., как мы помним, лорд Редклифф телеграфировал графу Кларендону о том, что приготовления к мингрельской экспедиции под руководством генерала Вивиана ведутся успешно и, «чтобы сберечь драгоценное время», он просит правительство передавать соответствующие указания по телеграфу. Поэтому Кларендон посылает свой протест против турецкого проекта по телеграфу; но несмотря на то, что на этом послании стоит дата 14 июля, оно доходит до Константинополя только

30 июля, когда, как мы видим, лорд Редклифф снова пишет Кларендону:

«Неблагожелательный отзыв правительства ее величества о выдвигавшихся в последнее время планах оказания помощи армии султана в Карсе еще усилил, разумеется, замешательство Порты. Моей обязанностью было передать этот отзыв турецким министрам не только как выражение мнения, но и как вето в отношении использования контингента генерала Вивиана. После этого сразу же возникла чрезвычайно серьезная дилемма. Правительство ее величества не только запрещает использовать контингент, но решительно предпочитает другой план — посылку подкреплений в Эрзерум через Трапезунд. Это мнение отвергают здесь как Порта, так и буквально все официальные и частные лица. Сераскир*, Омер-шина, генерал Гайон и наши собственные офицеры — все согласны с Портой и французским посольством в том, что следует отдать предпочтение диверсии в направлении от Редут-Кале, как обещающей больший успех, при условии, разумеется, соответствующего обеспечения транспортными средствами, продовольствием и другими необходимыми предметами... Между тем сообщения из Карса отнюдь не утешительны, а драгоценное время неизбежно растрачивается на сомнения и колебания».

Так как путь от Константинополя до Лондона нисколько не длиннее, чем путь от Лондона до Константинополя, то кажется очень странным то обстоятельство, что депеша Редклиффа, посланная из Константинополя 12 июля, уже 14 июля была в Лондоне, тогда как депеша Кларендона, отправленная из Лондона 14 июля, была получена в Константинополе только 30 июля или около этого числа. В своей депеше от 19 июля Редклифф выражает недовольство молчанием правительства, которое он очень просил «незамедлительно сообщить свое мнение». Из другой депеши, датированной 23 июля, мы видим, что он все еще не получил ответа. Фактически получение ответа не подтверждается, как мы уже говорили, до 30 июля. Таким образом, нет никаких сомнений в том, что лондонская дата на депеше Кларендона *фальшивая* и что на самом деле депеша была отослана на несколько недель позже той даты, которая обозначена в Синей книге. Эта фальсификация выдаст цель промедления. Надо было заставить потерять драгоценное время, вызвать сомнения и колебания и, что важнее всего, вынудить Порту потратить напрасно весь июль на приготовления экспедиции Вивиана, которая, по решению английского правительства, не должна была состояться.

* — Рушди-паша (сераскир — военный министр). *Ред.*

II

Поскольку стратегические колебания английского правительства не позволили ему в течение трех месяцев ясно выразить свою точку зрения на крупные операции, которые намеревалась предпринять Порта, то самое лучшее, что оно могло бы сделать — это срочно направить тем временем via Эрзерум на свою ответственность небольшой отряд для восстановления коммуникаций между этим городом и Карсом. Союзники были хозяевами Черного моря, а английское правительство имело в своем полном распоряжении 4000 башибузуков под командованием генерала Битсона, — единственный боеспособный отряд турецкой иррегулярной кавалерии. Высадившись у Трапезунда, этот отряд мог бы через 10 дней достичь Эрзерума, конвоировать доставку провианта для Карса и тем самым дать возможность крепости продлить свое сопротивление на месяц — полтора, то есть до того, времени, когда начало суровой армянской зимы заставило бы осаждающих прекратить наступательные действия. Генерал Битсон 7 июля писал Редклиффу, прося последнего использовать его войска для активных военных действий.

Его просьба не была принята во внимание. 14 августа сами войска подали петицию, в которой просили не держать их больше без дела, а послать в Азию. Никакого ответа не последовало. 12 сентября Битсон осмелился в третий раз высказать свои соображения. Так как английское правительство не захотело больше терпеть беспокойную назойливость нескромного просителя, то в ход были пущены военно-дипломатические интриги, в результате которых Битсон был отозван из армии. Поскольку сам Битсон был отозван, то вся его переписка с правительством была изъята из Синей книги.

Мы уже видели, как упрямо английское правительство настаивало на экспедиции в Эрзерум via Трапезунд. Когда же пришло сообщение о том, что русские заняли большую проезжую

дорогу между Эрзерумом и Карсом и отрезали часть провианта, собранного для армии Карса, за спиной английского посольства была предпринята самостоятельная попытка оказать немедленную помощь из Трапезунда. К донесению Редклиффа от 16 июля 1855 г. приложено письмо вице-консула Стивенса следующего содержания:

Трапезунд, 9 июля 1855 г.

Милорд!

Имею честь сообщить Вам, что Хафиз-паша отбыл вчера в Эрзерум с 300 артиллеристами и 20 полевыми орудиями. В настоящее время формируется крупный отряд иррегулярных войск, численность которого предполагается довести до 10000 человек; этот отряд выступит сегодня в том же направлении.

(Подпись: *Стивенс)*

Редклифф по долгу своей службы немедленно запросил объяснений у сераскира, почему тот умалчивал о сосредоточении 10000 солдат иррегулярных войск в Трапезунде и о продвижении Хафиз-паши к Эрзеруму.

«Все что я услышал по этому поводу от его превосходительства», — жалуется он, — «это то, что Тусум-паша получил приказ отправиться в Трапезунд, а оттуда, возможно, в Сивас, где он должен набрать 4000 человек иррегулярных войск и с ними направиться на театр военных действий».

Если провести линии между Трапезундом, Сивасом и Эрзерумом, то видно, что они образуют равнобедренный треугольник, основание которого, а именно линия от Трапезунда до Эрзерума, примерно, на одну треть короче каждой боковой стороны. Следовательно, направить подкрепления прямо из Трапезунда в Эрзерум, вместо того чтобы послать Тусум-пашу из Константинополя в Трапезунд, из Трапезунда, «возможно», в Сивас, где он мог бы потерять время на сбор иррегулярных войск, чтобы затем, возможно, отправиться с ними в Эрзерум, — означало слишком быстрый разворот событий, за что английский посол не мог не упрекнуть турок. Не решаясь сказать сераскиру, что помощь осажденному городу зависит от хорошо рассчитанной медлительности, лорд Редклифф обратился к нему с вопросом:

«Можно ли сомневаться в том, что такой большой отряд башибузуков, наспех и беспорядочно собранных вместе, принесет пользу только врагу?»

И когда сераскир на это справедливо возразил, что

«он настоятельно просил денежных средств для выплаты жалованья башибузукам, ибо это основное условие их подчинения, и даже угрожал отставкой, если требование его не будет удовлетворено», то лорд Редклифф сразу стал туг на ухо.

Если мы обратимся к другому оперативному плану, предложенному Портой и сорванному ее союзниками, то мы попадем в запутанный лабиринт, из которого трудно найти выход.

Из донесения, отправленного 15 июля подполковником Симмонсом, британским представителем в лагере Омер-паши, на имя лорда Кларендона и из приложенного к нему меморандума Омер-паши можно установить следующие факты. 23 июня Омер-паша получил от генерала Уильямса письмо, в котором тот сообщал, что коммуникации с Эрзерумом прерваны, и в самых настойчивых выражениях требовал, чтобы в Карс незамедлительно были посланы подкрепления или была произведена крупная диверсия со стороны Редут-Кале. 7 июля Омер-паша направил меморандум союзным главнокомандующим — Симпсону и Пелисье, — настойчиво прося их созвать совет командующих союзными армиями и флотом, для того чтобы срочно принять решение. В своем меморандуме он предлагает, чтобы

«он сам с частью своей армии, находящейся здесь» (в Балаклаве) «и в Керчи, с 25000 человек пехоты и 3000 человек кавалерии из Евпатории и с соответствующим количеством артиллерии был переброшен на какой-нибудь пункт черкесского побережья; угрожая оттуда коммуникациям русских, он заставил бы их снять осаду Карса».

Обосновывая свое предложение, Омер-паша указывает, что турецкая армия в Азии, численностью в 10000 человек, осажденная в укрепленном лагере Карса превосходящими силами русских, находится в таком положении, когда из-за недостатка продовольствия она, вероятно, вынуждена будет капитулировать; гарнизон Карса фактически и является турецкой армией в Азии; если гарнизон Карса сдастся, в руки врага попадет Эрзерум, город, который благодаря его географическому положению очень трудно укрепить, и противник овладеет коммуникациями как с Персией, так и с большей частью Малой Азии; союзники, приняв его предложение, смогут использовать главные преимущества, которыми они обладают, а именно: удобства морского транспорта и единственную турецкую армию, вполне боеспособную и подготовленную к походу, то есть армию самого Омер-паши. На этот меморандум маршал Пелисье и генерал Симпсон ответили, что «за отсутствием дополнительной информации они считают созыв совещания преждевременным». Несмотря на это, Омер-паша 12 июля снова обращается к ним с посланием, в котором сообщает, что

«он тем временем получил от своего правительства депешу, согласно которой вся Азиатская Турция до самых ворот Константинополя остается незащищенной, и поскольку дорог каждый час, правительство умоляет сто немедленно изыскать и использовать все средства и ресурсы, необхо-

димые для предотвращения той большой опасности, в которой находится турецкое правительство, а следовательно, и дело союзников». «При этих обстоятельствах»,—добавляет он,—«имея в Крыму 60000 солдат, в большинстве своем уроженцев Азии, семьи и имущество которых подвергаются опасности быть уничтоженными противником, и видя, что эта армия в Крыму бездействует, причем, по-видимому, нет надежды на ее использование в ближайшем будущем для активных действий, — я считаю своей обязанностью по отношению к моему повелителю и в интересах общего дела повторить мое прежнее предложение».

Он поэтому просит союзных генералов созвать совещание в английской главной квартире. Одновременно с этим посланием союзным генералам он убедил подполковника Симмонса направить секретное письмо на имя генерала Симпсона и адмирала Лайонса, из которого мы приводим следующую выдержку:

«Порта предложила генералу Вивиану направиться во главе турецкого контингента к Редут-Кале... Однако Омер-паша считает большим риском посылать туда эти войска, так как солдаты еще не свыклись со своими офицерами, а офицеры не говорят на их языке, и, следовательно, не смогут командовать ими на поле боя; контингент, хотя и пригоден для несения гарнизонной службы, не находится еще в таком состоянии, чтобы отправиться в глубь страны. Кроме того, этот контингент войск и по численности своей слишком слаб, чтобы выполнить намечаемую боевую операцию. Омер-паша держится также того мнения, что ему, пользующемуся доверием турок и хорошо известному в Азии, где он уже провел несколько кампаний, легче будет добиться расположения, населения и получить с его помощью необходимое продовольствие и информацию, чем иностранцам, не знающим ни языка, ни страны».

14 июля состоялось совещание, в котором приняли участие Омер-паша, подполковник Симмонс, генералы Симпсон, Пелисьс, Мартенпре и адмиралы Лайонс, Брюа и Стюарт. Омер-паша подробно рассказал о русских военных силах в Азии и об их боевых действиях в окрестностях Карса. Он обстоятельно развил вышеприведенные аргументы и твердо отстаивал мнение, что

«нельзя больше терять времени в деле подготовки похода с целью помешать дальнейшему продвижению русских в Азию».

Однако, как доносит Кларендону подполковник Симмонс,

«генералы и адмиралы, не получившие от своих послов в Константинополе информации, которая заставила бы их поверить, что дела в Азии находятся действительно в таком опасном положении, как это изображает Омер-паша на основании сообщения, полученного от своего правительства», решили «за отсутствием соответствующей информации не высказывать по этому вопросу никакого мнения».

Итак, в данном случае союзные генералы отказались высказать свое мнение по этому вопросу, так как они по получили информации от своих правительств. Позже союзные правитель-

ства отказались отдать нужные распоряжения, ибо их генералы не высказали своего мнения. Пораженный холодным отношением союзных командующих, их странной манерой считать свое недоверие к фактам основанием для того, чтобы не высказывать своего мнения о них, и их бестактным обвинением турецкого правительства во лжи, Омер-паша, единственный непосредственно заинтересованный в этом деле человек, немедленно поднялся и категорически заявил, что

«при таких обстоятельствах он считает своей обязанностью отправиться на несколько дней в Константинополь, чтобы посоветоваться со своим правительством».

И, действительно, два дня спустя, 16 июля, он отправился в Константинополь, взяв с собой подполковника Симмонса; но его сопровождал также некий подполковник Сюло, «который ехал под предлогом восстановления своего здоровья» (смотри приложение 1 к № 270 карсских документов), а на самом деле имел поручение от генералов Пелисье и Симпсона расстроить план Омер-паши. Сюло, офицер штаба генерала Симпсона, привез Редклиффу письмо от бедняги Симпсона, этого самого незадачливого вояки в мире, как называет его генерал Эванс; в этом письме Симпсон сообщает послу не о том, что он и его коллеги не верят утверждениям Омер-паши, а о том, что «они категорически протестуют против отзыва каких-либо войск из Крыма в настоящий момент»; не о том, далее, что они сочли нужным скрыть от Омер-паши свое мнение, а о том, что он, Симпсон,

«настоятельно просит его превосходительство использовать свое исключительное влияние у Порты для того, чтобы их мнение восторжествовало над мнением его высокопревосходительства», ибо «на карту поставлены важные государственные интересы», и «успех Омер-паши может повлечь за собой серьезные последствия».

Вот именно успех! Возможный успех Омер-паши не давал спать генералу Пелисье, который до сих пор не мог ничем похвастать, кроме позорного сражения 18 июня. Бедняга Симпсон, незадачливый вояка, которого генерал Эванс рисует ограниченным от природы человеком, был все же достаточно ловок, чтобы воспользоваться затруднительным положением своего коллеги по командованию и вести за спиной Омер-паши интригу, — единственный, можно сказать, маневр, проведенный им за все время крымской кампании.

В депеше 19 июля Редклифф пишет Кларендону, что

«в позапрошлую ночь» (17 июля) «он был поражен, узнав, что Омер-паша неожиданно прибыл из Крыма и прямо направился к сераскиру».

Он радуется сообщению фанариота[327] Пизани о том, что

«прибытие генералиссимуса без разрешения правительства вызвало известное недовольство» и заявляет, что «у него сложилось твердое убеждение, что интересы союзников были бы лучше всего обеспечены, если бы Омер-паша незамедлительно вернулся к командованию своими войсками в Крыму».

Несмотря на это твердое убеждение Редклиффа, пребывание Омер-паши в Константинополе затянулось с 17 июля до начала сентября. Дальше мы увидим, чем была вызвана эта потеря времени.

23 июля Редклифф сообщает Кларендону:

«Омер-паша предложил Порте поручить ему осуществить вторжение в Грузию из Редут-Кале как исходного пункта, используя при этом в своих интересах Кутаис».

Это предложение обсуждалось накануне ночью (22 июля) на совещании у великого визиря, и в результате обсуждения было решено, что

«в состав войск, предназначенных для выполнения указанной выше задачи под командованием Омер-паши, следует взять из Евпатории 20000 человек и из Болгарии — 5000, а недостаток войск в Евпатории восполнить контингентом, в который будут влиты новые пополнения. На случай, если упомянутый план вызовет возражение, предлагалось изменить его таким образом, чтобы из Крыма взять лишь 10000 человек, а из Болгарии 15000, включая сюда тех, которые должны были войти в состав контингента».

Эта депеша, которую, как говорят, Кларендон получил 1 августа и получением которой он тотчас воспользовался, чтобы телеграфировать английскому послу в Париже, лорду Каули, явно и преднамеренно искажена в той ее части, которая имеет решающее значение. Имеется в виду то место, где говорится, что Порта предложила отвести из Евпатории 20000 человек, передать их под командование Омер-паши и заменить их в Евпатории турецким контингентом. Именно на это место ссылается Кларендон в своей телеграмме на имя лорда Каули, причем он заявляет, что «правительство ее величества относится к этому благосклонно», и выражает «свою надежду, что императорское правительство согласится с этим».

В этой части депеши Евпатория умышленно поставлена вместо Балаклавы. Из донесения подполковника Симмонса, датированного 15 июля и полученного Кларендоном 30 июля, видно, что Омер-паша и в своем меморандуме на имя союзных генералов и на военном совете настаивал на том, чтобы взять с собой ту часть своей армии, которая находится здесь (в Балаклаве); это часть армии, переброшенная им из Евпатории, является, как он считает, единственно пригодной для кам-

пании в Азии. Изменил ли Омер-паша свое мнение по прибытии в Константинополь? Совершенно обратное вытекает из донесения от 2 августа, в котором Симмонс сообщает:

«Его высокопревосходительство Омер-паша уведомил меня, что для укомплектования контингента он охотно предоставит любую часть турецких войск, находящихся под его командованием, за исключением той дивизии, которая находится сейчас в лагере под Севастополем; эта дивизия состоит из лучших его войск, и, разумеется, он желает иметь ее при себе на случай, если ему придется совершить предполагаемый поход в Азию».

Имеются ли доказательства того, что Порта на своем совете в ночь на 22 июля пришла к решению, которое противоречит предложению Омер-паши? В той же депеше от 23 июля, где Редклифф сообщает о принятом Портой решении, он говорит Кларендону, что

«Омер-паша был очень любезно принят султаном и довольно щедро им награжден», и при этом прибавляет: «Мне незачем упоминать о том, что он в самых лучших отношениях с министрами его величества и в особенности с сераскир-пашой».

Не может быть поэтому и речи о каком-либо разногласии между Портой и ее главнокомандующим. И Порта и Омер-паша были в равной мере поражены, когда получили из Лондона предписание передать под командование Омер-паши войска в Евпатории и взять у него войска, находящиеся под Севастополем и в Керчи. Какую же цель преследовало английское правительство, когда оно подделало вышеупомянутое место в депеше? Английское правительство старалось скрыть от общественного мнения тот факт, что, выставляя себя перед французским правительством сторонником плана Омер-паши, оно в то же время простой перестановкой слов превратило собственное предложение Порты в нечто прямо ему противоположное. Так возник новый повод для спора. Дело запутывалось все больше и больше, и это обстоятельство позволило потратить весь август и сентябрь на издание приказов и контрприказов. Фальшивая игра английского правительства видна даже в расположении документов в Синей книге. Чтобы запутать читателя, депеша Кларендона к Каули фигурирует на 248 странице; после нее на страницах 248—252 следует выдержка из депеши Редклиффа от 19 июля, письмо Симпсона к Редклиффу от 16 июля, письма Омер-паши и его меморандум, и лишь на последнем месте помещена депеша Редклиффа от 23 июля, результатом которой якобы является инструкция, посланная Кларендоном Каули.

Следует кратко остановиться теперь на деятельности министерства иностранных дел на Даунинг-стрит и присмотреться

к графу Кларендону, усердно выполняющему там роль главного клерка великого Пальмерстона. Через два дня после отправления своей депеши Редклиффу, 16 июля, Кларендон посылает ему другую депешу, которая заканчивается следующими словами:

«Правительство ее величества по-прежнему рекомендовало бы, чтобы все войска, посылаемые для оказания помощи армии Карса, направлялись в Трапезунд. Если же Омер-паша, который, как я слышал, намерен отправиться в Константинополь, действительно решил бы взять с собой какую-либо часть своей армии вместе с тунисцами и албанцами в Редут-Кале, правительство ее величества не возражало бы против этого».

В то время как депеша Редклиффа, посланная из Константинополя 23 июля, прибыла в Лондон 1 августа, ровно через девять дней, депеше Кларендона, датированной 16 июля, снова потребовалось больше полмесяца, чтобы попасть в Константинополь. Ее еще не было в Константинополе 30 июля, когда Редклифф писал, что

«правительство ее величества, настаивая на посылке подкреплений via Трапезунд, ставит Порту в очень затруднительное положение».

Следовательно, Редклифф не имел еще депеши Кларендона, в которой говорилось, что правительство ее величества ничего не имеет против экспедиции в Редут-Кале, если ее предпримет сам Омер-паша. Характерным для хронологии этой удивительной военно-дипломатической драмы является то, что все депеши, имеющие целью вызвать промедление, доходят с исключительной быстротой, тогда как депеши, рекомендующие якобы ускорение действий, прибывают с необъяснимыми задержками. Но в последней цитированной нами депеше Кларендона имеется еще одно не менее поразительное место. В то время как лорд Редклифф пишет 19 июля из Константинополя, что он был удивлен, узнав о внезапном приезде Омер-паши в Константинополь, Кларендон информирует из Лондона Редклиффа уже 16 июля, то есть в тот день, когда Омер-паша покинул Крым, о том, что «Омер-паша, как я слышал, намерен отправиться в Константинополь». Как мы знаем, Омер-паша сам принял это решение только 14 июля, когда закончился военный совет. За время с 14 но 16 июля ни один корабль не отправлялся из Севастополя в Константинополь, и Омер-паша был вынужден просить адмирала Лайонса предоставить в его распоряжение английское военное судно «Храбрый». Неужели можно поверить, что для телеграмм, посылаемых министерством иностранных дел из Лондона, требуется 17 дней, чтобы дойти до Константинополя, в то время как телеграммы, которые оно получает из Крыма, информируют о событиях даже до того, как они произошли?

Это не совсем так. Между Севастополем и Варной связь осуществляется через подводный телеграф, а между Варной и Лондоном — по телеграфу; так что Кларендон мог получить сведения непосредственно в день заседания военного совета. Но где же телеграфное сообщение, которое было послано из Севастополя? Разумеется, его в Синей книге нет. Оно просто изъято. А почему? Тот же электрический провод, по которому Кларендон получил сообщение о предполагаемой поездке Омер-паши в Константинополь, информировал его, видимо, о том сопротивлении, которое Омер-паша встретил со стороны Пелисье, то есть со стороны французского правительства. Отсюда, естественно, возник бы вопрос, почему Кларендон спокойно выжидал с 16 июля до 1 августа, не сообщал об этом французскому правительству и не вступал с ним в переговоры по вопросу, от которого зависел исход всей кампании? Чтобы предупредить этот вопрос, упомянутое телеграфное сообщение было скрыто. Но если Кларендон изъял телеграмму из Крыма, то зачем же он поместил свою собственную депешу из Лондона от 16 июля? Поскольку невозможно установить, дошла ли она когда-либо до Константинополя, ее пропуск в Синей книге не был бы большим пробелом. Тут преследовалась двоякая цель. С одной стороны, нужно было продемонстрировать готовность английского правительства прийти на помощь Карсу в противоположность тем трудностям, которые создавал Бонапарт, и, таким образом, переложить на его плечи всю ответственность за промедление. С другой стороны, нужно было доказать, что Кларендон верит в фальшивую депешу от 23 июля и что он был готов предоставить Омер-паше любую часть его армии, пока не узнал о решении Порты навязать ему евпаторийскую армию. Правда, узнав об этом решении, он стал настаивать на нем, несмотря на все протесты Омер-паши и Порты. Все действия Кларендона — поощрение им Порты к тому, чтобы заниматься в течение всего июля экспедицией Вивиана, оттягивание переговоров с Бонапартом до августа, подмена им в депеше в Париж сделанного Портой предложения ложным предложением, само принятие которого Бонапартом несомненно должно было стать источником новой путаницы в этой комедии ошибок, — все эти действия служили одной цели: убить время.

III

Второго августа 1855 г. лорд Каули телеграфирует из Парижа, что «граф Валевский предвидит возражения против проекта», выдвинутого Кларендоном от имени Порты. Таким образом, ловкому графу Кларендону представился случай выказать в депеше от 3 августа свое патриотическое рвение и переложить на французское правительство ответственность за те серьезные последствия, которые имели бы место в случае, если бы Карс и Эрзерум попали в руки русских. На следующий день, 4 августа, Кларендон получил из Парижа следующую телеграмму:

По телеграфу

Лорд Каули — графу Кларендону

Париж, 4 августа 1855 г.

Французское правительство не будет препятствовать предполагаемой экспедиции Омер-паши в Малую Азию при условии, если численность турецких войск под Севастополем не будет уменьшена.

Несмотря на эту обусловленность, телеграмма означает безусловное принятие сделанного Кларендоном 1 августа от имени Порты предложения, согласно которому войска, находящиеся в Евпатории, должны быть переданы Омер-паше, а заменить их должен контингент генерала Вивиана. В тот же день Кларендон телеграфировал Редклиффу:

«4 августа. Омер-паша может идти на помощь Карсу при условии, если он не уменьшит численность турецких войск под Севастополем и оставит нетронутым гарнизон в Еникале».

Французское правительство протестовало лишь против сокращения численности турецких войск под Севастополем. Английское правительство прибавляет к этому еще одно препятствие, накладывая запрет и на турецкие войска в Еникале. 8 августа Кларендон получил от генерала Уильямса из Карса письмо, датированное 14 июля, в котором сообщалось, что гене-

рал Муравьев в течение 11 и 12 июля проводил разведку вблизи крепости и что 13 июля

«он появился со всей своей армией на возвышающихся над Карсом южных высотах, которые являются ключом к нашей обороне и после овладения которыми Карс был взят в 1828 году».

Письмо закапчивается словами:

«я только что узнал, что русский генерал ожидает подкреплений из Баязета via Гюмри и что войска, составлявшие гарнизоны, недавно вытесненные с черкесского побережья, также продвигаются в глубь Грузии и смогут принять участие в будущих операциях в Малой Азии» (№ 276).

Стремление Кларендона уменьшить численность турецких войск получило новый импульс, как только он узнал о русских подкреплениях. Он немедленно составляет депешу и дополняет свой index militum prohibitorum*:

По телеграфу

Граф Кларендон — лорду Редклиффу

Министерство иностранных дел, 9 августа 1855 г.

Контингенту генерала Вивиана немедленно отправиться в Евпаторию. Находящиеся там турецкие войска в количестве 10000—12000 человек послать под командованием Омер-паши в Редут-Кале. Численность турецких войск в Балаклаве и Керчи не уменьшать. Состав турецких войск, направляющихся под командованием Омер-паши в Редут-Кале, надлежащим образом пополнить войсками, взятыми из Болгарии или других мест, но не из Крыма.

Итак мы видим, что Кларендон снова расширяет круг своих запретов. Вспомнив из депеши подполковника Симмонса от 15 июля, что Омер-паша намерен выступить «с частью своей армии, находящейся здесь» (в Балаклаве) «и в Керчи, с 25000 человек пехоты и 3000 человек кавалерии из Евпатории и с артиллерией», Кларендон запрещает теперь Порте трогать керченский гарнизон; он распространяет протест Бонапарта против снятия войск из-под Севастополя на весь Крым, за исключением Евпатории, причем в последней количество отзываемых войск даже сокращается до 10000—12000 вместо 20000, упомянутых им в депеше французскому правительству от 1 августа. С юмором шута он предоставляет Порте право искать войска «где-нибудь в другом месте». Начинив бомбу в Лондоне, он может теперь спокойно ждать, пока она разорвется в Константинополе.

В депеше Кларендона к Редклиффу от 16 июля нас поразило следующее место:

* — список войск, на которые наложен запрет. *Ред.*

«Если же Омер-паша, который, как я слышал, намерен отправиться в Константинополь, действительно решил бы взять с собой какую-либо часть своей армии в Редут-Кале, правительство ее величества не возражало бы против этого».

Из письма Фуад-эфенди к Редклиффу от 31 июля, из ответа Редклиффа от 4 августа и письма Редклиффа от 8 августа (см. № 282 и приложения) следует, что депеша Кларендона от 16 июля до 8 августа все еще не прибыла в Константинополь. В своем письме Фуад-паша констатирует, что начатая подготовка (мингрельской экспедиции) приостановлена, «так как ожидаемый» (из Лондона) «официальный и определенный ответ еще не получен», и берет турецкий план мингрельской экспедиции под защиту «против основного положения английских депеш», согласно которым «подкрепления *должны* быть посланы через Эрзерум по дороге на Трапезунд». В своем ответе от 4 августа Редклифф говорит, что,

«будучи недавно вынужден сообщить мнение своего правительства, он выполнил эту обязанность, с горечью сознавая, в каком трудном положении находится Порта»

и как это положение еще больше осложнится вследствие того мнения, которое «он вынужден был высказать»; при этом он добавляет:

«Хотя правительство ее величества заявило, что оно отдает решительное предпочтение более прямым действиям через Трапезунд и Эрзерум, его возражения против диверсии со стороны Черкесии, по всей вероятности, уменьшились бы, если бы используемые для этой цели силы были однородны по своему составу и надежны».

В своей депеше Кларендону от 8 августа Редклифф высказывает недовольство тем, что правительство

«все еще склонно придавать главное значение Трапезунду как единственному пункту, откуда можно оказать действительную помощь... Все военные авторитеты решительно высказываются за нее» (за мингрельскую экспедицию) «...Несмотря на множество доводов в пользу энергичной поддержки единственно осуществимого плана оказания помощи, я откровенно сообщил Порте совершенно противоположные взгляды моего правительства».

Ответ Кларендона (20 августа) на эту последнюю депешу Редклиффа надо рассматривать с двух точек зрения: в связи с утверждением Редклиффа, что, по его мнению, английское правительство противилось мингрельской экспедиции до 8 августа, и в связи с планом, который был послан Кларендоном в Париж 1 августа под видом собственного плана Порты. Относительно первого пункта Кларендон заявляет (см. № 283):

«Ряд моих телеграфных сообщений и моя депеша от 4 августа, которые Вы должны были получить после отсылки Вашей депеши, покажут Вам, что правительство ее величества вместе с императорским правительством Франции согласилось на то, чтобы Омер-паша отправился в Азию с целью осуществить диверсию для оказания помощи Карсу; правительство ее величества в связи с этим больше не настаивает на точке зрения, которой оно вначале придерживалось, что помощь должна быть оказана через Трапезунд».

За исключением депеши от 14 июля, в которой Кларендон протестовал против мингрельской экспедиции и требовал, чтобы турецкие войска отошли от Карса и Эрзерума, и депеши от 9 августа, которую Редклифф, естественно, не мог получить 8 августа, Кларендон, согласно Синей книге, вообще не посылал ни одного телеграфного сообщения. Мы имеем дело с явной ложью, когда он говорит о «ряде своих телеграфных сообщений», в которых заключался отказ от вето, наложенного английским правительством на мингрельскую экспедицию. Почему же он не ссылается на свою депешу от 16 июля? Да потому, что она фигурирует только в Синей книге, написана только для Синей книги и никогда не выходила за пределы министерства иностранных дел на Даунинг-стрит. Редклифф, видимо догадываясь о поставленной ему ловушке, писал 13 августа Кларендону (№ 286):

«Я только что ознакомился, милорд, с содержанием Вашего телеграфного сообщения от 9 августа. Я не сомневаюсь, что санкция правительства ее величества на проведение диверсии со стороны Редут-Кале будет встречена с огромным удовлетворением как турецким правительством, так и Омер-пашой. Содержание предыдущего сообщения, высказывавшегося исключительно в пользу продвижения к Карсу через Трапезунд, вызвало явное разочарование».

Редклифф ничего не знает о ряде «телеграфных сообщений» Кларендона. Он знает лишь о предыдущем сообщении, высказывавшемся «исключительно» в пользу экспедиции через Трапезунд. Он подразумевает сообщение от 13 июля, подкрепленное телеграфным сообщением от 14 июля. О существовании депеши от 16 июля он вообще ничего не знает. Мы подчеркиваем это по очень простой причине. Беглого просмотра карсских документов вполне достаточно, чтобы каждый убедился в том, что английское правительство упорно стремилось расстроить планы Порты. Обнаруженные нами фальсификация, извращения и обман доказывают, однако, что английское правительство сознавало, что оно ведет фальшивую игру, и вскрывают тот факт, что у правительства был заранее обдуманный план, о котором оно не осмеливалось открыто говорить.

Теперь рассмотрим депешу Кларендона от 20 августа с Другой точки зрения.

«Омер-паша», — говорит Кларендон, — «как командующий войсками султана, будет иметь полную свободу в руководстве передвижениями своих войск, используя их наилучшим образом для общего дела; единственным ограничением свободы его действий явится поставленное обоими правительствами условие, чтобы поход в Азию не повлек за собой какого-либо сокращения численности турецких войск под Севастополем и Еникале, тогда как турецкий контингент под командованием генерала Вивиана может быть использован для того, чтобы заменить те турецкие войска, которые Омер-паша, вероятно, возьмет с собой из Евпатории».

Согласно депеше Кларендона в Париж от 1 августа, Порта предлагала отдать под командование Омер-паши войска из Евпатории и не трогать турецкую армию под Севастополем. Как может он простое согласие с предложением самой Порты называть «ограничением свободы действий Омер-паши»? Но, с другой стороны, мог ли он поступить иначе, если та самая депеша Редклиффа, на которую он отвечает, напоминает ему, что Омер-паша рассчитывает на 17000 человек из Балаклавы, на 3000 из Керчи и т. д. Таким образом, то, что в его депеше в Париж фигурирует как собственное предложение Порты, навязывается теперь Порте как мнение ее западных союзников.

До 13 августа — как раз спустя месяц после того, как Омер-паша предложил союзным генералам свою мингрельскую экспедицию — Порта находилась под тяжелым впечатлением того, что английское правительство противится экспедиции, и все ее приготовления к оказанию помощи Карсу вследствие этого были приостановлены. Только 13 августа Порта освобождается, наконец, от этого кошмара и с удовлетворением узнает, что ее западные союзники согласились с решением, принятым ею 22 июля. Теперь, наконец, она получит возможность направить свои усилия против Муравьева вместо Кларендона. 15 августа был созван совет Оттоманской империи для обсуждения и изыскания наиболее эффективных средств помощи Карсу. Результат этого обсуждения столь же удивителен, как и неожидан.

«Омер-паша», — говорит Редклифф в своей депеше Кларендону от 16 августа (№ 294), — «самым решительным образом возражает против переданного по телеграфу из Лондона плана размещения контингента в Евпатории и не считает возможным взять на себя ответственность за командование экспедицией, пока турецким войскам, находящимся под Севастополем, не будет разрешено принять участие в экспедиции».

Таким образом, мы видим, что евпаторийский план, сообщенный якобы в Лондон 23 июля, был передан, как теперь утверждают, 9 августа из Лондона в Константинополь.

16 августа подполковник Симмонс также послал депешу Кларендону (№ 297):

«Я должен информировать Вас, милорд, что сераскир, получив от лорда Стратфорда де Редклиффа уведомление о том, что правительство ее величества решило направить турецкий контингент в Евпаторию, сообщил об этом решении его высокопревосходительству Омер-паше. Последний, считая, что это перемещение не даст Порте возможности собрать необходимые силы, чтобы предпринять поход в Азию для спасения карсской армии, представил доклад сераскиру... Омер-паша, хотя и настаивает на том, чтобы взять с собой свои войска из-под Севастополя, выделит часть из них, а также из турецких войск в Керчи, для включения их в англотурецкий контингент в таком количестве, какое потребуется, чтобы довести этот контингент до полного состава... Предложение паши кажется мне единственным, дающим надежду на спасение армии в Карее, конечно. при соблюдении условия, которое, как это известно его высокопревосходительству, было поставлено английским и французским правительствами, — условия о том, что экспедиция не должна повлечь за собой существенного сокращения численности войск в Крыму и что поэтому первое предложение Омер-паши генералам, о котором я докладывал в депеше 15 июля, не может быть претворено в жизнь. Паша сомневается в том, что экспедиция окажется теперь достаточно своевременной для того, чтобы спасти гарнизон Карса. Однако если даже не удастся помочь Карсу, экспедиция во всяком случае помешает противнику укрепиться в Эрзерумском пашалыке и подготовиться к новому наступлению в глубь страны в следующей военной кампании».

Меморандум Омер-паши на имя сераскира, на который имеются ссылки в упомянутой депеше подполковника Симмонса, приложен к письму Редклиффа на имя Кларендона от 16 августа. Мы приводим следующие высказанные в нем соображения:

«Находящиеся в настоящее время в Евпатории войска имеют разнородный состав — они состоят из тунисцев и египтян и им недостает средств сухопутного транспорта... Они не в состоянии ни выступить в поход, ни маневрировать... Если бы привыкшим к жаркому климату египтянам пришлось отправиться в Азию и вести военные действия в условиях наступающей зимы, они не смогли бы провести необходимые маневры, и армия, разнородная по своему составу, имела бы мало шансов на успех. В случае осуществления этого плана будет разрушено единство как турецкой, так и британской армии, а не надо забывать, что во время войны боеспособность армии, если не самое ее существование, во многом зависит от сплоченности ее рядов... Паша отмечает, что каждый генерал, ведя войну, должен заранее предвидеть самые тяжелые условия, в которые его могут поставить военные события, и принять все возможные меры для предотвращения неудач. Он берет тот случай, когда карсская армия была бы уничтожена до его прибытия в Азию и русские продвинулись бы дальше этого пункта, и заявляет, что имея армию разнородного состава, на которую нельзя полностью положиться, он оказался бы в таком же затруднительном положении, в каком находится теперь азиатская армия...

Каждый генерал, которому доверяют какую-нибудь операцию, должен быть согласен с данной операцией и методом ее осуществления, чтобы его можно было считать ответственным за ее ход. Англо-турецкий контингент, будучи доведен до полного состава отрядами, взятыми из Болгарии и Керчи, будет почти равен по численности дивизиям, находящимся под

его командованием. Что же касается численного состава союзных войск, то его незачем будет уменьшать, если согласятся с его мнением. Напротив, если будет осуществлен план, посланный из Лондона, то установившаяся система мероприятий, созданная сераскиром для пополнения гарнизона Евпатории, будет нарушена, и неизбежно произойдет задержка, так как придется создавать совершенно новую организацию».

Итак, по мнению Омер-паши, осуществление лондонского плана неизбежно приведет к тому, что последняя боеспособная турецкая армия будет уничтожена, единство как в турецкой, так и в британской армии разрушено, тунисцы и египтяне будут преднамеренно принесены в жертву, установившаяся система пополнения турецких войск в Евпатории нарушена; неизбежно возникнут промедления, военная репутация Омер-паши пострадает, а мингрельскую армию постигнет та же участь, что и гарнизон Карса. Сообщая этот решительный протест Кларендону, Редклифф даже не догадывается, что он сам был тем каналом, через который Порта, как изобразили дело, якобы передала лорду Кларендону план, идентичный лондонскому.

Таким образом, мы имеем новое и неопровержимое доказательство того, что предложение Порты в том виде, как оно изложено в депеше от 23 июля, является лондонской подделкой и что Кларендон, предлагая его французскому правительству в своей телеграмме от 1 августа, прекрасно сознавал, что он совершает грубый подлог.

План Кларендона осуществился в точном соответствии с его намерениями. Порта, информированная, наконец, о том, что английское правительство в общем согласно с турецкой экспедицией, одновременно узнает, что оно противится всем деталям, необходимым для ее осуществления. После того как Порта была вынуждена потерять целый месяц на борьбу против эрзерумского проекта Кларендона, она должна теперь потерять еще более драгоценный месяц — август — на то, чтобы оказать сопротивление его евпаторийскому плану.

К депеше Редклиффа Кларендону от 20 августа приложен второй меморандум Омер-паши, сходный по содержанию с первым, но имеющий следующее дополнение (см. № 296):

«Любой генерал, который попытается осуществить подобного рода операцию вопреки всем военным правилам, принесет в жертву свою военную репутацию и, кроме того, подвергнет опасности планы союзников в целом. Я не согласен ни на то, ни на другое.

Если бы я даже и принял на себя командование, это не принесло бы никакой пользы делу».

Он характеризует евпаторийские войска «как недисциплинированных, разнородных по составу и неопытных солдат».

20 августа (смотри № 298, Симмонс — Кларендону) Омер-паша информирует Симмонса о положении дел в Карсе на основании сообщения адъютанта сераскира, который выехал из Карса 5 августа и прибыл в Константинополь 19 августа:

«Ко времени его отъезда на складах города Карса имелось запасов продовольствия для гарнизона не больше, чем на месяц, или в крайнем случае на пять недель; боевыми припасами гарнизон также недостаточно обеспечен. Но большого значения это не имеет, так как генерал Муравьев заявил своей армии, насчитывающей теперь, после получения подкреплений, около 50000 человек, что он хочет взять Карс измором и захватить город без единого выстрела... Русские заставили жителей на расстоянии восьми часов ходьбы (28 миль) в окружности увезти все, что имеет какое-либо отношение к предметам питания... Гарнизон Эрзерума состоит из 6000 человек регулярных и 12000 человек иррегулярных войск; однако из числа последних многие отряды покидают город и распадаются». «Из беседы с Омер-пашой», — говорит Симмонс, — «видно, что Порта крайне удручена плачевным положением дел в Азии, а совершенно очевидная перспектива потерять в конце этого месяца или начале сентября карсский гарнизон — 16000 человек и почти 200 орудий, из них около 70 полевых — доводит ее почти до отчаяния... Порта очень опечалена и разочарована тем, что было потеряно так много времени и что кабинеты Парижа и Лондона, а также военные власти в Крыму не придавали событиям того серьезного значения, какое придавала им Порта, и лишь противились тем предложениям, которые все время делались с целью поправить положение Порты и предотвратить катастрофу».

21 августа на заседании совета Порты (№ 299, Симмонс — Кларендону 23 августа)

«было принято решение действовать с величайшей энергией и использовать все имеющиеся в распоряжении Порты средства для осуществления предложенного Омер-пашой плана... Решено было направить послам Англии и Франции ноту, поставить их в известность о принятом Портой решении и просить, чтобы флот их правительств содействовал перевозке турецких войск, артиллерии, имущества, а также сухопутных транспортных средств на азиатское побережье... Сделав все, что было в ее силах, для организации похода с целью оказания помощи карсскому гарнизону и восстановления положения в Азии, она» (Порта) «снимает с себя всякую ответственность за катастрофу, которая может произойти, если ни один из предложенных ею планов не будет выполнен. Чтобы подготовить переброску войск, турецкое правительство направляет теперь свои корабли в Сизополь, где начнется погрузка войск на суда и пр. Все же Порта испытывает, очевидно, некоторые сомнения, предпринять ли ей такие решительные шаги вследствие того, что англо-турецкий контингент получил из Лондона приказ отправиться в Евпаторию».

Август был уже на исходе, а Порта все еще чувствовала себя связанной в своих действиях евпаторийским планом Кларендона. Ее опасения растут тем больше, чем отчаяннее становятся вести из Карса, и, наконец, она добивается от Редклиффа, совершившего в это время поездку в Севастополь, следующего телеграфного сообщения (№ 290):

Лорд Редклифф — графу Кларендону

Под Севастополем, 26 августа

Я прошу немедленно и определенно сообщить мне сюда, может ли Омер-паша снять в полном составе или частично турецкие войска из Балаклавы, при условии, если они будут заменены другими войсками такой же численности, и разрешат ли в этом случае контингенту генерала Вивиана занять позиции под Севастополем вместо того, чтобы идти в Евпаторию. Омер-пашу ожидают со дня на день. Он обусловливает свою экспедицию предоставлением ему права действовать, как указано выше. Он привел в пользу этого достаточные доказательства. Если мы сможем выделить транспорт, то войска, по-видимому, через месяц высадятся в Редут-Кале. Русские силы, угрожавшие Эрзеруму, отступили по направлению к Карсу. Турецкая армия, как сообщают, в начале августа располагала запасами продовольствия почти на два месяца.

IV

Посредством своего евпаторийского плана Кларендону удавалось мешать всем действиям Порты в течение всего августа. Депеша Редклиффа подтверждала утверждение генерала Уильямса, что «продовольствия в Карсе едва ли хватит до начала сентября». С каким чрезвычайным самопожертвованием турецкий гарнизон в Карсе продолжал держаться сверх срока, указанного Уильямсом, показывает меморандум, который мы здесь приводим (приложение к № 315):

Карс, 1 сентября 1855 г.

Мы очень экономно расходуем продовольствие. Солдаты переведены на половинный паек хлеба и мяса или риса. Иногда 100 драхм сухарей вместо хлеба и больше ничего. Нет денег. 3000 стрелков из мусульманского населения скоро умрут от голода. Армяне получили приказ завтра оставить город. Нет ячменя, почти никакого фуража. Лошади имеют вид ходячих скелетов, они не могут быть использованы гарнизоном; артиллерийские лошади скоро окажутся в таком же положении. Как же можно будет передвигать полевые орудия?.. Что предпринимается для спасения этой армии?

Подпись: *Уильямс*

Как только Кларендон убедился, что продовольствия в Карсе хватит не дольше, чем до начала октября, а с другой стороны, Редклифф заверил его, что даже при помощи транспортных судов союзников войска Омер-паши попадут в Редут-Кале не раньше первых дней октября, он не вид ел уже более опасности в том, чтобы побуждать французское правительство принять турецкий план. Кроме того, Кларендон знал, что он обратился к французскому правительству как раз в тот момент, когда близился штурм Севастополя, и Пелисье вследствие этого имел серьезные основания не допускать никаких изменений в составе войск под Севастополем. Чтобы скрыть полученные сведения, депеша Редклиффа приводится в виде выдержки, искажающей ее смысл. Приведем депешу Кларендона лорду Каули:

Министерство иностранных дел, 28 августа 1855 г.

Правительство ее величества уверено, что императорское правительство выразит согласие с приводимым ниже ответом на депешу виконта Стратфорда де Редклиффа, посланную из Балаклавы 26 августа. В таком случае пусть Ваше превосходительство соблаговолит передать этот ответ непосредственно через лорда Панмюра генералу Симпсону, который сообщит его виконту Редклиффу, если он еще в Балаклаве: «Омер-паша волен взять с собой из Балаклавы в Азию те из его войск, которые он найдет нужным; они должны быть заменены равным количеством войск из контингента генерала Вивиана или войсками из Евпатории в зависимости от решения союзных генералов; по согласовании с адмиралами должны быть даны соответствующие инструкции относительно перевозки его войск».

Подпись: *Кларендон*

Даже и в этой депеше Кларендон не может удержаться, чтобы не насолить Порте. Несмотря на то, что из ряда меморандумов Омер-паши ему было хорошо известно, что замена войск последнего под Севастополем войсками из Евпатории потребует много времени и может в высшей степени повредить всему плану, он как бы en passant* предлагает французскому правительству заменить севастопольские войска контингентом Вивиана или войсками из Евпатории. Ответ из Парижа гласил следующее:

По телеграфу

Лорд Каули — графу Кларендону

Париж, 29 августа 1855 г.

Император не возражает против того, чтобы взять турецкие войска из Балаклавы и заменить их другими при условии, если союзные главнокомандующие дадут на это согласие; однако он не берет на себя ответственность сказать что-нибудь большее при теперешних обстоятельствах. Я посылаю телеграфное донесение генералу Симпсону и после слова «Азия» добавляю: «при том условии, если Вы и генерал Пелисье не имеете возражений».

Страстное желание лорда Кларендона ускорить мингрельскую экспедицию в этот критический момент ярко проявляется в его депеше от 7 сентября, которую он отослал подполковнику Симмонсу обычной почтой, так что она была им получена только 23 сентября. Он получил 5 сентября от подполковника Симмонса следующую депешу (№ 301):

«Я должен информировать Вас, милорд, что, как заявил мне Омер-паша, он сможет покинуть Константинополь не ранее как через 5—6 дней, так как занят необходимыми приготовлениями к экспедиции в Азию и его присутствие здесь в интересах их завершения безусловно необходимо». В соответствии с принятыми Портой мерами «Омер-паша надеялся пере-

* — между прочим. *Ред.*

править в Азию средствами одного лишь турецкого флота в два рейса до 50000 человек и 3400 лошадей, причем всего на переброску войск потребовалось бы от 3-х до 4-х недель или на каждый рейс от 10 до 14 дней... Омер-паша очень хотел бы, чтобы союзники помогли ему перевезти находящиеся под Севастополем войска и их материальную часть, а также обозных лошадей из Сизополя; он полагает, что лучше всего можно выполнить эту задачу, если разрешить английскому флоту перевезти войска из-под Севастополя в Азию после того, как с помощью этого флота будет переброшен контингент, предназначенный для смены войск в Балаклаве».

На эту депешу Кларендон отвечает следующим образом;

Граф Кларендон — подполковнику Симмонсу

Министерство иностранных дел, 7 сентября 1855 г.

Сэр!

Доклад о мероприятиях, предложенных Омер-пашой для помощи азиатской армии, содержащийся в Вашей депеше от 26 августа, противоречит позднейшим сообщениям, полученным правительством ее величества. Вы сообщаете в Вашей депеше, что Омер-паша рассчитывает взять с собой часть турецких войск из-под Севастополя и заменить их контингентом генерала Вивиана. Из телеграммы же генерала Симпсона, датированной позже, следует, что, по мнению Омер-паши, контингент генерала Вивиана не будет пригоден к тому, чтобы занять позиции под Севастополем раньше следующей весны. В соответствии с этим мнением и протестом генерала Симпсона против переброски к нему контингента, — протестом, основанным на вышеуказанном мнении, — правительство ее величества решило, что контингент не следует отправлять на соединение с армией под Севастополем.

Кларендон

Мы обращаем внимание на то, что депеша Симпсона, этого горе-вояки, в Синей книге опущена, что «мнение» Омер-паши является подлогом и что «позднейшая дата», когда Омер-паша высказал свое новое мнение, находящееся в противоречии с его мнением от 26 августа, относится к началу июля, как это следует из приводимой ниже выдержки из депеши подполковника Симмонса, отправленной им из лагеря в Камарах 23 сентября 1855 года:

«Разрешите информировать Вас, милорд, в связи с этим, что Омер-паша этот свой взгляд высказал в письме к генералу Симпсону еще в начале июля... и до того, как ему стало известно о критическом положении армии в Азии. Он тогда уже заявлял о своей твердой уверенности в том, что генерал Симпсон не собирается использовать контингент при столкновении с противником в открытом поле (en rase campagne)... Лорд Раглан неоднократно спрашивал меня, считаю ли я возможным использовать контингент для занятия оборонительных линий под Балаклавой, и когда я спросил Омер-пашу о его мнении по этому вопросу, он мне сказал, что не видит к этому никаких препятствий, если лорд Раглан считает это совершенно необходимым».

Передавая мнение Омер-паши, высказанное до того, как был поставлен на обсуждение вопрос о мингрельской экспедиции,

фальсифицируя это его мнение и основывая затем на этой фальсификации свой протест, Симпсон при своем «тупоумии» действовал, само собой разумеется, согласно секретным указаниям, полученным из Лондона. Бедняга Симпсон является одним из творений Пальмерстона, одним из его Големов. Големы — это, как говорит немецкий поэт Арним[328], земляные глыбы, которым придан образ человека и в которые прихотливый волшебник вдохнул искусственную жизнь. Если даже предположить, что Симпсон писал точно так, как изображено в депеше Кларендона, — пропуск этой депеши в Синей книге ставит и это под вопрос, — то и тогда у Кларендона не могло возникнуть и тени сомнения ни насчет даты, ни насчет сущности мнения Омер-паши. Уже 15 июля Симмонс уведомил его, что, по мнению Омер-паши, «контингент, хотя и пригоден для несения гарнизонной службы, не находится еще в таком состоянии, чтобы отправиться в глубь страны», а в более поздней депеше он заявил, что «в Балаклаве и Керчи войска контингента будут находиться внутри укрепленных линий», а не «в открытом поле».

История мингрельской экспедиции Омер-паши не отражена в Синей книге, но материала просочилось достаточно, чтобы раскрыть картину того, какие препятствия ставились на ее пути союзными правительствами даже в тот более поздний период, когда они с большой неохотой согласились на нее и когда Южная сторона Севастополя была взята.

Симмонс пишет Кларендону 21 сентября из лагеря в Камарах:

«18 сентября генерал Пелисье согласился на отправку отсюда трех батальонов турецких егерей в Азию. Через один-два дня они будут отправлены морем в Батум. До сих пор генерал Пелисье не дал еще своего согласия на отправку в Азию других находящихся здесь турецких войск».

«На мои запросы у Порты», — говорит Редклифф 26 сентября, — «меня заверили, что перевозка войск и доставка провианта производятся, но медленно, так как транспортные средства для этой цели предоставлены в ограниченном количестве. Нельзя не видеть, что бесконечные изменения плана, неотложные нужды, вызванные нашими боевыми действиями под Севастополем, большая потребность в транспортных средствах — все это вместе взятое приводит к тому, что надежда на спасение Карса уменьшается».

Но бесконечные изменения плана — это дело рук английского министерства; неотложные нужды, вызванные боевыми действиями под Севастополем — пустой предлог, так как союзники после взятия города ограничились лишь охраной его развалин, а недостаток в необходимых транспортных средствах был вызван тем, что Даунинг-стрит все время давал распоряжения о бесполезных перевозках контингента из Варны в Еникале, Керчь, Евпаторию и обратно в Босфор.

Эти мрачные предчувствия были на одно мгновение рассеяны сверкнувшей как метеор победой, одержанной турками 29 сентября под Карсом над штурмовыми колоннами русских. В своем донесении от того же числа генерал Уильямс называет этот день «днем славы турецкого оружия». В своем донесении от 3 октября (№ 342) он сообщает Кларендону:

«Во время боя, длившегося почти семь часов, турецкая пехота, так же как и артиллерия, сражалась с неизменной храбростью; если припомнить, что в течение почти четырех месяцев солдаты возводили укрепления, а ночью их охраняли, если подумать о том, что они плохо одеты и получали меньше половины пайка и на протяжении 29 месяцев не получали жалованья, то я полагаю, Вы, милорд, признаете, что они показали себя достойными восхищения всей Европы и несомненно завоевали право быть зачисленными в разряд ее первоклассных войск».

Получив это радостное известие, Порта обратилась с приветствием к защитникам Карса (№ 345), в котором говорится:

«Мы убеждены в неустрашимости и рвении, воодушевляющих ваше превосходительство, и в бесконечной милости бога и находим утешение в этой мысли. С другой стороны, мы день и ночь работали над тем, чтобы изобрести средства, которые заставили бы врага снять осаду. Радостное известие об этой победе вдохнуло в нас новую жизнь».

Какой же избыток новых жизненных сил вдохнет это известие в грудь Кларендона! Неужели ему, работавшему день и ночь над изысканием таких средств, которые помешали бы осуществлению изобретенных Портой средств, не захочется щедро разбрасывать по меньшей мере дешевые цветы своей риторической симпатии? Ничего подобного! Обманутый в своих расчетах, он срывает свою злобу на Порте в краткой и вызывающе иронической депеше (№ 346).

«... Оставленный без помощи гарнизон Карса с удовлетворением узнает, по крайней мере, что его страдания... нарушили покой турецких министров, которые за неимением всех обычных средств оказания помощи никогда не переставали молиться о его безопасности и успехе».

Кларендон, раньше молчаливый друг Абердина, выступает здесь как жалкий рупор Пальмерстона.

После отражения атаки русских под Карсом 29 сентября до дня капитуляции крепости, 24 ноября, прошло снова почти два месяца. Как использовало английское правительство это время для улучшения положения? Во-первых, оно задержало предоставление необходимых Омер-паше транспортных средств. 2 октября г-н Олифант, корреспондент «Times», пишет из лагеря Омер-паши:

«Турецкая армия постепенно становится все более внушительной силой. Как только прибудут 10000 турецких войск из Балаклавы, на отправку которых союзные генералы дали, наконец, с неохотой свое

согласие, она будет насчитывать почти 50000 человек. Задержка вызывается главным образом медлительностью нашего командования в Крыму, которое не предоставляет транспортных средств для перевозки сюда войск и, видимо, совершенно не задумывается над тем, прибудут ли они сюда или нет. Крайне досадно, что единственная серьезная причина для беспокойства, испытываемого Омер-пашой в отношении этой экспедиции, имеет тот же источник, который принес уже так много бедствий».

Но это еще не все. Уже в июле месяце Пальмерстон во время парламентских дебатов о турецком займе заявил, что Порта испытывает острый недостаток в деньгах, и все ее дальнейшие действия зависят от того, получит ли она сейчас деньги. Парламент дал свое согласие на заем, и английское правительство объявило об этом займе в августе 1855 года; но из документа, представленного парламенту, следует, что Порте из ассигнованных ей 5 миллионов фунтов стерлингов на 29 января 1856 г. были выплачены каких-нибудь 2 миллиона, и даже эта сумма высылалась небольшими порциями по 100000 фунтов стерлингов.

Еще 24 ноября 1855 г. Порта заявила (см. № 353, приложение № 4):

«В заключение его превосходительство» (сераскир) «обратился ко мне и сказал, что мне ведь не хуже, чем ему, известно о тех постоянных усилиях, которые он делал для оказания помощи гарнизону Карса. Омер-паша был задержан по причинам, над которыми он, к несчастью, не властен. Это было делом союзников. С самого начала было ясно, что те меры, которые турки могли предпринять без армии, остававшейся в Крыму, были недостаточны для выполнения намеченной цели... С большой настойчивостью его превосходительство продолжал мне разъяснять, что турки абсолютно не в состоянии выполнять все необходимое для дальнейшего ведения кампании, ввиду задержки с реализацией займа. Хлеб в количестве 1 миллиона килограмм, закупленный ими для нужд армии, не был доставлен им, так как они не смогли его оплатить... Он написал великому визирю, что в том случае, если деньги из этого источника» (займа) «не поступят в течение недели, считая с сегодняшнего дня, он подаст в отставку» (письмо генерала Мансфилда лорду де Редклиффу).

Любопытное совпадение, что как раз в тот самый день, когда капитулировал Карс, сераскир убедительно объяснял английскому военному советнику истинные причины этой катастрофы: задержка экспедиции Омер-паши вследствие того, что союзники не давали Порте ее собственных войск, а затем приостановка всех операций в октябре и ноябре в результате того, что английское правительство не давало Порте ее собственных денег.

Когда в Карсе 24 ноября решились на капитуляцию,

«солдаты сотнями умирали ежедневно от голода. Они превратились в скелеты и были неспособны ни сражаться, ни бежать. Женщины приносили своих детей к дому генерала, требуя пищи, и оставляли их там; город был наполнен мертвыми и умирающими» (№ 366).

В течение всего периода, пока Кларендон систематически расстраивает планы Порты, парализует ее силы и задерживает ее собственные деньги, мы видим, как он не перестает надоедать скованной по рукам и ногам Порте, советуя ей действовать энергично, и ругая ее за медлительность. В мировой истории вряд ли найдется вызывающая более горький смех параллель, чем параллель между английским правительством, которое своими авантюрами в Крыму, Балтийском море, Тихом океане и щедрыми наградами виновникам этих неудач превращает Англию в посмешище Европы, и тем же английским правительством, которое в самых резких тонах античного Катона укоряет Порту за ошибки ее военных деятелей и гражданских властей. Правительство Садлеров, негодующее по поводу продажности пашей; покровители Кодрингтонов и Эллиотов, настаивающие на наказании Селим-паши и Тахир-паши; improvvisatori* Симпсона, сердито хмурящие брови на покровителей Омер-паши; Панмюр, — «позаботьтесь о Даубе» — поучающий сераскира; Даунинг-стрит со своими докторами Смитами, со своими Филдерами, Эриями и Гордонами, которые даже на заседаниях севастопольской комиссии бранили какого-то пашу в Трапезунде за то, что груз с банниками и пробойниками не был связан в пачки и не обшит рогожами, — такова истинная картина Восточной войны. И прежде всего храбрый Кларендон с его трогательными жалобами на апатию Порты! Он подобен официальному Терситу, укоряющему Данаид за то, что они не наполняют своей бездонной бочки.

---

* — импровизаторы. *Ред.*

К. МАРКС

ПРУССИЯ [329]

Безудержный ажиотаж, превративший Францию в игорный дом и уподобивший наполеоновскую империю бирже, отнюдь не ограничивается пределами этой страны. Эта эпидемия, не сдерживаемая политическими границами, перекинулась через Пиренеи, Альпы, Рейн, и, как это ни удивительно, охватила солидную Германию, где спекуляция в области идей уступила место спекуляции ценными бумагами, summum bonum* — бонусу**, загадочный язык диалектики—не менее загадочному языку биржи, стремление к единству — страсти к дивидендам. Рейнская Пруссия как благодаря своей близости к Франции, так и благодаря высокому развитию своей промышленности и торговли, первая заразилась этой болезнью. Кёльнские банкиры не только вступили в формальный союз с крупными парижскими мошенниками, купив вместе с ними газету «Indеpendance belge»[330] в качестве общего органа, и, учредив международный банк в Люксембурге, они не только вовлекли в водоворот «Crеdit Mobilier» всю Юго-Западную Германию, но в пределах Рейнской Пруссии и герцогства Вестфалии преуспели до такой степени, что в настоящий момент все слои общества, за исключением рабочих и мелких крестьян, охвачены манией наживы, и даже капиталы мелкой буржуазии, отвлеченные от их обычных каналов, вовлечены в самые рискованные авантюры, и каждый лавочник превратился в алхимика. То что и остальная Пруссия не избежала этого поветрия, видно из следующей

* — высшее благо. *Ред.*
** — премии, добавочному дивиденду. *Ред.*

выдержки из правительственной газеты «Preussische Correspondenz»:

«Последние наблюдения за состоянием денежного рынка подтверждают предположение, что снова надвигается один из тех ужасных торговых кризисов, которые периодически повторяются. Лихорадочный рост безудержной спекуляции, зародившейся сначала за границей, наблюдается с прошлого года и в большей части Германии; не только берлинская биржа и прусские капиталисты вовлечены в этот водоворот, но и такие слои общества, которые раньше старались избегать непосредственного участия в рискованных операциях фондовой биржи».

Этим страхом перед надвигающимся финансовым кризисом прусское правительство мотивировало свой отказ разрешить учреждение «Crédit Mobilier», подозревая, что его ослепительная вывеска скрывает мошеннические цели. Но то, что запрещено под одной вывеской, можно учредить под другой, и то, что не разрешено в Берлине, может быть дозволено в Лейпциге и Гамбурге. Новая стадия спекулятивной горячки началась с окончанием войны, независимо от торгового бума, обычно сопровождающего заключение мира, — как было в 1802 и 1815 годах. На этот раз мы видим ту особенность, что Пруссия формально выразила желание открыть свои рынки для западного капитала и спекуляции. Несомненно, мы скоро услышим о великом иркутском пути с веткой до Пекина и о других не менее грандиозных планах; речь идет не о том, что предполагается действительно осуществить, а о том, какой свежий материал можно использовать для поддержания духа спекуляции. Недоставало только мира, чтобы ускорить великий крах, которого так боится прусское правительство.

Это небывалое для Пруссии участие в европейской спекуляции было бы невозможно, если бы ее промышленность за последние годы не сделала больших успехов. Капитал, вложенный в одни только железные дороги, возрос с 1840 по 1854— 1855 гг. с 19 до 154 миллионов прусских талеров. Стоимость железных дорог, строящихся в настоящее время, определяется в 54000000 талеров; кроме того, правительство санкционировало строительство новых железнодорожных линий стоимостью в 57000000 талеров. За период с 1849 г. возникло восемьдесят семь акционерных обществ с капиталом в 83000000 талеров. В течение 1854—1856 гг. зарегистрировано девять страховых компаний с капиталом в 22000000. За эти же два года шесть акционерных обществ с капиталом в 10500000 пустили в ход ряд прядильных фабрик. Из «Отчета о хлопке» видно, каким образом изменялось общее количество хлопка, поступившего в различные порты Европы за период с 1853 по 1856 год.

Согласно официальному отчету, экспорт хлопка в кипах за первые семь месяцев указанных годов составлял:

	в кипах			
	1853	1854	1855	1856
В Англию	1 100 000	840 000	963 000	1 131 000
Во Францию	255 000	229000	249 000	354 000
В другие европейские порты	204 000	179 000	167 000	346 000

Из этих цифр следует, что если в 1853 г. страны европейского континента импортировали лишь около $^{1}/_{3}$ общего количества хлопка, ввезенного в Англию, то в 1856 г. импорт европейских стран достиг $^{5}/_{8}$ английского импорта. К этому еще следует добавить количество хлопка, которое Англия переотправляет в европейские страны. Большой экспорт хлопка во Францию является лишь видимостью, так как значительная часть его из Гавра переправляется в Швейцарию, Баден, Франкфурт и Антверпен. Развитие европейской промышленности, характеризуемое вышеприведенными цифрами, означает поэтому рост прежде всего германской промышленности и, главным образом, прусской. С богатством, накопленным промышленной буржуазией за последние годы, соперничают прибыли, полученные помещиками за время войны, — за годы неурожаев и высоких цен. Цены на лошадей, крупный рогатый скот, на домашний скот вообще, не говоря уже о ценах на зерно, держались в самой Германии на таком высоком уровне, что вряд ли требовалось еще воздействие иностранных рынков, чтобы крупные землевладельцы могли купаться в золоте. Именно это богатство — такого быстрого накопления богатства никогда прежде эти два класса не переживали — создало базу для спекулятивной горячки, свирепствующей в настоящее время в Пруссии.

Когда этот мыльный пузырь лопнет, прусское государство пройдет через тяжелое испытание. Различные фазы контрреволюции, через которые прошла Пруссия, начиная с 1849 г., привели к тому, что у кормила правления оказался немногочисленный класс дворян-помещиков; прусский король, который сам всячески содействовал укреплению господства этого класса, находится теперь по отношению к нему в таком же положении, в каком Людовик XVIII находился по отношению к Chambre introuvable[331]. Фридрих-Вильгельм не склонен был довольствоваться бездушной бюрократической правительственной машиной, завещанной ему отцом. Он всю жизнь мечтал

украсить здание прусского государства каким-нибудь романтически-готическим орнаментом. Однако на опыте деятельности своей Herrenhaus* он вскоре убедился, что в действительности помещики, или Krautjunkers, как их называют в Пруссии, отнюдь не считают за счастье служить средневековым украшением для бюрократии; они всеми силами стремятся унизить эту бюрократию и низвести ее до роли простого орудия своих классовых интересов. Этим и объясняется конфликт между юнкерами и правительством, между королем и принцем Прусским. Чтобы показать правительству, что они не шутят, юнкеры только что отказались разрешить и в дальнейшем взимать дополнительный налог, введенный во время войны, — вещь совершенно неслыханная в конституционной Пруссии. Они хладнокровно и решительно заявили, что в своих поместьях они не менее полновластны, чем прусский король во всей стране. Они настойчиво добиваются, чтобы конституция, оставаясь для всех остальных классов пустым звуком, для них имела бы реальное значение. Освобождаясь от всякого контроля со стороны бюрократии, они в то же время хотят, чтобы эта бюрократия с удвоенной силой давила на все другие ниже стоящие классы.

Буржуазии, предавшей революцию 1848 г., приходится удовлетворяться созерцанием того, как несмотря на свой социальный триумф, достигнутый при помощи безудержного накопления капиталов, она теряет теперь всякое политическое значение. Мало того, Krautjunkers, игнорируя самые элементарные правила вежливости, с радостью пользуются любым поводом, чтобы дать буржуазии почувствовать ее унижение. Когда ораторы буржуазии пытаются выступить в палате представителей, юнкеры en masse** покидают свои места, а на призыв хотя бы выслушать мнения, отличные от их собственных, смеются в лицо господам из левой. Когда левая жалуется на препятствия, чинимые ей во время выборов, ей отвечают, что правительство только выполняет свой долг, оберегая массы от соблазна. Когда она указывает на полную свободу аристократической прессы в противоположность тем стеснениям, которым подвергается либеральная пресса, ей напоминают, что свобода в христианском государстве означает угождение не собственным прихотям, а богу и властям предержащим. То ей дают понять, что «честь» является монополией аристократии, то задевают ее за живое наглядными иллюстрациями давно отброшенных теорий Галлера, Бональда и Де Местра. Прусский гражданин, гордящийся своей просвещенностью в области философии,

* — палаты господ. *Ред.*
** — все вместе. *Ред.*

оскорблен, видя, как самых выдающихся ученых изгоняют из университетов и дело просвещения поручается шайке обскурантов, как церковные суды вмешиваются в его семейные дела, а его самого полиция гонит по воскресеньям в церковь. Юнкеры не удовлетворились тем, что всячески старались освободить себя от налогов; они к тому же втиснули буржуазию в цехи и корпорации, исковеркали ее муниципальные учреждения, отменили независимость и несменяемость ее судей, покончили с равноправием различных религиозных сект и т. д. В тех редких случаях, когда представители буржуазии в палате дают волю накопившейся у них злобе и, набравшись мужества, грозят юнкерам грядущей революцией, им язвительно отвечают, что у революции не менее серьезные счеты с буржуазией, чем с дворянством.

Действительно маловероятно, чтобы крупная буржуазия снова, как в 1848 г., оказалась во главе прусской революции. В восточной части Пруссии крестьяне не только потеряли все, что дала им революция 1848 г. в деле освобождения, но по-прежнему оставались в прямом подчинении у дворянства как в административном, так и в судебном отношении. В Рейнской Пруссии, где капиталы вкладываются главным образом в промышленные предприятия, закабаление крестьян при помощи ипотек растет с той же быстротой, с какой растут проценты по займам. В то время как в Австрии правительство принимает хоть какие-то меры, чтобы успокоить крестьянство, в Пруссии всеми возможными средствами испытывают его терпение. Что же касается рабочего класса, то правительство, обрушив на него репрессии за стачки, помешало ему добиться его доли от тех выгод, которые получают хозяева, и систематически отстраняет его от всякого участия в политической жизни. Нелады внутри династии, раскол правительства на враждебные друг другу лагери вследствие постоянных ссор бюрократии с аристократией и аристократии с буржуазией, повсеместный торговый кризис и все растущее возмущение обездоленных классов против всех высших слоев общества,. — вот что представляет собой современная Пруссия.

Написано К. Марксом 15 апреля 1856 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4694, 5 мая 1856 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке полностью публикуется впервые

ПРИМЕЧАНИЯ
ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА
УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Данной статьей начинается систематическое освещение Марксом на страницах «Neue Oder-Zeitung» парламентских дебатов по вопросам внутренней и внешней политики Англии в 1855 году.

«Neue Oder-Zeitung» («Новая одерская газета») — немецкая ежедневная буржуазно-демократическая газета, выходившая под этим названием в 1849—-1855 гг. в Бреславле (Вроцлаве).

Основанная в марте 1849 г. в результате раскола в редакции оппозиционной католической «Allgemeine Oder-Zeitung» («Всеобщей одерской газеты»), выходившей с 1846 г., «Neue Oder-Zeitung» приняла буржуазно-демократическое направление. В 50-х годах она считалась наиболее радикальной газетой Германии и подвергалась преследованиям со стороны правительственных органов.

В начале 50-х годов во главе газеты стояли буржуазные демократы Эльснер, Темме и Штейн; с сентября 1855 г. главным редактором «Neue Oder-Zeitung» стал Мориц Эльснер; издателем газеты был Макс Фридлендер, немецкий публицист, двоюродный брат Ф. Лассаля, через посредство которого Маркс был привлечен к сотрудничеству в газете. С конца декабря 1854 г. Маркс начал сотрудничать в «Neue Oder-Zeitung» в качестве лондонского корреспондента, посылая две-три корреспонденции в неделю. При почти полном отсутствии рабочей прессы в годы реакции Маркс и Энгельс считали важным использовать буржуазно-демократическую печать для борьбы против реакционных сил; сотрудничество в «Neue Oder-Zeitung» давало Марксу возможность поддерживать связь с Германией, знакомить немецких читателей с важнейшими вопросами международной и внутренней политики, рабочего и демократического движения, экономического развития капиталистических стран, прежде всего Англии и Франции. В связи с Крымской войной Маркс систематически посылал для «Neue Oder-Zeitung» статьи о ходе военных действий; при освещении военных событий он иногда использовал целиком военные обзоры, написанные Энгельсом для «New-York Daily Tribune» («Нью-йоркской ежедневной трибуны»), переводя их на немецкий язык; иногда Маркс посылал в «Neue Oder-Zeitung» сокращенное изложение статей Энгельса, в некоторых случаях вносил в них ряд изменений и дополнений. — *1.*

[2] При анализе парламентских дебатов Маркс пользовался в своих статьях стенографическими отчетами газеты «Times», а также привлекал выходившее в Лондоне издание Хансарда «Парламентские дебаты» («Hansard's Parliamentary Debates»), На некоторых заседаниях палаты общин Маркс присутствовал лично. — *1.*

[3] Имеется в виду сражение под Балаклавой 25 (13) октября 1854 г., в котором русские войска нанесли серьезный удар англо-турецким частям, особенно английской кавалерии. Подробное описание сражения дано Энгельсом в статье «Сражение под Балаклавой» (см. настоящее издание, т. 10, стр. 550—557). — *1.*

[4] В 216 г. до н. э. во время второй Пунической войны в сражении при Каннах (Италия) карфагенский полководец Ганнибал наголову разбил армию римлян. — *1.*

[5] *«Punch»* — сокращенное название английского еженедельного юмористического журнала буржуазно-либерального направления «Punch, or the London Charivari» («Петрушка, или Лондонское шаривари»), выходит в Лондоне с 1841 года. — *2.*

[6] *Четыре пункта* — требования, предъявленные западными державами России в ноте от 8 августа 1854 г. в качестве предварительных условий для начала мирных переговоров. Россия должна была отказаться от протектората над Молдавией, Валахией и Сербией, который заменялся общеевропейским протекторатом, предоставить свободу судоходства по Дунаю, согласиться на пересмотр Лондонской конвенции 1841 г. о проливах и отказаться от покровительства христианским подданным Турции. Царское правительство вначале отвергло четыре пункта, однако в ноябре 1854 г. вынуждено было согласиться на то, чтобы эти пункты были положены в основу будущих мирных переговоров. —*2.*

[7] Имеется в виду договор о союзе между Англией, Францией и Австрией, заключенный 2 декабря 1854 г. в Вене. Согласно договору, державы обязались не вступать без предварительной договоренности между собой ни в какие соглашения с Россией и не допускать оккупации Дунайских княжеств русскими войсками. В случае войны Австрии с Россией Англия и Франция обязались оказать военную помощь Австрии. Основой для переговоров с Россией должны были служить четыре пункта. Договором предусматривалось, что если до 1 января 1855 г. переговоры не приведут к заключению мира, три державы условятся относительно дальнейших согласованных действий. Англия и Франция при помощи этого договора стремились вовлечь Австрию в войну против России, Австрия, в свою очередь, намеревалась использовать союз с западными державами для усиления своего влияния на Балканах, для подчинения австрийскому господству Дунайских княжеств. — *2.*

[8] *«The Times»* («Времена») — крупнейшая английская ежедневная газета консервативного направления; основана в Лондоне в 1785 году. — *3.*

[9] *Федаи* (буквально — жертвующие собой) — так в средние века в Иране называли наиболее фанатичных членов тайной мусульманской (шиитской) секты исмаилитов-ассасинов, основанной иранскими феодалами в конце XI в. для борьбы против господствовавших в Иране турок-сельджуков и крестоносцев. — *4.*

[10] *Пилиты* — группа сторонников Р. Пиля (умеренных тори), поддерживавших его политику экономических уступок торгово-промышленной буржуазии при сохранении политического господства земельной и финансовой аристократии. В 1846 г. Пиль в интересах промышленной буржуазии провел отмену хлебных законов, что вызвало резкое недовольство тори-протекционистов и привело к расколу партии тори и обособлению группы пилитов. В 50-х годах они составляли небольшую фракцию в парламенте, не имевшую определенной программы, являлись, по выражению Маркса, «офицерами без армии»; пилиты входили в состав коалиционного правительства Абердина (1852—1855), где занимали важнейшие посты, в том числе военные. В конце 50 — начале 60-х годов пилиты вошли в состав либеральной партии. — *4.*

[11] В конце статьи Маркса редакция «Neue Oder-Zeitung» на основании телеграфных сообщений из Лондона добавила следующий абзац, опущенный в настоящем издании: «Согласно телеграммам из Лондона от 26 и 27 января, лорд Джон Рассел, излагая парламенту причину своей отставки, привел в связи с этим наряду с другими документами и переписку между ним и лордом Абердином, в которой он настаивал на некотором изменении в руководстве военными делами. По его мнению, плачевное состояние армии под Севастополем неоспоримо, но несмотря на весь свой деловой опыт он не может установить причину несчастья. Лорд Пальмерстон критиковал мотивы отставки Дж. Рассела, но вместе с тем соглашался, что войну нужно вести с величайшей энергией. Он утверждал, что все корабли были использованы так, как их и следовало использовать: для перевозки воинских частей, обмундирования и провианта в Крым, и требовал формального вотума доверия или недоверия правительству. Речь Робака — хотя было видно, что оратор болен—неоднократно прерывалась громкими аплодисментами всех частей палаты. В палате лордов граф Абердин заявил, что, несмотря на уход их влиятельного коллеги, министры считают своим долгом воспротивиться предложению о назначении следственной комиссии». — *5.*

[12] Имеются в виду изданные Расселом «Memorials and Correspondence of Charles James Fox». Vol. 1—3, London, 1853—1854 («Мемуары и переписка Чарлза Джемса Фокса». Тт. 1—3, Лондон, 1853—1854); т. 4 этого издания вышел в 1857 году. — *7.*

[13] *Пьюзиизм* — течение внутри англиканской церкви в 30—60-х годах XIX века. Названо по имени одного из его основателей — богослова Оксфордского университета Пьюзи, призывавшего к восстановлению в англиканской церкви католической обрядности и некоторых догматов католицизма. Сторонники пьюзиизма излагали свои догмы в статьях и брошюрах, которые они издавали под общим названием «Tracts for the Times» («Трактаты нашего времени»), отсюда их второе название — трактарианцы. Пьюзиизм явился религиозным отражением борьбы английской аристократии, стремившейся сохранить свое влияние в стране, против промышленной буржуазии, принадлежавшей в своей массе к различным протестантским сектам. — *9.*

[14] Система продажи и покупки патентов на офицерские чины в армии возникла в Англии в конце XVII века. Она просуществовала до 1871 г., обеспечивая монопольное положение английской аристократии в армии. Подробно об этой системе говорится в статье К. Маркса «Торговля чинами. — Вести из Австралии» (см. настоящий том, стр. 109—110). —*9.*

[15] «Война в Европе» является одной из многих статей, написанных в связи с Крымской войной Энгельсом по просьбе Маркса для «New-York Daily, Tribune».

«New-York Daily Tribune» («Нью-йоркская ежедневная трибуна»)— американская газета, выходившая с 1841 по 1924 год. Основанная видным американским журналистом и политическим деятелем Хорасом Грили, газета до середины 50-х годов XIX в. была органом левого крыла американских вигов, а затем органом республиканской партии. В 40— 50-х годах газета стояла на прогрессивных позициях и выступала против рабовладения. В газете принимал участие ряд крупных американских писателей и журналистов, одним из ее редакторов с конца 40-х годов был Чарлз Дана, находившийся под влиянием идей утопического социализма. Сотрудничество Маркса в «New-York Daily Tribune» началось в августе 1851 г. и продолжалось свыше 10 лет, по март 1862 года; большое число статей для этой газеты было по просьбе Маркса написано Энгельсом. Статьи Маркса и Энгельса в «New-York Daily Tribune» охватывали важнейшие вопросы международной и внутренней политики, рабочего движения, экономического развития европейских стран, колониальной экспансии, национально-освободительного движения в угнетенных и зависимых странах и др. В период наступившей в Европе реакции Маркс и Энгельс использовали широко распространенную американскую газету для обличения на конкретных материалах пороков капиталистического общества, свойственных ему непримиримых противоречий, а также для показа ограниченного характера буржуазной демократии.

Редакция «New-York Daily Tribune» в ряде случаев произвольно обращалась со статьями Маркса и Энгельса, печатая некоторые статьи без подписи автора в виде редакционных передовых и допуская иногда вторжение в текст статей. Эти действия редакции вызывали неоднократные протесты Маркса. В 1855—1856 гг. статьи Маркса и Энгельса печатались в «New-York Daily Tribune», как правило, в качестве передовых. За период, охватываемый настоящим томом, только две статьи появились в газете за подписью Маркса.

С осени 1857 г. в связи с экономическим кризисом в США, отразившимся также на финансовом положении газеты, редакция предложила Марксу сократить число корреспонденции. Окончательно прекратилось сотрудничество Маркса в газете в начале Гражданской войны в США; значительную роль в разрыве «New-York Daily Tribune» с Марксом сыграло усиление в редакции сторонников компромисса с рабовладельческими штатами и отход газеты от прогрессивных позиций. — *10.*

[16] См. примечание 108. — *10.*

[17] См. примечание 6. — *10.*

[18] Энгельс имеет в виду свою статью «Военные силы России» (см. настоящее издание, т. 10, стр. 532—536). — *11.*

[19] *Адрианопольский мир* — мирный договор, заключенный в сентябре 1829 г. между Турцией и Россией в результате успешной для последней войны 1828—1829 годов. По договору к России переходили устье Дуная с островами и значительная часть восточного побережья Черного моря к югу от устья Кубани. Турция должна была признать автономию Молдавии и Валахии, предоставив им право самостоятельного избрания

господарей. Гарантия этой автономии возлагалась на Россию, что было равносильно установлению протектората царя над княжествами. Правительство Турции обязывалось также признать Грецию самостоятельным государством, связанным с Турцией лишь уплатой ежегодной дани султану, и соблюдать все предыдущие договоры в отношении автономии Сербии, узаконив эту автономию специальным фирманом. — *15.*

[20] *«The Morning Advertiser»* («Утренний уведомитель») — английская ежедневная газета, основана в Лондоне в 1794 году; в 50-х годах XIX в. орган радикальной буржуазии. — *16.*

[21] *Трактарианцы* — см. примечание 13. — *17.*

[22] Имеется в виду экспедиция английского флота в устье реки Шельды, предпринятая в 1809 г. во время войны пятой коалиции против наполеоновской Франции. Захватив остров Валхерен, англичане не сумели использовать его как базу для развертывания военных действий и, потеряв от голода и болезней из 40-тысячного десанта около 10 тысяч человек, были вынуждены эвакуировать остров. — *17.*

[23] Статья «Последнее английское правительство» представляет собой один из многочисленных примеров творческого сотрудничества Маркса и Энгельса. 30 января 1855 г. Маркс послал Энгельсу материал для характеристики ушедшего в отставку коалиционного правительства Абердина, а в письме к Энгельсу от 31 января набросал развернутый план намечаемой статьи. На основе этого материала Энгельс написал 1 февраля данную статью, которая была напечатана в «New-York Daily Tribune» 23 февраля в качестве передовой. Для «Neue Oder-Zeitung» Маркс написал по тому же вопросу статьи «Свергнутое министерство» и «Два кризиса» (см. настоящий том, стр. 39—42 и 46— 49). — *21.*

[24] *Ирландская бригада* — фракция ирландских депутатов в парламенте Великобритании. В 30—50-е годы XIX в. значительная часть ее состояла из представителей правого, соглашательского крыла национального движения, отражавшего интересы верхушки ирландской буржуазии, лендлордов и клерикально-католических кругов. В то же время в ее состав входили ирландские либеральные деятели, опиравшиеся на зажиточных арендаторов. В условиях равновесия, установившегося между тори и вигами, ирландская бригада, наряду с манчестерцами, имела возможность колебать соотношение сил в парламенте, оказывать влияние на ход внутрипарламентской борьбы и иногда решать судьбу правительства. — *21.*

[25] В 1844 г. Джемс Грехем, будучи министром внутренних дел Великобритании, в угоду австрийскому правительству отдал приказ английскому почтовому ведомству предоставлять полиции для перлюстрации письма итальянских революционеров-эмигрантов, в том числе письма Мадзини, жившего с 1837 г. в Лондоне на положении эмигранта. — *23.*

[26] В речи на заседании палаты общин 31 мая 1853 г. Рассел заявил, что английский парламент не должен санкционировать государственную поддержку католической церкви в Ирландии, так как католическое духовенство недостаточно предано английской короне и конституции. — *23.*

[27] *Компания Южных морей* была создана в Англии около 1712 г. под предлогом торговли с Южной Америкой и островами Тихого океана; подлинной ее целью была спекуляция государственными бумагами. Компания получила от правительства ряд привилегий и монопольных прав, в частности право выпуска государственных ценных бумаг, и развернула гигантскую спекулятивную деятельность, которая завершилась в 1720 г. банкротством компании. В результате банкротства значительно увеличился государственный долг, часть которого Гладстон в 1853 г. пытался ликвидировать путем скупки обесцененных акций этой компании. — *24.*

[28] Имеются в виду *билли о лендлордах и арендаторах* в Ирландии, внесенные в английский парламент в ноябре 1852 года. В них предусматривалось некоторое облегчение условий аренды земли в Ирландии. В 1853 г. билли прошли через палату общин при лицемерном одобрении коалиционного правительства, желавшего получить поддержку своей политики со стороны ирландских депутатов, однако встретили противодействие в палате лордов. В последующие годы они переходили из палаты в палату и подвергались различным изменениям; в июле 1855 г. обсуждение этих биллей было снова отложено на неопределенное время. Разбор и оценку биллей Маркс дал в ряде своих статей (см. настоящий том, стр. 376—377 и 508—509). — *25.*

[29] *Билль о ссылке* (Transportation Bill), отменявший наказание за преступления ссылкой на каторгу в колонии, был принят 12 августа 1853 года. Отбыв предварительное заключение, осужденные получали отпускные свидетельства, дававшие им право жить в Англии под надзором полиции, и использовались в качестве дешевой рабочей силы на общественных работах. Оценку этого билля Маркс дал в статье «Вопрос о войне. — Население Англии и торговые отчеты. — Парламентские дела» (см. настоящее издание, т. 9, стр. 264). — *25.*

[30] Речь идет о совещании послов Англии, Франции, Пруссии и представителя Австрии, созванном по инициативе австрийского правительства 24 июля 1853 г. в Вене для осуществления посредничества между Россией и Турцией в связи с обострением русско-турецких отношений. Совещание выработало примирительную ноту (так называемая Венская нота), которая предусматривала обязательство султана соблюдать Кючук-Кайнарджийский (1774) и Адрианопольский (1829) договоры и сохранять неприкосновенными права и преимущества православной церкви в Оттоманской империи. Согласно решению совещания, ноту следовало направить сначала царю, а затем, в случае положительного к ней отношения с его стороны, — султану. Николай I одобрил содержание ноты, оставив в то же время за собой право истолковывать ее по своему усмотрению, но турецкий султан обусловил свое одобрение ноты внесением в нее ряда изменений и оговорок, которые царское правительство признало для себя неприемлемыми.

В ноте, подписанной послами Англии, Франции, Австрии и Пруссии в Константинополе 12 декабря 1853 г. и врученной Турции 15 декабря 1853 г., четыре державы предлагали турецкому правительству свое посредничество для восстановления мира между Россией и Турцией, выдвигая в качестве основы переговоров следующие пункты: эвакуация Россией Дунайских княжеств, возобновление действия прежних договоров между Россией и Турцией, гарантия прав христиан в Турции особыми фирманами, изменение системы управления в Оттоманской империи. — *25.*

[31] Имеется в виду секретная переписка между английским посланником в Петербурге лордом Сеймуром и министром иностранных дел Англии лордом Джоном Расселом, а затем Кларендоном, касающаяся переговоров Сеймура с Николаем I по турецкому вопросу в начале 1853 года. В связи с воинственной речью Джона Рассела в палате общин 17 февраля 1854 г., направленной против России, в «Journal de Saint-Pétersbourg» («Санкт-Петербургская газета» — орган министерства иностранных дел России, выходила на французском языке) 2 марта (18 февраля) 1854 г. была напечатана передовая статья, которая намекала на существование сговора в турецком вопросе между царским правительством и правительством Англии, ссылаясь в подтверждение на переписку Сеймура. Английское правительство было вынуждено опубликовать указанную переписку. Подробный анализ этих документов и двусмысленной позиции, занятой английским правительством в ходе переговоров с Николаем I, дан Марксом в статьях: «Документы о разделе Турции» и «Секретная дипломатическая переписка» (см. настоящее издание, т. 10, стр. 137—148 и 149—164). — *26.*

[32] Согласно действовавшему в Англии с 1662 г. законодательству пауперы в случае перемены местожительства и обращения за помощью в попечительство о бедных какого-либо прихода могли быть решением суда в принудительном порядке возвращены по месту своего основного жительства. 10 февраля 1854 г. в палату общин был внесен билль (Settlement and Removal Bill), предусматривавший запрещение в Англии и Уэльсе принудительного переселения бедных. Билль не был принят парламентом. — *27.*

[33] Согласно закону, действовавшему в Англии с начала XVIII в., депутаты вновь избранного парламента должны были приносить «присягу отречения» (присягнуть в том, что они отрицают за потомками Якова II право на престол); в тексте присяги содержались слова о верности христианству. Непринесение присяги лишало депутатов права активного участия в работе парламента. В парламенте не раз поднимался вопрос об изменении текста присяги, однако лишь актом 1866 г. слова о верности христианству были изъяты. — *27.*

[34] Маркс иронически намекает здесь на смешение исторических фактов, допущенное Гербертом, приписавшим Директории, которая была учреждена в 1795 г., действия, относящиеся к 1793 году. 2 апреля 1793 г. в период войны революционной Франции против коалиции европейских держав в ставку главнокомандующего северной армией генерала Дюмурье были направлены комиссары Конвента и военный министр с приказом, предписывавшим Дюмурье явиться в Конвент для допроса по обвинению в измене революции. Дюмурье отказался повиноваться Конвенту, арестовал комиссаров и военного министра и выдал их австрийцам. Вскоре после этого Дюмурье открыто перешел на сторону Австрии. — *28.*

[35] Маркс, очевидно, имеет в виду сатирическое произведение Байрона «English bards and Scotch reviewers» («Английские барды и шотландские обозреватели»). — *29.*

[36] Под *меньшинствами* Маркс понимает различные мелкие фракции и группы в английском парламенте, которые в период коалиционного

правительства Абердина, несмотря на свою малочисленность, играли значительную роль, оказывая влияние на ход внутрипарламентской борьбы ввиду отсутствия твердого большинства в парламенте. Характеристику парламентских фракций и групп Маркс дал в статье «Партии и клики» (см. настоящий том, стр. 43—45). — *83.*

[37] Речь идет о позиции Пальмерстона в англо-греческом конфликте в связи с делом купца Пасифико, португальца по происхождению, имевшего английское подданство. Дом Пасифико в Афинах был сожжен в 1847 г., что послужило в дальнейшем поводом Пальмерстону, бывшему тогда министром иностранных дел, направить к берегам Греции английский флот и предъявить греческому правительству ультиматум. В агрессивной речи в палате общин 25 июня 1850 г. по поводу этого конфликта Пальмерстон оправдывал свои действия необходимостью поддерживать престиж английских подданных, уподобляя их гражданам Древнего Рима. — 37.

[38] *«The Morning Post»* («Утренняя почта») — английская ежедневная консервативная газета; выходила в Лондоне в 1772—1937 годах. В середине XIX в. была органом правых элементов партии вигов, группировавшихся вокруг Пальмерстона. — *38.*

[39] *«The Daily News»* («Ежедневные новости») — английская буржуазная газета либерального направления; выходила под данным названием в Лондоне с 1846 по 1930 год. — *38.*

[40] *«The Herald»* — сокращенное название английской ежедневной газеты консервативного направления «The Morning Herald» («Утренний вестник»); выходила в Лондоне в 1780—1869 годах, — *38.*

[41] *Мейферскив радикалы* — прозвище группы псевдорадикалов (Молсуорт, Осборн и др.), в действительности представлявших ту часть английской аристократии, которая заигрывала с демократическими кругами. Слово «мейферский» происходит от названия одного из фешенебельных районов Лондона — Мейфера, в котором расположены особняки аристократов. — *39.*

[42] A. Quetelet. «Sur l'homme et le developpement de ses facultes, ou Essai de physique sociale». Tomes I—II, Paris, 1835 (А. Кетле. «О человеке и развитии его способностей, или Опыт социальной физики». Тт. I—II, Париж, 1835). Маркс пользовался английским переводом этой книги, вышедшим в Эдинбурге в 1842 году, — *43.*

[43] *Манчестерская школа* — направление в английской экономической мысли, отражавшее интересы промышленной буржуазии. Сторонники этого направления, фритредеры, отстаивали свободу торговли и невмешательство государства в экономическую жизнь. Центр агитация фритредеров находился в Манчестере, где во главе этого движения стояли два текстильных фабриканта — Кобден и Брайт, организовавшие в 1838 г. Лигу против хлебных законов. В 40—50-х годах фритредеры составляли особую политическую группировку, вошедшую впоследствии в либеральную партию. — *44.*

[44] См. примечание 31. — *48.*

[45] В первом издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса последующий текст статьи был опущен. — *49.*

[46] Энгельс имеет в виду свою статью «Сражение на Альме», в которой дан разбор одного из крупных сражений периода Крымской войны между русскими войсками и войсками союзников, имевшего место 20 (8) сентября 1854 г. (см. настоящее издание, т. 10, стр. 526—531). — *50.*

[47] Речь идет об осаде в 1811 г. английскими войсками под командованием Веллингтона крепости Бадахос (Испания), занятой французскими войсками, во время войны на Пиренейском полуострове (1808—1814). Веллингтон дважды снимал осаду, чтобы вступить в бой с французской армией, шедшей на выручку осажденному гарнизону. — *53.*

[48] Энгельс, вероятно, имеет в виду свою статью «Осада Севастополя» (см. настоящее издание, т. 10, стр. 537—541). — *53.*

[49] После бонапартистского государственного переворота 2 декабря 1851 г. во Франции Пальмерстон, бывший в то время министром иностранных дел Англии, одобрил в беседе с послом Франции в Лондоне узурпаторские действия Луи Бонапарта. Этот шаг Пальмерстон не согласовал с другими членами вигского кабинета, что привело к его отставке в декабре 1851 г., хотя в принципе английское правительство не расходилось с точкой зрения Пальмерстона и первым в Европе признало бонапартистский режим во Франции. — *56.*

[50] Имеется в виду статья «К критике осады Севастополя» (см. настоящее издание, т. 10, стр. 624—626). — *58.*

[51] Статьи «Лорд Пальмерстон» были написаны Марксом для «Neue Oder-Zeitung» в связи с образованием 6 февраля 1855 г. правительства Пальмерстона; они представляют собой в основном резюме известного памфлета «Лорд Пальмерстон», написанного Марксом осенью 1853 г. для «New-York Daily Tribune» и опубликованного также в более полном виде в чартистском органе «People's Paper» (см. настоящее издание, т. 9, стр. 357—425). — *61.*

[52] В связи с обсуждением в английском парламенте в июне 1850 г. вопроса об англо-греческом конфликте, связанном с так называемым делом Пасифико (см. примечание 37), внешняя политика правительства, в котором Пальмерстон занимал пост министра иностранных дел, получила одобрение палаты общин; палата лордов, наоборот, большинством в 37 голосов высказалась против позиции, занятой правительством в обсуждавшемся вопросе. Франция и Россия через своих послов в Лондоне также дали почувствовать свое недовольство позицией английского правительства: французский посол демонстративно выехал из Лондона, русский посол не явился на обед, устроенный Пальмерстоном. — *62.*

[53] *Хлебные законы,* направленные на ограничение или запрещение ввоза хлеба из-за границы, вводились в Англии с 1815 г. в интересах крупных землевладельцев-лендлордов. Промышленная буржуазия, боровшаяся против хлебных законов под лозунгом свободы торговли, добилась их отмены в 1846 году. — *63.*

[54] *Блокада реки Шельды* и голландских берегов англо-французским флотом в 1832 г. была предпринята с целью заставить Голландию прекратить военные действия, которые она возобновила в 1831 г. против отделившейся от нее Бельгии. Военные действия были прекращены в 1833 году. В то же время в результате сговора пяти держав (Англии,

Франции, России, Пруссии и Австрии) как Голландия, так и Бельгия вынуждены были принять выработанные державами компромиссные условия мирного договора (1833).

Блокада устьев рек Тахо и Дуэро Англией имела место во время гражданской войны в Португалии (1828—1834), которая происходила между абсолютистами (феодально-клерикальной партией), возглавляемыми претендентом на португальский престол дон Мигелем, и конституционалистами (буржуазно-либеральной партией). Стремясь упрочить свое влияние на Пиренейском полуострове и подорвать позиции в этом районе Австрии, поддерживавшей абсолютистов, английское правительство послало к берегам Португалии флот, который блокировал устья рек Тахо и Дуэро, и этим способствовало победе конституционалистов.

Блокада Буэнос-Айреса англо-французским флотом была начата в 1845 г. с целью заставить аргентинское правительство открыть для иностранных судов Парану и другие реки. Англия и Франция достигли этой цели в 1852 г., вынудив Аргентину подписать соответствующий договор. — *64.*

[55] По договору, заключенному между английским правительством и правительством Королевства обеих Сицилий (Неаполитанского королевства) в 1816 г., последнее обязывалось не предоставлять другим странам торговых привилегий, которые затрагивали бы интересы Англии. В 1838 г. неаполитанский король предоставил французской компании монопольное право на добычу серы в Сицилии, что вызвало резкий протест со стороны Англии. Чтобы заставить неаполитанского короля отменить свое решение, правительство Англии в 1840 г. приказало своему флоту в Средиземном море открыть военные действия. Неаполь был вынужден выполнить требование Англии.

Об экспедиции в связи с делом Пасифико см. примечание 37.

Говоря об экспедиции в Персидский залив, Маркс имеет в виду действия английского флота во время англо-иранского конфликта 1838—1841 гг., возникшего в связи с осадой иранскими войсками афганской крепости Герат, важнейшего узла торговых путей. Поход иранского шаха Мухаммеда на Герат в 1837 г. явился следствием обострения не только ирано-афганских, но и англо-русских противоречий в этом районе. Стремясь усилить влияние Англии в Афганистане и ослабить упрочившееся к этому времени влияние России в Иране, а также навязать И рану невыгодный для него торговый договор, английское правительство объявило действия шаха враждебными Англии и потребовало снятия осады Герата. Ввиду отказа шаха выполнить это требование английское правительство порвало дипломатические отношения с Ираном и, угрожая войной, направило в 1838 г. в Персидский залив эскадру. Иранский шах вынужден был снять осаду и согласиться затем на заключение с Англией торгового договора. — 64.

[56] Речь идет о вмешательстве Англии в так называемую карлистскую войну в Испании (1833—1840), происходившую между реакционными феодально-католическими силами, возглавляемыми претендентом на престол дон Карлосом, и силами буржуазно-либерального лагеря, которые поддерживали правительство регентши Марии-Кристины. Под предлогом помощи испанскому правительству Англия направила в Испанию флот и британский легион волонтеров, который принимал участие в военных действиях в 1835—1837 годах. Действительной целью вмешательства Англии в испанские дела явилось стремление упрочить свое влияние на Пиренейском полуострове.

Война с Китаем за ввоз опиума (так называемая первая «опиумная» война 1839—1842 годов) — захватническая война Англии против Китая, положившая начало превращению Китая в полуколониальную страну. Поводом к войне послужило уничтожение в Кантоне китайскими властями запасов опиума, принадлежавших иностранным купцам. Воспользовавшись поражением отсталого феодального Китая, английские колонизаторы навязали ему грабительский Нанкинский договор (29 августа 1842 г.), предусматривавший открытие для английской торговли пяти китайских портов (Кантона, Амоя, Фучжоу, Нинбо, Шанхая), переход острова Гонконга в «вечное владение» Англии и уплату Китаем огромной контрибуции. По дополнительному протоколу 1843 г. Китай должен был также предоставить иностранцам право экстерриториальности. — *64.*

[57] В 1838 г. в связи с отказом афганского эмира Дост-Мухаммеда заключить союз с Англией против Ирана и России Англия, не сумев превратить Афганистан в орудие своей политики, решила путем военной интервенции свергнуть Дост-Мухаммеда и посадить на престол своего ставленника шаха Шуджу. Английские войска вторглись в Афганистан, захватили и опустошили почти всю страну, взяли в плен Дост-Мухаммеда; однако господство англичан оказалось непродолжительным. В результате народного восстания в ноябре 1841 г. английские войска были разгромлены и истреблены. В 1842 г. англичане предприняли еще одну попытку завоевать Афганистан, окончившуюся также полным провалом.

Бомбардировка англо-австрийским флотом сирийской крепости *Сен-Жан-д'Акр* имела место во время турецко-египетской войны 1839— 1841 годов. Англия вмешалась в конфликт, опасаясь сепаратных действий России в поддержку турецкого султана и стремясь в то же время изолировать Францию, которая в борьбе за сферы влияния на Ближнем Востоке делала ставку на правителя Египта Мухаммеда-Али, завоевавшего Сирию. Английское правительство настояло на подписании 15 июля 1840 г. Лондонской конвенции четырех держав (Англия, Россия, Австрия и Пруссия) о военной помощи султану. На основании конвенции Мухаммеду-Али было предъявлено ультимативное требование о подчинении султану и о немедленном возвращении ему всех владений, кроме Египта и южной части Сирии. Ввиду отказа Мухаммеда-Али выполнить это требование англо-австрийские военные корабли бомбардировали осенью 1840 г. Бейрут, Сен-Жан-д'Акр и другие крепости на сирийском побережье. Мухаммед-Али вынужден был уступить и принять ультиматум держав. — *64.*

[58] Об *Адрианопольском договоре* см. примечание 19.

Балта-Лиманский договор — конвенция, заключенная Россией и Турцией 1 мая (19 апреля) 1849 г. в связи с пребыванием их войск в Молдавии и Валахии, куда они были введены с целью подавления революционного движения. Согласно конвенции, оккупационный режим сохранялся вплоть до полного устранения революционной опасности (иностранные войска были выведены из княжеств лишь в 1851 г.), временно вводился принцип назначаемости господарей султаном по согласованию с царем и предусматривался ряд мер со стороны России и Турции, в том числе новая военная оккупация, в случае повторения революции. — *65.*

[59] 8 мая 1852 г. представителями России, Австрии, Англии, Франции, Пруссии, Швеции совместно с представителями Дании был подписан

Лондонский протокол о целостности Датской монархии. В основу договора был положен принятый 4 июля 1850 г. упомянутыми участниками Лондонской конференции (за исключением Пруссии) протокол, который устанавливал принцип нераздельности владений датской короны, включая герцогства Шлезвиг и Гольштейн. В Лондонском протоколе император России упоминался как один из законных претендентов на датский престол (в качестве потомка герцога Гольштейн-Готторпского Карла-Петра-Ульриха, царствовавшего в России под именем Петра III), отказавшихся от своих прав в пользу герцога Кристиана Глюксбургского, который был объявлен наследником короля Фредерика VII. Это создавало прецедент для притязаний русского царя на датский престол в будущем, в случае прекращения Глюксбургской династии. — *65.*

[60] Речь идет о соглашении, подписанном представителями России, Англии и Нидерландов 19 (7) мая 1815 г. в Лондоне о возмещении России военных издержек, связанных с изгнанием наполеоновских войск из голландских и бельгийских провинций. По этому соглашению правительства Англии и Нидерландов обязывались уплатить в качестве компенсации часть русского долга голландским банкирам Гопе и К° и не погашенные до 1 января 1816 г. проценты по этому долгу. Специальная статья соглашения оговаривала, что уплата долга прекращается в случае отпадения от Нидерландов бельгийских провинций. После революции 1830 г. и образования независимого бельгийского государства правительство Нидерландов прекратило платежи. Однако Пальмерстон от имени английского правительства подписал с Россией 16 (4) ноября 1831 г. новое соглашение, подтверждавшее прежние финансовые обязательства Англии. — *65.*

[61] *Ункяр-Искелесийский договор* между Россией и Турцией был заключен 8 июля (26 июня) 1833 года. Подписанию договора предшествовала высадка в районе Босфора, в местности Ункяр-Искелеси, русских десантных частей, которые были направлены в Турцию с целью оказания помощи султану против угрожавшей турецкой столице армии Ибрагима-паши, сына восставшего против султана правителя Египта Мухаммеда-Али. В мае 1833 г. Порта, при посредничестве Англии и Франции, заключила с Мухаммедом-Али мир, уступив ему Сирию и Палестину. Несмотря на то, что непосредственная опасность для султана миновала, царская дипломатия сумела использовать напряженность обстановки и пребывание русских войск в Турции для того, чтобы побудить Порту заключить оборонительный союз с Россией, и добилась включения в Ункяр-Искелесийский договор, оформивший этот союз, секретной статьи, по которой Турция обязывалась по требованию России не пропускать через проливы иностранные военные суда. Вторая статья подтверждала Адрианопольский договор и другие русско-турецкие соглашения. Срок действия договора устанавливался в восемь лет. — *66.*

[62] По Адрианопольскому договору 1829 г. к России отходили острова в устье Дуная, но при этом гарантировалась свобода плавания по Дунаю торговых судов всех стран. Однако в 1836 г. на основании указа Правительствующего Сената от 2 марта (19 февраля) в Сулинском гирле Дуная был установлен русский карантинный пост, который фактически играл роль таможни, контролирующей движение судов на этом участке реки. Во время дебатов по этому вопросу в анг-

лийском парламенте в апреле 1836 г. Пальмерстон заявил, что действия России не нанесли ущерба англо-турецкой торговле, а потому он не видит оснований для дипломатического вмешательства Англии. — *66.*

[63] *«Portfolio»* — сокращенное название собрания дипломатических документов и материалов, издававшегося Д. Уркартом в Лондоне. Серия «The Portfolio; or a Collection of State Papers» («Портфель, или Собрание государственных документов») выходила в 1835—1837 годах; новая серия выходила в 1843—1845 гг. под названием «The Portfolio. Diplomatic Review» («Портфель. Дипломатическое обозрение»). — *66.*

[64] *«The Manchester Guardian»* («Манчестерский страж») — английская буржуазная газета, орган сторонников свободной торговли (фритредеров), позже орган либеральной партии; основана в Манчестере в 1821 году.— *70.*

[65] Имеется в виду вышедшая анонимно брошюра Мак-Нейла: «Progress and present position of Russia in the East». London, 1836 («Продвижение и современное положение России на Востоке». Лондон, 1836). — *73.*

[66] *«The Morning Chronicle»* («Утренняя хроника») — ежедневная английская буржуазная газета, выходившая в Лондоне с 1770 по 1862 год; орган вигов, в начале 50-х годов орган пилитов, затем консерваторов. — *76.*

[67] *«The Economist»* («Экономист») — английский еженедельный журнал по вопросам экономики и политики, основан в Лондоне в 1843 году; орган крупной промышленной буржуазии. — *77.*

[68] Статья «Война, нависшая над Европой» была написана Энгельсом для «New-York Daily Tribune». Маркс воспроизвел эту статью с сокращениями и небольшими изменениями в корреспонденциях для «Neue Oder-Zeitung»: «Парламентские и военные дела» (см. настоящий том, стр. 87—89) и «Состояние армий». Статья «Состояние армий» («Zustand der Armeen»), опубликованная в «Neue Oder-Zeitung» 24 февраля 1855 г. (вошла в первое издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса), в настоящее издание не включена, поскольку содержание ее полностью исчерпывается статьей в «Tribune». — *79.*

[69] *Blue Books* (Синие книги) — общее название публикаций материалов английского парламента и дипломатических документов министерства иностранных дел. Синие книги, названные так из-за синей обложки, издаются в Англии с XVII в. и являются основным официальным источником по экономической и дипломатической истории этой страны. — *87.*

[70] Имеется в виду книга: W. F. P. Napier. «History of the War in the Peninsula and in the South of France from the year 1807 to the year 1814» Vol. I—VI, London, 1828—1840 (У. Ф. П. Нейпир. «История войны на Пиренейском полуострове и на юге Франции с 1807 по 1814 год» Тт. I—VI, Лондон, 1828—1840). — *89.*

[71] Речь идет об обсуждении в английском парламенте в 1845 г. вопроса об увеличении субсидий католическому колледжу в Мейнуте (Ирландия), основанному в 1795 году. Увеличение субсидий колледжу имело целью привлечь на сторону английских господствующих классов ирландское католическое духовенство и ослабить таким образом национально-освободительное движение в Ирландии. — *92.*

[72] Речь идет о реформе избирательного права, билль о которой был принят английской палатой общин в 1831 г. и окончательно утвержден палатой лордов в июне 1832 года. Реформа была направлена против политической монополии земельной и финансовой аристократии и открыла доступ в парламент представителям промышленной буржуазии. Пролетариат и мелкая буржуазия, которые являлись главной силой в борьбе за реформу, были обмануты либеральной буржуазией и не получили избирательных прав. — *93.*

[73] *Народная хартия,* содержащая требования чартистов, была опубликована 8 мая 1838 г. в качестве законопроекта, предназначенного для внесения в парламент; она состояла из шести пунктов: всеобщее избирательное право (для мужчин, достигших 21 года), ежегодные выборы в парламент, тайная подача голосов, уравнение избирательных округов, отмена имущественного ценза для кандидатов в депутаты парламента, вознаграждение депутатов. Значение Народной хартии Маркс раскрывает также и в других статьях настоящего тома (см. стр. 144—145, 250, 280—281). — *93.*

[74] *Малая хартия* — такое название получил законопроект об избирательной реформе, который неоднократно вносился в английский парламент лидером буржуазных радикалов Юмом в 1848—1851 гг. в противовес Народной хартии чартистов. Законопроект Юма предусматривал избирательное право для всех, кто занимает дом или часть дома (Household Suffrage), выборы в парламент каждые три года и тайное голосование. Он стал программой Национальной ассоциации парламентской и финансовой реформы.

Национальная ассоциация парламентской и финансовой реформы была создана буржуазными радикалами в 1849 г. с целью агитации за Малую хартию Юма и за проведение реформы налогового обложения. Противопоставляя свою программу требованиям чартистов, буржуазные радикалы рассчитывали в условиях спада политической активности рабочего класса после неудачи демонстрации чартистов 10 апреля 1848 г. расколоть чартистское движение и подчинить своему влиянию рабочие массы. Агитация буржуазных радикалов, которую поддерживали Кобден, Брайт, а также реформистские элементы чартистов во главе с О'Коннором, не имела успеха. Большинство чартистов и в 50-х годах осталось верным Народной хартии. В 1855 г. Национальная ассоциация парламентской и финансовой реформы распалась. —*93.*

[75] Римский император Калигула назначил своего любимого коня консулом. — *95.*

[76] *Великими Моголами* европейцы называли властителей империи, основанной в 1526 г. в Северной Индии и в XVIII в. пришедшей в упадок (считались преемниками Чингис-хана, отсюда и название «моголы»). — *95.*

[77] Намек на назначение Рассела по инициативе Пальмерстона представителем Англии на Венской конференции, которая должна была открыться в марте 1855 года (о ней см. примечание 108). — *96.*

[78] *Эмансипация католиков* — отмена английским парламентом в 1829 г. ограничений политических прав католиков. Католики, большинство которых составляли ирландцы, получили право быть избранными в парламент и занимать некоторые правительственные должности;

одновременно имущественный избирательный ценз был увеличен в пять раз. С помощью этого маневра правящие классы Англии рассчитывали привлечь на свою сторону верхушку ирландской буржуазии и католических землевладельцев, расколов таким образом ирландское национальное движение. — *97.*

[79] *Закон о бедных,* принятый в 1834 г., допускал только одну форму помощи бедным — помещение их в работные дома с тюремно-каторжньм режимом, прозванные народом «бастилиями для бедных». Закон преследовал цель заставить бедняков соглашаться на тяжелые условия труда на фабриках и тем самым увеличить количество дешевых рабочих рук для промышленной буржуазии. — *100.*

[80] Речь идет об одной из крупнейших стачек английских рабочих в 50-х годах XIX века. В августе 1853 г. забастовали ткачи и прядильщики хлопчатобумажных фабрик Престона и его окрестностей, потребовавшие повышения заработной платы на 10%; их поддержали рабочие других профессий. В ответ Ассоциация предпринимателей в сентябре 1853 г. объявила локаут. Из 30000 престонских рабочих не работало около 25000 человек. Благодаря помощи, оказанной рабочими других городов, престонские рабочие смогли продержаться более 36 недель. В организации кампании по сбору средств для бастующих активное участие приняли чартисты. Локаут был прекращен в феврале 1854 г., но стачка продолжалась. Для того чтобы сорвать ее, Ассоциация предпринимателей начала ввозить в Престон рабочих из Ирландии и работных домов Англии. В марте 1854 г. были арестованы руководители стачки. По мере того как иссякали денежные фонды, рабочие были вынуждены возвращаться на работу. В мае стачка закончилась. Более подробно о стачке в Престоне см. настоящее издание, тт. 9 и 10. — *101.*

[81] Редакция «New-York Daily Tribune» в ряде случаев изменяла начало статей Маркса и Энгельса, стремясь придать им вид статей, написанных в США. Подобное вмешательство редакции газеты в текст Маркса имело место и в первых строках настоящей статьи. — *105.*

[82] *Акт о мятежах* (Mutiny Act) — ежегодно принимавшийся парламентом, начиная с 1689 до 1881 г., закон, наделявший корону полномочиями содержать постоянную армию и военно-морские силы в определенных размерах, вводить военные уставы и распорядки в армии и флоте, применять военные суды и устанавливать систему наказаний за участие в мятежах, неповиновение приказам, нарушение дисциплины и т. п. Поводом для издания первого из таких актов были солдатские волнения в Англии. — *109.*

[83] *Симония* — в средние века система продажи и покупки церковных должностей, против которой еще с XII в. вели борьбу сторонники церковной реформы. — *110.*

[84] В «Neue Oder-Zeitung» от 9 марта 1855 г. была помещена заметка о том, что известный английский врач Гранвилл предсказывал в 1853 г. Пальмерстону скорую смерть царя и советовал ему учесть это предсказание при определении своей политики в отношении России. — *114.*

[85] *Пифические изречения* — изречения пифии, жрицы-прорицательницы в храме бога Аполлона в Дельфах (Древняя Греция). — *114.*

[86] *«Moniteur»* — сокращенное название французской ежедневной газеты «Le Moniteur universel» («Всеобщий вестник»), выходившей в Париже с 1789 по 1901 год; с 1799 до 1869 г. официальный правительственный орган. Упомянутая Марксом статья напечатана в «Moniteur» 17 февраля 1855 года. — *116.*

[87] Маркс имеет в виду анонимную брошюру: «De la conduite de la guerre d'Orient. Expedition de Crimee. Memoire adresse au gouvernement de S. M. l'Empereur Napoleon III par un officier general». Bruxelles, 1855 («О ведении Восточной войны. Крымская экспедиция. Записка, адресованная одним генералом правительству его величества императора Наполеона III». Брюссель, 1855). Опубликование этой брошюры, содержащей резкую критику руководства крымской экспедицией, вызвало сенсацию и широкие отклики в прессе; авторство этой брошюры приписывали принцу Наполеону (Жерому Бонапарту-младшему).—*116.*

[88] Имеются в виду опубликованные в газете «Times» в период с декабря 1851 по ноябрь 1852 г. антибонапартистские статьи английского журналиста Ричардса (за подписью «Англичанин») о Луи-Наполеоне и государственном перевороте 2 декабря 1851 года. — *116.*

[89] Ниже Маркс цитирует речь Джонса на митинге в Сент-Мартинс холле, напечатанную в «People's Paper» 3 марта 1855 года.

«The People's Paper» («Народная газета») — еженедельная чартистская газета, основанная в мае 1852 г. в Лондоне одним из вождей революционного чартизма, другом Маркса и Энгельса Эрнестом Джонсом. С октября 1852 по декабрь 1856 г. в газете сотрудничали Маркс и Энгельс, оказывая также помощь и в ее редактировании. Помимо статей, написанных Марксом и Энгельсом специально для «People's Paper», в газете перепечатывались важнейшие их статьи из «New-York Daily Tribune». В этот период «People's Paper» последовательно защищала интересы рабочего класса и пропагандировала идеи социализма. Сближение Джонса с буржуазными радикалами привело к прекращению сотрудничества Маркса и Энгельса в «People's Paper» и к их временному разрыву с Джонсом. В июне 1858 г. газета перешла в руки буржуазных дельцов. — *116.*

[90] Имеется в виду обострение англо-французских противоречий на Ближнем Востоке в период турецко-египетской войны 1839—1841 годов. Заключение без участия Франции Лондонской конвенции 15 июля 1840 г. (см. примечание 57) об оказании военной помощи турецкому султану против египетского правителя Мухаммеда-Али привело к резкому ухудшению отношений между Англией и Францией и создало угрозу войны. Опасаясь образования антифранцузской коалиции держав, Франция вынуждена была отказаться от поддержки правителя Египта. — *117.*

[91] В 1846 г. правительству Гизо удалось добиться заключения брака младшего сына французского короля Луи-Филиппа — герцога Монпансье с испанской инфантой Марией-Луизой-Фернандой и расстроить проектировавшийся Англией брачный союз принца Леопольда Кобургского с испанской королевой Изабеллой II. Борьба вокруг этих брачных

проектов между английским и французским правительствами вызвала в 1846—1847 гг. резкое обострение англо-французских отношений.—*117.*

[92] *Утрехтский договор 1713 г.* — один из мирных договоров, заключенных между Францией и Испанией, с одной стороны, и государствами — участниками антифранцузской коалиции (Англией, Голландией, Португалией, Пруссией и австрийскими Габсбургами), — с другой, и завершивших длительную войну за Испанское наследство (началась в 1701 году). По договору испанский престол сохранялся за французским претендентом, внуком Людовика XIV Филиппом Бурбоном, но французский король должен был отказаться от своих планов соединения французской и испанской монархий и отречься за себя и за своих наследников из французской ветви Бурбонов от прав на испанскую корону. Договор санкционировал переход ряда французских и испанских колоний в Вест-Индии и Северной Америке, а также Гибралтара к Англии.

Обвиняя в 1846 и 1847 гг. Францию в нарушении Утрехтского договора, Пальмерстон имел в виду замысел Луи-Филиппа создать посредством брака своего младшего сына с испанской инфантой новую перспективу соединения обеих монархий. — *117.*

[93] Речь идет о соглашении, заключенном в 1835 г. лидером либерального крыла ирландского национального движения О'Коннелом, возглавлявшим ирландскую фракцию в парламенте, с лидерами партии вигов. В связи с тем, что переговоры происходили в доме лорда Личфилда в Лондоне, это соглашение получило название Личфилдхаусского соглашения. — *123.*

[94] Имеется в виду агитация за отмену англо-ирландской унии 1801 года. Уния, навязанная Ирландии английским правительством после подавления ирландского восстания 1798 г., уничтожила последние следы автономии Ирландии и упразднила ирландский парламент. Требование отмены унии (Repeal of Union) стало с 20-х годов XIX в. наиболее популярным лозунгом в Ирландии. Однако возглавлявшие национальное движение буржуазные либералы (О'Коннел и другие) рассматривали агитацию за отмену унии лишь как средство для того, чтобы добиться от английского правительства мелких уступок ирландской буржуазии. В 1835 г. О'Коннел, заключив сделку с английскими вигами, вообще прекратил эту агитацию. Но под воздействием массового движения ирландские либералы вынуждены были в 1840 г. основать Ассоциацию рипилеров, которую они старались направить на путь компромисса с английскими правящими классами. — *123.*

[95] В 1848 г. в Ирландии готовилось народное восстание с целью национального освобождения страны и установления республики. Главными инициаторами-восстания были Митчел, Лалор и другие представители революционного крыла Ирландской конфедерации, основанной в 1847 г. в результате раскола Ассоциации рипилеров (см. примечание 94). В результате ареста Митчела и других руководителей движения, а также вследствие соглашательской, по существу предательской тактики либерального крыла Конфедерации, возглавляемого Смитом О'Брайеном, общего выступления не произошло. В июле 1848 г. имели место лишь разрозненные восстания в городах и стихийные выступления крестьян в провинциях, которые потерпели поражение. Английское правительство жестоко расправилось с участниками революционного движения 1848 г. в Ирландии. — *125.*

[96] Статья «События в Крыму» является переводом статьи «Итоги военных действий в Крыму» («The Results in the Crimea»), написанной Энгельсом для «New-York Daily Tribune» и опубликованной в качестве передовой 2 апреля 1855 года. При переводе статьи Энгельса для «Neue Oder-Zeitung» Маркс внес в нее некоторые изменения и незначительные сокращения. — *126.*

[97] *Сражение при Евпатории* между русскими и турецкими войсками произошло 17 (5) февраля 1855 года. — *128.*

[98] Начальные строки настоящей статьи добавлены редакцией «New-York Daily Tribune». — *130.*

[99] В районе *Асперна* (на левом берегу Дуная, недалеко от Вены) 21—22 мая 1809 г. произошло одно из крупных сражений между войсками Наполеона I и австрийской армией эрцгерцога Карла, окончившееся победой австрийцев. Чтобы спасти свои войска от разгрома, Наполеон I отвел их с левого берега Дуная. — *132.*

[100] Речь идет о сражении при *Лейпциге* 16—19 октября 1813 г. — генеральном сражении в войне коалиции европейских держав против наполеоновской Франции, закончившемся победой войск союзников над армией Наполеона I. — *132.*

[101] Намек на неудавшийся путч Луи Бонапарта в Страсбурге 30 октября 1836 года. - *132.*

[102] *Восемнадцатое брюмера* (9 ноября 1799 г.) — государственный переворот, завершивший процесс буржуазной контрреволюции во Франции; в результате переворота была установлена военная диктатура Наполеона Бонапарта.

14 июня 1800 г. в сражении при *Маренго* (Северная Италия) армия Наполеона Бонапарта одержала победу над австрийскими войсками. Эта первая крупная победа Бонапарта после государственного переворота способствовала укреплению его власти.

Говоря о втором издании восемнадцатого брюмера, Маркс и Энгельс имеют в виду государственный переворот Луи Бонапарта 2 декабря 1851 года. — *135.*

[103] *«The Leader»* («Лидер») — английская еженедельная буржуазная газета либерального направления; основана в Лондоне в 1850 году. — *139.*

[104] *Общество мира* — буржуазно-пацифистская организация, основанная в 1816 г. в Лондоне религиозной сектой квакеров. Общество получило активную поддержку со стороны фритредеров, полагавших, что в мирных условиях Англия сумеет с помощью свободной торговли полнее использовать свое промышленное превосходство и добиться экономического и политического господства. — *140.*

[105] *Закон о десятичасовом рабочем дне,* распространявшийся только на подростков и женщин-работниц, был принят английским парламентом 8 июня 1847 года.

В феврале 1850 г. суд казначейства (один из высших судов Англии) вынес оправдательный приговор фабрикантам, обвинявшимся в нарушении закона о десятичасовом рабочем дне. Это решение, фактически

означавшее отмену закона, вызвало сопротивление со стороны рабочих, в связи с чем 5 августа 1850 г. парламент издал новый закон, установивший рабочий день для женщин и подростков в $10^1/_2$ часов и определивший начало и конец рабочего дня.

Подробный анализ закона 1847 г. о десятичасовом рабочем дне дан в статьях Энгельса «Вопрос о десятичасовом рабочем дне» и «Английский билль о десятичасовом рабочем дне» (см. настоящее издание, т. 7, стр. 238—244 и 245—256). — *141.*

[106] Отчет о данном митинге, на котором выступал Джонс, был напечатан в газетах «Morning Post» 19 марта и «People's Paper» 24 марта 1855 года. — *142.*

[107] *Сражение при Инкермане* в Крыму между русской армией и англофранцузскими войсками произошло 5 ноября (24 октября) 1854 года. Сражение закончилось поражением русских войск, однако активные действия русской армии вынудили союзников отказаться от немедленного штурма Севастополя и перейти к длительной осаде крепости. Подробно это сражение описано в статье Энгельса «Инкерманское сражение» (см. настоящее издание, т. 10, стр. 558—563). — *146.*

[108] *Венская конференция* — конференция представителей России, Англии, Франции, Австрии и Турции, созванная в Вене с целью выработки условий для заключения мира между державами, ведущими Крымскую войну. Конференция открылась 15 марта 1855 г. и продолжалась с перерывами до 4 июня 1855 года. В основу переговоров были положены так называемые четыре пункта (см. примечание 6). Соглашаясь на принятие с некоторыми оговорками первого, второго и четвертого пунктов, Россия решительно отклонила третий пункт, предусматривавший в толковании западных держав ограничение военно-морских сил России на Черном море. Представители Англии и Франции настаивали на безоговорочном принятии Россией всех пунктов. Они отклонили также компромиссное предложение Австрии, внесенное на последнем заседании конференции. Это предложение предусматривало предоставление России и Турции права самим договориться о количестве военно-морских сил, которые обе державы могут иметь на Черном море. Конференция прекратила свою работу, не приняв никакого решения. — *146.*

[109] *Ceterum censeo* — начальные слова ставшего крылатым выражения Катона Старшего, которым он обычно заключал свои речи в римском сенате: Ceterum censeo Garthaginem esse delendam (Впрочем, я считаю, что Карфаген должен быть разрушен). — *147.*

[110] Отрывок из статьи Энгельса «Последняя уловка Наполеона», а также его следующая статья «Сражение под Севастополем» были в сокращенном виде воспроизведены Марксом в корреспонденции «Последние события в Крыму» («Ueber die letzten Vorgange in der Krim»), опубликованной в «Neue Oder-Zeitung» 26 марта 1855 г. (вошла в первое издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса). — *153.*

[111] Принц Наполеон командовал в 1854 г. дивизией в Крыму. Не одобряя крымскую экспедицию, к тому же не обладая достаточными военными способностями и не пользуясь популярностью в армии, принц Наполеон под предлогом болезни старался уклониться от руководства военными действиями, а затем самовольно вернулся в Париж. — *154.*

[112] О немецком варианте данной статьи см. примечание 110. Первый абзац, по-видимому, добавлен редакцией «New-York Daily Tribune». — *157.*

[113] *«The Press»* («Пресса») — английский еженедельник, орган тори; издавался в Лондоне с 1853 по 1866 год. — *163.*

[114] Маркс, по-видимому, имеет в виду визит лорда Малмсбери, бывшего министра иностранных дел в торийском кабинете Дерби, в Париж в марте 1853 года. Как сообщала об этом визите газета «Times» 23 марта 1853 г., Наполеон III пригласил Малмсбери на обед и вел с ним конфиденциальную беседу. По воспоминаниям самого Малмсбери, во время беседы с французским императором подчеркивалась необходимость укрепления дружественных отношений между Англией и Францией. — *162.*

[115] E. Girardin. «La Paix». Paris, 1855 (Э. Жирарден. «Мир». Париж, 1855). — *164.*

[116] Намек на книгу Луи Бонапарта «Наполеоновские идеи», вышедшую в Париже в 1839 году (Napoleon-Louis Bonaparte. «Des idees napoleoniennes». Paris, 1839). — *164.*

[117] *Сент-Джемсский дворец* в Лондоне — с конца XVII в. резиденция английских королей, в XIX в. служил местом торжественных церемоний и приемов. — *165.*

[118] *Exeter Hall* — здание в Лондоне, место собраний различных религиозных и филантропических обществ. — *170.*

[119] В первом абзаце данной статьи заметны следы вмешательства редакции «New-York Daily Tribune». — *177.*

[120] Энгельс имеет в виду свою статью «Итоги военных действий в Крыму», немецкий вариант которой помещен в настоящем томе, стр. 126— 129.—*177.*

[121] Имеется в виду статья «Последние события в Крыму», английский вариант которой помещен в настоящем томе, стр. 157—161. — *183.*

[122] *Система заместительства в армии* была долгое время широко распространена во Франции и составляла одну из привилегий имущих классов. Каждый состоятельный человек, призываемый на военную службу, мог за известную плату нанять себе заместителя. В период французской революции конца XVIII века заместительство было запрещено, однако Наполеон I вновь его узаконил. В апреле 1855 г. в систему заместительства в армии были внесены изменения: по новому закону заместители, если они не являлись близкими родственниками призываемого, подбирались государственными органами, а денежные суммы на замещение вносились в специальный фонд «дотации армии». Новый закон преследовал цель создания более стабильной и проданной императору армии. В 1872 г. система заместительства во Франции была отменена. — *185.*

[123] *«Фра Дьяволо»* («Брат Дьявол») — комическая опера французского композитора Обера на либретто Скриба. — *187.*

[124] Речь идет о героическом восстании парижского пролетариата 23— 26 июня 1848 г., жестоко подавленном французской буржуазией. Поражение июньского восстания явилось сигналом к наступлению контрреволюции в европейских странах. — *191.*

[125] Данная статья была также опубликована в газете «New-York Daily Tribune» 30 апреля 1855 г. в качестве передовой под заглавием «Оправдания Наполеона» («Napoleon's apology»). — *193.*

[126] Об *Адрианопольском договоре* см. примечание 19.

Кючук-Кайнарджийский договор — мирный договор, заключенный 21 (10) июля 1774 г. между Россией и Турцией в результате успешной для России русско-турецкой войны 1768—1774 годов. По договору Россия получила часть северного побережья Черного моря между Южным Бугом и Днепром с крепостью Кинбурн, а также Азов, Керчь и Еникале, и добилась признания независимости Крыма, что облегчило в дальнейшем его присоединение. Русским торговым судам предоставлялось право свободного плавания через Босфор и Дарданеллы. По договору султан должен был предоставить ряд привилегий православной церкви, в частности, в статье 14 предусматривалось сооружение православной церкви в Константинополе.

Упомянутый Энгельсом некролог об императоре Николае напечатан в газете «Moniteur» 27 марта 1855 года; в нем утверждалось, что поводом к Крымской войне послужило тенденциозное истолкование Россией Адрианопольского договора. Между тем в споре, развернувшемся накануне Крымской войны вокруг вопроса о «святых местах», Россия исходила из условий Кючук-Кайнарджийского договора, где привилегии православной церкви были оговорены специальной статьей. — *194.*

[127] 20 июля 1808 г. в сражении при *Байлене* в период войны Испании за независимость (1808—1814) французские войска под командованием генерала Дюпона были окружены испанцами и сложили оружие.

29—30 августа 1813 г. у *Кульма* (Чехия) во время войны коалиции европейских держав против наполеоновской Франции французские войска под командованием генерала Вандама были окружены австрийскими войсками и взяты в плен. — *194.*

[128] Moltke. «Der russisch-turkische Feldzug in der europaischen Turkei 1828 und 1829». Berlin, 1845 (Мольтке. «Русско-турецкая кампания в европейской Турции в 1828 и 1829 годах». Берлин, 1845). — *194.*

[129] Статья «Вылазка 23 марта» является переводом статьи Энгельса «Осада Севастополя» («The Siege of Sevastopol»), написанной для «New-York Daily Tribune» и опубликованной в газете 30 апреля 1855 г. в качестве передовой. При переводе статьи Маркс внес в нее небольшие редакционные изменения. — *198.*

[130] Данные статьи Энгельса были написаны им по просьбе Маркса для одновременной публикации в «Neue Oder-Zeitung» и «New-York Daily Tribune». Как видно из второй статьи в «Neue Oder-Zeitung» и из письма Маркса Эльснеру от 17 апреля 1855 г., Энгельс предполагал продолжить критику панславистских теорий, разоблачению реакционной сущности которых Маркс и Энгельс придавали большое значение. Однако дальнейших статей Энгельса на эту тему в газетах не появилось.

В «New-York Daily Tribune» статьи Энгельса о панславизме были опубликованы 5 и 7 мая 1855 г. под заглавием «Борьба в Европе» («The European Struggle») и «Уязвимое место Австрии» («Austria's Weakness») в искаженном виде; так во второй статье редакцией «Tribune» был вставлен целый абзац, в котором восхваляются панславистские идеи одного из сотрудников газеты А. Гуровского. — *202.*

[131] *Славянский съезд* собрался 2 июня 1848 г. в Праге; на съезде обнаружилась борьба двух течений в национальном движении славянских народов, угнетенных империей Габсбургов. Правое, умеренно-либеральное направление, к которому принадлежали руководители съезда (Палацкий, Шафарик), пыталось разрешить национальный вопрос путем сохранения и укрепления Габсбургской монархии. Левое, демократическое направление (Сабина, Фрич, Либельт и др.) решительно выступало против этого и стремилось к совместным действиям с революционно-демократическими силами в Германии и Венгрии. Часть делегатов съезда, принадлежавших к радикальному крылу и принявших активное участие в пражском восстании в июне 1848 г., подверглась жестоким репрессиям. Оставшиеся в Праге представители умеренно-либерального крыла 16 июня объявили заседания съезда отложенными на неопределенное время. — *205.*

[132] В 1804 г. в Сербии произошло народное восстание, которое явилось важнейшей вехой в истории многовековой национально-освободительной борьбы сербского народа против владычества турецких феодалов. Непосредственным поводом к восстанию послужила резня сербов, учиненная турецкими янычарами. В феврале 1804 г. на борьбу против турецких завоевателей поднялись широкие массы сербского народа во главе с представителем сельской буржуазии, бывшим гайдуком Георгием Петровичем (Георгием Черным). Существенную поддержку движению сербов оказали успешные действия русской армии на Балканах во время русско-турецкой войны 1806—1812 годов. В период этой войны сербы, добившись изгнания турецких завоевателей, создали в 1811 г. свое государственное управление. По Бухарестскому договору 1812 г. Турция должна была предоставить Сербии автономию в делах внутреннего управления. Однако, воспользовавшись вторжением наполеоновской армии в Россию, султан, в нарушение договора, организовал в 1813 г. карательный поход в Сербию и на время восстановил там свое господство. В результате нового победоносного восстания сербов в 1815 г., а также дипломатической помощи России турецкое иго было свергнуто, и после русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Турция специальным фирманом султана 1830 г. вынуждена была признать автономию (фактическую независимость) Сербии. — *206.*

[133] Речь идет об участии царской России в подавлении революции в Венгрии в 1849 году. — *207.*

[134] В данном случае Энгельс имеет в виду немецкого философа-идеалиста Бруно Бауэра, который в ряде своих брошюр: «Россия и Германия» (1853), «Россия и Англия» (1854) и др. развивал по существу панславистские идеи. — *208.*

[135] В 1797 г. английское правительство издало специальный акт о банковой рестрикции (ограничении), устанавливавший принудительный курс банкнот и отменявший обмен банкнот на золото. Обмен банкнот на золото был возобновлен лишь в 1819 году. — *209.*

[136] A. Haxthausen. «Studien uber die innern Zustande, das Volksleben und insbesondere die landlichen Einrichtungen Russlands». Dritter Theil, Berlin, 1852, S. 526 (А. Гакстгаузен. «Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России». Часть третья, Берлин, 1852, стр. 526). — *209.*

[137] *Ассоциация административной реформы* была создана в мае 1855 г. в Лондоне по инициативе лидеров либеральных кругов торгово-финансовой буржуазии («деловых кругов» Сити). Используя недовольство в стране, усилившееся под влиянием сообщений печати и парламентской следственной комиссии о бедствиях английской армии в Крыму, Ассоциация рассчитывала при помощи массовых митингов оказать давление на парламент и добиться для представителей крупной торгово-финансовой буржуазии более широкого доступа к государственным постам, находившимся в руках английской аристократии. Попытки лидеров Ассоциации вступить в соглашение с чартистами и заручиться тем самым в своей борьбе против олигархии поддержкой народных масс не увенчались успехом. На митингах, организуемых Ассоциацией, и на своих собственных митингах чартисты в противовес умеренным буржуазным требованиям административной реформы выдвигали требование парламентской реформы на основе Народной хартии (см. примечание 73). Агитация Ассоциации административной реформы не имела успеха, и вскоре Ассоциация прекратила свое существование. Более подробно об Ассоциации и об отношении к ней чартистов см. настоящий том, стр. 234—237, 249—251, 278—281. — *210.*

[138] Маркс имеет в виду сатирический роман немецкого писателя XVIII в. Виланда «Абдеритяне», в котором рассказывается, как из-за спора но пустякам население древнего фракийского города Абдеры разделилось на две партии, борьба между которыми едва не привела город к гибели. Первое издание романа вышло в Веймаре в 1776 году. — *210.*

[139] *Тридцатилетняя война* 1618—1648 гг. — общеевропейская война, вызванная борьбой между протестантами и католиками. Война началась восстанием в Чехии против гнета Габсбургской монархии и наступления католической реакции и превратилась в войну между феодально-католическим лагерем (папа, испанские и австрийские Габсбурги, католические князья в Германии) и протестантскими странами (Чехия, Дания, Швеция, буржуазная Голландия и ряд принявших реформацию немецких государств), которых поддерживали французские короли—соперники Габсбургов. Германия сделалась главной ареной этой борьбы, объектом военного грабежа и захватнических притязаний участников войны. Война, носившая на первой стадии характер сопротивления реакционным силам феодально-абсолютистской Европы, превратилась, особенно с 1635 г., в ряд вторжений в Германию соперничавших друг с другом иноземных завоевателей. Война закончилась в 1648 г. заключением Вестфальского мира, закрепившего политическую раздробленность Германии. — *211.*

[140] Маркс имеет в виду римского папу Пия IX, который в 1846 — начале 1848 г., в условиях нарастания революционного движения в Италии, провел в Папской области некоторые умеренно-либеральные реформы в интересах дворянства и торгово-промышленной буржуазии, пытаясь тем самым предотвратить революцию. — *211.*

[141] Речь идет о той роли, которую Одилон Барро сыграл в банкетной кампании за избирательную реформу, проводившейся накануне февральской революции 1848 г. во Франции представителями буржуазной и мелкобуржуазной оппозиции. Примыкавшая к правому крылу буржуазной оппозиции группа депутатов французской палаты во главе с Одилоном Барро (так называемая династическая оппозиция) приняла участие в организации этой кампании, стремясь придать всему движению безопасный для Июльской монархии характер. Выставляя требование умеренной избирательной реформы, династическая оппозиция видела в этом средство предотвращения революции и сохранения династии Орлеанов. — *211,*

[142] Статья Энгельса «Из Севастополя» была напечатана также в «Neue Oder-Zeitung» 11 мая 1855 г. под заглавием «Осада Севастополя» («Die Belagerung von Sebastopol»). На немецком языке статья появилась со значительными сокращениями. — *212.*

[143] Речь идет о временном прекращении заседаний Венской конференции, вызванном разногласиями между участниками переговоров по поводу третьего пункта предъявленных России условий (см. примечание 108). Россия отклонила требование западных держав об ограничении ее военно-морских сил на Черном море, после чего 26 апреля 1855 г. заседания Венской конференции были временно прерваны. Последнее заседание конференции состоялось 4 июня 1855 года. — *212.*

[144] Это сообщение оказалось ошибочным, о чем Энгельс пишет на основе проверенных данных в статье «Крымская война» (см. настоящий том, стр. 241—248). Перечисленные укрепления русских были взяты войсками союзников лишь 7 июня (26 мая) 1855 года. — *212.*

[145] Первоначально статья была написана для «New-York Daily Tribune» и появилась в газете 29 мая 1855 г. в качестве передовой под заглавием «Новое наступление в Крыму» («The new move in the Crimea»). В настоящем издании статья печатается по варианту, опубликованному в «Neue Oder-Zeitung», так как в английском тексте заметно вмешательство редакции «Tribune», в частности, там приводится иной подсчет количества войск союзников в Крыму, сделанный на основании сообщений лондонского корреспондента газеты Пульского. — *222.*

[146] *Лига против хлебных законов* была основана в 1838 г. манчестерскими фабрикантами Кобденом и Брайтом. Выставляя требование полной свободы торговли, Лига добивалась отмены хлебных законов (о них см. примечание 53) с целью снижения заработной платы рабочих и ослабления экономических и политических позиций земельной аристократии. В своей борьбе против землевладельцев Лига пыталась использовать рабочие массы. Однако к этому времени передовые рабочие Англии встали на путь самостоятельного политически оформленного рабочего движения (чартизм). После отмены хлебных законов в 1846 г. Лига прекратила свое существование. Отмена торийским правительством Пиля хлебных законов в результате кампании, проведенной Лигой, привела к расколу в партии тори и облегчила в 1846 г. приход к власти вигам. — *227.*

[147] Имеется в виду парламентский акт 1716 г. (Septennial Act), увеличивший в интересах вигской олигархии срок деятельности парламента с трех лет до семи. — *228.*

[148] О *работных домах* см. примечание 79. — *228.*

[149] О *валхеренской экспедиции* см. примечание 22. — *230.*

[150] Данная статья была напечатана в «Neue Oder-Zeitung» под заглавием «Волнения вне парламента» («Die Aufregung auserhalb des Parlaments»), В настоящем издании сохранено редакционное заглавие первого издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. — *234.*

[151] Речь идет о *Лондонском чартистском организационном комитете,* возникшем в феврале 1855 г. в результате преобразования «Комитета приветствия и протеста». (Последний был создан по инициативе Э. Джонса в октябре 1854 г. с целью организации торжественной встречи в Лондоне освобожденного из тюрьмы участника революции 1848 г. во Франции Барбеса, а также для подготовки демонстрации протеста против предполагавшегося в это же время приезда в Лондон Наполеона III.) Лондонский организационный комитет действовал наряду с центральным чартистским Исполнительным комитетом и ставил своей задачей возрождение массового чартистского движения в Лондоне, а также укрепление международного сотрудничества демократических сил. В состав комитета входили: Джонс, Харрисон, Тейлор и другие; задачу установления международных связей выполняла выделенная комитетом комиссия из 7 членов, которая вместе с представителями французских, немецких и других эмигрантов в Лондоне образовала Международный комитет. В конце 1855 г. Лондонский организационный комитет прекратил свое существование, а Международный комитет стал самостоятельной организацией. Переименованный в 1856 г. в Международную ассоциацию, он просуществовал под этим названием до 1859 года. — *235.*

[152] Маркс имеет в виду передовую статью «People's Paper» от 12 мая 1855 г., в которой разоблачаются интриги Ассоциации административной реформы и смысл ее заигрываний с чартистами. — *237.*

[153] Здесь и ниже Энгельс ссылается на свою статью «Новое наступление в Крыму», немецкий вариант которой помещен в настоящем томе, стр. 222—225. — *241.*

[154] *Сражение при Йене* между прусскими и французскими войсками произошло 14 октября 1806 г. и закончилось разгромом прусских войск. — *245.*

[155] *Даунинг-стрит* — улица в центре Лондона, на которой расположена официальная резиденция правительства. — *249.*

[156] Имеется в виду анонимная брошюра «The City, or the Physiology of London Business; with Sketches on'Change and at the Coffee Houses». London, 1845 («Сити, или Физиология лондонского делового мира с заметками о бирже и кофейнях». Лондон, 1845). Эту книгу Маркс цитирует в третьем томе «Капитала». — *250.*

[157] В газете «Moniteur» 11 апреля 1855 г. была напечатана передовая статья «Восточная экспедиция», в которой приводились инструкции

Наполеона III маршалу Сент-Арно. Подробный разбор этой передовой дан Энгельсом в статье «Критика наполеоновской статьи в «Moniteur»» (см. настоящий том, стр. 193—197). — *252.*

[158] Неудачная экспедиция французских войск под командованием Эспинаса в Добруджу, приведшая к гибели от холеры и других болезней большого количества солдат, имела место в июле 1854 года. — *253.*

[159] В ночь с 1 на 2 декабря 1851 г. одному батальону из полка, которым командовал Эспинас, было поручено нести охрану Национального собрания; Эспинас, подкупленный бонапартистами, 2 декабря занял своими войсками здание заседаний Собрания, чем содействовал успеху государственного переворота Луи Бонапарта. — *253.*

[160] Имеется в виду заявление Дизраэли на заседании палаты общин 22 мая 1855 г. о том, что в ближайшие дни он предложит на обсуждение палаты проект послания на имя королевы, в котором будет выражено недовольство колеблющейся политикой правительства Пальмерстона в вопросе мира и войны. Это предложение было внесено 24 мая 1855 г. и вызвало оживленные дебаты в парламенте; анализ этих дебатов Маркс дал в ряде своих статей (см. настоящий том, стр. 265—274, 284—286, 295— 297). — *254.*

[161] Раздел данной статьи, касающийся последних событий в Крыму (до абзаца, в котором говорится, при каких обстоятельствах был назначен Пелисье), является переводом статьи Энгельса «Новый французский главнокомандующий» («The new French Commander»), опубликованной в «New-York Daily Tribune» 12 июня 1855 г. в качестве передовой. — *256.*

[162] В помещении церкви св. Стефана (Вестминстерский дворец) с 1547 г. происходят заседания палаты общин. — *262.*

[163] Расстановка классовых сил во Франции после февральской революции 1848 г. и поражение июньского восстания парижских рабочих дали возможность бонапартистским кругам использовать всеобщее избирательное право для того, чтобы провести на президентских выборах 10 декабря 1848 г. Луи Бонапарта на пост президента республики; в 1851 г. Луи Бонапарт демагогически использовал лозунг восстановления всеобщего избирательного права, отмененного 31 мая 1850 г. Законодательным собранием Франции, при осуществлении государственного переворота 2 декабря. Анализ этих событий дан Марксом в его работах «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» (см. настоящее издание, т. 7) и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (см. настоящее издание, т. 8). — *280.*

[164] В 1842 г. радикальные, а также либерально-фритредерские круги буржуазии предприняли ряд попыток подчинить своему влиянию рабочее движение и использовать его в интересах агитации за отмену хлебных законов и за буржуазные реформы. Ими было выдвинуто расплывчатое и допускающее разное толкование требование так называемого «полного избирательного права» с целью отвлечь рабочих от борьбы за осуществление социальной и политической программы чартистов. Опираясь на некоторых соглашательски настроенных лидеров чартистов (Ловетта и др.) буржуазные радикалы добились созыва в Бирмингеме в 1842 г. двух конференций представителей буржуазии и чартистов, на которых стоял вопрос о совместной агитации за избирательную реформу.

Однако предложение заменить Народную хартию новым «биллем о правах» и требованием «полного избирательного права» было решительно отвергнуто чартистским большинством конференции. Хартия с этого момента стала исключительно требованием широких народных масс. —*281.*

[165] Имеется в виду издание Молсуортом в 1839—1845 гг. сочинений Томаса Гоббса в 11 томах на английском и в 5 томах на латинском языке. — *285.*

[166] Маркс имеет в виду монолог Гамлета (трагедия Шекспира «Гамлет», акт III, сцена вторая), в котором тот дает наставления актерам, требуя при игре соблюдать чувство меры. — *285.*

[167] Имеется в виду книга: Ch. Babbage. «On the Economy of Machinery and Manufactures». London, 1832 (Ч. Баббедж. «Об экономической природе машин и фабрик». Лондон, 1832). — *285.*

[168] Подразумеваются романы Булвер-Литтона «Последний из баронов» и «Евгений Арам». В первом дан образ одного из главных участников феодальных междоусобиц в Англии XV в. графа Варвика, прозванного «делателем королей». — *285.*

[169] Начальные строки первого и третьего абзацев настоящей статьи, где говорится о сообщениях, полученных пароходом «Азия» и из г. Галифакса, добавлены редакцией газеты. — *287.*

[170] Сокращенный вариант данной статьи Энгельса с небольшими редакционными изменениями, сделанными Марксом, был напечатан в «Neue Oder-Zeitung» 15 июня 1855 г. под заглавием «Критика военных действий в Крыму» («Kritik der Krimischen Unternehmungen»). Первый абзац-статьи в «New-York Daily Tribune» добавлен редакцией газеты. — *298.*

[171] Энгельс имеет в виду свою статью «Осада Севастополя», немецкий вариант которой помещен в настоящем томе (см. стр. 198—201). — *299.*

[172] *«Le Constitutionnel»* («Конституционалистская газета») — французская ежедневная буржуазная газета; выходила в Париже с 1815 по 1870 год; в 40-х годах — орган умеренного крыла орлеанистов; в период революции 1848 г. выражала взгляды контрреволюционной буржуазии, группировавшейся вокруг Тьера; после государственного переворота в декабре 1851 г. — бонапартистская газета. — *304.*

[173] Речь идет об уничтожении Римской республики и восстановлении светской власти папы в июле 1849 г. в результате интервенции, предпринятой по решению французского правительства. Луи Бонапарт в качестве президента Французской республики был одним из организаторов интервенции. — *304.*

[174] *Тильзитский мир* — мирные договоры, заключенные 7 и 9 июля 1807 г. между наполеоновской Францией и участниками четвертой антифранцузской коалиции, Россией и Пруссией, потерпевшими поражение в войне. Условия мира были крайне тяжелыми для Пруссии, которая лишилась значительной части своей территории (в том числе всех владений к западу от Эльбы). Россия не понесла никаких территориальных потерь и даже приобрела Белостокский округ, отошедший

к ней от Пруссии. Но Александр I должен был признать французские завоевания в Германии и произведенные там Наполеоном территориальные изменения, а также суверенитет Наполеона над Ионическими островами, согласиться на образование герцогства Варшавского, явившегося французским плацдармом у границ России, и присоединиться к блокаде Англии (так называемой континентальной блокаде). —*306.*

[175] Имеется в виду договор о союзе между Австрией и Пруссией от 20 апреля 1854 г., по которому оба государства брали на себя обязательство выступить совместно против России в случае отказа ее эвакуировать Дунайские княжества или дальнейшего продвижения русских войск на Балканах. — *308.*

[176] Lower Empire (от французского Bas-Empire) — употреблявшееся в исторической литературе название Византийской империи; стало нарицательным для обозначения государства, находившегося в стадии упадка и разложения. — *309.*

[177] Письмо Ч. Нейпира было опубликовано в газете «Morning Advertiser» 15 июня 1855 года. — *310.*

[178] Обещанная Марксом статья в «Neue Oder-Zeitung» не обнаружена.—*311.*

[179] *Тринити-хаус* — здание в Лондоне, где помещалось правление британской лоцманской корпорации, основанной в XVI в. в целях содействия торговле и мореплаванию. — *311.*

[180] *«Reynolds's Newspaper»* («Газета Рейнольдса») — английская еженедельная газета радикального направления; издавалась в Лондоне с 1850 г. Рейнольдсом; в начале 50-х годов поддерживала чартистов. — *317.*

[181] Pradt. «Du Congres de Vienne». Paris, 1815, t. I, p. 262. — *320.*

[182] Knesebeck. «Denkschrift betreffend die Gleichgewichtslage Europa's beim Zusammentritte des Wiener Congresses verfast». Berlin, 1854, S. 11—14.— *321.*

[183] По-видимому, имеется в виду книга: A. G. Dunlop. «Cossack Rule, and Russian Influence in Europe and over Germany», London, 1855 (А. Дж. Данлоп. «Казацкое правление и влияние России в Европе и на Германию». Лондон, 1855). — *322.*

[184] Первая часть статьи Маркса (сообщение о взятии Севастополя) была напечатана в «Neue Oder-Zeitung» в виде самостоятельной корреспонденции с соответствующей оговоркой редакции газеты. На русском языке эта часть статьи публикуется впервые. — *329.*

[185] *«Сомнамбула»* — опера итальянского композитора Винченцо Беллини. — *329.*

[186] *«God save the Queen»* («Боже, храни королеву») — английский государственный гимн,

«Rule Britannia» («Правь, Британия») — английский национальный гимн,

«Partant pour la Syrie» («Отправляясь в Сирию») — в период Второй империи официальная песня, исполнявшаяся на празднествах Наполеона III. — *329.*

187 Во время смотра войск, устроенного Наполеоном III в Булони в конце сентября 1854 г., им было сделано заявление, основанное на ложных слухах, о взятии союзниками Севастополя. — *329.*

188 *«Русский инвалид»* — орган военного министерства, выходил с 1813 по 1917 г. в С.-Петербурге, с 1816 г. — ежедневно.

Сообщение о событии у Гангэ было напечатано в этой газете 1 июня 1855 года. (Речь идет о нападении в мае 1855 г. на экипаж лодки английского фрегата, высадившийся на о-ве Гангэ и принятый русским гарнизоном за разведывательный отряд.) — *330.*

189 В сражении при *Ватерлоо* 18 июня 1815 г. (Бельгия) армия Наполеона I была разбита англо-голландскими войсками под командованием Веллингтона и прусской армией под командованием Блюхера. — *333.*

190 Маркс подразумевает распространенное в Англии выражение: «It's Hamlet without the Prince» («Это Гамлет без принца»), которое означает отсутствие главного в том или ином деле. — *333.*

191 *«The Globe»* — сокращенное название английской ежедневной газеты «The Globe and Traveller» («Земной шар и путешественник»), выходившей в Лондоне с 1803 года; орган вигов, в периоды их правления — правительственная газета, с 1866 г. — орган консерваторов. — *334.*

192 Здесь и выше в этом же абзаце Маркс ссылается на статью «Критика военных действий в Крыму», английский вариант которой помещен в настоящем томе (см. стр. 298—303), а также на статью «Пролог к комедии, разыгранный у лорда Пальмерстона. — Ход последних событий в Крыму» (см. стр. 256—259). — *334.*

193 Об *Ункяр-Искелесийском договоре* см. примечание 61.

Договор о Дарданеллах — имеется в виду *Лондонская конвенция о проливах,* подписанная 13 июля 1841 г., с одной стороны, Россией, Англией, Францией, Австрией, Пруссией, с другой стороны, Турцией. Конвенция устанавливала, что Босфор и Дарданеллы будут закрыты в мирное время для военных судов всех держав. Конвенция не касалась режима проливов во время войны, формально признавая тем самым право Турции самой решать в этом случае вопрос о пропуске военных судов иностранных государств. — *336.*

194 *Высокая церковь* — направление в англиканской церкви, имевшее приверженцев преимущественно среди аристократии; сохраняло старинные пышные обряды, подчеркивая преемственную связь с католицизмом.

Низкая церковь — другое направление англиканской церкви, получившее распространение главным образом среди буржуазии и низшего духовенства; в противовес высокой церкви делало упор на проповедь буржуазно-христианской морали.

Диссиденты — представители религиозных сект и течений, отступающих в той или иной мере от догматов официальной церкви. — *338.*

195 В соответствии с процедурой, принятой в английском парламенте, палата общин при обсуждении некоторых важных вопросов объявляет

себя заседающей в полном составе в качестве комитета (Committee of the whole House); обязанности председательствующего (Chairman of Committees) на таких заседаниях исполняет одно из состоящих в списке председателей лиц, которое специально назначается спикером палаты общин для проведения данного заседания. — *339.*

[196] Имеется в виду Исполнительный комитет Национальной чартистской ассоциации, основанной в июле 1840 г. в Лондоне. Ассоциация была первой в истории рабочего движения массовой партией рабочих, насчитывавшей в годы подъема чартизма до сорока тысяч членов. В деятельности Ассоциации сказывалось отсутствие идейного и тактического единства среди ее членов и мелкобуржуазная идеология большинства лидеров чартизма. После поражения чартистов в 1848 г. передовые, тяготевшие к научному коммунизму представители революционного чартизма, в первую очередь Э. Джонс, пытались в начале 50-х годов реорганизовать чартистское движение на социалистической основе. Это нашло отражение в программе, принятой чартистским конвентом в 1851 году. В 1855 г., в условиях широкого недовольства в стране политикой правящей олигархии, революционные чартисты предприняли новую попытку возродить массовое движение за Народную хартию (см. примечание 73) и снова выдвинули лозунг реорганизации чартизма, организационного укрепления Чартистской ассоциации. Летом 1855 г. состоялись выборы ряда местных чартистских комитетов, а в августе были проведены выборы в Исполнительный комитет Национальной чартистской ассоциации, в который вошли Э. Джонс, Робинсон и Финлен.

Во второй половине 50-х годов усиление оппортунистических тенденций в английском рабочем движении, обусловленное монопольным положением Англии на мировом рынке и подкупом буржуазией верхушки рабочего класса, привело к упадку чартистского движения и фактическому прекращению деятельности Национальной чартистской ассоциации. — *341.*

[197] См. примечание 33. — *347.*

[198] Сокращенный вариант данной статьи Энгельса был опубликован в «Neue Oder-Zeitung» 2 июля 1855 г. под заглавием «О событиях в Крыму» («Uber die Ereignisse in der Krim»). В первом абзаце статьи в «New-York Daily Tribune» заметно вмешательство редакции газеты. — *348.*

[199] Раздел данной статьи, посвященный военным событиям, а также публикуемая ниже статья «О штурме 18 июня» (см. настоящий том, стр. 367—370) являются переводом статьи Энгельса «Последнее поражение союзников» («The late repulse of the Allies»), написанной для «New-York Daily Tribune» и опубликованной в этой газете 21 июля 1855 г. в качестве передовой. — *363.*

[200] *Пелл-мелл* — улица в Лондоне, на которой расположен ряд аристократических клубов. — *363.*

[201] *Treadmill* — тяжелое ступенчатое колесо, приводимое в движение людьми. Заключенных в английских тюрьмах в качестве наказания заставляли вертеть такое колесо. — *364.*

[202] *Court of Chancery* (канцлерский суд) — один из высших судов Англии, после судебной реформы 1873 г. отделение Высокого суда. В компетен-

цию этого суда, возглавлявшегося лордом-канцлером, входили дела, касающиеся наследства, договорных обязательств, акционерных обществ и т. д. Канцлерский суд был известен своим крючкотворством и волокитой при разборе дел. — *374.*

[203] *Committee, of Supply* (комитет по ассигнованиям) — в соответствии с процедурой, принятой в английской парламентской практике, при обсуждении ряда важных вопросов, касающихся покрытия государственных расходов, палата общин объявляет себя заседающей в качестве комитета по ассигнованиям короне. Это является одним из случаев пленарного заседания палаты в качестве комитета (см. примечание 195). — *375.*

[204] Вторая часть данной статьи, касающаяся событий в Крыму, представляет собой вариант статьи Энгельса «Огромная ошибка, допущенная в Крыму» («The great Crimean blunder»), опубликованной в «New-York Daily Tribune» 27 июля 1855 г. в качестве передовой. При публикации статьи в «Neue Oder-Zeitung» Маркс опустил некоторые подробности. —*378.*

[205] Данте. «Божественная комедия», часть первая, «Ад», песнь третья.—*385.*

[206] *Предварительный вопрос* (previous question) — процедура в парламентской практике Англии, к которой прибегают, как правило, в тех случаях, когда хотят уклониться от вынесения решения по тому или иному вопросу. В ходе дебатов по какому-либо предложению ставится на голосование «предварительный вопрос»: следует ли «теперь же провести голосование по данному вопросу» («that this question be now put»), В случае отрицательного ответа палаты рассмотрение основного вопроса откладывается. Если же ответ оказывается положительным — голосование проводится немедленно без дальнейших дебатов. — *385.*

[207] *Impeachment* — возбуждение палатой общин перед судом палаты лордов обвинения отдельных министров или членов парламента в противозаконных действиях. Этот обычай, обеспечивавший палате общий право контроля за действиями министров и часто применявшийся в XVII—XVIII вв., фактически исчез из парламентской практики в XIX веке. — *387.*

[208] 27 июня 1855 г. между Англией, Францией и Турцией было заключено соглашение о гарантии английским и французским правительствами займа Турции в 5 миллионов фунтов стерлингов. В связи с этим английское правительство внесло в июле 1855 г. в палату общин билль о гарантии турецкого займа, встретивший противодействие большого числа депутатов. В результате дебатов билль был принят незначительным большинством голосов и в августе получил королевскую санкцию. — *397.*

[209] Критика теории колонизации Уэйкфилда была впоследствии дана Марксом в двадцать пятой главе первого тома «Капитала». — *398.*

[210] Материалы упомянутой парламентской комиссии Маркс использовал в примечании 51 к четвертой главе первого тома «Капитала».—*399.*

[211] «Reports of the Inspectors of Factories to Her Majesty's Principal Secretary of State for the Home Department, for the Half Year ending 30th

April 1855». London, 1855 («Отчеты фабричных инспекторов министру внутренних дел ее величества за полугодие, истекшее 30 апреля 1855 года». Лондон, 1855). Этот отчет Маркс использовал в примечании 32-а к седьмой главе первого тома «Капитала». — *399.*

[212] Сокращенный вариант памфлета К. Маркса «Лорд Джон Рассел» был опубликован под тем же названием в «New-York Daily Tribune» 28 августа 1855 года. — *401.*

[213] «A Letter from the Right Honourable Edmund Burke to a Noble Lord, on the Attacks made upon him and his Pension, in the House of Lords, by the Duke of Bedford and the Earl of Lauderdale, Early in the present Sessions of Parliament». London, 1796, p. 37 («Письмо достопочтенного Эдмунда Бёрка благородному лорду по поводу упреков, сделанных в его адрес и в отношении его пенсии герцогом Бедфордом и графом Лодерделем в палате лордов в начале нынешней сессии парламента». Лондон, 1796, стр. 37). — *403.*

[214] Маркс перечисляет книги Рассела: «Don Carlos, or Persecution». London, 1822. «An Essay on the History of the English Government and Constitution, from the Reign of Henry VII to the Present Time». London, 1821. «Memoirs of the Affairs of Europe from the Peace of Utrecht». Vol. 1—2, London, 1824—1829. — *404.*

[215] J. A. Roebuck. «History of the Whig Ministry of 1830, to the Passing of the Reform Bill». Vol. 2, London, 1852, p. 67 (Дж. А. Робак. «История вигского министерства 1830 г. до принятия билля о реформе». Т. 2, Лондон, 1852, стр. 67). — *405.*

[216] В 1819 г. после кровавой расправы с рабочими, собравшимися на митинг близ Манчестера для обсуждения петиции о всеобщем избирательном праве, английским парламентом по предложению лорда Каслри было принято шесть реакционных актов («законы о затыкании рта»), которые упраздняли неприкосновенность личности, свободу печати и собраний. — *407.*

[217] *Копигольдеры* — одна из категорий крестьян в Англии — держателей земли по копии (выписке из протокола) на условиях уплаты лендлорду феодальной земельной ренты.

Лизгольдеры — держатели земли на правах аренды, срок и условия которой определялись договором между лендлордом и арендатором. — *408.*

[218] Речь идет о стихийном движении батраков в ряде графств Южной и Юго-Восточной Англии в конце 1830 — начале 1831 г., вызванном ростом нищеты и безработицы среди батраков в связи с экономическим кризисом и применением фермерами механических молотилок. Движение получило название «суинг» (от английского слова «swing», означавшего ударную часть ручного цепа). Восставшие батраки и присоединившиеся к ним беднейшие арендаторы сжигали поместья, скирды и амбары лендлордов и фермеров, уничтожали их молотилки. Эти разрозненные восстания сельского пролетариата были жестоко подавлены вооруженной силой по указанию вигского правительства лорда Грея. — *408.*

[219] *Фригольдеры* — одна из категорий мелких землевладельцев в Англии, которая вела свое начало от средневековых свободных держателей.—*410.*

[220] Согласно английской парламентской традиции, председателю палаты лордов — лорду-канцлеру — предназначено особое сидение, *мешок с шерстью,* некогда символизировавший главный источник национального богатства Англии. — *410.*

[221] О Личфилдхаусском соглашении см. примечание 93. — 416.

[222] Habeas Corpus Act — акт 1679 г., устанавливавший в английской судебной практике процедуру, согласно которой арестованному лицу дается возможность требовать издания приказа Habeas corpus о доставке его в суд для проверки законности ареста. По рассмотрении причин ареста суд либо освобождает арестованного, либо отсылает его обратно в тюрьму, либо отпускает на свободу под залог или поручительство. Действие Habeas Corpus Act не распространяется на дела по обвинению в государственной измене и может быть приостановлено решением парламента. Особенно часто к этой мере английское правительство прибегало в Ирландии. — 418.

[223] Corporation Act (акт о корпорациях), принятый английским парламентом в 1661 г., требовал от лиц, занимавших выборные должности (имелись в виду, главным образом, органы городского управления), признания догматов англиканской церкви.

Test Act (акт о присяге) 1673 г. требовал того же от всех лиц, занимавших государственные должности.

Направленные в свое время против католической реакции, эти акты превратились впоследствии в орудие борьбы против какой-либо оппозиции официальной англиканской церкви и в средство защиты привилегий последней. — *423.*

[224] *Ecclesiastical Titles Bill* (билль о духовных титулах), ставший законом в августе 1851 г., объявлял недействительным эдикт папы 1850 г. о назначении католических епископов и архиепископа в Англии.—*423.*

[225] Английский вариант статьи Маркса (вошел в первое издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса) был опубликован в «New-York Daily Tribune» 10 августа 1855 г. под заглавием «Последняя конференция в Бирмингеме» («The late Birmingham Conference»). —427.

[226] *Ассоциация государственной реформы* была создана в июле 1855 г. представителями левого, радикального крыла буржуазной оппозиции. В противовес Ассоциации административной реформы (см. примечание 137) она выдвинула требование парламентской реформы на основе всеобщего избирательного права. Возглавлявшие Ассоциацию государственной реформы буржуазные радикалы стремились достигнуть соглашения с чартистами, рассчитывая в то же время подчинить рабочее движение своему идейному и политическому влиянию. Лидеры чартистов Э. Джонс, Финлен и другие вначале вошли в Исполнительный комитет этой ассоциации, однако под давлением большинства чартистов, осознавших опасность организационного подчинения Чартистской ассоциации буржуазным радикалам и выступивших против участия в буржуазной организации, они вскоре вышли из его состава. Колебания Джонса, выразившиеся в непонимании им опасности утраты самостоятельной пролетарской линии, привели его в дальнейшем к отходу от революционных принципов чартизма. — *427.*

[227] В настоящей статье Маркс использовал следующие два отчета о заседаниях Бирмингемской конференции в июле 1855 года: «Birmingham Conference. Report of Committee on the Proposed Bases of Pacification known as «The Four Points»». London, 1855 («Бирмингемская конференция. Отчет комитета по поводу предложенной основы мирного урегулирования, известной под названием «Четыре пункта»». Лондон, 1855).

«Birmingham Conference. Report of Committee on the Danish Treaty». London, 1855 («Бирмингемская конференция. Отчет комитета по вопросу о датском договоре», Лондон, 1855). — *427.*

[228] Работа «Армии Европы» была написана Энгельсом по просьбе Маркса, которому она была заказана журналом «Putnam's Monthly» («Ежемесячник Патнема») через редактора «New-York Daily Tribune» Ч. Дана. Маркс помогал Энгельсу в написании работы, собирая для него в Британском музее материал о различных европейских армиях, в частности об испанской и неаполитанской. Раздел работы Энгельса об английской армии был воспроизведен Марксом в корреспонденциях для «Neue Oder-Zeitung», опубликованных в этой газете 28 августа, 31 августа и 1 сентября 1855 года: «Британская армия» («Die britische Armee»), «Наказания английских солдат» («Zuchtigung der Soldaten»), «Обмундирование и экипировка английского солдата» («Uniformirung und Equipirung des britischen Soldaten»). В настоящем томе помещена лишь вторая из вышеназванных статей, в которой Марксом был сделан ряд собственных добавлений и которая представляет самостоятельный интерес (см. стр. 538—540); текст остальных двух статей в «Neue Oder-Zeitung» полностью совпадает с текстом опубликованных в нью-йоркском журнале «Putnam's Monthly». — *422.*

[229] *Лагерь в Булони* — созданный Наполеоном I в 1803—1805 гг. военный плацдарм для вторжения в Англию через Ла-Манш.

Под Аустерлицем 2 декабря (20 ноября) 1805 г. произошло сражение между русскими и австрийскими войсками, с одной стороны, и французскими — с другой, закончившееся победой Наполеона I. — *437.*

[230] Войной на Пиренейском полуострове, или Испанской войной, называют войну между Англией и Францией, которая велась в 1808—1814 гг. на территории Испании и Португалии. Одновременно на всей территории полуострова развернулась война испанского и португальского народов за свою независимость, против французской оккупации. — *437.*

[231] Сражение между английскими и американскими войсками при Новом Орлеане (США) произошло 8 января 1815 года. —*437.*

[232] Речь идет о Бородинском сражении (под Москвой) 7 сентября (26 августа) 1812 г., крупнейшем сражении Отечественной войны 1812 г., в котором русские войска проявили высокие боевые качества и нанесли тяжелый урон французской армии; исход сражения подготовил поворот в ходе войны в пользу России и поражение наполеоновской армии, несмотря на вынужденное, но целесообразное в тех условиях оставление Москвы русской армией. — *439.*

[233] *Семилетняя война* (1756—1763) — война между двумя коалициями европейских государств: англо-прусской, с одной стороны, и франко-русско-австрийской, с другой. Основными причинами войны были колониальное и торговое соперничество между Англией и Францией и столкновение агрессивной политики Пруссии с интересами Австрии,

Франции и России. В ходе войны прусская армия Фридриха II, неоднократно побеждавшая французские и австрийские войска, потерпела ряд серьезных поражений в боях с русскими войсками. Результатом войны было усиление британской колониальной империи за счет французских колониальных владений. Австрия и Пруссия сохранили в основном прежние границы. Значительно вырос военный и политический престиж России в Европе. — *448.*

[234] Речь идет о произведении Эвклида «Начала» (состоящем из 13 книг), в котором изложены основы античной математики. — *455.*

[235] Chesney. «Observations on Past and Present State of Fire-Arms». London, 1852 (Чесни. «Заметки об огнестрельном оружии, его прошлом и настоящем». Лондон, 1852). — *456.*

[236] H. Douglas. «A Treatise on Naval Gunnery». London, 1820 (Г. Дуглас. «Трактат о морской артиллерии». Лондон, 1820). — *456.*

[237] Custine. «La Russie en 1839». T. 1—4. Paris, 1843 (Кюстин. «Россия в 1839 году». Тт. 1—4. Париж, 1843). — *478.*

[238] Ошибочная версия о смерти Тотлебена основана на неправильной информации, распространявшейся европейскими газетами. Тотлебен, раненный 20 (8) июня 1855 г., вынужден был вскоре покинуть Севастополь и находился на излечении. — *479.*

[239] Имеется в виду книга: G. Cathcart. «Commentaries on the War in Russia and Germany in 1812 and 1813». London, 1850 (Дж. Каткарт. «Заметки о войне в России и Германии в 1812 и 1813 годах». Лондон, 1850). —*480.*

[240] Описание сражения при *Четате 6* января 1854 г. (25 декабря 1853 г.) и осады *Силистрии* в мае — июне 1854 г. Энгельс дал в статьях «Последнее сражение на европейском театре военных действий», «Осада Силистрии» и «Война на Дунае» (см. настоящее издание, т. 10, стр. 34—37, 269—281 и 312—317). — *480.*

[241] *Германский союз*—объединение немецких государств, созданное по решению Венского конгресса 1815 года; отсутствие центрального правительства, сохранение трех дюжин немецких государств с их абсолютистско-феодальным строем — все это закрепляло политическую и экономическую раздробленность Германии и препятствовало ее прогрессивному развитию. — *484.*

[242] Имеется в виду жестокая расправа султана Махмуда II в 1826 г. с поднявшими мятеж янычарами, которые выступили против реформ в турецкой армии, проведенных с целью замены феодальных янычарских войск регулярными частями. — *487.*

[243] Турецкие войска осаждали Вену дважды: в 1529 и в 1683 гг. и оба раза безуспешно. — *489.*

[244] *Арнауты* — турецкое название албанцев.— *490.*

[245] Подробный разбор сражения под *Олтеницей* 4 ноября (23 октября) 1853 г. Энгельс дал в своей статье «Война на Дунае» (см. настоящее издание, т. 9, стр. 536—543). — *492.*

[246] Речь идет о военной конвенции, заключенной 26 января 1855 г. между Англией и Францией, с одной стороны, и королевством Сардиния (Пьемонтом), с другой. Согласно конвенции, Сардиния брала на себя обязательство выставить в войне против России корпус в составе 15000 человек, а Англия и Франция гарантировали целостность владений Сардинского королевства. Правящие круги Сардинии ценой участия в Крымской войне добивались поддержки Наполеона III в будущей борьбе за присоединение к Пьемонту итальянских владений, находившихся под властью Австрии. — *494.*

[247] Энгельс цитирует вышедшую анонимно книгу К. Шёнхальса «Erinnerungen eines osterreichischen Veteranen aus dem italienischen Kriege der Jahre 1848 und 1849». Bd. I, S. 166, 167, 223; Bd. II, S. 239, Stuttgart und Tubingen, 1852 («Воспоминания австрийского ветерана об итальянской войне 1848 и 1849 годов». Т. I, стр. 166, 167, 223; т. II, стр. 239, Штутгарт и Тюбинген, 1852). — *496.*

[248] В 1799 г. во время войны Франции против европейской коалиции, в которой участвовал Неаполь (Королевство обеих Сицилий), армия неаполитанского короля Фердинанда IV была разбита французскими войсками. Неаполь был занят французами.

В июле 1820 г. в Неаполе буржуазные революционеры — карбонарии — при участии армии подняли восстание против абсолютистского режима и добились введения умеренно-либеральной конституции. Однако в 1821 г. в соответствии с решением Лайбахского конгресса Священного союза Австрия предприняла интервенцию против Неаполя; австрийские войска нанесли поражение неаполитанской армии и оккупировали Неаполь. Абсолютистские порядки были восстановлены. — *497.*

[249] Имеется в виду участие Неаполитанского королевства в мае — июле 1849 г. во французской и австрийской интервенции против Римской республики. Республиканские отряды под командованием Гарибальди дважды предпринимали стремительное наступление и обращали неаполитанские войска в бегство. — *497.*

[250] *Зондербунд* — сепаратный союз семи экономически отсталых католических швейцарских кантонов, заключенный в 1843 г. с целью сопротивления прогрессивным буржуазным преобразованиям в Швейцарии и защиты привилегий церкви и иезуитов. Постановление швейцарского сейма в июле 1847 г. о роспуске Зондербунда послужило поводом к открытию Зондербундом в начале ноября военных действий против остальных кантонов. 23 ноября 1847 г. армия Зондербунда, в большинстве своем состоявшая.из отрядов ландштурма, была разбита войсками союзного правительства. — *498.*

[251] Имеется в виду поражение швейцарской армии и оккупация Швейцарии французскими войсками весной 1798 года. — *499.*

[252] *Тридцатилетняя война* — см. примечание 139. — *500.*

[253] Ниже Энгельс цитирует вышедшию анонимно книгу Хьюза: «Revelations of Spain in 1845. By an English resident». London, 1845, vol. I, pp. 326, 329 («Правда об Испании в 1845 году. Сочинение англичанина, постоянно проживавшего в этой стране». Лондон, 1845, т. I, стр. 326, 329); ср. также стр. 313—314 этой книги. — *506.*

[254] Имеется в виду вторая буржуазная революция в Испании, подавленная в 1823 г. силами Священного союза, посланными в Испанию по решению Веронского конгресса, и первая карлистская война 1833— 1840 гг. (см. примечание 56), которая привела к третьей буржуазной революции, продолжавшейся до 1843 года. — *507.*

[255] Pradt. «Memoires historiques sur la revolution d'Espagne». Paris, 1816, p. 189 (Прад. «Мемуары по истории революции в Испании». Париж, 1816, стр. 189). — *507.*

[256] *«Entente cordiale»* («сердечное согласие») — выражение, обозначавшее сближение между Англией и Францией после июльской революции 1830 года. Несмотря на «entente cordiale», как в 30-х годах, так и в последующее время неоднократно имело место обострение англо-французских противоречий в ряде международных вопросов, в частности, в восточном вопросе.

В данном случае речь идет об антифранцузской позиции английского правительства, в частности Пальмерстона, в турецко-египетском конфликте 1839—1841 годов (см. примечание 90). — *508.*

[257] О договоре 2 декабря 1854 г. см. примечание 7. — 513.

[258] Митинг в Сент-Мартинс холле состоялся 8 августа 1855 года; отчет об этом митинге напечатан в «People's Paper» 11 августа 1855 года. —514.

[259] Литературное общество друзей Польши было создано в Лондоне в 1832 г. по образцу Литературного общества, основанного в том же году в Париже консервативным дворянско-монархическим крылом польской эмиграции во главе с Адамом Чарторыским. — 514.

[260] Централизация — созданный в 1836 г. руководящий исполнительный орган польского Демократического общества. Демократическое общество возникло в 1832 г. во Франции как организация левого, шляхтско-буржуазного крыла польской эмиграции. Программа Общества предусматривала отмену феодальных повинностей и сословного неравенства, передачу крестьянам земельных наделов без выкупа и ряд других прогрессивных мер. Демократическое общество приняло активное участие в подготовке краковского восстания 1846 г., предпринятого с целью национального освобождения Польши. С лета 1849 г. после запрещения польского Демократического общества во Франции местопребыванием Централизации стал Лондон, однако большинство членов Общества по-прежнему оставалось во Франции. 50-е годы были временем идейного разброда в Демократическом обществе. В 1862 г. в связи с созданием в Польше Центрального национального комитета по подготовке восстания Демократическое общество приняло решение о своем роспуске. — 514.

[261] J. B. Ostrowsky. «The History of Poland». Vol. I—II, London, 1841 (Ю. Б. Островский. «История Польши». Тт. I—II, Лондон, 1841). —515.

[262] В феврале 1846 г. готовилось восстание в польских землях с целью национального освобождения Польши. Главными инициаторами восстания были польские революционные демократы. Однако в результате предательства со стороны шляхетских элементов и ареста руководителей восстания прусской полицией общее восстание было сорвано и произошли

лишь отдельные революционные вспышки. Только в Краковской республике, подчиненной с 1815 г. совместному контролю Австрии, России и Пруссии, повстанцам удалось 22 февраля одержать победу и создать Национальное правительство, выпустившее манифест об отмене феодальных повинностей. Одновременно развернулось восстание украинских крестьян в Галиции. Восстание в Кракове было подавлено в марте 1846 г., после чего австрийское правительство подавило движение галицийских крестьян. В ноябре 1846 г. Австрия, Пруссия и Россия подписали договор о присоединении Кракова к Австрийской империи.

В 1848 г. революционное движение вновь вспыхнуло во многих польских землях, в частности в Познани, Силезии, а также среди украинских крестьян в Галиции. В 1848—1849 гг. польские революционеры приняли активное участие в революционной борьбе в ряде европейских стран (Германии, Австрии, Венгрии, Франции и Италии). — *515.*

[263] Маркс имеет в виду выступление Р. Пиля на заседании палаты общин 12 декабря 1854 г., в котором он призывал английское правительство принять репрессивные меры против эмигрантов и положить конец выступлениям эмигрантов, прежде всего В. Гюго, против Бонапарта.—*517.*

[264] Сокращенный вариант второй части данной статьи был напечатан в «New-York Daily Tribune» 1 сентября 1855 г. под заглавием «Война» («The War») в качестве передовой. — *521.*

[265] Письмо Ч. Нейпира было опубликовано в газете «Times» 24 августа 1855 года. — *530.*

[266] В первом абзаце настоящей статьи заметно вмешательство редакции «New-York Daily Tribune». — *532.*

[267] Начиная с 24 июня 1855 г., по приказу австрийского императора началось сокращение численности австрийской армии, расположенной на галицийской границе, что означало по существу открытый отказ Австрии от вступления в войну на стороне союзников. — *532.*

[268] В первом абзаце данной статьи заметно вмешательство редакции «New-York Daily Tribune». Вариант статьи был напечатан под тем же названием в «Neue Oder-Zeitung» 3 и 4 сентября 1855 года.—*541.*

[269] Здесь приведены примеры военных действий, в которых английские войска вместе с войсками своих союзников одержали победу над французами во время войн против Наполеона I: сражение при *Бусаку* (Португалия) 27 сентября 1810 г., осада крепости *Памплоны* (Испания) в 1813 г., сражение при *Ватерлоо* (Бельгия) 18 июня 1815 года. — *546.*

[270] В 1839 г. английским парламентом была выпущена Синяя книга, содержащая дипломатические документы относительно Персии и Афганистана. Включенная в Синюю книгу переписка английского представителя в Кабуле А. Бёрнса о событиях, связанных с англоафганской войной (о ней см. примечание 57), была тенденциозно подобрана и фальсифицирована министерством иностранных дел с целью скрыть провокационную роль Англии в развязывании войны. А. Бёрнс незадолго до своей смерти переслал копию своей переписки в Лондон и часть ее, не включенная в Синюю книгу, была опубликована его семьей. Фальсификация, допущенная английским правительством, была таким образом разоблачена. — *548.*

[271] Переписка между Грехемом и Ч. Нейпиром, охватывающая период с 24 февраля по 6 ноября 1854 г., была опубликована в газете «Times» 3, 4, 6 и 8 сентября 1855 года. — *548.*

[272] О перлюстрации писем итальянских революционеров-эмигрантов, производившейся по указанию Грехема, см. примечание 25.

В числе прочих писем были вскрыты письма братьев Бандьера к Мадзини, в которых они излагали план своей экспедиции в Калабрию с целью поднять в Италии восстание против неаполитанских Бурбонов и австрийского господства. При осуществлении этой экспедиции в июне 1844 г. участники ее были арестованы, братья Бандьера расстреляны. — *548.*

[273] Завоевание Синда, пограничной с Афганистаном области в северозападной части Индии, было осуществлено английскими колонизаторами в 1843 году. Во время англо-афганской войны 1838—1842 гг. Ост-Индская компания посредством угроз и насилий добилась от феодальных правителей Синда согласия на пропуск своих войск через их владения. Воспользовавшись этим, англичане потребовали в 1843 г. от местных феодалов признания себя вассалами Компании и после жестокой расправы английских войск под командованием Ч. Нейпира с восставшими племенами белуджей (коренное население Синда) объявили всю область присоединенной к Британской Индии. — *549.*

[274] См. примечание 70. — *550.*

[275] Данная статья является вариантом статьи Энгельса «Падение Севастополя» («The Fall of Sevastopol»), опубликованной в «New-York Daily Tribune» 28 сентября 1855 г. в качестве передовой. В настоящем издании статья печатается по более достоверному тексту «Neue Oder-Zeitung»; как видно из письма Маркса от 11 сентября, он внес в статью Энгельса некоторые изменения на основании последних телеграфных сообщений. — *554.*

[276] *Тауэр* — замок в Лондоне, служивший в средние века королевской резиденцией и политической тюрьмой; в XIX веке — арсенал. — *554.*

[277] *Красный колпак,* или фригийская шапка — головной убор древних фригийцев; впоследствии послужил образцом для шапочки якобинцев во время французской буржуазной революции конца XVIII века и стал с тех пор символом свободы. — *559.*

[278] В первом и последнем абзацах статьи имеются добавления редакции «New-York Daily Tribune». Говоря о своем лондонском корреспонденте, редакция имеет в виду Пульского. — *560.*

[279] В октябре 1805 г. во время войны третьей коалиции европейских держав против наполеоновской Франции австрийская армия генерала Макка, окруженная французскими войсками в районе Ульма, вынуждена была капитулировать. — *564.*

[280] Имеется в виду глава VII, кн. I, том I работы Джемса Стюарта «An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy» («Исследование о принципах политической экономии»), впервые изданной в Лондоне в 1767 г. в двух томах. — *566.*

[281] *«Manchester Examiner»* — сокращенное название английской либеральной газеты «Manchester Daily Examiner and Times» («Манчестерский ежедневный наблюдатель и времена»). Газета была создана в 1848 г. в результате слияния газет «Manchester Times» («Манчестерские времена») и «Manchester Examiner» («Манчестерский наблюдатель»). В 40—50-х годах газета поддерживала фритредеров; под различными названиями издавалась до 1894 года. — *569.*

[282] Имеется в виду *Societe generale du Credit Mobilier* — крупный акционерный банк, основанный в 1852 г. братьями Перейра. Банк был тесно связан с правительством Наполеона III, под покровительством которого занимался спекулятивными махинациями. По образцу французского Credit Mobilier создавались аналогичные учреждения и в ряде других стран. В 1867 г. банк обанкротился и в 1871 г. был ликвидирован. — *569.*

[283] Речь идет о книге: A. Courtois. «Des operations de Bourse ou Manuel des fonds publics francais et etrangers et des actions et obligations de societes francaises et etrangeres negocies a Paris». Paris, 1855 (А. Куртуа. «Биржевые операции, или руководство по государственным ценным бумагам французским и иностранным и по акциям и облигациям французских и иностранных акционерных обществ, котирующимся в Париже». Париж, 1855). — *570.*

[284] Английский вариант настоящей статьи был напечатан в «New-York Daily Tribune» 17 октября 1855 г. под названием «Военное положение» («The State of the War») в качестве передовой; в английском тексте статьи заметно вмешательство редакции газеты. — *572.*

[285] Речь идет о штурме Севастополя, подробный разбор которого дан Энгельсом в статье «О штурме Севастополя»; английский вариант статьи помещен в настоящем томе, стр. 579—587. —*575.*

[286] *Патримониальный суд* — феодальный суд, основанный на праве помещика судить и подвергать наказанию своих крестьян.

Под *неоплачиваемой магистратурой* в Англии имеются в виду мировые судьи, назначавшиеся из представителей имущих классов. — 577.

[287] Немецкий, более краткий, вариант статьи (вошел в первое издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса) был опубликован в «Neue Oder-Zeitung» 4 октября 1855 г. под заглавием «О штурме Севастополя» («Zur Erstürmung Sebastopols»), Первый абзац статьи в «New-York Daily Tribune» носит следы вмешательства редакции газеты. — 579.

[288] Имеется в виду статья Энгельса «Падение Севастополя», немецкий вариант которой помещен в настоящем томе, стр. 554—558. —*581.*

[289] Ниже дается перевод хронологических заметок Энгельса об основных событиях Крымской войны (в рукописи имеется ряд сокращений):

Крымская война:

1854.

Сентябрь

14. Высадка у Старого форта.
20. Сражение на Альме.
25. Движение союзников к Южной стороне Севастополя.

26. Взята Балаклава.

28. Блокада Южной стороны. (В тот момент на Южной стороне кроме матросов — только 8 батальонов.)

Октябрь

1. Произведена рекогносцировка и решено бомбардировать перед штурмом.

9—10. Первая параллель 400—600 сажен от укреплений.

17. Бомбардировка Севастополя (превосходство огня русских на суше. 200 тяжелых орудий против 126 у наступающих), одновременный обстрел флотом. Французскую артиллерию заставили замолчать. Штурмовать теперь поздно.

25. Сражение под Балаклавой.

26. Вылазка русских в составе 9 батальонов на позиции англичан.

Ноябрь

4. Превосходство сил русских над союзниками. Наступление.

5. Сражение при Инкермане. Английские осадные работы теперь почти полностью приостановлены. Продолжается только усиление циркумвалационной линии для обеспечения от деблокирующего прорыва.

Декабрь

11. Остен-Сакен начальник гарнизона. Вылазки чаще и успешнее.

[1855]

Январь

Начало. Англичане после закладки 2-й параллели на расстоянии 400 сажен от укреплений. Вылазки продолжаются.

27. Прибыл Ньель. Решительный штурм французами Малахова отложен; англичане уступают $^{1}/_{2}$ своих траншей — в целом на протяжении 1 мили!

Февраль

22—23. Построен Селенгинский редут, 23-го атака на него отбита. 1100 ярдов от главного вала.

28—1 марта. Построен Волынский редут — 1450 ярдов от главного вала.

Март

11—12. Камчатский люнет — 770 ярдов; таким образом, в 470 саженях от крепости противник был вынужден применить тихую перекидную сапу.

Перед этими укреплениями к тому же ложементы для стрелков.

22—23. Атаки на эти ложементы отбиты, и они соединены траншеями в одно целое; также и перед 3 бастионом — каменоломня 430 ярдов от главного вала.

Апрель

Атаки на русские ложементы, заложенные на расстоянии до 200 шагов от бастионов №№ 4—6, и

19—20 — англичан на каменоломню, и

20—21 — отбиты.

Май

Прибытие подкреплений к союзникам (французы и сардинцы) и Пелисье. Наступление с новой силой.

23. Бой за контрапроши перед бастионом № 5, удачный для русских.

Июнь

7. Атака Камчатского люнета, каменоломни, Селенгинского и Волынского редутов.

18. Первый штурм, отбит.

Август

16. Черная.

Сентябрь

8. Штурм. —*585.*

[290] *«Journal des Debats»* — сокращенное название французской ежедневной буржуазной газеты «Journal des Debats politiques et litteraires» («Газета политических и литературных дебатов»), основанной в Париже в 1789 году. В период Июльской монархий—правительственная газета, орган орлеанистской буржуазии. Во время революции 1848 г. газета выражала взгляды контрреволюционной буржуазии, так называемой партии порядка. После государственного переворота 1851 г. — орган умеренной орлеанистской оппозиции. — *590.*

[291] Маркс имеет в виду памфлет А. Туссенеля «Les juifs rois de l'epoque. Histoire de la feodalite financiere». Paris, 1845 («Ростовщики — короли нашего времени. История финансовой аристократии». Париж, 1845) и памфлеты Ж. М. Матьё-Дернвеля «Histoire edifiante et curieuse de Rothschild I-er, roi des juifs». Paris, 1846 («Поучительная и занимательная история Ротшильда I, короля ростовщиков». Париж, 1846) и «Rothschild I-er, ses valets et son peuple». Paris, 1846 («Ротшильд I, его лакеи и его народ». Париж, 1846). — *592.*

[292] В первом абзаце данной статьи заметно вмешательство редакции «New-York Daily Tribune». — *594.*

[293] В июне 1854 г. Россией через посредство с.-петербургского банкирского дома Штиглица и К° был заключен внешний 5%-й заем в 50 млн. рублей серебром. Средства от этого займа предназначались главным образом на покрытие расходов, связанных с ведением Крымской войны.— *600.*

[294] Упомянутый циркуляр был издан 28 августа 1855 года. — *601.*

[295] «Diaries and Correspondence of James Harris, first Earl of Malmesbury, containing an Account of his Missions at the Courts of Madrid, Frederick the Great, Catherine the Second, and at the Hague; and of his special Missions to Berlin, Brunswick, and the French Republic», 2-nd ed. London, 1845, vol. I, pp. 166, 217, 218, 228, 299, 454, 510, 515 («Дневники и переписка Джемса Харриса, первого графа Малмсбери, содержащие отчет о его миссиях при мадридском дворе, при дворах Фридриха

Великого, Екатерины Второй и в Гааге, а также о его специальных миссиях в Берлин, Брауншвейг и Французскую республику». 2-е изд., Лондон, 1845, т. I, стр. 166, 217, 218, 228, 299, 454, 510, 515). О мемуарах и переписке Фокса см. примечание 12. — *606.*

[296] Имеется в виду война североамериканских колоний Англии за свою независимость (1775—1783), которая привела к образованию Соединенных Штатов Америки. Позиция европейских держав в этой войне определялась их колониальным и торговым соперничеством с Англией. Стремясь к ослаблению могущества Англии, в войну против нее вступили Франция, Испания, позднее началась война с Голландией. Россия, помощи которой всячески домогалось английское правительство, провозгласила в 1780 г. принцип вооруженной защиты торговых судов нейтральных стран, ведущих торговлю с противниками Англии. Политика вооруженного нейтралитета, поддержанная рядом стран (Голландией, Данией, Австрией и другими), оказала влияние на исход войны. Вскоре после решительного поражения английских войск в 1781 г. Англия вынуждена была заключить мир (окончательно мирный договор был подписан в 1783 г. в Версале) и признать независимость своих бывших колоний. — *606.*

[297] Англия объявила войну Голландии в декабре 1780 г. под предлогом нарушения последней Вестминстерского мирного договора 1674 г., завершившего англо-голландскую войну 1672—1674 годов. Англия ссылалась при этом на секретную статью договора 1674 г., по которой обе страны обязались не оказывать помощи враждебным одной из сторон державам, и замалчивала другую его статью, гарантировавшую свободу судоходства и торговли.

Объявляя в 1780 г. войну Голландии, которая вела торговлю с Францией, Испанией и североамериканскими колониями, находившимися в состоянии войны с Англией, английское правительство рассчитывало подорвать торговлю Голландии и захватить ее колонии. Война 1780—1784 гг. закончилась победой Англии. По договору, заключенному в мае 1784 г. в Париже, Голландия должна была уступить Англии порт Негапатам (на юге Индии) и предоставить ей свободу судоходства в водах голландской Ост-Индии. — *608.*

[298] Карс был взят русскими войсками 28 (16) ноября 1855 года. Взятие этой крепости, превращенной турками с помощью англичан в плацдарм для вторжения в Закавказье, завершило ряд успешных действий русских войск на кавказском театре Крымской войны. Поражения, которые турки понесли в 1853—1854 гг. (при Ахалцихе 26 (14) ноября 1853 г., Баш-Кадыкляре 1 декабря (19 ноября) 1853 г., при Чолоко 15 (3) июня 1854 г., Баязете 29 (17) июля 1854 г. и Кюрюк-Даре 5 августа (24 июля) 1854 г.) при попытках вторгнуться в Армению и Грузию, подорвали боевой дух турецкой армии. Действия армии Омер-паши, переброшенной в октябре 1855 г. из Крыма на Кавказ и предпринявшей из Сухум-Кале поход в Мингрелию на помощь осажденному турецкому гарнизону в Карсе, не имели успеха. Овладение Карсом явилось последним крупным событием Крымской войны, ускорившим в известной мере ее окончание. — *610.*

[299] В 732 г. в битве при *Пуатье* (на западе Франции) франкское войско Карла Мартелла нанесло решающее поражение арабам и положило конец их дальнейшему продвижению по территории Европы. — *612.*

[300] Энгельс имеет в виду осаду русскими войсками крепостей на Балканском полуострове: Варны, Браилова, Силистрии во время русско-турецкой войны 1828—1829 годов. Несмотря на упорство, проявленное турками при защите этих крепостей, они были взяты русскими войсками. — *612.*

[301] Имеются в виду книги: F. Bodenstedt. «Die Volker des Kaukasus und ihre Freiheitskampfe gegen die Russen». Frankfurt am Main, 1848 (Ф. Боденштедт. «Народы Кавказа и их освободительная борьба против русских». Франкфурт-на-Майне, 1848); R. Curzon. «Armenia: a year at Erzeroom, and on the frontiers of Russia, Turkey, and Persia» (Р. Керзон. «Армения: год в Эрзеруме и на границах России, Турции и Персии»). Три издания этой книги вышли в Лондоне в 1854 году. — *615.*

[302] Речь идет о секретных заседаниях военного совета представителей Англии, Франции и Сардинии с участием дипломатов этих стран, проходивших в Париже под председательством Луи Бонапарта в январе 1856 года. Согласно сообщениям печати, на военном совете обсуждался вопрос о координации действий союзников на случай новой кампании против России. — *617.*

[303] Намек на продвижение передовых частей русской армии летом 1829 г. по направлению к Константинополю во время русско-турецкой войны 1828—1829 годов.— *618.*

[304] Речь идет о пяти пунктах, предъявленных Австрией России от имени союзных держав в середине декабря 1855 г. в качестве условий мирных переговоров. Эти условия представляли собой дальнейшую конкретизацию ранее обсуждавшихся четырех пунктов (см. примечание 6). Содержание их сводилось к следующему: отмена протектората России над Дунайскими княжествами и замена его протекторатом всех договаривающихся держав, согласие России на изменение границы в Бессарабии — уступка ею территории, прилегающей к Дунаю; свобода судоходства по Дунаю и в его устье; нейтрализация Черного моря, закрытие проливов для военных судов, запрещение России и Турции иметь на Черном море военно-морские арсеналы и военный флот, за исключением установленного количества мелких судов; коллективное покровительство великих держав христианским подданным Турции. Согласно пятому пункту, воюющие державы оставляли за собой право предъявлять России в ходе мирных переговоров новые условия кроме указанных четырех. Пять пунктов, предъявленные в ультимативной форме, были приняты царским правительством и положены в дальнейшем в основу мирных переговоров в Париже. — *620.*

[305] Во второй части данной статьи Марксом было использовано письмо Энгельса от 7 февраля 1856 г., рисующее положение во Франции. — *621.*

[306] Конфликт между Англией и Соединенными Штатами Америки, отражавший их борьбу за господство в Центральной Америке, возник в конце 1855 года. Эта борьба нашла свое выражение в острых разногласиях в толковании договора Клейтон-Булвера 1850 г., по которому Англия и США обязались гарантировать нейтралитет проектируемого в Никарагуа межокеанского канала, а также не оккупировать и не подчинять своей власти Никарагуа, Москитовый берег и другие части Центральной Америки. Англия, однако, вопреки договору, продолжала удерживать за собой Москитовый берег и другие территории, захваченные ею в 40-х годах. США, стремясь упрочить свое влияние в этом районе, оказали поддержку американскому авантюристу Уокеру,

захватившему в 1855 г. власть в Никарагуа. Обострению отношений между Англией и США способствовала также попытка Англии вербовать на территории США наемников для английской армии в Крыму. Правительства обеих стран, обвиняя друг друга в нарушении договора 1850 г., заявляли протесты, угрожали разрывом дипломатических отношений; Англия в октябре 1855 г. послала к берегам Америки свои корабли. До военного столкновения дело, однако, не дошло; конфликт был улажен заключением в октябре 1856 г. конвенции, установившей нейтрализацию Москитового берега и прилегающей морской зоны. — *621.*

[307] *Амьенский мирный договор,* заключенный 27 марта 1802 г. между Францией и ее союзниками Испанией и Батавской республикой (Голландией), с одной стороны, и Англией — с другой, завершил распад второй антифранцузской коалиции. Договор обеспечил лишь непродолжительную передышку в военных действиях, в 1803 г. война между Англией и Францией возобновилась с новой силой. —*621.*

[308] Приведенная Марксом цитата взята из статьи, опубликованной в «Северной пчеле» 14 января 1856 года.

«Северная пчела» — русская политическая и литературная газета, выходившая в С.-Петербурге с 1825 по 1864 г. (до 1860 г. под редакцией Булгарина и Греча); являлась официозом царского правительства.—*622.*

[309] На заседании Законодательного собрания 22 мая 1850 г. Монталамбер призвал французское правительство предпринять против революционных и демократических сил внутри страны такую же военную экспедицию, какая была осуществлена в 1849 г. против Римской республики (об экспедиции против Римской республики см. примечание 173). —*628.*

[310] 29 декабря 1855 г. во время торжественной встречи в Париже французских войск, возвращавшихся из Крыма, студенты Ecole Polytechnique (высшей политехнической школы) отказались приветствовать войска и императора, что вызвало репрессии против них со стороны правительства.

В своей приветственной речи к войскам Луи Бонапарт сравнил себя с римским сенатом, который обычно в полном составе встречал победоносные легионы у ворот Рима. — *624.*

[311] *Ecole Normale* — высшее педагогическое учебное заведение в Париже. — *624.*

[312] В конце августа 1855 г. несколько сот рабочих предприняли в городе Анже (на северо-западе Франции) попытку поднять восстание с целью установления республики во Франции; эта попытка потерпела неудачу. Руководители восставших рабочих были связаны с основанным в 1850 г. тайным республиканским обществом «Марианна». В связи с волнениями имели место многочисленные аресты и судебные процессы в конце 1855 — начале 1856 года. — 625.

[313] Наряду с «People's Paper» Маркс послал данную статью в «New-York Daily Tribune», где она была опубликована 14 апреля 1856 г. под заглавием «Жертвы и орудия Бонапарта» («Bonapartean Victims and Tools») в качестве передовой. — *627.*

[314] *Кайенна* — город во французской Гвиане (Южная Америка), место ссылки политических заключенных, получившее прозвище «сухой гильотины» за массовую смертность, которая вызывалась там каторжным режимом и изнурительным тропическим климатом.

Ламбесса (Ламбез) — французская исправительная колония, основанная на развалинах древнеримского города в Северной Африке; с 1851 по 1860 г. являлась местом ссылки политических заключенных.

Бель-Иль — остров в Бискайском заливе; в 1849—1857 гг. был местом заключения политических узников; здесь, в частности, содержались рабочие — участники июньского восстания 1848 г. в Париже. — *627*.

[315] Перевод письма французского политического ссыльного Тассилье, посланный Марксом в «People's Paper», был опубликован в газете 12 апреля 1856 года. — *627*.

[316] Маркс иронически намекает на методы, с помощью которых Луи Бонапарт и бонапартистские круги, готовя государственный переворот 2 декабря 1851 г., вербовали себе сторонников среди офицеров и солдат армии. Во время приемов и военных смотров в Сатори и других местах, устраивавшихся Луи Бонапартом в качестве президента республики, широко практиковалось угощение офицеров и солдат колбасой, холодной дичью, шампанским и т. д. — *627*.

[317] *Бустрапа* — прозвище Луи Бонапарта, составленное из первых слогов названий городов Булонь, Страсбург, Париж. Это прозвище намекало на предпринятые им попытки произвести бонапартистский путч в Страсбурге (30 октября 1836 г.) и Булони (6 августа 1840 г.), а также на государственный переворот в Париже 2 декабря 1851 г., приведший к установлению бонапартистской диктатуры во Франции. — *627*.

[318] *Furcae Caudinae* — Кавдинское ущелье близ г. Кавдия (Древний Рим), здесь в 321 г. до н. э. во время второй Самнитской войны самниты нанесли поражение римским легионам и вынудили их пройти под «ярмом», что считалось наивысшим позором для побежденной армии. Отсюда выражение «пройти через furcae Caudinae», то есть подвергнуться крайнему унижению. — *627*.

[319] *Общество 10 декабря* — тайное бонапартистское общество, созданное в 1849 г., состояло преимущественно из деклассированных элементов. Подробная характеристика Общества 10 декабря дана Марксом в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (см. настоящее издание, т. 8, стр. 167—171).—*629*.

[320] *«Батрахомиомахия»* («Война мышей и лягушек») — древнегреческая комическая поэма неизвестного автора, пародия на эпос Гомера. —*630*.

[321] Имеется в виду рождение 16 марта 1856 г. сына Наполеона III Евгения, получившего титул Алжирского короля. — *631*.

[322] Работа «Падение Карса» печатается по наиболее полному тексту, опубликованному в «People's Paper» в апреле 1856 г. в виде четырех статей. Первоначально Марксом была написана более краткая статья на эту тему для «New-York Daily Tribune», напечатанная в газете 8 апреля 1856 г. под тем же заглавием. 3 мая 1856 г. Маркс опубликовал за своей подписью статью в газетах «The Sheffield Free Press» («Шеффилдская свободная пресса») и «The Free Press» («Свободная пресса») под заглавием «Любопытные места в карсских документах» («Kars Papers Curiosities»); эта публикация представляет собой в основном выдержки из второй и третьей статей в «People's Paper». — *633*.

[323] О *пяти пунктах* см. примечание 304. — *635.*

[324] *Парижский договор* (трактат) — мирный договор, подписанный 30 марта 1856 г. на Парижском конгрессе представителями Франции, Англии, Австрии, Сардинии, Пруссии и Турции, с одной стороны, и России— с другой, и завершивший Крымскую войну 1853—1856 годов. Россия, потерпевшая поражение в войне, должна была уступить устье Дуная и часть южной Бессарабии, отказаться от протектората над Дунайскими княжествами и от покровительства христианским подданным Турции, согласиться на нейтрализацию Черного моря, означавшую закрытие проливов для прохода иностранных военных судов **и** на запрещение России и Турции иметь на Черном море военно-морские арсеналы и военный флот; в обмен на Севастополь и другие города, захваченные союзниками в Крыму, Россия возвращала Турции Карс. Несмотря на тяжелые для России условия мира западной дипломатии (английской, австрийской) все же не удалось в полной мере осуществить свои агрессивные замыслы. Героическая оборона Севастополя, поражения турецкой армии на кавказском театре войны, неудачи союзников в Балтийском море, а также использование русской дипломатией англо-французских противоречий — все эти обстоятельства оказали известное влияние на исход мирных переговоров.

Парижский договор не разрешил восточного вопроса, что послужило одной из причин нового обострения противоречий между европейскими государствами на Балканах и Ближнем Востоке в 70-х годах. —*635.*

[325] Маркс имеет в виду Синюю книгу: «Papers Relative to Military Affairs in Asiatic Turkey, and the Defence and Capitulation of Kars». London, 1856 («Документы, относящиеся к военным событиям в Азиатской Турции, обороне и капитуляции Карса». Лондон, 1856). — *635.*

[326] *«Take care of Dowb»* («Позаботьтесь о Даубе») — такое прозвище получил в насмешку военный министр Панмюр после того, как в официальном телеграфном сообщении генералу Симпсону о его назначении главнокомандующим он просил позаботиться о своем племяннике, молодом офицере Даубиггине. — *638.*

[327] *Фанариоты* — богатые и знатные греки, проживавшие в квартале Фанар Константинополя (Стамбула), в большинстве своем являлись потомками аристократических византийских родов. Благодаря богатству и политическим связям занимали высокие посты в администрации Турецкой империи. — *648.*

[328] Маркс имеет в виду фантастическую новеллу Арнима «Изабелла Египетская». — *664.*

[329] В настоящей статье Маркс использовал отдельные данные об экономическом положении Пруссии, которые Энгельс сообщил ему в письме от 14 апреля 1856 года. — *668.*

[330] *«L'Independance-belge»* («Независимость Бельгии») — ежедневная буржуазная газета, основана в Брюсселе в 1831 году; орган либералов.—*668.*

[331] *«Chambre introuvable»* («Бесподобная палата») — палата депутатов во Франции в 1815—1816 гг., состоявшая из крайних реакционеров.—*670.*

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

(январь 1855—апрель 1856)

1855

Конец января — начало февраля	Маркс продолжает занятия политической экономией; он просматривает свои многочисленные тетради с выписками по экономическим вопросам с целью систематизации материала для дальнейшей работы.
24.—27 января	Маркс работает над статьями для немецкой буржуазно-демократической «Neue Oder-Zeitung» («Новой одерской газеты»), сотрудником которой он стал с конца декабря 1854 года. Он пишет для этой газеты три статьи о дебатах в английском парламенте и о кризисе кабинета. Статьи Маркса «Открытие сессии парламента», «К кризису кабинета» и «Парламентские дела» публикуются в «Neue Oder-Zeitung» 27, 29 и 30 января.
Около 29 января	Энгельс, продолжая следить за ходом военных действий в Крыму, пишет по просьбе Маркса для газеты «New-York Daily Tribune» («Нью-йоркская ежедневная трибуна») статью «Война в Европе», в которой рассматривает перспективы превращения Крымской войны в общеевропейскую войну. Маркс посылает немецкий вариант этой статьи с написанным им дополнением о парламентских дебатах в «Neue Oder-Zeitung», где статья публикуется 1 февраля под заглавием «Из парламента.— С театра военных действий». В «New-York Daily Tribune» статья Энгельса публикуется 17 февраля в качестве передовой.
21 января — 1 февраля	В связи с падением коалиционного министерства Абердина Маркс посылает Энгельсу материал для статьи в «New-York Daily Tribune» — подробный критический очерк деятельности коалиционного министерства. Этот материал Энгельс использует в статье «Последнее английское правительство», которая публикуется в «New-York Daily Tribune» 23 февраля в качестве передовой.

1 февраля	По приглашению лидера чартистов Э. Джонса Маркс присутствует на заседании эмигрантского Международного комитета с целью ознакомления с характером этой организации; на заседании обсуждается вопрос о праздновании годовщины февральской революции 1848 г. во Франции.
Не позднее 2 февраля	Маркс получает письмо Лассаля, в котором освещается внутриполитическое положение Германии; Маркс посылает это письмо Энгельсу.
2 февраля	Информируя Энгельса о создании по инициативе лидеров чартистов эмигрантского Международного комитета под председательством Джонса, Маркс подвергает критике деятельность этого комитета, подчеркивая, что наряду с чартистами в него вошли представители чуждых подлинно пролетарскому движению мелкобуржуазных эмигрантских групп в Лондоне.
2—6 февраля	Маркс пишет статьи о правительственном кризисе в Англии: «Падение министерства Абердина», которая публикуется в «New-York Daily Tribune» 17 февраля за подписью Маркса, и «К министерскому кризису», «Свергнутое министерство», «Партии и клики» и «Два кризиса», которые публикуются в «Neue Oder-Zeitung» 5, 7, 8 и 9 февраля.
Около 9 февраля	Энгельс пишет статью «Борьба в Крыму», в которой дает высокую оценку системе оборонительных сооружений, возведенных защитниками Севастополя. Немецкий вариант этой статьи с дополнением Маркса публикуется в «Neue Oder-Zeitung» 12 февраля под заглавием «Пальмерстон. — Армия». В «New-York Daily Tribune» статья Энгельса публикуется 26 февраля в качестве передовой.
Около 9 февраля— 3 марта	У Маркса болят глаза вследствие напряженной работы по просмотру своих экономических тетрадей. Из-за сильного недомогания Маркс вынужден на несколько дней лечь в постель; сын Маркса Эдгар (Муш) и недавно родившаяся дочь Элеонора также больны; врач рекомендует Марксу покинуть нездоровый район Лондона Сохо, в котором он живет.
12—14 февраля	В связи с образованием кабинета Пальмерстона Маркс посылает в «Neue Oder-Zeitung» две статьи, представляющие собой сокращенный вариант его памфлета «Лорд Пальмерстон», который был опубликован в конце 1853— начале 1854 гг. в «New-York Daily Tribune» и в органе чартистов «People's Paper» («Народной газете»). Статья Маркса, обличающие английскую правящую олигархию, публикуются в «Neue Oder-Zeitung» 16 и 19 февраля.

Не позднее 13 февраля	Маркс получает от эмигрантского Международного комитета приглашение на митинг, устраиваемый по поводу годовщины февральской революции 1848 г. во Франции; посоветовавшись с Энгельсом, Маркс решает отказаться от участия в митинге ввиду бесплодности этого собрания.
17 и 19 февраля	Маркс пишет для «Neue Oder-Zeitung» статьи «Парламент» и «Коалиция тори с радикалами», в которых отмечает обострение экономического положения и политической обстановки в Англии. Статьи публикуются в «Neue Oder-Zeitung» 22 и 24 февраля.
Около 20 февраля	Энгельс пишет статью «Война, нависшая над Европой», в которой анализирует соотношение сил воюющих сторон. Немецкий вариант с дополнением Маркса о парламентских дебатах публикуется в «Neue Oder-Zeitung» 23 и 24 февраля под заглавием «Парламентские и военные дела» и «Состояние армий». В «New-York Daily Tribune» статья Энгельса публикуется 8 марта в качестве передовой.
24 февраля	В связи с выходом пилитов из министерства Пальмерстона Маркс пишет статью «К новому министерскому кризису». Статья публикуется в «Neue Oder-Zeitung» 27 февраля.
27 февраля	Маркс пишет для «Neue Oder-Zeitung» статью «Пальмерстон и английская олигархия», в которой раскрывается реакционная сущность политики правящих партий. Статья публикуется в «Neue Oder-Zeitung» 3 марта.
Конец февраля	Маркс изучает историю Древнего Рима; он делает выписки из трехтомной работы Б. Г. Нибура «История Рима».
2 марта	Маркс пишет для «Neue Oder-Zeitung» статью «Британская конституция» и одновременно отправляет английский вариант этой статьи в «New-York Daily Tribune»; в статье Маркс указывает, что основу политического строя Англии составляет компромисс между буржуазией и аристократией, тормозящий прогрессивное развитие страны. В «Neue Oder-Zeitung» статья публикуется 6 марта, в «New-York Daily Tribune» — 24 марта в качестве передовой под заглавием «Кризис в Англии».
3 марта	Маркс сообщает Энгельсу о своем намерении приехать на некоторое время в Манчестер ввиду плохого состояния здоровья и необходимости отдыха.
6 и 7 марта	Маркс пишет статьи «К истории союза с Францией», «Следственная комиссия» и «Брюссельский мемуар», в которых раскрывает двуличный характер внешней политики Пальмерстона и отмечает непрочность союза между Англией и Францией. Статьи публикуются в «Neue Oder-Zeitung» 9, 10 и 11 марта.

13 марта Маркс пишет статью «Месть Ирландии», содержащую критику соглашательской политики фракции ирландских депутатов в английском парламенте. Статья публикуется в «Neue Oder-Zeitung» 16 марта.

Середина марта — 6 апреля Сын Маркса Эдгар опасно болен; потрясенная болезнью сына, заболевает жена Маркса. Маркс ухаживает за больными, совершенно обессилен от долгих бессонных ночей. Энгельс, как всегда, оказывает материальную помощь семье Маркса, испытывавшей тяжелую нужду.

Около 16 марта Энгельс пишет очередной обзор военных действий, который публикуется в «Neue Oder-Zeitung» 19 марта под заглавием «События в Крыму» и в «New-York Daily Tribune» 2 апреля в качестве передовой под заглавием «Итоги военных действий в Крыму».

Энгельс пишет для «New-York Daily Tribune» статью «Судьба великого авантюриста», в которой раскрывает авантюристический характер внешней политики бонапартистской Франции. Маркс отправляет вариант этой статьи также в «Neue Oder-Zeitung», где он публикуется 20 марта под заглавием «Критика французской системы ведения войны». В «New-York Daily Tribune» статья печатается 2 апреля в качестве передовой.

18 марта В письме к Энгельсу Маркс высказывает мысль о необходимости выступить на страницах газеты «New-York Daily Tribune» с разоблачением реакционных панславистских идей.

В письме Маркс сообщает Энгельсу о предстоящем издании в Лондоне журнала русских революционных эмигрантов «Полярная звезда» под редакцией Герцена.

20 марта Маркс пишет статью о митинге в Лондон-таверн, созванном 16 марта фритредерскими кругами буржуазии с целью вовлечения чартистов в оппозиционную кампанию буржуазии против аристократии и подчинения своему влиянию рабочего движения. В статье Маркс приводит речи Э. Джонса и других лидеров чартистов на этом митинге, в которых разоблачаются попытки представителей буржуазной оппозиции использовать рабочее движение в своих целях. Статья «Митинг в Лондон-таверн» публикуется в «Neue Oder-Zeitung» 24 марта.

20—27 марта Маркс следит за выступлениями в английском парламенте и печати по вопросам международной политики и пишет в связи с этим ряд статей. Статьи Маркса «Сообщения английской печати», «Из парламента: дебаты о Пруссии в палате лордов», «К истории союза с Францией», «Наполеон и Барбес. — Штемпельный

сбор с газет» публикуются в «Neue Oder-Zeitung» 23, 24, 27 и 30 марта.

Около 23 марта Энгельс пишет для «New-York Daily Tribune» статьи «Последняя уловка Наполеона», в которой раскрывает династические цели Наполеона III в Крымской войне, и «Сражение иод Севастополем» — о поражении союзников при попытке захватить Селенгинский редут. Сокращенный немецкий вариант второй статьи Маркс посылает также в «Neue Oder-Zeitung», где он публикуется 26 марта под заглавием «О последних событиях в Крыму». В «New-York Daily Tribune» обе статьи Энгельса публикуются 7 апреля в качестве передовых.

28 марта Маркс пишет статью о расследовании парламентской комиссией причин катастрофического положения британской армии в Крыму, в которой подвергает резкой критике английскую военную систему. Статья публикуется в «Neue Oder-Zeitung» 31 марта под заглавием «Разоблачения следственной комиссии» и вариант ее в «New-York Daily Tribune» 14 апреля под заглавием «Британская армия» в качестве передовой.

Около 30 марта Энгельс пишет для «New-York Daily Tribune» статью «Ход войны», в которой высоко оценивает военно-инженерное искусство защитников Севастополя; немецкий вариант этой статьи Маркс посылает также в «Neue Oder-Zeitung», где он публикуется 2 апреля под заглавием «О положении в Крыму». В «New-York Daily Tribune» статья печатается 17 апреля в качестве передовой.

30 марта Маркс сообщает Энгельсу о тяжелом состоянии здоровья сына, благодарит Энгельса за ту заботу, которую он проявляет о семье Маркса, а также за то, что он взял на себя написание статей в это трудное для Маркса время.

6 апреля Умирает восьмилетний сын Маркса Эдгар. Маркс сообщает Энгельсу о своем намерении увезти жену на некоторое время в Манчестер.

10 апреля Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» статью «Ближайшие перспективы во Франции и Англии», в которой проводит мысль о необходимости для пролетариата использовать осложнения, связанные с войной, для развертывания революционной борьбы. Редакция «Tribune», печатавшая в последнее время корреспонденции Маркса в качестве передовых, на этот раз публикует статью Маркса 27 апреля за его подписью.

Около 14 апреля Энгельс пишет статью, в которой показывает бездарность Наполеона III и его генералов как военных руководителей. Статья публикуется 17 апреля в «Neue

Oder-Zeitung» под заглавием «Критика наполеоновской статьи в «Moniteur»» и 30 апреля в «New-York Daily Tribune» в качестве передовой под заглавием «Оправдания Наполеона».

Около 15 апреля Энгельс пишет военный обзор, в котором подвергает критике методы ведения осады Севастополя союзниками. Обзор публикуется 18 апреля в «Neue Oder-Zeitung» под заглавием «Вылазка 23 марта» и 30 апреля в «New-York Daily Tribune» в качестве передовой под заглавием «Осада Севастополя».

Около 17 апреля Энгельс пишет для «Neue Oder-Zeitung» и «New-York Daily Tribune» статьи против панславизма, в которых раскрывает реакционный характер идеи объединения славян под главенством царской России. В «Neue Oder-Zeitung» статьи печатаются 21 и 24 апреля под заглавием «Германия и панславизм». «New-York Daily Tribune» публикует статьи Энгельса 5 и 7 мая в качестве передовых в искаженном виде.

18 апреля — около 6 мая Маркс с женой находятся в Манчестере.

7—21 мая В связи с усилившейся агитацией представителей торгово-финансовых кругов буржуазии за административную реформу Маркс пишет для «Neue Oder-Zeitung» пять статей на эту тему: «К истории агитационных кампаний», ««Morning Post» против Пруссии. — Виги и тори», «Заседание палаты лордов», «Буржуазная оппозиция и чартисты», «По поводу движения в пользу реформы». Статьи, в которых разоблачаются подлинные цели реформаторов из Сити, отмечается их страх перед рабочим классом и готовность к компромиссу с аристократией, публикуются в «Neue Oder-Zeitung» 10, 18, 19 и 24 мая.

Около 8 и около 11 мая Энгельс пишет две статьи о ходе войны. В «Neue Oder-Zeitung» статьи печатаются 11 и 14 мая под заглавием «Осада Севастополя» и «Кампания в Крыму»; в «New-York Daily Tribune» статьи публикуются 28 и 29 мая в качестве передовых под заглавием «Из Севастополя» и «Новое наступление в Крыму».

Не позднее 16 мая Маркс обращается к одному из редакторов «Neue Oder-Zeitung» Эльснеру с просьбой найти издателя для брошюры о панславизме, которую Энгельс намеревается написать и опубликовать в Германии. Попытки Эльснера остаются безрезультатными, так как издатели отказываются взять на себя публикацию этой брошюры «из опасения приобрести революционную репутацию». Выходит в свет сборник «Политические памфлеты», изданный Такером, в который вошло несколько статей

Маркса из серии «Лорд Пальмерстон», опубликованной в «New-York Daily Tribune» и «People's Paper».

19 мая Маркс пишет статью «Денежный рынок», где приводятся данные, характеризующие углубление денежного кризиса в Англии. Статья публикуется в «Neue Oder-Zeitung» 22 мая.

Около 21 мая Энгельс пишет военный обзор, который под заглавием «Крымская война» публикуется в «New-York Daily Tribune» 8 июня в качестве передовой.

24 мая Маркс включает написанный Энгельсом для «New-York Daily Tribune» военный обзор в свою очередную статью для «Neue Oder-Zeitung». Статья под заглавием «Пролог к комедии, разыгранный у лорда Пальмерстона. — Ход последних событий в Крыму» публикуется в газете 29 мая. В «New-York Daily Tribune» статья Энгельса под заглавием «Новый французский командующий» публикуется 12 июня в качестве передовой.

26 мая — 1 июня В связи с дебатами в парламенте о внешней политике правительства Пальмерстона Маркс пишет для «Neue Oder-Zeitung» четыре статьи, в которых разбирает позицию различных партий и групп в английском парламенте по отношению к Крымской войне. Статьи Маркса «Парламентская реформа. — Перерыв и возобновление Венской конференции. — Так называемая истребительная война», «Предложение Дизраэли», «Из парламента: дебаты по предложению Дизраэли», «К критике последней речи Пальмерстона» публикуются в «Neue Oder-Zeitung» 30, 31 мая, 1 и 4 июня.

5 июня Маркс пишет для «Neue Oder-Zeitung» статью «Ассоциация административной реформы. — Народная хартия»; он показывает значение выдвинутой чартистами программы демократизации политического строя Англии, подчеркивая, что ее осуществление открыло бы перспективу завоевания рабочим классом политической власти. Статья публикуется в «Neue Oder-Zeitung» 8 июня.

6—9 июня Маркс продолжает следить за дебатами в английском парламенте по вопросу о войне и пишет в связи с этим две статьи, которые публикуются в «Neue Oder-Zeitung» 9 и 12 июня.

Около 8 июня Энгельс пишет для «New-York Daily Tribune» статью «Вести из Крыма». Немецкий вариант статьи печатается в «Neue Oder-Zeitung» 11 июня под заглавием «К критике событий в Крыму». В «New-York Daily Tribune» статья публикуется 23 июня в качестве передовой.

Около 12 июня Энгельс пишет для «New-York Daily Tribune» статью «Севастополь», в которой даст краткий очерк развития

фортификации. Немецкий вариант статьи публикуется в «Neue Oder-Zeitung» 15 июня под заглавием «Критика военных действий в Крыму». В «New-York Daily Tribune» статья публикуется 29 июня в качестве передовой.

Около 15 июня

Энгельс пишет для «New-York Daily Tribune» статью «Военные планы Наполеона», в которой доказывает, что выдвинутый союзниками план «локальной войны во имя локальных целей» преследует цель не допустить превращения Крымской войны в войну народов против реакционных режимов в Европе. Маркс включает материал этой статьи также в свои корреспонденции: «Инцидент в палате общин. — Война в Крыму» и «Локальная война. — Дебаты об административной реформе. — Отчет Комиссии Робака», которые публикуются в «Neue Oder-Zeitung» 19 и 23 июня. В «New-York Daily Tribune» статья Энгельса публикуется 2 июля в качестве передовой.

Не позднее 15 июня

Маркс получает от одного из редакторов «New-York Daily Tribune» Дана предложение написать для нью-йоркского прогрессивного журнала «Putnam's Monthly» («Ежемесячник Патнема») статьи о европейских армиях; по просьбе Маркса за написание этих статей берется Энгельс.

19 июня

Маркс пишет статью «Странная политика», в которой разоблачает контрреволюционные политические цели правящих классов Англии и Франции в Крымской войне. Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 10 июля в качестве передовой.

После 19 июня

Маркс получает письмо из Парижа от бывшего участника революции 1848—1849 гг. в Германии Шили, в котором он передает мнение ряда знакомых Маркса о необходимости скорейшей публикации труда Маркса по политической экономии.

24 июня

Маркс вместе с В. Либкнехтом принимает участие в массовой демонстрации в лондонском Гайд-парке против билля о запрещении воскресной торговли, ущемляющего интересы народных масс. Свои впечатления о демонстрации Маркс описывает в статье «Антицерковное движение. — Демонстрация в Гайд-парке», подчеркивая в ней массовый характер движения и активную роль в нем чартистов. Статья публикуется в «Neue Oder-Zeitung» 28 июня.

27 июня — около 3 июля

Маркс, работая в библиотеке Британского музея, собирает для Энгельса материалы об испанской и неаполитанской армиях, которые Энгельс использует в своей работе «Армии Европы».

Около 29 июня

Энгельс пишет для «New-York Daily Tribune» статью «Из Севастополя». Немецкий вариант этой статьи публикуется в «Neue Oder-Zeitung» 2 июля под заглавием

«О событиях в Крыму». В «New-York Daily Tribune» статья публикуется 12 июля в качестве передовой.

Конец июня — начало июля Энгельс пишет первую часть своей работы «Армии Европы», которая печатается в августовском номере «Putnam's Monthly».

1 июля Маркс принимает участие во второй демонстрации в Гайд-парке против билля о запрещении воскресной торговли; он лишь случайно избегает ареста. В статье «Волнения в связи с биллем о более строгом соблюдении воскресного дня» Маркс решительно выступает против действий лондонской полиции, жестоко расправившейся с участниками демонстрации. Статья публикуется в «Neue Oder-Zeitung» 5 июля.

Около 6 июля Энгельс пишет для «New-York Daily Tribune» статью о неудачном штурме Севастополя союзниками 18 июня. Посылая немецкий вариант этой статьи в «Neue Oder-Zeitung», Маркс разбивает ее на две статьи; первую из них он дополняет описанием столкновений народа с полицией в Лондоне, имевших место после расправы с демонстрантами в Гайд-парке 1 июля. Статьи «Столкновения народа с полицией. — О событиях в Крыму» и «О штурме 18 июня» публикуются в «Neue Oder-Zeitung» 9 и 11 июля. В «New-York Daily Tribune» статья Энгельса публикуется 21 июля в качестве передовой под заглавием «Последнее поражение союзников».

11—20 июля В связи с новым министерским кризисом и отставкой Рассела Маркс пишет ряд статей о парламентских дебатах, в которых раскрывает антидемократический характер английского парламента. В некоторые из этих статей Маркс включает военные обзоры, написанные Энгельсом для «New-York Daily Tribune». Статьи «Из парламента: предложения Робака и Булвера», «Из парламента: предложение Булвера, ирландский вопрос», «Отставка Рассела. — События в Крыму», «Отставка Рассела», «В парламенте» и «Из парламента. — С театра военных действий» публикуются в «Neue Oder-Zeitung» 14, 16, 17, 20, 21 и 23 июля.

17 июля В письме к Энгельсу Маркс сообщает некоторые сведения об эмигрировавших в Америку бывших членах Союза коммунистов и других немецких революционных эмигрантах.

После 17 июля Маркс переезжает с женой, все еще не оправившейся от потрясения после смерти сына, и с дочерьми в Кемберуэлл (в окрестностях Лондона) к Имандту, бывшему члену Союза коммунистов; на время своего пребывания в Шотландии Имандт предоставляет свой коттедж в распоряжение семьи Маркса.

25 июля — 12 августа	Маркс пишет памфлет «Лорд Джон Рассел», в котором разоблачает в лице Рассела — типичного представителя вигов — политику английской правящей олигархии на протяжении первой половины XIX века. Памфлет публикуется в «Neue Oder-Zeitung» с 28 июля по 15 августа и в сокращенном варианте в «New-York Daily Tribune» 28 августа.
Конец июля	Энгельс пишет вторую часть работы «Армии Европы», которая печатается в сентябрьском номере «Putnam's Monthly».
13 августа	Маркс пишет статью «Польский митинг», в которой разоблачает провокационный характер политики правительства Пальмерстона по отношению к польскому национальному движению, а также осуждает позицию консервативного дворянско-монархического крыла польской эмиграции, противопоставляя ему демократическое крыло. Статья публикуется в «Neue Oder-Zeitung» 16 августа.
15 августа	Маркс пишет статью «К критике позиции Австрии в Крымской войне», в которой освещает дебаты в английском парламенте по поводу причин отказа Австрии от вступления в войну против России. Статья публикуется в «Neue Oder-Zeitung» 18 августа, а написанный в конце августа расширенный вариант ее под заглавием «Австрия и война» — в «New-York Daily Tribune» 13 сентября в качестве передовой.
17 и 18 августа	Маркс пишет для «Neue Oder-Zeitung» статью «Англофранцузская война против России», в которой использует военный обзор Энгельса, написанный для «New-York Daily Tribune». Статья публикуется в «Neue Oder-Zeitung» 20 и 21 августа. В «New-York Daily Tribune» статья Энгельса публикуется 1 сентября в качестве передовой под заглавием «Война».
Около 31 августа	Энгельс пишет для «New-York Daily Tribune» статью «Сражение на Черной», немецкий вариант которой публикуется в «Neue Oder-Zeitung» 3 и 4 сентября. В «New-York Daily Tribune» статья публикуется 14 сентября в качестве передовой.
Сентябрь	Энгельс пишет третью, последнюю, часть своей работы «Армии Европы», которая публикуется в декабрьском номере «Putnam's Monthly».
1 сентября	Маркс сообщает Энгельсу о новом предложении Дана написать для «Putnam's Monthly» статью об усовершенствованиях в современном способе ведения войны.
6 сентября	Узнав о смерти Р. Даниельса, одного из обвиняемых на кёльнском процессе членов Союза коммунистов, Маркс пишет письмо его жене в Кёльн, выражая ей свое соболезнование.

В письме к Энгельсу Маркс сообщает о своем намерении напечатать некролог о Даниельсе и поместить в печати извещение о его смерти за подписями своей, Энгельса, Фрейлиграта и В. Вольфа.

Около 8 сентября — В связи с опубликованием в английской печати переписки между английским адмиралом Ч. Нейпиром и морским министром Джемсом Грехемом, касающейся военных операций союзников на Балтийском море в 1854 г., Маркс пишет статью «Новые разоблачения в Англии». Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 24 сентября в качестве передовой.

После 8 сентября — Энгельс составляет хронологические заметки об основных событиях Крымской войны.

11 сентября — Маркс уточняет на основании последних телеграфных сообщений написанную Энгельсом для «New-York Daily Tribune» статью «Падение Севастополя», посылает немецкий вариант ее в «Neue Oder-Zeitung», где он публикуется 14 сентября под заглавием «К взятию Севастополя». В «New-York Daily Tribune» статья печатается 28 сентября в качестве передовой.

Получив письмо Эльснера о финансовых затруднениях «Neue Oder-Zeitung», Маркс в своем ответе выражает готовность сотрудничать в газете без гонорара.

В связи с кончиной бывшего лидера чартистов О'Коннора Маркс пишет для «Neue Oder-Zeitung» статью, в которой описывает похороны 0'Коннора, устроенные лондонскими рабочими. Статья «Похороны О'Коннора» публикуется в газете 15 сентября.

12 сентября — Маркс уезжает из Кемберуэлла к Энгельсу в Манчестер.

Около 14 сентября — Энгельс пишет статью «Перспективы войны в Крыму», в которой показывает роль крепостей и полевых армий в современных войнах. Немецкий вариант статьи Маркс посылает в «Neue Oder-Zeitung», где он публикуется 18 сентября под заглавием «К событиям в Крыму». В «New-York Daily Tribune» статья Энгельса публикуется 1 октября в качестве передовой.

24 сентября и 4 октября — Маркс пишет статьи «Состояние торговли и финансов» и «Французский банк. — Подкрепления для Крыма. — Новые фельдмаршалы», в которых указывает на симптомы назревающего финансового кризиса во Франции. Статьи публикуются в «Neue Oder-Zeitung» 28 сентября и 8 октября.

28 сентября — Энгельс пишет для «New-York Daily Tribune» статью о штурме и взятии Севастополя, вариант которой публикуется в «Neue Oder-Zeitung» 4 октября под заглавием «О штурме Севастополя». В «New-York Daily Tribune» статья публикуется 13 октября в качестве передовой под заглавием «Решающее событие войны».

2 октября	Маркс пишет для «Neue Oder-Zeifcung» статью «Официальный финансовый отчет», в которой критикует налоговую политику английского правительства и показывает несостоятельность утверждений английской буржуазной прессы о росте благосостояния трудящихся Англии. Статья публикуется в газете 6 октября.
Около 6— 10 октября	Маркс получает от Эльснера два письма, в которых тот просит его не посылать больше корреспонденции в «Neue Oder-Zeitung» ввиду предстоящего прекращения ее издания. По получении первого письма Маркс прекращает посылку корреспонденций.
Около 19 октября	Энгельс пишет для «New-York Daily Tribune» очередной военный обзор. Статья под заглавием «Ход военных действий» публикуется в «New-York Daily Tribune» 5 ноября в качестве передовой.
Первая половина ноября	Маркс и Энгельс встречаются со своим другом, немецким пролетарским поэтом, Г. Веертом, который вернулся из путешествия по европейскому континенту.
Начало ноября	В письме к Дана Маркс настаивает на изменении условий его сотрудничества в «New-York Daily Tribune». Дана в ответном письме выражает свое согласие с предложением Маркса посылать в газету по две статьи в неделю с оплатой в 10 долларов за каждую.
Около 2 ноября	Энгельс пишет статью «Русская армия», в которой показывает влияние экономической отсталости и реакционного политического строя царской России на состояние ее армии. Статья печатается в «New-York Daily Tribune» 16 ноября в качестве передовой.
8 ноября	Маркс сообщает Эльснеру о том, что он получил его письма с извещением о предстоящем прекращении издания «Neue Oder-Zeitung», в связи с чем он перестал посылать статьи в газету. В письме Маркс выражает одобрение деятельности «Neue Oder-Zeitung», продолжавшей еще выходить некоторое время, и отмечает, что газета печатает максимум возможного в условиях политической реакции Германии. Маркс сообщает также о преследовании английскими властями политических эмигрантов на острове Джерси.
17 ноября 1855 и 5 января 1856	Оппозиционная Пальмерстону газета уркартистов «Sheffield Free Press» («Шеффилдская свободная пресса») перепечатывает две статьи Маркса из серии «Лорд Пальмерстон», опубликованной в «People's Paper»; первая из них появляется отдельным изданием в выпуске № 4А выходившей в Шеффилде «Free Press Serials» («Библиотечка «Free Press»»).
Начало декабря	Маркс возвращается из Манчестера в Лондон.

12 декабря — Энгельс сообщает Марксу о продолжающейся стачке рабочих текстильных фабрик Манчестера.

12 декабря — Маркс несколько раз встречается с Эдгаром и Бруно *1855* — Бауэрами. В письмах к Энгельсу Маркс сообщает *январь 1856* о своих беседах с Бауэрами и дает критическую оценку их идеалистических взглядов, особенно резко осуждает высокомерно-пренебрежительное отношение Бруно Бауэра к рабочему движению.

Около 24 декабря 1855—начало января 1856 — Энгельс гостит у своих родственников в Лондоне, постоянно встречается с Марксом.

Около 28 декабря — Маркс пишет статью «Традиционная английская политика», в которой на исторических примерах раскрывает контрреволюционную сущность внешней политики вигов. Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 12 января 1856 г. в качестве передовой.

29 декабря 1855— 16 февраля 1856 — Вся серия статей Маркса «Лорд Пальмерстон», опубликованная в «People's Paper», перепечатывается в лондонском органе уркартистов «Free Press» («Свободная пресса»), а также издается отдельным изданием в виде выпуска № 5 «Free Press Serials» под заглавием «Жизнеописание лорда Пальмерстона».

1856

Январь — апрель — Энгельс работает над серией статей против панславизма для «New-York Daily Tribune»; он изучает литературу по истории и культуре славян; посланные Марксом в Нью-Йорк статьи Энгельса остаются неопубликованными.

Первая половина января — Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» статьи о Дунайских княжествах и о Швеции. Статьи остаются неопубликованными.

Около 11 января — В связи с взятием русскими войсками крепости Карс в ноябре 1855 г. Энгельс пишет для «New-York Daily Tribune» статью «Война в Азии», в которой анализирует причины поражения турецкой армии в Закавказье и отмечает крупный успех русских. Статья публикуется в газете 25 января в качестве передовой.

Около 18 января — Энгельс пишет статью «Европейская война», в которой, подводя некоторые итоги Крымской войны, отмечает, что ход событий не оправдал надежд на превращение ее в войну за демократическое преобразование Европы и освобождение угнетенных национальностей. Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 4 февраля в качестве передовой.

18 января — Маркс посылает Энгельсу статью Д. Уркарта «Чартистская корреспонденция», в которой тот выступает

с клеветой на чартистских лидеров. Маркс отмечает в письме, что Уркарт объективно действует в данном случае как «английский полицейский агент».

Февраль—апрель Маркс изучает в библиотеке Британского музея дипломатические документы, памфлеты конца XVII — первой половины XVIII века, а также исторические исследования об англо-русских отношениях. Он делает выписки из книг Дж. Уильямса, Хьюза, Махона, Шлоссера и многих других авторов, а также из дневника Петра I и записок русского посла в Англии Веселовского. Он сообщает Энгельсу о своем намерении опубликовать обнаруженные им материалы по истории дипломатии XVIII века.

7 февраля Энгельс в письме к Марксу дает подробную характеристику внутриполитического положения Франции, отмечая усиление антибонапартистских настроений среди пролетариата, студенчества и в армии.

8 февраля Маркс, используя материал из письма Энгельса от 7 февраля, пишет статью «Англо-американский конфликт. — Положение во Франции», в которой предсказывает неизбежность крушения бонапартистского режима во Франции, а также касается англо-американских противоречий. Статья печатается в «New-York Daily Tribune» 25 февраля.

Около 25— 28 февраля К Марксу в Лондон приезжает Г. Леви в качестве представителя от дюссельдорфских рабочих; он информирует Маркса о состоянии рабочего движения в Рейнской провинции, сообщает о росте революционного настроения среди фабричных рабочих Золингена, Изерлона, Эльберфельда и других мест, готовых поднять восстание. Маркс предостерегает Леви от рискованных шагов, разъясняя ему преждевременность восстания в Рейнской провинции при существующих условиях и указывая в то же время, что если «Париж даст сигнал, то нужно будет рисковать всем при любых обстоятельствах». Леви сообщает также Марксу ряд компрометирующих фактов из деятельности и личной жизни Лассаля, которые вызвали ненависть к нему рабочих Дюссельдорфа; Маркс советует наблюдать за Лассалем, но воздерживаться пока от публичных разоблачений его.

Конец февраля — первая половина марта Маркс изучает в Британском музее литературу по истории славянских народов. В письмах к Энгельсу он дает критическую оценку отдельных книг по славяноведению, в том числе работ Добровского, Хеффтера, Эйххоффа. Проявляя интерес к истории культуры славян, в частности к древнерусской культуре, Маркс читает во французском переводе «Слово о полку Иго-реве» и обещает Энгельсу достать для него издание этого произведения.

5—*7 марта* Маркс и Энгельс в своих письмах обмениваются мнениями относительно информации Леви о состоянии рабо-

чего движения в Рейнской провинции. Они обсуждают также полученные от Леви сведения о поведении Лассаля, приходя к выводу, что это поведение дает основание для еще большего недоверия к нему.

Конец марта— апрель Ознакомившись с только что опубликованными в Синей книге дипломатическими документами по поводу сдачи Карса, Маркс пишет работу «Падение Карса», с целью разоблачения вероломных действий английской и французской дипломатии по отношению к «союзной» Турции. Работа, первоначально предназначавшаяся Марксом для «New-York Daily Tribune» и опубликованная в ней 8 апреля, в значительно расширенном виде посылается Марксом в чартистский орган «People's Paper», где она публикуется в виде четырех статей 5, 12, 19 и 26 апреля за подписью Маркса. Отдельные статьи из «People's Paper» Маркс использовал в своих корреспонденциях в «Free Press» и в «Sheffield Free Press», опубликованных 3 мая.

Не позднее 29 марта Маркс знакомит редактора «People's Paper» Э. Джонса с рукописью своей статьи «Падение Карса», предназначенной для «New-York Daily Tribune». Джонс намеревается использовать материалы статьи в публичной лекции для рабочей аудитории в Сент-Мартинс холле и помещает 29 марта в «People's Paper» объявление о предстоящей публикации в этой газете серии статей Маркса о Карсе.

Около 1 апреля Маркс пишет статью «Франция Бонапарта Малого», в которой обличает режим Второй империи. Статья печатается в «People's Paper» 5 апреля и в «New-York Daily Tribune» 14 апреля в качестве передовой.

Первая половина апреля Маркс несколько раз встречается с К. Шаппером, который признает ошибочность своей сектантско-авантюристической позиции во время раскола в Союзе коммунистов и раскаивается в том, что он участвовал вместе с Виллихом во фракционной борьбе против Маркса и Энгельса и их сторонников.

Не позднее 10 апреля Маркс получает письмо из Дюссельдорфа от Леви, в котором тот сообщает о своей встрече с бывшим членом Союза коммунистов Микелем, а также о своих разногласиях с ним по вопросу об отношении пролетариата к буржуазии в предстоящей революции; Леви, не разделявший соглашательской позиции Микеля, просит Маркса сообщить свое мнение по данному вопросу.

15 апреля Маркс пишет статью об экономическом и внутриполитическом положении Пруссии, используя в ней фактические данные из письма к нему Энгельса от 14 апреля. Статья Маркса «Пруссия» публикуется в «New-York Daily Tribune» 5 мая в качестве передовой.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Б

В

Д

Й

К

М

Н

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ч

Ш

Э

Ю

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

А

Б

* В скобках указываются названия на современных картах. В тех случаях, когда из текста не ясно местонахождение того или другого пункта, к нему дается краткая аннотация. *Ред.*

В

Г

Л

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Э

Ю

Я

СОДЕРЖАНИЕ*

* Заглавия статей, данные Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, отмечены звездочкой. *Ред.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Том подготовлен к печати *А. К. Воробьевой*
Помощники подготовителя
В. В. Галкин и *Р. Г. Лебедева*
В оформлений текста тома
принимала участие *А. Т. Егорова*
Редактор *И. А. Арманд*
*

Сдано в набор 23/VI 1958 г. Подписано
к печати 20/XII 1958 г. Формат 60X92 $^{1}/_{16}$.
Физ. печ. л. 51 + 4 вклейки $^{1}/_{2}$ п. л.
Условн. печ. л. 51,5. Уч.-изд. л. 44,1
Тираж 170 000 экз. Заказ № 1950.
Цена 10 руб.
*

Государственное издательство
политической литературы.
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.
*

Ленинградский Совет народного
хозяйства. Управление
полиграфической промышленности,

Типография № 1 «Печатный Двор»
имени А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.